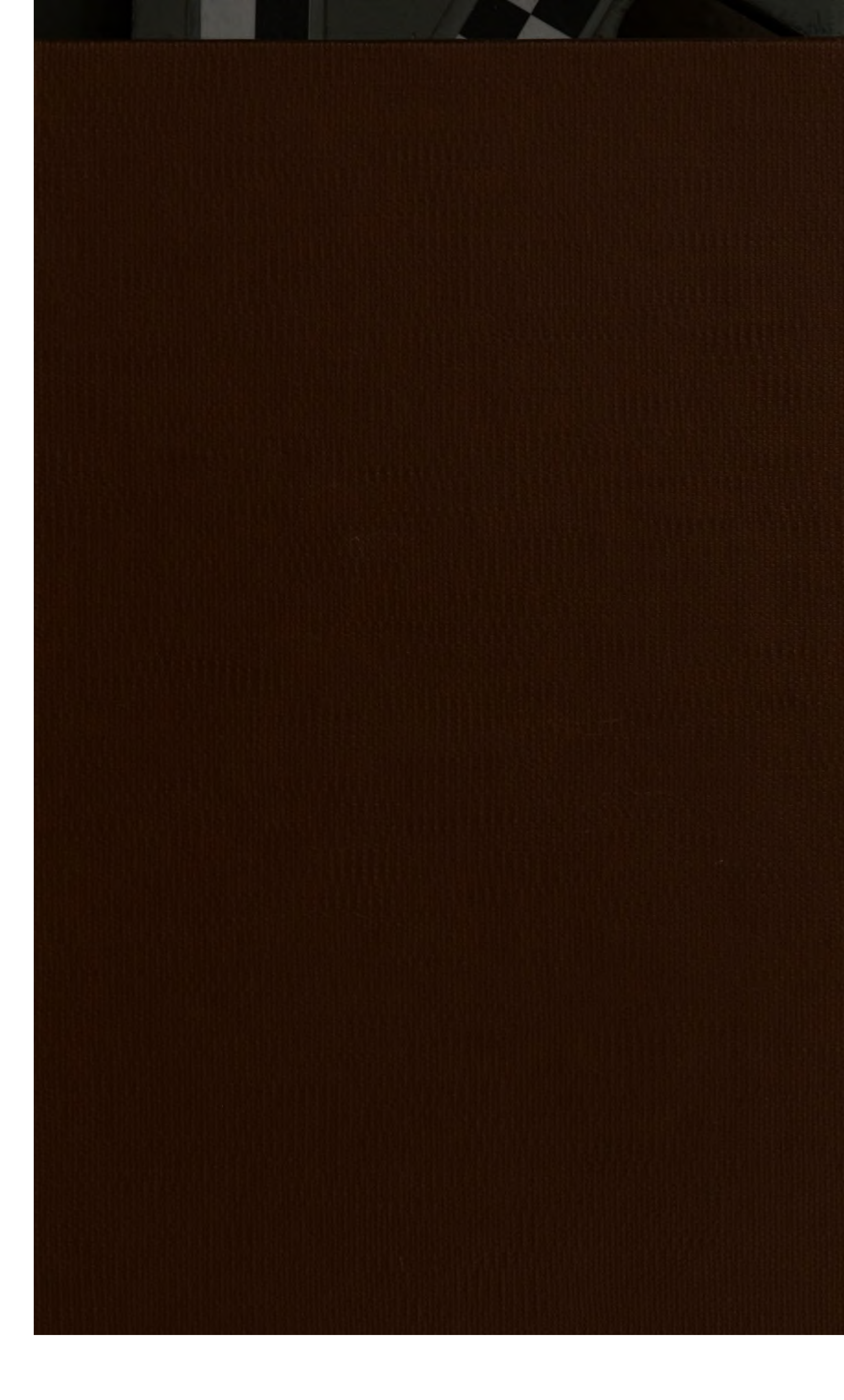


Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

АПРѢЛЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. 2-ую стр. обложки*).

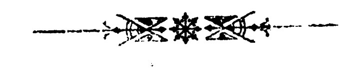
АПРѢЛЬ. 1908.

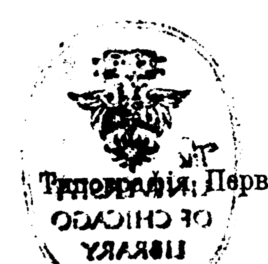
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 4.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

Открыта подписка на 1908 годъ

(XVI-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9 р.**; на 6 мѣс.—**4 р. 50 к.**; на 4 мѣс.—**3 р.**; на 1 мѣс.—**75 к.**

Безъ доставки: на годъ—**8 р.**; на 6 мѣс.—**4 р.**

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к.

За границу: на годъ—12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ **могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп.,** ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. **отъ нихъ** НЕ ПРИНИМАЕТСЯ **до полученія недостающихъ денегъ, как бы ни была мала удержанная сумма.**

---

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство", Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма. — Ирландскій „ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двѣнадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одинадцатое* изд. 1906 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. 504 стр. Ц. 2 руб. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. — Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное дополненное изданіе. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

СТѢНЫ.

(Очерки военной жизни).

I.

— Подпоручикъ Башневъ! — доложилъ ъполковой аадъютантъ командиру полка, скрипѣвшему перомъ за огромнымъ письменнымъ столомъ, занимавшимъ половину комнаты.

Командиръ, не отрываясь отъ работы, пробурчалъ короткое:

— Просите.

— Честь имѣю представиться по случаю прибытія во ввѣренный вамъ полкъ,—отрапортовалъ молоденькій безусый подпоручикъ, Коля Башневъ, краснѣя отъ волненія и гордясь тѣмъ, что съ этого момента онъ уже настоящій, заправскій полковой офицеръ.

Радость распирала его грудь, а на лицо выползала сама собой блаженная улыбка.

Командиръ, повидимому, не раздѣлялъ этой радости. Тусклыми, пустыми глазами онъ смотрѣлъ куда-то въ пространство, сквозь рапортовавшаго ему офицера.

Командиръ былъ высокъ ростомъ, тощъ, съ выпуклой грудью и непріятно-сухимъ, отталкивающимъ выраженіемъ глазъ.

— Имѣйте въ виду,—сказалъ онъ деревяннымъ басомъ,— что я требую службу и ничего болѣе.

Командиръ помолчалъ, какъ будто ожидая возраженія, потомъ наклонился и, не подавая руки, прибавилъ:

— Вы назначены въ одиннадцатую роту. Я васъ не задерживаю.

Отъ такого пріема радость сразу потухла въ груди молодого офицера, и тамъ сдѣлалось вдругъ тѣсно отъ сознанія своего одиночества и заброшенности.

Придя къ себѣ въ грязный номеръ гостинницы, онъ снялъ блиставшую новизной парадную форму, надѣлъ бѣло-

снѣжный китель и, не зная—куда дѣваться отъ тоски, пошелъ осматривать городъ.

Городъ былъ невеликъ, хотя насчитывалъ отъ своего основанія девятьсотъ лѣтъ. Несмотря на такую сѣдую древность, онъ являлъ изъ себя мерзость запустѣнія; повсюду кругомъ высились живые свидѣтели его былой славы, — полуразрушенные памятники и забытые костелы, которые, какъ умудренные опытомъ старцы, угрюмо, спокойно взирали на все съ высоты своихъ башенъ и, казалось, ясно говорили о тщетѣ земного величія:

— Суета суетъ и всяческая суета!

Старый замокъ Гедимина, свидѣтель раздоровъ и распрей многихъ поколѣній, съ обвалившимися зубцами на стѣнахъ и когда-то грозными башнями,стоялъ теперь полуразрушенный и оставленный своими обитателями. Стаи птицъ гнѣздились въ его глубокихъ бойницахъ и съ шумомъ разлетались, когда какой-нибудь любознательный путешественникъ взбирался на обвалившуюся стѣну и проникалъ въ угловую башню, гдѣ было сыро, холодно и мрачно.

Отсюда, съ высоты, открывался взору видъ на городъ съ искривленными улицами, окруженный со всѣхъ сторонъ зеленѣющими болотами и рѣкой, уходившей на западъ, а тамъ, далеко на горизонтѣ, чуть виднѣлся синѣющій дымъ убѣгавшаго поѣзда, напоминавшій невольно о томъ, что гдѣ-то далеко отъ этого соннаго безмолвія есть другая жизнь, яркая, сверкающая, полная блеска и шума, совсѣмъ непохожая на ту, которая ютилась здѣсь, у подножья стараго замка.

Здѣсь, среди грязныхъ и вонючихъ проулковъ, кое-гдѣ замощенныхъ досками, которыя опускались и поднимались при каждомъ шагѣ, какъ клавиши рояля, среди скученныхъ домовъ самой невозможной архитектуры, гдѣ иногда средній этажъ не стоялъ на одномъ уровнѣ съ верхнимъ и нижнимъ, а безобразно выпячивался впередъ, среди грязи, нищеты и сутолоки цѣлый день, какъ неутомимые муравьи, суетились евреи: старики съ длинными апостольскими бородами, съ вѣчно озабоченными морщинистыми лицами, постоянно бесѣдующіе другъ съ другомъ, поднявъ локти и растопыривъ пальцы, старыя, отвратительно-грязныя еврейки, молодыя дѣвушки съ огненно-яркими взорами и дѣти всѣхъ возрастовъ у пороговъ дверей, съ живыми безпокойными глазами.

Коля въ полчаса обошелъ весь городъ, который своей грязью и бѣдностью произвелъ на него удручающее впечатлѣніе, потомъ зашелъ въ костелъ, гдѣ шла служба и величественно стоналъ органъ, гулко разнося подъ сводами низкіе звуки.

Молящихся не было, за исключеніемъ нѣсколь я въ кри-щихъ, выставлявшихъ напоказъ свои отвратительны ое живое

Постоявъ минутъ пять у колонны, Коля вышелъ брался тропинкой по обрыву рѣки къ замку и по ег плакали, съ величайшими усиліями вскарабкался, цѣпляясь шнымъ; ступы камней, въ башню, откуда открывался да чувства красивый видъ.

Этотъ первый день своей службы онъ почему-то запомнилъ необычайно ярко до самыхъ мельчайшихъ подробностей и, хотя не случилось ничего замѣчательнаго, могъ бы разсказать всѣ ничтожныя событія его черезъ двадцать лѣтъ.

Видъ, открывавшійся изъ окна башни стараго замка, врѣзался ему въ память особенно неизгладимо. Въ первый разъ ему только здѣсь какъ-то наглядно пришло въ голову, какъ огроменъ міръ, какъ, можетъ быть, интересна та недоступная для него жизнь, которая скрывалась далеко-далеко за синей далью горизонта, гдѣ-нибудь тамъ, среди пѣнящихся бурями морей, среди горныхъ громадъ, въ дебряхъ тропическихъ лѣсовъ, или въ вѣчной суетѣ необозримо-огромныхъ столицъ Европы, гдѣ есть все, что когда-либо изобрѣлъ человѣческій умъ, гдѣ кипитъ жизнь, полная страстнаго напряженія, котораго просило молодое, крѣпкое тѣло...

II.

Черезъ недѣлю Коля Башневъ познакомился со всѣми товарищами по службѣ и началъ входить въ колею новой жизни.

Военное дѣло ему нравилось, и онъ считалъ его самымъ почетнымъ; всѣ другія занятія казались ему, сравнительно, низкими, незначительными.

— Самъ Государь носитъ мундиръ,—часто говорилъ онъ съ чужихъ словъ еще мальчикомъ, приходя въ отпускъ изъ корпуса, — потому что военная служба выше всѣхъ другихъ.

Слово „мундиръ“ вызывало въ немъ чувство гордости, и теперь, надѣвъ мундиръ офицера, онъ захлебывался отъ полноты счастія и такъ смотрѣлъ на прохожихъ, какъ кавалеристъ смотритъ на пѣхотинца, т. е. съ легкой улыбкой презрѣнія:

— Эй, пѣхота, не пыли!

Продолжительное военное воспитаніе привило ему эти взгляды, хотя въ душѣ онъ былъ мягокъ и добросердеченъ, какъ дѣвочка; онъ былъ даже немного поэтъ, любилъ при-

...стихи, которые въ дружеской компаніи постоянно ...ровалъ,—впрочемъ, такъ неудачно, что всѣ смѣялись.

...ая квартира, гдѣ поселился Коля вмѣстѣ съ нѣсколь...ругими офицерами, носила названіе „конспиративной“. ...цы здѣсь часто мѣнялись. Число ихъ нерѣдко доходило до десятка, иногда падая до трехъ. Сюда переселялись обыкновенно проигравшіеся въ пухъ офицеры, которымъ нечѣмъ было заплатить за наемъ квартиры и даже нечего было ѣсть. Долго они не засиживались, исчезая при первой денежной получкѣ, впредь до новаго проигрыша.

Поэтому конспиративная квартира напоминала грязную гостинницу. Вездѣ валялись окурки, бутылки и принадлежности офицерскаго туалета: мундиры, сапоги, рейтузы, подтяжки, нижнее бѣлье... На столѣ стоялъ вѣчный самоваръ, немытые стаканы, валялась рваная газетная бумага и пустыя коробки отъ печеній. Было шумно, неудобно, но Колѣ, послѣ строгостей тепличной училищной жизни, здѣсь нравилась свобода, сутолока и непринужденность.

Постоянными аборигенами конспиративной квартиры были трое: командиръ шестнадцатой роты капитанъ Яшъ, поручикъ Олшинъ—здоровый тридцатилѣтній мужчина, малый рубаха, какъ говорили про него, любившій выпить и блеснуть краснорѣчіемъ, и третій — поручикъ Тарбѣевъ,—человѣкъ мягкій, корректный, обладавшій элегантной фигурой и довольно красивой наружностью. Четвертымъ членомъ этой корпораціи сдѣлался Коля.

Ближе всѣхъ и какъ-то сразу на „ты“ сошелся онъ съ Олшинымъ, который любилъ часто и много говорить, принимая при этомъ позу оратора и патетическій тонъ. Онъ считалъ себя выше толпы, часто повторялъ, что онъ космополитъ, „гражданинъ міра“, человѣкъ безъ предразсудковъ. Рѣчи свои онъ пересыпалъ непонятными словами и цитатами изъ Шопенгауэра, Ренана и Дарвина, вычитанными изъ энциклопедическаго словаря и газетъ. На самомъ дѣлѣ, это былъ обыкновенный армейскій выпивака, душа общества и весельчакъ, привыкшій однимъ своимъ появленіемъ приводить всѣхъ въ хорошее расположеніе духа, хотя остроты его не шли дальше выворачиванья наизнанку романсовъ и подражанія еврейскому жаргону.

Капитанъ Яшъ былъ старый холостякъ и незамѣнимый собутыльникъ. Пить онъ могъ когда угодно,—днемъ, ночью, натощакъ... и никогда не пьянѣлъ. На видъ это былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія, держался прямо, говорилъ громко и отрывисто, внушительнымъ басомъ. Исполнительный служака, военная косточка, онъ имѣлъ всѣ качества для того, чтобы преуспѣвать по службѣ: не отличался особыми

умственными способностями, никогда не пускался въ критику и, кромѣ уставовъ, забылъ все на свѣтѣ. Всякое живое слово было для него совершенно непонятно.

То, отъ чего другіе радовались, волновались, плакали, его оставляло совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ; на его деревянномъ лицѣ не отражалось никакого чувства, и самое лицо это напоминало красный, хорошо закаленный кирпичъ, на которомъ углемъ были нарисованы брови, глаза и усы. При разговорахъ съ начальствомъ у него не было другихъ словъ, кромѣ смиренно-мудраго: „слушаю-съ“, „никакъ нѣтъ“ и „покорнѣйше благодарю“. Зато онъ считался самымъ исполнительнымъ офицеромъ и былъ, вообще, на хорошемъ счету. Случалось, въ приказахъ попадался иногда выговоръ и капитану Яшу, но выговоръ этотъ писался всегда самымъ деликатнымъ языкомъ, и въ концѣ всегда приписывалось: „въ виду прежней отличной службы означеннаго капитана“...

Если, случалось, неопытный молодой товарищъ шелъ къ нему съ какимъ-нибудь сомнѣніемъ, за душу хватающимъ вопросомъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Е-рун-да-съ! Въ уставѣ ясно сказано. Смирно—и конецъ! Громоотводъ—и конецъ!

„Громоотводомъ“ называлось прикладываніе руки къ козырьку во время разносовъ начальства.

Двадцать лѣтъ прослужилъ Яшъ въ одномъ полку и даже въ одной ротѣ. Сѣдина уже начала пробиваться у него на вискахъ, лицо покрылось предательскими морщинами, а онъ ходилъ такъ же прямо, говорилъ такъ же громко и отрывисто, такъ же неуклонно держалъ громоотводъ, и въ приказахъ все такъ же писалось:

„Въ виду прежней отличной службы означеннаго капитана“.

Олшинъ и Яшъ взяли Башнева немедленно подъ свое покровительство и занялись тѣмъ, чтобы превратить скорѣе „наивную институтку“ въ настоящаго боевого офицера-рубаку, но воспитаніе прививалось плохо. Къ водкѣ Коля чувствовалъ органическое отвращеніе, въ карты не игралъ за неимѣніемъ денегъ, женщинъ, которыя частенько посѣщали конспиративную квартиру, боялся и во всѣхъ отношеніяхъ былъ „шпакъ“.

Слово „шпакъ“ считалось оскорбительнымъ въ военной средѣ, но къ Колѣ оно примѣнялось въ шутку.

— Ты, братъ, никчемный человѣкъ, фертикультяпный мальчикъ,—говорилъ Олшинъ, дружески хлопая Колю по плечу.

— Уставовъ не знаетъ,—добавлялъ Яшъ,—и въ женщи-

нахъ толку не понимаетъ. Этакіе груздочки... цимпомпончики... а онъ хоть бы что. Паръ какой-то, а не человѣкъ. Ну, да дастъ Богъ, оправится.

III.

Несмотря на все молодое рвеніе новаго подпоручика, служебное дѣло у него тоже не клеилось.

Должность младшаго офицера въ ротѣ была, собственно говоря, совершенно лишней. Вся отвѣтственность лежала на ротномъ командирѣ, ближайшимъ помощникомъ котораго былъ фельдфебель, а младшій офицеръ только мѣшалъ, слоняясь безъ дѣла и уныло посматривая на часы—скоро ли кончатся занятія.

Большею частью ротные боялись что-либо поручать молодымъ офицерамъ въ виду ихъ неопытности и, вообще, смотрѣли на нихъ, какъ на неизбѣжное зло. Ихъ вѣдѣнію подлежала только ротная школа, которая, по мнѣнію начальства, не требовала особыхъ знаній и сноровки.

Башневу также пришлось сразу же попасть въ школу въ качествѣ преподавателя науки чтенія, письма и ариѳметики.

Съ замираніемъ сердца вошелъ онъ въ первый разъ въ свою невзыскательную аудиторію, боясь, какъ бы не попасть въ просакъ. Передъ нимъ сидѣли четыре ряда людей, не похожихъ одинъ на другого, изъ разныхъ губерній, съ разною степенью развитія и даже говорящіе на разныхъ языкахъ. Тутъ были нѣмцы, поляки, грузины, армяне, евреи, татары, великороссы и хохлы.

Коля совершенно потерялся отъ такого смѣшенія племенъ, нарѣчій, состояній и не зналъ, съ чего начать и какъ приступить къ дѣлу. Взявъ журналъ, онъ началъ дѣлать перекличку, чтобы скрыть отъ своихъ учениковъ овладѣвшее имъ состояніе неловкости и неумѣнья. Въ военномъ училищѣ проходили массу наукъ, вродѣ: химіи, механики, фортификаціи, стратегіи, топографіи и т. п., но здѣсь въ полку все это оказывалось лишнимъ, ненужнымъ балластомъ, а то, что требовалось — умѣнье подойти къ солдату, опытность учителя,—все это приходилось изобрѣтать самому, отыскивать ощупью, наугадъ.

Съ дѣтства готовясь воспитывать солдата, за десять лѣтъ ученья Коля видѣлъ его лишь издалека и случайно, въ об разѣ кадетскаго дядьки или горниста, игравшаго сборъ на уроки. И теперь эти живые сѣряки, сидѣвшіе въ одинаковыхъ позахъ за партами, заставляли его съеживаться и робѣть.

Окончивъ перекличку, онъ раздѣлилъ всѣхъ на три

группы. Въ первой оказалось четверо, умѣвшихъ кое-какъ читать и писать; во второй—человѣкъ десять, разбиравшихъ склады, остальные не знали ничего. Многіе при этомъ не понимали, что такое время, зачѣмъ часы, недѣли, мѣсяцы, не знали значенія самыхъ обычныхъ простыхъ вещей и поражали своими нелѣпыми отвѣтами. Коля былъ прямо ошеломленъ неожиданнымъ для него открытіемъ, что этотъ сынъ Россіи прозябалъ въ глуши, какъ скотъ, велъ растительную жизнь и ничѣмъ на свѣтѣ не интересовался.

— Тимофей Гришинъ,—назвалъ онъ фамилію изъ группы грамотныхъ.

— Я, ваше благородіе...

Съ задней скамейки поднялся солдатъ со скуластымъ рябымъ лицомъ того типа, который называется „кувшиннымъ рыломъ". Глаза у него были маленькіе, свиные, съ нѣкоторой, однако, дозой лукавства.

— Что ты знаешь?—спросилъ Коля.

— Четыре правила рихметики, правила читанія и писанія.

— Читай вотъ отсюда.

— При-вя-за-лась къ ста-ри-ку Е-мель-я-ну хво-ростъ.

— Не хворостъ, а хворость,—поправилъ Коля.

— Хво-ростъ,—повторилъ Гришинъ.

— Хворость. Ты знаешь, что такое хворость?

— Такъ точно. Эфто такія дрова, что печку подпаливаютъ.

— Нѣтъ, то другое. Хворость—это болѣзнь, понимаешь?

— Такъ точно.

— Слѣдующій. Какъ фамилія?

— Трикоза, вашъ бродь.

— Читай вотъ это.

Трикоза взялъ книгу и залпомъ отбарабанилъ:

— Птичкабожіянезнаетъниработынитрудахлопотливо не свиваетдолговѣчнагогнѣздавъдолгуночьнавѣткѣ...

— Стой, стой! Куда ты летишь?—остановилъ Коля Трикозу, который думалъ блеснуть передъ офицеромъ своимъ искусствомъ.

Трикоза положилъ книгу и съ гордостью заявилъ:

— Я, вашъ бродь, дюжо хорошо умѣю.

— Да развѣ въ томъ умѣнье, чтобы барабанить. Нужно такъ читать, чтобы всѣмъ было понятно. Разскажи, что ты прочелъ?

— Птичка божія не знаетъ ни заботы, ни труда...

— Нѣтъ, ты разскажи своими словами.

Трикоза поднялъ брови до самыхъ волосъ, посмотрѣлъ на потолокъ, точно ища отвѣта.

— Позапамятовалъ, вашъ бродь...

Провѣривъ первыя двѣ группы, изъ которыхъ только одинъ еврей Шапиро умѣлъ толково читать, Коля задалъ имъ чтеніе про себя и перешелъ къ группѣ неграмотныхъ. Взявъ кучу разборныхъ буквъ, онъ началъ объяснять, вполнѣ вразумительно, какъ ему казалось,—что слова состоятъ изъ слоговъ, а слога изъ буквъ, но изъ вопросовъ, которые онъ задавалъ солдатамъ послѣ своего объясненія, убѣждался, что никто ничего не понялъ. Для ясности онъ повторялъ одно и то же пятнадцать, двадцать разъ, и ученики все попрежнему тупо глядѣли на учителя, вытаращивъ глаза.

— Экіе идіоты!—сердился про себя Коля, приписывая непониманіе неразвитости солдатъ и не желая сознаться въ томъ, что онъ не умѣетъ и не въ состояніи учить ихъ безъ подготовки.

Въ самый разгаръ урока неожиданно явился въ классъ фельдфебель и доложилъ, что требуютъ глазныхъ.

— Глазные могутъ идти,—сердито сказалъ Коля и продолжалъ:

— Вотъ, напримѣръ, возьмемъ слово „вата". Это слово состоитъ изъ двухъ слоговъ,—„ва" и „та", а каждый слогъ состоитъ изъ двухъ буквъ, которыя я вамъ сейчасъ показывалъ. Эти буквы: в, а, т. Голополосовъ, повтори.

Голополосовъ, съ котораго уже давно лилъ ручьями потъ, всталъ, тупо уставился на доску, стараясь припомнить въ точности слова его благородія, и началъ:

— Возьмемъ, вашь бродь, слово, которое... стоитъ съ двохъ буковъ...

— Экій дуракъ!—разсердился, наконецъ, Коля.—Я уже не знаю, какъ объяснить, чтобы...

— Ваше благородіе,—сказалъ откуда-то вынырнувшій вѣстовой,—командёръ батильона, такъ что, приказали тѣмъ, которы саперы, надѣть мундеры и итить у первую роту.

Пять человѣкъ саперъ вышли.

— Такъ вотъ слово „вата",—началъ опять Коля, отдуваясь отъ усталости.

— Требуютъ санитаровъ,—доложилъ дежурный по ротѣ.

— Санитары могутъ идти. Голополосовъ, ты понялъ, что такое слогъ?

— Такъ точно, вашь бродь. Это, которые складываются...

— Ну вотъ, вотъ. Слово складывается изъ слоговъ...

— Встать, смирррна!—раздалось въ корридорѣ, и въ ротную школу вошелъ батальонный командиръ подполковникъ Рындинъ.

Рындинъ былъ въ полку самымъ вліятельнымъ лицомъ. Онъ считался помощникомъ командира полка, и отъ него зависѣло все. Человѣкъ, отъ природы лишенный всякихъ

нравственныхъ принциповъ, онъ могъ подвести и обмануть самымъ жестокимъ образомъ даже тѣхъ, къ кому, казалось, благоволилъ. Онъ не стѣснялся, въ случаѣ надобности, извращать факты до неузнаваемости, заводилъ себѣ шпіоновъ, гдѣ могъ, умѣлъ по одному движенію глазъ, по жесту руки угадывать, чего требуетъ начальство.

Онъ былъ ненавидимъ всѣми подчиненными, но любовь начальства давала ему награды, а ненависть остальныхъ была для него звукъ пустой. Когда было нужно, Рындинъ умѣлъ, по офицерскому выраженію, „нырнуть", т. е. польстить, унизиться, а когда нужно,—разыграть благородство.

Въ сущности, онъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ чорта, но считалъ полезнымъ высказывать вслухъ религіозныя сентенціи среди офицеровъ и, особенно, среди солдатъ.

— Молитесь, братцы,—повторялъ онъ солдатамъ со слезой въ голосѣ,—за царемъ служба, а за Богомъ молитва не пропадаетъ.

Но солдаты хорошо раскусили Рындина и называли его „она" и „ласая Рында".

— Глянь, братцы, она поперла въ девятую,—раздавались голоса, когда сгорбленная фигура Рындина ковыляла въ девятую роту,—гляди, и къ намъ прилетитъ.

— Здорово, братцы!—возвысивъ голосъ до тонкаго фальцета, пропищалъ Рындинъ.—Чѣмъ занимаетесь, подпоручикъ?

— Грамотностью, господинъ полковникъ. Объясняю буквы и сложеніе словъ.

Подполковникъ поморщился. Онъ имѣлъ свойство оставаться всѣмъ недовольнымъ.

— Знаете что,—сказалъ онъ подумавъ,—оставьте это. Солдата нужно прежде всего развивать. Читать, повѣрьте мнѣ, онъ самъ выучится. Это рутинный способъ учить его такъ, какъ вы учите: а, б, в, г, д... Его нужно развить, расширить, такъ сказать, его умственный горизонтъ... Какъ фамилія... вотъ этого, что сидитъ на второй скамейкѣ?

— Голополосовъ, вашъ скобродь.

— Такъ вотъ, Голополосовъ,—началъ Рындинъ тихимъ вкрадчивымъ голосомъ.—Ты, навѣрно, не знаешь, отчего это у насъ бываетъ день и ночь. Почему, понимаешь, сперва день, а потомъ ночь?

— День, вашъ скобродь, тò когда зорю бьютъ.

— Стой, стой, братецъ. Ты меня совсѣмъ не понимаешь. Я хочу тебя спросить, отчего не бываетъ, напримѣръ, подрядъ трое сутокъ день и потомъ трое сутокъ ночь?

— Не могемъ знать.

— Такъ я тебѣ объясню,—все также ласково сказалъ

Рындинъ.—Наша земля есть шаръ. Она вертится вокругъ своей оси. Въ то время, когда одна сторона ея обращается къ солнцу, вокругъ котораго она въ то же время вращается, другая находится во тьмѣ. Значитъ, съ одной стороны... понимаешь, такимъ образомъ, день, а съ другой ночь. Понялъ?

— Не могемъ знать, ваше...

— Экій дуракъ,—разсердился Рындинъ.—Стань лицомъ къ окну. Вотъ ты будешь земля. Окно—солнце. Что теперь на дворѣ?

— День, ваше высок... бродь,—отрапортовалъ Голополосовъ.

— Такъ. Вѣрно!—обрадовался Рындинъ.—Вотъ подпоручикъ, съ ними нужно приложить только нѣкоторыя усилія, и сразу все пойдетъ на ладъ. Они очень смышленый народъ. Повернись теперь, Голополосовъ, кругомъ. Понимаешь, ты—земля, и ты теперь обернулся на полный оборотъ къ солнцу. Что, значитъ, теперь на дворѣ?

— День, ваш... скобродь.

Рындинъ измѣнился въ лицѣ.

— Болванъ!—закричалъ онъ, теряя всякое самообладаніе.—Я тебя на недѣлю на хлѣбъ и воду посажу. Теперь на дворѣ ночь, ночь, ночь! Экіе болваны! Неужели вы даже этого не понимаете! Продолжайте, подпоручикъ, заниматься. Ужасно неразвитые люди. Впрочемъ... ихъ, кажется, только семь человѣкъ. Гдѣ же остальные?

— Потребовали санитаровъ, глазныхъ и саперъ,—доложилъ Башневъ.

— Это безобразіе. Я вамъ приказываю впредь никого не отпускать съ занятій изъ ротной школы, хотя бы ихъ требовалъ самъ Господь Богъ. Если люди каждый разъ будутъ отлучаться,—какія же это занятія. Пожалуйста, попрошу васъ, подпоручикъ...

— Ваше высок... бродь,—доложилъ вѣстовой,—командёръ полка, такъ что... приказали нарядить по десять человѣкъ отъ роты на работу.

— По десять человѣкъ?—повторилъ Рындинъ. Онъ подумалъ, пожалъ плечами и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, одѣваться всѣмъ на работу.

Коля съ чувствомъ облегченія пошелъ домой.

— Брось ты эту чепуху!—посовѣтовалъ ему Олшинъ, зѣвая, выслушавъ его жалобы.—Возьми вольноопредѣляющагося, пусть зубритъ съ этими идолами, а ты себѣ газету читай. Все равно, хоть ты расшибись, изъ твоихъ занятій ничего не выйдетъ.

IV.

Утреннія занятія въ ротахъ кончались въ двѣнадцать часовъ, и едва офицеры успѣвали уходить изъ помѣщенія,— картина казармы мгновенно мѣнялась.

Чинный показной укладъ жизни сразу стирался, какъ стирается съ доски неправильный чертежъ лѣниваго, неспособнаго ученика, а на мѣсто его выступалъ тотъ дневной порядокъ, который установилъ фельдфебель, настоящій хозяинъ роты со своими подручными—унтеръ-офицерами.

Растлѣвающее вліяніе раздѣленія людей на начальниковъ и подчиненныхъ сказывалось здѣсь, гдѣ ничто не было сглажено позолотой и блестками мишуры, съ особой силой, и жизнь являлась во всей своей наготѣ и ничѣмъ не прикрытомъ безобразіи.

Какъ вездѣ на землѣ, и здѣсь были гонимые и гонители, палачи и жертвы, господа и рабы, и тѣмъ хуже было послѣднимъ, потому что сумракъ жизни, который сгустился кругомъ, не имѣлъ исхода и стоялъ безцѣльный, безглазый, слѣпой. Изъ толпы людей самыхъ различныхъ свойствъ и способностей нужно было сдѣлать только одушевленное героизмомъ стадо, безъ мыслей, безъ желаній, безъ инстинктовъ, безъ прошлаго, покорное велѣнію одного.

И для этой цѣли годились всѣ средства.

Въ одиннадцатой ротѣ, такъ же, какъ и въ другихъ ротахъ, примѣнялись въ широкомъ размѣрѣ такъ называемые наглядные способы обученія—пинки, зуботычины, затрещины и другія мѣры, которыя примѣняются обыкновенно для дрессировки и укрощенія звѣрей.

— Тимофея Гришина требуютъ питхебиль, — раздался чей-то голосъ въ ротномъ помѣщеніи, едва только по окончаніи утреннихъ занятій изъ роты успѣли выйти офицеры.

— Тимохвей Гри...шинъ! Гри...шинъ!—закричали солдаты, и передъ фельдфебелемъ одиннадцатой роты, Романомъ Антоновичемъ, предсталъ Гришинъ, который при одной мысли, что его требуетъ начальство, весь похолодѣлъ.

Фельдфебель стоялъ въ ротной канцеляріи въ однихъ штанахъ, живописно растегнутыхъ, и курилъ, заложивъ руки въ карманы.

Видъ у него былъ необычайно импозантный, внушавшій всѣмъ, безъ исключенія, солдатамъ роты почтеніе и трепетъ.

Это былъ коренастый человѣкъ, необычайно браваго, чисто фельдфебельскаго типа, служившій въ полку третій

десятокъ лѣтъ и изучившій до тонкости всѣ особыя сноровки, столь необходимыя для втиранія очковъ высшему начальству.

Когда онъ стоялъ гдѣ-нибудь на смотру на флангѣ роты, грузный, важный, величественный, похожій на изваянный изъ бронзы монументъ, съ медалями и крестами, закрывавшими всю грудь, то даже самые строптивые начальники проникались къ нему уваженіемъ, и у нихъ не поворачивался языкъ говорить ему „ты“, какъ полагалось по уставу, и, скрѣпя сердце, даже противъ своей воли, они обращались къ нему на „вы“.

У своего ротнаго командира, капитана Радугина, онъ былъ правой рукой и пользовался его полнымъ, неограниченнымъ довѣріемъ.

Романъ Антоновичъ былъ предметомъ зависти всѣхъ ротныхъ командировъ, и не разъ многіе пытались переманить его къ себѣ, но всѣ попытки оказывались тщетными.

— Обязанности часового? — кратко спросилъ онъ, упираясь тяжелымъ взглядомъ въ глаза Гришина, который почувствовалъ себя, точно кроликъ подъ взглядомъ удава.

Гришинъ вытянулъ руки по швамъ до полнаго напряженія всѣхъ мускуловъ, шея его удлиннилась на вершокъ, и видно было, какъ на ней бились жилы. Онъ мигалъ глазами, шевелилъ губами, растопыривалъ пальцы, судорожно вздыхалъ, но не могъ вымолвить ни одного слова.

Хотя онъ зналъ обязанности часового, но при видѣ начальства у него отшибало всякій разъ память, и онъ ничего не могъ припомнить.

Фельдфебель выждалъ минуту и нахмурился.

Отъ этого языкъ какъ-то самъ собой повернулся во рту Гришина.

— Часовой... есть... часовой... есть... воинская хорюгь... которую защитникъ отъ враговъ... до самой смерти...

— Не знаешь, опять не знаешь, сукинъ сынъ, свинячья морда! Чтобы до сего времени обязанности часового не изучить, какъ слѣдоваетъ!

Фельдфебель сжалъ кулакп и пѣтухомъ наступилъ на Гришина. Бить нельзя. Строжайше запрещено многими приказами, и Романъ Антоновичъ твердо помнилъ ихъ всѣ, но въ концѣ концовъ какъ-то такъ выходило, что кулакъ скользилъ самъ собой къ носу виноватаго. Бацъ!.. раздался громкій звукъ оплеухи, и физіономія Гришина отклонилась нѣсколько вправо. Бацъ! бацъ! — и физіономія отклонилась влѣво.

— Первый разъ—замичиніе, второй разъ замичиніе, третій разъ—въ морду!—заключилъ Романъ Антоновичъ, выти-

рая руки носовымъ платкомъ.—У меня чтобы безъ баловства!

Изъ носу Гришина текла кровь; она замазала губы и подбородокъ и двумя тонкими струйками капала на мундиръ и на полъ. Но Гришинъ держалъ руки по швамъ, предоставивъ на это время свою физіономію въ полное распоряженіе Романа Антоновича. Утереться онъ не смѣлъ, изъ боязни оскорбить начальство.

— Вечеромъ „на прыжки!"—сказалъ фельдфебель, строго взглянувъ на кровь.—Ишь, насвинячилъ. Ступай.

Гришинъ, по правиламъ, быстро повернулся кругомъ на лѣвомъ подборѣ, приставилъ правую ногу, щелкнулъ каблукомъ и пошелъ къ двери такимъ шагомъ, точно у него на головѣ стоялъ стаканъ воды.

Выйдя изъ канцеляріи, оглушенный и подавленный, Гришинъ легъ на койку, принялъ свою обычную позу лѣниваго созерцанія и началъ думать.

Думать онъ умѣлъ только медленно, по порядку, по складамъ,—шевеля при этомъ губами и разводя пальцами.

— Шибко бьется,—думалъ Гришинъ.—Совсѣмъ можно жизни рѣшиться. Кажинный, почитай, день. Кажинный божецкій день. Рука у его крѣпкая, мужественная... Теперича, скажемъ, прыжки мнѣ... Самъ спитъ, а ты руки кверху держи—и прыгай, и прыгай, и прыгай, пока не упадешь вовсе. И все это занапрасно. Денегъ хочетъ. А мнѣ гдѣ взять? Нѣту у меня денегъ, будь ты проклятъ. Говоритъ позавчерась: сбѣгай, Гришинъ, въ лавочку, купи полкварты водки, принеси, значитъ, табаку, да ошкварокъ сала, колбасы, опять, купи, да соли, да принеси мнѣ три копейки сдачи. А гдѣ у меня эко мѣсто денегъ? Нешто у меня фабрика? Да...а! Хорошо ученому быть. Назначитъ тогда ротній командеръ въ учебну команду... Безпремѣнно буду ученымъ!

Гришинъ закрываетъ глаза и продолжаетъ сладко мечтать.

Послѣ учебной команды самъ полковникъ производитъ его ехлеторомъ; походилъ немного—нашиваютъ младшаго, потомъ старшаго ундера. Тутъ „питхебиль уторой роты" уходитъ домой къ случаю. Полковникъ приказываетъ назначить его, Гришина, замѣсто питхебиля. Пошелъ на дежурствѣ чичасъ у роту къ Романъ Антоновичу; у ротѣ безпорядокъ. Ка..акъ вдаритъ его въ голову, такъ голова въ туловище и загналася!..

А вечеромъ Гришинъ прыгалъ часа два въ комнатѣ у Романа Антоновича, полумертвый отъ напряженія, и думалъ одну только думу, которая гвоздемъ сверлила его:

— Нужно бѣжать. Вѣдь это што? Ахъ ты Господи! Рази

можно этта... мучить? Гдѣ этта... дозволено? По какому полному праву? Бѣжать! Безпремѣнно бѣжать. Потому можно жизни рѣшиться. Кажинный божій день! Кажинный божецкій день!

Послѣ вечерней молитвы Романъ Антоновичъ говорилъ людямъ рѣчь по поводу украденныхъ татариномъ Гайтулой у еврея Шапиро двухъ паръ сапожныхъ голенищъ.

— Такъ какъ,—началъ онъ тономъ прокурора,—въ настоящее время я возлагаю вину на человѣка совершенно виновнаго, въ лицѣ котораго есть вамъ Гайтула, что онъ руководитель всему этому грязному дѣлу. Убѣдившись и разслѣдуя виновныхъ порядкомъ законнымъ и пользуясь случаемъ окончанія ему срока службы, подводя его подъ категорію этого злоупотребленія... Человѣколюбіе заставляетъ меня морально страдать и потому не могу замолчать. Я вынужденъ, какъ самъ православной вѣры, напомнить, что подобное злоупотребленіе поведетъ къ большой грозѣ. Я буду просить принять зависящія мѣры, которыя будутъ фактически доведены до конца. Гдѣ присяга? Гдѣ правда? Гдѣ совѣсть?

Долго еще въ этомъ духѣ говорилъ фельдфебель, вызывая уваженіе всей роты къ своему дару краснорѣчія, потомъ крѣпко выругался и позволилъ разойтись.

V.

Послѣ обѣда почти всѣ офицеры полка ложились спать и спали до самыхъ вечернихъ занятій, которыя начинались въ пять часовъ.

Отдыхали и солдаты въ своихъ угрюмыхъ ящикахъ-казармахъ, если только можно было назвать отдыхомъ стирку и починку бѣлья, репетицію знанія словесности и т. п.

Все кругомъ какъ-то замирало въ это время, пустѣло... Облупленныя зданія смотрѣли на міръ своими трехстворчатыми окнами, злобно прищурившись, какъ ехидныя подслѣповатыя старухи; чахлыя, низкорослыя деревья печально кивали вѣтвями мимо несущимся поѣздамъ, которымъ не было рѣшительно никакого дѣла до этихъ сѣрыхъ зданій, приникшихъ деревьевъ и спящихъ тяжелыми кошмарными снами людей.

Но въ этотъ день офицерамъ не удалось выспаться послѣ обѣда, такъ какъ всѣхъ ихъ потребовали собраться въ полковой канцеляріи по дѣламъ службы, какъ гласила записка полкового адъютанта.

— Зачѣмъ это?—испуганно спрашивали адъютанта рот-

ные командиры, предчувствуя какую-нибудь каверзу вродѣ инспекторскаго смотра, но адъютантъ съ непроницаемымъ лицомъ вѣжливо отшучивался, не отвѣчая на вопросъ, и мчался далѣе.

— С... скотина! — шипѣли оскорбленные ротные ему вслѣдъ, но при новомъ его появленіи ласково улыбались и брали за талію.

Адъютантъ считался въ полку очень важнымъ лицомъ, какъ посредникъ между офицерами и командиромъ полка, и отъ него зависѣло многое. Поэтому почти всѣ, даже старшіе офицеры полка, заискивали у него, несмотря на разницу лѣтъ и чиновъ.

— Командиръ полка,—провозгласилъ адъютантъ, и въ дверяхъ канцеляріи показалась знакомая командирская фигура.

Командиръ полка, Николай Ивановичъ Кашинъ, былъ на видъ серьезный и солидный человѣкъ, держалъ себя съ достоинствомъ, и когда входилъ куда-нибудь, то неизбѣжно вносилъ съ собой атмосферу скуки и натянутости. Въ его присутствіи становилось всѣмъ какъ-то не по себѣ. Онъ былъ воплощеніемъ служебной точности и аккуратности, и, глядя на него, можно было подумать, что никакія человѣческія чувства не шевелили его души.

Если глаза—зеркало души, то душа была у него холодная, стеклянная, безжизненная.

Онъ не умѣлъ ни о чемъ говорить, кромѣ службы, при чемъ всегда и во всемъ находилъ одни упущенія, непорядки и по отношенію къ своимъ подчиненнымъ употреблялъ одни командныя слова: „я указываю, предписываю, подтверждаю“ и т. п. Когда же приходилось говорить о предметахъ сколько-нибудь отвлеченныхъ, онъ мялъ, путалъ и сводилъ разговоръ не священное писаніе, съ которымъ былъ знакомъ потому, что когда-то учился въ семинаріи.

Впрочемъ, съ подчиненными онъ рѣдко и скупо тратилъ слова, держалъ себя гордо, недоступно; зато немедленно терялъ все свое величіе, когда разговаривалъ съ лицами высшаго служебнаго положенія. Куда дѣвались тогда его плавная рѣчь, размѣренныя движенія! Сладкая улыбка появлялась на морщинистомъ лицѣ, и даже большой обвислый животъ, словно, прятался куда-то въ складки одежды.

— Слушаю-съ,—говорилъ онъ, мучительно сладко улыбаясь,—сію минуту, ваше превосходительство, немедленно будетъ исполнено.

— Господа,—сказалъ командиръ полка, послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—прошу васъ пожаловать сего-

дня ко мнѣ въ три часа дня. Форма одежды — сюртукъ при оружіи.

Приглашеніе командира было равносильно приказанію, и всѣ пошли переодѣваться.

Черезъ полчаса подполковникъ Рындинъ во главѣ торжественной процессіи входилъ въ командирскую гостинную, счастливый, сіяющій, точно получившій наслѣдство, и тотчасъ же завоевалъ себѣ позицію около жены командира, Дарьи Мартыновны, дамы съ тупымъ, важнымъ лицомъ, считавшей положеніе своего мужа почти самымъ высокимъ въ мірѣ, такъ сказать, мѣриломъ для всего прочаго человѣчества.

Она любила быть исключительно въ обществѣ мужчинъ, а полковыхъ дамъ не долюбливала, считая ихъ своими подчиненными, находя ихъ легкомысленными и развратными отчасти только снисходя къ штабъ-офицершамъ.

Когда она являлась по какому-либо поводу въ офицерское собраніе, то ни съ кѣмъ не здоровалась, а садилась на самое видное мѣсто и сидѣла на манеръ китайскаго истукана до тѣхъ поръ, пока всѣ не подходили къ ней для прикладыванія. Горе было той неосторожной, которая не продѣлывала этой церемоніи! Подобное невниманіе всегда отражалось на служебной дѣятельности ея мужа...

Въ полку она была первымъ лицомъ, вершила всѣ дѣла, отдавала подъ судъ нижнихъ чиновъ, назначала денщиковъ, пускала въ отпускъ офицеровъ и т. п.

Говорила она, въ противоположность своему супругу, очень много, причемъ разсказывала постоянно о знаменіяхъ, чудесахъ, святыхъ угодникахъ, была очень набожна, боялась смерти, ходила въ церковь каждый праздникъ, становясь впереди всѣхъ на бархатномъ коврѣ въ зеленомъ шелковомъ платьѣ и огромной шляпѣ съ птицей.

Въ Рындина она была втайнѣ влюблена и во всѣхъ случаяхъ жизни обращалась къ нему за совѣтомъ.

— Валентинъ Ѳедоровичъ,—протянула она странно тонкимъ голосомъ, похожимъ на мышиный пискъ,—вы, вѣдь чтецъ литературы?

— Всегда за всѣмъ считаю своимъ служебнымъ долгомъ слѣдить,—быстрымъ теноркомъ отвѣтилъ Рындинъ.

— Вы не слышали?.. Опять этотъ... Какъ его... Толстой... написалъ тамъ что-то... Говорятъ, что-то ужасное... противъ Бога... Вы, навѣрно, слышали?

— Какъ же, какъ же! Онъ написалъ новый романъ „Вознесеніе".

— Ахъ, Боже мой, это ужасно. Ужасно, до чего доходятъ *эти* люди!

И командирша длинно и несвязно, ни съ того ни съ сего, начала разсказывать о мощахъ какого-то святого старца, которыя она недавно видѣла въ монастырѣ.

Окончивъ повѣствованіе о мощахъ, она безъ передышки начала самый свѣтскій разговоръ о дороговизнѣ дровъ и керосина.

Офицеры слушали съ необычайно внимательнымъ видомъ, какъ будто боясь проронить слово, поддакивали и напряженно улыбались.

Между тѣмъ, гостинная все наполнялась, и къ тремъ часамъ дня собрались уже всѣ безъ исключенія офицеры полка.

— Ѣдетъ!—вдругъ прервалъ адъютантъ потокъ краснорѣчія Дарьи Мартыновны, и командиръ съ необычайною торопливостью устремился въ переднюю и скоро привелъ подъ руку толстаго, незнакомаго никому изъ офицеровъ господина со скобелевскими бакенами.

— Прошу познакомиться,—сказалъ командиръ, почтительно склонивъ голову къ лѣвому плечу гостя.—Семенъ Саввичъ,—краса и гордость здѣшняго края. Позвольте представить: подполковникъ Рындинъ, капитанъ Матусевичъ... Знакомьтесь, господа. Семенъ Саввичъ, здѣшній милліонеръ, такъ сказать... краса и гордость... Прошу пожаловать, дорогой Семенъ Саввичъ, въ нашу бѣдную хижину, которая, вѣроятно, покажется вамъ послѣ вашихъ палатъ... такъ сказать... Не даромъ въ священномъ писаніи говорится: воздадите убо Кесарево Кесареви... хе-хе-хе. Прошу садиться, господа!

Всѣ, точно по командѣ, сѣли.

Между командиромъ и командиршей помѣстился Семенъ Саввичъ, напротивъ—подполковникъ Рындинъ, остальные въ отдаленіи у стѣнъ, какъ послушные ученики, готовые выслушать урокъ строгаго учителя.

Семенъ Саввичъ Ворошиловъ былъ простой, сѣрый купецъ, вначалѣ мелкій лавочникъ, правдами и неправдами выбившійся наверхъ. Теперь онъ быстро шелъ въ гору, скупалъ земли, строилъ заводы и считался въ нѣсколькихъ милліонахъ. Сюда онъ попалъ случайно по дѣлу арендованія его земли полкомъ подъ стрѣльбище.

Повидимому, онъ не ожидалъ такого пышнаго пріема, и на его неглупомъ лицѣ ясно было написано недоумѣніе...

Какъ только перестали двигать стульями, полковникъ началъ рѣчь:

— Семенъ Саввичъ, господа,—сказалъ онъ, обращаясь къ безмолвной толпѣ офицеровъ,—солидный дѣятель здѣшняго края, такъ сказать... милліонеръ... звѣзда первой вели-

чины, имѣетъ пять паровыхъ мельницъ, чугунолитейный заводъ и множество пароходовъ.

Командиръ кашлянулъ, оглянулъ всѣхъ, какъ будто стараясь провѣрить впечатлѣніе своихъ словъ, и продолжалъ:

— Я и моя жена, Дарья Мартыновна, съ мѣсяцъ тому назадъ воспользовались... такъ сказать... гостепріимствомъ этого почтеннаго дѣятеля. Мы были въ роскошномъ дворцѣ Семена Саввича... да... и чувствовали себя тамъ, какъ дома. Семенъ Саввичъ былъ настолько добръ, что оставилъ насъ у себя обѣдать, и я, въ свою очередь, желая отблагодарить дорогого гостя, рѣшилъ собрать васъ, господа, чтобы почтить этого виднаго и солиднаго дѣятеля...

Командиръ говорилъ почти безъ запинки, вѣроятно, заранѣе выучивъ рѣчь наизусть.

Коля слушалъ его сперва съ удивленіемъ, потомъ съ мучительнымъ стыдомъ. Ему вдругъ стало такъ невыносимо стыдно, какъ бываетъ иногда во снѣ, когда видишь себя совершенно раздѣтымъ среди большого общества людей. Онъ искоса взглянулъ на лица другихъ, думая открыть въ нихъ выраженіе того же чувства, но лица у всѣхъ были ясны, спокойны и даже веселы. Повидимому, всѣ съ величайшимъ интересомъ слушали то, что разсказывалъ командиръ.

— Какое униженіе!—думалъ Башневъ, испытывая желаніе заткнуть уши.

И вдругъ почему-то, совершенно нелѣпо, некстати врываясь въ ходъ его мыслей, какъ въ музыку фальшивая нота, вспомнились ему два стиха:

Тамъ сухое убираютъ
Мужички его кругомъ...

— „Боже мой, какая нелѣпость!“—повторялъ онъ, глядя на лоснящееся лицо милліонера, сжимая отъ остраго стыда пальцы ногъ, и вдругъ опять врывалось въ мысли:

Тамъ сухое убираютъ
Мужички его кругомъ...

Солдатъ, одѣтый во фракъ, внесъ подносъ съ шампанскимъ.

— Пью здоровье добрѣйшаго Семена Саввича, — провозгласилъ командиръ.—Ура!

Многимъ не хватило бокаловъ, и они стояли съ пустыми руками, крича „ура“, точно статисты во время представленія патріотической пьесы.

Потомъ сѣли и замолчали.

Никто не зналъ, что нужно еще говорить. Командиръ израсходовалъ все краснорѣчіе и сидѣлъ, какъ сова, повидимому, давъ обѣтъ молчанія; офицеры стѣснялись и не находили темы, а Семенъ Саввичъ, очевидно, не зналъ, какъ выпутаться изъ нелѣпаго положенія. Такъ прошло минуты три. Молчаніе становилось неудобнымъ.

Наконецъ, бразды разговора взяла Дарья Мартыновна.

— Ахъ, Семенъ Саввичъ, — воскликнула она патетическимъ голосомъ,—видно по всему, что вы ужасно любите военныхъ. Вы такой патріётъ, такой патріётъ. У васъ даже управляющій—бывшій военный. Представьте, господа, у него управляющій—бывшій военный.

Многіе постарались изобразить на лицахъ изумленіе.

— Онъ получаетъ,—продолжала она,—у Семена Саввича десять тысячъ, и положеніе его все равно, какъ командира полка. А вѣдь былъ всего только жалкій подпоручикъ. А что такое подпоручикъ на службѣ? Бѣднота, нищета... жена нищая...

— Да,—вставилъ ни съ того, ни съ сего командиръ,—наша военная семья дружная. Приказалъ вотъ... и собрались. Дружная, знаете, семья, Семенъ Саввичъ. Если Господь Богъ благословитъ, то мы всѣ придемъ къ вамъ на поклонъ. Господа, выпьемъ еще здоровье свѣтила, такъ сказать, звѣзды первой величины. Чугуннолитейный заводъ, на которомъ дѣлаются пушки...

Полковникъ пришелъ въ умиленіе, на глазахъ показались слезы.

— При первой возможности я съ господами офицерами прійду вамъ поклониться, добрѣйшій Семенъ Саввичъ.

Милліонеръ окончательно растерялся, ерзалъ на стулѣ и не зналъ, куда глядѣть.

— Помилуйте,—наконецъ, вымолвилъ онъ,—развѣ я... Да развѣ я... Что вы? Помилуйте!

Онъ отеръ потъ, выступившій на лбу, всталъ и хотѣлъ прощаться, но Николай Ивановичъ былъ неумолимъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, дорогой Семенъ Саввичъ,—сказалъ онъ любезно, хватая гостя за руки.—Вы нашъ плѣнникъ, такъ сказать. Вы, такъ сказать... звѣзда... дѣятель... Извините!

И Семенъ Саввичъ еще два часа покорно выслушивалъ комплименты „дружной семьи“.

Когда офицеры расходились по домамъ, по лицамъ ихъ было видно, что ничего особеннаго не случилось; многіе были веселы, нѣкоторые равнодушны, и рѣшительно никто не высказалъ протеста.

Колѣ вдругъ захотѣлось очутиться въ полномъ одино-

чествѣ, гдѣ-нибудь среди высокой колосящейся ржи, подальше отъ стѣнъ казармъ. Онъ пересѣкъ линію желѣзной дороги и пошелъ къ лѣсу по пыльному проселку.

Багряный отблескъ зари умиралъ, поблескивая на переплетающихся вѣтвяхъ одинокихъ деревьевъ; красивый огненный шаръ, склоняясь къ закату, озарялъ новыя страны, и Башневу почему-то вдругъ страстно захотѣлось растаять, разлиться въ этихъ лучахъ и исчезнуть незамѣтно навсегда вмѣстѣ съ потокомъ умирающаго свѣта. Какая-то неясная, скорбная мысль, точно тайное предчувствіе страданія, овладѣла имъ.

Вѣчное мерцающее небо, думалъ онъ, какъ оно высоко, чисто и недоступно, но зачѣмъ оно? Зачѣмъ эта смѣшая комедія, которую мы всѣ разыгрываемъ на подмосткахъ жизни?..

VI.

Въ воскресенье, часовъ въ двѣнадцать, передъ окнами офицерскихъ квартиръ выстроился длинный рядъ экипажей. Здѣсь были и коляски, и брички, и ротныя артелки, и полковая долгушка, носившая на англійскій манеръ названіе „брэка“.

Прошло часа полтора, но никто еще не показывался. Дамы еще не успѣли приготовиться. Онѣ завивались, румянились, затягивались въ корсеты и страшно спѣшили.

— Вѣдь я-жъ тебѣ говорилъ, что нужно было одѣваться съ десяти часовъ, — сердился на свою жену капитанъ Пискорскій, — а ты, тумба этакая, только сейчасъ начинаешь крутить папильотки.

Марья Ивановна Пискорская, толстая, безобразная, съ огромнымъ животомъ, въ одной нижней юбкѣ, носилась по комнатамъ, не зная, за что схватиться. Она ужасно боялась опоздать и старалась надѣть все сразу, но вещи валились изъ рукъ, и ничего не выходило. Бросивъ прическу, она схватила корсетъ и начала затягиваться, но корсетъ плохо поддавался усиліямъ.

— Жанъ,—застонала Марья Ивановна,—позови прислугу, пусть поможетъ мнѣ стянуться.

Жанъ съ сердцемъ плюнулъ въ уголъ и закричалъ:

— Василій, помоги барынѣ.

Деньщикъ Василій съ серьезнымъ, рѣшительнымъ лицомъ и съ такимъ видомъ, точно онъ шелъ брать неприступную крѣпость, задержавъ дыханіе, изо всѣхъ силъ натянулъ шнурки. Внутри Марьи Ивановны что-то лопнуло.

— Вотъ хорошо...—прошептала она, совершенно задыхаясь.—Спасибо, Василій.

— Радъ стараться, барыня.

— Ну, я пойду,—сказалъ мужъ,—а ты, если не успѣешь, сама виновата.

Онъ вышелъ изъ дому и увидѣлъ, что возлѣ экипажей уже ходили взадъ и впередъ нѣсколько офицеровъ въ новенькихъ кителяхъ, ослѣпительно блестѣвшихъ на солнцѣ. Тутъ же, попадая всѣмъ подъ ноги, бѣгали безчисленныя офицерскія дѣти и собаки.

Наконецъ, появились и дамы.

Первая вышла мадамъ Матусевичъ въ дорогомъ весеннемъ модномъ платьѣ съ соблазнительно-большимъ вырѣзомъ на груди, вся пропитанная какими-то необыкновенными духами. Она была очень красива той страстной животной красотой, которая, какъ будто, отдавалась жаднымъ ласковымъ взглядамъ мужчинъ, устремленнымъ на ея сильную, открытую грудь. Глаза ея, какъ будто, говорили всякому: „я могу быть и твоя“.

Мужъ ея плелся сзади, сопя, какъ испорченный насосъ.

Это былъ низкій, толстый человѣкъ съ обрюзглымъ старообразнымъ лицомъ, на которомъ всегда было такое выраженіе, точно онъ только что выпилъ и еще не успѣлъ протрезвиться. Больше всего на свѣтѣ онъ заботился о своемъ здоровьи и питаніи организма. Съ самаго ранняго утра онъ уже ѣлъ, а когда приходилось быть на службѣ, то съ нетерпѣніемъ посматривалъ на часы и съ послѣднимъ ударомъ маятника спѣшилъ домой, гдѣ снова со смакомъ ѣлъ всевозможныя блюда, приготовленныя не менѣе, чѣмъ на десять персонъ.

Человѣкъ со средствами, онъ въ службѣ видѣлъ лишь маленькое подспорье, и забитые бѣдностью офицеры считали его аристократомъ; однако, никто бы не рѣшился попросить у него взаймы, потому что послѣдовалъ бы вѣжливый, но неизмѣнный отказъ.

Съ молодежью онъ ругалъ начальство, а съ начальствомъ велъ себя смирно, почтительно и умѣлъ держать „громоотводъ“. Многіе считали его даже полковымъ шпіономъ...

За ними появилась Анна Ларіоновна, соломенная вдова, мужъ которой (лицо чуть-ли не миѳическое) находился гдѣ-то въ вѣчномъ плаваніи. Послѣднія пять лѣтъ ей было все двадцать четыре года, и, наперекоръ времени, она прыгала, какъ дѣвочка, кокетничала, картавила, ухаживала за молодыми офицерами, любила пикантные анекдоты и обижалась, когда нѣкоторые не договаривались до конца.

Потомъ пришли старыя, почтенныя дамы, обладавшія

способностью все подмѣчать и составлять обвинительные приговоры. Онѣ первыя фабриковали самыя нелѣпыя, ядовитыя сплетни и распускали ихъ по всѣмъ угламъ маленькаго военнаго муравейника.

Послѣднею притащилась Марья Ивановна, потная, красная, но счастливая и сіяющая, туго затянутая въ рюмочку, отчего ея безобразная фигура сдѣлалась еще безобразнѣе. Она влѣзла въ брэкъ и затараторила, не давая никому вымолвить слова.

— Знаете, душечка, я насилу успѣла одѣться. Смотрю на часы, а уже одиннадцать, а я еще и не причесывалась. Ну, думаю, будетъ Жанъ непремѣнно сердиться. Такъ и вышло. Хотя, конечно, не бѣда, если бы я и осталась. Вѣдь вы знаете, я терпѣть не могу этихъ пикниковъ. Ни за что бы не поѣхала, если бы не Жанъ...

— Я тебя, душа моя, не держу,—огрызнулся Жанъ, но Марья Ивановна сдѣлала видъ, что не слышитъ, и затрещала опять, обращаясь къ m-me Матусевичъ.

— Знаете, душечка Вѣра Львовна, сегодняшняя наша поѣздка напоминаетъ мнѣ одинъ пикникъ въ Тамбовской губерніи. Тамъ у насъ кругомъ все богатѣйшіе, богатѣйшіе помѣщики. Напримѣръ, князья Лидины-Звонскіе... Не слыхали? Какъ же! Наши хорошіе знакомые. Бо-огатѣйшіе... Милліонеры. Лошади... коляски... музыканты... просто ужасъ, ужасъ, я вамъ говорю... Вотъ тамъ были пикники! Восторгъ!

Мужъ Марьи Ивановны слушалъ и мрачно молчалъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Что ты, матушка, сочиняешь. Никогда мы съ Лидиными-Звонскими не ѣздили на пикники.

Но Марья Ивановна, даже не покраснѣвъ, обратилась уже къ подпоручику Чубуковскому и изобразила на своемъ лицѣ миндальную улыбку.

— А вы молодой человѣкъ, все ухаживаете, ухаживаете?

Чубуковскій,—красивый и гибкій, какъ верба, франтоватый, чистенькій, считавшій себя рыцаремъ всѣхъ дамъ,—при обращеніи къ нему Марьи Ивановны, моментально закланялся, закартавилъ, какъ петрушка, со звономъ щелкнулъ шпорами, снялъ фуражку и поклонился такъ низко, что стало видно его маленькую, въ серебряный пятачокъ, лысину.

Это онъ называлъ корректнымъ поклономъ. Такъ постоянно кланялся генералъ, и Чубуковскій перенялъ у него эту манеру. Онъ весь состоялъ изъ подражаній, перенимая быстро, какъ обезьяна, у одного прическу, у другого поклонъ, у третьяго манеру говорить и т. д.

— Я, madame, — залепеталъ онъ, подражая свѣтскому

льву,—готовъ ухаживать только за вами... Мнѣ очень интегесно...

Марья Ивановна при этихъ словахъ начала таять, какъ сахаръ.

— Садитесь съ нами, молодой человѣкъ, вотъ здѣсь есть мѣсто,—сказала она, имѣя тайное желаніе взять въ плѣнъ подпоручика на все время пикника.—Хотя тутъ мало мѣста, но потѣснимся,—прибавила она сладкимъ голосомъ.

Чубуковскій понялъ военную хитрость, но было уже поздно думать объ отступленіи, и, проклиная судьбу, онъ полѣзъ на долгушу и усѣлся рядомъ съ Марьей Ивановной, отъ которой палило, какъ отъ печки.

— Туша проклятая!—думалъ онъ съ негодованіемъ.— Подушка съ пухомъ, туда же лѣзетъ ухаживать!

И, чтобы не видѣть противной рожи Марьи Ивановны, онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ поле, кусокъ котораго виденъ былъ изъ-за стѣны казармы.

Легкій вѣтерокъ волнами перекатывался по яркой зелени молодого овса; вдали синѣла рѣка, за ней на краю горизонта чернѣла сплошная линія лѣса. Необозримая даль!

Это было то время весны, когда только еще пробиваются молодые листочки, когда всѣ запахи, цвѣта и краски дѣлаются ярче, когда впечатлительность удваивается, когда полной грудью вдыхаешь цѣлебный воздухъ, несущійся съ полей. Кажется, что глотокъ воздуха—лишній день жизни...

Всѣ были въ приподнятомъ весеннемъ настроеніи; хотѣлось пѣть, дурачиться, смѣяться.

Командиръ полка проскакалъ верхомъ впереди экипажей, раскланиваясь съ дамами и показывая ослѣпительно-бѣлые вставные зубы. За нимъ тронулись всѣ. Барышни начали махать руками и визжать, но нельзя было разобрать—что. На встрѣчу то и дѣло попадались хохлы, босые, изодранные, обнищалые, бабы—неуклюжія, грязныя, съ подоткнутыми подолами. Они съ любопытствомъ оглядывались на вереницу экипажей, останавливаясь у дороги, закрывая глаза отъ солнца ладонью, и долго видно было, какъ они стояли, глядя вслѣдъ несущейся пыли.

Олшинъ на велосипедѣ, сверкая спицами колесъ, быстро перегналъ кавалькаду и, сдѣлавъ дамамъ рукой поцѣлуй, скрылся за поворотомъ дороги.

Черезъ полчаса пріѣхали въ лѣсъ.

Было что-то трогательное въ молодой робкой зелени, которая развертывалась, дѣвственная, еще не тронутая пылью, яркая и блестящая. Дубы еще не распустились. Эти великаны въ три обхвата одѣвались листвой позже всѣхъ, но зато зеленѣли вплоть до перваго снѣга.

Теперь, точно угрюмые старики, разставивъ во всѣ стороны свои корявыя руки, они вырисовывались темными силуэтами на свѣжей, ласкающей глазъ зелени. Пахло сухими прошлогодними листьями и тѣмъ особеннымъ запахомъ лѣса, который такъ рѣдко приходится вдыхать людямъ, прикованнымъ въ городахъ къ своимъ многоэтажнымъ управленіямъ и конторамъ.

На одной изъ полянокъ суетился буфетчикъ Никифоръ съ огромнымъ самоваромъ и закусками. Посреди поляны выстроился оркестръ. Капельмейстеръ взмахнулъ палочкой, и по лѣсу понеслись твердые мѣдные звуки, а гдѣ-то въ глубинѣ его эхо точно и вѣрно повторяло ихъ, опаздывая на пять секундъ, и казалось, что тамъ играетъ другой, спрятанный за деревьями оркестръ.

— А жаль, что не взяли картъ,—сказалъ капитанъ Матусевичъ; но дамы замахали на него руками.

— Успѣете дома наиграться. Здѣсь гулять, гулять!

Марья Ивановна повисла на рукѣ Чубуковскаго и ни за что не хотѣла оставить завоеванную позицію. Анна Ларіоновна и мадамъ Матусевичъ усѣлись по-одаль натравѣ, окруженныя компаніей изъ конспиративной квартиры.

Олшинъ разсказывалъ довольно недвусмысленный анекдотъ, а дамы дѣлали видъ, что не понимаютъ.

Въ это время изъ-за опушки лѣса показался еще цѣлый цвѣтникъ женщинъ. Это были приглашенныя изъ города.

— Смотри,—шепнулъ Олшинъ Колѣ Башневу на ухо,—впереди въ бѣломъ... Это Лена Конторовичъ, она въ тебя влюблена. Сама говорила, честное слово армейскаго офицера...

Женщины смѣялись, наполняя лѣсъ звонкими раскатами молодого смѣха и заражая всѣхъ здоровымъ весельемъ. Хотѣлось прыгать, скакать, дурачиться, громко кричать на весь лѣсъ и любоваться гулами эхо.

Начали играть въ горѣлки, и задорнѣй всѣхъ звучалъ серебристый голосъ Леночки. Жизнь била въ ней ключомъ и рвалась наружу, какъ лава изъ кратера кипящаго вулкана, и отъ нея вѣяло молодой, дѣвственной свѣжестью, точно отъ соленой волны моря.

Черезъ полчаса Коля рѣшилъ уже, что въ нее нельзя не влюбиться—и сразу влюбился такъ, какъ только могутъ влюбляться двадцатилѣтнія дѣти. Онъ уже ничего не видѣлъ кругомъ кромѣ Леночки и ея воздушно-бѣлаго платья на фонѣ бархатной зелени. И лѣсъ, и звуки музыки, и вѣтеръ, шевелившій верхушки деревьевъ, были полны ею, говорили о ней, цѣловали ея бѣлокурые волосы, наклонялись къ ея дѣвической груди. Ему хотѣлось схватить ее, обнять, цѣ-

ловать и не разставаться съ нею до конца жизни! Онъ былъ умиленъ, растроганъ свѣжимъ дуновеніемъ весны и ласковой улыбкой этой полузнакомой дѣвушки, въ которой ему чудилось что-то близкое, родное, точно когда-то давно потерянное и теперь снова найденное счастье. Каждое слово, поворотъ головы, улыбка Леночки казались ему необыкновенно умными, интересными, особенными, совсѣмъ не такими, какъ у другихъ женщинъ.

Въ то время, какъ уже разостлали на травѣ скатерть для чаепитія, изъ чащи показался незнакомый никому штатскій господинъ атлетическаго сложенія съ рожкомъ черезъ плечо. Онъ вѣжливо снялъ шляпу и началъ говорить что-то командиру полка. Доносились только отдѣльныя слова: „панъ грабе... пше прашам... пана... не моге“.

Смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что графъ, которому принадлежалъ лѣсъ, не позволялъ здѣсь устраивать пикники.

Всѣ съ разочарованными лицами снова усѣлись въ экипажи и поѣхали искать пристанища. Управляющій долго еще кланялся вслѣдъ и извинялся.

Черезъ три версты въѣхали въ казенный лѣсъ, гдѣ и расположились. Снова разостлали скатерть, вокругъ которой усѣлись алчущіе и жаждущіе.

Капитанъ Матусевичъ, хромая на правую ногу, сопровождалъ Марью Ивановну, которая во время суматохи потеряла своего кавалера, и объяснялъ ей, въ какихъ случаяхъ надѣвается парадная и въ какихъ обыкновенная форма.

Марья Ивановна разсѣянно слушала и глядѣла по сторонамъ. Ей было скучно.

— На всѣхъ ученьяхъ и разводахъ въ присутствіи высшаго начальства, а равно на смотрахъ и парадахъ,—говорилъ капитанъ скрипучимъ голосомъ.

— Гдѣ мой Жанъ?—перебила его Марья Ивановна.—Отыщите, ради Бога, моего Жана, я хочу ѣхать домой.

Но Жанъ какъ въ воду канулъ.

— Увѣряю васъ,—говорилъ Олшинъ,—что я видѣлъ, какъ вашъ мужъ цѣловалъ руку у Леночки.

Марья Ивановна не на шутку встревожилась.

Пискорскій былъ человѣкъ безличный. Женился онъ не по любви, не по расчету, а такъ—чортъ знаетъ почему. Жену онъ терпѣть не могъ и любилъ тайно другую. Онъ мечталъ объ иной благородной жизни, но часто наперекоръ себѣ самому дѣлалъ гадости и терзался этимъ. Съ солдатами своей роты онъ старался поступать справедливо, обращаться съ лаской, но какъ-то выходило такъ, что его фельдфебель и унтера брали взятки и щелкали солдатъ по зубамъ, а самъ онъ часто кричалъ на людей до потери голоса,

топалъ ногами и приказывалъ фельдфебелю дать „этому мерзавцу“ три раза въ морду, что тутъ же и приводилось въ исполненіе. Потомъ онъ раскаивался, хватался за голову, хотѣлъ застрѣлиться, но почему-то откладывалъ это намѣреніе и шелъ играть по тысячной въ винтъ.

Марья Ивановна знала хорошо своего супруга и безпомощно оглядывалась кругомъ, разыскивая глазами его фигуру и чуть не плача. А капитанъ въ это время въ глубинѣ лѣса, дѣйствительно, шелъ рядомъ съ Леночкой, которая, держа подъ руку Башнева, кокетничала на два фронта, заставляя сжиматься сердце Коли безумной ревностью. Не замѣчая косыхъ взглядовъ соперника, Пискорскій срывалъ стебли травы и жевалъ ихъ, выплевывая зеленую слюну. Ему нравилась невозмутимая тишина лѣса, отблески солнца на листьяхъ, на стволахъ, шорохъ вѣтра и близость молодой, чистой, изящной, кокетливой дѣвушки.

— Боже мой,—думалъ онъ,—за что я такъ несчастливъ, за что?

Внезапно сталъ накрапывать дождь.

Всѣ засуетились и бросились къ экипажамъ, оставивъ закуски и самоваръ съ буфетчикомъ Никаноромъ на произволъ судьбы.

Когда выѣхали изъ лѣсу,—глазамъ представилась великолѣпная картина. Почти полнеба было затянуто точно черной марлей, на фонѣ которой крутились желтыя облака. Сильный вѣтеръ гналъ по дорогѣ огромные густые столбы пыли, дождь еще чуть-чуть накрапывалъ, но видно было, что сейчасъ разразится первый весенній ливень. Вдругъ черную марлю внезапно разрѣзалъ ослѣпительный зигзагъ молніи, и почти въ ту же секунду оглушительно загрохоталъ раскатъ грома. Казалось, что небо свалилось на землю. Лошади зафыркали, задвигали ушами, дамы завизжали отъ страха, перетрусивши не на шутку.

Вдругъ, точно по командѣ, побѣжали съ неба густые, косые струи дождя, мгновенно превратившіе глинистую дорогу въ трясину, а пестрыя шляпки дамъ въ безформенные куски матеріи.

По сторонамъ дороги образовались мутные потоки, которые, грозно шипя, бѣжали внизъ, заливая колеса экипажей. Лошади перемѣнили аллюръ изъ рыси на шагъ и еле вытаскивали копыта изъ густой грязи.

Марья Ивановна, по счастью, попала въ крытый экипажъ и сидѣла сухая и довольная tête-a-tête съ Тарбѣевымъ. Она болтала безъ умолку.

— Представьте,—говорила она,—какой случай. У меня бонна—простая нѣмецкая дѣвка, а съ какими претензіями.

Не хочетъ бѣлье стирать. Я ей говорю: что вы, говорю, голубушка! Вы вѣдь не въ Германіи, гдѣ все можно. У насъ, говорю, въ Россіи есть законы. Можно заставить васъ исполнять свои обязанности. А она, представьте, хамка этакая, мнѣ дерзости. Конечно я, не медля ни минуты, прогнала ее, и теперь сижу одна. Все сама. Все сама. Не знаю, что и дѣлать. Я слышала, вы, мосье Тарбѣевъ, поѣдете въ Кіевъ.

— Да, да. Ѣду на одинъ день.

— Голубчикъ!—воскликнула Марья Ивановна.—Одну маленькую, маленькую просьбу. Не откажите исполнить.

— Что такое?

— Манюсенькій пакетикъ... не болѣе четверти аршина. Сверточекъ. Александровская улица, домъ номеръ двадцать седьмой, Лидіи Павловнѣ Грундиной. Очень хорошая наша знакомая. Бо..огатая! Урожденная княжна... Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе.

— Да у меня времени рѣшительно нѣтъ, Марья Ивановна,—возразилъ съ неудовольствіемъ Тарбѣевъ, знавшій привычки Марьи Ивановны всѣмъ и каждому давать какія-либо порученія.

— Ма..анюсенькій пакетикъ...

— Да поймите, Марья Ивановна...

— Согласны! Согласны! Я по глазамъ вижу. Благодарю васъ, отъ души благодарю.

Олшинъ сидѣлъ на артелкѣ съ Анной Ларіоновной и мокъ подъ дождемъ, отдавъ дамѣ свое пальто. Она, освободивъ ногу, прижалась ею совершенно недвусмысленно къ ногѣ поручика...

— Отчего вы тогда не пришли?—зашептала она.—Ахъ вы, противный!

Олшинъ, вмѣсто отвѣта, ущипнулъ ее за ногу. Анна Ларіоновна вскрикнула отъ боли и обидѣлась.

— Вы невѣжа!—сказала она сердито.—Не умѣете обращаться съ женщинами.

— Развѣ вамъ непріятно?—удивился Олшинъ.

Анна Ларіоновна отодвинулась отъ него и надулась.

Чубуковскій ѣхалъ съ женой Матусевича.

Едва онъ влѣзъ въ фаэтонъ, какъ запечатлѣлъ на ея розовыхъ устахъ продолжительный поцѣлуй. Они давно были въ интимныхъ отношеніяхъ и не стѣснялись.

— Приходи завтра, мужъ дежурный, — зашептала она, глядя влюбленными глазами въ наглые глаза подпоручика.— Въ четыре часа приходи и постучи въ окно.

Чубуковскій кивнулъ головой въ знакъ согласія и погрозилъ ей пальцемъ.

— Смотри, Вѣрка, я замѣтилъ, что ты мнѣ измѣняешь...

— Ей-Богу, ей-Богу ничего подобнаго! — забожилась она.—Я тебя одного только и люблю. Честное слово, че..естное слово!

Когда пріѣхали въ казармы, дождь уже пересталъ. Солнце свѣтило еще ярче, омытая листва отсвѣчивала зеленымъ бархатомъ. Всѣ вылѣзли мокрые, обрызганные грязью и начали расходиться по домамъ, торопливо пожимая другъ другу руки.

— Господа,—суетился Чубуковскій,—поблагодаримъ же командира и командиршу за доставленное удовольствіе. Неловко. Вѣдь нужно. Крайне необходимо.

Въ такихъ случаяхъ, гдѣ нужно было благодарить начальство, Чубуковскій былъ всегда тутъ, какъ тутъ. Всѣ гадости онъ дѣлалъ съ милой дѣтской наивностью, шутилъ и смотрѣлъ всѣмъ въ глаза съ такой честной откровенностью, что даже кремни, которыхъ ничѣмъ нельзя было удивить, удивлялись и въ душѣ говорили: „ну и подлецъ!“ Но высказать это вслухъ ни у кого не хватало духу, по тому что Чубуковскій перевернулъ бы тогда вверхъ дномъ весь полкъ, кричалъ бы въ офицерской столовой и собраніи о рыцарствѣ, благородствѣ, товарищескихъ отношеніяхъ, побѣжалъ бы жаловаться къ командиру полка, поѣхалъ бы къ генералу и сталъ грозить дуэлью и судомъ общества офицеровъ, котораго всѣ боялись, такъ какъ предсѣдателемъ суда былъ Рындинъ, а членами Яшъ, Матусевичъ и компанія.

Судъ былъ всегда скорый, рѣдко милостивый и постоянно неправый, потому что не имѣлъ никогда собственнаго мнѣнія, а плясалъ по начальнической дудкѣ.

Но исторіи съ Чубуковскимъ случались рѣдко. Онъ разыгрывалъ честнаго, преданнаго товарища, для котораго долгъ выше всего. Человѣкъ холоднаго разсчета, онъ дѣйствовалъ всегда навѣрняка. „Лютъ къ начальству“, говорили про него полковые остряки.

А онъ леталъ, какъ пухъ, отъ одного начальства къ другому и у каждаго разыгрывалъ роль маленькой, ласковой комнатной собачки.

— Этотъ бѣсъ вездѣ пролѣзъ!—сказалъ про себя Торбѣевъ, глядя на стройную, шмыгающую фигуру Чубуковскаго, но сейчасъ же пошелъ вслѣдъ за нимъ и приложился къ ручкѣ матушки командирши.

— Ахъ, душечка,—внезапно воскликнула Марья Ивановна, увидѣвъ Леночку подъ руку съ Башневымъ,—извините, хоть я незнакома, но у меня къ вамъ есть одна просьба... Этотъ негодяй портной Минцесъ сшилъ моему Колѣшкѣ штаны—и представьте: коротки!

При словѣ „штаны" Леночка сдѣлалась вся пунцовая и опустила глаза, отчего еще больше похорошѣла.

— Такъ жалко, что вы себѣ и представить не можете. Я думаю, что онъ просто укралъ сукно. Эти евреи такой нахальный народъ...

— Но... что же, я могу сдѣлать?—перебила Леночка и подняла свои невинные лучистые глаза, въ которыхъ свѣтилась въ то же время насмѣшка.

— Вы, какъ племянница здѣшняго пристава, можете повліять на своего дядюшку, чтобы онъ не допускалъ подобнаго... подобныхъ безобразій. Здѣсь нужны строгія мѣры. Вѣдь портной Минцесъ совершенно испортилъ Колюшкѣ штаны. Мой Колюшка... Вы не знаете моего Колюшку?

— Н... нѣтъ, не знаю.

— Это мой сынъ Колюшка. Портной Минцесъ совершенно испортилъ ему штаны...

Глаза Леночки вдругъ сверкнули лукавствомъ.

— Марья Ивановна,—воскликнула она, сдѣлавъ вдругъ испуганное лицо,—что съ вами?

— А что такое?—удивленно оглядываясь, спросила Марья Ивановна.

— Да на васъ лица нѣтъ! Вы ужасно, ужасно поблѣднѣли!

У Марьи Ивановны отъ страха похолодѣли ноги. „Такъ и есть!" подумала она съ ужасомъ: „такъ и есть, простудилась. Вѣдь говорила Жану,—не ѣзди".

— Ахъ, душечка, мнѣ дурно, ахъ, ахъ!—прошептала она упавшимъ голосомъ, внезапно позабывъ и Минцеса, и Колюшку съ его штанами, и, подхваченная своимъ супругомъ, поплелась домой, гдѣ раздѣлась, бухнулась въ постель и стонала до самой ночи.

Тѣмъ не менѣе, на другой день Тарбѣевъ ѣхалъ на вокзалъ, проклиная день и часъ, когда онъ познакомился съ Марьей Ивановной, потому что на другомъ извозчикѣ, ѣхавшемъ сзади, возвышался „манюсенькій пакетикъ" Марьи Ивановны съ надписью: „Кіевъ. Александровская 27. Лидіи Павловнѣ Грундиной. Обращаться съ осторожностью. Стекло".

А Коля Башневъ, тѣмъ временемъ, весь былъ опьяненъ мечтами любви. Онъ старался вспомнить всѣ мельчайшія подробности вчерашней встрѣчи: *ея* платье, жесты, мелькнувшую улыбку и переливы смѣха, которые, казалось, еще и сейчасъ дрожали въ яркомъ, ослѣпительномъ воздухѣ.

Въ мысляхъ стояло одно сильное и новое ощущеніе—любви прекрасной молодой дѣвушки, въ которой теперь для него сосредоточился весь міръ.

— Какъ хороша жизнь!—думалъ Коля.—Я люблю ее! — шептали его губы, и перо выводило само собой эти же слова на бумагѣ.

— Она прекрасна!—говорили кругомъ всѣ предметы.— Она лучше всѣхъ на землѣ!

Посмотри, какъ воздушно сіянье луны,—

тихо декламировалъ онъ, наслаждаясь музыкой стиховъ,—

Какъ проходитъ она, не дыша, не спѣша.
Всѣ видѣнья въ застывшей тиши сплетены,
Всюду свѣтъ и восторгъ, всюду сонъ, всюду сны...
О, земля хороша, хороша, хороша!

Вячеславъ Артемьевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Тукъ... тукъ... тукъ“.

(Посвящается Николаю Александровичу Морозову.)

Миновалъ обходъ докучный. Лязгнулъ ключъ, гремитъ засовъ...
Льется съ башни многозвучный перепѣвный бой часовъ.
Скоро полночь—мигъ свободы:
Жаркой искрой сквозь гранитъ къ мысли мысль перебѣжитъ,
Тайный зовъ, тоску невзгоды
Сердце сердцу простучитъ—
Тукъ... тукъ... тукъ!
Условный звукъ,
Звукъ привѣтный—стукъ отвѣтный,
Говоръ азбуки завѣтной,
Голосъ камня: тукъ-тукъ-тукъ! голосъ друга: здравствуй, другъ!

„Я томлюсь во мракѣ ночи;
Ноетъ грудь, не видятъ очи,
Одолѣлъ меня недугъ...

Слышу смерти приближенье... О, какъ жажду я забвенья,
Какъ зову успокоенье,
Наслажденье мертвымъ сномъ!
Другъ, отвѣть мнѣ, что съ тобою? Ты сильнѣй меня душою...
Спишь ли ты ночной порою
Въ этомъ склепѣ гробовомъ?“

Стукъ привѣтный, тихій стукъ,
Звукъ отвѣтный—тукъ... тукъ... тукъ:
„Я бы спалъ, и сонъ приходитъ, духъ усталый вдаль уводитъ,
Но не долгъ чуткій сонъ.
Вдругъ проснусь я, содрогнусь я, и такъ больно въ душу входитъ
Голосъ плѣнницы безумной, одинокій страшный стонъ...
Часто ночью многодумной
Рядомъ, рядомъ за стѣной
Слышу смѣхъ ея безумный,
Слышу крикъ души больной...
Жутко... страшно... Но бываетъ, сердце тьму позабываетъ:
Въ просвѣтленный чудный мигъ
Мысль далёко улетаетъ—въ книгѣ звѣздъ душа читаетъ
Откровенье древнихъ книгъ...
Другъ, мужайся! День настанетъ! Въ аломъ блескѣ солнце встанетъ,
Синей бурей море грянетъ,
Волны—пѣсни загудятъ!
Будетъ веселъ многоводный пиръ широкій, пиръ свободный,—
Онъ смететъ грозой народной
Нашъ гранитный казематъ.
Мы разскажемъ міру тайны
Долгихъ лѣтъ и долгихъ мукъ,
И въ садахъ родной Украйны вспомнишь ты, сосѣдъ случайный,
Нашъ условный тихій стукъ,
Стукъ привѣтный, звукъ отвѣтный,
Говоръ азбуки завѣтной—
Голосъ камня: тукъ... тукъ... тукъ! голосъ друга: здравствуй, другъ!“

Тихій стукъ, печальный стукъ—

Тукъ... тукъ... тукъ:
„Нѣтъ, не мнѣ въ саду зеленомъ встрѣтить пѣсней и поклономъ
Лучъ багряный—вспышку дня!
Слышишь: льется нѣжнымъ стономъ, бьетъ послѣднимъ перезвономъ
Часъ желанный для меня.
Другъ, прощаюсь я съ тобою: смерть склонилась надо мною
И рукою ледяною
Ужъ моихъ коснулась губъ...
Завтра утромъ два солдата
Унесутъ изъ каземата
Безымянный блѣдный трупъ...
Душно, душно... Умираю... Месть тебѣ я завѣщаю:
Разскажи родному краю
Этотъ ужасъ долгихъ мукъ.
Ближе, ближе холодъ ночи... Давитъ грудь... Не видятъ очи"...

Слабый стукъ—послѣдній стукъ:
„Милый другъ, спокойной ночи!"
Тукъ... тукъ... тукъ.

Юрій Свѣтогоръ.

НИЩІЙ АХИТОѲЕЛЪ.

Уже много лѣтъ было такъ, что кто-бы ни приходилъ въ храмъ, онъ всегда видѣлъ при входѣ, у подножія первой колонны, поддерживавшей навѣсъ крыши, одну и ту-же фигуру. Сгорбленная и грязная, кое-какъ обмотанная пестрыми лохмотьями, сквозь которые мертвой желтизной блестѣла старческая кожа, сидѣла она въ тѣни толстой колонны и двигалась вокругъ нея по мѣрѣ того, какъ двигалось солнце: справа—налѣво, незамѣтно и неуклонно, какъ та тѣнь, которую искала она.

И кто бы ни поднимался по ступенькамъ храма—былъ ли то первосвященникъ, левитъ, или просто молящійся, принесшій жертву свою,—едва только раздавались шаги по каменнымъ плитамъ, желтая полуголая спина сгибалась дугой, острыми углами выступали на ней кости лопатокъ, а между ними цѣпь перемежающихся позвонковъ, и старческій, слабый и всхлипывающій голосъ бормоталъ смутныя благословенія, которыя были похожи на просьбы, и просьбы, похожія на благословенія.

Кинувъ оболъ или кусокъ жертвеннаго хлѣба, проходившій шелъ дальше, звонко шаркая туфлями въ прохладномъ и гулкомъ порталѣ храма, и долго еще слышалъ за собой дряблый, прерывающійся голосъ, повторявшій жалкія всхлипывающія слова. И мало кто зналъ лицо нищаго, потому что рѣдко видѣлъ его, такъ какъ при проходѣ оно склонялось до самой земли, такъ что желтая, грязная борода касалась блестящихъ камней пола, отполированныхъ милліонами прошедшихъ по нимъ ногъ.

И только когда шаги проходившаго замирали въ отдаленіи, старый нищій подымалъ голову и тянулся корявой, дрожащей рукой въ сплетенную изъ терновыхъ корней чашку за кускомъ брошеннаго хлѣба или за глухо звякнувшимъ оболомъ. Пряталъ полученное и улыбался чуть-чуть сухими, ушедшими внутрь рта губами.

Къ нему всѣ привыкли, къ этому старому оборванному нищему, сидѣвшему всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ,—отъ самого Каіафы до послѣдняго служителя, подметавшаго полъ послѣ служеній. Когда-то, очень давно, когда первымъ лицомъ въ храмѣ былъ Анна его пробовали гнать, такъ какъ жалкій видъ оборванца былъ темнымъ пятномъ въ величіи и красотѣ храма, но за него заступился пріобрѣтавшій тогда все болѣе силы Каіафа и по личнымъ счетамъ съ первосвященникомъ отстоялъ стараго нищаго. И такъ какъ былъ доволенъ побѣдой надъ всесильнымъ Анной (ибо это было еще однимъ доказательствомъ подымавшагося могущества его), то, проходя назадъ изъ собранія, бросилъ старику нѣсколько ободрительныхъ словъ. И съ тѣхъ поръ—даже когда самъ сталъ первосвященникомъ—не могъ пройти мимо, чтобы не поговорить съ нимъ, какъ бы подчеркивая тѣмъ свою милость и доступность, сохранившуюся даже при такомъ высокомъ положеніи.

— Сидишь, старикъ?—спрашивалъ онъ, пріостанавливаясь на мгновеніе.

Нищій склонялся къ полу и бормоталъ несвязныя слова о милости могучаго первосвященника, позволившаго ему сидѣть.

— Такъ, такъ...—тянулъ Каіафа.—Какъ тебя звать-то?

— Ахитоѳелъ изъ Виѳаніи...

— Такъ, такъ, Ахитоѳелъ,—задумчиво повторялъ первосвященникъ, двигаясь дальше,—такъ, такъ...

Проходилъ мимо, окруженный членами синедріона и почтеннѣйшими изъ гражданъ, и когда шаги умолкали вдали—Ахитоѳелъ подымалъ голову и неодобрительно качалъ ею.

Каіафа спрашивалъ его объ имени каждый разъ, какъ только видѣлъ его, и это было обидно. Старый, больной и одинокій нищій, онъ былъ обиженъ даже тѣмъ, что единственный человѣкъ, спрашивавшій объ его имени, никогда не помнилъ его и при встрѣчѣ спрашивалъ каждый разъ снова.

Это было нехорошо, какъ нехорошо было то, что обижавшему его человѣку онъ былъ обязанъ мѣстомъ у колонны.

Проходилъ день, солнце уходило за горы и тонуло въ багровомъ туманѣ пылающаго вечера, и тѣни сливались въ одну широкую тѣнь, властно подымавшуюся съ земли, въ городѣ зажигались огни, и трепетныя, золотыя точки ихъ были похожи на звѣзды, неожиданно упавшія съ неба и разсыпавшіяся между плоскими кровлями городскихъ зданій.

Надвигалась ночь, и рослый служитель храма Минабъ обходилъ въ послѣдній разъ колоннаду.

— Идетъ ночь, иди и ты, старикъ, надо спать,—говорилъ онъ, проходя мимо Ахитоѳела и звонко щелкая отпадающими задниками туфлей по плитамъ пола.

Ахитоѳелъ поднимался и неясно бормоталъ что-то о снѣ и о ночи, чего не могъ слышать далеко ушедшій Минабъ.

Старый нищій спалъ во внутреннемъ дворѣ храма, и для того, чтобы добраться до него, надо было пройти лѣстницу, обогнуть лѣвое крыло входа и пройти первый, внѣшній дворъ. Это было очень трудно, потому что у Ахитоѳела правая нога высохла и болталась, безсильная и безчувственная, какъ дерево, послѣ того какъ одинъ изъословъ, погонщикомъ которыхъ онъ былъ тогда, ударивъ задомъ, раздробилъ ему колѣнную чашку. Передвигался Ахитоѳелъ съ помощью костыля, на который опирался подмышкой—передвигался медленно, трудно и очень уставалъ. И когда добирался до своего угла во второмъ дворѣ, то садился подъ навѣсомъ совершенно изнеможенный и не сразу могъ приняться за свой ужинъ.

Отдохнувъ, ужиналъ тѣмъ, что давали ему днемъ, и вытягивался на рваной цыновкѣ, служившей ему постелью.

Но не засыпалъ сразу, потому что дремалъ цѣлый день у колонны, и ночью, въ темнотѣ, старыя одинокія мысли дѣлались смѣлѣе и, рождая одна другую, какъ лѣнивыя волны, ползли смутной чередой.

Думалъ Ахитоѳелъ о томъ, что онъ одинокъ, заброшенъ и старъ, и что нѣтъ на всей землѣ ни одного человѣка, который бы отнесся къ нему, какъ къ равному, и поговорилъ бы съ нимъ.

Ему не съ кѣмъ было говорить и некому было пожаловаться на одинокую старость свою, потому что тѣ, кто были выше его, гнушались имъ, а тѣ, что были наравнѣ съ нимъ—такіе же нищіе, какъ онъ, завидовали его мѣсту при храмѣ и тому, что онъ въ милости у первосвященника.

А когда онъ думалъ о Каіафѣ, то сердился: очень обидно было то, что важный старикъ не можетъ запомнить его имени, какъ и то, что отстоялъ онъ Ахитоѳела передъ Анной не потому, что пожалѣлъ его, а потому, что хотѣлъ досадить старому первосвященнику.

Такъ, въ тягучихъ старческихъ мысляхъ, засыпалъ одинокій нищій, а на утро просыпался и опять видѣлъ и дѣлалъ то же, что вчера: заслышавъ звукъ шаговъ по ступенькамъ храма, кланялся и причиталъ плаксивымъ голосомъ, тянулся дрожащей рукой за брошенной монетой или кускомъ хлѣба—и дремалъ.

И такъ же, какъ вчера, проходя мимо, пріостанавливался Каіафа и спрашивалъ:

— Сидишь? Такъ, такъ... А какъ тебя звать-то?

— Ахитоѳелъ изъ Виѳаніи...

— Да, да, изъ Виѳаніи!—задумчиво бормоталъ первосвященникъ и шелъ дальше, окруженный фарисеями и служителями, степенный, важный и забывшій тотчасъ и стараго нищаго, и его имя...

II.

У Ахитоѳела разболѣлась нога, и тупая надоѣдливая боль мѣшала спокойно сидѣть. Обыкновенно старый нищій подворачивалъ ногу подъ себя, пристраивалъ рядомъ костыль и, выставивъ впередъ свою чашечку, сидѣлъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока тѣнь не уходила влѣво и солнце не подбиралось къ нему. Тогда онъ, не измѣняя позы, двигался на рукахъ за колонну, усаживался въ тѣни—и, если никого проходящихъ не было, дремалъ, прислонившись спиной къ холодному мрамору.

Но теперь сидѣть было больно и неудобно, и Ахитоѳелъ вытягивалъ впередъ свою больную безсильную ногу, и снова подгибалъ ее. И оттого, что никакъ нельзя было найти покойнаго положенія, въ душѣ пробуждалось старческое брюзгливое раздраженіе, при которомъ злило все: и упорно двигавшееся солнце, отъ котораго то-и-дѣло надо было переползать на новое мѣсто, и нестерпимо сверкающее небо, слѣпившее глаза мутной слезой, и молящіеся, съ громкимъ оживленнымъ говоромъ проходившіе мимо и не хотѣвшіе замѣчать стараго больного нищаго.

Особенно оживленное движеніе было въ тотъ день, когда въ храмѣ выступалъ новый учитель, объяснявшій священное писаніе съ своей точки зрѣнія. И съ утра, съ самаго окончанія богослуженія, толпа сновала взадъ и впередъ, шумливая, горячо спорящая.

Въ то смутное время глухого броженія и неяснаго протеста противъ тяжелой руки Рима, грубо давившей еврейскій народъ, было много ихъ, невѣдомыхъ проповѣдниковъ, являвшихся въ храмъ и излагавшихъ народу свое толкованіе. Они являлись и пропадали, приходили неизвѣстно откуда и неизвѣстно куда уходили, унося съ собой темную боль своего непонятаго исканія...

Они были далеки отъ стараго нищаго, потому что смотрѣли только передъ собою, и, устремленные въ свою глубокую мысль, глаза ихъ не опускались внизъ и не видѣли дряхлаго Ахитоѳела, смиренно приникшаго къ колоннѣ паперти.

Приходили, — говорили то гнѣвныя, то скорбныя слова, спорили и уходили, оскорбленные или задумчивые, сердитые, пропадая въ сумракѣ наступившаго вечера иногда до завтра, иногда навсегда...

Въ тотъ день, какъ и всегда послѣ нихъ, медлительный и тайный, увѣренный въ томъ, чего не могли постичь они, шелъ изъ храма Каіафа—съ застывшимъ въ неподвижномъ величіи лицомъ, какъ побѣдитель, не желающій хвастаться своей побѣдой.

Окруженный лучшими членами синагоги, онъ улыбался чуть примѣтной усмѣшкой внутренняго превосходства, прислушиваясь къ льстивымъ рѣчамъ спутниковъ, выражавшихъ удивленіе его умѣнью побѣждать въ спорѣ. И какъ бы подчеркивая то, что онъ не слушаетъ ненужныя ему похвалы, проходя мимо нищаго, на минуту пріостановился и спросилъ:

— Сидишь?

Спина нищаго согнулась такъ, что лобъ почти коснулся каменной плиты пола, и кости лопатокъ выступили острыми углами, а губы забормотали безсвязныя благословенія милостивому первосвященнику, позволившему старому больному нищему слышать милостивыя слова его и сидѣть на пути его.

— Такъ, такъ...—задумчиво отозвался Каіафа, глядя вдаль и обдумывая то важное и большое, что назрѣвало у него послѣ только что выдержаннаго спора.—А какъ тебя звать-то?

— Ахитоѳелъ изъ Виѳаніи, милостивый отецъ!

— Такъ, такъ, Ахитоѳелъ...

Онъ двинулся впередъ въ той же глубокой задумчивости, покручивая отдѣлившуюся прядь бороды, и когда отошелъ уже нѣсколько шаговъ,—неожиданно обернувшись къ сопровождавшимъ, громко вымолвилъ:

— Онъ говоритъ, что если разрушить этотъ храмъ, то онъ въ три дня построитъ его... А?

Старый священникъ, шедшій рядомъ, слегка пожалъ плечами.

— Я жалѣю, — сказалъ онъ, — что ты терялъ время на споръ съ нимъ: это сумасшедшій.

Каіафа улыбнулся замкнутой, тайной улыбкой и помолчалъ.

— Это хуже, чѣмъ сумасшедшій, — проговорилъ онъ, наконецъ,—это богоотступникъ... и вредный очень.

Они прошли, и за ними прошли тѣ немногіе, что оставались до конца спора. Прошла кучка бѣдно-одѣтыхъ людей съ длинными дорожными посохами, оживленно говорившихъ между собою и размахивавшихъ руками. Одинъ изъ нихъ—молодой и задумчивый — съ ясными печальными глазами и

лицомъ такимъ нѣжнымъ, какъ лицо женщины, пріостановился возлѣ чашки изъ терновыхъ кореньевъ, что стояла передъ нищимъ, и, склонившись, положилъ возлѣ нея большой хлѣбъ, который несъ подъ плащемъ.

— Я не имѣю денегъ, а хлѣба намъ хватитъ, — сказалъ онъ печально и тихо и тотчасъ же пошелъ впередъ, не слушая благодарственныхъ благословеній нищаго.

Сзади всѣхъ прошелъ человѣкъ, загорѣлый до того, что казался уроженцемъ эфіопскихъ странъ, съ сумкой черезъ плечо. Онъ вскользь посмотрѣлъ на Ахитоѳела и пошелъ дальше, внимательно разглядывая носки своихъ туфель, съ видомъ человѣка, рѣшающаго трудную задачу.

И опять все стало тихо въ пустомъ и гулкомъ порталѣ. Уже садилось солнце, и половина города закуталась въ лиловую тѣнь, брошенную горами, а другая половина алѣла въ послѣднихъ лучахъ и ждала ночи, прощаясь съ солнцемъ. Стало прохладно, и эта прохлада мягкой ласкающей волной нѣжила старое тѣло, измученное дневнымъ зноемъ и неперестающей тянущей болью въ ногѣ.

— Должно быть, скоро пойдетъ Минабъ, и тогда надо будетъ идти на покой.

Ахитоѳелъ подумалъ о томъ, что лучше идти теперь, пока не такъ сильно болитъ успокоившаяся нога, и поднялся. Приладилъ костыль, крѣпко оперся на него тѣмъ мѣстомъ подмышки, гдѣ отъ постояннаго тренія тѣла объ дерево образовалась твердая, какъ само дерево, мозоль, и, захвативъ чашку и пожертвованный только что хлѣбъ, поплелся къ лѣстницѣ.

Но идти было трудно, потому что нога мучительно заныла въ разбитомъ колѣнѣ, и старикъ употребилъ много времени, чтобъ достичь половины высокой лѣстницы.

Уже сѣло совсѣмъ солнце, и небо просвѣтлѣло надъ потемнѣвшей землей, а Ахитоѳелъ, морщась отъ поднявшейся съ новой силой боли, все еще ползъ по ступенькамъ, останавливался и ворчалъ. Уже шелъ сзади легкими сильными шагами Минабъ, гулко постукивая подъ сводомъ грубыми подошвами обуви, и, не дожидаясь его обычнаго замѣчанія, Ахитоѳелъ плаксиво крикнулъ:

— Молчи, молчи, видишь—иду уже... Чего тамъ—видишь, трудно мнѣ, проклятая нога, чтобъ ее...

Онъ опять сморщился и двинулся дальше, какъ сзади раздался незнакомый голосъ:

— Подожди, я помогу тебѣ...

Ахитоѳелъ оглянулся. По ступенямъ спускался совсѣмъ незнакомый ему человѣкъ въ грубой бѣлой одеждѣ и дорожныхъ сандаліяхъ. Когда онъ подошелъ ближе, старикъ раз-

глядѣлъ его лицо — спокойное и какъ бы чуть-чуть скорбное, какъ будто этого человѣка сейчасъ обидѣли, или онъ задумался надъ чѣмъ-то, что темной тѣнью покрыло его душу.

— Я сейчасъ помогу тебѣ, старикъ, — повторилъ подошедшій и бережно и сильно взялъ его подъ локоть,—обопрись на меня, и тебѣ будетъ легче итти...

Ахитоѳелъ молча оперся на него и двинулся. Они сошли съ лѣстницы и пошли во второй дворъ.

— Ты кто такой? — искоса взглядывая на незнакомца, спросилъ нищій.

Шедшій рядомъ чуть-чуть улыбнулся, и улыбка мгновенно странно измѣнила его лицо: изъ скорбнаго и чуть-чуть суроваго оно стало вдругъ удивительно милымъ, освѣтившись неуловимымъ выраженіемъ какой-то дѣтской простоты и свѣжести.

— Я — человѣкъ! — отвѣтилъ онъ тихо и опять улыбнулся.

— Новый прислужникъ храма?—подозрительно спросилъ Ахитоѳелъ. Онъ отвыкъ говорить съ людьми и боялся ихъ:— Вмѣсто Минаба, что-ли?

— Нѣтъ, я такъ... Пришедшій въ храмъ отца своего... Ты гдѣ живешь, куда тебя провести?

Ахитоѳелъ не сразу отвѣтилъ. Онъ думалъ о томъ, что сказалъ незнакомецъ.

— Я здѣсь живу,—сказалъ онъ, наконецъ,—во второмъ дворѣ... Тутъ есть навѣсъ, куда раньше загоняли жертвенныхъ барановъ. . Теперь сдѣлали новый, а я тутъ...

Они вошли во второй внутренній дворъ и остановились у навѣса.

— Вотъ тутъ я... — снова промолвилъ Ахитоѳелъ, слегка кивая на свою цыновку, разложенную подъ навѣсомъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на своего провожатаго, на этотъ разъ внимательнѣй. Въ лицѣ его онъ замѣтилъ одну особенность: въ немъ то и дѣло происходила неуловимая внутренняя перемѣна.

Напоминало это смутное чередованіе свѣта и тѣни, когда по землѣ ползутъ широкія тѣни двигающихся въ небѣ облаковъ, уползаютъ, даютъ мѣсто яркимъ пятнамъ солнечнаго свѣта и вновь закрываютъ его.

То скорбнымъ и даже суровымъ было это лицо, то грустно задумчивымъ, то вдругъ озарялось мягкой женственной улыбкой, показывавшей, что человѣкъ, улыбающійся такъ, знаетъ то, чего не знаютъ всѣ другіе люди. Этимъ выраженіемъ внутренней замкнутости и тихаго превосходства оно странно напоминало совсѣмъ непохожее

на него лицо Каіафы—сухое, черствое лицо гордаго первосвященника.

И, какъ разъ по этому обратному сходству, Ахитоѳелъ вдругъ почувствовалъ къ незнакомцу теплую и неясную еще для него самого пріязнь.

— Ты, можетъ быть, голоденъ — у меня есть хлѣбъ, — медленно проговорилъ онъ и опустился на цыновку: — вотъ онъ.

Пришедшій тихо усмѣхнулся, какъ будто онъ зналъ раньше, что нищій предложитъ ему раздѣлить его хлѣбъ, и сказалъ:

— Да, я не ѣлъ еще...

Онъ сѣлъ рядомъ и разломилъ хлѣбъ. Ахитоѳелъ взялъ свою половину и началъ ѣсть. Когда немного насытился—ему захотѣлось говорить и жаловаться на то, что у него нѣтъ никого близкихъ, и что даже имени его никто не знаетъ.

— Вотъ первосвященникъ тоже... Онъ почтенный человѣкъ, — говорилъ онъ, собирая на ладонь просыпавшіяся крошки и всыпая ихъ въ черный беззубый ротъ, — каждый разъ проходитъ, скажетъ что-нибудь... и — какъ зовутъ?—Ахитоѳелъ!—Такъ, такъ, Ахитоѳелъ.. А потомъ опять: какъ зовутъ?

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на собесѣдника. Тотъ неподвижно глядѣлъ вдаль, въ потемнѣвшее уже совсѣмъ небо, по которому, какъ крупныя искрящіяся слезы, проступили звѣзды и тихо пылали далекимъ холоднымъ пламенемъ.

На дворѣ было совсѣмъ темно, и огромная стѣна синагоги подымалась сбоку угрюмымъ силуэтомъ, черной тяжестью своей закрывшимъ часть небосклона. За плоскими и, сравнительно, невысокими пристройками храма, за разсыпавшимися дальше строеніями города и за туманной полосой городской стѣны—возвышалась вдали Лобная гора, гладкая и круглая, какъ оголенный черепъ.

Еще дальше за ней смутной дымкой намѣчались скалы, и багровый мѣсяцъ, уже ущербленный и узкій, подымался изъ-за нихъ, бросая тусклый отблескъ на острыя ребра каменныхъ обломковъ.

— Каіафа, ты говоришь?—выходя изъ задумчивости, переспросилъ пришедшій.—Онъ умный человѣкъ, только не знаетъ, что дѣлаетъ...

Ахитоѳелъ вздрогнулъ и оглянулся. Возможно, что на дворѣ кто-нибудь былъ еще, кто могъ услышать эти неосторожныя слова о первосвященникѣ.

— Онъ не злой, а можетъ сдѣлать много зла,—продол-

жалъ пришедшій и вздохнулъ, какъ человѣкъ, который хочетъ поднять большую тяжесть и сомнѣвается, сможетъ ли онъ ее поднять.

И вдругъ заговорилъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ о злѣ на землѣ, о злѣ по невѣдѣнію, по непониманію истиннаго царствія Божія. Говорилъ долго и тихо, какъ бы говорилъ самъ съ собой, по-прежнему глядя затуманившимися тайной думой глазами на лысый черепъ горы, принявшей такъ много страданія и оттого мрачной, черной, таившей въ себѣ темное предчувствіе тѣхъ слезъ, что еще должны пролиться на ней...

Новыя, незнакомыя до тѣхъ поръ старому нищему, слова о грядущемъ времени всеобщаго братства, о равенствѣ человѣка передъ человѣкомъ, какъ всѣ равны передъ Богомъ,— тихо звучали въ неподвижномъ сонномъ воздухѣ и сплетались въ странную звенящую серебряную цѣпь, блестящую и такую красивую, что трудно было повѣрить, что ее создалъ человѣкъ...

Она протянулась по всей землѣ и опутала ее свѣтлыми звеньями своими, какъ мудрая серебряная змѣя—и это было похоже на сонъ.

Ахитоѳелъ слушалъ—и одинокая, жалкая, затерянная между сонмами людей на землѣ, старая душа его раскрывалась стыдливо и нѣжно навстрѣчу свѣтло-радостнымъ словамъ невѣдомаго человѣка, неизвѣстно откуда пришедшаго.

— И не будетъ различія между людьми, и старый нищій будетъ равенъ первосвященнику?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Да, такъ должно быть...

— И скоро это будетъ?

— Не сказано ли въ писаніи, что въ рукѣ Господа душа всего живущаго и духъ всякой человѣческой плоти? Не ему ли послужатъ они любовью своею? И ему ли оттягивать время его?

Уже не томила зудящей болью нога, и старое тѣло сладко отдыхало на твердой цыновкѣ, а странныя, новыя слова звучали надъ нимъ и будили въ душѣ давно забытую грусть, такую сладкую и свѣтлую, какъ воспоминаніе безслѣдно потонувшаго въ прошломъ дѣтства. Это было, какъ сонъ, когда духъ, освобожденный отъ износившагося стараго и тяжелаго тѣла,—этого благословенія молодости, превращающагося въ проклятіе при концѣ жизни,—вдругъ почувствуетъ себя вольнымъ, не связаннымъ и создаетъ сверкающую мечту, которой вѣритъ все существо, потому что это бываетъ во снѣ.

Уходили однообразные дни скучнаго сидѣнія у колонны на каменномъ полу и вѣчные поклоны шаркающимъ по

плитамъ шагамъ, и прерываемое избитыми словами благословеній молчанье уходило, а воздвигалась мечта—далекая и прекрасная, несбыточная и заманчивая, какъ сонъ.

Это было, какъ сонъ, потому что нищій Ахитоѳелъ не чувствовалъ вѣчнаго движенія времени, и прошелъ ли одинъ мигъ или вся ночь—онъ не могъ-бы сказать. Когда онъ поднялъ голову, то не было уже плотной таинственной дымки ночи, соединявшей небо съ землею, а былъ синій полусвѣтъ, въ которомъ небо отчетливо и легко отдѣлилось зубчатой полосой дальнихъ горъ отъ земли, и массивная громада храма вылѣпилась четко и выпукло на свѣтломъ небѣ...

Такъ странно это было, эта мгновенная перемѣна ночи въ разсвѣтъ, такъ странно глядѣло узкое, изогнутое правильнымъ полукругомъ, блестящее и совсѣмъ бѣлое лезвіе мѣсяца наверху, въ куполѣ неба, и эта звонкая прозрачная тишина, хрустальной, неподвижной глыбой нависшая надъ городомъ...

И никого не было возлѣ—какъ будто никто и не сидѣлъ рядомъ на цыновкѣ и не будилъ прекрасную, далекую, какъ невозвратно ушедшее дѣтство, мечту...

Или это былъ сонъ?..

III.

Нищій Ахитоѳелъ заболѣлъ. Нога распухла и ныла, тѣло горѣло то жгучей, то знобкой лихорадкой, а въ головѣ шумѣло, какъ будто гдѣ-то рядомъ, возлѣ самаго уха, вздымались и падали, набѣгая одна на другую, огромныя волны.

Большую часть времени Ахитоѳелъ спалъ—или ему казалось, что спалъ—и когда просыпался, то въ недоумѣніи видѣлъ надъ собою то сверкающее нестерпимымъ блескомъ дневное небо, то темносиній, почти черный пологъ ночи, въ которомъ дрожали и шевелились холоднымъ огнемъ звѣзды.

Онъ опять засыпалъ, или ему казалось, что засыпалъ...

А когда проснулся окончательно и почувствовалъ, что нога хоть и болитъ, но изъ тѣла вышла тягучая, сладкая истома, что налила его сухимъ жаромъ и била крѣпкимъ ознобомъ, какъ въ холодную ночь на кедронскихъ перевалахъ—онъ обрадовался и солнцу, тянувшемуся къ нему веселыми золотыми лучами сквозь щели навѣса, и теплу, и, главнымъ образомъ, тому, что онъ живъ.

Надъ нимъ стоялъ Минабъ и, широко оскаливъ крѣпкіе блестящіе зубы, смѣялся и говорилъ что-то, что трудно было понять.

— Живъ, старый нищій?—понялъ, наконецъ, Ахитоѳелъ.— Такъ Богу было угодно, чтобы былъ живъ!

— А гдѣ-же тотъ, пришлецъ?—спросилъ старикъ.

— Какой пришлецъ?

— Который былъ тутъ, сидѣлъ и говорилъ?

— Кто былъ, когда говорилъ?

— Ну, тотъ, что помогъ мнѣ сойти по лѣстницѣ, когда у меня такъ больно, такъ нестерпимо больно болѣла нога?

— А, та-та-та, вотъ что ты вспомнилъ!—протянулъ Минабъ.—Видѣлъ, видѣлъ, я шелъ сзади и видѣлъ, какъ онъ помогалъ тебѣ! Такъ, такъ, ну только...—онъ вдругъ боязливо оглянулся и, наклонившись къ лицу Ахитоѳела, зашепталъ таинственно и съ испугомъ:—только смотри, старикъ, молчи объ немъ! Онъ оказался великимъ грѣшникомъ и богоотступникомъ, и его осудили! Да, да, осудили!—закивалъ Минабъ, не давая Ахитоѳелу вымолвить слова:— Самъ Каіафа, понимаешь ли, самъ Каіафа передалъ его въ руки намѣстника, да, да!.. Онъ говорилъ ужасныя слова! Я, говоритъ, сынъ божій, да, да, и еще—царь іудейскій! Такъ и сказалъ: царь іудейскій... Мой прислужникъ изъ синагоги говорилъ...

Минабъ выпрямился и, ужасаясь тому, что говорилъ нелѣпый человѣкъ, покачалъ головой.

— Да, да,—продолжалъ онъ,—и сегодня его казнятъ. Казнятъ на Галголифѣ, вмѣстѣ съ двумя ворами и разбойниками, которыхъ поймали съ поличнымъ... Ужъ ты лучше молчи про него!..

Ахитоѳелъ съ изумленіемъ глядѣлъ и слушалъ

— Его казнятъ?—переспросилъ онъ.

— Да, да, казнятъ на крестѣ, на Галголифѣ,—съ тѣмъ же таинственнымъ ужасомъ подтвердилъ Минабъ и перебилъ самъ себя, словно тотчасъ-же забывая то, о чемъ расказывалъ сейчасъ.—Мнѣ надо идти—весь народъ, левиты, священники, синедріонъ, всѣ ушли туда; надо идти въ храмъ, а то онъ пустой совсѣмъ... Никого, кромѣ Бога, нѣтъ тамъ... Богъ да Минабъ!..

Онъ опять засмѣялся, сверкнувъ блестящими зубами, и пошелъ со двора.

Старый нищій долго сидѣлъ, молчаливый и задумавшійся, и, склонивъ лысую голову на бокъ, какъ бы прислушивался къ тому, что совершалось въ немъ.

Медленно и сильно билось сердце, разгоняя по толстымъ, напряженнымъ отъ многолѣтней работы жиламъ теплую, словно проснувшуюся, кровь; широко и захватывающе дышала отдыхавшая отъ болѣзни грудь, а въ головѣ плыли неясныя мысли—то радостныя, какъ возвращавшееся

здоровье, то пугающія близкой тоской незамѣтно подползающей смерти.

Это было похоже на игру тѣни и свѣта, когда въ солнечномъ небѣ плывутъ дымныя облака, закрывая и вновь открывая его, и по землѣ, чередуясь съ яркими пятнами свѣта, ползетъ темная тѣнь...

И то, что казалось радостью, непонятно напоминало свѣтлую ночь, узкій рогъ мѣсяца и тихія слова о царствіи божіемъ на землѣ, царствѣ бѣдныхъ, обиженныхъ и убогихъ; а тоска была въ томъ, что это былъ только сонъ, безслѣдно потонувшій въ мутной смѣнѣ одинокихъ, унылыхъ дней, полныхъ поклоновъ и молчанія, прерываемаго бормотаніемъ благословеній... Тѣхъ дней, что сложились въ печальную жизнь одинокаго нищаго, котораго никто не хотѣлъ знать и имени котораго никто не помнилъ.

Съ чувствомъ смутной надежды, которой въ глубинѣ души онъ самъ не вѣрилъ, Ахитоѳелъ поднялся и поплелся къ выходу,

Какъ будто что-то могло перемѣниться, стоило только опять увидѣть того, кто подошелъ, не гнушаясь, раздѣлилъ хлѣбъ и зажегъ яркое пламя надежды — и сдѣлалъ опять человѣкомъ костлявый, блестѣвшій желтой старческой кожей трупъ... Увидѣть—и тогда все будетъ понятно, и муть молчаливой печали уйдетъ, а взамѣнъ ея станетъ яркая жизнь. Въ ней, не дорожа мѣстомъ у колонны, можно будетъ сказать важному, снисходящему Каіафѣ свою обиду, и не кланяться и не льстить, а смотрѣть всѣмъ въ глаза, какъ равный равному... Не жалко будетъ ничего и не страшно жизни, и не дорого уже будетъ мѣсто у колонны въ порталѣ храма, такое выгодное мѣсто, обезпечивающее старую жизнь...

Ахитоѳелъ брелъ по пыльнымъ, кривымъ улицамъ города, щурился отъ ослѣпляющаго солнца и иногда останавливался въ безсиліи. Еще была слабость въ тѣлѣ, и грудь горѣла нестерпимой жаждой, а въ глазахъ вертѣлись огненные круги, и неровная мостовая казалась залитой кровью.

Обычно оживленныя, переполненныя крикливой толпой улицы теперь были пустынны и молчаливы, и тишина, стоявшая въ ихъ узкихъ корридорахъ, казалась зловѣщей отъ яркаго свѣта, пронизаннаго горячими лучами.

Никого не было на улицахъ, какъ будто огромный шумный городъ умеръ, и дома стояли пустынными и безжизненными, пугая непривычной заброшенностью распахнутыхъ дверей и неприкрытыхъ оконъ.

Только уже возлѣ городской стѣны стали попадаться немногіе встрѣчные. Прошелъ продавецъ хлѣба съ пустыми

палками, на которыхъ обыкновенно носилъ онъ нанизанными свои лепешки,—юноша, почти мальчикъ,—и на ходу подкидывалъ свои тростниковыя палки и напѣвалъ что-то.

Потомъ прошло еще двое людей: благообразный старикъ въ богатой одеждѣ и бѣломъ шелковомъ тюрбанѣ—такомъ чистомъ и блестящемъ подъ солнцемъ, что было больно смотрѣть, и рядомъ съ нимъ шелъ его слуга или родственникъ, одѣтый проще, но тоже хорошо, и внимательно слушалъ, что говорилъ старикъ.

Ахитоѳелъ помнилъ старика, хотя и не зналъ его имени—говорили, что это богатый человѣкъ изъ Аримаѳеи, который купилъ себѣ землю подъ городомъ и велъ торговлю съ иноземными купцами.

Онъ былъ благочестивъ и часто бывалъ въ храмѣ и, бывая, каждый разъ давалъ Ахитоѳелу оболъ или два, а иногда и три. Разъ, на Пасху, далъ даже цѣлый сикелъ серебра, и съ тѣхъ поръ старый нищій запомнилъ его и кланялся ему не ниже, чѣмъ первосвященнику.

Но теперь онъ только искоса посмотрѣлъ на него и, неодобрительно поджавъ губы, проковылялъ дальше.

Встрѣчные прошли мимо, по-прежнему оживленно разговаривая и не обращая на него вниманія.

— Нѣтъ, онъ дастъ, я знаю, что онъ дастъ совершить погребеніе,—и слова старика громко и коротко звучали въ пустой улицѣ.—Къ тому же, у меня тамъ есть другъ, онъ служитъ у прокуратора писцомъ, онъ выхлопочетъ...

У самой стѣны стало встрѣчаться больше народа. Люди шли кучками, въ большинствѣ женщины, иногда молчаливыя и какъ будто подавленныя, иногда оживленныя, крикливыя, сверкающія возбужденными глазами.

Ахитоѳелъ брелъ, изнемогая подъ прямыми безпощадными лучами, которые пылающимъ знойнымъ бременемъ давили его ослабѣвшія плечи, обливался потомъ, и моментами ему казалось, что онъ не вынесетъ этого пути и упадетъ. Но все же шелъ, напрягая всѣ силы, цѣплялся дрожащей ногой и качающимся въ невѣрной рукѣ костылемъ за болѣе крупные камни мостовой.

Шелъ упрямо, молчаливо, съ старчески-брюзгливо поджатыми губами и сурово нахмуреннымъ лбомъ.

Въ самыхъ воротахъ ему встрѣтился караванъ—длинная цѣпь связанныхъ между собою верблюдовъ, отягощенныхъ огромными вьюками.

Впереди шелъ погонщикъ — черный, высохшій отъ солнца человѣкъ, весь связанный изъ сухожилій и твердыхъ, какъ дерево, мускуловъ.

— Берегись, берегись!—крикнулъ онъ нищему,—подожди, пока пройдемъ!..

Ахитоѳелъ прижался къ стѣнѣ, и мимо него, почти задѣвая его громоздкими вьюками, медленно и непрерывно качаясь широкими размахами шаговъ, шли голенастые, остро пахнущіе пòтомъ верблюды—съ задранными, мотающимися въ тактъ шаговъ головами на длинныхъ шеяхъ. Одинъ пріостановился на моментъ, сунулся было въ сторону, широко скребнувъ тюкомъ по стѣнѣ, но шедшій съ той стороны невидимый погонщикъ больно ударилъ его, и онъ закричалъ громко и противно, далеко вытянувъ отвислую нижнюю губу и брызгаясь зеленой вонючей слюной.

Здѣсь, въ темномъ и прохладномъ корридорѣ узкихъ воротъ городской стѣны, старый нищій передохнулъ немного и отеръ съ лица потъ.

Вдали, по ту сторону стѣны, за городомъ, перекатывался нестройными заглушенными волнами смутный гулъ, свойственный большой, возбужденной толпѣ. Этотъ гулъ былъ похожъ на тотъ неуловимый въ непонятномъ ритмѣ шумъ, который слышалъ Ахитоѳелъ, когда лежалъ больной подъ навѣсомъ во дворѣ храма, когда день и ночь въ непривычной быстротѣ смѣняли другъ друга, не чувствуемые, не ощущаемые, а только видимые.

Шли мимо верблюды, качаясь на длинныхъ, усталыхъ ногахъ, сверкала въ узкомъ просвѣтѣ воротъ пустынная улица, и все было такимъ же, какимъ было прежде, а тамъ, за городомъ, шумитъ безпорядочнымъ гомономъ толпа.

И среди нея, на лысомъ черепѣ позорной горы умираетъ тотъ, что, не гнушаясь, раздѣлилъ трапезу нищаго.

— Въ чемъ же дѣло, въ чемъ дѣло-то?—силился сообразить Ахитоѳелъ. — Ахъ да, царство нищихъ, обиженныхъ и убогихъ... И равны другъ передъ другомъ, какъ всѣ передъ Богомъ... Да, да, такъ!—шепталъ онъ съ глубокимъ, необъятнымъ изумленіемъ...

Это было, какъ сонъ, и сознаніе не принимало того, что видѣли глаза, искало, стремилось къ разгадкѣ и звало дальше.

Прошелъ послѣдній верблюдъ, и сзади, низко свѣсивъ пыльныя ноги, на которыхъ еле держались грубыя веревочныя туфли, проѣхалъ на маленькомъ осликѣ начальникъ каравана съ длинной палкой поперекъ сѣдла.

Ахитоѳелъ двинулся впередъ и вышелъ за городъ.

И сразу увидѣлъ и понялъ то, что было: огромную толпу, разсыпанную у подножія горы и на сосѣднихъ скалахъ — шумную, пеструю, переливающуюся, какъ брошенная на камень живая ртуть; три высокихъ пятна наверху горы,

куда было больно смотрѣть, потому что они были противъ солнца; и бурое отъ зноя, низко нависшее пылающимъ пологомъ небо, посреди котораго остановилось солнце, особенное, не похожее на обычное,—красное, словно налитое кровью, какъ глазъ, готовый сейчасъ закрыться.

Отъ города до горы каменистая дорога шла незамѣтнымъ, но упорнымъ уклономъ, и идти было трудно. Ахитоѳелъ брелъ, упрямо и настойчиво передвигая невозможно тяжелый костыль и дрожащую ногу, но порой его охватывало отчаяніе, что онъ не дойдетъ и упадетъ на дорогѣ, на горячіе камни, отъ которыхъ несло сухимъ жаромъ, какъ отъ накаленнаго очага.

Онъ пріостанавливался, отиралъ струящійся по лицу потъ, ѣдко щипавшій глаза, и опять, упрямо поджавъ губы и нахмуривъ лысый лобъ, ползъ дальше.

А когда доползъ до мѣста, откуда можно было разсмотрѣть, что дѣлается на вершинѣ лобной горы,—остановился, тяжело навалившись на костыль, вздохнулъ глубоко и облегченно и сталъ смотрѣть.

IV.

Съ того мѣста, гдѣ стоялъ Ахитоѳелъ, было плохо видно все то, что дѣлалось наверху горы. Было больно смотрѣть вверхъ, потому что знойная дымка повисла надъ землей, струилась прозрачной дрожащей завѣсой, и темныя накаленныя скалы млѣли подъ ней, колебались смутнымъ неуловимымъ движеніемъ, и казалось, что вотъ-вотъ онѣ растопятся и потекутъ душной, горячей волной.

Невольно жмурились больные глаза и туманились такъ, что ихъ постоянно надо было протирать.

Наверху горы темными колеблющимися силуэтами двигались люди, и по мгновенному ослѣпительному блеску мѣди въ неспокойной, переливающейся толпѣ можно было отличить солдатъ.

Повисшее низкимъ раскаленнымъ шаромъ солнце и дрожавшія призрачнымъ сухимъ паромъ скалы придавали всему окружающему неуловимое, трепетное движеніе, отчего казалось, что оставшіеся на плѣшинѣ горы люди были не живыми людьми, а призраками, и будто все совершавшееся совершалось не на самомъ дѣлѣ, а въ призрачномъ, чудесномъ снѣ.

И такимъ же страннымъ, чудеснымъ видѣніемъ, живымъ и струящимся, какъ жидкій горячій воздухъ, были возвышавшіеся надъ двигавшейся кучкой людей три черныхъ,

тупыхъ отъ заканчивавшихъ ихъ наверху поперечныхъ перекладинъ креста, на которыхъ корчились и трепетали повѣшенные люди.

Два лицомъ другъ къ другу, одинъ по серединѣ и нѣсколько выше ихъ.

Его можно было разглядѣть лучше, и видно было, какъ въ мучительномъ напряженіи вытянулись мускулы его пригвожденныхъ рукъ, и неестественнно вздулся животъ, перетянутый внизу привязывавшей тѣло къ столбу креста полосой бѣлой матеріи.

Недалекѣ отъ крестовъ, на сосѣдней скалѣ, ближе къ Ахитоѳелу, стояла группа священниковъ—плотная, медлительная въ движеніяхъ и важная. Кое-кто изъ задняго ряда ея выдвигался иногда въ сторону, выходя изъ толпы, чтобы лучше видѣть, и заслонялъ собою то, что дѣлалось на горѣ.

Ахитоѳелъ зналъ всѣхъ, кто стоялъ на скалѣ, потому что всѣ они бывали въ храмѣ каждый день, а старый нищій жилъ тамъ. И лучше всѣхъ онъ различалъ Каіафу, хотя тотъ стоялъ къ нему спиной; но спина эта была ему отлично знакома, такъ какъ онъ рѣдко видѣлъ его лицо, а всегда слѣдилъ глазами за тѣмъ, какъ важный первосвященникъ, сказавъ нѣсколько милостивыхъ, разсѣянныхъ словъ, уходилъ отъ него прочь.

Въ толпѣ народа, окружавшей Ахитоѳела, возлѣ него стояло трое мужчинъ, по лицамъ и одеждамъ пришельцевъ изъ восточныхъ странъ. Должно быть, это были купцы, которыхъ всегда много было въ городѣ, — прибывшіе съ товарами къ предпраздничному торгу. Лица у нихъ были темныя, бронзоваго оттѣнка, съ матовой кожей и длинно прорѣзанными глазами, необычайно черными и тоже матовыми безъ блеска, отчего получалось впечатлѣніе странной глубины и какой-то отчужденности.

Говорили они на незнакомомъ языкѣ и, говоря, часто покачивали головами медленнымъ размѣреннымъ движеніемъ. Когда головы качались—лица оставались совершенно неподвижными, и глаза также замкнуто и глухо смотрѣли изъ длинно прорѣзанныхъ вѣкъ, и это придавало имъ неуловимое сходство съ деревянными манекенами, внимательными и равнодушными въ одно и то же время, далекими отъ всего, что происходило предъ ними, потому что у нихъ была своя особая жизнь.

И особенно безжизненными были черныя плотныя бороды подъ ихъ лицами, такія гладкія и густыя, что, казалось, онѣ состояли не изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ волосъ, а были высѣчены изъ одного чернаго камня.

Одинъ изъ купцовъ двинулся и подошелъ къ нищему.

— Не можешь ли ты мнѣ сказать,—заговорилъ онъ медленно, очевидно съ трудомъ подбирая трудныя слова мало знакомаго языка, — кого и за что предали такой лютой казни тамъ на горѣ?

Онъ указалъ на вершину горы и, склонивъ голову на бокъ, внимательно посмотрѣлъ своими черными неподвижными глазами на Ахитоѳела.

Старикъ угрюмо покосился въ его сторону и не сразу отвѣтилъ.

— Кого, кого...—забормоталъ онъ, какъ будто передразнивая спрашивавшаго,—я не знаю его имени... Не знаю, откуда онъ и чѣмъ провинился... Они, вонъ, знаютъ хорошо!— кивнулъ онъ на скалу, гдѣ стояли члены синедріона.

— Поди вонъ его спроси, вонъ толстаго-то, большого, а я не знаю... Онъ все знаетъ, потому что онъ самый сильный, котораго я знаю... Онъ знаетъ даже стараго нищаго, что сидитъ всегда въ храмѣ возлѣ колонны, хотя и не помнитъ его имени, спрашивая объ немъ каждый день... А того, распятаго, я не знаю... Онъ, должно быть, большой грѣшникъ, потому что не гнушается старымъ презрѣннымъ нищимъ и дѣлитъ съ нимъ скудную трапезу его... И говоритъ,—такъ сладко говоритъ, какъ во снѣ,—о томъ, что царствіе божіе придетъ на землю, и всѣ будутъ въ немъ равны, отъ первосвященника до послѣдняго нищаго, которому оселъ раздробилъ ногу, когда онъ былъ погонщикомъ...

Ахитоѳелъ вдругъ оживился и безпокойно завозился на мѣстѣ.

— Я не знаю, кто онъ и откуда, я знаю только, что всѣ гнушались старымъ нищимъ, а онъ пришелъ и помогъ ему; никто не зналъ и не помнилъ стараго нищаго, и спрашивавшій забывалъ имя его, а онъ не спрашивалъ объ имени, а раздѣлилъ съ нимъ хлѣбъ его...

— И вотъ теперь они казнятъ его!—вдругъ, въ неистовомъ волненіи, вскрикнулъ Ахитоѳелъ и свирѣпо застучалъ своимъ костылемъ объ камни:—они, лицемѣры, гордецы, не могущіе запомнить имени человѣка, къ которому обращаются только потому, чтобъ показать свою снисходительность! О, лжецы, они казнятъ его, и онъ распятъ на позорномъ крестѣ! И умираетъ, пойми, чужеземецъ, умираетъ!..

Голосъ Ахитоѳела пресѣкся, и на минуту онъ умолкъ.

Собесѣдникъ молча слушалъ его и такъ же, какъ прежде, качалъ безжизненной, какъ деревянная, головой и смотрѣлъ съ холоднымъ вниманіемъ своими длинными загадочными глазами. Похоже было, будто неподвижное бронзовое лицо его только маска, подъ которой прячется настоящее жи-

вое лицо, волнующееся и подвижное, полное игры и выраженій.

— О, тсе, тсе, тсе!—причмокнулъ онъ, не то удивляясь, не то сожалѣя неизвѣстно кого—стараго ли нищаго, говорящаго такія непонятныя вещи, или того, что былъ распятъ на крестѣ.—О, тсе, тсе...

— Фарисеи! Онъ сказалъ, что вы не знаете, что́ дѣлаете, и я теперь вижу это!—вдругъ вскрикнулъ Ахитоѳелъ и, въ великой горести и сиротливомъ гнѣвѣ своемъ, внезапно поднялъ руку и погрозилъ сухимъ, сморщеннымъ и безсильнымъ кулакомъ по тому направленію, гдѣ—заслоняя вершину горы—стояла толпа священниковъ.

— О, тсе, тсе, тсе!—зачмокалъ иноземецъ, и голова его закачалась отъ одного плеча къ другому, какъ на шарнирѣ, а глаза такъ же внимательно, съ холоднымъ изумленіемъ, слѣдили за взглядомъ Ахитоѳела.—А не можешь ли ты мнѣ сказать, добрый человѣкъ, кто это стоитъ на скалѣ среди этихъ почтенныхъ старцевъ и смотритъ въ нашу сторону? Должно быть, начальникъ или очень уважаемый человѣкъ?

Ахитоѳелъ присмотрѣлся. Каіафа, дѣйствительно, стоялъ, обернувшись, и, казалось, глядѣлъ на нихъ.

— Этотъ?—переспросилъ нищій. Это тотъ самый, который возвелъ на крестъ распятаго! Это великій лицемѣръ и гордецъ, который не знаетъ, что дѣлаетъ! Надутое, бездушное брюхо, презирающее даже имя, простое имя человѣка, отличающее его отъ другихъ... Лицемѣріе, заступающееся за стараго нищаго только потому, что хочетъ досадить угнетающему!.. О, скверность, передъ которой пометъ осла, на которомъ ѣхалъ распятый,—манна!..

Онъ опять задохнулся и умолкъ, а купецъ отступилъ, удивляясь слышанному и сочувственно причмокивая тонкими, блѣдными губами.

Старый нищій усталъ и присѣлъ тутъ же, гдѣ стоялъ.

Багровое и напряженное солнце потемнѣло, словно задернулось легкой траурной фатой. Но отъ этого не уменьшился томительный жаръ, а наоборотъ — разсѣянные, потускнѣвшіе внезапно лучи палили землю, казалось, еще нестерпимѣе и безпощаднѣе.

Ахитоѳелъ закрылъ глаза и, истомленный, обливающійся потомъ, сталъ смутно прислушиваться къ тому, что совершалось въ немъ.

Неизвѣстно откуда появившаяся горечь, похожая на огромную безпричинную обиду, сжимала горло, и снова старому нищему казалось, будто на всей землѣ онъ совершенно одинъ—никому неизвѣстный, больной и дряхлый.

Отъ этого хотѣлось плакать, и если бы онъ давно уже не

разучился плакать, то заплакалъ бы мутными безмолвными слезами заброшеннаго, бездомнаго существа, у котораго не было впереди ничего, кромѣ одинокаго сидѣнья у колонны, нищенскихъ прошеній и темной смерти въ углу внутренняго двора храма, среди обломковъ стараго навѣса и пересохшаго помета давно не существующихъ барановъ.

А можетъ быть, и плакалъ старый Ахитоѳелъ, потерявшій единственнаго человѣка, говорившаго съ нимъ, какъ съ равнымъ, но слезъ нельзя было отличить отъ крупныхъ капель пота, съ которыми смѣшивались онѣ,—катившихся по темному лицу и убѣгавшихъ къ сморщенной, жилистой шеѣ.

Ахитоѳелъ долго сидѣлъ такъ и долго думалъ и, должно быть, задремалъ даже, потому что неясная темная скорбь, угнетавшая его, вдругъ встала надъ нимъ черной ночью, и чистыя, огненныя слезы пылали въ ней живыми, яркими звѣздами и мигали ему, старому Ахитоѳелу, такъ какъ знали то, что постигло его...

Эти звѣзды мигали, колыхались и, тихо дрогнувъ, сдвигались съ мѣста и плыли одна къ другой и сливались въ одну яркую трепетную цѣпь—такую длинную и звонкую, какъ безконечная серебряная струна... Она звенѣла жалобно и печально, и звукъ росъ, дѣлался сильнѣе, крѣпчалъ, охватывалъ Ахитоѳела со всѣхъ сторонъ, потрясалъ его отрѣшившуюся отъ стараго тѣла душу, какъ таинственный, наростающій громъ.

И вдругъ онъ порвался дикимъ потрясающимъ вскрикомъ—такимъ ужаснымъ и безмѣрно скорбнымъ, какой можетъ вырваться изъ груди человѣка только въ послѣдній моментъ безвозвратной побѣды смерти надъ тѣломъ человѣческимъ...

Ахитоѳелъ поднялъ голову и съ усиліемъ открылъ глаза.

Все небо было темно, и пылающій дискъ солнца закрылся, какъ глазъ человѣка въ послѣднюю минуту отчаянія.

На вершинѣ горы, гдѣ висѣли казненные, народъ стоялъ неподвижной, плотной толпой, сгустившейся у средняго креста.

Ахитоѳелъ взглянулъ на распятаго и понялъ, что пробудившій его крикъ принадлежалъ ему. Онъ слился съ разразившимся громомъ, каменные отзвуки котораго еще катились глухимъ ворчаніемъ вдали надъ горнымъ кряжемъ.

Должно быть, во время дремоты нищаго налетѣла туча, но, подхваченная вѣтромъ, не успѣла разразиться дождемъ и теперь недовольно уползала къ горизонту зловѣщимъ синимъ призракомъ.

Ахитоѳелъ прищурился, напрягая изо всѣхъ силъ зрѣніе, и увидѣлъ, что голова распятаго безсильно повисла внизъ и на бокъ, а все огрузшее, мягко и безвольно подавшееся внизъ тѣло судорожно дергается послѣдней дрожью.

Еще разъ, въ послѣднемъ усиліи побѣдить обнимающую смертную тьму, рванулось судорогой это обвисшее тѣло, слабо мотнулась голова, и все оно замерло въ тупой и холодной неподвижности трупа...

Ахитоѳелъ опустилъ голову и ворчливо пробормоталъ:

— Умеръ.. И то, что говорилъ старому Ахитоѳелу, умерло съ нимъ вмѣстѣ... Какъ было, такъ и осталось! Кривое не можетъ сдѣлаться прямымъ, и чего нѣтъ, того нельзя считать!—добавилъ онъ, смутно припоминая изъ священнаго писанія изреченіе Соломона.

Онъ поднялся, оперся на свой костыль и тихо побрелъ къ городу, съ трудомъ пробираясь въ хлынувшей сразу къ воротамъ толпѣ, цѣпляясь за камни и съ каждымъ шагомъ чувствуя, какъ убываютъ его силы.

Съ утра онъ ничего не ѣлъ, и теперь голодъ, сосавшій внутренности, особенно ослабилъ его.

Его толкали, обгоняли, стремились мимо нестройной текучей волной, то задумчиво молчаливой, то назойливо крикливой, и когда онъ подошелъ къ воротамъ, люди скопились тамъ, какъ неожиданно запруженная вода.

Продавцы хлѣба съ длинными поднятыми надъ головами палками, тяжелыми отъ нанизанныхъ на нихъ прѣсныхъ лепешекъ, и продавцы воды съ глиняными кувшинами, привѣшенными сбоку, выстроились у воротъ и оглушительно кричали, предлагая возвращавшимся съ казни подкрѣпить себя.

Ахитоѳелъ подумалъ, что не худо бы съѣсть хоть одну лепешку, но у него не было ни обола, и надежды выпросить у кого-либо подаяніе было мало. Всѣ были заняты, всѣ торопились домой, протискивались къ воротамъ и не обращали вниманія на стараго нищаго.

Вдругъ народъ заволновался, двинулся душной горячей волной и, какъ хлѣбное поле подъ вѣтромъ, заколыхался низкими поклонами.

Окруженный членами Синедріона и наиболѣе почтенными изъ гражданъ, въ толпѣ проходилъ всемогущій Каіафа, въ сохраненіи закона Моисеева сейчасъ доказавшій еще разъ свое могущество.

Спутники склонялись къ нему и шептали что-то, должно быть, льстивыя слова удивленія его проникновенію и всесилію, а онъ шелъ съ затаенной въ тонкихъ, плотно сжатыхъ гу-

бахъ улыбкой, съ замкнутымъ лицомъ, какъ побѣдитель, который не хочетъ гордиться своей побѣдой.

Проходя мимо Ахитоѳела, онъ на мигъ пріостановился, и улыбка его стала широкой и поощрительной.

— Видѣлъ, видѣлъ гнѣвъ твой на богоотступника, видѣлъ старческую десницу, простертую съ проклятіемъ на него!— проговорилъ онъ и спросилъ:

— Какъ, бишь, твое имя?

Глухое, темное отчаяніе вспыхнуло въ старой груди бѣшенымъ гнѣвомъ. Хотѣлось крикнуть, ударить костылемъ въ гордое, самодовольное лицо важнаго старика, упасть на землю и не вставать больше... И одинъ моментъ нищій неподвижно, злобно и пристально глядѣлъ на первосвященника. Но онъ былъ старъ, безсиленъ и совсѣмъ одинокъ послѣ смерти распятаго и... былъ голоденъ... И вдругъ, неожиданно для самого Ахитоѳела, спина его склонилась съ прежней рабской покорностью, такъ что кости лопатокъ выступили острыми углами подъ желтой, мертвенной кожей.

И съ уничтожающимъ презрѣніемъ къ себѣ, къ смутному предательству своему, залившему безмѣрнымъ стыдомъ дряблыя безкровныя щеки, нищій пробормоталъ смиреннымъ, плаксивымъ голосомъ:

— Ахитоѳелъ изъ Виѳаніи, милостивый господинъ!

— Такъ, такъ, Ахитоѳелъ,—кивнулъ головой Каіафа, бросая серебряную монету, которую тотъ живо подхватилъ,— такъ, такъ,—повторилъ онъ, улыбаясь, и по этой улыбкѣ можно было подумать, что онъ отлично помнитъ имя нищаго и только дѣлаетъ видъ, что забываетъ.—И вотъ, смотрите на этого бѣднаго человѣка изъ Виѳаніи,—продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ,—не есть-ли онъ гласъ народа, какъ гласъ божій, осудившій казненнаго?

Онъ двинулся дальше, и сразу за нимъ и за его свитой толпа замкнулась шумливымъ потокомъ.

Ахитоѳелъ поднялъ голову. Противъ него, наискось, ближе къ воротамъ, стояли тѣ три восточныхъ купца, которыхъ онъ видѣлъ возлѣ горы. Тотъ, что разспрашивалъ, глядѣлъ на него черными, загадочными въ своей неподвижности глазами и говорилъ что-то. Рядомъ кричали въ нѣсколько голосовъ торговцы, предлагавшіе прѣсныя лепешки и воду, но Ахитоѳелъ ясно разслышалъ неодобрительно-изумленное причмокиванье и слащавый голосъ купца:

— Тсе, тсе, тсе, какъ же это ты теперь говоришь, старый нищій, а?

Ахитоѳелъ сердито отвернулся и остановилъ продавца лепешекъ.

— Дай мнѣ два хлѣба за полтора обола, вотъ деньги!—

ворчливо проговорилъ онъ. Потомъ взялъ хлѣбы и сдачу, отправилъ деньги за щеку и побрелъ въ толпѣ къ городу.

И когда шелъ все время, неодобрительно качалъ головой, удивляясь тѣмъ снамъ, что посѣщаютъ иногда людей, такимъ радостнымъ и свѣтлымъ, какъ далекое воспоминаніе дѣтства.

А вспоминая иноземнаго купца и почудившееся ему неодобрительное причмокиванье, бормоталъ провалившимися внутрь беззубаго рта губами:

— Эге, если-бы ты зналъ, какой могучій человѣкъ первосвященникъ и какое доходное мѣсто у колонны храма... Кххэ!.. А старый Ахитоѳелъ слабъ, одинокъ и бѣденъ, хотя и видитъ иногда такіе хорошіе сны...

Должно быть, передъ смертью они бываютъ у такихъ старыхъ людей, какъ нищій Ахитоѳелъ...

В. Муйжель.

---

* * *

Оторву я листокъ отъ березы родной
И тебѣ на чужбину пошлю:
Онъ напомнитъ тебѣ, какъ прекрасны весной
Лѣсъ и небо въ суровомъ краю.

Онъ заставитъ забыть знойно-ласковый югъ
Для далекихъ прозрачныхъ ночей
И тебя позоветъ, какъ тоскующій другъ,
Въ тѣнь душистыхъ весеннихъ вѣтвей.

И въ душѣ у тебя гдѣ-то нѣжной струной
Снова пѣсню весна запоетъ,
Что̀ зеленый листокъ отъ березы родной
На чужбину тебѣ принесетъ!

Г. Галина.

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

IV.

Союзъ Спасенія.—Союзъ Благоденствія.—Заимствованія при составленіи его устава изъ устава Союза Добродѣтели.—Учрежденіе школъ.—В. Ѳ. Раевскій, какъ пропагандистъ.—Литературныя общества.—Предположенія Н. И. Тургенева объ изданіи журнала.—Конституціонныя стремленія Союза Благоденствія.—Обсужденія коренною управою 1820 г. вопроса о формахъ правленія.—Сѣверное Общество и его монархически-конституціонныя стремленія.—Пріѣздъ Пестеля въ Петербургъ въ 1824 г.—Республиканскія теченія въ Сѣверномъ Обществѣ.—Кандидаты во временное правленіе.—Проекты манифеста о созывѣ великаго собора.—Республиканскія стремленія Южнаго Общества.

Союзъ Добродѣтели, не смотря на то, что онъ существовалъ въ Пруссіи въ 1808—9 гг. съ вѣдома правительства, въ самомъ концѣ 1809 г. былъ закрытъ королемъ; отсюда Мих. Ѳед. Орловъ заимствовалъ мысль объ устройствѣ тайнаго общества, которую онъ пытался осуществить при помощи гр. Дмитріева-Мамонова учрежденіемъ Общества Русскихъ Рыцарей, по этому поводу онъ находился въ сношеніяхъ и съ Н. И. Тургеневымъ. Мысль объ устройствѣ тайныхъ обществъ была настолько популярна въ первой четверти XIX вѣка, что даже извѣстный прусскій государственный дѣятель Гарденбергъ въ 1807 г., въ виду необходимости для Пруссіи бороться съ Наполеономъ, высказывалъ убѣжденіе, что тайныя общества могутъ быть полезны, если руководить ими въ интересахъ государства; такими обществами онъ считалъ и масонскія ложи *).

Н. И. Тургеневъ, хорошо знавшій въ Германіи нѣкоторыхъ членовъ Союза Добродѣтели (Tugendbund'a), также не мало размышлялъ о значеніи тайныхъ обществъ. Въ 1817 г., быть можетъ вслѣдствіе своего участія въ замыслахъ М. Ѳ. Орлова, онъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующія мысли: «Убѣдившись въ необходимо-

*) Stettiner. Der Tugendbund, 1904, 9—10.

сти тайныхъ обществъ, надобно въ особенности замѣтить, что тѣ изъ нихъ, кои устроены на правилахъ нравственности и патріотизма, заслуживаютъ не преслѣдованія, а одобренія правительствъ, тѣмъ болѣе, что правительства часто не могутъ произвести въ дѣйство того, что могутъ общества... Общество можетъ... пріобрѣсти болѣе довѣрія отъ людей, нежели правительства, потому самому, что правительство, имѣя болѣе власти, нежели всякое общество, не можетъ внушать сего довѣрія: законъ сильнаго не то, что законъ условный. Общество состоитъ изъ частныхъ лицъ, слѣдовательно заключается въ кругу частнаго дѣйствія; правительство не имѣетъ соперниковъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сила уничтожаетъ довѣріе».

Вслѣдъ затѣмъ (29 іюня 1817 г.) Тургеневъ заноситъ въ свой дневникъ мысли о необходимости работать и жертвовать собою на «пользу гражданскаго счастія отечества», которыя, повидимому, находятся въ связи съ разсужденіемъ о необходимости тайныхъ обществъ. Мысли эти очень неопредѣленны, но характерны для тѣхъ молодыхъ людей, которые находились, такъ сказать, наканунѣ вступленія въ тайное общество *).

Въ концѣ 1816 или началѣ 1817 г. былъ основанъ «Союзъ Спасенія или Истинныхъ и Вѣрныхъ Сыновъ Отечества». По показанію С. Муравьева-Апостола, цѣлью общества, объявленною всѣмъ членамъ-учредителямъ, было введеніе въ Россіи представительнаго правленія. Позднѣе обсуждались средства для достиженія этой цѣли, но никакого опредѣленнаго плана дѣйствій принято не было. Въ уставѣ общества было также сказано, что если царствующій императоръ «не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія».

Пестель, согласно съ Муравьевымъ-Апостоломъ, далъ показаніе, что «вмѣстѣ съ учрежденіемъ общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя», но весьма неопредѣленныя, «однако жъ болѣе склонныя къ монархическому правленію». Въ другомъ показаніи онъ говоритъ: «настоящая цѣль перваго общества была введеніе монархическаго конституціоннаго правленія»; она была опредѣлена одновременно съ принятіемъ устава, однако о ней сообщалось членамъ лишь второй степени, а при принятіи въ первую только глухо говорилось о введеніи новаго порядка. По показанію Якушкина, общество должно было стараться приготовить всѣ сословія къ представительному правленію, но эта главная цѣль должна была быть извѣстна только членамъ высшей степени. По

*) Даже и гораздо позднѣе, въ 1840-хъ годахъ, придя къ другому взгляду на тайныя общества, Тургеневъ высказываетъ убѣжденіе, что они „всегда будутъ существовать тамъ, гдѣ мысль подавлена, слово сковано". La Russie I, 366—367.

свидѣтельству М. А. Фонъ-Визина, цѣлью общества было проведеніе въ жизнь «нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ».

Хорошимъ показателемъ бродившихъ въ то время политическихъ идей служитъ неизданный дневникъ Н. И. Тургенева. Въ ноябрѣ 1816 г. онъ разсуждаетъ о дурномъ вліяніи неограниченнаго монархическаго или деспотическаго правленія на нравственность и отмѣчаетъ «строгость нравовъ въ республикахъ *), развращенность» ихъ «въ деспотическихъ правленіяхъ». Этимъ онъ объясняетъ то, что у насъ «многіе умные люди погибаютъ отъ пьянства и безпутной жизни». Нѣсколько позднѣе, получивъ извѣстіе отъ брата Сергѣя изъ Парижа, что и тамъ его либеральныя идеи не нравятся «нашимъ хамамъ и хамикамъ», по поводу опасеній брата, что это можетъ ему повредить, Тургеневъ замѣчаетъ: «Онъ не долженъ забывать, что мы не для того исповѣдуемъ либеральныя идеи, чтобы нравиться людямъ, изъ коихъ большая часть хамы». Въ это же время Тургеневъ задумываетъ писать, хотя бы и отрывками, разсужденіе объ общей политикѣ: о составныхъ частяхъ государства, о раздѣленіи властей, о различныхъ сословіяхъ. 3-го марта 1817 г., подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него засѣданіемъ государственнаго совѣта, онъ задается вопросомъ: «отчего есть противники конституціонныхъ правленій», и рѣшаетъ его такимъ образомъ, что такъ какъ дѣйствія ихъ открыты для всѣхъ, то поражаемые ихъ недостатками «кричатъ противъ республикъ, противъ конституціонныхъ правленій. Отчего неограниченныя правленія имѣютъ защитниковъ? Оттого, что въ нихъ все скрыто, и многіе, не видя явно ни хорошаго, ни дурного, составляютъ себѣ собственное понятіе о выгодахъ темнаго хода сихъ правленій и защищаютъ ихъ. Но что бы сказали самые горячіе чтители самодержавія, посмотрѣвъ на засѣданія высшихъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣстъ въ самодержавныхъ государствахъ? Если въ нихъ есть совѣсть, безпристрастіе и любовь къ отечеству, то они бы, по крайней мѣрѣ, замолчали». Въ томъ же году Тургеневъ, подъ вліяніемъ мысли о необходимости для Россіи коституціоннаго строя, пишетъ слѣдующее: «Меня гнететъ, уничтожаетъ мысль, что я при жизни своей не увижу Россію свободною на правилахъ мудрой конституціи. При всякомъ добромъ намѣреніи, такъ сказать, *падаютъ руки*, когда вспомню, что я осужденъ прожить вторую половину своего вѣка въ томъ же

*) Еще въ 1814 г., находясь въ Вѣнѣ, Тургеневъ выражаетъ въ своемъ дневникѣ (20 сентября) сочувствіе республикѣ, но, видимо, считаетъ ее мало осуществимою. „Люди, похожіе болѣе на ангеловъ, нежели на людей", пишетъ Тургеневъ, „изобрѣли республиканское правленіе—идеалъ всего человѣчества".

порядкѣ вещей, который существовалъ доселѣ. Это печально, грустно, ужасно, унизительно». 3-го іюля 1818 г. онъ опять размышляетъ на ту же тему: «Пусть эгоисты и глупцы смѣются надъ тѣми, кто желаетъ и любитъ конституцію. Слово—не вещь. Говоря: «мы хотимъ конституціи, мы не говоримъ: мы хотимъ того, что въ Англіи, въ Америкѣ; но мы хотимъ порядка, справедливости, устройства и не разумѣемъ того, чтобы сіе устройство было доставлено тѣми же средствами, какъ въ Англіи и Америкѣ, но средствами, удобными и лучшими для Россіи». Тургеневъ, вѣроятно, желалъ этимъ сказать, что конституція Россіи не должна быть слѣпымъ подражаніемъ англійскому государственному строю или конституціи сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и притомъ (очевидно подъ вліяніемъ варшавской рѣчи Александра I) выражалъ надежду, что она будетъ дарована государемъ, а не добыта революціоннымъ путемъ. Въ письмѣ къ кн. Козловскому *) (7 ноября 1818 года) онъ говоритъ: «Я согласенъ, что самодержавіе можетъ возвышать, усиливать государства, но можетъ ли оно вмѣстѣ съ симъ и счастливить народы. Историкъ, или, въ семъ случаѣ правильнѣе сказать, исторіографъ (очевидно, намекъ на Карамзина), думаетъ *да*, а я думаю и всегда буду думать: *нѣтъ*!»

Союзъ Спасенія просуществовалъ недолго и привлекъ къ себѣ не много членовъ. Осенью 1817 г. рѣшено было приступить къ составленію новаго устава, руководствуясь уставомъ нѣмецкаго Союза Добродѣтели.

Объ этомъ союзѣ у насъ ходили преувеличенные слухи ***). Онъ существовалъ немногимъ болѣе полуторыхъ лѣтъ: онъ былъ основанъ въ Кёнигсбергѣ 16 апрѣля 1808 г.; прусскій король призналъ его существованіе (на основаніи составленнаго проф. Леманомъ устава) 30 іюня 1808, а закрытъ онъ былъ 31 декабря 1809 г. Хотя союзъ имѣлъ 738 членовъ, но онъ не успѣлъ сыграть видной роли; впрочемъ, нѣкоторые отдѣльные его члены участвовали въ заявленіи правительству желаній о созывѣ народныхъ представителей **). Между тѣмъ кн. Трубецкой въ своемъ показаніи говоритъ, что Союзу Добродѣтели (Тугендбунду) приписывали «опол-

---

*) Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ „Остафьевскомъ Архивѣ", т. III, 1908 г., примѣчанія В. И. Саитова, стр. 551—554.

**) См. о немъ слѣдующія сочиненія: 1) Ioh. Voigt. Geschichte des sogenannten Tugendbundes oder des sittlich-wissenschaftlichen Vereins. Berl. 1850. 2) Der Tugenbund. Aus den hinterlassenen Papieren des Mitschtifters Prof Dr. H. F. G. Lehmann. Herausg. Von Pr. Dr. Aug. Lehmann. Berl. 1867. 3) Aug. Fournier. Historische Studien u. Skizzen 1885 (Zur Geschichte des Tugendbundes); 4) Alfr. Stern. Abhandlungen und Aktenstücke zur Geschiche der preussischen Reformzeit. 1807—1815. Leipz. 1885 (Der Sturz des Freiherrn v. Stein im lahre 1808 und der Tugendbund); 5) Dr. P. Stettiner. Der Tugendbund. Königsb, 1904.

***) Stettiner, 25—26.

ченіе Шиля и послѣ того, въ 1813 г. скорое возстаніе Пруссіи противъ Франціи»; «начальникомъ» его «почитали извѣстнаго министра Штейна» и полагали, что въ числѣ членовъ его находится Гнейзенау и многіе другіе извѣстные люди. Однако, эти слухи были несправедливы. Майоръ Шилль, сдѣлавшій въ 1809 г. попытку возстанія для освобожденія Германіи отъ власти Наполеона и показавшій патріотической молодежи примѣръ своею геройскою смертью *), хотя и зналъ хорошо дѣла Союза Добродѣтели и хотя ему было предложено вступить въ число его членовъ, но онъ, уже задумавъ свое отважное предпріятіе, отказался, чтобы не повредить союзу. Штейнъ не былъ его членомъ и довольно равнодушно относился къ нему; членомъ его не былъ и Гнейзенау. Кн. Волконскій также ошибочно полагалъ, что Шарнгорстъ былъ однимъ изъ первыхъ основателей Тугендбунда **). Лорөръ передаетъ слова, сказанныя ему Пестелемъ, будто бы прусскій король въ 1813 и 1814 гг. былъ главою Союза Добродѣтели, между тѣмъ какъ союзъ въ это время уже не существовалъ. Нужно замѣтить также, что въ изданіи Freimüthige Blätter, которымъ пользовались составители устава Союза Благоденствія, былъ напечатанъ первоначальный текстъ устава Союза Добродѣтели ***); при составленіи второй редакціи, онъ подвергся значительной переработкѣ и въ этомъ видѣ былъ напечатанъ самимъ союзомъ ****), но затѣмъ по требованію администраціи вновь пересмотрѣнъ *****).

Въ Союзѣ Добродѣтели участвовало не мало офицеровъ. По свидѣтельству М. А. фонъ-Визина, многіе русскіе познакомились съ нѣмецкими офицерами, бывшими членами этого общества. Н. М. Муравьевъ во время слѣдствія показалъ, что «еще въ Петербургѣ» (т. е. до отправленія въ Москву гвардейскаго отряда осенью 1817 г.) кн. Лопухинъ, членъ Союза Спасенія, «доставилъ книжку нѣмецкаго журнала «Freiwillige Blätter» ******), въ которой находился Уставъ

---

*) K. Goette. Das Zeitalter der deutschen Erhebung. 1807—1815. Gotha, 1891, I, 301—304.

**) Lehmann, 22—23, Voigt, 9—10, A. Stern, 26—29, Stettiner 13—18, 25—27.

***) Freimüthige Blätter, 1815, Heft 4, 1816, Heft 5. Fournier 310. Въ петербургскихъ библіотекахъ нѣтъ названныхъ книгъ Freimüthige Blätter, но въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки хранится копія съ напечатанной въ нихъ первой редакціи устава Tugendbund'a, сдѣланная для А. Н. Пыпина.

****) Вторая редакція перепечатана въ книгѣ Lehmann'a, 147—192.

*****) Изложеніе 3-й редакціи см. въ книгѣ Voigt'a, 57 — 70; ср. Fournier, 319.

******) Это ошибочное названіе (вмѣсто Freimüthige Blätter) повторено и въ „Донесеніи Слѣдств. Коммисіи". Указаніе, что доставлена была „книжка", наводитъ на мысль, что составители Устава Союза Благоденствія имѣли въ рукахъ не весь уставъ Tugendbund'a, а только первую половину (первой редакціи), которая была напечатана въ 4 тетради Freimüthige Blätter" 1815 г., гдѣ помѣщены были: введеніе и Gesetz I II и III, до 73 §.

Тугендбунда въ томъ самомъ видѣ, какъ оный, по сказанію сего журнала, былъ представленъ въ 1808 году на утвержденіе королю Прусскому *). Петръ Колошинъ перевелъ его на русскій языкъ. Уставъ сей весьма понравился Михаилу Муравьеву, фонъ-Визину и Якушкину, которые (въ Москвѣ) «настаивали, чтобы оный примѣнить къ состоянію Россіи и народному характеру, на что другіе члены не соглашались, такъ что Михайло Муравьевъ и Петръ Колошинъ оставили общество» (до тѣхъ поръ, пока ихъ мнѣніе не восторжествовало). Передѣлка устава, какъ показалъ Н. М. Муравьевъ, «продолжалась около 4 мѣсяцевъ. Она была поручена Михайлѣ Муравьеву, кн. Трубецкому и мнѣ. Но такъ какъ моя часть не отвѣтствовала прочимъ, то поручено было Петру Колошину ее передѣлать. Пока работа сія производилась, Александръ Муравьевъ завелъ Военное Общество, которое было довольно многочисленно и раздѣлялось на двѣ управы. Но по окончаніи новаго устава общество сіе было распущено, и члены общества поступили въ новый *Союзъ Благоденствія*... Многіе члены предлагали поднести его правительству и испросить отъ онаго утвержденія» **).

Между тѣмъ какъ Н. Муравьевъ приписываетъ доставленіе оригинала Устава Союза Добродѣтели кн. П. П. Лопухину, другіе декабристы (М. А. фонъ-Визинъ, С. Муравьевъ-Апостолъ и Якушкинъ) говорятъ, что это сдѣлалъ кн. Илья Долгоруковъ. Вступивъ въ Союзъ Спасенія въ началѣ 1817 г., онъ уѣхалъ за-границу въ апрѣлѣ того же года и вернулся лишь въ августѣ слѣдующаго. По словамъ фонъ-Визина, въ Германіи онъ «вошелъ въ сношенія» съ (бывшими) членами Союза Добродѣтели, которые «сообщили ему свои статуты». Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говоритъ, что печатный уставъ Союза Добродѣтели былъ присланъ изъ Германіи кн. Долгорукимъ и что уставъ Союза Благоденствія былъ введенъ въ дѣйствіе за нѣсколько времени предъ обратнымъ выступленіемъ гвардейскаго отряда изъ Москвы.

А. Н. Пыпинъ доказалъ, что составители устава Союза Благоденствія значительно воспользовались первою редакціею устава Союза Добродѣтели ***). Онъ отмѣтилъ также опущеніе въ уставѣ Союза

включительно. Дѣйствительно, заимствованія, сдѣланныя составителями устава Союза Благоденствія, относятся только къ этой первой части устава Tugend und'a.

*) Въ предисловіи нѣмецкаго изданія сказано, что печатаемый уставъ Союза Добродѣтели былъ составленъ въ 1808 г., въ 1809 исправленъ и въ томъ же году союзъ былъ уничтоженъ королемъ. Издатели пожелали его огласить на томъ основаніи, что по § 27 первой редакціи устава Союзъ Добродѣтели—общество, „которое старается получить одобреніе каждаго правительства".

**) Н. И. Тургеневъ также свидѣтельствуетъ, что „основатели Общества спорили о томъ, не слѣдуетъ ли просить поддержки правительства. Только боязнь, что ихъ намѣренія не будутъ признаны, побудило ихъ дѣйствовать безъ содѣйствія и вѣдома императора". La Russie I, 73.

***) „Очерки общественнаго движенія", изд. 3-е, стр. 379—380, 553—558, 562, 567.

Благоденствія двухъ очень важныхъ параграфовъ устава Союза Добродѣтели, въ которыхъ непремѣннымъ условіемъ пріема въ члены Союза для землевладѣльцевъ, имѣющихъ «подданныхъ» (Unterthanen), т. е. крѣпостныхъ, было постановлено, чтобы они обязались въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ вступленія въ союзъ или, по крайней мѣрѣ, къ концу того же хозяйственнаго года и, во всякомъ случаѣ, до 1810 года, когда по закону 9 октября 1807 г. должно было прекратиться существованіе крѣпостного права, «освободить ихъ отъ подданническихъ отношеній» (Unterthänigkeit) и, посредствомъ полюбовнаго соглашенія относительно работъ, обратить ихъ условное владѣніе землею въ свободную собственность, по возможности совершенно достаточную для пропитанія трудолюбиваго семейства. Опущеніе этихъ параграфовъ показываетъ, что не только мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ не созрѣла еще среди основателей Союза Благоденствія, но въ уставѣ его они не рѣшились прямо говорить о какомъ бы то ни было освобожденіи крѣпостныхъ *). Но если, такимъ образомъ, соціальное міросозерцаніе составителей устава Союза Благоденствія стояло на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ составителей устава Tugendbund'а (это объясняется тѣмъ, что для всей Пруссіи былъ уже изданъ 9 октября 1807 г. законъ объ уничтоженіи наслѣдственнаго подданства **), а у насъ во время составленія устава Союза Благоденствія крѣпостное право было уничтожено лишь въ Царствѣ Польскомъ и уничтожалось въ Остзейскомъ краѣ), то за то въ смыслѣ политическаго либерализма первые были неизмѣримо выше вторыхъ, что, впрочемъ, зависитъ и отъ болѣе поздняго, на цѣлые десять лѣтъ, учрежденія Союза Добродѣтели, а за это время и политическое міросозерцаніе нѣмцевъ сдѣлало значительные успѣхи. Какъ бы то ни было, весьма важно для характеристики настроенія членовъ Союза Благоденствія, что они не воспользовались цѣлымъ рядомъ параграфовъ устава Союза Добродѣтели, въ которыхъ высказывалась преданность монарху, предписывалось защищать государя и домъ Гогенцоллерновъ «отъ напора безнравственнаго духа времени», а также выслѣживать измѣнническія сношенія и чрезъ высшихъ представителей союза предавать ихъ начальству. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ, вѣроятно, объ измѣнническихъ сношеніяхъ съ иностраннымъ государствомъ ***), но все же Союзъ

*) Впрочемъ члены Союза должны были подвергать осужденію тѣхъ господъ, крестьяне которыхъ бродятъ по міру, и стараться „склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя, что подданные такіе же люди и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которыя дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться".

**) См. Кnapp. Die Bauern-Befreiung. 1887, I, 135—136 (есть русскій переводъ).

***) Во введеніи первой редакціи устава Союза Добродѣтели (§ 11) сказано, что этотъ союзъ „составляетъ среди народа оплотъ трона ны-

Добродѣтели не пожелалъ взять на себя обязанности ни защищать русское правительство «отъ напора духа времени», ни предупреждать государственную измѣну *). Эти требованія устава Союза Добродѣтели не могли не находиться въ самомъ рѣзкомъ разногласіи съ убѣжденіями составителей устава Союза Благоденствія, часть которыхъ (Трубецкой и Н. Муравьевъ) были членами Союза Спасенія, ставившими одною изъ своихъ задачъ достиженіе политической свободы. Составители устава Союза Благоденствія не возвысились до признанія полной свободы совѣсти, такъ какъ членами Союза могли быть только христіане (книга II, гл. I, § 2), о чемъ въ уставѣ Союза Добродѣтели не упоминается **). Что касается соціальнаго положенія лицъ, желающихъ сдѣлаться его членами, то по уставу Союза Благоденствія онъ «не взираетъ на различіе состояній и сословій», но, однако, членами могли быть только «вольные люди» ***). Женщины не могли быть членами ни Союза Добродѣтели, ни Союза Благоденствія. Но въ уставѣ послѣдняго прибавлено: «должно, однакожъ, стараться нечувствительнымъ образомъ склонять» женскій полъ «къ составленію человѣколюбивыхъ и вообще частныхъ обществъ, соотвѣтствующихъ цѣли Союза».

нѣшняго властелина Пруссіи и дома Гогенцоллерновъ противъ безнравственнаго духа времени". Въ § 21 того же введенія: „Союзъ Добродѣтели создаетъ общественное мнѣніе въ низшихъ классахъ народа, благопріятное для государя и правительства". Въ § 22: Союзъ ставитъ себѣ задачею бороться съ вреднымъ вліяніемъ „подкупленныхъ писателей", которые проповѣдуютъ уничтоженіе существующихъ порядковъ. Въ § 9 отдѣла 1-го устава: „Ни одинъ чиновникъ изъ уступленныхъ... провинцій, который оказался виновнымъ въ участіи въ тамошнемъ возстаніи, въ помощи инсургентамъ или въ нарушеніи своего долга, не можетъ быть принятъ въ Союзъ". Въ постановленіяхъ о полиціи (отд. III гл. 6, §§ 154 и 155) сказано: „за сношеніями, имѣющими цѣлью измѣну государству, должно слѣдить съ величайшею настойчивостью и къ подозрительнымъ лицамъ приставлять тайныхъ наблюдателей. Если членъ союза заподозритъ кого-либо, то долженъ указать на него своему цензору и продолжать въ полной тайнѣ свои наблюденія до того, когда будетъ имѣть возможность предъявить несомнѣнныя доказательства". Въ уставѣ Союза Благоденствія есть правило, что „всякій членъ подъ опасеніемъ взысканія обязанъ властямъ союза" (а не правительству, какъ въ уставѣ Tugenbund'а) „доносить о всѣхъ противозаконныхъ и постыдныхъ дѣяніяхъ своихъ сочленовъ". Впрочемъ, въ третьей редакціи устава Союза Добродѣтели система тайнаго надзора и доносовъ была устранена. Fournier, 319.

*) Нужно обратить также вниманіе на то, что въ подпискѣ вступающаго въ Союзъ Добродѣтели онъ давалъ обязательство „съ особенною вѣрностью быть преданнымъ теперешнему королю и его семейству", въ уставъ же Союза Благоденствія это мѣсто не было включено.

**) Однако, фактически, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ евреи не имѣли доступа въ Союзъ Добродѣтели. Lehmann, 31, Voigt, 38.

***) Въ уставѣ же Союза Добродѣтели было сказано, что въ немъ „исчезаетъ всякое различіе сословія и званія" (Отдѣлъ I, § 23). Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ устава Союза Благоденствія это послѣднее правило Союза Добродѣтели было повторено уже безъ оговорки: „различіе гражданскихъ состояній и званій въ союзѣ уничтожается".

Любопытно постановленіе устава Союза Благоденствія, что «вступленіе въ такія общества, кои правительствомъ не одобрены, членамъ союза воспрещается, ибо онъ, дѣйствуя къ благу Россіи и, слѣдовательно, къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣнію». Въ первой редакціи устава Союза Добродѣтели этому соотвѣтствуетъ постановленіе, что онъ представляетъ «открытое общество, которое старается пользоваться одобреніемъ каждаго правительства» (введеніе, § 27). Впрочемъ, уставъ Союза Благоденствія повторяетъ правило устава Союза Добродѣтели, что «никто безъ особеннаго порученія» не можетъ съ посторонними говорить о занятіяхъ и дѣлахъ союза, а также безъ особеннаго позволенія письменно (въ уставѣ Тугендбунда—посредствомъ печати) излагать свои мысли ни за, ни противъ союза. Въ другомъ мѣстѣ устава Союза Благоденствія сказано, что «никакое сочиненіе не издается отъ Союза безъ согласія правленія онаго».

Въ первой части «законоположенія Союза Благоденствія» не выражается какой-либо опредѣленной политической программы. Во «вступленіи» указывается на необходимость «соблюденія блага общаго», какъ на первый, естественный законъ общества, на то, что всякое правительство должно имѣть цѣлью «благо управляемыхъ», что безъ добрыхъ нравовъ народа правительство не можетъ удержать государство отъ паденія, что противодѣйствовать господствующему злу можно не иначе, какъ «отстраненіемъ личныхъ выгодъ и совокупленіемъ общихъ силъ добродѣтели противъ порока». Поэтому Союзъ Благоденствія считаетъ своею обязанностью «распространеніемъ между соотечественниковъ истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія». Такъ какъ одно время была даже рѣчь о томъ, чтобы, по примѣру нѣмецкаго Союза Добродѣтели, представить уставъ Союза Благоденствія правительству, то Союзъ выражаетъ надежду на «доброжелательство правительства», но все же рѣшаетъ дѣйствовать втайнѣ «во избѣжаніе нареканій злобы и зависти».

Цѣлью Союза были слѣдующія четыре отрасли дѣятельности: 1) человѣколюбіе, 2) образованіе, 3) правосудіе, 4) общественное хозяйство. Задачею первой отрасли являлось наблюденіе за больницами, сиротскими домами и проч., учрежденіе новыхъ заведеній этого рода, надзоръ за тюрьмами, острогами и проч., проповѣдь гуманнаго обращенія съ крѣпостными и порицаніе иначе относящихся къ нимъ, предоставленіе работы праздношатающимся учрежденіемъ рабочихъ заведеній, устройство пристанищъ для дряхлыхъ и увѣчныхъ, учрежденіе въ большихъ и губернскихъ городахъ «приказовъ» для всѣхъ свободныхъ людей, желающихъ получить мѣсто или работу *). Вторая отрасль—образованіе—

*) Въ уставѣ Союза Добродѣтели, не ограничиваясь такими бюро для

должна была имѣть цѣлью: 1) распространеніе правилъ нравственности, 2) воспитаніе юношества и 3) распространеніе познаній. Пропагандируя правила нравственности, должно было показывать «неразрывность собственнаго блага съ общимъ и ничтожность такъ называемыхъ личныхъ выгодъ», бороться съ лихоимствомъ, съ «жестокостью съ подвластными» (очевидно, тутъ имѣлись въ виду не только крестьяне, но и солдаты) *), осмѣивать чрезмѣрное стремленіе къ удовольствіямъ и «нелѣпую приверженность къ иноземному», предоставлять женщинамъ «новое поприще дѣйствій въ распространеніи возвышенныхъ чувствованій... любви къ отечеству и къ истинному просвѣщенію», объединять молодыхъ людей въ обществахъ для полезныхъ занятій, но съ тѣмъ, чтобы ихъ послѣдствіемъ, а также «всѣхъ дѣйствій, всѣхъ помышленій, было *общее благо»*. Члены, желающіе оказать пользу воспитанію юношества, должны были собирать свѣдѣнія о существующихъ въ государствѣ учебныхъ заведеніяхъ, предлагать средства для исправленія ихъ недостатковъ, стараться участвовать въ управленіи учебными заведеніями и самимъ заводить ихъ; члены, имѣющіе помѣстья, должны были по возможности заводить училища въ своихъ деревняхъ **). Наиболѣе важными отраслями знаній для воспитанія сердца и разсудка Союзъ считалъ «точныя науки», «бытописаніе» (исторію) и «государственныя науки»; онъ придавалъ большое значеніе и образованію женскаго пола. Распространять познанія, какъ и все остальное, слѣдовало: личнымъ примѣромъ, словомъ и письмомъ. Члены союза должны были дѣлаться членами ученыхъ обществъ, сочинять и переводить книги. Дѣятельность по первой и второй отрасли должна была выражаться, между прочимъ, и въ выпускѣ въ свѣтъ соотвѣтственныхъ періодическихъ изданій ***).

прiисканія работы, рекомендовалось устройство колоній для бѣдныхъ. Члены Союза должны были также защищать рекомендованныхъ ими рабочихъ отъ чрезмѣрной строгости и несправедливости господина (Отдѣлъ III, 125, 126, 165).

*) Кн. Волконскій въ показаніи на слѣдствіи прямо говоритъ, что одною изъ цѣлей Союза Благоденствія было уничтоженіе жестокаго обращенія съ нижними чинами и охраненіе собственности ихъ отъ расхищенія. По словамъ Комарова, одною изъ задачъ Союза было распространеніе кроткаго обращенія въ войскахъ съ офицерами и солдатами. О дѣятельности членовъ тайнаго общества въ этомъ отношеніи мнѣ придется еще говорить.

**) Въ уставѣ Союза Добродѣтели рекомендовалось заводить въ университетахъ свободныя общества (подъ именемъ „Нѣмецкій Союзъ“); въ уставѣ Союза Благоденствія это исключено. Различныя свободныя общества (Freivereine) уставъ Союза Добродѣтели совѣтовалъ устраивать и внѣ университетовъ, при чемъ этимъ могли заниматься какъ духовныя, такъ и другія лица.

***) Уставъ Союза Добродѣтели рекомендовалъ въ журналѣ союза, посвященномъ литературѣ, защищать свободу мысли и слова (Отдѣлъ III,

Дѣятельность третьей отрасли (правосудіе) должна была состоять въ томъ, чтобы не отказываться отъ должностей, особенно по выборамъ дворянства, наблюдать за чиновниками, вникать въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ и военныхъ судовъ *) и стараться склонять все на сторону справедливости, соглашать «различныя племена, состоянія, сословія» и направлять ихъ всѣ «къ благоденствію Россіи», искоренять злоупотребленія, вкравшіяся въ военную службу, восхвалять помѣщиковъ, извѣстныхъ добрымъ обхожденіемъ съ подвластными, «истреблять» продажу крѣпостныхъ людей въ рекруты, отклонять отъ продажи людей по-одиночкѣ, объясняя, что они—не товаръ, и что такая торговля людьми неприлична христіанамъ, устраивать вольныя общества для подавленія порока и неправды, въ которыхъ должна была собираться «общественная казна» для вознагражденія потерпѣвшихъ за правду.

Четвертая отрасль союза должна была заниматься «общественнымъ хозяйствомъ, т. е. изысканіемъ непреложныхъ правилъ общественнаго богатства»: она обращаетъ особенное вниманіе на хлѣбопашество, «покровительствуетъ» (?) всякой полезной промышленности, имѣетъ надзоръ (?) надъ внѣшнею и внутреннею торговлею. Члены этой отрасли въ мѣстахъ своего жительства по возможности устраиваютъ «страховые приказы» для вознагражденія убытковъ отъ пожара и другихъ несчастныхъ случаевъ, заводятъ вольныя общества для усовершенствованія хлѣбопашества и проч. **). Составленіе устава Союза Благоденствія продолжалось четыре мѣсяца, затѣмъ уставъ Союза Спасенія былъ сожженъ, и общество начало свое существованіе въ 1818 году.

Хотя значительное вліяніе на уставъ Союза Благоденствія устава нѣмецкаго Союза Добродѣтели совершенно несомнѣнно, но нѣкоторыя лица, приближенныя къ импер. Александру, искали образца для перваго устава въ другомъ мѣстѣ. Генералъ-адъютантъ А. И. Чернышевъ представилъ императору Александру въ 1822 г. уставъ Союза Благоденствія, при чемъ сопоставилъ его съ нѣкоторыми мѣстами, заимствованными изъ двухъ книгъ объ извѣстномъ орденѣ иллюминатовъ: «Оригинальныя» (или «подлинныя») «писанія ордена иллюминатовъ, книга I», найденныя у нихъ при обыскѣ и напечатанныя въ Мюнхенѣ въ 1787 году ***) и «Пол-

§ 108); въ уставѣ Союза Благоденствія это правило отсутствуетъ, быть можетъ потому, что оно находится въ той части устава, которая могла остаться неизвѣстною членамъ Союза Благоденствія.

*) Это правило отчасти объясняетъ интересъ, который Н. И. Тургеневъ обнаруживалъ и относительно военнаго судопроизводства.

**) Уставъ Союза Благоденствія напечатанъ А. Н. Пыпинымъ въ приложеніи къ его извѣстной книгѣ „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", изд. 3-е, стр. 547—576.

***) Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bei dem gewesenen Regier.-Rath. Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut, den 11 und 12 October 1786, vorgefunden worden, auf Befehl Sr. Churfürstl. Durchlaucht

ная исторія гоненія (sic) иллюминатовъ въ Баваріи» (сочиненіе основателя ордена, проф. Вейсгаупта). Однако, совпаденія постановленій иллюминатовъ съ правилами Союза Благоденствія весьма невелики. Такъ, правило устава этого Союза: «подъ его надзоромъ должны находиться всѣ безъ исключенія народныя учебныя заведенія» сопоставлено съ правиломъ ордена иллюминатовъ: «всѣ нѣмецкія школы состоятъ подъ орденомъ и управляются членами онаго». («Подлинныя писанія иллюминатовъ», стр. 10). Но оно, вѣроятно, заимствовано изъ слѣдующаго постановленія устава Союза Добродѣтели: «всѣ общественныя воспитательныя заведенія состоятъ подъ тайнымъ надзоромъ соовѣтственнаго отдѣла союза». Точно такъ же не убѣдительно сопоставленіе правила Союза Благоденствія о занятіи членовъ сочиненіями и переводомъ книгъ и о допущеніи «въ словесности» только истинно-изящнаго и отверженіи всего худого и посредственнаго» съ тѣмъ, что, по статуту ордена иллюминатовъ, члены его должны «распространять художества, науки и хорошій вкусъ, противясь всему, что сему мѣшаетъ» *); приведенное правило Союза Благоденствія, очевидно, заимствовано изъ устава Союза Добродѣтели, одинъ изъ параграфовъ котораго гласитъ: «въ отечественной литературѣ союзъ поддерживаетъ классическое, пробуждаетъ равнодушіе къ господствующей посредственности и презрѣніе къ дурному». Правило Союза Благоденствія, что онъ «не взираетъ на различіе состояній и сословій», заимствовано не изъ постановленія иллюминатовъ: «исчезаетъ въ орденѣ всякое различіе чиновъ и званія», а, какъ было уже указано, изъ устава Союза Добродѣтели **). Извѣстно изъ донесенія Грибовскаго (1821 г.), что Н. И. Тургеневъ былъ знакомъ съ правилами иллюминатовъ, но при составленіи устава Союза Благоденствія онъ не былъ еще его членомъ. Возможно, конечно, что уставы иллюминатовъ имѣли вліяніе на составителей устава Союза Добродѣтели ***), но при сочиненіи правилъ Союза Благоденствія непосредственнаго вліянія, вопреки указаніямъ доклада Чернышева, они не оказали ****).

Мы видѣли, что Союзъ Благоденствія задавался, въ сущности,

---

zum Druck befördert. 1787. Этой книги нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ.

*) Vollständige Geschichte der Verfolgung der Illuminaten in Bayern, I Band, 1786, S. 121.

**) Военно-Учен. Архивъ, Отд. I, № 509-а, л. 1—86; на копіи, найденной въ бумагахъ гр. Дибича, рукою гр. Чернышева написано: „L'original a été remis á Sa Majesté le 23 de mars 1822". „Рус. Стар." 1904 г. № 5, стр. 242.

***) Иллюминатами интересовались нѣкоторые наши масоны. Гос. Арх. I В. № 499 „Fragment sur les Illuminés de Bavière".

****) Объ иллюминатахъ см. ст. Kluchohn'а въ его книгѣ Vorträge und Aufsätze, 1904 и въ Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. 2 Aufl. von Lenning's Encyklopädie, 1863, II Band (въ 3-мъ изд. 1900 г. статья эта сокращена).

непосильными задачами, но отдѣльные его члены пропагандировали мысль объ уничтоженіи крѣпостного права, улучшали бытъ своихъ крестьянъ, заводили для нихъ училища *).

Въ дѣлѣ устройства школъ дѣятельность членовъ Союза Благоденствія совпадала съ дѣятельностью нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ. Такъ, въ январѣ 1819 г. былъ утвержденъ государемъ уставъ «С.-Петербургскаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія Бэля и Ланкастера» **). Двое изъ главныхъ дѣятелей этого общества, извѣстный художникъ гр. Ѳ. П. Толстой, предсѣдатель общества, и Ѳ. Н. Глинка, помощникъ предсѣдателя, были и членами масонской ложи Избраннаго Михаила, и членами Союза Благоденствія ***). Общество открыло въ 1819 г. въ Петербургѣ училище для мальчиковъ на 250 чел. (но училось и болѣе); оно просуществовало до 1827 г. и закрылось по недостатку средствъ ****).

Примѣненіемъ у насъ ланкастерской методы взаимнаго обученія *****) много занимался М. Ѳ. Орловъ и до того, какъ онъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія, и въ то время, какъ онъ былъ членомъ этого общества. Ланкастерская школа была учреждена въ Кіевѣ въ 1817 г. еще до пріѣзда туда Орлова ******) генераломъ Н. Раевскимъ, но въ ней было всего 40 кантонистовъ. Въ 1819 г. Орловъ довелъ число учениковъ въ ней до 800 человѣкъ, при чемъ на ряду съ дѣтьми учились и нѣкоторые пожилые солдаты. Въ школѣ этой преподавали, кромѣ чтенія и письма, ариѳметику, черченіе, исторію, географію и законъ Божій. Мартосъ, посѣтившій

*) Напр., И. Д. Якушкинъ въ своемъ имѣніи въ Вяземскомъ у. Смоленской губ.

**) Проектъ устава этого общества см. въ „Рус. Стар." 1881 г. т. XXX, стр. 181—183. Утвержденный государемъ 14 янв. 1819 г. уставъ общества см. „Рус. Вѣстн." 1819 г. № 5, стр. 29—37.

***) О декабристахъ-масонахъ см. мою статью въ журн. „Минувшіе Годы" 1908 г. №№ 2, 3.

****) См. о немъ и петербургской школѣ „Сынъ Отечества" 1820 г. ч. 63, стр. 129—134 и воспоминанія гр. Ѳ. П. Толстого въ „Рус. Стар." 1878 г. т. 21, 214—222. Объ училищахъ по методѣ взаимнаго обученія въ Россіи см. „Сынъ Отечества" 1823 г. № 10, стр. 97—107; Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", изд. 3-е, стр. 334—342. С. В. Рождественскій, „Историч. обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщ." 1902 г. стр. 145—148. Вороновъ, „Истор. стат. обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа". Спб. 1849, стр. 155—157, 221—225.

*****) См. о ней книгу Гамеля „Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Белла, Ланкастера и другихъ, въ коемъ изложены начало и успѣхъ сего способа въ Англіи, во Франціи и въ другихъ странахъ и подробно изъяснены правила и порядокъ употребленія онаго въ училищахъ". Переводъ Кнаппе. По Высоч. повелѣнію издано Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1820.

******) Въ этомъ году онъ былъ назначенъ въ Кіевъ на мѣсто начальника штаба 4-го корпуса.

школу около 1820 г., нашелъ въ ней уже до 1800 учениковъ. Обучавшіеся здѣсь учителя преподавали въ подобныхъ же школахъ въ Москвѣ, Могилевѣ и Херсонѣ *).

23 іюля 1819 г. Орловъ писалъ Киселеву: «Знаешь-ли, что сочиняю грамматику? Вотъ куда чортъ меня дернулъ! Ужъ много сдѣлано и примѣнено къ ланкастерской методѣ, которая, можетъ быть, въ отечествѣ нашемъ будетъ называться нѣкогда орловскою методою, ибо теперь я все нормальное ученіе преклоняю къ оной, что будетъ совершеннымъ изобрѣтеніемъ, ибо нигдѣ еще не сдѣлано въ самой образованной Европѣ». Орловъ усердно собиралъ пожертвованія и для «Общества взаимнаго обученія», учредившаго школу въ Петербургѣ, о чемъ онъ оффиціально писалъ Киселеву 6 ноября 1819 г. и 16 мая 1820 г. изъ Кіева **). Съ такимъ же вниманіемъ къ учрежденію школъ относился Орловъ и послѣ назначенія его начальникомъ 16-й дивизіи. 17 ноября 1820 г. онъ писалъ Киселеву изъ Кишинева, что «на всѣ школы» у него собрано 13.200 руб. въ годъ. По свидѣтельству Н. Тургенева, Орловъ жертвовалъ на ланкастерскія школы получаемое имъ жалованье и истратилъ на нихъ значительную часть своего состоянія ***).

11 марта 1818 г. Орловъ писалъ въ комитетъ Парижскаго Общества начальнаго образованія, котораго онъ былъ членомъ: «Мы нуждаемся болѣе, чѣмъ всякая другая страна, въ либеральныхъ учрежденіяхъ, которыя распространяютъ просвѣщеніе, но ихъ послѣдствія у насъ будутъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствительны. Другіе народы, быть можетъ, имѣютъ надъ нами преимущество въ бóльшемъ распространеніи цивилизаціи; мы же находимся сравнительно съ ними въ болѣе выгодномъ положеніи въ томъ отношеніи, что стремимся къ просвѣщенію, не имѣя нужды свергать иго старинныхъ предразсудковъ, и начальныя школы учредятся у насъ, не возбуждая ни критики педантовъ, ни пристрастнаго противодѣйствія привилегированной касты».

Однако, М. Ѳ. Орловъ былъ настроенъ въ это время слишкомъ оптимистически, и будущее показало, что и въ Россіи не всегда

---

*) М. О. Гершензонъ „Молодая Россія" стр. 10—13; „Кіевская Старина" 1897 г. № 7—8, стр. 65—69; „Столѣтіе военнаго министерства. Главный Штабъ" ч. I, кн. I, отд. II, прилож. стр. 69. Въ черновомъ наброскѣ посланія въ стихахъ къ Орлову, во время пребыванія его въ Кіевѣ, Жуковскій говоритъ: „Ты по ланкастерской методѣ мальчишекъ учишь говорить о славѣ, пряникахъ, природѣ, о кубаряхъ и о свободѣ". Бумаги Жуковскаго. „Отч. Имп. Публ. Биб. за 1884 г." стр. 61.

**) Кн. С. П. Трубецкой говоритъ въ своемъ показаніи, что многіе члены Тайнаго общества вошли „въ общество для заведенія училищъ взаимнаго обученія, котораго однако-жъ отъ упадка не поддержали".

***) Въ Кіевѣ существовала еще школа взаимнаго обученія при 3 понтонной ротѣ на 160 челов., заведенная полк. Шварценбергомъ, членомъ масонской ложи „Соединен. славяне".

ланкастерскія школы встрѣчали благосклонное отношеніе со стороны правительства.

Въ концѣ письма отъ 11 марта 1818 г. въ комитетъ Парижскаго Общества начальнаго образованія Орловъ проситъ выслать ему лучшіе труды о новой методѣ (ланкастерской) начальнаго обученія, какъ элементарные, такъ и болѣе обширные *). Присланныя изъ Франціи пособія сыграли любопытную роль въ исторіи нашихъ военныхъ ланкастерскихъ школъ.

14 августа 1820 г. начальникъ главнаго штаба кн. Волконскій приказалъ спросить московскаго коменданта, г.-м. Волкова, откуда онъ взялъ печатныя таблицы для школы взаимнаго обученія, въ которой обучались воспитанники московскаго военно-сиротскаго отдѣленія, и если онѣ переведены съ иностраннаго языка, то кѣмъ именно. Оказалось, что Волковъ посылалъ учителя Милютина въ кіевское военно-сиротское отдѣленіе для изученія ланкастерской методы, и онъ привезъ оттуда таблицы для чтенія, скопированныя имъ съ тѣхъ, *какія были выписаны г.-м. Орловымъ для кіевскаго отдѣленія изъ Франціи* **).

Въ таблицахъ, полученныхъ въ Москвѣ изъ Кіева, очевидно, оказалось что-то нежелательное съ правительственной точки зрѣнія, потому что 5 ноября 1820 года кн. Волконскій, начальникъ главнаго штаба, объявилъ повелѣніе государя, чтобы изъ московскаго военно-сиротскаго отдѣленія были отобраны всѣ таблицы для чтенія, напечатанныя съ тѣхъ, которыя привезены изъ Кіева, «не оставляя ни подъ какимъ видомъ ни одной въ училищѣ», а также откуплены какъ доски, такъ и всѣ оттиски, если они остались у гравера или типографа. Московскому коменданту Волкову было предписано всячески стараться «безъ малѣйшей огласки» отобрать эти таблицы по всей Москвѣ такъ, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ ни одного ихъ экземпляра ни у кого не осталось. Волковъ нашелъ въ военно-сиротскомъ отдѣленіи 490 экз. таблицъ; было выкуплено небольшое количество ихъ у типографа Селивановскаго и еще найдено три экз. въ другихъ мѣстахъ. Волковъ утверждалъ, что больше ни у кого этихъ таблицъ въ Москвѣ нѣтъ. Всѣ отобранные и выкупленные экземпляры въ пяти тюкахъ были отправлены въ Петербургъ. Затѣмъ разосланы были предписанія о возвращеніи экземпляровъ, проданныхъ во 2-ю гренадерскую дивизію и отправленныхъ изъ Москвы въ военно-сиротскія отдѣленія: Астра-

*) „Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1896 г.“ Спб. 1900 г., стр. 192—195.

**) Въ Москвѣ ихъ вызвался награвировать граверъ Кудряковъ, а типографщикъ Селивановъ напечаталъ ихъ безплатно, за что они были награждены по приказанію государя. Съ марта мѣсяца 1819 г. началось ученіе по этимъ таблицамъ, а въ декабрѣ того же года онѣ были замѣнены таблицами для чтенія изъ священнаго писанія, изданными министерствомъ народнаго просвѣщенія.

ханское, Казанское, Нижегородское и Архангельское (въ первыя три—въ весьма большомъ количествѣ). Государь велѣлъ вытребовать и тѣ экземпляры, которые были представлены изъ типографіи въ цензуру. Смотрителю кіевскаго военно-сиротскаго отдѣленія предписано было также выслать въ Петербургъ всѣ экземпляры таблицъ, употребляемыхъ для обученія чтенію *).

Ланкастерскою школою въ Кишиневѣ завѣдывалъ извѣстный пріятель Пушкина, членъ Союза Баготенствія, маіоръ В. Ѳ. Раевскій, вступившій вмѣстѣ съ нимъ въ кишиневскую масонскую ложу Овидія. Пропаганда въ школѣ и вообще среди нижнихъ чиновъ вызвала многолѣтнее слѣдствіе и тюремное заключеніе для Раевскаго.

Изъ общаго заключенія корпуснаго командира Сабанѣева (1823 г.) и доклада императору Николаю (1827 г.) видно, въ чемъ обвиняли Раевскаго. Ему ставили въ вину между прочимъ: 1) «употребленіе письменныхъ прописей въ дивизіонныхъ юнкерской и ланкастерской школахъ» **); 2) «разговоры о правительствѣ съ воспитанниками съ невыгодной стороны»; 3) «позволеніе читать нижнимъ чинамъ журналы и другія книги безъ особеннаго на то отъ начальства разрѣшенія»; 4) «одобреніе поступковъ Семеновскаго полка» (волненія 1820 г.); 5) «его слова солдатамъ, что ихъ никто не смѣетъ тронуть»; 6) «дружеское обхожденіе съ нижними чинами» (онъ позволялъ имъ сидѣть предъ собою, цѣловалъ ихъ, подчивали другъ друга табакомъ); 7) «говорилъ нижнимъ чинамъ, что если кто-либо ихъ тронетъ, то чтобы вышли десять человѣкъ впередъ и, уничтожа одного, спасли 200» ***); 8) «разсказывалъ нижнимъ чинамъ, что въ какомъ-то полку солдаты подняли полковника своего на штыки» ****); 9) «говорилъ унтеръ-офицерамъ на гауптвахтѣ: «Вы рады, что я оставляю роту, чтобы имѣть случай безъ меня тиранить солдатъ, однако, я черезъ мѣсяцъ или черезъ два явлюсь опять предъ ротою, и ежели узнаю, что кто-нибудь толкнетъ солдата, то велю того на штыки поднять». Изъ всѣхъ разговоровъ Раевскаго съ нижними чинами, обхожденія его съ ними и внушеній, имъ дѣлаемыхъ, по словамъ Сабанѣева, ясно видно, что Раевскій старался всѣми противозаконными средствами снискать любовь и довѣренность къ себѣ нижнихъ чиновъ, пользовался всѣми

---

*) Секретный журналъ Главнаго Штаба и дѣло Арх. Главн. Штаба по секретной описи № 5 (Бумаги Н. Ѳ. Дубровина).

**) Грибовскій въ своемъ извѣстномъ доносѣ указывалъ на опасность ланкастерскихъ школъ. Изъ позднѣйшаго доклада о Раевскомъ видно, что было найдено преступнаго въ этихъ прописяхъ (см. ниже).

***) Въ другой части записки приведено показаніе офицера, портупей-юнкера и рядового относительно этого совѣта Раевскаго убить одного тирана, который осмѣлится „ихъ тронуть“. Но ни офицеры, ни солдаты роты Раевскаго этого не подтвердили.

****) Раевскій заявилъ, что былъ слухъ о такомъ событіи, но не думаетъ, чтобы онъ разсказывалъ о немъ „фельдфебелю или кому другому“.

случаями, когда только могъ имъ напомнить о тягости службы, поселялъ въ нихъ недовѣрчивость и даже ненависть ко всѣмъ тѣмъ изъ начальниковъ, кои были противнаго ему образа мыслей; говоря съ похвалою о поступкѣ Семеновскаго полка и какомъ-то полковникѣ, коего солдаты будто бы подняли на штыки, какъ бы указывалъ имъ, что и они такимъ же образомъ поступать должны. Въ заключеніе Сабанѣевъ говоритъ, что Раевскій «употреблялъ средства, дабы посѣять въ юнкерахъ тѣ же правила, какими самъ онъ преисполненъ», и называетъ его «возмутителемъ».

Изъ доклада имп. Николаю 1827 г. видно, что Раевскаго обвиняли въ употребленіи, вмѣсто литографированныхъ прописей, собственныхъ рукописныхъ, въ которыхъ онъ помѣстилъ слова: «свобода, равенство, конституція, Квирога, Вашингтонъ, Мирабо» *) и въ томъ, что на урокахъ юнкеровъ онъ между прочимъ говорилъ: «Квирога, будучи полковникомъ, сдѣлалъ въ Мадридѣ революцію и когда въѣзжалъ городъ, то самыя значительныя дамы и весь народъ вышли къ нему навстрѣчу и бросали цвѣты къ ногамъ его, а Мирабо былъ тоже участникомъ во французской революціи и писалъ много противъ государя, и что конституціонное правленіе лучше всѣхъ правленій, а особливо нашего, монархическаго, которое» (такъ переданы слова Раевскаго въ оффиціальномъ докладѣ) «хотя и называется монархическимъ, но управляется деспотизмомъ». Раевскій все это отрицалъ, а относительно употребленія рукописныхъ прописей заявилъ, что онъ пользовался ими «по недостатку печатныхъ»; однако, большинство бывшихъ въ юнкерской школѣ портупей-прапорщиковъ и юнкеровъ подтвердило подъ присягою обвиненіе Раевскаго въ приведенныхъ выше «внушеніяхъ». Прописи, которыя должны были бы послужить къ уличенію Раевскаго, не сохранились **); но обвиненіе поддерживалось, кромѣ словесныхъ показаній, и тѣмъ, «что въ отысканной у юнкеровъ книжкѣ о правописаніи между прочими именами помѣщены Квирога и Мирабо», что въ географическихъ тетрадкахъ юнкерской школы подъ заглавіемъ «о постановленіяхъ» названо правленіе «конституціонное самымъ лучшимъ, новѣйшимъ» и что въ одной черновой бумагѣ, найденной у Раевскаго, было сказано, что государь «медлитъ дать конституцію народу русскому, и милліоны скрываютъ свое отчаяніе до первой искры». Кромѣ того, Раевскаго обвиняли въ томъ, что, командуя ротою, онъ толковалъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ

*) Такъ какъ начальникомъ дивизіи, въ которой служилъ Раевскій, былъ М. Ѳ. Орловъ, то весьма возможно, что эти прописи были списаны съ таблицъ для чтенія, употреблявшихся въ кіевской военно-сиротской школѣ и истребленныхъ правительствомъ въ 1820 г.

**) Вслѣдствіе того, что послѣ его ареста всѣ находившіяся въ школѣ таблицы, книги и разныя вещи были переданы служителю капитана Охотникова, также члена Тайнаго Общества, жившаго съ Раевскимъ на одной квартирѣ, а взяты были только печатныя таблицы Греча.

о конституціи и говорилъ, «что между солдатами и офицерами... должно быть равенство, и что природа создала всѣхъ одинаковыми». Раевскій же утверждалъ, что о равенствѣ солдатъ съ офицерами не говорилъ.

Когда онъ узналъ о волненіи Семеновскаго полка въ 1820 г., то при офицерахъ и нижнихъ чинахъ 32 егерскаго полка, а также и въ дивизіонной юнкерской школѣ хвалилъ семеновскихъ солдатъ, называлъ ихъ молодцами, а по показанію одного офицера, объявивъ при собраніи роты нижнимъ чинамъ объ этомъ происшествіи, сказалъ: «придетъ время, въ которое должно будетъ, ребята, и вамъ опомниться». Совѣтуя офицерамъ гуманно обходиться съ солдатами, порицая самымъ энергическимъ образомъ «тиранство и варварство», Раевскій говорилъ офицерамъ, что «палки противны законамъ и природѣ», и называлъ злодѣемъ того, кто наказываетъ солдата.

Какъ уже было упомянуто, дѣло Раевскаго тянулось очень долго, и, наконецъ, по резолюціи имп. Николая 15 октября 1827 г., онъ былъ сосланъ на поселеніе *).

Члены Союза Благоденствія, согласно уставу Общества, преслѣдовали злоупотребленія помѣщиковъ, уничтожали, насколько это отъ нихъ зависѣло, или, по крайней мѣрѣ, смягчали тѣлесныя наказанія солдатъ **), пропагандировали идеи о преобразованіи судопроизводства ***), объ уничтоженіи жестокихъ наказаній по суду и проч., наконецъ, распространяли идеи о необходимости политической свободы. О послѣдней, правда, какъ мы видѣли, нигдѣ не говорилось въ уставѣ Союза Благоденствія, но это какъ бы подразумѣвалось въ немъ. Пестель въ одномъ своемъ показаніи заявилъ: «тайное наше общество было революціонное съ самаго начала своего существованія» (т. е. еще и въ періодъ Союза Спасенія) «и во все свое продолженіе не переставало никогда быть таковымъ. Перемѣны, въ немъ происходившія, касались собственнаго его устрой-

---

*) Военно-учебный Архивъ Главнаго Штаба, Отд. I, № 567; Арх. Главн. Военно-суднаго Управленія, Всеподд. доклады 1827 г. Ланкастерскія школы въ арміи были заподозрѣны, какъ это видно изъ слѣдующаго письма отъ 31 мая 1824 г. начальника Главн. Штаба Дибича къ ген. Эссену въ отвѣтъ на увѣдомленіе, что „открыто и въ 4-мъ линейномъ Оренбургскомъ баталіонѣ ученіе по методѣ Ланкастера, всего на 80 человѣкъ“. Дибичъ просилъ Эссена „обратить особенное вниманіе на заведеніе сего рода“ въ корпусѣ, которымъ онъ командовалъ, „и, наблюдая строго, чтобъ въ образѣ преподаванія ученія не вкралось какихъ либо безпорядковъ и отступленій отъ принятыхъ правилъ, *не допускать вообще слишкомъ распространяться ученію по сей методѣ между нижними чинами*“. Арх. Глав. Штаба, секрет. опись, 1824 г. д. № 17 (бумаги Н. Ѳ. Дубровина). Тѣмъ не менѣе школы взаимнаго обученія продолжали существовать въ гвардіи, въ арміи и въ военныхъ поселеніяхъ. См. вѣдомости о нихъ въ „Запискахъ издав. отъ Департ. Нар. Просв.“ 1827 г. кн. II, 435—447.

**) Мих. фонъ-Визинъ, М. Ѳ. Орловъ, В. Ѳ. Раевскій, С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

***) См. ниже разборъ записки по этому предмету Н. И. Тургенева.

ства и положительнѣйшаго изъясненія его цѣли, которая всегда пребывала революціонною; и потому не было члена въ союзѣ, на котораго бы союзъ не надѣялся, именно для произведенія революціи, содѣйствія ея успѣхамъ или участія въ ней... Содержаніе Зеленой Книги Союза Благоденствія было не что иное, какъ пустой отводъ отъ настоящей цѣли на случай открытія общества и для первоначальнаго показанія вступающимъ членамъ, коимъ всѣмъ послѣ вступленія дѣлалось сіе совершенно извѣстнымъ» *). Эти слова Пестеля являются сильнымъ преувеличеніемъ, но все же съ ними слѣдуетъ считаться при оцѣнкѣ если не дѣятельности, то намѣреній многихъ членовъ этого союза, а что лучшіе члены его именно такъ понимали свою задачу, служитъ примѣромъ дѣятельность В. Ѳ. Раевскаго.

Какъ мы видѣли, уставъ Союза Благоденствія предписывалъ его членамъ устраивать различныя общества молодыхъ людей для полезныхъ занятій, вступать въ ученыя общества, выпускать въ свѣтъ повременныя изданія; слѣдовательно, уставу вполнѣ соотвѣтствовало участіе членовъ тайнаго общества въ литературныхъ обществахъ и кружкахъ.

Однимъ изъ негласныхъ кружковъ, гдѣ разсужденія о литературѣ и театрѣ и чтеніе литературныхъ произведеній сопровождались мечтаніями о вольности, было общество Зеленой Лампы, собиравшееся у учредителя его камеръ-юнкера Никиты Всеволод. Всеволожскаго, въ которомъ ближайшими участниками были: членъ Союза Благоденствія Як. Ник. Толстой **), лейбъ-гусаръ, членъ Союза Благоденствія Петръ Пав. Каверинъ, слушавшій въ 1810—12 г. лекціи въ гёттингенскомъ университетѣ ***), офицеръ л. гв. Егерскаго полка Д. Н. Барковъ, много переводившій для театра, лейбъ-уланъ Юрьевъ и нѣкоторые другіе; къ нему, хотя и недолго, принадлежалъ и извѣстный членъ Тайнаго Общества кн. С. П. Трубецкой. Однимъ изъ самыхъ близкихъ членовъ кружка былъ А. С. Пушкинъ ****).

---

*) Гос. Арх. I В. № 87, л. 14 об. „Я знаю по общимъ жалобамъ членовъ“, говоритъ въ своемъ показаніи фонъ-деръ-Бриггенъ, „что начертанный въ Зеленой Книгѣ (уставѣ Союза) порядокъ никогда не соблюдался“. Г. А. I В· № 372, л. 24.

**) См. ст. П. Е. Щеголева „Изъ 20-хъ годовъ“ въ изд. Академіи Наукъ „Пушкинъ и его современники“, вып. II. Спб. 1905 г. Записки Е. Оболенскаго „XIX вѣкъ“ изд. Бартенева, I, 320.

***) M. Wischnitzer. Die Universitët Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des XIX Iahrhunderts. Berl. 1907, S. 204. См. біогр. свѣдѣнія о Каверинѣ въ Остафьевскомъ Архивѣ т. III, примѣч. В. И. Саитова, стр. 431, 432.

****) Объ Обществѣ Зеленой Лампы см. въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго. „Я. Н. Толстой“ „Рус. Стар.“ 1899 г. № 9, стр. 589—596, статьи А. Н. Веселовскаго „Періодъ Зеленой Лампы“ и П. О. Морозова „Отъ лицея до ссылки“ въ изданіи сочиненій Пушкина подъ ред. Венгерова, 1907 г. т. I. Б. Л. Модзалевскій и П. О. Морозовъ называютъ въ

М. А. Фонъ-Визинъ прямо причисляетъ кружокъ Зеленой Лампы къ числу обществъ, учрежденныхъ членами Союза Благоденствія, «но отдѣльно отъ него подъ вліяніемъ его духа и направленія» *).

Трубецкой показалъ, что „1) общество Зеленой Лампы возымѣло начало въ 1818 г. и основано было камеръ-юнкеромъ Н. В. Всеволожскимъ. 2) Цѣль сего общества была просто собираться читать сочиненія" его членовъ **), „а политической цѣли никакой, сколько мнѣ извѣстно, не было. 3) Изъ бывшихъ членами сего общества, — продолжаетъ Трубецкой, — кромѣ меня и Всеволожскаго, извѣстны мнѣ еще были Улыбышевъ, служащій нынѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ ***), Дельвигъ (баронъ) извѣстенъ... литературными своими произведеніями; Я. Н Толстой, старшій адъютантъ главнаго штаба Его Величества; съ оговоркою „кажется" называетъ Трубецкой членами общества Родзянко, служившаго въ гвардейскомъ егерскомъ полку ****), и Баркова. „Еще кто былъ,—упомнить не могу. Я былъ недолго членомъ сего общества, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, предъ отъѣздомъ моимъ въ чужіе края въ 1819 году, и... когда оно разстроилось, я достовѣрнаго свѣдѣнія дать не могу. 4) Сколько мнѣ извѣстно, оно ни съ какими другими обществами сношенія не имѣло. 5) Особыхъ правилъ и законовъ, сколько я знаю, оно никакихъ не имѣло; только въ члены принимались не иначе, какъ по общему согласію; каждый членъ былъ обязанъ сочиненія свои прежде читать въ семъ обществѣ до изданія ихъ. Собирались у Всеволожскаго, кажется,

---

числѣ участниковъ Зеленой Лампы извѣстнаго декабриста Якубовича; это могло быть только до 20 янв. 1818 г., когда онъ былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. П. О. Морозовъ упоминаетъ въ числѣ посѣтителей кружка и А. С. Грибоѣдова.

*) Нужно, однако, замѣтить, что Пушкинъ, какъ извѣстно изъ записокъ Пущина и Якушкина, только догадывался о существованіи Тайнаго Общества; слѣд., въ прямыхъ сношеніяхъ съ Союзомъ Благоденствія весь кружокъ Зеленой Лампы не состоялъ.

**) Изъ „протоколовъ" и бумагъ этого общества, которыя видѣлъ П. А. Ефремовъ, онъ убѣдился, что тамъ читались стихи и прозаическія сочиненія (напр. Пушкина и Дельвига), представлялся постоянный отчетъ по театру (Д. Н. Барковымъ), были даже читаны обширные очерки Всеволожскаго изъ русской исторіи, составленные по лѣтописямъ. „Сочиненія Пушкина", изд. Суворина, Спб. 1905 г., VIII, 135.

***) Александръ Дмитр. Улыбышевъ (1794—1858), завѣдывалъ съ 1812 по 1830 г. редакціей „Journal de St.-Petersbourg" и помѣщалъ въ этомъ изданіи критическія и музыкальныя замѣтки. Съ раннихъ лѣтъ онъ теоретически и практически занимался музыкою и въ 1843 г. издалъ въ Москвѣ на французскомъ языкѣ трехтомное, пользующееся большою извѣстностью, сочиненіе о Моцартѣ, а въ 1858 г. сочиненіе о Бетховенѣ. Онъ былъ горячимъ противникомъ крѣпостного права. А. Гацисскій. „А. Д. Улыбашевъ". „Рус. Арх." 1885 г. т. I. Здѣсь же напечатана его драма (1850 г.) „Раскольники". „Остафьевскій Архивъ" т. III, 126, 484—485, 522. На русскомъ языкѣ первое сочиненіе Улыбышева подъ названіемъ „Новая біографія Моцарта" въ переводѣ Чайковскаго съ приложеніемъ статьи Г. А. Лароша о жизни и трудахъ автора издано въ 1890—93 г.

****) Посредственный стихотворецъ, написавшій на Пушкина нѣчто вродѣ доноса въ стихахъ по поводу его ссылки. Михайловскому-Данилевскому Родзянко разсказывалъ, что онъ бывалъ въ обществѣ „лампистовъ" (Зеленой Лампы), гдѣ читались стихи противъ государя и правительства. „Сочин. Пушкина", под. ред. П. А. Ефремова. 1903 г. т. VII, 74, 141.

разъ въ двѣ недѣли" *). Щадя Пушкина, Трубецкой не назвалъ его въ числѣ членовъ кружка Зеленой Лампы **).

Я. Н. Толстой, въ запискѣ, приложенной къ его письму къ имп. Николаю изъ Парижа отъ 17 окт. 1826 г., относитъ основаніе общества Зеленой Лампы къ 1818 или 1819 годамъ и говоритъ, что былъ однимъ изъ первыхъ его учредителей, первымъ его предсѣдателемъ. Цѣлью общества было чтеніе литературныхъ произведеній. Названіе свое оно получило отъ того, что гостинная, гдѣ происходили его собранія, освѣщалась лампою зеленаго цвѣта. Въ названіи заключался двоякій смыслъ—девизомъ общества были *просвѣщеніе и надежда;* члены обязаны были носить перстни, на которыхъ были награвированы изображенія лампъ. По свидѣтельству Толстого, общество Зеленой Лампы не имѣло никакой политической цѣли и лишь тѣмъ отличалось отъ всѣхъ другихъ литературныхъ обществъ, что уставъ приглашалъ его членовъ выражаться безъ стѣсненія, и всѣ они обязывались хранить глубокое молчаніе объ его существованіи. Это Общество, по словамъ Толстого, было вѣрно своей цѣли въ продолженіе года и, за исключеніемъ чтенія нѣсколькихъ либеральныхъ стихотвореній и статей, не совершило ничего противнаго правительству. Засѣданія происходили въ квартирѣ Всеволожскаго, а въ его отсутствіи—въ квартирѣ Толстого. Однажды полк. Жадовскій, членъ общества, сообщилъ, что полиція узнала о его существованіи и что оно можетъ подвергнуться преслѣдованію, такъ какъ на учрежденіе его не было дано формальнаго разрѣшенія; тотчасъ рѣшили болѣе не собираться, и общество было распущено ***). Изъ показанія Бурцева мы узнаемъ и время, когда на общество это обратила вниманіе администрація. «При изслѣдованіи происшествія Семеновскаго полка» (вѣроятно, въ концѣ 1820 г.) «открыто было полиціею въ Петербургѣ много тайныхъ обществъ, и изъ нихъ одно именовалось обществомъ Зеленой Лампы... Это я слышалъ отъ полк. Глинки», члена Союза Благоденствія, служившаго подъ начальствомъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора, гр. Милорадовича. Въ «Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Выс. утв. 17 декабря 1825 г. Слѣдственною Комиссіею», подъ именемъ Н. В. Всеволожскаго сказано, что общество Зеленой Лампы уничтожено до 1821 года. Но уже въ октябрѣ 1819 г. Пушкинъ писалъ изъ

*) Гос. Арх. I. В. № 333, л. 55.

**) П. В. Анненковъ неправильно придалъ этому обществу исключительно кутежный характеръ. „Пушкинъ въ Александровскую эпоху". Спб. 1874 г. стр. 63—64.

***) Тургеневскій Архивъ № 116 въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ. Подлинникъ записки Толстого находится, какъ видно изъ бумагъ Н. Ѳ. Дубровина, въ Архивѣ Главнаго Штаба (въ Москвѣ), дѣло 1826 г. № 562.

Петербурга Мансурову, члену этого общества: «Зеленая Лампа нагорѣла, кажется, гаснетъ, а жаль: масло есть (т. е. шампанское нашего друга)... Поговори мнѣ о себѣ, о военныхъ поселеніяхъ,— это все мнѣ нужно, потому что я люблю тебя и ненавижу деспотизмъ». Въ Посланіи къ Я. Н. Толстому, написанномъ въ сентябрѣ 1822 г. въ Кишиневѣ, Пушкинъ называетъ эти собранія «пріютомъ любви и вольныхъ музъ.., гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ садилось милое равенство». Наиболѣе ясный намекъ на оппозиціонный элементъ въ собраніяхъ Зеленой Лампы (хотя и не упоминая о ней) дѣлаетъ Пушкинъ въ посланіи къ одному изъ его товарищей по этому кружку, В. В. Энгельгардту; въ концѣ посланія (1819 г.) Пушкинъ говоритъ:

„Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
На счетъ глупца, вельможи злого,
На счетъ холопа записного,
На счетъ небеснаго царя,
А иногда насчетъ земного" *).

М. А. Фонъ-Визинъ, въ числѣ обществъ, учрежденныхъ членами Союза Благоденствія, упоминаетъ объ одномъ литературномъ обществѣ въ Москвѣ. Относительно послѣдняго, въ своемъ показаніи во время слѣдствія, онъ говоритъ: «вольныхъ обществъ ни одного мнѣ не было извѣстно, да, кажется, ни одного не существовало, кромѣ опыта, сдѣланнаго Ѳ. Шаховскимъ учредить общество литературное изъ нѣкоторыхъ молодыхъ московскихъ литераторовъ, который не удался, ибо послѣ двухъ собраній они разстались». Объ этомъ литературномъ обществѣ Зубковъ показалъ, что въ 1817 или 1818 г. кн. Ѳ. П. Шаховской предлагалъ ему вступить въ тайное литературное общество, названіе котораго ему неизвѣстно, но у котораго былъ писанный уставъ. «Цѣль его,—заявилъ онъ,— кажется, заключалась единственно въ распространеніи общеполезныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованій» **). Вѣроятно, этотъ кружокъ Шаховского упоминается въ

*) Любопытны также слѣдующія строки въ посланіи ко Всеволожскому (1818 г.):

„Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву".

(Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ, т. II, 1905 г., стр. 63).

**) Въ черновикѣ отвѣта Зубкова было прибавлено, что „члены обязаны были вносить одну десятую часть доходовъ" и „платить штрафы всякій разъ, когда не приносили какого-нибудь сочиненія или перевода... Главное упражненіе членовъ состояло въ переводѣ хорошихъ историческихъ

«Донесеніи Слѣдственной Комиссіи» подъ названіемъ одной изъ двухъ московскихъ управъ Союза Благоденствія (другая подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева). По словамъ «Донесенія», обѣ эти управы существовали не долго» (стр. 16).

Грибовскій въ своемъ доносѣ (1821 г.) говоритъ: «генералъ Орловъ» (Алексѣй Өедоровичъ, командиръ конно-гвардейскаго полка, братъ Михаила Өедоровича), узнавши, что въ его полку есть литературное общество офицеровъ и не предполагая ничего добраго, созвавши ихъ, объявилъ, что не допуститъ заводить никакихъ обществъ и поступитъ по всей строгости, если узнаетъ впередъ». Вѣроятно, упоминаемое здѣсь литературное общество конно-гвардейскаго полка—не что иное, какъ конно-гвардейская управа Союза Благоденствія, которая, какъ показалъ фонъ деръ-Бриггенъ, была основана генералъ-маіоромъ Кошкулемъ и полковникомъ Мирковичемъ, и которое, по малочисленности своей, присоединилось къ Измайловской управѣ *).

Было уже упомянуто, что многіе тогдашніе и будущіе члены Тайнаго Общества участвовали въ петербургскомъ Вольномъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности (или Соревнователей просвѣщенія и благотворенія), основанномъ въ 1816 г., а именно Ө. Н. Глинка (съ 1816 г.), А. А. Бестужевъ (съ 1820 г.), Н. А. Бестужевъ (съ 1821 г.), П. И. Колошинъ (съ 1823 г.), А. О. Корниловичъ (съ 1821 г.), М. Н. Новиковъ (съ 1818 г.), К. Ө. Рылѣевъ (съ 1821 г.), гр. Ө. П. Толстой (съ 1818 г.), К. П. Торсонъ (съ 1824 г.), Н. И. Тургеневъ (съ 1820 г., почетный членъ) **). Кромѣ литературной, общество имѣло и благотворительную цѣль: доходъ отъ издаваемаго имъ журнала, начавшаго выходить въ 1818 г. ***), оно расходовало на пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ ****).

Союзъ Благоденствія, на основаніи его устава, долженъ былъ предпринимать повременныя изданія. Н. И. Тургеневу мысль о

книгъ и въ сочиненіяхъ, въ стихахъ и въ прозѣ". „Записки В. И. Зубкова, съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго", Спб. 1906 г., стр. 3, 43, 49.

*) О Конногвардейской управѣ упоминаетъ также въ своихъ показаніяхъ Н. Муравьевъ и кн. Трубецкой. Мирковичъ ничего не говоритъ о ней и прямо перечисляетъ составъ Измайловской управы.

**) „Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи Наукъ въ 1904 году". Спб. 1907 годъ, стр. 270—277.

***) „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія" или „Труды высоч. утв. вольнаго общества любителей россійской словесности". 1818—1825 г.г.

****) Обзоръ всѣхъ петербургскихъ управъ и кружковъ, примыкавшихъ къ Союзу Благоденствія, не входитъ въ нашу задачу. Отмѣтимъ, что обѣщалъ завести управу нижегородскій помѣщикъ Вас. Ив. Бѣлавинъ; онъ писалъ Трубецкому въ 1818 г., что 5—6 человѣкъ принялъ; то же самое предполагалъ сдѣлать тамбовскій помѣщикъ Левинъ, знакомый Новикова, но объ немъ потомъ Трубецкой ничего не слышалъ.

журналѣ приходила въ голову еще ранѣе, чѣмъ онъ сдѣлался членомъ Союза; его могло навести на нее предложеніе М. Ѳ. Орлова членамъ Арзамаса въ 1817 г. издавать журналъ, въ которомъ, судя по черновой программѣ, написанной рукою Жуковскаго, предполагалось помѣщать между прочимъ статьи, касавшіяся «распространенія идей свободы, приличныхъ Россіи, при ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее» *). Тургеневъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 году, а уже 28 октября 1818 г. онъ записываетъ въ дневникѣ, что у него «бродитъ въ головѣ мысль» объ изданіи журнала, «но, замѣчаетъ онъ, наша теперешняя цензура!» Для осуществленія своего предположенія онъ задумывалъ въ концѣ декабря 1818 г. составить общество, которое предполагалъ назвать обществомъ 19-го года или XIX вѣка, а журналъ его «Россіяниномъ XIX вѣка». Набросавъ свои мысли по этому предмету, онъ созвалъ 21 января 1819 г. совѣщаніе; рѣшено было поручить редактированіе журнала двумъ лицамъ — Н. И. Тургеневу и проф. Куницыну и приготовлять статьи **). Въ письмѣ къ брату Сергѣю отъ 24 января 1819 г. Н. Тургеневъ сообщалъ ему о своемъ намѣреніи издавать журналъ, главная цѣль котораго—«распространить у насъ здравыя идеи политическія». Участвовать должны были молодые люди, бывшіе воспитанники лицея, и нѣсколько офицеровъ; обѣщалъ свое участіе и Жуковскій; Н. Тургеневъ возлагалъ надежду также на кн. Вяземскаго и просилъ брата Сергѣя поговорить съ жившимъ въ Парижѣ Старынкевичемъ, который могъ бы сообщать интересныя статьи. «Свѣдѣнія его въ юриспруденціи», замѣчаетъ Н. И., «могутъ пролить свѣтъ и на наше законодательство. По возможности мы будемъ писать противъ рабства». Н. Тургеневъ просилъ и брата Сергѣя участвовать въ журналѣ статьями о Франціи, особенно объ ея государственномъ устройствѣ и управленіи. «Всѣ статьи должны имѣть цѣлью свободомысліе. Старынкевичъ могъ бы принести пользу, написавъ о судѣ присяжныхъ, и... сказать что нибудь о нашемъ судопроизводствѣ... Я буду писать о финансахъ и о политикѣ» ***). Черезъ мѣсяцъ Ник. Ив. сообщалъ брату, что журналъ все еще существуетъ только въ намѣреніяхъ, жаловался на строгость цензуры и особенно на неопредѣленность ея правилъ,

*) Отчетъ Имп. Публичной библіотеки за 1884 г., бумаги Жуковскаго, стр. 159—161, Отчетъ той же библіотеки за 1887 г. Прилож. стр. 82--83. Въ журналѣ предполагалось участіе членовъ Арзамаса Н. И. Тургенева, М. Ѳ. Орлова, Никиты Мих. Муравьева и др.

**) Между прочимъ И. И. Пущину Тургеневъ предложилъ написать статью о книгѣ г-жи Сталь „Considérations sur la révolution française“.

***) Нѣсколько позднѣе Н. Тургеневъ предполагалъ помѣщать въ журналѣ свои статьи объ уголовномъ судопроизводствѣ и о судѣ присяжныхъ.

потому что руководствуются не столько цензурнымъ уставомъ, сколько предписаніемъ министра *). Дѣло, однако, туго подвигалось впередъ. 30 апрѣля 1819 г. А. И. Тургеневъ передавалъ Вяземскому въ Варшаву просьбу брата Николая присылать или, по крайней мѣрѣ, готовить статьи, а 6 мая сообщалъ И. И. Дмитріеву, что для журнала заготовлено много матеріала, «но сотрудники его весьма зелены, исключая молодого Муравьева, который подаетъ прекрасную надежду».

Вступленіе Н. И. Тургенева въ Союзъ Благоденствія совершилось, вѣроятно, 24 апрѣля 1819 г. На другой день онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Вчера, какъ началъ писать, пришли Трубецкой и Корсаковъ» (вѣроятно, Римскій-Корсаковъ, офицеръ Семеновскаго полка, членъ Союза Благоденствія). Вслѣдъ затѣмъ Тургеневъ записываетъ: «Если, какъ я слышу теперь, Г. (государь) точно имѣетъ капризную и деспотическую волю и если такъ называемыя революціонныя мнѣнія вредятъ людямъ въ его глазахъ, то я не долго съ нимъ уживусь». Такимъ образомъ Тургеневъ тутъ уже прямо причисляетъ себя къ революціонерамъ. Черезъ три недѣли онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: «Надобно написать правила поведенія для насъ» (т. е., очевидно, для членовъ Союза Благоденствія), «въ которыхъ изложить, какъ во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ поступать» **). Въ своей книгѣ (La Russie, I. 181) Тургеневъ утверждаетъ, что вступилъ въ Союзъ Благоденствія лишь послѣ выхода изъ него А. Н. Муравьева, который окончательно вышелъ изъ Союза Благоденствія въ маѣ 1819 г., но ужъ съ начала этого года сталъ «отставать» отъ него.

Въ ноябрѣ 1819 года Н. И. отмѣчаетъ въ дневникѣ, что теряетъ уже надежду на изданіе журнала. Мысль эта, дѣйствительно, не осуществилась, и Тургеневъ въ послѣдній разъ вспоминаетъ о ней въ своемъ дневникѣ 3-го апрѣля 1820 года ***). Онъ не рѣшился предаться журнальной дѣятельности вслѣдствіе опасенія цензурныхъ препятствій; но, кромѣ того, и лица, съ которыми онъ задумывалъ это дѣло, плохо поддерживали его ****).

Въ доносѣ Грибовскаго, представленномъ имп. Александру въ

*) Арх. Тургеневыхъ въ рук. отд. библ. Акад. Наукъ.

**) Митьковъ показалъ, что правила о членахъ Общества, прочитанныя Н. Тургеневымъ въ 1823 г., были тѣ же, которыя были сообщены ему имъ въ 1821 г., съ небольшою прибавкою.

***) „Какъ бы пріятно можно было заняться изданіемъ журнала, если бы позволено было писать все то, чего никто не долженъ запрещать писать... Пошелъ бы въ отставку, посвятилъ бы себя въ журналисты, жилъ бы отъ своего журнала, жилъ бы независимо и съ пользой".

****) Въ своей оправдательной запискѣ 1826 г. Тургеневъ объясняетъ свою мысль объ изданіи журнала желаніемъ распространять идею о необходимости освобожденія крестьянъ („Рус. Стар." 1902 г. № 4). Впрочемъ онъ предполагалъ помѣщать въ немъ статьи самаго разнообразнаго содержанія на современныя темы.

1821 г. Бенкендорфомъ, сообщались объ этомъ дѣлѣ слѣдующія свѣдѣнія: «Тургеневъ, дававшій главное направленіе» (Тайному Обществу), «брался съ проф. Куницынымъ издавать журналъ по самой дешевой цѣнѣ для большого расхода, полагая издержки на счетъ общества, въ которомъ бы помѣщать статьи, къ цѣли общества относящіяся. Содѣйствовать сему были обязаны всѣ члены; также брались Чаадаевъ (испытывавшійся еще для общества), Кюхельбекеръ (молодой человѣкъ съ пылкою головою, воспитанный въ лицеѣ...) и др. *). Тургеневъ въ своей книгѣ возражаетъ, что мысль издавать журналъ принадлежала ему самому, что онъ не принималъ въ этомъ отношеніи никакихъ обязательствъ относительно общества, что онъ обращался за составленіемъ статей и къ лицамъ, которыя въ обществѣ не участвовали; онъ даже могъ разсчитывать на полученіе нѣкоторыхъ статей для журнала отъ самого составителя Донесенія Слѣдственной Комиссіи Блудова, и что, наконецъ, издавать журналъ предполагалось съ разрѣшенія цензуры (I. 166). Такимъ образомъ, вопреки словамъ Грибовскаго, нельзя видѣть въ предположенномъ Тургеневымъ журналѣ прямо органъ Союза Благоденствія, но, конечно, онъ издавался бы въ духѣ этого общества.

Въ томъ же доносѣ мы находимъ далѣе слѣдующее извѣстіе: «Въ одной изъ отдаленныхъ деревень кого-либо изъ членовъ намѣревались завести типографію и какъ литеры, отливъ на старинный шрифтъ, такъ и все нужное, выписать изъ-за границы... Глинка и Тургеневъ полагали успѣшнѣйшимъ, чрезъ находящихся за границею членовъ, литографировать въ Парижѣ, особенно каррикатуры, и, ввозя черезъ нихъ же, распускать въ народѣ на толкучемъ рынкѣ, разсылать въ армію и по губерніямъ». Грибовскій, составитель доноса, былъ, и по показаніямъ кн. Трубецкого, Семенова и Бурцева, и по собственному свидѣтельству въ письмѣ къ Бенкендорфу, членомъ Союза Благоденствія; онъ былъ даже членомъ коренного совѣта этого Союза, и потому могъ знать все; весьма возможно, что въ обществѣ бывали такіе разговоры, но тайной типографіи заведено не было, попытка же воспользоваться для пропаганды литографированіемъ была сдѣлана **).

*) Объ этомъ упоминается и въ составленномъ Блудовымъ Донесеніи Слѣдственной Комиссіи со ссылкою на записку (Грибовскаго), найденную въ бумагахъ имп. Александра I. Въ письмѣ къ Дибичу отъ 15 мая 1826 г. Бенкендорфъ говоритъ, что Грибовскому „поручено было разыскать существованіе предполагаемаго тогда только тайнаго общества", причемъ дано было по волѣ Имп. Александра I „обѣщаніе, что все открытое сохранится въ тайнѣ", а въ письмѣ къ Бенкендорфу Грибовскій говоритъ, что принадлежалъ къ Союзу Благоденствія, „о чемъ... извѣстно правительству". Военно-Ученый Архивъ № 608-а, л. 241—243. Этотъ самый Мих. Кир. Грибовскій издалъ въ Харьковѣ въ 1816 г. диссертацію „О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи". См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" I., 387—388.

**) Какъ видно изъ слѣдующаго показанія Лунина: „Литографическій

Пропаганда мысли о необходимости политическихъ и соціальныхъ реформъ была главнымъ дѣломъ тайнаго общества. Мы видѣли, что къ достиженію политической свободы стремился еще Союзъ Спасенія. По словамъ Якушкина, въ его показаніи, «явныя цѣли общества измѣнялись съ преобразованіемъ самаго общества, но главная цѣль оставалась всегда одна: приготовить государство къ правленію представительному». По словамъ Лунина, «объявленная цѣль тайнаго общества... благотворительность, сокровенная же цѣль—водвореніе законно-свободнаго правленія въ Россіи. Уставы тайнаго общества писаны вообще въ законно-свободномъ духѣ» *). Въ засѣданіяхъ тайнаго общества «мы разсуждали о выгодахъ конституціоннаго правленія вообще и о средствахъ учрежденія онаго въ Россіи». Семеновъ, бывшій секретаремъ тайнаго общества въ Петербургѣ, говоритъ въ своемъ показаніи: «сначала знали только главные, а впослѣдствіи проникнули и другіе члены, что цѣлью союза было измѣненіе государственныхъ установленій; для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, признавали равно нужнымъ усиливать общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ публики».

Якушкинъ, живя въ своемъ имѣніи, въ Вяземскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, составилъ въ 1820 г., въ виду крайне печальнаго положенія народа, адресъ имп. Александру, который онъ думалъ предложить для подписи всѣмъ членамъ Союза Благоденствія. Онъ описывалъ въ немъ «всѣ бѣдствія Россіи» и для прекращенія ихъ предлагалъ государю «созвать земскую думу по примѣру своихъ предковъ». М. А. Фонъ-Визинъ, гостившій въ это время у Якушкина, согласился подписать петицію, и затѣмъ они оба отправились въ Дорогобужъ къ члену союза Граббе. Онъ не отказывался дать свою подпись вмѣстѣ съ другими, но доказывалъ товарищамъ, что такимъ образомъ они сразу уничтожатъ тайное общество и сами попадутъ въ крѣпость. Якушкинъ уничтожилъ проектъ адреса.

Н. Тургеневъ 22 февраля 1821 г. записалъ въ своемъ дневникѣ такую мысль: «Посмотря на образъ жизни» и «на положеніе

станокъ былъ купленъ мною съ той цѣлью, чтобы литографировать разные уставы и сочиненія тайнаго общества и не имѣть труда или опасности оныя переписывать". Станокъ былъ пріобрѣтенъ въ Петербургѣ „на деньги, взятыя изъ кассы общества, которое находилось тогда у меня" и въ которой было не болѣе 1200 рублей. Станокъ послѣ двухъ или трехъ пробъ оказался неудобнымъ. А. Поджіо упоминаетъ въ своемъ показаніи, что Н. Муравьевъ вручилъ ему въ 1823 г. *литографированный* листъ—общее изложеніе правилъ Союза Благоденствія. Не были ли это правила о „Составленіи управъ", представляющія повтореніе правилъ Союза Благоденствія съ сокращеніями и нѣкоторыми варіантами?

*) Въ другомъ показаніи Лунинъ говоритъ: „Общество имѣло двѣ цѣли: явную—распространеніе просвѣщенія и благотворительности; сокровенную—введеніе конституціи или законно-свободнаго правленія".

крестьянъ русскихъ, что можно придумать для пользы Россіи? Посмотря на управленіе, часть судную, на нашихъ дворянъ, гдѣ будемъ искать спасенія? Въ совѣтѣ народа! Мы знаемъ, что намъ очень худо, но никто не знаетъ и знать не можетъ въ отдѣльности, какъ дѣлать лучше. Надобно узнать зло во всемъ пространствѣ, чтобы быть въ состояніи помочь ему. А каждый изъ насъ, даже и самые знающіе, знаютъ часть, но не знаютъ цѣлаго».

По вопросу о томъ, къ установленію какой формы конституціоннаго правленія,—монархической или республиканской—должно стремиться общество, состоялось очень важное собраніе коренной управы Союза Благоденствія въ 1820 г. въ Петербургѣ, въ квартирѣ члена общества Ѳ. Н. Глинки, которое подробно описалъ въ своемъ показаніи Пестель:

„Въ началѣ 1820 г. было назначено здѣсь, въ Петербургѣ, Собраніе Коренной Думы Союза Благоденствія. Сія коренная дума по правиламъ Зеленой Книги имѣла законодательную власть Союза. Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза Благоденствія и первоначально въ оный вступили *). Предсѣдателемъ Союза былъ тогда гр. Толстой, а блюстителемъ кн. Долгоруковъ. Присутствовали въ то время въ коренной думѣ сверхъ предсѣдателя и блюстителя еще Тургеневъ, Лунинъ, Глинка, Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я, да еще нѣкоторые другіе **). Кн. Долгоруковъ, по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинки, предложилъ Думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и свои мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ, было преніе заключено и объявлено, что голоса собираться будутъ такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента. А подробности будутъ современемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, онъ сказалъ по-французски: Le président—sans phrases, т. е. президентъ безъ дальнихъ толковъ. Въ заключеніе приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елизавету Алексѣевну. Сіе заключеніе коренной думы было сообщено всѣмъ частнымъ думамъ, а въ томъ числѣ и Тульчинской ***). Съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими".

---

*) По уставу Союза Благоденствія коренною управою, (а не „думою") называлось соединенное собраніе коренныхъ членовъ Союза (членовъ-учредителей) вмѣстѣ съ выбраннымъ ими совѣтомъ коренного союза (въ послѣднемъ должно было быть 5 „засѣдателей" и одинъ блюститель, обязанный наблюдать за исполненіемъ постановленій союза). По уставу общества, коренной союзъ назначаетъ особенную, временную законодательную палату для разсмотрѣнія, поясненія и исполненія законовъ союза; если коренная управа одобритъ труды этой палаты, то они должны были „имѣть силу" временно до окончательнаго утвержденія „верховнымъ правленіемъ, имѣющимъ установиться, лишь только союзъ совершенно будетъ составленъ".

**) Въ этомъ собраніи были еще: фонъ-деръ-Бриггенъ, С. М. Семеновъ и Пав. Колошинъ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ и С. Трубецкой.

***) Въ другомъ показаніи Пестель сказалъ, что онъ „долженъ думать", что то же было сдѣлано и въ прочихъ думахъ.

Фонъ-деръ-Бриггенъ, пріятель Н. И. Тургенева, присутствовавшій на этомъ собраніи и назвавшій въ числѣ участниковъ его Степ. М. Семенова, нѣсколько иначе передаетъ мнѣніе Тургенева. По его словамъ, Тургеневъ сказалъ: «Правленіе съ президентомъ отмѣнно хорошо, но главное, на чемъ все основано», это «хорошее народное представительство». Тогда Пестель замѣтилъ: «государи всегда питаютъ враждебныя чувства къ конституціямъ и думаютъ, что» ихъ, «какъ тарифъ, можно перемѣнять по произволу». На очной ставкѣ съ Пестелемъ Бриггенъ заявилъ, что не помнитъ словъ, приписываемыхъ Пестелемъ Тургеневу *), и настаивалъ на томъ, что окончательнаго рѣшенія принято не было, и что онъ, гр. Толстой, и Глинка рѣшительнаго мнѣнія не высказали. С. Муравьевъ-Апостолъ заявилъ, что въ этомъ собраніи происходило только «политическое разсужденіе о преимуществѣ правленія республиканскаго надъ монархическимъ». На очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ Пестель напомнилъ ему, что они даже до совѣщанія у Глинки «условились быть тамъ одного мнѣнія». Тогда Н. Муравьевъ «послѣ нѣкоторыхъ отрицаній сознался, что на совѣщаніи у Глинки, въ самомъ дѣлѣ, всѣ присутствующіе согласились признать республиканское правленіе», но утверждалъ, что объ этомъ прочимъ управамъ объявлено не было. Однако, Пестель по возвращеніи изъ Петербурга въ первой половинѣ 1820 г. объявилъ въ Тульчинѣ многимъ членамъ Общества о принятомъ постановленіи, и никто не возражалъ противъ него, кромѣ Бурцова, который сомнѣвался въ возможности ввести въ Россіи республиканское правленіе.

---

*) Въ первой оправдательной запискѣ Тургеневъ допускалъ, что приписываемыя ему слова могли вырваться въ одномъ изъ разговоровъ. Въ другомъ мѣстѣ того же оправданія, упомянувъ о взглядахъ лицъ, отрицающихъ частную земельную собственность, очевидно, Пестеля (однако, послѣдній допускалъ ея существованіе наравнѣ съ общественными, волостными землями и казенными, хотя и требовалъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, при извѣстныхъ размѣрахъ владѣнія даже безъ вознагражденія), Тургеневъ говоритъ: „Мудрено ли, что посреди такихъ теорій я говорилъ о президентѣ безъ фразъ". Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что это было лишь теоретическое обсужденіе вопроса (La Russie, 1, 173—176), но, очевидно, Тургеневъ выразился именно такъ, какъ показалъ Пестель. Въ перепискѣ между кн. Вяземскимъ и Тургеневымъ нерѣдко употреблялся подобный оборотъ рѣчи. Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (1818 г.), совѣтуетъ Пушкину высѣчь „мстительнымъ стихомъ мерзавца Каченовскаго ...Не надобно личности, но сильный приговоръ къ смерти: la mort sans phrases". Въ 1825 г. А. И. Тургеневъ, извѣщая кн. Вяземскаго о томъ, что подаетъ въ въ отставку, говоритъ: „Je demande le congé sans phrases, т. е. безъ предварительнаго письма". „Остафьев. Арх.". 1, 119, 111, 98. Изъ лицъ, присутствовавшихъ на совѣщаніи, Н. Муравьевъ и С. Муравьевъ-Апостолъ подтвердили, что Тургеневъ выразился такъ, Семеновъ, Бриггенъ и Колошинъ не подтвердили, а Глинка не призналъ, что у него происходило засѣданіе столь рѣшающаго значенія.

Когда члены Союза Благоденствія на съѣздѣ въ Москвѣ въ началѣ 1821 г. фиктивно объявили его закрытымъ, чтобы удалить изъ своей среды неблагонадежные элементы *), члены Общества въ Тульчинѣ, какъ извѣстно, не признали этого закрытія. Въ Петербургѣ и Москвѣ Общество также продолжало существовать, хотя первое время дѣятельность его мало проявлялась.

Между тѣмъ какъ въ южномъ обществѣ, подъ вліяніемъ Пестеля, было условлено стремиться къ достиженію республиканской формы правленія, въ сѣверномъ (несмотря на постановленіе 1820 г.) преобладало,—судя по конституціи Н. Муравьева, по крайней мѣрѣ до 1824 года,—направленіе монархически-конституціонное. Это видно и изъ показаній декабристовъ во время слѣдствія, хотя не слѣдуетъ все же забывать, что это—показанія подсудимыхъ, которымъ было гораздо удобнѣе говорить о своемъ сочувствіи конституціонно-монархическому, чѣмъ республиканскому правленію. При этомъ слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, что личные взгляды дающаго показаніе иногда могли проявляться при оцѣнкѣ общаго настроенія. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ показаній. «Цѣль общества была», говоритъ М. Бестужевъ,—«введеніе конституціи». По словамъ А. Бестужева, «цѣль общества была распространять понятія о правахъ людей и со временемъ возстановить ихъ въ Россіи. Кончина имп. Александра Павловича назначена была знакомъ къ началу дѣйствія, если позволятъ силы; но это говорено было только въ началѣ; потомъ, когда сочленъ привыкалъ уже къ этой мысли, ему открывали, что если общество будетъ довольно сильно, то надобно дѣйствовать и при жизни» государя, «поднять народъ, войска, и если это удастся, то принудить императора подписать конституцію» **). Никита Муравьевъ въ первомъ же показаніи сказалъ: «цѣль общества была введеніе представительнаго правленія монархическаго, средство достиженія сего было распространеніе представительныхъ понятій и склоненіе вооруженной силы для содѣйствія сему. Тогда, бывъ поддержаны войсками, надѣялись заставить принять хартію». Рылѣевъ въ самомъ первомъ показаніи 14 декабря также заявилъ, что цѣль общества, «по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, была—конституціонная монархія». Принимая Каховскаго, который обнаруживалъ республиканскій образъ мыслей, Рылѣевъ сказалъ ему, что «цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи». Но нужно замѣтить, что еще въ концѣ января 1824 года, т. е. задолго до пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, А. Поджіо, прибывъ

---

*) Объ этомъ съѣздѣ см. въ моей статьѣ о М. А. Фонъ-Визинѣ въ изд. „Общественныя движенія перв. пол. XIX в.", т. I.

**) Пущинъ сказалъ Штейнгелю, что общество намѣрено „заставить государя дать конституцію"; то же подтвердилъ ему Рылѣевъ. По словамъ Свистунова, „намѣреніе общества было истребовать отъ царя конституцію посредствомъ возмущенія войскъ или народа".

оттуда, сообщилъ въ Кіевѣ главнѣйшимъ членамъ южнаго общества, что въ Петербургѣ «мнѣніе раздѣлено, что иные хотятъ республики съ покушеніемъ на жизнь всей царской фамиліи, и что другіе», какъ ему говорилъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, «отвергнули республику». Я не буду останавливаться здѣсь на монархической конституціи Н. Муравьева *), тѣмъ болѣе, что она не была окончательно принята и одобрена даже Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, какъ это прямо свидѣтельствуетъ Нарышкинъ, а Пестель и члены Южнаго Общества были рѣшительными ея антагонистами. Рылѣевъ говорилъ Н. Бестужеву, что дума продолжаетъ дѣлать въ проектѣ конституціи Муравьева «перемѣны и поправки». Къ тому же, самъ Н. Муравьевъ не былъ противникомъ республиканскаго строя: по его собственному показанію, онъ считалъ необходимымъ, если бы конституція не была принята императорскою фамиліею, изгнать ее и предложить введеніе республиканскаго правленія. А. Бестужевъ говоритъ въ своемъ показаніи о Н. Муравьевѣ: «мнѣніе съ нами о чистомъ народномъ правленіи раздѣлялъ одинаково». Въ другомъ показаніи онъ выражается такъ: «Никита Муравьевъ, когда читалъ намъ часть опыта своей конституціи, мнѣніе о преимущественности республики передъ монархіей съ нами раздѣлялъ; впрочемъ, тогда еще рѣшительнаго ничего положено не было».

Конституція Н. Муравьева встрѣчала среди членовъ сѣвернаго общества возраженія съ точки зрѣнія и болѣе правыхъ, и болѣе лѣвыхъ **). Митьковъ въ своемъ показаніи говоритъ, что считалъ конституцію Н. Муравьева «ютопіею». Назимовъ былъ принятъ въ Сѣверное общество въ 1823 г. Нарышкинымъ, который давалъ ему разныя книги для изученія конституціи и затѣмъ повезъ его къ Н. Муравьеву. Если вѣрить показанію Назимова, по выслушаніи конституціи Н. Муравьева, которая еще не была окончена, онъ замѣтилъ ему, что въ его проектѣ власть императора «вовсе ослаблена», и что такое правленіе въ Россіи, въ виду ея обширности, невозможно, что никакой государь не согласится на столь сильное ограниченіе его власти, что, опираясь на «привычку народа», на «недовольныхъ новымъ правленіемъ» и на поддержку иностранныхъ державъ, онъ «можетъ все потрясти, что это влечетъ за собою междоусобія, что ослабленная Россія не будетъ въ состояніи отразить нападеній внѣшнихъ враговъ. Муравьевъ отвѣчалъ: что вну-

*) См. мою статью въ журналѣ „Былое“, 1906 г. № 2.

**) Декабристъ фонъ деръ-Бриггенъ показалъ, что „большая часть изъ членовъ“ (Сѣвернаго тайнаго общества) „выхваляли англійскую конституцію“. Убѣжденнымъ сторонникомъ этой конституціи былъ морякъ Торсонъ, и онъ доказывалъ Рылѣеву преимущества ея, какъ монархической, предъ американскою. Замѣчанія на конституцію Н. Муравьева (см. „Былое“, 1906 г. № 2, стр. 99—106), какъ я теперь убѣдился, принадлежатъ Торсону.

три «выгоды новаго правленія привяжутъ къ правительству всѣ сословія, что извнѣ нечего опасаться, ибо сосѣди будутъ ожидать, чтобы и у нихъ самихъ того же не случилось, что войско, защищающее свободу, можетъ все отразить, что честолюбцевъ даже и опасаться нечего, ибо—что они будутъ говорить народу? и что если Россія потерпитъ при семъ переворотѣ, то предстоящее ей благосостояніе все вознаградитъ»; приводилъ въ примѣръ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и, наконецъ, сказалъ, что «конституція его не имѣетъ еще ничего положительнаго, но что, впрочемъ, онъ показывалъ ее знающимъ людямъ и пользовался ихъ мнѣніями». Когда затѣмъ Назимовъ говорилъ съ Нарышкинымъ о конституціи Н. Муравьева и выражалъ несогласіе съ нѣкоторыми ея параграфами, то Нарышкинъ сказалъ ему, что «по законамъ общества» онъ даже не имѣетъ права «разсуждать о перемѣнахъ конституціи, ибо это принадлежитъ верховному кругу *). Что касается введенія конституціи, то Нарышкинъ сказалъ, что это можетъ произойти послѣ смерти имп. Александра I или посредствомъ возстанія еще при его жизни, при чемъ разсчитывали на войско и крестьянъ. Кн. Оболенскому Назимовъ заявилъ, что такъ какъ конституція Н. Муравьева «имѣетъ сходство съ конституціею Сѣверо-Американскихъ штатовъ, то мы должны узнать тамъ, на самомъ мѣстѣ, все ли такъ хорошо, какъ пишутъ», и для этого нужно, чтобы кто-нибудь изъ членовъ общества отправился туда, все изслѣдовалъ подробно, во всѣхъ отрасляхъ правленія и, возвратясь, далъ... вѣрный отчетъ обществу». Съ совершенно другой точки зрѣнія, чѣмъ Назимовымъ, было сдѣлано возраженіе на одномъ собраніи въ 1824 г. у Нарышкина, гдѣ читался проектъ Муравьева. Противъ него возсталъ какой-то офицеръ (принятый въ общество Евг. Оболенскимъ) на томъ основаніи, что конституція эта была монархическая. Онъ сказалъ М. Муравьеву Апостолу: «думаете-ли вы остановить дѣйствія государя у насъ мнимою конституціею?» и вышелъ изъ общества.

Политическіе взгляды Батенькова отличались аристократическимъ характеромъ. Онъ не только былъ монархистомъ и рѣшительнымъ противникомъ республиканскаго строя, но защищалъ такую двухпалатную систему, при которой верхняя палата состояла бы изъ членовъ большею частью наслѣдственныхъ, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкотораго числа свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, назначаемыхъ государемъ пожизненно. Впрочемъ, въ переговорахъ съ Трубецкимъ и Рылѣевымъ онъ соглашался на составленіе всей верхней палаты изъ пожизненныхъ членовъ, но считалъ это лишь временною уступкою въ виду того, что они предлагали пожизненныхъ членовъ ея и даже «на срокъ». Батеньковъ счи-

*) Объ организаціи Сѣвернаго Общества см. М. В. Довнаръ-Запольскій „Тайное Общество декабристовъ", М. 1896, стр. 216 и сл.

талъ необходимымъ стремиться къ установленію въ Россіи «родового вельможества» *). Что касается нижней палаты депутатовъ то онъ предлагалъ составить ее изъ депутатовъ отъ извѣстныхъ городовъ, землевладѣльцевъ, 3-хъ университетовъ и 3-хъ академій, но въ одномъ изъ своихъ показаній онъ упоминаетъ о соглашеніи съ Рылѣевымъ относительно избранія депутатовъ въ эту палату по сословіямъ: отъ дворянства, купечества, духовенства и поселянъ.

Батеньковъ работалъ надъ трудомъ подъ названіемъ «Опытъ теоріи правительственныхъ учрежденій» (при монархическомъ строѣ), который онъ хотѣлъ представить имп. Александру «для соображеній въ комиссіи законовъ» и который не успѣлъ окончить (онъ читалъ его Н. А. Бестужеву). Сочиненіе это хотѣлъ прочесть имп. Николай Павл., но его не удалось разыскать. Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о томъ, въ какой степени Батеньковъ ознакомился съ сочиненіями по государственному праву. Онъ только упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что читалъ труды г-жи Сталь объ Англіи и о французской революціи, что исполненъ былъ «величайшимъ уваженіемъ къ англійской конституціи и совершенной ненавистью къ французской конституціи 1791 года». Узнавъ о смерти Александра I, онъ бранилъ государственный совѣтъ и сенатъ за то, что они «спятъ», и говорилъ, что если бы они думали объ отечествѣ, то могли бы въ ту самую минуту, когда Николай Павловичъ присягнулъ цесаревичу Константину, провозгласить императоромъ Александра II и «сдѣлать потомъ, что признаютъ за благо»; онъ досадовалъ, что удобный случай пропущенъ **). Мечтая о представительномъ правленіи въ Россіи, онъ считалъ «величайшимъ счастьемъ» дожить до «такого порядка вещей».

Пестель во время пріѣзда въ Петербургъ въ концѣ 1824 г. видѣлся преимущественно съ тремя директорами Сѣвернаго Общества,—Трубецкимъ, Н. Муравьевымъ и Оболенскимъ. Послѣдняго, при свиданіи съ нимъ отдѣльно, Пестелю довольно легко удалось убѣдить въ необходимости введенія республики, но Н. Муравьевъ и Трубецкой выказали несочувствіе его предположеніямъ о соединеніи Сѣвернаго и Южнаго Обществъ и о введеніи республиканскаго строя посредствомъ диктатуры временнаго правленія. Симпатіи Трубецкого колебались между республикою и монархіею ***).

*) У него являлось также предположеніе обратить въ верхнюю палату сенатъ и синодъ.

**) Штейнгель на слѣдствіи клятвенно утверждалъ, будто бы Батеньковъ сказалъ ему въ день присяги Николая Константину, что высказалъ свое негодованіе Сперанскому, и будто бы тотъ отвѣчалъ: „Я одинъ, что же мнѣ прикажете дѣлать, одному мнѣ нечего было говорить". Но Батеньковъ заявилъ, что „со Сперанскимъ ни малѣйшихъ сношеній по подобному предмету никогда не имѣлъ и не смѣлъ говорить съ нимъ о тѣхъ связяхъ, кои я имѣлъ".

***) Чтобы склонить на свою сторону Трубецкого, Пестель шелъ даже

По свидѣтельству Матвѣя Муравьева-Апостола, раздраженный сопротивленіемъ его взглядамъ, въ собраніи директоровъ Сѣвернаго Общества, на которомъ присутствовали Н. Тургеневъ, Нарышкинъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ (въ квартирѣ Оболенскаго), Пестель ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ: «такъ будетъ же республика!» Онъ познакомился въ Петербургѣ и съ Рылѣевымъ. По мнѣнію кн. Оболенскаго, это знакомство «имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія политическія дѣйствія Рылѣева». Но едва ли это такъ, ибо и ранѣе Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ находилъ у Рылѣева революціонный образъ мыслей *). Изъ разсказа Рылѣева о свиданіи съ Пестелемъ видно ихъ взаимное недовѣріе другъ къ другу и желаніе вывѣдать намѣренія собесѣдника. Рылѣевъ высказалъ при этомъ, что «образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ самый приличный и удобный для Россіи», но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что покорится постановленію, принятому большинствомъ членовъ общества, съ тѣмъ однако, чтобы «уставъ» (т. е. конституція), принятый обоими обществами, былъ представленъ, какъ проектъ, великому народному собору и осуществленъ лишь съ его согласія. А. Бестужевъ замѣтилъ, что въ концѣ 1824 г. Рылѣевъ, стремившійся до тѣхъ поръ къ установленію конституціонной монархіи, сдѣлался защитникомъ республиканскаго строя, и приписывалъ это вліянію Пестеля, но тутъ же Бестужевъ, также склонявшійся къ республиканскимъ взглядамъ, говоритъ, что онъ и Рылѣевъ «непримѣтно, мнѣніе за мнѣніемъ, дошли до мысли о республикѣ» **). Н. Тургенева Пестель нашелъ «въ республиканскомъ образѣ мыслей», что подтверждаетъ и Трубецкой, но Тургеневъ былъ горячимъ противникомъ аграрныхъ плановъ Пестеля.

Не встрѣтивъ сочувствія въ Думѣ Сѣвернаго общества, Пестель рѣшилъ, помимо нея, пропагандировать въ Петербургѣ идеи южнаго общества и принимать въ него членовъ. По показанію М. Муравьева-Апостола, Пестель, принявъ Свистунова, сдѣлалъ его и Вадковскаго «боярами» и открылъ имъ всѣ планы южнаго общества, а затѣмъ на собраніи у Свистунова горячо доказывалъ необходимость введенія республиканскаго правленія и принялъ въ члены южнаго общества (въ число «братьевъ» его) Анненкова,

---

на нѣкоторыя уступки, какъ видно изъ слѣдующаго его показанія: „съ Трубецкимъ говорили между прочимъ, что ежели не республика будетъ принята, то избрать Александра Николаевича въ императоры при регентствѣ".

*) „Рылѣевъ въ полномъ революціонномъ духѣ".

**) Грибоѣдовъ писалъ А. Бестужеву 22 ноября 1825 г.: „Оржицкій (членъ Сѣвернаго Общества) передалъ ли тебѣ о нашей встрѣчѣ въ Крыму? Вспомнили о тебѣ и о Рылѣевѣ, котораго обними за меня искренне, по республикански". Полное собраніе сочиненій Грибоѣдова, подъ редак. И. А. Шляпкина". Спб. 1889, I, 209.

Поливанова, Кривцова и Депрерадовича *). Правительство дѣйствовало такимъ образомъ, что подрывало вѣру въ возможность его согласія на установленіе ограниченной монархіи. Естественно являлся вопросъ: что дѣлать, если государь не согласится на введеніе конституціи. Когда А. Бестужевъ задалъ этотъ вопросъ Рылѣеву въ 1825 году, указавъ на то, что, какъ доказалъ примѣръ Испаніи, вынужденное согласіе не прочно, Рылѣевъ отвѣчалъ ему, что члены Южнаго Общества отвергаютъ монархію, что мнѣніе ихъ принято здѣсь (т. е. въ Петербургѣ), и что они «берутся извести государя». По свидѣтельству Торсона, Н. Бестужевъ весною 1825 г. объявилъ ему о намѣреніяхъ тайнаго общества ввести республику. О томъ же осенью онъ слышалъ отъ Рылѣева.

Съ отъѣздомъ Трубецкого въ Кіевъ**) и замѣною его въ думѣ Сѣвернаго Общества Рылѣевымъ, республиканское теченіе въ этомъ обществѣ усилилось. По свидѣтельству Батенькова, Рылѣевъ говорилъ ему, что «въ монархіи не можетъ быть ни великихъ характеровъ, ни искреннихъ добродѣтелей, что одни американцы поняли всю важность сей истины, что въ Европѣ даже и Англія пребываетъ въ тяжкомъ рабствѣ отъ аристократіи, что она освободится послѣ всѣхъ, а прочіе должны ждать всего отъ Россіи, гдѣ опытъ 1812 служитъ лучшимъ доказательствомъ, что революція» наша, въ отличіе отъ Неаполя, Пьемонта и даже Испаніи, «не можетъ быть прекращена чужеземною силою». Кн. Трубецкой также свидѣтельствуетъ о республиканскихъ мнѣніяхъ Рылѣева и о томъ, что, напротивъ, Оболенскій не имѣлъ на этотъ счетъ «основательнаго мнѣнія», т. е. въ этомъ вопросѣ колебался,—какъ и самъ Трубецкой. Послѣдній въ Кіевѣ сталъ склоняться, подъ вліяніемъ членовъ Южнаго общества, къ республикѣ, но по пріѣздѣ въ Петербургъ Батеньковъ сталъ убѣждать его, что въ Россіи возможна только монархія. Трубецкого смущало опасеніе, что русскій народъ «не пойметъ республики», что нѣтъ человѣка, который могъ бы быть ея главою. Онъ высказывалъ эти сомнѣнія и на югѣ С. Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, но въ концѣ

*) Однако Свистуновъ, Анненковъ и Кривцовъ были осуждены какъ члены Сѣвернаго Общества. Сторонниками въ 1824 г. въ Петербургѣ введенія республиканскаго строя М. Муравьевъ-Апостолъ называетъ: Н. Тургенева, кн. Е. Оболенскаго, А. Бестужева, кн. Валеріана Голицына, Митькова (?), Поливанова, Ѳ. Вадковскаго, Свистунова, Анненкова и Депрерадовича. Пестель же показалъ: „съ Краснокутскимъ видѣлся я раза два, и мы все время разсуждали о республикѣ и объ объявленіи новаго порядка вещей чрезъ сенатъ. Вадковскій, Поливановъ, Свистуновъ и артиллерійскій Кривцовъ... находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ". О пріѣздѣ Пестеля въ Петербуръ въ 1824 году ср. Н. П. Павловъ-Сильванскій „Пестель" и М. В. Довнаръ-Запольскій „Тайное общество декабристовъ", стр. 228—253.

**) Трубецкой былъ назначенъ штабъ-офицеромъ въ 4-й пѣхотный корпусъ 22 декабря 1824 г.

пребыванія тамъ сталъ соглашаться съ ними. Однако, по пріѣздѣ въ Петербургъ, во время междуцарствія, по его словамъ, «въ мысляхъ» своихъ «рѣшительно положилъ», что должно быть правленіе монархическое, но думалъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить собранію депутатовъ. По показанію Н. Бестужева, Рылѣевъ, въ разговорѣ съ нимъ о проектѣ конституціи Н. Муравьева, заявилъ, что нѣкоторые члены Думы предполагаютъ ввести въ Россіи республиканскую форму правленія, но что неизвѣстно, будетъ ли она принята. По словамъ Н. Бестужева, онъ и его пріятель, морякъ Торсонъ, были противъ этого. Ревностнымъ республиканцемъ, стремившимся къ учрежденію «правленія народнаго» былъ Каховскій *), а также и морской офицеръ Д. И. Завалишинъ. Подъ его вліяніемъ объ установленіи федеративной республики мечтали моряки Арбузовъ, братья Бѣляевы и Дивовъ **).

Приведенныя извѣстія показываютъ, что нѣкоторые, очень вліятельные, члены Сѣвернаго общества или вообще желали учрежденія республики, или допускали это лишь въ случаѣ несогласія государя на введеніе конституціонно-монархическаго строя. Но, вопреки мнѣнію Пестеля, въ Петербургѣ не допускали преобразованія государственнаго строя посредствомъ диктатуры временнаго верховнаго правленія, а считали необходимымъ, чтобы эта реформа была принята народными представителями, которыхъ предполагали созвать манифестомъ отъ имени сената, и, кромѣ того, до созванія народнаго представительства, считали нужнымъ учредить временное правленіе изъ трехъ лицъ.

По словамъ Рылѣева, предполагалось «принудить сенатъ назначить временную правительственную думу», состоящую изъ Мордвинова, Сперанскаго и, въ качествѣ правителя дѣлъ, члена Сѣвернаго общества, подполк. Батенькова. Имена Мордвинова и Сперанскаго назвалъ первый Трубецкой, еще въ 1824 г. на собраніи у Митькова, въ отвѣтъ на предложеніе М. Муравьева-Апостола назначить во «временное правленіе» Пестеля, еще кого-либо изъ директоровъ Южнаго Общества и Н. Тургенева или Трубецкого. Конечно, предложеніе М. Муравьева-Апостола, предоставлявшее во временномъ правленіи большинство голосовъ представителямъ Южнаго Общества, въ Петербургѣ принято быть не могло, и Трубецкой, очевидно, во избѣжаніе пререканій, назвалъ лицъ, не бывшихъ

---

*) См. о немъ статью П. Е. Щеголева въ журналѣ „Былое“ 1906 г. №№ 1 и 2.

**) Завалишинъ, какъ заявилъ на очной ставкѣ съ нимъ Арбузовъ, указывалъ, въ видѣ доказательства возможности введенія въ Россіи федеративной республики, на то, что въ Панамѣ будетъ конгрессъ для учрежденія такой республики въ Америкѣ. Однако Панамскій конгрессъ изъ представителей Мексики, Колумбіи, Перу и Центральной Америки, начавшій свои засѣданія 22 іюня 1826 г., не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

членами общества, но пользовавшихся извѣстностью и уваженіемъ. Съ тѣхъ поръ имена Сперанскаго и Мордвинова обыкновенно и назывались въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе. Мы увидимъ, впрочемъ, что нѣкоторые, болѣе крайніе, члены общества не особенно сочувствовали этому предположенію. Рылѣевъ, по его словамъ, согласился съ предложеніемъ Трубецкого относительно Мордвинова и Сперанскаго, но, по мѣрѣ, того, какъ взгляды поэта становились болѣе радикальными, видимо, кандидатура этихъ лицъ все менѣе улыбалась ему. По крайней мѣрѣ, Каховскій сообщаетъ о слѣдующихъ разговорахъ съ Рылѣевымъ. Когда Каховскій спрашивалъ его, есть ли между членами общества люди извѣстные, Рылѣевъ отвѣчалъ: «ты—азіатецъ, тебѣ только и нужны звѣзды, да сѣдые волосы!» Каховскій возразилъ: «Нѣтъ, Рылѣевъ, мнѣ это не нужно, но нужно для довѣрія; я очень понимаю, что и подъ сѣдыми волосами часто бываютъ пустыя головы и въ звѣздахъ невѣжды, но согласись со мной, что умный генералъ значущѣе умнаго прапорщика и по мѣсту, и по извѣстности». Если вѣрить Каховскому, Рылѣевъ однажды сказалъ ему, что Ермоловъ и Сперанскій—члены общества, а въ другой разъ такъ выразился о Сперанскомъ: «онъ, вѣрно, будетъ нашъ; мы на него дѣйствуемъ чрезъ Батенькова». О Мордвиновѣ же онъ сказалъ: «Что ты хочешь отъ аристократа Мордвинова; его, что ли, сдѣлать правителемъ?» Правда, Рылѣевъ во время слѣдствія отрицалъ этотъ отзывъ и утверждалъ, что «всегда предлагалъ его во временное правленіе», но все же Рылѣевъ, съ уваженіемъ относившійся къ Мордвинову и засвидѣтельствовавшій это своимъ извѣстнымъ стихотвореніемъ «Гражданское мужество», написаннымъ въ 1823 году, могъ питать относительно него такое же двойственное чувство, какъ и Н. И. Тургеневъ, т. е. уважать его за политическій либерализмъ, хотя и на аристократической подкладкѣ, но въ то же время съ негодованіемъ относиться къ его крѣпостническимъ мнѣніямъ. Рылѣевъ не могъ не чувствовать, какъ неудобно поставить во главѣ временнаго правительства противника немедленнаго прекращенія крѣпостного права, когда въ проектѣ того же самаго сенатскаго манифеста, которымъ предполагалось учредить это временное правленіе, объявлялось «уничтоженіе права собственности, распространяющееся на людей» *). Вѣроятно, имя Мордвинова Рылѣевъ допускалъ въ числѣ возможныхъ кандидатовъ во временное правленіе, какъ популярное въ либеральныхъ кругахъ, но, въ случаѣ большого успѣха возстанія, не прочь былъ выдвинуть и другихъ, болѣе лѣвыхъ, кандидатовъ. Изъ дневника Н. Тур-

*) Н. Муравьевъ на первомъ допросѣ показалъ: „Слышалъ отъ Рылѣева, что нѣкоторые члены государственнаго совѣта желаютъ представительнаго правленія, а именно Мордвиновъ и Сперанскій, изъ коихъ первый хотѣлъ соединить хартію (т. е. конституцію) съ рабствомъ крестьянъ".

генева видно, что Сперанскій при личныхъ сношеніяхъ также не особенно ему нравился *).

Кн. Трубецкой полагалъ, что «для управленія государствомъ до рѣшенія, какое послѣдуетъ отъ депутатскаго собранія», нужно назначить временное правленіе изъ двухъ или трехъ членовъ государственнаго совѣта, а сенатъ до того времени закрыть, оставивъ, если нужно, «департаментъ для судныхъ только дѣлъ, но всякая законодательная власть должна прекратиться до сбора депутатовъ». Трубецкой считалъ необходимымъ дать участіе и полякамъ въ государственномъ управленіи уже и въ этотъ переходный періодъ. По его заявленію во время слѣдствія, онъ «касательно Царства Польскаго также думалъ, что нужно пригласить члена во временное правленіе или депутатовъ для опредѣленія мѣръ» съ цѣлью «сохраненія единства державы».

Колебанія относительно назначенія въ члены временнаго правленія Мордвинова и Сперанскаго видны и изъ показанія кн. Оболенскаго. По его словамъ, предполагали учредить «временное правленіе, составленное изъ двухъ или трехъ членовъ, которыхъ имя и правило служили поручительствомъ точнаго исполненія нашихъ намѣреній. Выборъ сихъ членовъ еще не былъ опредѣленъ, потому что мы не имѣли истинныхъ причинъ полагаться на мнѣніе общее о правилахъ, коими руководствовались бы въ управленіи Н. С. Мордвиновъ и М. М. Сперанскій. Никто изъ насъ о намѣреніи нашемъ имъ не говорилъ». Въ другомъ показаніи кн. Оболенскій поясняетъ, что къ двумъ или тремъ членамъ временнаго правленія, взятымъ изъ государственнаго совѣта, предполагалось присоединить еще одного изъ членовъ тайнаго общества въ качествѣ его правителя дѣлъ. Сообщивъ и о предположеніи собрать, при посредствѣ сената, представителей «отъ губерній», кн. Оболенскій добавляетъ: «вотъ все, что положено было опредѣлительно» **).

Назывались, впрочемъ, и другія имена въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе. Такъ, по словамъ С. Муравьева-Апостола, кн. Трубецкой одно время предполагалъ сдѣлать членами временнаго правленія вмѣстѣ съ Мордвиновымъ и Сенявина. О томъ же разсказывалъ Пестель ***).

---

*) Быть можетъ, вслѣдствіе этихъ сомнѣній у Рылѣева, по словамъ Каховскаго, мелькала мысль, чтобы дума сѣвернаго общества на нѣкоторое время удержала правленіе за собою. „Какъ опредѣлитъ дума, такъ и будетъ“, говорилъ Рылѣевъ. Иногда онъ мотивировалъ эту мысль тѣмъ, что народъ „еще не совершенно приготовленъ къ полученію свободы“. Тутъ уже могло сказываться нѣкоторое вліяніе идей Пестеля о диктатурѣ верховнаго правленія вслѣдствіе бесѣды съ нимъ Рылѣева въ 1824 году.

**) Завалишинъ также говоритъ: „Положено было, что одинъ или два изъ членовъ (временнаго правленія) непремѣнно должны быть изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ и принимавшихъ участіе въ переворотѣ“.

***) Любопытно, что еще въ 1820 г. до вице-адмирала Сенявина, хоро-

Батеньковъ совѣтовалъ Рылѣеву сдѣлать членомъ этого правленія, вмѣсто Сперанскаго, архіепископа Филарета, а услышавъ, по его словамъ, отъ Рылѣева 13 декабря, что членами правленія будутъ Сперанскій, Мордвиновъ и онъ, Батеньковъ (мы видѣли, что его прочили только въ правители дѣлъ), утверждалъ, что Сперанскій не приметъ такого назначенія. По словамъ Завалишина въ его запискахъ, необходимость ввести въ составъ временнаго правленія лицъ, «пользовавшихся общимъ довѣріемъ, привела задолго почти къ общему соглашенію, что въ число членовъ» его должны быть назначены Мордвиновъ и Сперанскій. «Одни полагали ограничиться пятью, и чтобы всѣ были русскіе, другіе хотѣли, чтобы было 7 членовъ», и въ такомъ случаѣ по одному должно было быть изъ нѣмцевъ и поляковъ, чтобы внушить довѣріе и въ тѣхъ окраинахъ Россіи, гдѣ эти національности преобладали «въ образованномъ сословіи» (ср. выше мнѣніе по этому предмету Трубецкого). «Этотъ пунктъ», говоритъ Завалишинъ, «былъ самый спорный»... Вопросъ о назначеніи въ число регентовъ митрополита былъ рѣшенъ отрицательно вслѣдствіе нежеланія «смѣшивать религію съ политикою», а также и потому, что опасались получить отъ митрополита отказъ, который неизбѣжно былъ бы истолкованъ, какъ порицаніе самого переворота *). Трубецкой въ своихъ запискахъ говоритъ положительно, что общество хотѣло предложить во временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, а въ показаніяхъ своихъ на слѣдствіи объясняетъ выборъ Сперанскаго тѣмъ, что считалъ его «не врагомъ новостей», такъ какъ онъ дѣлалъ многія нововведенія, будучи государственнымъ секретаремъ. Трубецкой старался разузнать о Сперанскомъ отъ близкаго къ нему Батенькова, но тотъ отвѣчалъ:

шаго знакомаго Н. С. Мордвинова, дошелъ слухъ, что его считаютъ главою общества, имѣющаго вредные замыслы противъ правительства. Сенявинъ былъ возмущенъ этимъ, пріѣхалъ заявить о лживости этого слуха управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею, намѣренъ былъ объясниться съ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, гр. Милорадовичемъ, который, какъ ему говорили, уже доносилъ государю о заговорѣ, наконецъ—предполагалъ писать и самому государю и просить произвести разслѣдованіе по поводу этого слуха. Это объясненіе Сенявина съ Кочубеемъ произошло въ ноябрѣ 1820 г., т. е. вскорѣ послѣ волненія въ Семеновскомъ полку. Теперь имя Сенявина называли, повидимому, потому, что „слышавъ объ его отставкѣ, считали его въ числѣ недовольныхъ правительствомъ". Въ Петербургѣ упоминали также въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе сенатора И. М. Муравьева-Апостола, отца трехъ братьевъ-декабристовъ, сенатора Баранова, а прежде (до его смерти) Столыпина, зятя Мордвинова. „Рус. Арх." 1875 г., т. III, 436. В. Л. Давыдовъ сообщалъ І. Поджіо, что кто-то предложилъ генерала Н. Раевскаго, но не встрѣтилъ сочувствія. По словамъ Бестужева-Рюмина Пестелю, кн. Трубецкой и Бриггенъ говорили ему о намѣреніи назначить дѣлопроизводителемъ верховнаго (временнаго) правленія Н. Тургенева, а членами—Мордвинова и Сенявина.

*) „Записки декабриста Завалишина". Мюнх. 1904 г., I, 327—329.

«Нѣтъ, батюшка, у нашего старика не вывѣдаешь, что онъ думаетъ» *). По словамъ Лунина, при временномъ правительствѣ долженъ былъ находиться избранный членъ Тайнаго Общества и «безослабно слѣдить за всѣми дѣйствіями правительства».

Относительно составленія манифеста отъ имени сената Рылѣевъ показалъ, что «положено было захватить императорскую фамилію и задержать оную до съѣзда великаго собора», который долженъ былъ рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого Трубецкой поручилъ Рылѣеву написать манифестъ отъ имени сената о томъ, что цесаревичъ Константинъ и Николай Павловичи отказались отъ престола, послѣ чего сенатъ счелъ необходимымъ задержать императорскую фамилію и созвать «на великій соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій народа, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства». Къ

*) Среди декабристовъ возлагалось на Мордвинова и Сперанскаго такъ много надеждъ, основанныхъ на слухахъ, что имп. Николай выразилъ подозрѣніе относительно участія Мордвинова въ заговорѣ уже въ письмахъ къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23 и 28 декабря 1825 г. Шильдеръ. „Имп. Николай I". I, 320, 520. Объ отношеніи къ тайному обществу Мордвинова, Сперанскаго, Киселева и сенатора Баранова было произведено самое секретное изслѣдованіе, и дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи Боровковъ, самъ писавшій всѣ бумаги объ этихъ лицахъ, говоритъ, что „надежда эта была выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ". „Рус. Стар." 1898 г., № 11, стр. 348. Для спеціальнаго допроса Трубецкого по этому дѣлу въ камеру къ нему 28 марта являлся отъ имени государя Бенкендорфъ („Записки Трубецкого", 1907 г., стр. 55—60). Все это секретное дѣлопроизводство было уничтожено. Мордвиновъ въ автобіографической запискѣ, написанной въ 1841 г., говоритъ: „Извѣстно государю моему, сколь усердно старались приключить меня въ число измѣнниковъ государственныхъ въ началѣ царствованія Его Величества; для чего брали подъ стражу людей (моихъ), неприкосновенныхъ къ возмущенію, никѣмъ не осуждаемыхъ... Но когда не могли они извлечь ничего, могущаго послужить для присоединенія меня къ бунтовщикамъ, то дабы навлечь въ мысляхъ омраченіе въ умѣ государя-царя, излагали подробно обо всемъ, что происходило между ними, но Его Величество, не видя ничего, могущаго навлечь подозрѣніе на меня, приказалъ истребить всѣ вопросы и отвѣты вопрошаемыхъ". „Арх. гр. Мордвиновыхъ". Спб., 1903 г., т. VIII, 697—698, ср. т. VII, стр. 8. Однако, Трубецкой въ своихъ запискахъ увѣряетъ, будто бы черезъ Батенькова было обѣщано декабристамъ содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, подъ условіемъ сохраненія въ тайнѣ ихъ именъ и съ тѣмъ, чтобы войска, по объявленіи манифеста, выступили изъ города и расположились въ окрестностяхъ. Напротивъ, Завалишинъ приводитъ такое показаніе Корниловича относительно Сперанскаго: „Утромъ, прежде еще, нежели началось движеніе, Корниловичъ былъ посланъ къ Сперанскому объявить ему о предстоящемъ переворотѣ и испросить его согласія на назначеніе его въ число членовъ регентства.—„Съ ума вы сошли", отвѣчалъ Сперанскій, „развѣ дѣлаютъ такія предложенія преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ". Но въ показаніяхъ Корниловича во время слѣдствія нѣтъ ничего подобнаго, и Батеньковъ заявилъ, что утромъ 13 декабря Корниловича у Сперанскаго не видалъ.

этому должно было прибавить увѣщаніе, чтобы народъ оставался покойнымъ, что имущества, какъ государственныя, такъ и частныя, останутся неприкосновенными, что для сохраненія порядка «сенатъ передалъ исполнительную власть временному правленію, въ которое назначилъ адмирала Мордвинова и тайнаго совѣтника Сперанскаго и проч.». Манифестъ былъ написанъ, по порученію Рылѣева, бар. Штейнгелемъ, котораго онъ считалъ наиболѣе къ тому способнымъ. По словамъ Штейнгеля, порученіе это дано было ему 13 декабря 1825 года, и на другой день утромъ онъ набросалъ проектъ манифеста *). Напротивъ, Трубецкой показалъ, что не поручалъ составленія манифеста Рылѣеву, такъ какъ полагалъ, что сдѣлать это долженъ самъ, какъ диктаторъ (въ это званіе онъ былъ избранъ наиболѣе вліятельными членами Сѣвернаго Общества для руководительства возстаніемъ). Онъ набросалъ лишь по пунктамъ содержаніе манифеста, и записка эта сохранилась**).

Изъ показанія Рылѣева видно, что общество намѣревалось созвать при посредствѣ сената великій соборъ и представить ему проектъ конституціи Н. Муравьева. По другому его показанію, общество предполагало представить на разсмотрѣніе собора, какъ проектъ, государственный уставъ, одобренный большинствомъ чле-

*) По показанію Штейнгеля, манифестъ былъ написанъ отъ имени соединеннаго присутствія сената и синода; имъ предписывалось присягнуть временному правительству, назначенному сенатомъ, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ каждой губерніи избрать изъ каждаго сословія по два депутата. О бар. В. И. Штейнгелѣ см. мою ст. въ книгѣ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, изд. М. В. Пирожкова, 1905 г., т. I.

**) Изложеніе ея см. въ моей статьѣ въ „Быломъ“ 1906 г., № 2, стр. 116—117. О спорахъ относительно манифеста къ народу отъ сената см. въ „Запискахъ Завалишина“, т. I, стр. 329—330. Н. Бестужевъ также заготовилъ на случай успѣха возстанія манифестъ отъ имени сената о томъ, что „наступило время для Россіи получить законы“, для постановленія которыхъ вскорѣ будетъ сдѣлано распоряженіе отъ особаго совѣщательнаго сословія о „собраніи избранныхъ народомъ представителей“. Батеньковъ изъявлялъ Рылѣеву готовность написать манифестъ „о признаніи временнаго правленія государемъ или сенатомъ“. Рылѣевъ на очной ставкѣ съ Трубецкимъ показалъ, что послѣдній поручалъ ему и Пущину представить сенату манифестъ для подписи, а Батеньковъ говорилъ Рылѣеву, что хочетъ произнести въ сенатѣ рѣчь. Пущинъ же показалъ, что порученіе это было дано ему и Рылѣеву не Трубецкимъ, а признано нужнымъ въ совѣщаніи. Н. Бестужевъ и Рылѣевъ высказали мнѣніе, что послѣ смерти сенатора Столыпина (зятя Мордвинова) принять ихъ сторону въ сенатѣ могутъ только И. М. Муравьевъ-Апостолъ и Барановъ, но что ихъ нужно поддержать силою, такъ какъ безъ этого „никто не осмѣлится говорить въ пользу какихъ-либо перемѣнъ“. Въ разговорѣ съ Батеньковымъ А. Бестужевъ высказалъ мысль, что если сенаторы не окажутъ имъ поддержки, „то, въ крайнемъ случаѣ, можно прибѣгнуть къ средству, употребленному Бонапартомъ въ пятисотномъ совѣтѣ“, т. е. разогнать ихъ, какъ разогналъ Наполеонъ совѣтъ пятисотъ 19 брюмера (10 ноября 1799 г.).

новъ обоихъ обществъ. Но какъ на совѣщаніяхъ общества, такъ и въ бесѣдахъ съ отдѣльными его членами, Рылѣевъ настойчиво повторялъ, что «никакое общество не имѣетъ права вводить насильно въ своемъ отечествѣ новаго образа правленія, сколь бы оный ни казался превосходнымъ, что это должно предоставить выборнымъ отъ народа представителямъ», рѣшенію которыхъ всѣ обязаны безпрекословно повиноваться *). По словамъ Оболенскаго, въ видѣ обезпеченія до созванія собора, декабристы предполагали занять крѣпость и передать управленіе гвардейскими войсками лицамъ, ими назначеннымъ.

Въ проектѣ манифеста о созваніи великаго собора, составленномъ бар. Штейнгелемъ, предписывалось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ выбрать въ каждой губерніи по два депутата отъ каждаго сословія **). Кн. Трубецкой находилъ нужнымъ созвать по одному или по два депутата отъ сословій каждой губерніи. Ни о какомъ цензѣ для участія въ выборахъ не упоминается, и, слѣдовательно, при производствѣ ихъ правила конституціи Н. Муравьева примѣнять не предполагалось. Рылѣеву приходило въ голову, чтобы временное правленіе сдѣлало «оцѣнку», кто можетъ выбирать и кто можетъ выбираться, но Каховскій возражалъ, что временному правленію не слѣдуетъ предоставлять этого права,—«это значитъ вводить конституцію», а «ее лишь должно предложить. Правленіе можетъ назначить число депутатовъ, но какихъ именно,—богатыхъ или бѣдныхъ», относительно этого оно «распоряжаться не можетъ. Депутаты сойдутся и общимъ соборомъ для будущихъ собраній депутатовъ установятъ оцѣнку» (т. е. избирательный цензъ). Н. Бестужевъ въ своемъ показаніи заявилъ, что законы, составленные депутатами, должны были быть «разсмотрѣны сенатомъ и государемъ и обоими утверждены», но мы видѣли, что, по предположеніямъ наиболѣе выдающихся членовъ Сѣвернаго общества, собраніе депутатовъ могло установить и республику. Не даромъ присяга приносилась временному правительству, и предполагалось арестовать царскую фамилію. А. Бестужеву представлялось дѣло такъ, что 13 декабря 1825 г. было постановлено, въ случаѣ большого успѣха возстанія, сразу провозгласить республику ***).

Рылѣевъ заявилъ, что онъ и А. Бестужевъ, въ концѣ концовъ,

---

*) Таково было мнѣніе и И. И. Пущина.

**) Кн. Трубецкой представлялъ себѣ дѣло такъ, что когда депутаты соберутся „въ достаточномъ числѣ“, то можно будетъ не ждать представителей „дальнихъ губерній“, чтобы не затягивать переходнаго положенія или, какъ онъ выражался, междуцарствія.

***) Впрочемъ, переспрошенный по этому поводу, онъ далъ такое объясненіе: „Я твердо только зналъ, что царствующую фамилію положено, въ случаѣ удачи, захватить и увезти и потомъ собрать соборъ или вѣче; но это уже самое полагалъ я... актомъ республиканскимъ. Великій же соборъ долженъ былъ рѣшить, какого рода избрать правленіе, или кому царствовать“...

полагали предоставить рѣшеніе судьбы императорской фамиліи великому собору. Напротивъ, Трубецкой съ Батеньковымъ вели разговоры въ монархическомъ смыслѣ. По словамъ Батенькова, они пришли къ соглашенію, чтобы «пріостановить дѣйствіе самодержавія», назначить временное правительство, которое должно было собрать депутатовъ. Обоимъ имъ въ будущемъ рисовалась конституціонная монархія *).

Въ 1820 г. коренная управа Союза Благоденствія въ Петербургѣ, какъ мы уже знаемъ, высказалась въ пользу республиканскаго устройства. По возвращеніи въ Тульчинъ, Пестель объявилъ объ этомъ рѣшеніи многимъ членамъ тайнаго общества во второй арміи. Когда на собраніи въ Москвѣ, въ началѣ 1821 года, условились объявить о прекращеніи тайнаго общества, въ Тульчинѣ не признали этого постановленія и рѣшили стремиться къ достиженію республиканскаго государственнаго устройства революціоннымъ путемъ. «Южное общество,—по словамъ Пестеля,—держалось всегда республиканской цѣли». Въ этомъ обществѣ установлены были три степени членовъ: бояре (высшая степень), мужья и братья, а приготовляемые къ принятію, но еще не принятые, назывались друзьями. Это было заимствовано изъ устава Союза Спасенія. Братьямъ объявлялось только намѣреніе ввести «конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій». Мужамъ уже открывалась цѣль общества—достиженіе республиканскаго правленія. Вновь принимаемый членъ могъ поступить прямо въ мужья, минуя степень брата, если онъ «по образу своихъ мыслей былъ склоненъ принять цѣлью общества достиженіе республиканскаго правленія». Впрочемъ, Пестель утверждалъ, что почти всѣ члены южнаго общества всѣхъ трехъ управъ, Тульчинской, Каменской и Васильковской, знали о республиканской цѣли общества.

По мысли Пестеля, ввести республиканскій строй должно было при помощи диктатуры временнаго правленія. По показаніямъ А. В. Поджіо, онъ говорилъ ему, что временное правленіе, состоящее изъ трехъ членовъ, «должно было сосредоточить всѣ отрасли властей для избѣжанія могущихъ послѣдовать внутреннихъ раздоровъ и недоразумѣній между сообщниками въ приведеніи цѣли ихъ къ исполненію». Временное правленіе должно было назначить по одному лицу въ каждую губернію съ тѣмъ, чтобы оно находилось тамъ во время выборовъ депутатовъ въ палату представителей, и разъяснить этой палатѣ и законному правительству цѣль и намѣреніе общества. Послѣ установленія новаго строя временное правительство должно

*) Я не говорю здѣсь ни о предположеніяхъ монархистовъ о томъ, кого сдѣлать государемъ (Батеньковъ и Штейнгель предлагали Елизавету Алексѣевну, Батенькову и Трубецкому приходила мысль о регентствѣ при малолѣтнемъ Александрѣ Николаевичѣ), ни о предположеніяхъ республиканцевъ относительно вывоза императорской фамиліи за-границу или истребленіи ея.

было сложить свою власть. Самъ Пестель, по свидѣтельству Поджіо, не находилъ возможнымъ быть его членомъ, такъ какъ не желалъ, чтобы его заподозрили въ «личныхъ видахъ»; онъ считалъ это неудобнымъ и вслѣдствіе своей нерусской фамиліи. Продолжительность существованія временнаго правленія, по мнѣнію Пестеля, должна была обусловливаться окончаніемъ преобразованія. Онъ думалъ, что если временное правленіе прекратитъ свое существованіе, не довершивъ преобразованія государственнаго строя, то не достигнетъ цѣли своего учрежденія, и можно будетъ опасаться такихъ же послѣдствій, какія имѣли французскія республиканскія конституціи. По словамъ Поджіо, Пестель считалъ нужнымъ для исполненія задачи временнаго правленія восемь или десять лѣтъ *).

Сѣверное общество также предполагало учрежденіе временнаго верховнаго правленія, но не на такой продолжительный срокъ, а только до собранія избранныхъ представителей, которые должны были установить форму будущаго государственнаго устройства. Поэтому въ Петербургѣ мысль Пестеля о диктатурѣ временнаго правленія не встрѣтила сочувствія. Во время своего пріѣзда въ Петербургъ въ 1824 г. на совѣщаніяхъ съ членами сѣвернаго общества онъ доказывалъ, по свидѣтельству М. Муравьева-Апостола, что укрѣпленію новаго порядка вещей, обыкновенно, препятствовало ошибочное мнѣніе совершившихъ переворотъ относительно возможности непосредственнаго перехода отъ стараго порядка къ новому. Въ видѣ доказательства онъ ссылался на примѣръ Сѣверной Америки. Онъ полагалъ, что если ея населеніе достигло осуществленія своихъ желаній, то только потому, что имѣло временное правленіе «сильное и ничѣмъ не остановленное въ своихъ дѣйствіяхъ» въ лицѣ Вашингтона. Пестель предлагалъ во время переворота собрать синодъ и сенатъ и заставить ихъ издать два манифеста: отъ синода—о присягѣ временному правительству, которое должны были составить директора тайнаго общества **), другой—отъ сената (чтобы уничтожить подозрѣніе, что директора хотятъ себѣ присвоить власть) о томъ, что временное правительство обязано вводить конституцію. Никита Муравьевъ и Трубецкой особенно энергично возражали противъ предложенія Пестеля относительно временнаго правленія, и оно Сѣвернымъ Обществомъ принято не было ***).

В. Семевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*) Въ „Русской Правдѣ", для осуществленія предположеннаго въ ней раздѣленія земель, Пестель признавалъ необходимымъ даже 15-тилѣтній срокъ. См. мою ст. въ журналѣ „Былое" 1906 г. № 3.

**) По показанію Трубецкого, Пестель предлагалъ временное правленіе „изъ пяти директоровъ, облеченныхъ во всю верховную власть".

***) О республиканско-федеративныхъ планахъ Общества Соединенныхъ Славянъ см. въ моей статьѣ въ „Быломъ" 1906 года, № 3, стр. 200—203.

ВЪ БЕЗДНУ СВОБОДЫ.

(Психологическій этюдъ.)

I.

Постепенно и стихійно несетъ насъ на гребень волна, и не видно изъ нашихъ камеръ, что ждетъ на этомъ подъемѣ. Наступаетъ буря. Но если пришла буря, то мы не похожи на морскихъ чудовищъ, которыя свирѣпо кружатся въ волнахъ, наполняя ревомъ стихію. Нѣтъ. Мы, семнадцать,— послѣдніе угли отъ разбросаннаго костра. Бушуетъ вѣтеръ, и они разгораются, ярко краснѣютъ и, раскаляясь, таютъ. Мы — живыя звенья цѣпи, заключенной въ камень, по которой идетъ непрерывный тревожный токъ. Мы сгораемъ, но не трогайте насъ голыми руками, потому что цѣпь раскалилась.

Слушайте. Онъ схватилъ васъ за горло, опрокинулъ и давитъ, слѣдя, какъ вы задыхаетесь. Отпускаетъ на мгновенье, чтобы дать глотокъ воздуха, и снова давитъ и равнодушно забавляется этой игрой. „Я задушу тебя,—говоритъ онъ,—но если ты пошевелишься, я задушу тебя сейчасъ же“. Ударьте его скорѣе, плюньте въ лицо, пока есть силы.

Такъ и мы.

Вотъ мы уже на границѣ, за которой не жалѣютъ ни другихъ, ни себя. Насъ придавили къ глухой стѣнѣ. Теперь станемъ хвататься за ея камни, чтобы опрокинуть ее на себя. Они уже думаютъ, что раздавили насъ. Нѣтъ, мы честно обороняемся до послѣдней возможности. Но они увѣрены, что уже исчерпаны всѣ возможности до послѣдней. Нѣтъ. Еще осталась послѣдняя, неотъемлемая, побѣдоносная, которая возвышается надъ смирительными рубашками, остервенѣлыми кулаками и штыками солдатъ въ коридорахъ. Это оружіе—самоуничтоженіе.

Поймите, это наша свобода. Вдругъ открывается цѣлое царство, гдѣ мы—хозяева. Мы выходимъ изъ всякихъ чело-

вѣческихъ нормъ, внѣ времени, какъ призраки, какъ бы въ четвертомъ измѣреніи, куда *они* за нами уже не дотянутся. Что можетъ теперь испугать насъ? Угрозы? Насиліе? Всякое насиліе держитъ за спиной смерть, а мы съ нею вступаемъ въ союзъ. Смерть... Она облекается въ бѣлыя одежды и ждетъ за своимъ порогомъ, чтобы повстрѣчать и успокоить насъ.

Нѣтъ, теперь уже мы начинаемъ мстить. На глазахъ, на рукахъ *ихъ* мы будемъ обращаться въ трупы, еще живые и уже мертвые. Вы думаете, это не страшно — смотрѣть на обреченныхъ? Держать въ рукахъ нить человѣческой жизни и ждать, когда она порвется? О! мы будемъ еще послѣ смерти приходить къ нимъ по ночамъ и душить ихъ въ кошмарахъ...

Говорятъ, что это безуміе, безуміе отчаянія. Пусть. Оно начинается тамъ, гдѣ *человѣку* грозитъ гибель. Есть граница, за которой онъ тухнетъ, сламывается, какъ музыкальный инструментъ. На этой границѣ ему остается еще одно—сдѣлать послѣдній скачекъ въ бездну, въ бездну свободы. Это его право. Нѣтъ, это его долгъ.

Люди похожи на морскихъ животныхъ, приросшихъ къ камню. Какъ и имъ, людямъ нужны страшныя усилія, чтобы оторваться отъ земли. И когда отрываются,—и тѣ, и другіе погибаютъ. Но въ этотъ послѣдній моментъ жизнь должна ослѣпительно вспыхнуть. Она сокращается, какъ мѣхъ гармоники. Сближается начало и конецъ, выпадаетъ весь промежуточный матеріалъ. Отъ слишкомъ большого давленія, вѣдь, и уголь превращается въ солнечный алмазъ.

О, прекрасное, захватывающее, головокружительное безуміе мести и свободы... И одинъ крошечный кирпичъ въ стѣну зданія, въ которомъ будетъ жить грядущее...

Десять часовъ утра. Въ корридорѣ гулъ, лязгъ и топотъ. Это начальникъ, встревоженный угрожающимъ возбужденіемъ политическихъ дѣлаетъ экстренный обходъ камеръ.

Оглушительно грохочетъ и мой засовъ. Распахнулась дверь, и на порогѣ, заполняя всю дверную раму, появляется тучная фигура Сачко въ черномъ мундирѣ и въ шапкѣ съ кокардой. Жирныя щеки сползаютъ двумя мѣшками на шею. Жирныя губы развалились въ злобную растерянную улыбку, и маленькіе глаза глядятъ пронзительно и безпокойно. За нимъ—цѣлая ватага помощниковъ и надзирателей.

— Здравствуйте!—преувеличенно громко говоритъ онъ.

— Здравствуйте,—отвѣчаю я.

Отчего же. Я буду вѣжливъ. Свободные джентльмэны всегда вѣжливы.

— Ну?..—говоритъ онъ.

— Ну?..—отвѣчаю я.

Онъ мѣряетъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, останавливается на рукахъ, непочтительно засунутыхъ въ карманы. Потомъ взоры наши скрещиваются, и мы нѣсколько мгновеній, какъ бы вцѣпившись другъ въ друга, бѣшено вперяемъ глаза въ глаза. Я чувствую, какъ врываюсь сквозь эти злые, старческіе, но теперь безпомощные глаза въ глубину, въ душу его... О, если бы можно было хотя бы ранить глазами! А!.. Онъ отводитъ свои...

— Что скажете?—спрашиваетъ Сачко ироническимъ тономъ.

— Сказано уже: совмѣстныя прогулки, табакъ, открытыя камеры, бумага, карандаши. Имѣющій уши слышать да слышитъ.

— Что такое?.. Уши?!.

Его лицо багровѣетъ, руки судорожно хватаются за животъ. Голосъ гремитъ, какъ водопадъ, наполняя корридоръ гуломъ.

— Уши?.. Я вамъ покажу уши!.. Я вамъ покажу „требованія!“.. Здѣсь тюрьма, а не Отель-Грандъ!.. Не смѣете требовать! Кто вы такой есть?.. Арестантъ! Обязаны просить, а не требовать...

Я возвышаю голосъ:

— Требованія должны быть выполнены, срокъ—девять часовъ вечера. Иначе мы начинаемъ голодовку.

— А мнѣ начхать на вашу голодовку! Хоть всѣ подохните... Вотъ—тьфу!—не заплачу!—гремитъ онъ и поворачивается уходить.

Двѣ секунды топчется на мѣстѣ и вдругъ поворачиваетъ ко мнѣ перекошенное слѣпымъ бѣшенствомъ лицо.

— Эхъ ты-ы!.. Еще въ университетахъ учился!.. Образованный!..

И площадная брань.

Только-то? Это становится забавно, и я смѣюсь.

Что, пріятель,—чувствуешь, какъ между нами начинаетъ расти разстояніе?..

Дѣло началось изъ-за пустяковъ.

Есть здѣсь помощникъ начальника Наливкинъ, маленькій тюремный служака съ сѣдѣющей бородой. Это язва нашей тюрьмы. Ему не везетъ по службѣ: бурбонъ Сачко не любитъ его, и онъ весь безъ остатка ушелъ въ эту свою несчастную

службу. Онъ не дерется съ арестантами, даже не бранится. Никто никогда не слыхалъ отъ него отвратительныхъ ругательствъ, которыми кишитъ тюрьма. Но обо всѣхъ до единаго прегрѣшеніяхъ противъ тюремнаго статута, обо всѣхъ проступкахъ и неправильностяхъ, не упуская ни одной мелочи, онъ доноситъ начальнику, доноситъ по долгу службы, ничего не прибавляя и не преувеличивая. Изо дня въ день онъ тихо шныряетъ по тюрьмѣ, производитъ обыски и повѣрки, сажаетъ въ карцеръ и дѣлаетъ многое множество другихъ дѣлъ—и все это по приказанію начальства, все это безъ злобы, но и безъ равнодушія, часто съ нервными подергиваніями лица. Въ этомъ есть что-то зловѣщее и невыносимое. Оно дѣйствуетъ, какъ пытка водой, когда капля за каплей доводитъ людей до сумасшествія.

Такъ вотъ, однажды утромъ меня вызвали на квартиру Сачко. Въ дверяхъ комнаты стоялъ Наливкинъ, вытянувъ руки по швамъ.

— Вы опять начинаете выкидывать штуки?!—заревѣлъ Сачко, багровѣя и надвигаясь на меня своей огромной тушей.

Я глядѣлъ на него съ удивленіемъ, такъ какъ не зналъ за собою за вчерашній день ни одного прегрѣшенія.

— Позвольте и васъ спросить, о какихъ штукахъ вы говорите?—сказалъ я.

— Я вамъ „позволю"!..—оралъ Сачко, брызгая слюной.— Вотъ господинъ помощникъ говоритъ, что вы въ его присутствіи ведете себя неприлично. Облокачиваетесь! Да-съ! Вчера во время дневной повѣрки — что вы дѣлали? Ну? Свистѣли?..

Я не обращалъ вниманія на оранье Сачко и старался вспомнить обстоятельства дѣла. По совѣсти—я не помнилъ ничего подобнаго. Правда, вчера у меня въ камерѣ былъ Наливкинъ съ дневной повѣркой, которой, къ слову сказать, ни одинъ помощникъ, кромѣ него, не дѣлаетъ. Онъ, по обыкновенію, суетился и шарилъ, а я стоялъ и смотрѣлъ. Но свистѣть... Этого рѣшительно не было.

— Держите руки въ присутствіи начальства...—оралъ Сачко.—Что это такое?.. Опять начинаете демонстратировать.

— Я не свистѣлъ,—сказалъ я.—Я этого, во всякомъ случаѣ, не помню.

— Не свистѣли?.. Господинъ помощникъ, свистѣлъ онъ въ вашемъ присутствіи?

Наливкинъ вздрогнулъ, выступилъ шагъ впередъ, почтительно поклонился и сказалъ:

— Такъ точно, они насвистывали. Когда я окончилъ повѣрку, они пошли къ столу и насвистывали.

— Вотъ... Не умѣете прилично держать себя, да еще отказываетесь...

Я, наконецъ, очнулся отъ своего оцѣпенѣнія.

— Идите къ чорту съ вашимъ отказываніемъ, грубое животное!—завопилъ я и, кажется, затопалъ даже ногами.

Да, конечно, затопалъ. И мало времени спустя очутился въ карцерѣ.

Это была послѣдняя капля, за которой послѣдовалъ взрывъ накопившагося раздраженія. Мы поставили свои требованія и ждемъ грозы—грозы и смерти.

Вотъ и день прошелъ, день, въ который мы метались въ своихъ камерахъ, закруженные стихіей. Ползутъ уже тусклыя сумерки. Какъ будто тюрьма опускается на дно, и черезъ толщу воды доходитъ мутный свѣтъ и глохнутъ звуки.

Въ этихъ мутныхъ сумеркахъ что-то тоскливое. Что-то тревожное подымаютъ онѣ. И ты стучишься ко мнѣ ласково и упорно. Я думалъ о тебѣ такъ долго, такъ крѣпко, что боюсь уже думать. Когда подходило *это*—думалъ, что передъ концомъ напишу тебѣ письмо, длинное-предлинное. Все разскажу тебѣ и въ послѣдній разъ поцѣлую... И вижу теперь—не надо.

Мы съ тобой стали, какъ боги. Вотъ мы поднялись на высоту, надъ людьми, надъ временемъ и пространствомъ, перекликаемся и слышимъ другъ друга. Каждое движеніе мысли, каждый взмахъ сердца твоего слышу я. Вижу лучистыя морщинки глазъ, ихъ синій свѣтъ и добрую, мягкую, ласковую улыбку.

Загляни въ меня, родная. Видишь, какъ мнѣ тяжело...

Заглянула, ласково смѣется и говоритъ:

— Ты слышалъ?.. Губернаторъ далъ слово, что не уступитъ, хотя бы вы... хотя бы даже...

Все смѣется, и я вижу, какъ, наполняя лучистыя морщинки, блестятъ слезы, собираются свѣтлыми капельками и, тихо радуясь мнѣ въ своей мукѣ, скользятъ по щекамъ. И я чувствую, какъ у меня останавливается и вздрагиваетъ дыханіе, и изъ груди поднимается что-то тяжелое, готовое разразиться взрывомъ крика и отчаянія.

— Ничего, родная, ничего!

И провожу рукой по мягкимъ волосамъ ея. Конечно, губернаторъ и все прочее—пустяки.

— Слушай,—говорю я ей.— Ты молчишь и говоришь о другомъ. А у тебя одна мысль... Одна безумная мольба глядитъ на меня изъ твоихъ черныхъ зрачковъ... О, не надо... Другъ мой, жена моя... Мой умный, добрый человѣкъ—ты

должна понять: судьба уже положила свою руку. Если я тутъ взялъ немного вкривь—прости меня. Тутъ гдѣ-то есть и моя вина,—ты прости меня... Но развѣ есть у насъ другой исходъ? Послушай...

Она все такъ же ласково улыбается, слушаетъ, какъ я правильно доказываю, а свѣтлыя капельки дрожатъ и сбѣгаютъ все ниже, и чѣмъ ниже, тѣмъ скорѣе, и вотъ уже по вздрагивающему подбородку спѣшатъ другъ другу навстрѣчу.

— Не надо... Не надо... Я больше не могу...

Ночь. Я подхожу къ прозоркѣ и прислушиваюсь. Тихо. Нѣтъ, смутный гулъ и шорохъ, какой всегда бываетъ въ тюрьмѣ по ночамъ. Но и онъ, какъ будто, затаился и замеръ. Иногда—тонкій лязгъ кандаловъ. Это каторжане въ одиночкахъ ворочаются на постеляхъ и ждутъ. Напряженная тишина, какъ будто въ ночь подъ Пасху передъ первымъ ударомъ колокола. Какъ будто самъ камень насторожился и ждетъ сигнала, чтобы заревѣть... Это выходитъ торжественно, чортъ побери...

Я весело провожу рукой по стѣнѣ въ твердыхъ пупырушкахъ. Что, старая пріятельница,—когда у тебя былъ такой праздникъ? Ровно въ девять часовъ истекаетъ срокъ, и мы—получаемъ свободу. Надо только внимательно слушать, чтобы не пропустить боя часовъ.

Кажется, играютъ зорю. Я становлюсь на табуретъ къ окну и слушаю. За окномъ чернѣетъ тьма, и тянетъ теплымъ вѣтромъ. Гдѣ-то далеко играютъ на гармоникѣ, и чуть слышны долетающіе собачьи голоса. Недвижна и крѣпка подъ рукой желѣзная рѣшетка.

„Крѣпки затворы,
Толсты рѣшетки“.

О, да. Я еще прибавлю:

Мертвы петли,
Свирѣпы штыки.
Нѣтъ конца ожесточенію,
Слѣпо ихъ бѣшенство, и—
Прокляты тѣ, кто имъ служитъ!
Прокляты! Прокляты!

Мы поднимаемся къ звѣздамъ и солнцамъ въ послѣднемъ полетѣ. „И времени уже не будетъ“.

Такъ.

Слава обреченнымъ! Слава тѣмъ, кто умѣетъ самъ выпить горькій напитокъ смерти! Ангелъ Господень, раскрывающій

темницы ударомъ бѣлаго крыла, сказалъ намъ: вы свободны. Сквозь камень уйдетъ свободный духъ вашъ, какъ свѣтъ сквозь стекло, и...

— Дон-нъ!..

А!.. Колоколъ! Какъ страшно загудѣлъ онъ... Что-то огромное рушится ступенями... Пора?.. Сердце замерло... Все замерло... Молчанье...

— Дон-нъ!.. Дон-нъ!..

Торжественно и грозно звучатъ удары. И послѣдній, съ силой:

— Дон-нъ!..

Нѣсколько мгновеній я слушаю гудѣнье колокола. Смятеніе и вихрь поднимаются во мнѣ, вихрь, въ которомъ дрожитъ тѣло, все существо, вихрь, въ которомъ безумѣетъ мысль, и душа съ радостнымъ крикомъ поднимаетъ крылья. Ага! Пришло, наконецъ!.. Пора!.. Все смѣшалось въ одно неудержимое движеніе, въ одну страшную силу размаха—сокрушить и разбиться. Ага!.. Сама дверь вздрагиваетъ подъ руками... И въ ней забилось сердце!.. Терпѣніе, терпѣніе! Больше воздуха въ грудь, подальше губы отъ прозорки.

— Товарищи!..

И съ безумной радостью слышу, какъ зарокоталъ и наполнилъ корридоръ мой голосъ.

— Начинается голодовка!.. Да здравствуетъ протестъ... и смерть!.. Смерть!.. Ур-ра-а!..

На нѣсколько мгновеній наступила мертвая тишина, какъ будто старая тюрьма замерла въ глубокомъ изумленіи.

— А-а-а...—закричалъ кто-то въ нижнемъ этажѣ. И вдругъ тюрьма рванулась, загудѣла, загрохотала, встала на дыбы. Я ревѣлъ и съ остервенѣніемъ билъ въ дверь ногой, и она гремѣла, какъ чудовищный барабанъ. Грохотъ снизу и сверху... ревъ... Онъ бился въ стеклянный потолокъ и, какъ ураганъ, потрясалъ воздухъ и самыя каменныя стѣны тюрьмы.

Но въ это изступленное веселье уже врѣзываются другіе, зловѣщіе звуки: топотъ, лязгъ и звонъ затворовъ. Выстрѣлъ...

— Ур-ра... Ур-ра...

Едва успѣлъ отскочить отъ двери, какъ она распахнулась, и на порогѣ—Сачко съ искаженнымъ страшнымъ лицомъ и черные люди, штыки солдатъ.

— Это что такое?!...—гремитъ онъ, покрывая дьявольскій шумъ и грохотъ.

— Совмѣстныя прогулки... Табакъ... Слышишь, Сачко?.. Свобода слова и печати и конецъуракамъ!..—кричу я передъ его носомъ, потрясая кулаками.—Долой Сачко... Къ чорту Сачко...

Слышу его бѣшеное рычаніе. Изъ-за его спины выскальзываетъ маленькій Наливкинъ и проворно хватаетъ меня за руку. Въ одно мгновеніе меня схватываютъ со всѣхъ сторонъ, стискиваютъ и мнутъ. Кажется, поднимаютъ на воздухъ, и я исчезаю, какъ щепка въ водоворотѣ.

Шестой день. Я рано проснулся и тихо лежу, прислушиваясь. Жужжатъ и кружатся мухи. Сквозь открытое окно слышны шаги, приближаются, топочутъ тяжелыми каблуками и смолкаютъ за поворотомъ. И—тихо, какъ на поверхности пруда, куда еще не бросали мусора. Сюда, въ изоляціонную камеру, за поворотами и переходами, тюремный шумъ даже и днемъ доходитъ чуть слышно. Затихъ и стражъ въ коридорѣ. Задремалъ, должно быть.

И у меня внутри тихо. Просыпается день—просыпается мысль. Проснулась и такъ же тихо лежитъ, какъ я на постели. Слушаетъ, отдыхаетъ и собирается съ силами. Ночью ей бываетъ много работы.

Вотъ и они пожаловали. Надзиратель ставитъ на столъ чайникъ съ кипяткомъ. Я лежу и молча наблюдаю за Наливкинымъ. Онъ торопливо тычется и нюхаетъ по камерѣ. Я все лежу и тѣмъ нарушаю первый параграфъ основныхъ законовъ. Наконецъ, онъ, не вытерпѣвъ и—увы!—зная безнадежность словъ, говоритъ:

— Господинъ Нелидовъ, нужно бы встать... Вы хотя бы присѣли.

— Отвяжитесь, пожалуйста, Наливкинъ.

Онъ вздыхаетъ и уходитъ. Теперь и мнѣ можно вставать.

У меня не мало дѣла. Прежде всего я завариваю крѣпкій чай и съ наслажденіемъ пью его по-китайски. Онъ согрѣваетъ желудокъ и ротъ и даетъ ощущеніе пріятной полноты. Я пью одинъ за другимъ три стакана и читаю Реклю объ индійскихъ пустыняхъ. Потомъ начинаю чистить зубы. Это необходимо дѣлать чаще, потому что зубы покрываются слизью, и десны, постоянно сжатыя, нѣмѣютъ. Надо также чаще мѣнять бѣлье, такъ какъ тѣло постоянно покрывается испариной.

Потомъ ложусь на постель и читаю, прикрывшись отъ мухъ простыней. Онѣ яростно носятся, то исчезая въ окнѣ за рѣшеткой, то влетая назадъ на подобіе маленькихъ пуль. Какъ просто разрѣшается у нихъ вопросъ о свободѣ!

Когда онѣ, наконецъ, выводятъ меня изъ терпѣнія своей назойливостью, я встаю и начинаю охоту. Нѣтъ, уже скоро устаю. Онѣ въ паническомъ ужасѣ разлетѣлись и смирно сидятъ по стѣнамъ, и я оставляю ихъ наслаждаться жизнью. Читаю, но книга ложится на грудь, и закрываются глаза.

Скоро, вѣроятно, придетъ прокуроръ или докторъ. Когда явился жандармъ Полянскій, я попросилъ его сейчасъ же выйти изъ камеры, обѣщавъ иначе запустить въ него, чѣмъ попало. Не могу его спокойно видѣть. Во время ареста онъ держалъ меня за рукавъ, а когда я хотѣлъ поцѣловать маленькую Лелю. онъ не пустилъ меня—негодяй... Да, негодяй! Леля спала, я наклонился къ ней, а онъ... дернулъ меня назадъ...

Я быстро сажусь въ постели и съ поднимающимся бѣшенствомъ гляжу передъ собой, гдѣ еще истаиваютъ обрывки видѣнія. Эти проклятые и здѣсь не даютъ покоя. Безконечной назойливой вереницей идутъ они, прицѣпляются ко всякой мелочи и мусорятъ голову. Обыски, аресты, столкновенія, карцеры, опять обыски, и такъ безъ конца...

Приносятъ обѣдъ. Въ первый разъ мнѣ, по обыкновенію, поставили его на полъ у дверей. Я ударомъ ноги выбросилъ чашку въ корридоръ, обливъ при этомъ надзирателю ноги. У уголовнаго было испуганное и восхищенное лицо. Теперь мнѣ ставятъ чашку на столъ и торопливо уходятъ. Я встаю съ постели, беру чашку и опрокидываю ее въ парашу. Если въ это время случится Сачко, я, шутки ради, запущу въ него щами.

Говорятъ о мукахъ голода. Это не вѣрно. Сначала, правда, было непріятно выбрасывать пищу. Но теперь минутное раздраженіе вкуса проходитъ безслѣдно.

Такъ за всей этой возней проходитъ день. На дворѣ уже ложатся вечернія тѣни, а у меня начинается праздникъ перваго солнца. Въ окно вдругъ протянулся тоненькій лучъ и легъ на стѣнѣ зайчикомъ. Я лежу подъ простыней и щурю глаза на веселую солнечную улыбку и самъ улыбаюсь. Какъ будто грѣюсь, лежа у обрыва, и подо мной внизу тихо плещетъ вода. Въ травѣ звенитъ тонкое жужжанье, изъ озерецъ несутся дрожащіе голоса лягушекъ. А въ спокойной рѣкѣ опрокинулись мѣловыя горы и вечерѣющее небо.

Фюить... фюить... фюить...

Надъ самой водой летятъ кулички. Стучатъ весла въ уключинахъ, и братъ кричитъ мнѣ...

Что это?.. А! Вѣрный стражъ шуршитъ за дверями и смотритъ въ прозорку. Должно быть, просто для разнообразія. Шесть часовъ сидитъ онъ на своемъ стулѣ, за нимъ новый опять шесть и т. д. Невидимая рука ставитъ ихъ, какъ шахматы, въ безконечную цѣпь. И неизбѣжно—любопытный или угрюмый, острый или вялый взглядъ чернѣетъ и движется въ прозоркѣ.

И чего имъ отъ меня нужно!

Есть въ Гималаяхъ такая вершина—Нанга-Парбатъ. На семь верстъ въ глубину неба возноситъ она снѣжно-бѣлую пирамиду, а внизу, въ недоступной пропасти, реветъ и бьется Индъ. Однажды отъ горы откололось ребро, рухнуло внизъ, потрясая землю, и загородило русло рѣки чудовищной грудой камней. Индъ остановился и началъ подниматься вверхъ. А ниже, на равнинѣ, рѣка вдругъ пересохла. Понимаете, какой здѣсь готовился праздникъ...

Пока я подготовляюсь къ революціи въ Гималайскихъ горахъ, въ корридорѣ послышались шумъ и крики. Приближаются. Топотъ, сопѣнье, ругательства. Кого-то тащатъ, и онъ оретъ сдавленнымъ отъ ярости голосомъ:

— За что... Н-ну... Говори, за что... Н-не пойду-у...

И площадная захлебывающаяся брань.

— Тамъ увидишь... самъ разберешь...—съ наслажденіемъ приговариваетъ хриплый голосъ старшаго.

Гремитъ замокъ, снова брань, крики, шумъ борьбы — и карцеръ запирается. Мимо моей двери топочетъ обратно десятокъ тяжелыхъ сапогъ, а въ догонку несутся яростныя ругательства и гулъ ударовъ въ дверь.

За что?!.

Человѣкъ не можетъ примириться съ насиліемъ, такъ какъ, очевидно, нарушена справедливость, арестантская справедливость. И въ этомъ проклятомъ мѣстѣ существуетъ своя этика, обязательная для обѣихъ сторонъ, и, преступая ее, начальство само производитъ анархію.

— Давай сюда начальника!..—оретъ арестантъ сиплымъ босяцкимъ голосомъ.

Отъ этого крика и грома ударовъ немного болитъ голова, но все же занимательно, чѣмъ это кончится. Слышны торопливые шаги, и у карцера раздается скрипучій голосъ старшаго:

— Слышь, Вороновъ... Брось, говорю... Хуже будетъ...

— Давай сюда начальника!.. Я съ тобой, сволочью, не хочу говорить!..—гремитъ Вороновъ.—Требую начальника!..

— Дуракъ ты,—ядовито говоритъ старшой.—Начальника можетъ требовать лишь губернаторъ и прокуроръ. А ты, подлецъ, можешь только просить ихъ высокоблагородіе.

— Уйди... Требую начальника... Чтобъ сейчасъ начальникъ явился... Все разобью!!..

Я спускаю ноги съ кровати и долго сижу, пока въ голову ударяетъ, какъ молотками. Я ослабѣлъ-таки за эти четыре дня. Сердце сердито стучитъ, какъ будто выпали всѣ внутренности, и оно колотится въ пустую стѣнку. Я подхожу къ двери и вижу: назадъ проходитъ старшой съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ.

По всей тюрьмѣ вдругъ раздаются громовые удары. Вороновъ съ страшной силой бьетъ парашей въ дверь. По корридору опять бѣжитъ старшой.

— Слышь, Вороновъ... брось это... смотри... Есть для тебя, братъ, такая штучка... съ рукавами...

— Требую... Разобью...—рычитъ Вороновъ.

Онъ уже разбилъ парашу и теперь принялся за кадку съ водой. Старшой ушелъ. Кажется, будетъ исторія.

По корридору снова приближаются. Тяжело и равнодушно раздается топотъ десятковъ ногъ. Мимо прозорки проходитъ Сачко, огромный, съ зловѣще-сощуренными глазами, за нимъ Наливкинъ, старшой и человѣкъ шесть черныхъ надзирателей, а за ними—солдаты со штыками. Вороновъ вдругъ затихаетъ. И когда смолкъ гулъ шаговъ и звукъ отпираемаго замка, онъ говоритъ срывающимся голосомъ:

— Господинъ начальникъ... Вашескоблагородіе... За что меня старшой безвинно... Дозвольте выслушать, вышескоблагородіе...

Грохотъ засова заглушаетъ его слова. Слышно, какъ открывается дверь, и наступаетъ глубокая тишина.

— Бунтовать?..

— Вашескоблагородіе, господинъ...

— Бунтовать?!..

Грозное рычаніе наполняетъ корридоръ, камеру, всю тюрьму.

— Взять его...

Изъ шума свалки вырывается тонкій вопль:

— Ваша-а... ва-а...

Глухой стукъ паденія... Бьютъ... Подъ ударами вздрагиваетъ голосъ... Снова стукъ, опять... А!.. что же это!.. они поднимаютъ его и бросаютъ объ полъ... Я вздрагиваю и, какъ сумасшедшій, начинаю орать и биться въ дверь. У меня въ головѣ все кружится колесомъ. Я хочу, чтобы и меня били и убили, хочу вцѣпиться Сачко въ горло, кусать и грызть его руки.

Шествіе идетъ назадъ.

— Палачъ... Людоѣдъ проклятый... Воръ, воръ...—реву я, какъ Вороновъ.

Но они молча проходятъ мимо, и шаги ихъ затихаютъ за поворотомъ.

— Вороновъ...—кричу я сквозь рыданья:—Вороновъ...

— Нельзя...—раздается корявый голосъ изъ прозорки,—не велѣно разговаривать.

— Вороновъ... Откликнись...

Прозорка закрывается чѣмъ-то чернымъ. Вѣрный стражъ догадался задвинуть ее фуражкой.

— Вороновъ... голубчикъ... откликнись...

Я иду къ постели, потомъ опять къ двери и мечусь по камерѣ съ бѣшенствомъ и плачемъ. А они ушли... ушли уже... Въ корридорѣ тихо, и въ карцерѣ тихо, какъ въ могилѣ.

Тишина...

Ночь. Десять шаговъ сдѣлала ко мнѣ смерть. Мнѣ кажется, что я лежу на откосѣ и тихо и спокойно соскальзываю внизъ въ темную бездну. Хорошо, пусть будетъ такъ.

Только растетъ безпокойство и нервность. Иногда кажется, что безумно хочу ѣсть. Но это обманъ, потому что нѣсколько мгновеній спустя забываю объ этомъ. Ушелъ спокойный сонъ, день и ночь смѣшались въ одну тревожную вереницу, и часто не разберу—сонъ это, или моя воспаленная голова вызываетъ на яву образы, заслоняющіе сознаніе. А за вспышками галлюцинацій слѣдуютъ періоды изнеможенія.

Поздно. Сквозь закрытыя вѣки стоитъ красный свѣтъ лампы. Хотя бы одну ночь провести безъ нея въ темнотѣ. На мгновеніе открываю глаза и вижу стѣны, печь, столъ, парашу. Поворачиваюсь къ стѣнѣ. Въ трехъ вершкахъ отъ моего лица грязно-желтое сальное пятно. Взглядъ нѣкоторое время стоитъ на немъ и потомъ сквозь стѣну погружается въ глубокое пространство и грезитъ и бродитъ въ смутныхъ видѣніяхъ.

Идутъ. Я знаю, это за Вороновымъ. Онъ съ утра не проронилъ ни слова. Мертвые не говорятъ...

Я плетусь къ прозоркѣ. Въ корридорѣ возня, кряхтеніе и сдержанные голоса.

— Поднимай... ты... Постой-ка... За ноги держи...

Кряхтя и часто перебирая ногами, несутъ тяжелое. Четыре надзирателя держатъ брезентъ за концы, и на немъ—что-то бѣлое, длинное, вродѣ большой куколки. Проходитъ фельдшеръ, старшой, и все исчезаетъ.

Что же это такое?.. Это не человѣкъ... Неужели это Вороновъ?.. На меня нападаетъ оторопь. Что же они съ нимъ сдѣлали?.. Я путешествую къ постели и сажусь отдыхать, и тутъ только догадываюсь, что на Воронова надѣта смирительная рубашка, та самая „штучка съ рукавами“. Пускай, его вѣдь все равно убили.

И чего я такъ взволновался?!.. Пусть все идетъ своимъ чередомъ.

Смолкли всѣ звуки. Тихо... И я, кажется засыпаю. За

шумящими лѣсами, за широкимъ Гангомъ—городъ Аллагабадъ. Здѣсь говорится что-то о Махмудѣ Газневидѣ. Кажется, бѣлая мечеть въ память любимой супруги. Тоска въ головѣ и тѣлѣ... Хотя бы уснуть скорѣй... Махмудъ былъ великодушный завоеватель. Нѣтъ, все равно,—это была военная имперія, которой правили визири, приспѣшники, любимцы. Просто жутко, какая чудовищная власть бываетъ въ одной человѣческой точкѣ. Онъ возсѣдаетъ на вершинѣ колоссальнаго строенія государства. Милліоны рычаговъ, нитей и зацѣпокъ сходятся въ его рукѣ, давятъ, калѣчатъ, умерщвляютъ насъ, мучатъ насъ, не даютъ жить каждому изъ насъ.

Погодите, у него обыкновенное лицо съ большой холеной бородой и голымъ черепомъ. Я смотрю на него близко и вижу сутулую спину, ничтожный затылокъ, мѣшки подъ глазами. Онъ умѣетъ разговаривать и даже смѣяться... Нѣтъ, именно необыкновенное, зловѣщее лицо. Черный воздухъ вокругъ него, какъ черное сіяніе. И въ немъ изступленное, страшное лицо... Вотъ онъ... Толкни его—онъ не упадетъ, какъ ванька-встанька.

Я очнулся въ поту, стиснувъ зубы, со сжатыми кулаками. А-а...

Сердце бьется страшными ударами, отъ которыхъ я вздрагиваю и извиваюсь. Я лежалъ на лѣвомъ боку, и оно разсердилось. Потише, пожалуйста... Безъ фокусовъ. А если вамъ такъ не нравится, можно перевернуться и на другой бокъ.

Сегодня утромъ въ дверяхъ показался Сачко. Взглянувъ на него, я почувствовалъ, какъ въ груди у меня поднимается что-то тяжелое и слѣпое. Мнѣ стало трудно дышать. Я приподнялся на локтѣ и, кажется, оскалился. Такъ, должно быть, оскаливается подъ ружьемъ затравленный волкъ.

Потомъ пришелъ докторъ, лысый старичекъ съ оплывшими щеками и сѣдой щетиной бороды. Ему было не по себѣ, но онъ все же началъ распространяться о вредныхъ послѣдствіяхъ голодовки, которая подрываетъ организмъ и прочее. Чудакъ, у меня будетъ одно послѣдствіе. Но, какъ это ни странно, мнѣ стало... непріятно. И я, въ отместку, захотѣлъ немного помистифицировать его.

— Все это не имѣетъ значенія, докторъ,—нахмурившись, сказалъ я.—Вы лучше скажите мнѣ,—это дѣйствительно важно,—что такое... *фасонъ*?

Онъ осторожно полѣзъ щупать мой пульсъ. Но когда я улыбнулся, улыбнулся и онъ, радостно улыбнулось старческое лицо, старчески-тусклые глаза и сѣдыя колючки усовъ.

Отъ его посѣщенія осталось смутное безпокойство.

Ночью видѣлъ сонъ! Пришелъ Будда. Я сказалъ ему:

— Ты—Гаутама. Ты Гаутама-Будда.

У него были худыя щеки, прозрачное лицо, прозрачные глаза, обращенные въ даль. Онъ держалъ руки подъ широкой желтой одеждой.

И вотъ—далекій звукъ, далекій крикъ, тонкій и печальный. Гдѣ-то въ голубой вышинѣ летятъ журавли. И я не могу повернуть голову, чтобы найти въ небѣ ихъ трепещущую вереницу. Сквозь закрытые глаза заглянуло дѣтство, какъ печальная улыбка, улыбка моей жизни, ясная моя заря... И крикъ журавлей, уносящихся въ невѣдомыя дали... и тихая тоска...

— Я скажу тебѣ, что есть *фасонъ*. Это мѣра вещей. Мѣра же человѣка—время. Неустанно идетъ оно, неустанно разрушаетъ и творитъ, и снова обращаетъ въ прахъ, чтобы вести вѣчный круговоротъ бытія. Смотри,—подъ солнцемъ прошла жизнь безчисленныхъ поколѣній. И вотъ меркнетъ и гаснетъ оно, и его объемлетъ вѣчность. Такъ несетъ его время въ своемъ неустанномъ теченіи, такъ вспыхнуло оно въ темныхъ пучинахъ пространствъ, какъ свѣча темной ночью,—блеснетъ и, дрожа, проливаетъ невѣрные отсвѣты, и тухнетъ, и мракъ поглощаетъ дрожащій кружокъ свѣта. И ты, какъ тѣнь, прошелъ по землѣ. Какъ тѣнь птицы, мелькнувшая по водѣ, прошелъ ты, чтобы пропасть въ безднѣ. Лаской озаряется жизнь человѣческая. Страсти бушуютъ въ ней, въ малой точкѣ бытія. Призраки времени, живущіе малую часть мгновенія. Время дуновеніемъ своимъ уноситъ ихъ, и слѣдъ ихъ пропадаетъ въ вѣчности. Крѣпко, крѣпче всего привязанъ человѣкъ къ человѣку и въ немъ ищетъ смыслъ и цѣль бытія. Но время течетъ, и рвутся скрѣпы между людьми, какъ невидимая паутина.

— И забываютъ?

— Забываютъ.

— Не всѣ,—съ тоской сказалъ я.

— Всѣ.

Я проснулся и долго лежалъ безъ движенія съ закрытыми глазами. Чудилось далекое пѣніе, и въ окно долетали звуки прекраснаго, полнаго печали голоса. Тихо во мнѣ. Лишь гдѣ-то далеко-далеко шевелится смутное, какъ облако... тоскливое...

— Я умру. Но зачѣмъ ты пришелъ пугать меня?.. Я умираю, но еще стою на землѣ. Еще живу я, и, знаешь ли, Гаутама, — кажется, мнѣ жаль ея, моей жизни... Зачѣмъ такъ свирѣпо рвать ее, развѣ много надо, чтобы она потухла?.. Вотъ еще цѣпляюсь я за обломки ея, и молча

ждетъ меня слѣпая тьма. Съ каждымъ мгновеньемъ гаснетъ надежда... Темнѣетъ... Мнѣ страшно, Гаутама... Я падаю... Гдѣ же ты?.. Я тебя не вижу... Я падаю...

Я протягивалъ къ нему руки, но онѣ, какъ желѣзныя, какъ парализованныя, не поднимались. Ужасъ росъ во мнѣ и шевелилъ волосы. Несказанно-страшное вѣяніе, какъ туманъ изъ бездны, касалось меня. Я понялъ, что умираю...

Еще мгновеніе—и я сидѣлъ на постели, въ оцѣпенѣніи прислушиваясь къ уходившей волнѣ ужаса. Онъ прошелъ, прошелъ надъ моей головой, и я боялся пошевелиться...

— Вздоръ... пустяки...—говорилъ я самъ себѣ.

Нѣтъ, онъ что-то оставилъ послѣ себя, свои частицы въ углахъ и щеляхъ. Почему такъ странно глядятъ всѣ предметы? Въ нихъ что-то страшное, зловѣщее... Я оглядываюсь. Человѣка бы, живого человѣка—обнять его, прижаться къ нему, чтобы онъ отогналъ этотъ ужасъ! Нѣтъ... Я умираю... Что-то чудовищное уноситъ меня, какъ соломинку. Я чувствую—*она* сейчасъ начнетъ душить меня!... Нѣтъ, только не сейчасъ... Не надо... ради Бога... помогите же мнѣ!..

Я сбросилъ простыню и, молча, стиснувъ зубы, побѣжалъ къ двери. Печка холодна, какъ трупъ. Несокрушима дверь. Но въ прозорку глядитъ на меня человѣческій глазъ. О, какъ это хорошо! Въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ моего лица—черный, живой человѣческій глазъ!

— Вамъ чего угодно?—спрашиваетъ меня изъ-за двери корявый голосъ.

Я жадно гляжу въ глазъ, жадно слушаю голосъ и начинаю приходить въ себя. Я—живъ. Но смерть была здѣсь въ камерѣ, и я боюсь оглянуться назадъ...

Я живъ!.. Да, да... Вотъ онѣ, мои руки, ноги, вотъ я щупаю голову—все это живое, теплое, милое... И вижу кругомъ себя печку, столъ, постель съ упавшей простыней... Я живъ!.. Какъ прекрасно жить! Подождите, надо лечь... Вотъ такъ... Ухъ, какая усталость! Но это ничего, я чувствую свое тѣло. Оно сладко отдыхаетъ и смѣется отъ радости. Если я сейчасъ позову дежурнаго и скажу, чтобы дали ѣсть, мнѣ сейчасъ же принесутъ горячаго бульона и ломтикъ хлѣба. Для начала будетъ довольно. А потомъ буду ѣсть, ѣсть, ѣсть... И ноги мои станутъ крѣпнуть и отдыхать. Я буду жить, я хочу жить. Только бы жить! Опять увижу небо и дома... Вздоръ какой... Ужасъ какой—смерть... Тюремная нелѣпость, трагедія „Смерть изъ-за Сачко". Будь другой начальникъ, помягче,—и не пришло бы въ голову заниматься самоубійствомъ. Отдохну немного

и скажу, чтобы дали ѣсть. Пусть думаютъ, что хотятъ, а я буду жить! И какъ мнѣ не пришло ниразу въ голову, что великіе страстотерпцы сидѣли въ казематахъ долгіе, долгіе годы и жили. Потомъ вышли и жили, любили и работали. Сачко тоже тюремный служака, какъ Наливкинъ. Барбосъ. Пусть оретъ и сажаетъ въ карцеръ,—я буду жить. Пріѣдетъ Нина, а я ей скажу: „Что, братъ, Нинка, натерпѣлась страху? А я—вотъ онъ!“ Только немножечко отдохну, а то, чуть пошевельнусь, сердце бѣснуется и стучитъ, какъ по наковальнѣ. Всѣхъ увижу... Слышите, я опять съ вами!.. Я живъ, живъ, я живу, я возвратился къ вамъ, родные мои... Вѣдь не поздно? Я удержался на послѣдней грани. Какъ прекрасно жить!..

У помощника было испуганное лицо. Онъ наклонился надо мной и трясъ за плечо.

— Господинъ Нелидовъ... встаньте... Встаньте, пожалуйста!..

Должно быть, они приняли меня за мертваго.

Я долго не могъ сообразить, гдѣ я, и что со мной, и глядѣлъ на склонившееся бородатое лицо Боровкова съ краснымъ носомъ, пока не понялъ, что я въ тюрьмѣ, а передо мной—тюремщики.

— Что такое?.. Чего вамъ нужно?..

— Повѣрка, понимаете, повѣрка,—басилъ Боровковъ, у котораго отлегло отъ сердца.—Потрудитесь подняться.

— Убирайтесь вонъ!.. — крикнулъ я, затрясшись отъ злости.

Онъ что-то бормоталъ и не уходилъ.

— Уходите!..—закричалъ я, поднимаясь на локтѣ.

Они ушли. Въ окно глядѣлъ мутный день. Запаутиненный уголъ, грязныя стѣны, желтая избитая дверь, и въ прозоркѣ—глазъ. Я лежу, а онъ все смотритъ съ тупымъ любопытствомъ. Здѣсь всегда такъ смотрятъ, какъ на скотину. Если понадобится, они войдутъ, схватятъ, станутъ переворачивать, разсматривать каждую часть тѣла, будутъ совать въ ротъ пальцы... Бр-р...

Вчера... „Вчера“ осталось гдѣ-то далеко,—одинъ изъ тюремныхъ призраковъ въ вихрѣ призраковъ и галлюцинацій. Возмущеніе противъ смерти. Что-жъ, развѣ это ужъ такъ плохо или такъ постыдно? Ничего, братъ, ничего, это бываетъ со всѣми. Бываетъ и хуже. Стало страшно, а потомъ жалко. Чего? Тюрьмы? Ссылки или каторги? Повѣрокъ, обысковъ и мучительства?

Начинается день. Изъ корридора уже доносится глухой

тюремный шумъ. Начинается день. Когда же будетъ послѣднiй день!

Ну, вотъ—я съ тобой. Идемъ. Вотъ гора съ каменной верхушкой, на которую мы смотрѣли, запрокидывая головы. Она по прежнему купаетъ въ морѣ свою подошву. Идемъ мимо скалъ, послушаемъ шумъ прибоя. Станемъ, какъ и тогда, бросать камни въ сердитое море. Пройдемъ садами, а когда зачернѣетъ крыша нашего дома, перепрыгнемъ канаву и пустимся бѣжать.

Леля спитъ. Милая моя Леля! Я, другъ мой, видѣлъ ее очень давно. У нея былъ такой чудесный черный пучекъ на затылкѣ, хотя вся она была не больше трехъ четвертей. Ты смѣялась, показывала ее и говорила... Что ты мнѣ говорила? Что же это?.. Я забылъ!.. Какъ же я забылъ?..

Мы идемъ черезъ веранду.

— Посиди, ты вѣдь усталъ,—говоришь ты.

— О, да, я очень усталъ. Я такъ усталъ, что не могу уже жить.

Это—бредъ... Я открою глаза—и никого нѣтъ въ угрюмой пустотѣ камеры. Какъ тяжело, родная...

Вечерѣетъ. Море уходитъ въ туманную мглу и тяжело шумитъ внизу у берега. Въ густѣющихъ сумеркахъ мелькаютъ огоньки. И я, какъ въ первый разъ, ищу вашего. Вотъ одинъ ласково свѣтитъ въ сторонѣ. Не тамъ ли мои милые?.. Я дойду до нихъ усталый, съ пыльными ногами. Отъ этой усталости будетъ крѣпко спаться.

Зачѣмъ ты смотришь такъ печально?.. И тѣни на худыхъ щекахъ... и протянутыя руки... Оставь! Уйди, или я зареву и стану биться головой объ стѣну... Ну, говори же, говори: „у тебя жена и дѣти“...

Подожди... Ужасъ опять шевелится во мнѣ. Я вижу его въ твоихъ сѣрыхъ, неподвижно раскрытыхъ глазахъ. Ты понимаешь, какъ они толкали меня въ бездну! Я цѣплялся и вылъ отъ страха, а они отдирали мои руки и сбрасывали все ниже, все ближе къ пропасти... Удержи меня... Помоги мнѣ... Жена моя... василекъ мой... Какъ я люблю тебя!..

Тонкiй протяжный вой наполняетъ камеру, и я со стономъ открываю глаза, преодолѣвая страшную тяжесть.

Кончено! Все кончено! Я больше не увижу ея!

Подъ простыней—бѣлое мое тѣло; слабо обозначились ступни ногъ. Вонъ онѣ слабо зашевелились. Въ груди дрожитъ, и къ горлу подступаютъ рыданья. Буду плакать... Ну, вотъ—все заискрилось, заиграло въ блескѣ сквозь пелену, потонуло въ туманѣ. Такъ сладко плакать о ней, о себѣ, о своей жизни, почувствовать себя маленькимъ ребен-

комъ, жаловаться кому-то и рыдать,—рыдать, припавъ лицомъ къ подушкѣ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и не удерживая слезъ...

Четырнадцатый день.

Спокойно. Послѣ того дня стало спокойно, что-то оборвалось внутри. Какъ будто я жилъ много-много годовъ, все пережилъ и ото всего отошелъ. Теперь я беззвучно и все быстрѣе опускаюсь въ бездонный колодецъ, и наверху, далеко за мной, остались надежды и муки. Рано пробилъ часъ мой. Но когда онъ настаетъ—всѣ пути, и короткіе, и длинные, сравниваются передъ лицомъ вѣчности. Крѣпокъ будетъ сонъ, и никто не потревожитъ спящаго.

Одно еще живетъ и бьется во мнѣ—ненависть. Сегодня на повѣркѣ Наливкинъ наклонился надо мной, не взирая на святыя тюремныя правила, и залепеталъ:

— Господинъ Нелидовъ... Можетъ, у васъ что болитъ?.. Или въ чемъ нуждаетесь? Можетъ быть, сдѣлаете заявленіе?

У него было испуганное лицо съ вытаращенными глазами, дергалось вѣко, и ротъ былъ похожъ на зловѣщую яму. Я посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Убирайтесь къ чорту съ вашими заявленіями.

Нѣтъ, други мои, всѣ вы выросли на одномъ деревѣ. А если придетъ Сачко, я его ударю. Потихоньку дотянусь до стола, возьму стаканъ или книгу и запущу въ лицо. И у тебя, старичокъ Наливкинъ, шкуру не отдерешь отъ души. Нѣтъ, не нужно смѣяться. Я не прощу имъ до послѣдняго издыханья. Мы, какъ муравьи, собираемъ зерно къ зерну каждую муку, каждый ударъ, каждое поруганье. И все должно быть сохранено. Каждый плевокъ ихъ... Какъ муравьи, падаемъ мы подъ ноги, чтобы черезъ насъ проѣхала тяжелая колесница судьбы. И, падая, говоримъ одно: помните! Завѣщаемъ одно вамъ, живые: помните, помните!..

Что это? Я, какъ будто, надъ озеромъ. Сквозь прозрачную воду видны камни и темные водоросли, и надъ спокойной водой толкутся съ тонкимъ пѣньемъ комары, глядясь въ свое отраженіе. Лѣсъ замеръ и одѣвается сумракомъ, замерли темные дубы. Такъ тихо, словно все умираетъ...

Когда окончится мой день, мы, Гаутама, полетимъ съ тобой въ дальнюю дорогу, обнявшись, какъ братья. Сядемъ здѣсь, на гребнѣ стѣны. Вотъ—тюрьма, приземистое чудовище. Смотри, какъ засвѣтились окна—какъ будто она раскаляетъ внутренности и смотритъ сотней огненныхъ зрачковъ. Степь одѣлась сумракомъ, и не видно дальнихъ кургановъ. Прощай, проклятая тюрьма! Мы летимъ надъ полями, надъ городами, которые сіяютъ, какъ кучи звѣздъ,

надъ деревнями, гдѣ мерцаютъ одинокіе огоньки, надъ пустынной равниной моря. Потомъ станемъ отдѣляться отъ земли и понесемся въ темный куполъ неба навстрѣчу недвижно мигающимъ звѣздамъ. Вѣчность, Гаутама, вѣчность! Тамъ мы отдохнемъ.

За дверями—тихая возня. Потомъ стихаетъ. Безмолвно и важно заполняютъ камеру сумерки.

Веніаминъ Дубовской.

ПРИЛИВЪ.

Вершины горъ глубокимъ сномъ объяты...
Лишь въ заревѣ угаснувшаго дня,
Сквозь дымку тучъ, горитъ хребетъ зубчатый
Въ парчѣ кудрей изъ снѣга и огня.

Идетъ приливъ... Поднялся валъ косматый,
Сверкаетъ зыбь алмазнаго гребня:
На царство скалъ,—неволи врагъ заклятый,—
Онъ ринулся, кольчугою звеня!

Упалъ... затихъ... Мерцаютъ на обрывѣ,
Какъ вешній градъ на обнаженной нивѣ,
Крупинки брызгъ, брильянты горькихъ слезъ...

Онъ не разбилъ скалы гранитной темя,
Но вслѣдъ идетъ валовъ мятежныхъ племя—
Гремитъ прибой, дрожитъ сѣдой утесъ!

С. Ивановъ-Райковъ.

РОКОВЫЯ СИЛЫ.

Романъ Густава афъ-Гейерстама.

Пер. **А. Брумберга.**

XII.

Мечтой показалась Оскару Стейнерту возможность поѣхать къ старику. Въ душѣ онъ былъ благодаренъ Торѣ, что она, почти противъ его воли, заставила его рѣшиться на эту поѣздку. Вотъ мѣсто, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, этотъ маленькій городокъ, начинающій разрастаться, эти улицы, на которыхъ онъ выкидывалъ свои школьническія шалости, старыя деревья вокругъ церкви, подъ которыми онъ грезилъ свои дѣтскія грезы и жаждалъ стать взрослымъ. Давно ужъ это было, давно. Все случившееся съ тѣхъ поръ кажется ему однимъ безпрерывнымъ сномъ, отъ котораго онъ не знаетъ, когда проснется. При всѣхъ этихъ воспоминаніяхъ у него становится тепло на сердцѣ. Онъ бродитъ по улицамъ и долженъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы наружно остаться хладнокровнымъ и спокойнымъ. Прохожіе съ любопытствомъ глядятъ на человѣка, который повсюду останавливается и осматривается.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ сидитъ въ простенькой комнаткѣ магистра со старымъ кожанымъ диваномъ, потертымъ письменнымъ столомъ изъ корельской березы, трубками на столѣ и маленькимъ дѣтскимъ портретомъ надъ диваномъ. Старикъ почти не измѣнился, онъ сталъ лишь нѣсколько меньше прежняго, точно старость сдавила его. Стейнертъ чувствуетъ, что къ нему возвращается извѣстная доля почтительности школьника, когда онъ смотритъ въ бородатое лицо съ этими глазами, которые онъ понимаетъ теперь гораздо лучше, чѣмъ прежде. Старикъ радостно взволнованъ по поводу посѣщенія Стейнерта и безпрестанно говоритъ объ этомъ. Жена его, маленькая брюнетка съ добрыми, дружелюб-

ными глазами и съ изящными манерами, то уходитъ, то опять приходитъ, остается нѣкоторое время въ комнатѣ, прислушивается къ разговору, но затѣмъ опять исчезаетъ въ кухню.

Стейнертъ пересталъ говорить; онъ разсказалъ то, что могъ и что хотѣлъ разсказать про свою жизнь. Онъ обратился къ старику, говоря:

— А ты все время провелъ здѣсь?

— Да,—отвѣчаетъ старикъ,—конечно. Было бы недурно по временамъ уѣзжать отсюда. Но какъ то все не удается.

Онъ нѣкоторое время молчитъ, какъ бы думая о чемъ-то, затѣмъ беретъ изъ серебряной табакерки большую щепотку табаку и вытираетъ бороду громаднымъ краснымъ носовымъ платкомъ. Глаза его изъ-за очковъ сверкаютъ. Онъ кашляетъ, какъ бы припоминая что-то. Когда жена его выходитъ изъ комнаты, онъ говоритъ тихо, словно боясь, чтобы она не разслышала:

— Все вѣдь стало совершенно инымъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ ребенокъ. Если-бъ онъ жилъ, онъ былъ бы теперь ужъ старымъ человѣкомъ. Да, да.

Воспоминаніе это глубоко засѣло въ немъ. По голосу, по всему выраженію его лица Стейнертъ видѣлъ, какъ оно въ немъ живо.

— Какъ это однако случилось? Отъ чего онъ умеръ?—спрашиваетъ Стейнертъ.

Старикъ опять смотритъ на дверь, словно боясь, чтобы не разслышали его, и тѣмъ же тихимъ голосомъ говоритъ:

— Мы въ воскресенье отправились на прогулку. Послѣднее воскресенье передъ окончаніемъ семестра. Всю дорогу онъ шелъ пѣшкомъ. Для своихъ лѣтъ онъ былъ сильнымъ мальчикомъ. И онъ такъ радовался, что гулялъ со мною. Никогда онъ еще не былъ такъ доволенъ, какъ тогда. Жена всегда говорила, что я его балую. По временамъ она ревновала ко мнѣ ребенка. Да, да.

Дружелюбная, юмористическая улыбка пробивалась черезъ его строгую сѣдую бороду, точно солнечный лучъ черезъ густыя тучи.

— Теперь все это прошло,—продолжалъ онъ.—Преодолѣлъ, могу сказать. Но я бы не хотѣлъ, чтобъ жена слышала, что мы говоримъ о ребенкѣ. Мнѣ кажется, я ужъ и такъ слишкомъ много говорю о немъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло столько времени. Я хотя и не вижу въ этомъ ничего дурного, однако мнѣ кажется, что я слишкомъ много любилъ его, и потому Богъ отнялъ его у меня. О такихъ вещахъ не слѣдуетъ говорить слишкомъ много. Нѣтъ, нѣтъ, нельзя этого дѣлать.

Магистръ сидѣлъ на диванѣ, поддерживая голову рукой. Онъ, какъ будто, говорилъ самъ съ собой, и воспоминанія стали пробуждаться въ немъ одно за другимъ. Очки его какъ будто стѣсняли; онъ поднялъ ихъ на лобъ, такъ что его ясные глаза съ робкимъ дѣтскимъ взглядомъ засвѣтились свободно.

— Я здѣсь сталъ немного одинокъ,—продолжалъ онъ.— Объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Я никогда не забуду, какъ я въ послѣдній разъ былъ здѣсь вмѣстѣ съ моимъ мальчикомъ. Онъ такъ радовался, что кончились занятія въ училищѣ, и что онъ здѣсь со мною одинъ. Мы всегда были болѣе всего довольны тогда, когда бывали вмѣстѣ одни. Мы здѣсь переночевали. Онъ спалъ въ моей постели, и я, засыпая и просыпаясь, чувствовалъ возлѣ себя его маленькое худенькое тѣльце. Здѣсь онъ, вѣроятно, и простудился, и черезъ нѣсколько дней ужъ былъ мертвъ. Да, да.

Старикъ кашляетъ и замолкаетъ. Тихо проскользнула въ комнату его жена и садится въ кресло у двери. По выраженію ея лица, Стейнертъ видитъ, что она прекрасно знаетъ, о чемъ они говорили, и что она къ этому привыкла. Нѣкоторое время слышно лишь тиканье старыхъ стѣнныхъ часовъ.

Медленно проходятъ часы. Стейнертъ наслаждается покоемъ. Онъ понимаетъ, что его посѣщеніе является въ этомъ домѣ великимъ событіемъ, рѣдкимъ перерывомъ тихой обыденной жизни этихъ двухъ людей. Прежде чѣмъ онъ пріѣхалъ, о пріѣздѣ его думали многіе дни. Поэтому все здѣсь такъ чисто и прибрано. Полъ блеститъ, пестрыя дорожки кажутся новыми. На окнахъ висятъ бѣлыя гардины, ярко вычищенные блестятъ серебро, мѣдь, фарфоръ и мебель. Столъ богато убранъ. Въ ожидающей его комнатѣ пахнетъ свѣжимъ ельникомъ, чистая и свѣтлая кровать съ пестрымъ шелковымъ одѣяломъ стоитъ за бѣлыми занавѣсками, и старая зеленая изразцовая печь блеститъ свѣже-вымытая на фонѣ пестрыхъ обоевъ. Стейнертъ, кажется, видитъ, какъ оба старика его ждали, обо всемъ говорили, все устраивали, окружали его атмосферой дружбы, еще прежде чѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ все это чувствуетъ, вся окружающая его дружба дѣйствуетъ на него благотворно. Противоположность между его собственной жизнью и тѣмъ, что онъ здѣсь видитъ, занимаетъ его мысли, не нарушая его спокойствія. И онъ весь вздрагиваетъ, точно при воспоминаніи, которое совершенно не подходитъ къ этой уютной обстановкѣ, когда старая дама спрашиваетъ его:

— Вашъ отецъ еще живъ, г-нъ адвокатъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.—Онъ умеръ. И моя мать

также,—прибавляетъ онъ, какъ бы желая предупредить второй вопросъ.

— Да, да,—говоритъ магистръ,—скоро изъ стариковъ останемся одни лишь мы.

Оскаръ Стейнертъ думаетъ о своей родинѣ. Его пронизываетъ мысль, что онъ далъ родителямъ такъ мало съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ отъ нихъ. Ему кажется почти, что этимъ старикамъ, которые въ сущности чужіе ему, онъ болѣе близокъ, чѣмъ своимъ родителямъ, которыхъ онъ вообще зналъ очень мало. „Своихъ родителей нельзя выбрать", думаетъ онъ и тутъ же замѣчаетъ, какъ мало гармонируетъ эта холодная мысль со всей окружающей его теперь обстановкой.

Старушка опять исчезаетъ также молча, какъ вошла, и старикъ опять начинаетъ говорить.

— Много сказать ужъ не приходится, но скорѣе всего говоришь, вѣдь, о томъ, о чемъ постоянно думаешь.

Позже магистръ со Стейнертомъ вышли изъ дому, осмотрѣли конюшни, пришли къ полямъ, гдѣ уже стала желтѣть рожь, и уже собирали кормовыя травы. Стейнертъ видѣлъ, какія сердечныя, довѣрчивыя отношенія установились между старикомъ и его рабочими. Какъ будто угадывая его мысли, магистръ замѣтилъ:

— Я былъ довольно строгъ со своими учениками. По временамъ я раскаивался въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ. Но никогда въ моихъ намѣреніяхъ не было ничего дурного. Здѣсь, среди народа, я ужъ не могъ бы быть такимъ. Я бы не могъ жить безъ нихъ.

Окрестность чудесная. Іюльскій вечеръ мягокъ и нѣженъ. Березовыя рощи чередуются съ лѣсной чащей, посреди пашенъ поднимаются кусты дубняка, а тамъ дальше, гдѣ заходитъ солнце, дрожатъ золотисто-красные листья осинъ.

Окольной тропинкой они возвращаются къ саду, надъ которымъ поднимается выгнутая черепичная крыша дома. Грядки только что взрыты, деревья пестрятъ незрѣлыми плодами. Въ одномъ углу сада есть мѣсто, откуда открывается далекій видъ на луга и поля. Внизу узкой свѣтлой лентой вьется рѣка. Тутъ же стоитъ старая липа, окруженная зеленой скамейкой. Они садятся, и старикъ говоритъ:

— Это мое любимое мѣсто. Каждый вечеръ, когда только могу, я прихожу сюда посидѣть. Большею частью, одинъ. Фридерикѣ трудновато ходить. Здѣсь такъ красиво!

Онъ бросаетъ взглядъ на открывающійся передъ нимъ видъ. Широкая свѣтлая стѣна изъ облаковъ поднимается надъ солнцемъ, пурпурными полосами протягивается по небесному своду и наверху переходитъ въ маленькія облачка, которыя, какъ будто, свободно висятъ въ свѣтломъ воздухѣ.

— Мы стали совершенно одинокими,—продолжаетъ старикъ. И, бросая на своего гостя пугливый и вопросительный взглядъ, прибавляетъ:

— Ты, можетъ быть, слыхалъ, что я тутъ дѣлалъ послѣдніе годы?

— Нѣтъ,—возразилъ Стейнертъ, нѣсколько удивленный.

Голосъ старика сталъ почти торжественнымъ. При этомъ онъ былъ нѣсколько смущенъ, какъ часто смущаются старики, когда они боятся критики молодыхъ.

Задумчиво качая головой, онъ продолжалъ:

— Это хорошо. Тогда я могу самъ тебѣ все разсказать. Знаешь ли ты, что земля эта не принадлежитъ уже мнѣ?

Стейнертъ весь вздрагиваетъ. Онъ не понимаетъ. У старика счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенный видъ.

— Это такъ,—продолжаетъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.—Я подарилъ ее тѣмъ, которые работаютъ здѣсь. И каждый годъ они уплачиваютъ мнѣ сумму, которая хватаетъ на жизнь мнѣ и старухѣ моей.

— А потомъ—когда тебя ужъ не будетъ въ живыхъ?—спрашиваетъ Стейнертъ.

— Тогда земля имъ будетъ принадлежать полностью. Они ее раздѣлятъ между собою. Я, видишь ли, тоже немного соціалистъ, на свой манеръ.

Глаза старика блестѣли отъ удовольствія, какъ будто онъ радовался, что сказалъ уже самое трудное. А такъ какъ критики, которой онъ ожидалъ, не послѣдовало, онъ заговорилъ опять:

— У меня всегда были свои собственныя мысли о томъ, какъ люди живутъ другъ съ другомъ. Многое нахожу я не совсѣмъ въ порядкѣ.

Его кроткіе глаза загораются какой-то странной рѣзкостью. Упавшимъ голосомъ онъ продолжаетъ:

— Я и читалъ кое-что объ этомъ, и эта мысль была у меня ужъ давно: если-бъ каждый, кто владѣетъ чѣмъ-нибудь, захотѣлъ раздѣлить свою собственность, міръ былъ бы и счастливѣе, и лучше. Вначалѣ я говорилъ себѣ: если только ты одинъ раздаришь то, что у тебя есть—кто тебѣ скажетъ спасибо за это? Я долго, очень долго думалъ объ этомъ. Я жилъ здѣсь въ моемъ владѣніи и бралъ то, что мнѣ принадлежитъ. Я всегда былъ экономенъ, и когда я успѣлъ отложить кое-что, я, наконецъ, спросилъ себя: для кого ты, собственно, копишь? Жена моя и родные мои обезпечены, даже болѣе чѣмъ обезпечены. Одно время я думалъ, что собираю для своего сына, и потребовалось не мало времени, пока я не уяснилъ себѣ, что это одна лишь фраза, что я, въ сущности, собираю для себя самого. Я замѣтилъ, ви-

дишь ли, что деньги мнѣ дороги,—а это опасно. И вотъ наступилъ день, когда Богъ отнялъ у насъ мальчика.

Старикъ разомъ остановился. Онъ вытащилъ носовой платокъ и началъ сморкаться такъ громко, что Стейнертъ невольно улыбнулся, такъ какъ это напомнило ему о школьномъ времени. Магистръ этого не замѣтилъ и опять заговорилъ взволнованнымъ голосомъ.

— Жена моя была другого мнѣнія. Между нами произошла размолвка. Но, когда мы остались здѣсь одни, наши взгляды стали какъ бы ближе другъ другу. Она уступала мнѣ шагъ за шагомъ, и теперь она ужъ не жалуется.

Оскаръ Стейнертъ слушаетъ исповѣдь человѣка, боровшагося съ самимъ собою, и въ немъ не поднимается ни одно изъ тѣхъ возраженій, съ которыми онъ обыкновенно обрушивался на теоріи и поступки людей. Онъ смотритъ на старика и вдругъ понимаетъ, что совѣсть, какую можно представлять себѣ лишь въ воображеніи, является источникомъ всѣхъ поступковъ этого человѣка. Совѣсть заставляла быть строгимъ въ качествѣ отца, совѣстливость же не давала ему назвать своей попираемую имъ землю. Строгій видъ старика находился въ какомъ-то странномъ противорѣчіи съ мечтательнымъ свѣтомъ его глазъ и дрожащими губами.

Старикъ взглянулъ на лежащія передъ нимъ поля и продолжалъ:

— Я на все это могу теперь смотрѣть спокойно, потому что оно не принадлежитъ мнѣ. Но это ужъ сдѣлало насъ нѣсколько одинокими. Окрестнымъ помѣщикамъ то, что мы сдѣлали, не совсѣмъ-то понравилось, крестьянамъ еще меньше, а пастору меньше всего. Онъ однажды громилъ высокомѣріе и такъ расписалъ съ своей каѳедры образъ высокомѣрнаго человѣка, что всякій могъ узнать въ немъ меня.

Старикъ горько улыбнулся. Но какъ будто сожалѣя, что хоть это сказалъ въ свою защиту, онъ заговорилъ опять:

— И у меня, конечно, есть свои недостатки. И я поэтому кое-чего да заслужилъ. Я знаю, что всѣ эти мысли были у меня гораздо слабѣе, пока жилъ нашъ мальчикъ. Я ужъ много разъ думалъ объ этомъ: вѣдь это удивительно, что онъ долженъ былъ умереть для того, чтобъ я обрѣлъ въ себѣ покой. Пока онъ жилъ, я, казалось, забылъ всякую благодарность. Все, что мнѣ принадлежало, я получилъ вѣдь отъ другихъ. Я получилъ наслѣдство, и моя жена также. Я, собственно, никогда не могъ примириться съ тѣмъ, что все это должно стать моимъ. Я думалъ о словахъ: „Не собирайте сокровищъ на землѣ. Ибо, гдѣ ваше сокровище, тамъ и сердце ваше“. Но пока мальчикъ жилъ, я не вни-

калъ въ глубокій смыслъ этихъ словъ. Да, да, такъ это и было.

Медленно возвращаясь домой, магистръ сказалъ—и лицо его стало рѣзкимъ, какъ на каѳедрѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ веселымъ и свѣжимъ:

— Ты думаешь, что я старый дуракъ, который возится съ какими-то загадками и думаетъ еще при этомъ, что онъ совершаетъ что-то хорошее. Но я иначе не могъ. А что сдѣлано, то сдѣлано.

Когда они вернулись домой, столъ былъ уже накрытъ. По взглядамъ, которыми обмѣнялись старики, Стейнертъ видѣлъ, что фру Бьоркенъ знаетъ своего мужа и понимаетъ, о чемъ они бесѣдовали.

Они разошлись рано. Долго еще Стейнертъ сидѣлъ въ свѣтлой комнатѣ для гостей передъ окномъ и думалъ объ этомъ единичномъ разрѣшеніи соціальнаго вопроса, на которое онъ такъ неожиданно натолкнулся. Его охватывала мысль, какъ простъ, какъ далекъ отъ всякаго тщеславія и какъ силенъ былъ этотъ поступокъ, который является плодомъ человѣческой жизни. Онъ вспомнилъ теперь, что слыхалъ, какъ объ этомъ человѣкѣ отзывались, какъ о скупцѣ, потому что онъ былъ бережливъ, какъ объ оригиналѣ, потому что онъ думалъ не такъ, какъ другіе, какъ о жесткомъ человѣкѣ, потому что былъ требователенъ къ другимъ и къ самому себѣ. И все-таки въ немъ нѣтъ ни малѣйшей злобы противъ свѣта. Противодѣйствіе послѣдняго кажется ему необходимымъ для того, чтобъ на фонѣ этого противодѣйствія поступокъ старика выдѣлился настолько красиво, насколько онъ былъ красивъ въ дѣйствительности.

Стейнертъ оставался у магистра три дня. Когда онъ возвращался, ему казалось, будто онъ ужъ давно уѣхалъ изъ дому: такъ незамѣтно прошло это время, такъ заполненъ былъ для него каждый часъ борьбы этихъ обоихъ стариковъ съ жизнью, съ самими собою и другъ съ другомъ. Всѣ полки заставлены книгами; на маленькомъ столикѣ подъ доской для трубокъ лежитъ рядомъ Библія и Генри Джорджъ. Тутъ же и Толстой, и „Брандъ“ Ибсена и переводы англійскихъ философовъ. Сюда же попала и современная нѣмецкая теологія и многое изъ шведской литературы, старой и молодой. Магистръ все это показывалъ ему, очень охотно говорилъ объ этомъ. Передъ гостемъ, пріѣхавшимъ изъ столицы и жившимъ въ большомъ свѣтѣ, старикъ хочетъ скромно сѣсть на школьную скамью, хочетъ, чтобъ его ученикъ научилъ его теперь многому, чего учитель уже не въ состояніи понять самъ.

Критиковать магистръ не хочетъ: онъ попросту выбираетъ то, что можетъ использовать для себя. Поэтому Генри Джорджъ лежитъ рядомъ съ Библіей. И Оскаръ Стейнертъ опять становится ребенкомъ и радуется тому, что разрѣшена одна изъ загадокъ жизни, разрѣшена поступкомъ одинокаго, неизвѣстнаго человѣка, который всю свою жизнь наполнилъ единственной, великой, основанной на наивномъ, дѣтскомъ благочестіи мысли, создающей героевъ и мучениковъ.

Когда Стейнертъ, наконецъ, уѣзжаетъ, оба старика стоятъ на лѣстницѣ. И по мѣрѣ того, какъ изъ его глазъ исчезаетъ усаженный липами и плодовыми деревьями садъ, у него является такое чувство, будто все это была лишь греза, которая охватила его, когда онъ вышелъ изъ вагона и сталъ бродить по улицамъ, знакомымъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ. Ахъ! дорого далъ бы онъ за старость, которая была бы столь же богата воспоминаніями и столь же чиста, какъ старость магистра.

Лишь въ вагонѣ онъ опять ощущаетъ въ себѣ старое безпокойное чувство вѣчнаго возбужденія, къ которому онъ привыкъ такъ же, какъ люди привыкаютъ ко всему, даже къ самому плохому. И, прибывши, наконецъ, домой, онъ еще долго, долго тоскуетъ по томъ спокойствіи духа, которое онъ обрѣлъ у стариковъ...

Такъ прошло все лѣто. Чѣмъ ближе надвигался день, который долженъ былъ вернуть его къ старымъ условіямъ, тѣмъ сильнѣе Оскаръ Стейнертъ чувствовалъ, что ждетъ этого дня, котораго, казалось, такъ желалъ,—съ тайной боязнью. Онъ не могъ повѣрить этого ни одному человѣку, ни съ кѣмъ не могъ говорить объ этомъ... Меньше всего съ Торой Льюнгъ. Онъ чувствовалъ теперь въ ней критическое отношеніе къ своей женѣ, отношеніе, котораго онъ раньше и не замѣчалъ. И это чувство больше всего связывало его языкъ. Онъ ей очень многимъ былъ обязанъ; но, какъ только онъ объ этомъ заговаривалъ, Тора сейчасъ же обрывала его. И когда наступила осень, они разстались какъ братъ съ сестрой, которыхъ жизнь свела вмѣстѣ, и которые спокойно опять расходятся, считая это совершенно естественнымъ.

XIII.

Оскаръ Стейнертъ нанялъ новую квартиру. Это требовало отъ него нѣкоторой борьбы съ самимъ собой; такъ какъ онъ успѣлъ полюбить эти красивыя комнаты съ открытымъ видомъ изъ оконъ и очень неохотно оставлялъ мѣсто, въ

которомъ онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ чувствовалъ себя такъ хорошо. Однако, забота о женѣ подавила всѣ его сомнѣнія. И когда она при послѣднемъ свиданіи сказала ему, что ей бы не хотѣлось опять увидѣть старую квартиру, адвокатъ пошелъ навстрѣчу этому желанію тѣмъ охотнѣе, что онъ и самъ думалъ, что новая обстановка подѣйствуетъ на его жену благотворнѣе, чѣмъ старая со всѣми ея мрачными воспоминаніями.

Въ томъ состояніи лихорадочнаго ожиданія, которое онъ переживалъ, ему пріятно было дѣлать что-нибудь для своей жены, и онъ не такъ-то легко удовлетворялся въ этомъ пунктѣ. Наконецъ, однако, онъ нашелъ квартиру на солнечной сторонѣ Нарвской улицы. Комнаты были заново отдѣланы, изъ оконъ открывался широкій видъ. Изъ выступа гостинной виднѣлась даже полоса воды и часть южнаго холма.

Когда, наконецъ, наступилъ день, въ который адвокатъ ожидалъ возвращенія своей жены, онъ все утро ходилъ по своей новой квартирѣ и подробно все осматривалъ. Онъ весь превратился въ тревогу и безпокойство. Его жена выразила желаніе, чтобъ онъ лучше не былъ при томъ, какъ она въ первый разъ вернется въ свой домъ. И, хотя это желаніе ея готовило ему мучительное утро ожиданія, онъ подчинился, какъ подчинялся въ этой области всему. Ему, правда, непріятно было, что дѣти увидятъ его жену раньше, чѣмъ онъ. И, когда онъ теперь глядѣлъ на деревья аллеи, которыя гнулись подъ напоромъ вѣтра при прохладныхъ лучахъ октябрьскаго солнца, настроеніе его было не такъ радостно, какъ онъ самъ того ожидалъ. На дворѣ кружились въ воздухѣ первые листья умирающихъ деревьевъ; а внутри въ первый разъ затопили каминъ. Адвокатъ бросилъ послѣдній взглядъ на квартиру, чтобъ удостовѣриться, что все въ порядкѣ. Единственно, чего недоставало еще, были старинные стѣнные часы, которые были ему обѣщаны на сегодня и все же не были еще принесены. Немного раздраженный, онъ подошелъ къ телефону и позвонилъ. Часы должны были послужить сюрпризомъ для фру Элленъ, но поправка отняла слишкомъ много времени. Ему было чрезвычайно непріятно, что теперь, когда ему надо было уходить, часы не были еще на мѣстѣ. И онъ отнюдь не склоненъ былъ принимать за чистую монету увѣренія часовщика, что у него случилось несчастіе.

Онъ второпяхъ посмотрѣлъ на карманные часы и увидѣлъ, что ему пора уходить. Его жена могла прибыть менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, а онъ ни за что не хотѣлъ рискнуть встрѣтиться съ нею здѣсь, вопреки ея желанію. Онъ обмѣнялся немногими словами съ дѣтьми, которыхъ встрѣтилъ

на лѣстницѣ, попросилъ ихъ поклониться матери и ушелъ.

Робинъ и Эбба безъ дѣла бродили по квартирѣ. Этотъ день казался имъ несказанно торжественнымъ,—торжественнымъ и все-таки жуткимъ, какъ будто могло свершиться нѣчто ужасное. Отецъ для нихъ, какъ и для многихъ дѣтей ихъ возраста, игралъ лишь незначительную роль. Папа работалъ; когда онъ бывалъ дома, онъ всегда сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Играть съ ними ему было некогда, говорить съ ними онъ не умѣлъ. Послѣднимъ лѣтомъ онъ просто предоставилъ ихъ Торѣ и былъ радъ, что она сняла съ него бремя, которое такъ тяжело давило его. Онъ чувствовалъ себя дома болѣе или менѣе хорошо и спокойно лишь потому, что вездѣ видѣлъ ея твердую, распорядительную руку, которая поспѣвала повсюду. У нея, онъ это зналъ, дѣти были въ вѣрныхъ рукахъ. И это сознаніе позволяло ему удалиться, жить отшельникомъ, который переходитъ отъ работы къ отдыху и отъ отдыха къ работѣ. Робинъ и Эбба поняли это по-своему и болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, отдалились отъ отца. Онъ все больше и больше становился въ ихъ глазахъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ глазахъ большинства, — оригиналомъ, который сторонится людей и отстраняетъ ихъ отъ себя. Что отецъ уходилъ теперь изъ дому, ихъ совершенно не удивляло: до такой степени они привыкли не видѣть его дома.

— Ты думаешь, мама такая, какъ всегда?—спросила Эбба, когда отецъ ушелъ.

— Почемъ я знаю? — отвѣтилъ Робинъ, почти сердито. Робинъ, какъ старшій, былъ еще въ большемъ напряженіи, чѣмъ сестра. Но такъ какъ Эбба была моложе его, онъ все-таки считалъ нужнымъ придерживаться по отношенію къ ней нѣкоторой осторожности.

Однако, Эбба не такъ скоро удовлетворилась.

— Ты думаешь, мама тосковала по насъ?—спросила она опять.

— Разумѣется,—сказалъ онъ.

— Но почему же она ни разу не писала? И почему она даже не попрощалась съ нами?

— Ей нельзя было, развѣ ты этого не понимаешь?

Робинъ, весь съежившись, сидѣлъ на стулѣ у окна. У него было полное, круглое лицо, маленькіе живые глаза и хорошо причесанные, вьющіеся волосы. На всемъ его существѣ лежала печать чего-то обыденнаго, банальнаго, чего-то указывающаго на будущаго фата.

— Когда кто-нибудь такъ боленъ, какъ мама, то ему нельзя никому писать и ни съ кѣмъ говорить,—объяснялъ

онъ ей.—Человѣка просто запираютъ, и онъ не можетъ даже уйти, когда хочетъ.

Эбба вся тряслась.

— Ты думаешь, что то же было и съ мамой?

— Разумѣется. Я это знаю.

— Но почему?

— Чтобъ она ничего дурного не дѣлала!

Эбба вытаращила глаза. Въ этотъ моментъ она была не ребенкомъ, жалѣющимъ свою мать, а любознательнымъ человѣкомъ, жаждущимъ отвѣта на свои вопросы.

— Ты думаешь, что мама могла бы намъ причинить что-нибудь дурное?

Робинъ задумался.

— Это возможно, такъ какъ она вѣдь была не въ своемъ умѣ.

— Да, но теперь?

Онъ придалъ своему лицу презрительное выраженіе.

— Теперь она уже здорова, не то ей бы не дали вернуться домой.

Дѣти продолжали говорить о матери. Никто имъ ничего не разсказывалъ про нее. Отецъ потому, что не могъ, Тора потому, что не хотѣла. Антипатія, которую она въ душѣ питала къ женѣ Стейнерта, мѣшала ей говорить о ней. Каждый разъ, когда она хотѣла заговорить съ дѣтьми объ этомъ вопросѣ, ей казалось, будто она собирается оклеветать ихъ мать. Дѣти, въ свою очередь, не разспрашивали ея. Она была добра къ нимъ, и они къ ней льнули. Но что-то удерживало ихъ заговорить съ нею о матери: когда мать была здорова, тетя Тора никогда не приходила, они это знали и потому инстинктивно избѣгали этой щекотливой темы. Служанки были единственными людьми, отъ которыхъ можно было кое-что узнать, и этимъ источникомъ свѣдѣній дѣти пользовались усердно. То, что Эбба теперь спрашивала и Робинъ отвѣчалъ, все были лишь старые вопросы и отвѣты, которые они повторяли ужъ не разъ. Они все вновь возвращались къ этой темѣ не потому, что боялись лишиться матери—они вѣдь знали, что она вернется, и этой увѣренности имъ было достаточно—а лишь для того, чтобъ смягчить напряженіе, съ которымъ они поджидали звонка въ передней, и лишь потому, что они натолкнулись на первую великую загадку своей жизни, которой ни одинъ изъ нихъ не могъ разрѣшить... Въ теченіе лѣта они хотя временами и забывали о матери, но все-таки часто возвращались къ этому разговору. А съ тѣхъ поръ, какъ возобновились занятія въ школѣ, и они вернулись въ городъ, они гово-

рили объ этомъ каждый разъ, какъ только оставались вдвоемъ.

— Звонятъ!—крикнула вдругъ Эбба, привскочивъ съ мѣста.

— Нѣтъ, это на улицѣ,—отвѣтилъ Робинъ.

Оба нѣкоторое время сидѣли молча и прислушивались къ трамваямъ, проходившимъ по улицѣ.

Потомъ Эбба сказала:

— Ты думаешь, что человѣкъ, который былъ такъ боленъ, какъ мама, можетъ опять совершенно выздоровѣть?

— Разумѣется,—сказалъ Робинъ.

— Да, но совсѣмъ ли—я спрашиваю. Чтобъ съ увѣренностью знать, что она никогда не заболѣетъ вновь.

Эбба чувствовала безпокойство, которое внушало ей какой-то особенный страхъ. Робинъ былъ гораздо болѣе положительной натурой, чѣмъ сестра. Онъ глядѣлъ на міръ трезво и былъ поэтому настроенъ критически.

— Я боюсь!—сказала сестра.

— Чего-же?

— Подумай—если мама все-таки еще не совсѣмъ здорова!

Робинъ помимо воли заволновался. Такъ сестра еще никогда не говорила съ нимъ. Одиночество начало тяготить и его.

— Ты не должна бояться,—сказалъ онъ съ какой-то неуклюжей, смущенной мальчишеской любезностью.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила Эбба.—Я не буду.

Дѣти опять сидѣли, каждый на своемъ стулѣ, молча.

Вдругъ Робинъ вскочилъ.

— Теперь звонятъ!—крикнулъ онъ.

Съ пылающимъ лицомъ онъ бросился въ переднюю, чтобъ отпереть. Тамъ стояла мать. Онъ протянулъ ей руку и отступилъ на шагъ, чтобъ дать ей пройти. Мать обхватила дѣтей обѣими руками и потащила ихъ за собой въ столовую. Дверь въ переднюю они оставили открытой. На матери было длинное, темное пальто и новая шляпа. Дѣти стояли по обѣ стороны отъ нея и не знали, говорить ли имъ что-нибудь или расплакаться. Мать сняла съ себя пальто, опять обняла ихъ, цѣловала и потащила за собою въ гостинную. Потомъ она опустилась на стулъ и начала говорить имъ короткія, отрывистыя слова, слова радости и умиленія, какъ никогда не говорила ихъ раньше. И напряженность дѣтей уступила мѣсто радости, и они поняли, что мать, дѣйствительно опять, съ ними! Въ столовой слышны были шаги горничной, которая тихо вышла и заперла за собой дверь.

Эленъ Стейнертъ бродила по квартирѣ, осматривала все,

что ей было ново, все, что она знала... Она пошла въ кухню и поздоровалась съ прислугой, потомъ въ дѣтскую, въ свою комнату. Тамъ она оставалась долго. Послѣ того, какъ она ушла, дѣти переглянулись; они оба были поражены, что то немногое, что случилось, уже есть все. Они ждали гораздо большаго.

Между тѣмъ, наступило время идти въ школу, и Эбба, наконецъ, рѣшилась постучаться въ спальню. Уйти, не попрощавшись съ матерью, они считали невозможнымъ.

Когда они вошли въ комнату, мать стояла у окна, и они замѣтили, что она плакала. Тогда въ нихъ проснулось вдругъ пониманіе того, что перестрадала мать, какъ она чувствовала себя одинокой. Но никто изъ нихъ не былъ въ состояніи сказать что-нибудь. Въ гораздо большемъ возбужденіи, чѣмъ они это сами сознавали и могли высказать, они ушли, изъ дому, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ, сбѣжали съ лѣстницы и вскочили на электрическій трамвай, который какъ разъ проходилъ мимо.

Фру Эленъ одиноко бродила по новой квартирѣ, въ которой безъ ея помощи было для нея устроено жилье. Она еще разъ осмотрѣла все и чувствовала, что сама не можетъ себѣ отдать отчета, чего именно недостаетъ. Она вошла, наконецъ, въ комнату мужа, начала прибирать его письменный столъ, тщательно сложила бумаги, не мѣняя порядка, въ которомъ онѣ лежали, вытерла пыль съ письменнаго прибора, поставила на мѣсто разныя мелочи... Наконецъ, она сѣла на стулъ, на которомъ бывало, сидѣла прежде, въ ожиданіи Стейнерта. Ей еще не все было ясно. Прошедшее отуманивало ее, но безъ страха, безъ грусти даже. Мало-по-малу тотъ фактъ, что она дома, началъ дѣйствовать на нее и вызывать въ ней какую-то неопредѣленную тревогу, какъ будто она идетъ навстрѣчу обязанностямъ, требующимъ сосредоточенности и напряженія. Ей казалось, что она еще никогда не сознавала того, что собственно означало для нея это долгое одиночество, этотъ принудительный отдыхъ, во время котораго къ ней вернулась ясность духа.

Но ей и въ голову не приходило, что все случившееся можетъ повториться. Меланхолія, навязчивая идея болѣзни— все это оставило ее; она опять обрѣла власть надъ собою. Какъ бы желая удостовѣриться въ своей силѣ, она пошла въ кухню и поговорила съ кухаркой объ обѣдѣ. Она говорила объ этомъ нѣсколько дольше, чѣмъ было необходимо. Вернувшись въ столовую, она подошла къ роялю и испробовала его тонъ. Онъ былъ хорошъ и чистъ. Она замѣтила— мужъ не забылъ распорядиться, чтобъ настроили рояль. Въ ней шевельнулись какъ бы теплота и благодарность.

Обернувшись, она вдругъ замѣтила и цвѣты. На обѣденномъ столѣ огромная астра въ горшкѣ, а въ гостинной полная ваза розъ. Ее ожидали дома, все было приведено въ порядокъ и украшено для нея...

Вдругъ она подумала о томъ, что ей было бы очень пріятно видѣть здѣсь сейчасъ своего мужа. Вѣдь ей бы тогда не пришлось испытывать одиночества и тревоги въ продолженіе этого перваго долгаго утра.

Не долго думая, она подошла къ телефону, позвонила и потребовала давно знакомый номеръ. Она почувствовала страшное разочарованіе, когда ей сказали, что г-нъ адвокатъ ушелъ. „Скажите ему, что жена его спрашивала", попросила она.

Вернувшись въ гостинную, она случайно остановилась передъ старымъ зеркаломъ, передъ которымъ она одѣвалась когда-то, будучи еще невѣстой. Кромѣ дивана въ стилѣ empire и канделябра изъ стараго французскаго стекла, это зеркало было единственнымъ предметомъ, напоминавшимъ ей родину—Францію. Она долго стояла и разсматривала свое лицо и свою высокую фигуру, которая, благодаря усиленному питанію и долгому сну, значительно пополнѣла. Она была недовольна тѣмъ, что на ея кожѣ все еще виднѣлись многочисленныя морщинки, которыя, она надѣялась, должны были исчезнуть. Холодно встрѣтила она свой собственный взглядъ въ зеркалѣ.

Оскаръ Стейнертъ, между тѣмъ, сильно волновался. Работать онъ не могъ, говорить съ людьми еще меньше. Безъ цѣли бродилъ онъ по городу, лишь бы убить время. Онъ не хотѣлъ вернуться домой раньше, чѣмъ того желала жена, и часы тянулись безъ конца. Онъ сталъ бродить по узкимъ улицамъ города, между мостами, внушая себѣ, что его интересуютъ тамъ красивые старые дома, что онъ ненавидитъ не дающія отдохнуть глазу новыя зданія, что онъ мечтами своими переносится въ давно минувшія времена, въ мысли давно умершихъ людей. Но это ему не удавалось. Красивая панорама узкихъ улицъ, мрачность которыхъ отъ времени до времени прерывалась видомъ на набережную, гдѣ просвѣчивалась синева воды, оставляла его совершенно равнодушнымъ. Кривыя улицы съ ихъ богатствомъ своеобразной захватывающей жизни не гармонировали съ ходомъ его собственныхъ мыслей, которыя такъ рѣшительно были заняты настоящимъ и имъ самимъ.

Оскаръ Стейнертъ попросту, какъ самый неразумный юноша, стремился къ своей женѣ, жаждалъ провѣрить, чего онъ можетъ ожидать отъ нея въ будущемъ. Ему казалось, что жена его держитъ въ рукахъ своихъ всю его жизнь,

что эта первая встрѣча должна рѣшить все его будущее. Чтобы убить время, онъ зашелъ въ ресторанъ, въ которомъ онъ не рисковалъ встрѣтить знакомыхъ. Выходя изъ него, онъ посмотрѣлъ на часы: два. Только черезъ три часа назначенъ обѣдъ. Быстрыми шагами прошелъ онъ сѣверный мостъ и направился въ свою контору, точно принялъ вдругъ рѣшеніе и убѣдился, что время уйдетъ скорѣе, если онъ заполнитъ его работой.

Когда онъ вошелъ въ свою комнату, ему сообщили, что г-жа Стейнертъ звонила.

— Хорошо,—сказалъ Стейнертъ, сохраняя возможно большее наружное спокойствіе. Когда онъ остался одинъ, его охватила какая-то своеобразная дрожь: онъ въ первый моментъ совершенно растерялся. Его первымъ импульсомъ было взяться за трубку телефона, висѣвшую тутъ же рядомъ. Но ему не хотѣлось, чтобъ голосъ жены, который онъ впервые услышитъ послѣ ея возвращенія домой, донесся до его слуха тѣмъ далекимъ, чужимъ тономъ, который всегда принимаетъ голосъ человѣка въ телефонѣ.

Его жена сгорала отъ нетерпѣнія увидѣть его, онъ это зналъ. Проходя быстрыми шагами черезъ первую комнату, онъ коротко заявилъ, что сегодня ужъ больше не придетъ въ контору. Вышедши на улицу, онъ сѣлъ въ дрожки. Онъ самъ посмѣивался надъ собой, посмѣивался, несмотря на обуревавшія его безпокойныя мысли. Точно влюбленный, спѣшащій на первое свиданіе, онъ чувствовалъ себя счастливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взволнованнымъ, неувѣреннымъ въ томъ, что ждетъ его, полнымъ боязни и надежды. Ѣзда нѣсколько успокоила его. Экипажъ—это защита. Кто сидитъ въ экипажѣ, тому не приходится бояться, что кто-нибудь изъ прохожихъ заговоритъ съ нимъ. Поднявъ глаза, адвокатъ вдругъ замѣтилъ, какъ все кругомъ прекрасно. Воздухъ, вода, деревянныя лодки на набережной, Шенсгольмъ со своими оголенными деревьями, южное предмѣстье съ солнечнымъ свѣтомъ на крутыхъ обрывахъ, звѣринецъ въ осеннемъ уборѣ, пароходъ, который со спущенной трубой пробирался подъ мостъ—все это разомъ пріобрѣло блескъ и окраску его собственнаго настроенія.

— Новый Стокгольмъ выросъ,—подумалъ Стейнертъ.— Новый Стокгольмъ, котораго я не знаю, но къ которому я подойду ближе въ тотъ самый день, когда несчастье перестанетъ давить меня къ землѣ.

Неопредѣленное чувство, что онъ что-то давно уже упустилъ, что что-то прошло мимо него и оставило его въ одиночествѣ, овладѣло всѣмъ его существомъ и на одинъ мигъ омрачило его радость, точно облако, закрывающее

солнце и на мигъ затемняющее его. Но вотъ онъ повернулъ, опять увидѣлъ солнце, и опять все потонуло въ сознаніи, что онъ послѣ долгаго, долгаго времени снова ѣдетъ къ себѣ домой.

При входѣ въ домъ, онъ столкнулся съ бѣдно одѣтымъ человѣкомъ съ большой бородой. Стейнерту этотъ человѣкъ показался знакомымъ; тотъ снялъ шляпу и поклонился.

Тутъ адвокатъ вспомнилъ, что это часовщикъ. Онъ вѣрно теперь только принесъ часы. Лицо Стейнерта омрачилось.

— Вы только сейчасъ принесли часы?—спросилъ онъ коротко.

— Это несчастная случайность, господинъ адвокатъ,— отвѣтилъ тотъ покорно.

— Несчастная случайность? Что вы хотите сказать этимъ? Вы вѣдь твердо обѣщали принести вчера.

Онъ едва сдерживался, готовый вспылить. Уже давно эти старые часы стояли въ его домѣ, какъ драгоцѣнность, но не были исправлены. Они представляли собою рѣдкій старинный экземпляръ, эти мавританскіе часы, которые жена его получила въ наслѣдство отъ какого-то своего родственника. Стейнертъ заказалъ теперь новый механизмъ, реставрировалъ оправу и радовался, что его жена изъ этого маленькаго сюрприза увидитъ, какъ много онъ думалъ о ней. Когда она вернется, эти часы должны были стоять на своемъ мѣстѣ, и ихъ мягкій бой долженъ былъ радовать ее какъ разъ въ первые часы по возвращеніи, пока она будетъ дома одна. Это опозданіе было такой неудачей, что она его пугала, какъ дурное предзнаменованіе. Полный негодованія противъ человѣка, разстроившаго его планъ, онъ ждалъ отвѣта.

Тотъ, разумѣется, не понималъ, почему адвокатъ такъ золъ; онъ видѣлъ только его досаду, его нетерпѣніе и сказалъ:

— При всемъ желаніи, нельзя иной разъ исполнить того, что обѣщаешь.

— Еще бы!—былъ насмѣшливый отвѣтъ.

— Мой маленькій мальчикъ слетѣлъ вчера съ окна,— продолжалъ тотъ.—Мы живемъ на самомъ верху, подъ крышей. Вотъ почему я вчера не могъ работать.

Гнѣвъ адвоката уступилъ мѣсто стыду и сочувствію.

— Что вы говорите?—крикнулъ онъ, схвативъ того за руку.—Вѣдь я не зналъ этого!

Лицо часовщика передернулось.

— Нѣтъ. Я это прекрасно понимаю.

— Какъ же это произошло?—спросилъ Стейнертъ.

Въ этотъ моментъ онъ совершенно забылъ о самомъ

себѣ. Онъ думалъ ужъ только о человѣкѣ, который стоялъ тутъ передъ нимъ, грустный и убитый.

— Жены моей не было въ комнатѣ,—отвѣтилъ онъ.—Она вышла всего на минутку. Вдругъ она услышала крикъ и бросилась туда. Но было ужъ поздно.

— Онъ былъ мертвъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.—Въ томъ-то и дѣло, что онъ не былъ мертвъ. Я долженъ былъ снести его въ больницу. И на это ушло все послѣобѣденное время. Поэтому я и не успѣлъ кончить часы.

Адвокатъ не могъ отвѣтить ни слова. Все это такъ неожиданно ворвалось въ его мысли, что онъ не могъ найти словъ, чтобъ выразить то, что хотѣлъ.

— Куда бы мы ни шли, мы ходимъ по тѣламъ другихъ,—думалъ онъ.—Нашъ путь усѣянъ несчастіями другихъ, и мы должны идти впередъ черезъ эти несчастья.

Въ тотъ же моментъ онъ опять вспомнилъ сцену въ судѣ,—несчастную женщину, искавшую у него помощи и осужденную безъ защиты опытнаго адвоката.

— Ребенокъ живъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ отецъ.—Утромъ онъ еще жилъ какимъ-то чудомъ. Мать при немъ.

— И вы могли оставить ихъ и уйти работать!—крикнулъ адвокатъ, пораженный этой мыслью, какъ чѣмъ-то новымъ.

— Приходится, видите ли, исполнять свой долгъ,—отвѣтилъ часовщикъ.

Медленно поднимался Стейнертъ по лѣстницѣ. Послѣднія слова произвели на него болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ все происшествіе, разсказанное этимъ человѣкомъ. Онъ ясно видѣлъ передъ собою всю сцену: маленькую мансарду, мать, выходящую изъ комнаты, глубокій вымощенный камнями дворъ пятиэтажняго дома, ребенка, падающаго изъ окна и не разбившагося на смерть, отца, который возвращается домой и уноситъ въ больницу разбитаго вдребезги ребенка, уноситъ спѣша, быстро, чтобъ не лишиться нѣсколькихъ кронъ, которыхъ не хватитъ даже на похороны.

— Этотъ человѣкъ умѣетъ исполнять свой долгъ,—думаетъ онъ, и его обуреваетъ сознаніе своей слабости и ничтожности.

Онъ нажалъ кнопку звонка и вошелъ въ свою квартиру. Въ столовой стояли часы и спокойно отбивали тактъ уходящаго времени... Стейнертъ прошелъ мимо нихъ въ свою комнату. Все время въ немъ смѣшивалось впечатлѣніе отъ только что пережитой сцены съ чувствомъ напряженнаго ожиданія, охватывавшаго его весь день. Почти робко

перешагнулъ онъ черезъ порогъ. Жена сидѣла на креслѣ у письменнаго стола. Въ первый моментъ онъ подумалъ, что хорошо сдѣлалъ, придя домой. Она встала и пошла ему навстрѣчу. У нея былъ утомленный видъ, какъ будто она устала ждать.

— Я не зналъ, что ты такъ захочешь меня видѣть,— сказалъ Стейнертъ.

— Мнѣ такъ долго пришлось сидѣть одной,—отвѣтила она.

Отвѣтъ прозвучалъ болѣе холодно, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ посмотрѣлъ на жену испытующимъ взоромъ. Она измѣнилась, но онъ не могъ сейчасъ же отдать себѣ отчетъ, въ чемъ именно. И онъ долженъ былъ побороть въ себѣ разочарованіе, чтобъ спасти хоть часть той радости, о которой онъ мечталъ. Разговоръ былъ сначала довольно робокъ, какъ бы нерѣшителенъ. За словами, которыя произносились, оба чувствовали другія, не произносившіяся. За всѣмъ, чего они касались, лежало что-то, мимо чего они проходили молча... Оба почувствовали облегченіе, когда Стейнертъ, наконецъ, сказалъ:

— И ты опять здорова, Элленъ! Это вѣдь самое лучшее!

Элленъ пододвинулась къ нему ближе и, поднявъ глаза, взглянула ему прямо въ лицо.

— Тяжело тебѣ было со мной,—отвѣтила она, не сводя съ него глазъ.

Стейнертъ какимъ-то страннымъ жестомъ провелъ рукою по своему лицу, какъ будто хотѣлъ спрятать или стереть что-то, чего онъ не хотѣлъ никому показать.

— Когда что-нибудь тяжелое минетъ, оно всегда кажется легкимъ,—сказалъ онъ, пытаясь перейти на болѣе легкій тонъ.—За лѣто я поправился, какъ и ты.

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ уже раскаялся въ нихъ. Лицо его жены подернулось облакомъ. Она зажмурила глаза, какъ бы желая скрыть, что она думаетъ.

— Тора Льюнгъ благотворно дѣйствовала на тебя,—сказала она съ горечью.

И, какъ бы желая загладить свою вину, прибавила:

— Я ей очень благодарна за это.

Стейнертъ колебался одинъ моментъ, сказать ли ему еще что-нибудь. И, разъ щекотливая тема ужъ была затронута, продолжалъ:

— Я самъ не былъ бы въ состояніи доставить дѣтямъ такое хорошее лѣто.

Въ этотъ моментъ въ передней раздался шумъ. Дѣти вернулись домой. Атмосфера вокругъ супруговъ вдругъ стала легче, напряженное выраженіе исчезло съ лица фру Элленъ. Дѣти вошли медленно, почти торжественно. Имъ тоже было

легче оттого, что они не одни съ матерью. Впервые послѣ долгаго времени вся семья была въ сборѣ. И во всѣхъ было то своеобразное чувство единства, которое создается семьей, сливающей многихъ въ одно цѣлое. Всѣ вмѣстѣ пошли въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ. Полные радости отъ вновь обрѣтенной, многообѣщающей будущности они дружелюбно улыбались другъ другу. Бѣлая скатерть съ зеленой бумажной дорожкой была украшена цвѣтами, какъ къ празднику.

Но Стейнертъ испытывалъ такое чувство, какъ будто онъ является зрителемъ происшествія, совершающагося съ кѣмъ-то другимъ.

XIV

Счастье, по которому Оскаръ Стейнертъ такъ страстно тосковалъ, не явилось. Въ отношеніяхъ между супругами что-то надломилось, и какъ ни глубоко адвокатъ былъ охваченъ созданной имъ самимъ мечтой о счастьи, онъ не могъ не чувствовать, не сознавать этой перемѣны. Какое-то сомнѣніе подтачивало его счастье, сомнѣніе, которое онъ не могъ заставить замолкнуть; оно было пробуждено горечью, которую его жена выказала ужъ въ первый день, какъ только было упомянуто имя Торы Льюнгъ. Это сомнѣніе еще усугублялось различными обстоятельствами, совпавшими случайно маленькими, незначительными фактами, которые всѣ вмѣстѣ образовали ткань безпокойства и мучительной тяжести, давившей всю душу. Стараясь наружно играть роль счастливаго мужа, Стейнертъ въ это время впервые наблюдалъ за своей женой, и его безотчетная любовь къ ней начала уступать мѣсто холодной, упорной тревогѣ, которой онъ самъ не могъ себѣ объяснить. Чѣмъ усерднѣе онъ искалъ объясненія, тѣмъ больше находилъ поводовъ къ сомнѣніямъ, тѣмъ больше укрѣплялся въ убѣжденіи, что его жена что-то таила въ себѣ, скрывала отъ него, до чего она его не допускала. Ихъ окружало какое-то таинственное молчаніе, когда они оставались одни, а когда однажды онъ неожиданно зашелъ въ комнату, гдѣ были жена и дѣти, онъ замѣтилъ, что ихъ веселье разомъ затихло. Ему все больше и больше начинало казаться, что жена вернулась домой къ дѣтямъ, а не къ нему, и когда онъ уходилъ изъ дому, мысли о нихъ не давали ему покоя.

Чего, собственно, недоставало въ ихъ отношеніяхъ, было ему неясно. Ему казалось, будто онъ живетъ въ безпрерывномъ выжиданіи чего-то таинственнаго, необъяснимаго, отъ

чего ему осталось одно только прекрасное воспоминаніе, чего онъ, однако, никогда больше не увидитъ. Иной разъ въ женѣ проглядывала какъ бы попытка приблизиться къ мужу проявленіемъ минувшей нѣжности. Но всегда казалось, какъ будто это желаніе ея слишкомъ слабо, или подавляется другими роковыми силами, невѣдомыми никому, даже ей, внутри которой онѣ бушевали „Можетъ быть, она переживаетъ то же, что и я“, думалъ Стейнертъ. „Можетъ быть, и она тайно тоскуетъ о томъ, что миновало“. И, думая такъ, онъ вдругъ начиналъ понимать: „День за днемъ я тоскую, тоскую по моей женѣ! Она опять со мной,—но ея нѣтъ. То, что было, не вернулось“.

Но тоска по минувшемъ была такъ сильна въ Оскарѣ Стейнертѣ, что она пробудила въ немъ силу къ борьбѣ, стремленіе вновь обрѣсти потерянное. Безъ этого жизнь теряла для него смыслъ. Идя въ свою контору, онъ обдумывалъ различные пути и средства, сидя за работой, будучи въ судѣ и защищая кого-нибудь изъ кліентовъ, онъ чувствовалъ въ себѣ это вѣчное исканіе и обдумываніе, точно рану, боль которой только временно заглушалась необходимостью думать и поступать сознательно. Когда онъ возвращался домой и видѣлъ семью, его преслѣдовало все то же. И вмѣстѣ съ тѣмъ съ его устъ никогда не срывался вопросъ, который жегъ его. „Почему все не такъ, какъ прежде? Что встало между нами?“ Ему казалось, что ихъ отношенія должны какъ-то разомъ распасться, какъ только онъ попытается заговорить объ этомъ.

Есть что-то безконечно тонкое въ отношеніи двухъ людей другъ къ другу; почти неуловимыя нити. связывающія ихъ, еще болѣе неуловимы силы, которыя разрушаютъ, подтачиваютъ и, наконецъ, разрываютъ эти незримыя нити. Въ горѣ, которое охватываетъ при этомъ человѣка, онъ ищетъ цѣлебныхъ средствъ, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, что средство, къ которому онъ прибѣгнетъ, окажется ядомъ. Онъ дѣйствуетъ въ отчаяніи, которое его ослѣпляетъ, и тоска по счастью становится тоской мучительной.

Оскаръ Стейнертъ скоро набрелъ на странную мысль, что онъ, быть можетъ, вновь привлечетъ свою жену, если доставитъ ей возможность развлечься; и онъ рѣшился использовать это средство, хотя оно противорѣчило его натурѣ. Годы, въ теченіе которыхъ жена хворала, сдѣлали адвоката крайне одинокимъ. Необходимость скрывать характеръ ея болѣзни создала вокругъ него пустоту. Случайные знакомые, товарищи по дѣлу, посѣтители изъ провинціи отъ времени до времени оживляли одиночество супруговъ. Но настоящихъ, постоянныхъ друзей у нихъ не было; старые

друзья въ тяжелое время его одиночества нашли себѣ новое общество и не могли ему ничего удѣлить. Около него и жены образовались новые кружки, но они стояли внѣ ихъ.

Существовало, правда, простое средство, которымъ адвокатъ могъ доставить своей женѣ среду и развлеченіе, которое онъ считалъ необходимымъ для нея.

За послѣдніе годы, которые онъ прожилъ въ тиши и одиночествѣ, Стокгольмъ успѣлъ совершенно преобразиться; въ немъ возникли новыя формы общественности, которыя, не вытѣсняя старыхъ, стали рядомъ съ ними, какъ новый заманчивый родъ развлеченія. Теперь рестораны и кафе наполняли ужъ не только мужчины и путешественники. На обѣдъ въ отелѣ Рюдбергъ или Гранд-отелѣ, бывало, отецъ семейства лишь въ исключительныхъ случаяхъ водилъ жену и взрослыхъ дѣтей; теперь рестораны привлекли къ себѣ и женщинъ, которыя устремились туда, чтобы не просиживать цѣлые вечера дома, чтобъ почувствовать себя равными мужчинамъ, даже въ дурномъ. Этому же содѣйствовали еще скука и чопорность большого свѣта. Въ ресторанѣ каждый дѣлалъ что хотѣлъ, тамъ не было ни хозяевъ, ни гостей. Дамы наслаждались веселымъ обѣдомъ, не волнуясь тѣмъ, что не каждое блюдо удачно, не будучи вынуждены просить мужа о прибавкѣ на расходы, не тратя никакихъ силъ на устройство всего. Мужъ могъ въ продолженіе получаса по телефону устроить обѣдъ, женѣ оставалось только скоренько сдѣлать свой туалетъ и сѣсть въ дрожки. Импровизированныя пирушки всегда вѣдь бываютъ самыми удачными. Къ тому же, въ ресторанѣ мужъ совсѣмъ не тотъ, что дома. Дома онъ бережливъ и тяжелъ на подъемъ, ворчитъ на дорого стоющіе обѣды и скупится, когда надо платить. Тамъ же онъ въ своей тарелкѣ, къ рестораннымъ цѣнамъ онъ привыкъ еще со временъ своей холостяцкой жизни, онъ не скупится, не ворчитъ, и ѣстъ, и пьетъ, и веселится. Когда дѣло доходитъ до платежа, онъ ужъ всегда бываетъ въ такомъ приподнятомъ настроеніи, что расходъ кажется ему пустяшнымъ.

Въ ресторанѣ всегда можно встрѣтиться съ разными людьми. Для пріема дома требуются вѣдь нѣкоторыя формальности, чтобъ вообще собрать гостей; тамъ же все это значительно легче. Даже пресловутая шведская чопорность и любовь къ формальностямъ уступила необузданной жаждѣ наслажденія, охватившей высшіе слои населенія.

Содержатели ресторановъ, подмѣтивъ, откуда дуетъ вѣтеръ, устроились соотвѣтственнымъ образомъ. Съ начала девяностыхъ годовъ, во всѣхъ болѣе крупныхъ ресторанахъ открывались семейныя помѣщенія, хотя частныя квартиры

въ связи съ этимъ отнюдь не уменьшались. И къ концу прошлаго столѣтія этотъ обычай пріобрѣлъ право гражданства, какъ нѣчто прочно установленное и хорошо организованное.

Скучный семейный обѣдъ, данный по обязанности, завершался обычно ужиномъ въ ресторанѣ, гдѣ царило свободное настроеніе, и гдѣ веселье являлось само собой; монотонный семейный ужинъ находилъ на слѣдующій день свое продолженіе въ тѣсномъ кругу въ какомъ-нибудь ресторанѣ, гдѣ и хозяинъ и гости не были стѣснены мучительными обязанностями, обременявшими ихъ наканунѣ въ скучномъ частномъ домѣ.

И въ то время, какъ рестораны заполнялись посѣтителями, частные дома все болѣе пустѣли. Что происходило тамъ, пока мужъ и жена уходили и дѣти оставались одни— кто знаетъ! Дѣти и прислуга лишь въ исключительныхъ случаяхъ доносятъ другъ на друга и, при томъ, лишь тогда, когда у доносчика совѣсть совершенно чиста.

Во всякомъ случаѣ жилось весело. Дамы, которыя въ теченіе всей своей жизни едва ли прикоснулись губами къ рюмкѣ, пили теперь, не стѣсняясь, ликеръ и пуншъ и чувствовали себя очень хорошо среди шума этихъ ежедневныхъ свѣтскихъ оргій. Имъ было пріятно видѣть вокругъ себя стольких людей. То, что и онѣ могли теперь познакомиться съ той жизнью, которая раньше являлась привилегіей однихъ только мужчинъ, и на которую они смотрѣли со смѣсью тайнаго содроганія и зависти, придавало ихъ поведенію извѣстную увѣренность. Недостатка въ темахъ для разговоровъ никогда не ощущалось въ этихъ собраніяхъ. Здѣсь, столикъ о столикъ, сходился весь Стокгольмъ. Люди обмѣнивались поклонами, посѣщали другъ друга за столиками, пили за здоровье другъ друга или холодно проходили мимо другъ друга. Ихъ всѣхъ соединяла здѣсь общая потребность въ возбужденіи и забвеніи, которыя являются основой всякаго искусственнаго веселья. Каждый зналъ жизнь, характеръ, отношенія и тайны другого. Каждый самъ выставлялъ себя, какъ желанную тему для разговоровъ, этому случайному собранію индивидовъ, которые всѣ дышали однимъ и тѣмъ же испорченнымъ воздухомъ, ослѣплялись однимъ и тѣмъ же электричествомъ, опьянялись одними и тѣми же излишествами. Всѣ широко пользовались этой возможностью разбирать по косточкамъ и осмѣивать своихъ ближнихъ, принижать, клеветать и оговаривать ихъ. Отъ стола къ столу неслись многозначительные взгляды, улыбки, полувнятныя слова и жесты. А слова, которыя были

на всѣхъ устахъ и все объясняли, гласили: „Веселье необходимо каждому человѣку!“

Въ этотъ-то міръ Оскаръ Стейнертъ и ввелъ свою жену, и лишь только она отвѣдала яду, какъ онъ сталъ для нея насущной потребностью. Стейнертъ сопровождалъ ее, и изъ зрителя, который намѣревался принять участіе въ этой жизни лишь мимоходомъ, чтобы потомъ бросить ее, превратился въ несчастнаго, который привыкъ ней и втянулся въ нее. Отель Рюдбергъ сталъ постояннымъ мѣстомъ, гдѣ Оскаръ Стейнертъ проводилъ вечера, и недолго спустя онъ проводилъ тамъ больше времени, чѣмъ въ своей квартирѣ, куда приходилъ, собственно, только на ночь. Съ утра онъ отправлялся въ свое бюро, весь день посвящалъ выполненію цѣлаго ряда разнообразныхъ дѣлъ, которыя вводятъ адвоката почти во всѣ закоулки столичной жизни; обѣдъ же или ужинъ, а нерѣдко и то и другое онъ имѣлъ внѣ дома. Вначалѣ ему казалось, что эта перемѣна всего режима жизни дѣйствуетъ на фру Элленъ благотворно. Ея настроеніе стало ровнѣе, вся она начала держаться свободнѣе, могла смѣяться, какъ въ былыя времена, и принимала живое участіе въ свѣтской жизни. Когда на обратномъ пути ихъ скрывалъ поднятый верхъ дрожекъ, она, бывало, придвигается къ нему, пожимаетъ его руку и говоритъ: „Какъ много ты дѣлаешь для меня!“

Когда онъ ее при этомъ спрашивалъ: „Охотно ли ты встрѣчаешься съ людьми?“—она отвѣчала: „Кажется, да“.

Этотъ отвѣтъ могъ быть истолкованъ различно, но такъ какъ онъ не видалъ лица своей жены, то истолковывалъ ея слова по-своему и продолжалъ убаюкивать себя надеждами.

Осень прошла, наступила зима. Рождество промчалось съ подарками и весельемъ, съ катаньемъ на саняхъ, съ нѣсколькими вечерами, проведенными въ обществѣ дѣтей. Новогодніе счета были уплачены и забыты, и новый годъ имѣлъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ роду. Все это время адвокатъ съ женой жили общей стокгольмской жизнью, и отношенія между ними мало-по-малу вернулись къ тому состоянію, которое вначалѣ, когда онъ сталъ искать исцѣленія въ обществѣ чужихъ людей, такъ больно поразило Стейнерта. Разница между тѣмъ, что было раньше, и тѣмъ, что онъ ощущалъ теперь, была лишь та, что теперь онъ уже не страдалъ. Его чувства притупились, и требованія, которыя онъ предъявлялъ къ совмѣстной жизни, стали скромнѣе. Они съежились незамѣтно для него самого, и, когда онъ пытался думать о томъ, какъ онъ дошелъ до этого образа жизни и какую цѣль онъ себѣ ставилъ, онъ столь же мало пони-

малъ это, какъ и то, какая, собственно, причина заставляла его продолжать эту жизнь.

Этотъ вопросъ вдругъ предсталъ передъ нимъ однажды вечеромъ, когда онъ сидѣлъ за большимъ накрытымъ столомъ во внутреннемъ отдѣленіи столовой. Ужинъ кончался, подавали кофе, закурили сигары, и черезъ открытыя окна проникали изъ кафе говоръ смѣющихся, болтающихъ, ужинающихъ и пьющихъ мужчинъ и женщинъ и отрывистые звуки оркестра, игравшаго послѣдній номеръ программы. Не будучи въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, откуда собственно взялась у него эта мысль, и почему она безпокоитъ его какъ разъ теперь, Стейнертъ вдругъ почувствовалъ, что въ его душѣ вынырнулъ вопросъ: „Зачѣмъ я здѣсь сижу? Какое мнѣ дѣло до всѣхъ этихъ людей?“

Онъ взглянулъ на жену. На ней была свѣтлая шелковая блуза, легко охватывавшая ея роскошную фигуру; волосы были старательно завиты и свернуты въ узелъ, который, какъ будто, дѣлалъ ее чуждой ему.

Въ эту минуту она улыбнулась мужу и прикоснулась губами къ своей рюмкѣ съ ликеромъ. Глаза ея ярко блестѣли. Адвоката вдругъ охватило сознаніе, что онъ, самъ того не сознавая, повелъ жену на ложный путь, и что, если-бъ онъ поступилъ умнѣе, эта зима, которую онъ теперь перебиралъ въ своихъ мысляхъ, не была бы такой безнадежно-безсвязной, безпокойной и пустой. Ему казалось, что въ данный моментъ онъ видитъ все гораздо яснѣе и въ то же время въ болѣе ужасномъ свѣтѣ, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Новая мысль пробивалась въ немъ и силою хотѣла заставить остановиться на ней. Онъ, наконецъ, самъ сказалъ себѣ: ничто не измѣнилось ни теперь ни когда-либо прежде, и никогда не измѣнится. Онъ хотѣлъ бы вернуть эти послѣдніе мѣсяцы, измѣнить нѣчто важное, чего измѣнить ужъ нельзя было, удержать нѣчто, что ускользало изъ его рукъ, обрѣсти нѣчто, что онъ потерялъ, но отъ чего онъ ни за что не отказался бы... И его поразила, точно открытіе, мысль, что онъ, собственно говоря, долженъ измѣнить все, все въ своей жизни.

Возлѣ него откинулась на спинку стула фру Гранатъ, у которой ея сосѣдъ слѣва вызвалъ какимъ-то анекдотомъ полусдержанный смѣхъ. Фру Гранатъ собиралась разойтись съ своимъ мужемъ и часто показывалась въ обществѣ, чтобы поддержать свою репутацію. Справа отъ нея молча, медленно покуривая свою огромную заграничную сигару, сидѣлъ консулъ Рослингъ и съ насмѣшливой лукавой улыбкой прислушивался къ смѣху свѣтлорусой сосѣдки. „Анекдотъ, который разсказалъ вамъ директоръ Вернеръ, должно

быть очень интересенъ", сказалъ онъ: „нельзя-ли также намъ послушать его?"

Анекдотъ былъ повторенъ, и въ то время, какъ все общество, прислушиваясь, вытянуло головы, мысли адвоката продолжали идти своимъ путемъ, испытывая, изслѣдуя, возбуждая и муча его. Чтобы одурманить себя, онъ заказалъ виски и выпилъ его довольно много. Молча сидѣлъ онъ за столомъ, окруженный разошедшейся толпой мужчинъ и женщинъ, совершеннно механически слѣдилъ за разговоромъ другихъ, улыбался, когда они улыбались, и время отъ времени бросалъ нѣсколько словъ, чтобы показать, что онъ принимаетъ участіе въ разговорѣ. И въ то же время мысли его шли тѣмъ путемъ, на который онѣ вступили. Нечувствительный, холодный ко всему окружавшему его веселью, онъ чувствовалъ, что, чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ сознаніе его становилось яснѣе. И одинокій, непроницаемый, скрывшись за многозначительной улыбкой, то появлявшейся, то вновь исчезавшей съ его лица, онъ продолжалъ думать. Онъ былъ чужимъ всѣмъ окружавшимъ его здѣсь людямъ, чужимъ своей женѣ, чужимъ самому себѣ. Издалека пришелъ онъ сюда, обратнаго пути онъ не зналъ, найти его опять, вернуться у него не было силъ. Все окружающее стало ему противно. Развѣ это радость, отдыхъ? Всѣ, сидѣвшіе за однимъ столомъ съ нимъ, были приведены сюда одной лишь случайностью. Никто ничего не желалъ отъ другого. Каждый изъ нихъ можетъ умереть, исчезнуть, и его стулъ не останется пустымъ въ слѣдующій же день. Что же это такое? Теперь онъ не боялся уже словъ: это была оргія, безконечная оргія, и никто не стыдился ея. Тутъ создавался новый классъ людей, который онъ въ припадкѣ страшной горечи, обозвалъ „общественной богемою". Чѣмъ все это было для него? Опьяненіемъ. Чѣмъ это было для другихъ? Стейнертъ ужъ не хотѣлъ отогнать свою мысль: они такъ же, какъ и онъ, были въ лихорадкѣ, благодаря отсутствію покоя въ жизни, благодаря жаждѣ наслажденій, плохимъ дѣламъ и слишкомъ хорошимъ дѣламъ, благодаря счастью и несчастью. Все лихорадочно. Все безъ равновѣсія. Единственное спасеніе оставалось лишь въ томъ, чтобъ заставить свои мысли молчать и опьянять себя жизнью. Зачѣмъ они здѣсь всѣ сидятъ? Зачѣмъ сходятся? Почему нравы такъ измѣнились, что добродѣтель стала словомъ, котораго въ обществѣ не переносятъ? Почему обществомъ завладѣваетъ богема, не художественная богема со своей беззаботной улыбкой на устахъ и невиннымъ сердцемъ, а дерзкая, безнравственная, циничная общественная богема, которая основой своего существованія дѣлаетъ деньги и съ по-

мощью послѣднихъ безотвѣтственно и хвастливо, попираетъ законы общества въ своихъ мысляхъ, словахъ, поступкахъ?

Стейнертъ видѣлъ, какъ столы пустѣли и огни гасли. Изъ передней звонко доносился голосъ пьянаго мужчины, препиравшагося съ швейцаромъ. Оберъ-кельнеръ прошелъ по залу спокойный, элегантный, бросая недвусмысленные взгляды на столъ, за которымъ сидѣли обычные посѣтители, извѣстные тѣмъ, что задерживали служащихъ.

Стейнерта охватила мучительная тоска. Ему опять вспомнилось прошедшее лѣто. Съ настойчивостью лунатика онъ избѣгалъ въ своихъ воспоминаніяхъ мысли о Торѣ Льюнгъ. Онъ думалъ лишь о томъ, чего онъ ждалъ отъ лѣта, казавшагося ему теперь такимъ далекимъ, далекимъ. Онъ думалъ о квартирѣ, на которую они переѣхали, о первомъ обѣдѣ на новой квартирѣ, когда они опять были вмѣстѣ, и его взглядъ сталъ искать взгляда жены. Его охватило такое сильное желаніе уйти отсюда, отъ этого общества, отъ окружавшихъ его людей, что ему показалось непонятнымъ, какъ жена его не слышитъ внутренняго голоса, который кричалъ въ немъ и взывалъ, какъ человѣкъ въ минуту смертельной опасности взываетъ къ тому, въ комъ видитъ все свое спасеніе.

Мысль, что жена, навѣрное, слышала слова, хотя онъ и не произнесъ ихъ, овладѣла имъ такъ сильно, что онъ еще въ экипажѣ ждалъ изъ ея устъ подтвержденія своего желанія, которое казалось ему вполнѣ человѣческимъ и естественнымъ. Отъ этихъ думъ пробудилъ его голосъ жены, сказавшей:

— Ты сегодня вечеромъ былъ такъ молчаливъ?

Въ ея словахъ звучалъ вопросъ, и Стейнертъ коротко отвѣтилъ:

— Я думалъ, что ты знаешь причину.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—опять вопросительно раздался ея голосъ изъ глубины дрожекъ.

Ничего не отвѣчая, Стейнертъ зарылся въ уголъ и ушелъ въ себя. Думая свою думу, онъ сидѣлъ такъ, во все продолженіе пути.

XV.

Въ кабинетѣ Стейнерта сидятъ одинъ противъ другого оба супруга. На письменномъ столѣ горитъ лампа; сквозь зеленый абажуръ на замкнутыя, серьезныя лица обоихъ падаетъ мягкій свѣтъ.

Буря въ душѣ Стейнерта. Онъ знаетъ, что выпилъ, и

это сознаніе на короткое время заставляетъ его думать, что мысли его—лишь призраки, вызванные винными парами. Въ этой новой обстановкѣ онъ чувствуетъ себя какъ-то спокойнѣе. Онъ напряженно анализируетъ себя и замѣчаетъ, что мысли его яснѣе и мозгъ свободнѣе обыкновеннаго. „Кого лихорадитъ,—думаетъ онъ,—тотъ можетъ пить много и не пьянѣть". Онъ бросаетъ взглядъ на жену: она сжала губы, какъ бы силясь скрыть поднимающуюся въ ней злобу или печаль. Чтобы что-нибудь сказать, онъ спрашиваетъ:

— О чемъ ты думаешь?

— Ни о чемъ,— отвѣчаетъ она уклончиво.

Черезъ короткое время она прибавляетъ:

— Но ты вѣдь сегодня вечеромъ о чемъ-то думалъ?

Въ ея голосѣ звучатъ рѣзкія ноты, глаза ея сверкаютъ.

Стейнертъ наклоняется впередъ; руками онъ судорожно схватываетъ ручки кресла.

— Почему я не могу уже стать близкимъ тебѣ?—спрашиваетъ онъ.—Что ты имѣешь противъ меня?

Она откидывается назадъ. Лицо ея блѣднѣетъ.

— Объ этомъ лучше не спрашивать,—отвѣчаетъ она рѣзко.

Стейнертъ знаетъ, что онъ приблизился къ опасному пункту. Онъ знаетъ, что то, что онъ говоритъ, ужъ давно скрывается за всѣми ея поступками и словами, таится во всей безумной жизни этой зимы. Онъ говоритъ, не разсуждая, не для того уже, чтобы чего-нибудь добиться. Онъ говоритъ потому, что долженъ говорить, что слова рвутся съ его устъ.

— Я спрашиваю, потому что долженъ знать,—говоритъ онъ.—Ты и представить себѣ не можешь, какъ я тебя ждалъ тогда! Каждый день мнѣ казался невыносимо длиннымъ! Я считалъ каждый день, приближавшій меня къ тому дню, который долженъ былъ вернуть мнѣ тебя! Ты еще помнишь, что было между нами тогда, въ первое время? Помнишь, какъ я старался подойти къ тебѣ ближе, а ты отъ меня уходила? Или, быть можетъ, я говорю неправду? Можетъ быть, то было одно лишь воображеніе? Я былъ несправедливъ? Скажи же. Дальше я этого переносить не могу!

— Чего ты не можешь переносить?

— Этого нашего молчанія.

Фру Элленъ сидитъ совершенно спокойно; лицо ея застыло, голова опускается на руку. Образъ, который онъ видитъ теперь передъ собою, совершенно новъ для него: въ немъ появляются вдругъ черты, которыя онъ открываетъ въ первый разъ... Преодолѣвая себя, Стейнертъ сказалъ:

— Развѣ ты не понимаешь, что я тебя все еще люблю?

Онъ произнесъ эти слова тихо и самъ слышалъ, что они звучатъ коротко, горько, рѣзко.

Фру Элленъ вздрагиваетъ. Ее знобитъ. Они такъ далеко ушли другъ отъ друга, что только ухо слышитъ, сердце же глухо. Между ними лишь громадная пустота. И все-таки въ нихъ просыпается воспоминаніе о томъ времени, когда въ нихъ было еще счастье, полное, цѣльное и безупречное. Воцарилось молчаніе, такое мучительное, такое долгое, такое давящее, какое бываетъ только между людьми, безсознательно оскорбившими другъ друга, попросту потому, что они одни... Ибо въ нихъ пробѣгаютъ злыя мысли, которыя рвутъ, терзаютъ, мучатъ...

Оскаръ Стейнертъ начинаетъ понимать, но не хочетъ еще этому повѣрить. Это невозможно. Всѣ эти годы борьбы съ болѣзнью и страданіями не могли быть пережиты понапрасну. Онъ ищетъ словъ, которыя проникли бы въ сердце его жены, которыя были бы достаточно сильны, чтобы прогнать его собственныя сомнѣнія, говорящія ему, что все, что онъ видитъ теперь, пришло слишкомъ поздно... Онъ рвется къ своей мечтѣ, слѣпой мечтѣ, которою онъ былъ счастливъ столько лѣтъ...

— Ты ничего уже не помнишь?—спрашиваетъ онъ, наконецъ.—Ты все забыла?

Теперь начинаетъ говорить фру Элленъ. Она сидитъ въ углу дивана, далеко отъ мужа, и самый воздухъ вокругъ нихъ леденѣетъ отъ ея словъ.

— Ты думаешь, что сдѣлалъ для меня очень много?

Онъ пытается прервать ее, сказать: нѣтъ.

— Все-таки,—продолжаетъ она,—ты думаешь это. Самъ не сознавая этого, ты даешь мнѣ чувствовать, что я обязана тебѣ. Можетъ быть, ты вполнѣ правъ. Ты для своей жены сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-либо другой изъ нашего круга. Но это мало помогаетъ дѣлу. Давать, говорятъ, лучше, чѣмъ брать, и тотъ, кто постоянно беретъ и ничего не можетъ дать, становится въ концѣ концовъ охладѣвшимъ.

Оскаръ Стейнертъ смотритъ на неподвижное лицо своей жены. Ему опять вдругъ приходитъ въ голову, что съ нимъ говоритъ совершенно другой человѣкъ. Женщина, которая говоритъ съ нимъ сейчасъ, не есть женщина его многолѣтнихъ сновъ, ибо онъ переживалъ только сонъ страданія и счастія, и теперь еще онъ не знаетъ, во снѣ это или наяву. Глаза его мигаютъ, какъ будто свѣтъ причиняетъ имъ боль.

— Я знаю также, когда мы перестали любить другъ друга,—продолжаетъ Элленъ.

— Мы, значитъ, перестали? Между нами все кончено?— прерываетъ ее онъ.

— Ужъ давно.

— Почему же ты изо дня въ день мучишь меня всѣмъ тѣмъ, что ложится на меня такимъ тяжелымъ бременемъ? Чего же ты еще требуешь отъ меня?—хочется ему сказать.

Но онъ овладѣваетъ собою, ничего не говоритъ, опирается на спинку своего кресла и киваетъ женѣ, прося ее продолжать. Съ чувствомъ облегченія, что онъ наконецъ-то, наконецъ стоитъ передъ окончательнымъ рѣшеніемъ, онъ ждетъ, что̀ теперь послѣдуетъ.

— Ты думаешь, что я могла бы сказать тебѣ это раньше, что ты могъ стать свободнымъ,—продолжаетъ Элленъ.—Но это такъ долго жило во мнѣ, что я привыкла къ этому, какъ къ чему-то такому, что не можетъ измѣниться. Когда я сидѣла здѣсь, дома, возлѣ тебя, когда взоры наши встрѣчались тамъ, внѣ дома, когда я слышала шумъ или когда меня мучила тишина, я всегда слышала въ себѣ одно: между мною и имъ все кончено. И если ты хочешь знать, когда это началось, я тебѣ также могу сказать.

Она выпрямилась. Маленькое дѣтское лицо ея вдругъ постарѣло, глаза такъ холодно смотрѣли изъ-подо лба, лишеннаго бровей. Она говорила твердо, рѣзко; казалось, что высказываемая ею жестокость доставляетъ ей даже удовольствіе.

— Это было тогда, когда я такъ долго болѣла,—продолжала она,—и ты пришелъ мнѣ сказать, что мнѣ нужно уѣхать изъ дому. Ты говорилъ о дѣтяхъ и о себѣ, и обо мнѣ также. А я лежала совсѣмъ тихо, съ закрытыми глазами. Я не могла смотрѣть на тебя. Я все время думала лишь одно: „Неужели онъ не понимаетъ, что теперь происходитъ?“ А ты все говорилъ да говорилъ. Да я и не могла противорѣчить тебѣ. „Я уйду отъ него,—думала я.— Я сдѣлаю то, чего онъ желаетъ. Если онъ этого желаетъ, то и я хочу этого“. Когда ты уходилъ, я замѣтила, какое ты чувствовалъ облегченіе, что я не противорѣчила. И весь день послѣ этого я слышала въ себѣ одинъ лишь голосъ, который все повторялъ: „Онъ хочетъ освободиться отъ тебя“.

— Ты никогда не думала о томъ, что ты была больна?— спросилъ Стейнертъ.—И что все случившееся было необходимостью?

— Да,—медленно отвѣтила фру Элленъ,—пожалуй. Но больше всего я думала о томъ, что ты меня оставилъ тогда, когда я въ тебѣ больше всего нуждалась. Я тебѣ объ этомъ еще никогда не говорила?

Она вперила въ мужа робко-вопросительный взглядъ. И Стейнертъ мгновенно вспомнилъ. Онъ вспомнилъ о поѣздкѣ въ каретѣ, о сценѣ на дворѣ дома умалишенныхъ, о внезапномъ взрывѣ ненависти у жены, о возвращеніи домой, обо всемъ томъ, о чемъ онъ такъ часто думалъ и что затѣмъ опять позабылъ, о томъ, что онъ охотно разсказалъ бы другу, и что однако, ни разу не сошло съ его устъ. Неужели возможно чтобы существовала связь между тѣмъ припадкомъ бѣшенства и всѣми этими холодными словами, которыя такъ спокойно и обдуманно отрываютъ теперь его отъ жены? Онъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ и, въ отвѣтъ на слова жены, сказалъ:

— Ты мнѣ сказала однажды, но я пытался забыть объ этомъ.

— Когда?

Въ короткихъ, осторожныхъ словахъ отвѣтилъ Стейнертъ на этотъ вопросъ. Элленъ прислушивалась, и по лицу ея проскользнуло выраженіе облегченія, являющееся тогда, когда получаешь разъясненіе вопроса, бывшаго долго неяснымъ.

— Да, да, знаю,—бормотала она, словно возражая на свои собственныя мысли.

Внезапнымъ рѣзкимъ движеніемъ она поднялась со своего мѣста и, выпрямившись, стала передъ мужемъ. Свѣтъ лампы падалъ на ея стройную фигуру, на шелковую блузу, на поясъ и темное платье, оставляя лицо ея въ тѣни.

— Теперь я все знаю,—сказала она.—И я знаю, что то, что я говорю—правда. А все другое одна лишь ложь и призракъ. Это воспоминаніе стоитъ между нами и будетъ стоять постоянно. И я хочу сказать тебѣ лишь одно: если-бы роли наши перемѣнились, я бы никогда не могла такъ поступить съ тобой!

Съ этими словами она повернулась и вышла изъ комнаты. Стейнертъ слышалъ шуршанье ея шелковой юбки, когда она проходила столовую, слышалъ стукъ закрываемой ею двери. Онъ продолжалъ сидѣть, весь съежившись на своемъ стулѣ, а все, о чемъ онъ думалъ и мечталъ, превращалось въ пепелъ. Въ эту минуту жизнь его измѣнилась безповоротно. Все ушло отъ него. У него ужъ ничего нѣтъ. Тамъ, гдѣ ему казалось, что онъ дѣлаетъ хорошее дѣло, онъ только усугубилъ зло. Думая исцѣлить, онъ нанесъ новыя раны. Думая связать, онъ разорвалъ...

Но изъ всѣхъ этихъ мыслей пробивается еще нѣчто другое, что его еще болѣе унижаетъ, чѣмъ все остальное, ибо оно заставляетъ видѣть истину такой, какова она въ дѣйствительности. Возвратившаяся къ нему, жена никогда не при-

нимала его нѣжности съ безконечной благодарностью и нельнула къ нему тѣмъ больше, чѣмъ мрачнѣе были тѣни, окутывавшія ее. Никогда этого не было въ дѣйствительности,—этотъ образъ создало лишь его воображеніе и его безграничная любовь. Не съ болѣзнью жены онъ боролся: тутъ скрывалось нѣчто гораздо худшее. Это была натура, безнадежной пустоты. которой онъ до сегодняшняго дня не понималъ. Ее выдалъ тонъ, тонъ, который противорѣчилъ словамъ о страданіяхъ и выдавалъ недостатокъ мыслей и сердца. *Эта* жена не будетъ ужъ болѣе нуждаться въ уходѣ. Къ ней уже никогда не вернется болѣзнь, поразившая ее нѣкогда. Гнѣвъ, проснувшійся въ ней тогда, когда она почувствовала себя оставленной, обманутой, закалилъ ее, совершенно преобразилъ этого человѣка и показалъ ему, что онъ правъ. Отнынѣ она пойдетъ своей дорогой, лишенная любви, сильная ненавистью, замкнутая и умная, говоря о своей болѣзни лишь тогда, когда это можно дѣлать, ничѣмъ не рискуя, обыкновенно-же замалчивая ее — женщина, создающая вокругъ себя пустоту и всю жизнь свою ведущая только на показъ.

Оскаръ Стейнертъ видитъ все это, и стыдъ, что онъ такъ безцѣльно и слѣпо любилъ, угнетаетъ его такъ тяжело, словно онъ ужъ никогда не сможетъ подняться. И, сидя такъ, онъ засыпаетъ. Когда онъ просыпается, его охватываетъ холодъ. Керосинъ въ лампѣ выгорѣлъ. Полураздѣтый, онъ пробирается въ комнату, закутывается въ пледъ и лежитъ такъ безъ сна до утра, радуясь, что его не замѣтила прислуга. Рядомъ съ нимъ, спокойно и глубоко дыша, спитъ фру Элленъ.

XVI.

Съ этого дня совмѣстная жизнь Оскара Стейнерта съ женой прекратилась. Ихъ ночной разговоръ больше не повторялся. Оба знали, что это безполезно, и то, что должно было случиться, не могло быть измѣнено. Каждый жилъ своей особой жизнью, которую онъ старался заполнить возможно лучше. Оскаръ Стейнертъ дѣлалъ это, накинувшись на работу съ удвоеннымъ рвеніемъ и стараясь возможно больше сократить время своего пребыванія дома. Фру Элленъ же отдалась веденію хозяйства и дѣтямъ, искала занятій гдѣ только возможно, становясь все болѣе дѣятельнымъ членомъ многочисленныхъ кружковъ и обществъ, которые даютъ зазамужней и матеріально независимой женщинѣ такую богатую возможность работать и забывать домашнее горе.

Оба супруга смотрѣли на эту жизнь, которая такъ отли-

чалась отъ прежней близости, какъ на большое облегченіе для себя. Изнуряющая борьба за любовь была кончена, Никто изъ нихъ и не тосковалъ больше по нѣжности, которой ужъ не было между ними. Никто изъ нихъ не питалъ уже надежды, которая становилась тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ болѣе обманчивой она оказывалась. Но всетаки между ними стояло воспоминаніе, унизительное, мучительное сознаніе, что они не сумѣли удержать того, чѣмъ нѣкогда обладали, что оно ускользнуло отъ нихъ и стало для нихъ бременемъ, которое каждый изъ нихъ вынужденъ носить молча. Эта тяжесть больного воспоминанія и чувство стыда за всѣ промахи ихъ жизни было теперь одно что еще было у нихъ общаго. Дѣти всецѣло держались матери; Стейнертъ считалъ это естественнымъ и даже не желалъ иного. Его домъ сталъ для него чужимъ, сталъ мѣстомъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя лишнимъ.

Онъ не разъ удивлялся въ это время, что онъ ужъ не чувствовалъ себя, какъ прежде, выведеннымъ изъ равновѣсія, что жизнь вообще ужъ не представлялась ему полной столькихъ противорѣчій. Онъ былъ одинокъ, разумѣется; но испытываемое имъ чувство одиночества имѣло въ себѣ что-то закаляющее, что-то такое, что давало увѣренность въ себѣ. Эта увѣренность и ясность была лишена всякой надежды, но безнадежность ужъ не пугала его. Въ немъ, будто волшебствомъ, открылась какая-то ясность духа, побѣдившая хаосъ. И эта ясность сопровождала его, какъ свѣточъ, который человѣкъ несетъ передъ собой въ темнотѣ; и который дѣлаетъ его бодрымъ и твердымъ. Постланный диванъ, ожидавшій его каждый вечеръ въ кабинетѣ, вливалъ въ него чувство покоя. И одиночество, среди котораго онъ жилъ, было, если не хорошо, то, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ прежнее, и напоминало ему то лѣто, когда онъ жилъ безъ жены. Жизнь стала значительнѣе, важнѣе; каждый день пріобрѣталъ высшую цѣнность.

Весь секретъ состоялъ въ томъ, что Оскаръ Стейнертъ пересталъ искать въ жизни чего-нибудь для себя. Все стало для него свѣтлѣе, возможнѣе, новѣе! Окружавшія его загадки стали отъ этого менѣе ужасными. Жажда счастья не мучила больше. Страсть не возвышала больше голоса. Тихо, ясно, прохладно; воздухъ разрѣжается, дышать легко. Человѣкъ, который ничего больше не желаетъ для себя, живетъ точно въ горныхъ высотахъ, тамъ, гдѣ легко ступать, гдѣ одиночество не давитъ, гдѣ звѣзды ночи сверкаютъ въ чистомъ блескѣ...

Вотъ почему Стейнертъ сравнительно легко мирился съ тѣмъ, что на безнадежное равнодушіе, внушаемое ему же-

ной, она отвѣчала все возрастающей ненавистью. Они шли совсѣмъ разными путями, и онъ понималъ, что эта ненависть столь же болѣзненна, сколь болѣзненна была нѣкогда нѣжность. Онъ чувствовалъ ея ненависть, но онъ никогда не допытывался, какъ она проявляется. Когда время отъ времени въ немъ просыпалось подозрѣніе, что онъ въ лицѣ жены имѣетъ врага, который инстинктивно желаетъ ему зла, онъ отгонялъ это чувство и продолжалъ отдавать свою жизнь работѣ и развлеченіямъ. Все было для него теперь ясно, прозрачно и реально. Всѣ иллюзіи были убиты въ немъ въ ту ночь, когда жена поставила передъ нимъ ихъ отношенія въ настоящемъ свѣтѣ. И по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался, что женщина, которую онъ нѣкогда любилъ, не существуетъ больше, онъ и самъ становился другимъ.

Такъ прошелъ годъ; ужъ вторично отпраздновали Рождество, холодное, пустое, безрадостное, какимъ онъ раньше и не представлялъ его себѣ. Стейнертъ пересталъ уже спрашивать, для чего онъ, собственно, живетъ. Зато онъ довольно часто спрашивалъ себя, почему, собственно, онъ не расторгаетъ своего брака. Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ онъ никогда не находилъ. Но ему казалось, будто въ дали манитъ неопредѣленная возможность, что дѣти, которыя теперь чужими проходятъ мимо него, будутъ нуждаться въ немъ и поймутъ, что онъ только ради нихъ остался.

Все это время его, очевидно, всетаки поддерживало нѣчто вродѣ надежды.

Однажды вечеромъ онъ, самъ меньше всего думая объ объ этомъ, завернулъ къ Торѣ Льюнгъ. Давно ужъ онъ не всходилъ по знакомой ему лѣстницѣ. О томъ, что произошло между нимъ и женой, онъ вѣдь не могъ говорить. А въ горѣ своемъ сидѣть и молчать не могъ. Когда онъ сегодня всетаки пошелъ сюда, ему казалось, будто годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ они съ женой поговорили другъ съ другомъ, разошлись, не попрощавшись, и опять встрѣтились, не чувствуя потребности возобновить разговоръ.

Когда онъ теперь позвонилъ къ Торѣ Льюнгъ, онъ чувствовалъ, что онъ совсѣмъ не тотъ уже человѣкъ, который когда-то пришелъ сюда, чтобъ просить о помощи.

Онъ вошелъ, и его охватило предчувствіе, что здѣсь сегодня должно что-то произойти. Тора быстрыми шагами вышла ему навстрѣчу; и, пожимая ея руку, онъ въ отворенную дверь спальни увидѣлъ открытый чемоденъ.

— Ты собираешься уѣзжать?—воскликнулъ онъ.

Она улыбнулась весело, молодо, бодро и энергично кивнула головой.

— Да.

— Не попрощавшись со мной?

— Вѣдь я еще не уѣхала,—возразила она.—Я уѣду лишь завтра вечеромъ.

Она пытливо посмотрѣла на него, точно хотѣла подробно изслѣдовать всю его личность, и казалась удовлетворенной результатомъ. Затѣмъ она продолжала:

— Я уѣду бодрой, потому что тебѣ хорошо. Что-то хорошее я, значитъ, все-таки сдѣлала, какъ ни безполезна и одинока была моя жизнь. Зайдемъ же.

Съ этими словами она ввела его въ комнату, гдѣ занавѣски были отодвинуты, такъ что можно было глядѣть далеко на всѣ огни Гумельскаго сада и на двойные ряды фонарей, которые свѣтились вездѣ на улицахъ.

— Куда ты, собственно, ѣдешь?—спросилъ Стейнертъ, медленно усаживаясь.

— Во Флоренцію,—отвѣтила она.—Меня тянетъ туда. На той недѣлѣ у меня вдругъ явилось это желаніе. Совершенно неожиданно. Я раньше и не думала объ этомъ. За послѣдніе дни я отъ всего освободилась, и завтра вечеромъ отправляюсь въ путь.

На ея лицѣ опять появилось юношеское, свѣтлое выраженіе. Оно, точно солнечное сіяніе, промелькнуло по ея лицу и засвѣтилось въ улыбающихся глазахъ.

— Ты долго думаешь оставаться тамъ?—спросилъ Стейнертъ.

— Годъ, — отвѣтила она. — Чтобъ путешествовать ради путешествія, я недостаточно богата. Я должна ужъ тогда остаться подольше. Иначе я не могу.

— Ты бывала когда-нибудь во Флоренціи? — спросилъ онъ, лишь бы спросить что-нибудь.

— Въ молодости,—отвѣтила Тора и опять улыбнулась.— И тогда же я дала себѣ обѣтъ вернуться туда, если у меня когда-нибудь появится потребность въ чемъ-нибудь прекрасномъ, кроткомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великомъ, полномъ красоты и мысли. И до сихъ поръ я сберегала себѣ Флоренцію, какъ скупой свое сокровище.

Стейнертъ сидѣлъ совсѣмъ тихо и думалъ о томъ, что онъ тутъ потеряетъ. Онъ думалъ о послѣднихъ годахъ, о томъ, чѣмъ была для него эта женщина. Онъ не слишкомъ часто приходилъ сюда, но все-таки достаточно часто. Онъ всегда зналъ, что здѣсь онъ найдетъ покой. Одинокіе вечера у Торы Льюнгъ были оазисами покоя въ его одинокой, тревожной жизни. А теперь эти комнаты будутъ закрыты, и онъ останется совсѣмъ одинъ.

— Что же будетъ съ твоими уроками? — спросилъ онъ, наконецъ.

Тора Льюнгъ улыбнулась.

— Ахъ,—сказала она.—Несчастные уроки музыки, единственное, что я вообще дѣлала въ своей жизни! Что это за работа? Есть же достаточно учительницъ и безъ меня!

— Да, но почему же ты никогда не попробовала ничего иного? У тебя же есть интересы, образованіе, все.

Онъ замолкъ; ему вдругъ показалось страннымъ, что онъ никогда раньше не спрашивалъ объ этомъ.

— Есть достаточно другихъ и вездѣ,—улыбаясь, отвѣтила Тора.

— Да,—сказалъ онъ.—Кромѣ того это, очевидно, одинъ только эгоизмъ, что я до сихъ поръ объ этомъ не говорилъ. А можетъ быть, это потому, что Тора Льюнгъ представляетъ собою нѣчто совсѣмъ особое, что ее и представить себѣ нельзя иной.

— Милый Оскаръ,—отвѣтила Тора.—Мы оба слишкомъ стары, чтобъ говорить другъ другу любезности.

Вдругъ Стейнертъ спросилъ:

— Будешь ты мнѣ писать?

— Разумѣется. Скажу откровенно: мысль о тебѣ было единственное, что заставляло меня колебаться. Единственное, что дѣлало для меня тяжелымъ уѣхать отсюда надолго. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я рвалась отсюда, давно уже. Но съ нами, женщинами, вѣдь всегда такъ: единственное, что насъ дѣйствительно связываетъ, это сознаніе, что мы кому-нибудь хоть немного, немного нужны. А совсѣмъ безполезной я вѣдь не была тебѣ, скажи?

Она протянула ему руку. Стейнертъ схватилъ ее, но тотчасъ же отпустилъ. Онъ не рѣшался произнести то, что ему хотѣлось сказать. Въ его головѣ промелькнула мысль, что Тора вѣдь совсѣмъ не знаетъ, какъ онъ теперь живетъ, какимъ постылымъ сталъ его домъ, какимъ онъ сталъ одинокимъ. Онъ никогда не могъ ей этого сказать, а она никогда не спрашивала. Они, какъ будто, безъ словъ сговорились, что бракъ Оскара Стейнерта не будетъ больше обсуждаться ими. Онъ прекрасно понималъ, что Тора Льюнгъ давнымъ-давно уже знала то, къ чему онъ пришелъ только такими мучительными окольными путями. И онъ былъ ей благодаренъ за то, что она не вынуждала его къ исповѣди, къ которой онъ питалъ отвращеніе. Поэтому онъ почувствовалъ облегченіе отъ того, что его подруга такъ бодро и, какъ ему казалось, такъ молодо говорила о себѣ. Тора Льюнгъ продолжала:

— Почему я именно теперь такъ рвусь отсюда, я, собственно, не знаю. Иной разъ, какъ будто, является желаніе поглядѣть на Швецію издали. Иной разъ мнѣ кажется, что

здѣсь происходитъ такъ много важнаго а иной разъ—такъ мало. Я думаю, въ сущности, здѣсь происходитъ великое и хорошее, только мы всѣ слѣпы для этого.

Оскаръ Стейнертъ разсмѣялся. Онъ казался очень изумленнымъ.

— Ты, можетъ быть, хочешь вмѣшаться въ общественную жизнь?

— Ты вѣдь понимаешь, что я этимъ хочу сказать. Развѣ я не права? Развѣ это не такъ? Каждый изъ насъ чувствуетъ потребность сознавать, что онъ не совсѣмъ одинокъ духовно, что онъ, однимъ словомъ, имѣетъ отечество, съ которымъ онъ живетъ!

— И поэтому, ты думаешь, надо на нѣкоторое время уѣхать?

— Да,—отвѣчаетъ она.—И это совсѣмъ не ново. Здѣсь я чувствую только пустоту, вижу только раздвоенность, ограниченность. Однѣ ошибки, если хочешь. И я иной разъ думаю: разстояніе идеализируетъ.

— Не искусственная ли это штука?

— Что?

— Вотъ такъ сознательно и нарочно золотить дѣйствительность.

Въ голосѣ Стейнерта слышалось раздраженіе. Весь планъ подруги былъ ему непріяенъ, такъ какъ онъ опрокидывалъ его желаніе. Поэтому онъ нарочно невѣрно толковалъ ея слова и сопровождалъ свои рѣзкія замѣчанія насмѣшливой улыбкой.

Но Тора, какъ будто, не замѣчала этого.

— Развѣ ты не думаешь, что мы всѣ нуждаемся въ вѣрѣ, въ вѣрѣ, что изъ всего того, что совершается вокругъ насъ, что намъ часто такъ отвратительно, все-таки произрастаетъ что-то другое, лучшее, что таитъ въ себѣ сѣмя будущаго?

Недовольство въ тонѣ Стейнерта улеглось, когда онъ отвѣтилъ:

— Ты вѣдь знаешь, что я это думаю иной разъ.

— Для того, чтобъ вѣрить тому, о чемъ я теперь говорю, надо имѣть что-то такое, что большая часть людей потеряла, потому что годы подтачиваютъ и треплютъ насъ. Назови это эластичностью души или полнотой сердца, или какъ тамъ хочешь. Не легко найти настоящее слово для этого. Во всякомъ случаѣ, когда начинаешь терять вотъ это что-то, тогда—плохо.

Стейнертъ поднялъ на нее глаза.

— Ты самый живой человѣкъ, котораго я знаю,—воскликнулъ онъ.—Среди насъ, живыхъ мертвецовъ.

— Этого ты вѣдь совершенно не знаешь,—возразила она.

Она сама не чувствовала, что голосъ ея сталъ звонкимъ и молодымъ, пока она продолжала:

— Ты и не представляешь себѣ, какъ сильна во мнѣ потребность сочувствовать всему, что происходитъ вокругъ меня, сочувствовать со всею полнотою и горячностью. Мнѣ иной разъ кажется, что въ этомъ сочувствіи кроется сѣмя того, что когда-нибудь будетъ считаться самой утонченной любовью къ родинѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую, что именно это начинаетъ теперь умирать. И я, во что бы то ни стало, хочу постараться помѣшать этому.

Стейнертъ вслушивался въ слова пріятельницы.

Онъ въ этотъ мигъ забылъ и про себя, и про недовольство, охватившее его въ первый моментъ.

— Послѣ всего я радъ за тебя, что ты можешь поѣхать,— сказалъ онъ.

— И ты говоришь это только теперь? Развѣ ты могъ быть не радъ этому?

— Да, да,—отвѣтилъ Стейнертъ.—Но то, что ты говоришь, не настоящая причина. Ты вѣдь глядишь, точно новый человѣкъ. Сказать тебѣ откровенно, что я думаю? Ты помолодѣла. Я это вижу. Въ чемъ дѣло?

Тора Льюнгъ встала и подошла къ окну. Тамъ она немного постояла. Когда она обернулась, Оскаръ Стейнертъ замѣтилъ, что ея глаза влажны. На его нѣмой вопросъ она отвѣтила:

— Ты правъ. Это не то. Тутъ есть нѣчто, что для меня важнѣе, несравненно важнѣе. И все-таки въ словахъ, сказанныхъ мною раньше, кроется все. Я этого только не могу выразить такъ, какъ хотѣла бы. Если я смогу, я тебѣ, можетъ быть, напишу объ этомъ въ письмѣ.

На ея лицѣ опять появилась та загадочная улыбка, которая такъ молодила ея лицо.

Когда Стейнертъ прощался, было ужъ поздно; и только тогда, когда онъ стоялъ уже въ передней, ему пришло въ голову, что для него все-таки было бы облегченіемъ излить передъ Торой свою душу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вспомнилъ, что было бы жаль теперь, когда она вся такъ полна тайнаго счастья, омрачить его разсказомъ о своемъ горѣ. „Я вѣдь могу ей написать, если мнѣ это будетъ необходимо“, подумалъ онъ. „На чужбинѣ впечатлѣнія столь разнообразны, и заботы легче забываются“.

Онъ посмотрѣлъ на Тору съ выраженіемъ отчаянной насмѣшки и сказалъ:

— Я читалъ въ японской сказкѣ, что если человѣкъ прошелъ мимо женщины, которая была для него самымъ

высшимъ въ жизни, то онъ можетъ закрѣпить ее за собой на семь будущихъ жизней. Ты вѣришь этому?

— Подчасъ,—отвѣтила Тора.—А почему бы и нѣтъ?

— Тогда подари мнѣ тѣ жизни, которыя намъ еще предстоятъ,—сказалъ онъ.—Та жизнь, которою я теперь живу, не многаго стоитъ. Такъ, какъ я стою передъ тобою, я безнадежно старъ; и я не помолодѣю, если тебя не будетъ.

Съ этими словами онъ нагнулся къ ней и, на прощанье, поцѣловалъ ее въ губы. Черезъ минуту онъ тяжело и медленно шелъ по улицѣ. Зимній вѣтеръ трепалъ деревья на кладбищѣ; вокругъ полумѣсяца надъ церковнымъ шпилемъ неслись облака.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Національный вопросъ въ свѣтѣ соціалистическаго міровоззрѣнія.

V.

Каждое право въ отдѣльности и система опредѣленныхъ правъ въ совокупности предполагаетъ, какъ необходимое и неотъемлемое условіе свое, наличность носителя права, то, что мы называемъ лицомъ или *субъектомъ* права. Въ этомъ смыслѣ лица бываютъ или *физическія* (данное, опредѣленное физическое лицо, которому принадлежитъ данное право: А, В, Сидоровъ, Петровъ), или *юридическія*, подъ которыми разумѣются извѣстныя коллективности, конкретно существующія, какъ общества, союзы, учрежденія, корпораціи, ассоціаціи и т. п. Говоря о правахъ національностей, существующихъ или желательныхъ въ законодательствѣ, о національномъ правѣ или о системѣ національныхъ правъ, мы понимаемъ, что нація не можетъ быть представляема, какъ физическое лицо, ибо въ природѣ существуютъ только отдѣльные ея представители, сама же нація, въ цѣломъ, есть только коллективность, которая *можетъ* быть признана субъектомъ права не иначе, какъ въ формѣ лица юридическаго. Очевидно, что въ основу выработки системы національнаго права должно лечь признаніе націи юридическимъ лицомъ, снабженіе ея аттрибутомъ субъекта, какъ носителя опредѣленныхъ правъ и соотвѣтствующихъ обязанностей. А между тѣмъ отсутствіемъ, игнорированіемъ этого элементарнаго требованія страдаютъ всѣ современныя европейскія законодательства, даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ имѣются нѣкоторыя указанія о національныхъ правахъ.

Такъ, напримѣръ, по словамъ Шпрингера, принципъ равноправія національностей, выраженный въ § 19 австрійской конституціи формулой: «всѣ народности равноправны», совершенно неудовлетворителенъ. Чтобы показать, насколько неудачна законодательная формулировка этого лозунга, говоритъ Шпрингеръ, достаточно привести критику это мѣста у Гумпловича. Онъ пишетъ: «Мы хорошо знаемъ изъ юриспруденціи, какимъ образомъ корпо-

рація или ассоціація могутъ быть носителями права, и какъ онѣ могутъ осуществлять послѣднія. Но вѣдь народность не есть ни ассоціація, ни корпорація, ни вообще моральный субъектъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ юридической наукѣ». «Если же мы не имѣемъ необходимой предпосылки всякаго права, а именно яснаго и опредѣленнаго понятія о субъектѣ, который долженъ явиться носителемъ права, то тѣмъ менѣе мы можемъ себѣ вообразить, какъ осуществитъ свои права народность, которая вообще не поддается опредѣленію... Мы не знаемъ, что подразумѣваетъ законодатель подъ словомъ «народности», затѣмъ не указано, сколько народностей въ Австріи; наконецъ, отсутствуетъ указаніе, въ какомъ смыслѣ и какимъ образомъ народность можетъ быть носительницей права» *). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Шпрингеръ говоритъ: «Какъ извѣстно, національности въ Австріи не существуютъ, какъ юридическія лица; ихъ коллективное бытіе вообще не нормировано правомъ. Дѣйствующее право не знаетъ націи, оно считается съ національностью лишь какъ съ отличительнымъ признакомъ индивидуума. Ничего иного наше законодательство не знаетъ... Правовое положеніе націи въ высшей степени жалкое... Австрійскій государственный основной законъ, построенный на принципѣ атомистическаго индивидуализма, не остается вѣрнымъ до конца даже этому принципу. Парадоксально дѣлать отдѣльную личность носителемъ національныхъ интересовъ, неразрывно связанныхъ именно съ жизнью всей національкой группы, и § 19 является, поэтому, лишь предвозвѣстникомъ того золотого вѣка, когда наступитъ истинное равноправіе; этотъ § есть своего рода блестящій законодательный фееверкъ, который «свѣтитъ, да не грѣетъ» **).

Такъ обстоитъ дѣло съ § 19 австрійской конституціи, представляющимъ собою, какъ было уже замѣчено, лучшее мѣсто въ памятникахъ европейскаго законодательства по національному праву. Отсюда очевидна явная необходимость въ выработкѣ системы національнаго права. При этомъ, изъ необходимости признанія націи лицомъ, субъектомъ правъ вытекаетъ предварительная необходимость въ опредѣленіи самого понятія націи. Если нація—лицо, за которымъ мы готовы признать сумму опредѣленныхъ правъ и вытекающихъ изъ нихъ обязанностей, то, естественно, необходимо дать точное представленіе о природѣ и содержаніи этого субъекта, равно какъ опредѣлить его основныя черты и особенности, отличающія его отъ смежныхъ понятій. Юристы и соціологи, работавшіе по данному вопросу, въ цѣляхъ выработки правильнаго опредѣленія понятія націи, пользовались прежде всего, такъ сказать,

*) Rud. Springer. Staat und Nation. Wien 1899, русскій переводъ «Государство и нація», съ приложеніемъ статьи М. Б. Ратнера «О національной и территоріальной автономіи». Кн-во «Серпъ», 1906, стр. 39.

**) Rud. Springer. Der Kampf der Oesterreichischen Nationen um den Staat, S. 8,20.

методомъ исключенія. Они доказывали, что ни одинъ изъ обычно приписываемыхъ націи объективныхъ признаковъ не можетъ служить опредѣляющимъ, конституитивнымъ моментомъ этого понятія. Такъ, часто языкъ признается характернымъ признакомъ націи. И, тѣмъ не менѣе, по мѣткому выраженію Ренана, «языкъ приглашаетъ соединиться, но не принуждаетъ къ этому». Соединенные Штаты и Англія, испанская Америка и Испанія говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, но не образуютъ одной націи. Напротивъ, Швейцарія... насчитываетъ три или четыре языка... Пруссія, гдѣ теперь говорятъ только по-нѣмецки, нѣсколько вѣковъ тому назадъ говорила на языкѣ славянъ; въ галльскихъ странахъ говорятъ по-англійски; Галлія и Испанія говорятъ на первоначальномъ языкѣ Альбы-Лонги; въ Египтѣ говорятъ поарабски *). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и извѣстный нѣмецкій государствовѣдъ Еллинекъ. «Не можетъ служить прочнымъ отличительнымъ признакомъ націи языкъ — говоритъ онъ. Существуютъ разныя націи, говорящія на одномъ томъ же языкѣ (англичане—говорящіе по-англійски ирландцы — американцы, испанцы—говорящія по-испански американскія націи, португальцы-бразильцы, датчане—норвежцы и т. д.), какъ, съ другой стороны, существуютъ небольшія объединенныя общностью языка группы или части различныхъ по языку племенъ, которыя считаютъ себя не только политически, но и національно объединенными съ народами, говорящами на другихъ языкахъ, какъ, напр., баски-испанцы, бретонцы-французы, валійцы-англичане и др.»**). Такъ же, какъ Еллинекъ, смотритъ на даннный вопросъ и Нейманъ. «Въ языкѣ отражается, какъ часто доказывалось, характеръ націи. И этотъ характеръ находится подъ вліяніемъ языка...» Но возьмемъ обратную сторону, — замѣчаетъ авторъ. Развѣ португальцы и бразильцы составляютъ одну націю? Или испанцы и всѣ тѣ по-испански говорящіе, частью съ индіанской кровью, жители Центральной и Южной Америки—одна нація? А образованные люди, говорящіе въ Мексикѣ, Колумбіи, Эквадорѣ, Перу и т. д. по-испански, а въ Бразиліи попортугальски, не составляютъ ни тамъ испанской, ни здѣсь португальской націи ***). Такими разсужденіями, отрицающими опредѣляющее для націи значеніе языка, полна литература, какъ иностранная ****), такъ и русская *****).

---

*) Ernest Renan. Discours et conférences. Paris. Qu'est-ce qu'une nation., p. 298—299.

**) Д-ръ Еллинекъ. «Право современнаго государства». Спб., 1903, стр. 74.

***) Fr. Neuman. Volk and Nation. Leipzig, 1888, S. 56—9.

****) См., напр., Otto Bauer, Marx-Studien, B. II, S. 115—116, Prof. Lasarus, Was heisst national? Berlin, 1880, S. 12.

*****) См., напр., Вс. Даневскій. Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности, стр. 280—4. Х. Житловскій. Соціализмъ и національный вопросъ, кн-во «Серпъ», 1906, стр. 35—7.

То же слѣдуетъ сказать и о другомъ, часто указываемомъ, признакѣ націи—*расѣ*. Справедливо замѣчаетъ Ренанъ, что въ настоящее время «нѣтъ чистыхъ расъ, и что основывать политику на этнографическомъ анализѣ—значитъ превращать ее въ химеру. Самыя большія страны, Англія, Франція, Италія—это тѣ, въ которыхъ кровь наиболѣе перемѣшана» *). По мнѣнію Еллинека, признакомъ націи не можетъ служить естественая общность племени, такъ какъ всѣ современныя націи образованы изъ различныхъ, этнологически нерѣдко далеко отличныхъ другъ отъ друга племенъ. Такъ, современные итальянцы происходятъ отъ этрусковъ, римлянъ, грековъ, германцевъ, сарациновъ; французы—отъ римлянъ, галловъ, бриттовъ, германцевъ; русскіе представляютъ смѣшеніе многочисленныхъ славянскихъ и не-славьнскихъ племенъ; въ жилахъ американцевъ течетъ кровь почти всѣхъ расъ **). На тотъ же смѣшанный расовой характеръ современныхъ націй указываютъ и многіе другіе авторы ***). Каутскій по вопросу о вліяніи расы на національность остроумно замѣчаетъ: «Принадлежность къ той или другой націи не есть-ли нѣчто столь же опредѣленное, какъ и принадлежность къ извѣстной расѣ? Значительное число нашихъ буржуазныхъ идеологовъ отвѣчаютъ на эти вопросы утвердительно. Но на самомъ дѣлѣ, что можетъ быть смѣшнѣе какого-нибудь берлинскаго профессора, по происхожденію наполовину славянина, наполовину французскаго гугенота, можетъ быть, съ нѣкоторою примѣсью «семитической» крови—ибо кто теперь можетъ поручиться, что въ его жилахъ не течетъ капля этой крови?—что можетъ быть смѣшнѣе этого ублюдка, когда онъ трактуетъ о «нашихъ предкахъ», которые-де подъ предводительствомъ вождя херусковъ, Арминія, начали борьбу съ «наслѣдственнымъ вельшскимъ врагомъ», борьбу, продолжающуюся и по сей день! Какъ мало національность основывается на происхожденіи, можно видѣть изъ того, что въ составъ ея входятъ люди, принадлежащіе не только къ различнымъ расамъ. Венгерская нація состоитъ изъ арійцевъ, семитовъ и монголовъ. Еврейская національность, которая кажется столь рѣзко отграниченной отъ всѣхъ остальныхъ, представляетъ самые разнообразные типы: даже негрская кровь представлена въ ней» ****).

«Религія также не могла бы доставить достаточнаго основанія для учрежденія современной національности», — говоритъ Ренанъ. Теперь, уже нѣтъ массъ одинаково вѣрующихъ. Каж-

---

*) Renan, op. cit. p. 293—4.

**) Еллинекъ, цит. соч., стр. 74.

***) См., напр., D-r. Kronenberg. Ethische Präludien, München, 1905, S. 285. Kirchoff. Nation und Nationalität. Halle, 1905, S. 11—13. Lazarus, op. cit., S. 9. Bauer, op. cit., S. 117—119.

****) К. Каутскій. Національность нашего времени. Перев. съ нѣм., Спб., 1905, стр. 4—5.

дый вѣритъ по-своему, какъ можетъ, какъ хочетъ. Въ настоящее время нѣтъ государственной религіи: можно быть французомъ, англичаниномъ, нѣмцемъ, будучи католикомъ, протестантомъ, іудеемъ, не исповѣдывая даже никакого культа. Религія сдѣлалась совершенно индивидуальной *). Еллинекъ поясняетъ эту мысль словами: «Религія уже не есть теперь религія національная; къ одной и той-же націи могутъ принадлежать послѣдователи разныхъ религій» **). По словамъ Даневскаго, религія имѣла значительное вліяніе на народы древняго міра, еще большее въ средніе вѣка, когда она соединяла различныя національности и разъединяла индивидуумовъ одной національности. Религіозныя начала, имѣвшія въ древности, въ средніе вѣка громадное вліяніе на нравы, обычаи, законодательства и учрежденія, были могущественными факторами при образованіи національныхъ группъ. Но въ результатѣ исторіи распространенія религій оказалось, что одна и та же религія обнимаетъ часто многія національности, и, наоборотъ, и границы религіи не легко совпадаютъ съ границами націи» ***).

Гораздо болѣе серьезнымъ является вопросъ о вліяніи территоріи на націю. По мнѣнію Даневскаго, «для образованія національности, какъ независимаго политическаго тѣла, прежде всего необходима извѣстная, *опредѣленная территорія*, на которой живутъ и дѣйствуютъ солидарно индивидуумы, составляющіе населеніе страны. Національность всегда останется только культурнымъ понятіемъ, если она разсѣяна по различнымъ территоріямъ... Территорія, какъ физическая основа государственнаго бытія, всегда признавалась существеннѣйшимъ признакомъ государства». Но при этомъ, даже этотъ авторъ не доводитъ своего территоріалистическаго принципа до такъ называемой «теоріи естественныхъ границъ»: «теорія естественныхъ границъ падаетъ сама собою, такъ какъ національно-политическое тѣло не останавливается въ своемъ образованіи ни горами, ни рѣками. Національность можетъ перейти ихъ и можетъ не дойти до нихъ» ****). Но другіе авторы идутъ гораздо дальше въ отрицаніи территоріи, какъ необходимаго фактора образованія національности. По указанію Лазаруса, «на одной и той же территоріи находятся люди различныхъ національностей, и не только временно, какъ чужіе, но продолжительно, и, наоборотъ, люди одной и той-же національности живутъ на различныхъ территоріяхъ» *****). По словамъ Ренана, «территорія, какъ и раса, не создаетъ націи. Земля доставляетъ субстратъ, поле для борьбы и труда; человѣкъ доставляетъ душу. Человѣкъ весь проявляется

*) Renan, op. cit., p. 301—2.

**) Еллинекъ, цит. соч., стр. 74 см. также Lazarus, op. cit. S. 9.

***) Даневскій, цит. соч., стр. 287.

****) Даневскій, цит. соч., стр. 271—4.

*****) Проф. Lazarus, op. cit. S. 8.

въ созданіи того священнаго явленія, которое именуется народомъ» *).

Въ спорѣ, существующемъ по вопросу о связи территоріи съ національностью, имѣетъ большое значеніе наблюденіе надъ однимъ народомъ—евреями, давно потерявшими территоріальную самостоятельность и, однако, не только не утратившими національнаго единства, но, наоборотъ, поражающими міръ силой и живучестью своихъ національныхъ инстинктовъ. Выше мнѣ приходилось уже цитировать мнѣніе Каутскаго о еврейской національности, которая «столь рѣзко отграничена отъ другихъ» **).

Мало приходится распространяться о такихъ признакахъ по-

---

*) Renan, op. cit., p. 305.

**) Такое мнѣніе не единично въ исторической и соціологической литературѣ. Антропологъ *Хвольсонъ* констатируетъ, что „евреи представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и обособленныхъ антропологическихъ типовъ, удерживающій вѣками свои особенности, несмотря на различіе географическихъ и другихъ условій, при которыхъ ему приходилось и приходится существовать въ разныхъ частяхъ свѣта“. (*Д. Хвольсонъ*, ст. „Евреи“ въ Энциклопед. словарѣ *Брокгауза и Ефрона*). А извѣстная ученая изслѣдовательница Украины, *А. Я. Ефименко*, по тому же поводу говоритъ: „Евреи -народность совершенно исключительная. Будущая соціологія много почерпнетъ для своихъ положеній изъ ближайшаго знакомства съ ихъ исторіей и строемъ... Евреи сумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская?“ (*Александра Ефименко*. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Томъ II, Спб. 1905, ст. „Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII вѣка“, стр. 1).

Къ этому же мнѣнію о „кочевникахъ высшей культуры“ — евреяхъ примыкаетъ и еврейскій изслѣдователь *Х. Житловскій*. „Попробуемъ“, — говоритъ онъ,—„абстрагировать отъ немногочисленной группы ассимилировавшихся интеллигентовъ-евреевъ и спросить себя, къ какой-же національности, если не къ еврейской, принадлежатъ всѣ эти массы еврейскаго люда, населяющія Польшу, Литву, Венгрію, Буковину, Румынію, Украину, Уайтчепльскій кварталъ въ Лондонѣ и еврейское „гетто“ въ Нью-Іоркѣ,— всѣ эти милліоны людей, говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ, столь рѣзко отличающіеся во всей своей жизни отъ всѣхъ окружающихъ ихъ народовъ. (*Х. Житловскій*. „Соціализмъ и національный вопросъ“ стр. 46).

Пишущій эти строки всецѣло раздѣляетъ это мнѣніе о существованіи опредѣленной еврейской національности. Но справедливость обязываетъ его отмѣтить, что въ литературѣ по этому вопросу раздавались голоса противоположнаго свойства. Такъ *Даневскій* склоненъ отрицать за евреями, „соединившими въ себѣ всѣ признаки національности самобытной“ характеръ „независимаго политическаго тѣла“ (цит. соч., стр. 271). *Нейманъ* идетъ дальше и отрицаетъ уже за евреями, — по крайней мѣрѣ западноевропейскими,—признаки національности (op. cit., 82—91).

Въ новѣйшее время обратилъ на себя вниманіе аналогичнымъ мнѣніемъ,—опять-таки по отношенію къ западнымъ евреямъ,—*Отто Бауеръ* (op. cit., 366 — 81). Любопытно, что и Нейманъ, и Бауеръ не рѣшаются распространить свое мнѣніе на восточныхъ евреевъ, т. е. на главныя массы еврейской національности.

Обсужденіе этого вопроса выходитъ за рамки настоящей работы.

нятія націи, какъ государство, династія, общность интересовъ и общность историческихъ судебъ, нравы и обычаи и т. д.

Государство не можетъ служить необходимымъ элементомъ націи, такъ какъ не всѣ націи представляются государственно-объединенными, а нѣсколько націй или частей ихъ могутъ жить въ одномъ государствѣ. Съ другой стороны, націи могутъ существовать и безъ династическаго принципа, и даже націи, образованныя династіями, могутъ отдѣлиться отъ этихъ династій, не переставая, однако, существовать. Далѣе общность интересовъ существуетъ въ настоящее время между различными національностями, соединяя ихъ посредствомъ торговыхъ договоровъ и другихъ промышленныхъ связей, но не объединяя всѣхъ индивидуумовъ единствомъ націи. А общность историческихъ судебъ проявляется, какъ внутри единственнаго народа, такъ и между нѣсколькими народами, политически связанными между собою. Наконецъ, общіе нравы и привычки не могутъ идти въ счетъ, такъ какъ, съ одной стороны, внутри единой націи имѣются группы населенія съ различными нравами и привычками, а съ другой стороны, группы и классы населенія съ одними и тѣми же нравами и привычками насчитываются въ различныхъ національностяхъ *).

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ перечисленныхъ объективныхъ моментовъ, никакіе объективные моменты вообще неспособны служить въ качествѣ принциповъ, создающихъ понятіе націи. И это понятіе оказывается какъ-бы лишеннымъ всякой объективной основы, оторваннымъ отъ той внѣшней оболочки, которая позволяла бы въ каждомъ случаѣ, на основаніи вполнѣ осязательныхъ чертъ, констатировать наличность опредѣленной, строго отграниченной, ясно очерченной національности.

Но что же такое, въ концѣ концовъ, національность, нація? Въ чемъ сущность, истинное содержаніе, подлинная основа той коллективности, которая носитъ это названіе? Современная соціологія и юриспруденція даютъ на эти вопросы отвѣты въ полномъ согласіи съ приведеннымъ выше анализомъ. Разрывая связь между націей и какимъ-либо изъ объективныхъ моментовъ, наука приходитъ къ заключенію о *субъективной* природѣ анализируемаго понятія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Ренанъ, напримѣръ, говоритъ: «Нація—это духовный принципъ, результатъ глубокихъ усложненій исторіи, духовная семья, а не группа, опредѣляемая формой поверхности». «Нація—это душа, духовный принципъ... Нація, какъ индивидуумы, это результатъ продолжительныхъ усилій, жертвъ и самоотреченія». «Нація—это великая солидарность, устанавливаемая чувствомъ жертвъ, которыя уже принесены и которыя еще

---

*) Еллинекъ, цит. соч., стр. 74. Lazarus, op. cit., 8—9, 7—8. Renan, op. cit. p. 290—303. Х. Житловскій, цит. соч., стр. 48. Даневскій, цит. соч., стр. 285.

имѣютъ быть принесены въ будущемъ». «Великое скопленіе людей со здравымъ смысломъ и пылающимъ сердцемъ создаетъ моральное сознаніе, называемое націей» *). Еллинекъ говоритъ: «Нація не есть что-либо объективное, въ смыслѣ внѣшне существующаго. Она относится, напротивъ, къ обширному классу соціальныхъ явленій, которыя вообще не могутъ быть измѣряемы внѣшними мѣрилами. Нація есть нѣчто существенно субъективное, т. е. свойство опредѣленнаго содержанія сознанія. Группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ и потому отличными отъ другихъ людей, образуетъ націю» **). И въ такомъ-же родѣ имѣется въ литературѣ рядъ аналогичныхъ опредѣленій ***).

Неудовлетворительность этихъ опредѣленій, описывающихъ субъективную природу націй, но нисколько не выясняющихъ намъ ни объективнаго значенія, ни генезиса націи, такъ же очевидна, какъ очевидна намъ неудовлетворительность разобранныхъ выше опредѣленій націи по объективнымъ признакамъ. Варьируя эти опредѣленія и логически расчленивъ смежныя, родственныя, но не тождественныя понятія *націи* и *національности,* мы получимъ слѣдующія искомыя опредѣленія. Именно, на основаніи чисто субъективныхъ моментовъ понятія, мы приходимъ къ выводу о *національности,* какъ особой, внутренней индивидуальной природѣ существованія людей, и о *націи,* какъ группѣ лицъ, которая условіями своего совмѣстнаго историческаго существованія создала основы для проявленія такой индивидуальности.

Такимъ образомъ мы вправѣ построить слѣдующее опредѣленіе.

Національность—это духовная форма, въ которую отливается вся матерія соціально-исторической жизни народовъ, — форма, сообщающая этой жизни прелесть своеобразной, культурной красоты. Національность—это необходимый аттрибутъ нормальной человѣческой личности, это—альфа и омега правильнаго человѣческаго существованія, залогъ ея неустаннаго физическаго роста и духовнаго совершенствованія. Въ національности, какъ въ призмѣ преломляются всѣ индивидуальныя особенности, культурные задатки и моральныя блестки живой человѣческой личности ****).

Нація—это группа людей, которые, въ теченіе долгаго историческаго періода совмѣстнаго существованія, рѣшали или стремились рѣшать свои соціальныя задачи для себя и иначе, чѣмъ

---

*) Renan, op. cit., p. 305—310.

**) Еллинекъ, цит. соч., стр. 75.

***) См., напр., Neumann, op. cit., 61—74. Kronenberg, op. cit., 286. Bauer, op. cit., 130—1. Lazarus, op. cit., 17. Даневскій, цит. соч. стр. 293—296.

****) Цит. изъ моей статьи: „Современная постановка еврейскаго вопроса въ Россіи", въ сборникѣ: „Наканунѣ пробужденія". Спб. 1906, стр. 144.

другіе, вслѣдствіе чего у нихъ и выработались своеобразныя формы соціальнаго бытія—своя національность.

VI.

На вышеизложенныхъ общихъ положеніяхъ основана получившая въ послѣднее время громкую извѣстность, принадлежащая перу австрійскаго публициста Шпрингера, такъ называемая теорія *экстерриторіальнаго* національнаго права. Шпрингеръ примыкаетъ къ даннымъ выше опредѣленіямъ націи и національности. «Нація есть культурное цѣлое». «Подъ національностью разумѣется духовная и культурная общность съ болѣе или менѣе значительной литературой, какъ выраженіемъ этой общности». «Нація имѣетъ своимъ основаніемъ общность мыслей и чувствъ, т. е. относится къ внутренней сторонѣ человѣческой жизни» *). Словомъ, Шпрингеръ примыкаетъ къ опредѣленію націи, какъ группы людей, связанныхъ въ процессѣ совмѣстной исторической жизни единствомъ интересовъ и чувствъ. Въ виду этого нація въ такомъ пониманіи должна быть признана *юридическимъ лицомъ*, въ смыслѣ частноправовомъ и публично-правовомъ, т. е. она должна обладать полной правоспособностью, правомъ заключать сдѣлки, правомъ быть истцомъ и отвѣтчикомъ на судѣ и т. п.**) .Такимъ образомъ, для созданія національнаго права и устраненія національныхъ раздоровъ необходимо конституированіе національностей. Конституированіе національностей достигается путемъ образованія національныхъ союзовъ съ принудительнымъ характеромъ. Этотъ принудительный характеръ необходимъ, такъ какъ національный интересъ не есть интересъ этическій, какимъ является, напр., въ настоящее время религія. Гибель національности обозначаетъ для ряда ея поколѣній нужду и презрѣніе, и матеріальный эгоистическій интересъ каждаго отдѣльнаго индивидуума требуетъ сохраненія его національнаго союза. Матеріальное содержаніе національной жизни очень сильно и существенно разнится отъ содержанія религіозной жизни ***).

Какъ же рѣшается вопросъ о принадлежности къ той или другой націи, къ тому или другому національному союзу? Только путемъ объявленія индивидуума въ присутствіи компетентной власти о своемъ національномъ происхожденіи. Совершенно такъ же, какъ совершеннолѣтній выбираетъ свою религію свободно, а за несовершеннолѣтняго религія выбирается его попечителемъ. Вопросъ о принадлежности къ данной націи былъ предметомъ многочисленныхъ научныхъ изысканій, особенно трудную задачу составлялъ

*) Синонтикусъ, Государство и нація, стр. 45, 50, 52.
**) Springer, Der Kampf der Nationen, S. 39.
***) Ibidem, S. 73, 16—17.

онъ для статистики. Въ этомъ отношеніи замѣчательны дебаты петербургскаго международнаго статистическаго конгресса 1874 года. Опредѣленіе національности возможно троякимъ путемъ: 1) по этнологическимъ признакамъ, 2) по родному языку, 3) по разговорному языку. Конгрессъ остановился на третьемъ признакѣ по чисто практическимъ удобствамъ. Но теперь совершенно ясно, что ни одинъ изъ подобныхъ признаковъ не можетъ служить доказательствомъ принадлежности къ той или другой націи. И только свободное волеизъявленіе индивидуума должно считаться рѣшающимъ вопросъ *).

Такова природа личныхъ, персональныхъ, національныхъ союзовъ, добровольно образуемыхъ гражданами государства, но обладающихъ принудительной силой въ сферѣ ихъ компетенціи.

«Нація разсматривается, какъ собраніе одинаково мыслящихъ и говорящихъ на одномъ языкѣ людей, то есть какъ личный (персональный) союзъ и конституируется, какъ экстерриторіальная коллективная единица... Націи образуютъ организаціи, въ которыя входятъ всѣ члены націи, и только они, безъ различія занимаемой ими территоріи... Національные дѣла и вопросы автономно разрѣшаются и выполняются соотвѣтствующими національными организаціями... Націи, слѣдовательно, образуютъ, если можно такъ выразиться, экстерриторіальныя государства въ государствѣ» **).

Но «яблокомъ раздора» на пути дѣятельности экстерриторіальныхъ организацій является территорія. Территоріальный принципъ постоянно являлся источникомъ неразрѣшимыхъ конфликтовъ. Національность по своей внутренней природѣ не имѣетъ ничего общаго съ территоріей. Человѣкъ не теряетъ данныхъ національныхъ особенностей, покидая родную область; чужой ихъ не пріобрѣтетъ только оттого, что поселится на данной территоріи, или возьметъ нѣсколько сотъ гектаровъ ея поверхности въ приданное за женой... «Нація—это союзъ одинаково мыслящихъ и одинаково говорящихъ личностей. Это—культурная общность группы современныхъ людей не связанныхъ землей». Территоріальный принципъ гласитъ: кто живетъ въ моей области, тотъ подчиненъ моему господству, моему праву, моему языку. Этотъ принципъ есть выраженіе господства, а не равноправія. Отсюда—борьба національныхъ областей за «землю», отсюда «областная» политика и «національная геометрія» различныхъ народностей въ государствѣ. Но необходимо конструировать націи, не какъ области господства, а какъ союзы людей. Нація должна конструироваться, какъ союзъ людей на базисѣ современнаго демократизма, какъ организація правовой защиты а не какъ феодально-патримоніальная область господства ***).

---

*) Ibidem, S. 63—66.
**) Ibidem, S. 14.
***) Ibidem, S. 33—36.—Эти же соображенія см. въ новомъ трудѣ Rud.

Въ первобытныя времена, общество представляетъ собой личный союзъ, покоящійся на кровномъ родствѣ. Необходимость переселеній, кочевая жизнь не допускаетъ установленія какихъ либо прочныхъ связей съ территоріей. Большія восточныя монархіи, римская имперія являются первыми крупными территоріальными державами. Далѣе въ историческомъ порядкѣ слѣдуетъ міровое государство Каролинговъ, которое объединило много племенъ, но не уничтожило ихъ національнаго права. Римскій провинціалъ сохранялъ свое національное право. Судья, прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію спорнаго вопроса, спрашивалъ его: «Quo jure vivis?» По какимъ правовымъ нормамъ живешь ты? Въ отвѣтъ сторона дѣлала заявленіе о своемъ національномъ происхожденіи, и послѣ этого судья уже зналъ, какими юридическими нормами онъ долженъ руководствоваться при разбирательствѣ тяжбы. Такимъ образомъ, здѣсь персональный принципъ выступалъ въ своемъ чистомъ видѣ. Современное государство, вмѣсто этого, выставляетъ территоріальный принципъ: если ты живешь на моей территоріи, то подчиняешься моей власти, моему праву, моему языку. «Это—форма отношенія господства и подчиненія, а не равноправія; господство осѣдлаго надъ пришельцемъ, владѣльца, крѣпко держащагося за свою собственность, надъ неимущимъ, который долженъ слѣдовать за спросомъ, въ лучшемъ случаѣ—господство большинства надъ меньшинствомъ». Нація, какъ цѣлое, не выигрываетъ отъ этого господства. Вслѣдствіе внутреннихъ передвиженій и тѣсныхъ экономическихъ связей, устанавливающихся между отдаленнѣйшими частями человѣчества, одна маленькая нація не можетъ замкнуться въ опредѣленныхъ и къ тому-же столь тѣсныхъ границахъ отдѣльной территоріи. «Всѣ элементы, которые выходятъ за предѣлы своей отечественной территоріи, какъ «чужаки», безправны... Территоріальный принципъ включаетъ въ себя безграничныя привилегіи для «своихъ» и безпощадное давленіе власти для «чужихъ», гнетъ надъ меньшинствомъ чужихъ національныхъ группъ со стороны владѣющихъ классовъ, издавна пользующихся осѣдлостью. Онъ сковываетъ національную мысль и во многихъ отношеніяхъ является антинаціональнымъ». «Отсюда необходимо дать національностямъ правильную организацію, облечь ихъ правами и обязанностями и заявить: каждый членъ всякой національной группы пользуется во всѣхъ частяхъ имперіи защитою, оказываемою его націи, и несетъ возложенныя на нее обязанности. Короче говоря: персональный принципъ, а не территоріальный, долженъ быть принятъ за основное руководящее правило; націи должны быть конституированы, не какъ территоріальные организмы, а какъ персональные союзы, не какъ государства, а какъ

Springer. Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie. Wien 1906, S. 195—201.

народы, не на основаніи словесныхъ опредѣленій государственнаго права, не на основаніи живыхъ нормъ народнаго права» *).

Такова въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ та система національныхъ правъ, которой присвоено наименованіе *экстерриторіальной національной автономіи.* Съ проповѣдью этой идеи, въ ея зачаточномъ состояніи, выступила впервые южно-славянская партія въ Австріи, гдѣ она была развита въ пражскомъ журналѣ Akademiker **). Юридическое же обоснованіе придалъ ей Рудольфъ Шпрингеръ. Легко видѣть истинную сущность и отличительныя черты этой концепціи, выросшей въ значительной мѣрѣ на почвѣ борьбы съ противоположной ей идеей—автономіей областной, территоріальной. Источникомъ правъ,—національныхъ правъ,—здѣсь служитъ не внѣшняя случайная черта—проживаніе на опредѣленной территоріи, а признакъ внутренній, личный—сознательное и добровольное существованіе въ предѣлахъ даннаго національнаго союза, обусловленное, поэтому, подлинными, соціальными интересами и потребностями. Вотъ почему національную автономію называютъ еще часто автономіей *личной*, *персональной.* Идея національной автономіи, исходя изъ жизненно-важной теоретической концепціи—національнаго союза, сильнаго своимъ внутреннимъ единствомъ, а не случайнымъ признакомъ нахожденія на опредѣленной территоріи, ограждая интересы наиболѣе угнетаемыхъ національныхъ меньшинствъ, начинаетъ невольно привлекать умы политическихъ дѣятелей, ищущихъ выхода изъ гнетущихъ національныхъ конфликтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—это единственное рѣшеніе національнаго вопроса, которое можетъ быть согласовано съ высшимъ выраженіемъ соціальной мысли — съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ. Какъ было отмѣчено въ резолюціи, предложенной Брюннскому партейтагу комитетомъ южно-славянской соціалдемократической партіи, «установившаяся точка зрѣнія на австрійскій національный вопросъ ложна, ибо въ ней смѣшивается понятіе о націи съ понятіемъ о территоріи... Между тѣмъ, живая нація никогда не можетъ отождествляться съ мертвымъ географическимъ факторомъ—ограниченной территоріей» ***).

Отрицательное отношеніе къ территоріальному принципу постепенно становится господствующимъ и въ тѣхъ сферахъ россійской соціалдемократической мысли, которыя наиболѣе заинтересованы въ разрѣшеніи національной проблемы. Бундовскій авторъ, г. В. Медемъ, по этому поводу говоритъ: «Территоріальная автономія, какъ отвѣтъ на національный вопросъ, и до сихъ поръ служитъ лозунгомъ болѣе популярнымъ, чѣмъ національная автономія. Ложныя традиціи территоріализма, ошибочно переносимаго

---

*) Ibidem, S. 58—61.

**) См. объ этомъ рѣчь Криштана на Брюннскомъ партейтагѣ („Дебаты по національному вопросу на Брюннскомъ партейтагѣ", стр. 49).

***) Тамъ же, стр. 75.

въ область національнаго вопроса, служатъ причиной этого представленія. Отъ этихъ традицій нужно отказаться». «Та коллективная единица въ которой мы видимъ залогъ мирнаго разрѣшенія вопроса, должна быть не территоріальной, не областной, а національной» *). Въ томъ же духѣ, но еще болѣе рѣзко, высказывается Т. Гейликманъ. Въ его изображеніи «буржуазной» идеѣ территоріальной автономіи «должны быть противопоставлены конкретные лозунги пролетаріата». Въ сферѣ національныхъ отношеній такимъ пролетарскимъ лозунгомъ должна явиться идея національной автономіи, къ которой Гейликманъ вполнѣ и всецѣло присоединяется **).

Глубже и осторожнѣе ставитъ вопросъ Каутскій. Онъ совершенно правъ, когда говоритъ: «Автономія территоріальная вполнѣ совмѣстима съ духомъ буржуазнаго общества, ибо она отдѣляетъ одну націю отъ другой, создавая изъ каждой особый индивидъ. Мирное же сожительство націй, живущихъ въ перемежку, не имѣющихъ возможности разграничить свои сферы дѣйствія, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ существѣ буржуазнаго общества, основой котораго является конкуренція, антагонизмъ различныхъ слоевъ народа...». «Въ Россіи, какъ и на Балканскомъ полуостровѣ, въ Малой Азіи, въ Австріи есть немало крупныхъ областей, которыя заняты не исключительно одной національностью, а въ которыхъ живетъ нѣсколько націй, образуя пеструю смѣсь, такъ что территоріальное ихъ разграниченіе совершенно невозможно... Въ Австріи же былъ сдѣланъ цѣлый рядъ весьма остроумныхъ предложеній, какъ скомбинировать самоуправленіе территоріи съ самоуправленіемъ отдѣльныхъ націй, да и въ организаціи австрійской соціалдемократической партіи мы находимъ осуществленіе одновременно обоихъ этихъ видовъ автономій. Тѣмъ не менѣе, и несмотря на то, что Австрія гибнетъ изъ-за своихъ національныхъ распрей, ея буржуазныя партіи упорно отворачиваются до сихъ поръ отъ идеи національной автономіи» ***).

Вопросъ о томъ, «какъ скомбинировать самоуправленіе территоріи съ самоуправленіемъ отдѣльныхъ націй», дѣйствительно, представляетъ самую важную и трудную проблему автономіи. Ибо вопреки неглубокимъ разсужденіямъ г.г. Медема, Гейликмана и другихъ многочисленныхъ бундовскихъ авторовъ, и при проведеніи принципа національной автономіи территоріализмъ отнюдь не теряетъ своей силы и жизненности. Обращаясь къ анализу взгляда на взаимное отношеніе автономій національной и территоріальной, необходимо прійти къ заключенію, что строгое и исключительное

---

*) В. Медемъ „Соціалдемократія и національный вопросъ", изд. „Трибуна". Стр. 55—56 Спб. 1906 г.

**) Т. Гейликманъ: „Національный вопросъ и пролетаріатъ", статья въ сборникѣ „Итоги и перспективы", 1906 г., стр. 122.

***) К. Каутскій «О національномъ вопросѣ въ Россіи», изд. «Трибуна», Спб. 1906 г., стр. 63—64.

противопоставленіе этихъ двухъ видовъ автономіи оказывается фактически недопустимымъ. И его не выдерживаетъ даже Шпрингеръ, съ именемъ котораго обычно связывается какъ бы открытіе идеи національной автономіи *). Перелистывая брошюру Шпрингера «Государство и нація», мы увидимъ, что въ кажущееся противорѣчіе съ ея основнымъ взглядомъ автору ея оказывается не чуждымъ опредѣленное тяготѣніе къ принципу автономіи областной, территоріальной. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Шпрингеръ, не обинуясь, заявляетъ: «Гдѣ территоріальныя границы національностей рѣзко обозначены, тамъ, конечно, государственный механизмъ гораздо проще, ибо одинъ и тотъ же организмъ является носителемъ и исполнителемъ всѣхъ суверенныхъ правъ». Далѣе, въ другомъ мѣстѣ брошюры говорится: «Конечно, народъ не можетъ существовать безъ территоріи; отсюда только слѣдуетъ, что внутренняя организація народа должна происходить сообразно съ территоріальнымъ разселеніемъ его. И если персональный принципъ положенъ въ основаніе отдѣленія одной націи отъ другой и объединенія въ цѣлое каждой изъ нихъ, то принципъ территоріальности сыграетъ важную роль въ качествѣ организующаго начала». И наконецъ: «Мы отнюдь не пытались этимъ доказать, что территоріальный принципъ, самъ по себѣ, непримѣнимъ и противорѣчивъ. Напротивъ, онъ представляетъ собою формулу для построенія національнаго государства. Національное государство представляетъ собою государственный строй съ наименьшимъ внутреннимъ треніемъ; оно естественно представляетъ *идеалъ каждой націи* (курсивъ мой— М. Р.), по крайней мѣрѣ, такихъ, которымъ ученые не отказываютъ въ «активномъ» національномъ самосознаніи» **).

Совершенно въ томъ же духѣ, но въ еще болѣе яркой и обоснованной формѣ, высказывается авторъ ученія національной автономіи и въ своемъ большомъ изслѣдованіи по національному вопросу. Я приведу мысли и оттуда для того, чтобы доказать, что въ устахъ Шпрингера всѣ эти разсужденія о значеніи территоріализма не являются простой обмолвкой, а составляютъ интегральную часть его воззрѣнія.

«Государство и управленіе имъ»,—говоритъ Шпрингеръ—«со-

---

*) Вѣрно то, что Шпрингеру принадлежитъ трудъ наибольшаго обоснованія идеи національной автономіи, но мы уже встрѣтились съ заявленіемъ Криштана о томъ, что эту идею еще раньше Шпрингера развили южные славяне въ пражскомъ журналѣ Akademiker. Польскій писатель К. Кульчицкій, помѣщая въ своей книгѣ «Автономія и федерація» главу объ «экстерриторіальной національной автономіи», въ свою очередь, замѣчаетъ: «въ вопросѣ объ экстерриторіальной національной автономіи, я впервые формулировалъ свои взгляды, не будучи совершенно знакомъ съ трудомъ Шпрингера, на лекціяхъ о сущности націи, организованныхъ въ Краковѣ народнымъ университетомъ имени Мицкевича». К. Кульчицкій. «Автономія и федерація», М. 1907, стр. 128.

**) Синонтикусъ. Государство и нація, стр. 53, 56, 58.

вершенно неотдѣлимы отъ территоріи, и все противорѣчивое въ національномъ вопросѣ объясняется именно этимъ расхожденіемъ между необходимостью «территоріализировать» государство и «персонализировать» націю *). Персональный принципъ отрицаетъ не территорію вообще, а лишь *историческія* территоріи. Уничтоженіе, отрицаніе исторически-территоріальныхъ традицій—это главная задача персональнаго принципа. Но когда государство установитъ областное дѣленіе, удобное для административныхъ цѣлей, персональный принципъ будетъ приведенъ въ соотвѣтствіе съ нимъ. Персональный принципъ долженъ принаровиться къ административному дѣленію. Но это очень легко сдѣлать, ибо почти девять десятыхъ округовъ, образованныхъ для административныхъ нуждъ несомнѣнно будутъ одноязычными, или же національное меньшинство въ нихъ будетъ такое незначительное, что имъ можно будетъ пренебречь. Въ смѣшанныхъ округахъ вступаетъ въ силу раздѣленіе гражданъ на національныя (персональныя) группы **). Вообще же «самымъ важнымъ и почти во всѣхъ вещахъ неотъемлемымъ организующимъ принципомъ является опредѣленная территорія». Въ современномъ большомъ государствѣ для персональныхъ союзовъ необходима еще и территоріальная организація. Отсюда слѣдуетъ, что если территорія не составляетъ конститутивнаго фактора организаціи, то всюду и въ одинаковой мѣрѣ служитъ весьма важнымъ организующимъ и безусловно необходимымъ базисомъ всякой государственной жизни. Государство въ интересахъ господства надъ своимъ милліоннымъ народомъ организуетъ территоріальные союзы. Такимъ образомъ, государственное управленіе не отрывается отъ почвы своей территоріи; болѣе того, государство послѣ, какъ и раньше, остается территоріально постоянной организаціей» ***).

Такимъ образомъ, торжество персональнаго принципа нисколько не искажаетъ и не колеблетъ значенія принципа территоріальнаго: національное государство, предполагающее государственный строй съ наименьшимъ треніемъ внутреннихъ его частей, составляетъ, разумѣется, идеалъ каждой націи. Территоріальный принципъ остается цѣлесообразнымъ для большихъ объединенныхъ національныхъ государствъ, но не примѣнимымъ къ государству національностей ****). Наконецъ, въсвоемъ крайнемъ выраженіи персональный принципъ приводилъ бы къ нѣкоторымъ неудобствамъ. «Персональный принципъ, проведенный до своихъ крайнихъ послѣдствій, имѣлъ бы своимъ результатомъ образованіе въ Австріи восьми національныхъ союзовъ безъ всякаго отношенія къ мѣстопребыванію націи». «Но

*) Rud. Springer. Der Kampf der Nationen, S. 40.
**) Ibidem, S, 43.
***) Ibidem, стр. 49, 51—3.
****) Ibidem, 62, 90.

такой результатъ»,—замѣчаетъ самъ же Шпрингеръ,—«невозможенъ и не желателенъ для государства и націи. Національный союзъ долженъ быть расчлененъ территоріально» *).

Болѣе конкретно ту же мысль Шпрингеръ выражаетъ слѣдующимъ образомъ. Внутренняя организація національности должна быть сообразована съ территоріальной плотностью населенія; люди одной національности, живущіе въ одномъ округѣ или области, образуютъ *національную общину*, владѣющую имуществомъ, облеченную публичными гражданскими правами и правомъ самообложенія. Извѣстное число такихъ общинъ, объединившихся культурно и территоріально, образуютъ національный *округъ*, имѣющій такой же циклъ правъ, что и община. Наконецъ, совокупность этихъ округовъ даетъ *націю*. Она также есть субъектъ публичнаго и гражданскаго права **). Въ результатѣ получается то, что я называю «тройственной формулой» законодательства и управленія: 1) учрежденія *общегосударственныя*, вѣдающія общегражданскія дѣла, относящіяся ко всѣмъ областямъ и народамъ страны; 2) учрежденія *областныя*, *территоріальныя*, вѣдающія дѣла данной области въ отношеніи всѣхъ націй, ее населяющихъ; 3) учрежденія *національныя*, въ кругъ вѣдѣнія которыхъ входятъ исключительно національные интересы, связанные только съ данной національностью, не затрагивающіе интересовъ другихъ національностей.

Въ такомъ именно видѣ теорія экстерриторіально-національной автономіи является нынѣ весьма распространеннымъ ученіемъ, направленнымъ къ разрѣшенію національной проблемы. Это ученіе въ новѣйшее время принято и Отто Бауеромъ въ его цитированномъ сочиненіи и извѣстнымъ австрійскимъ ревизіонистомъ Фр. Гертцомъ ***).

Въ изложенной аргументаціи Шпрингера рѣзко отдѣлены другъ отъ друга идеи *территоріальной областной* и *экстерриторіальной національной* автономіи. Несмотря на нѣкоторую спутанность изложенія, заслуга Шпрингера велика. Дѣло въ томъ, что****) въ попыткахъ разрѣшенія національнаго вопроса весьма часто у насъ допускалось и допускается теперь одно крупное недоразумѣніе. Вопросъ просто отожествляется съ другимъ, не менѣе важнымъ, но совершенно отъ него отличнымъ вопросомъ—областнымъ. Вслѣдствіе ли просто невыясненности соотвѣтствующихъ понятій и неумѣнія ихъ должнымъ образомъ различать, или же, вѣрнѣе, потому,

---

*) Ibidem, 180—181.

**) Синонтикусъ, цит. соч., стр. 59.

***) См. Фр. Гертцъ „Соціализмъ и національный вопросъ". (Задачи соціалистической культуры. Сборникъ статей. Спб. 1907 г.). Есть и отдѣльное изданіе.

****) Въ дальнѣйшемъ дается изложеніе вопроса по статьѣ М. Борисова „Наши задачи" въ сборникѣ первомъ „Серпъ", М. 1907, стр. 10—13, 27—8.

что въ порядкѣ историческаго возникновенія на русской почвѣ національный вопросъ, какъ вполнѣ законченная и самостоятельная проблема, со всѣми свойственными ей мучительными треніями и рѣжущими конфликтами, далъ себя почувствовать въ территоріально-отграниченныхъ областяхъ—въ Польшѣ, на Украинѣ, на Кавказѣ—но фактъ тотъ, что въ эволюціи русскаго общественнаго сознанія и въ исторіи русскаго общественнаго движенія понятіе національнаго и областного вопросовъ, разрѣшаемыхъ въ смыслѣ національной и областной автономіи, слились въ одно нераздѣльное цѣлое.

Мы назвали это смѣшеніемъ понятій и притомъ незаконнымъ. Силою самыхъ простыхъ соображеній и вполнѣ очевидныхъ фактовъ эта мысль можетъ быть доказана съ непререкаемою убѣдительностью. Областная автономія—это разумная мѣра внутренней политики, диктуемая ясно сознанною историческою необходимостью въ странѣ, гдѣ самая широкая и демократически организованная децентрализація является лучшимъ средствомъ борьбы съ застарѣлою язвою бюрократическаго режима—централизмомъ въ законодательствѣ и управленіи. Областная автономія представляетъ собою, поэтому, наболѣвшій и очередной вопросъ внутренней политики, разрѣшеніе котораго приведетъ къ оздоровленію всѣхъ сторонъ мѣстной жизни, возрожденной на широкихъ демократическихъ началахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для тѣхъ народностей, размѣщеніе которыхъ совпадаетъ съ распредѣленіемъ государственной территоріи на рѣзко очерченныя въ географическомъ отношеніи области, осуществленіе мѣстной, областной автономіи попутно приведетъ и къ удовлетворенію ряда насущныхъ національныхъ потребностей. Автономія Польши означала бы полонизацію всѣхъ сторонъ краевой жизни и тѣмъ самымъ привела бы къ удовлетворенію жгучихъ потребностей польскаго народа, вѣками угнетеннаго и вѣками борющагося за свою національную свободу. То же самое имѣло бы мѣсто по отношенію къ малорусской народности, въ случаѣ осуществленія автономіи Украины, гдѣ національный гнетъ и порабощеніе милліоновъ коренного населенія достигли издавна чудовищныхъ размѣровъ. И все же можно ли разсматривать автономію Польши или Украины, какъ реальный способъ разрѣшенія всего національнаго вопроса въ предѣлахъ даже этихъ областей, или въ отношеніи только польскаго или украинскаго народовъ? Вѣдь въ Польшѣ обитаютъ, помимо поляковъ, другіе народы, и съ полонизаціей края особыя національныя потребности этихъ народностей не только не будутъ утолены, но, наоборотъ, достигнутъ, быть можетъ, наибольшей интенсивности. То же самое и на Украинѣ. Съ другой стороны, и поляки, и малороссы сосредоточены не только въ Польшѣ или Украинѣ, но разсѣяны большими массами въ другихъ областяхъ Россіи. Автономія Польши не уничтожитъ, поэтому, польскаго вопроса въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а въ автономной Украинѣ все же будутъ перемѣшаны между собою національности:

великорусская, малорусская, польская, еврейская и др., нуждающіяся въ точномъ размежеваніи взаимно-переплетающихся и сталкивающихся національныхъ интересовъ. Наконецъ, что дастъ, что въ состояніи дать самая широкая областная автономія тѣмъ національностямъ, которыя давно вышли изъ рамокъ территоріальной отграниченности и разсѣяны среди другихъ народностей повсемѣстно въ предѣлахъ государства. А вѣдь и у этихъ національностей существуютъ свои насущныя національныя потребности, нужды, интересы и никакая истинно-демократическая организація не вправѣ отказывать имъ въ необходимой защитѣ, разъ своеобразными судьбами не отъ нихъ зависящаго неумолимаго историческаго процесса они оказались оторванными отъ земли своихъ предковъ, гдѣ размѣстились другіе народы, и гдѣ созрѣли новыя національныя потребности.

Ясно, что областной вопросъ не покрываетъ собою вопроса національнаго, что областная и національная автономія—двѣ совершенно самостоятельныя идеи.

Теперь остаются еще вопросы: какова необходимая организація вновь конструируемыхъ національныхъ учрежденій? Каковъ непосредственный предметъ и границы ихъ компетенціи?

Отвѣтъ на эти вопросы логически вытекаетъ изъ нашего теоретическаго опредѣленія понятія націи и роли національнаго фактора въ общественной жизни.

Какъ своеобразная, многосторонняя общественная связь, не поддающаяся точному объективному опредѣленію и охватывающая различныя стороны народнаго организма, выдвинутыя реальнымъ ходомъ историческаго процесса даннаго народа, данной націи,—содержаніе національной жизни не можетъ быть фиксировано, не можетъ быть пріурочено къ опредѣленнымъ моментамъ. Нельзя сказать разъ навсегда по отношенію ко всѣмъ народамъ: вотъ что составляетъ содержаніе національной жизни вообще, вотъ граница, отдѣляющая національные интересы отъ интересовъ общихъ и т. д. Наоборотъ, своеобразныя историческія судьбы каждаго народа въ отдѣльности, въ связи съ условіями данной политической среды, его окружающей, создаютъ естественныя индивидуальныя границы отдѣльной національной жизни и опредѣляютъ степень интенсивности отдѣльныхъ національныхъ потребностей. Какъ мы уже говорили, національный гнетъ проникаетъ всѣ стороны жизни угнетенной націи, отражаясь съ особенной силой тамъ, гдѣ въ данный моментъ сосредоточивается общественная борьба. Но непосредственно національный гнетъ можетъ проявляться съ особенной силой и яркостью въ различныхъ областяхъ. Такъ, напр., чудовищный національный гнетъ, развиваемый россійскимъ централизмомъ, выражается не въ одинаковой формѣ по отношенію ко всѣмъ народностямъ и поражаетъ не въ одинаковой мѣрѣ различныя стороны народной жизни. Подъ давленіемъ этого гнета для современ-

ной Польши національный вопросъ ярче всего проявляется, какъ проблема политической и отчасти культурной автономіи; напротивъ, Украина была всегда наиболѣе наглядно попираема въ своихъ элементарныхъ культурныхъ потребностяхъ, а евреи, испытывающіе сравнительную «свободу» въ своей національно-культурной жизни, чувствуютъ вліяніе національнаго гнета во всѣхъ сферахъ соціальной жизни, преимущественно же въ области экономическихъ и политическихъ отношеній. Задача законодателя, идущаго навстрѣчу дѣйствительнымъ народнымъ нуждамъ, уловить эту колеблющуюся гамму національныхъ нестроеній, и въ примѣненіи къ реальнымъ историческимъ и бытовымъ условіямъ каждаго народа, въ соотвѣтствіи съ его подлинной народной волей конструировать строй національныхъ отношеній. Ниже мы покажемъ путь такого реальнаго строительства на примѣрѣ нѣкоторыхъ національныхъ программъ.

VII.

Я сказалъ, что идея областной автономіи, покрывая собой идею автономіи національной, пользовалась и пользуется большой популярностью въ русскихъ общественныхъ кругахъ.

И дѣйствительно, идея областной автономіи ярко свѣтитъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ русской соціалистической мысли. Такъ, въ рѣчи на конгрессѣ «Лиги мира и свободы», 1868 г., Бакунинъ говорилъ:

„Лига признаетъ національности, какъ естественный фактъ, имѣющій безспорное право на существованіе и свободное развитіе... Права національностей будутъ всегда разсматриваться лигой, лишь какъ естественное слѣдствіе, вытекающее изъ высшаго принципа свободы...

Признаніе абсолютнаго права къ полной автономіи за всякой націей, большой или малой, за всякомъ народомъ, слабымъ или сильнымъ, за всякой провинціей, за всякой коммуной, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы внутреннее устройство одной изъ перечисленныхъ единицъ не являлось бы угрозой и опасностью для автономіи и свободы сосѣднихъ земель“ *).

И, однако, въ своихъ практическихъ выводахъ Бакунинъ, ратовавшій за автономію всякой націи, большой и малой, всякаго народа, слабаго или сильнаго, высказываетъ слѣдующее пожеланіе:

„Хотимъ самоуправленія народнаго—общиннаго, волостного, уѣзднаго и, наконецъ, государственнаго... Чтобы не было въ Россіи чиновничества, и чтобы централизація бюрократическая замѣнилась вольной областной федераціей.

Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, финнамъ и латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была бы возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

---

*) М. А. Бакунинъ. Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 54—5.

Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго союза съ Польшей, Литвой, Украиною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края“ *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ практическомъ смыслѣ для Бакунина идея національной свободы покрывается идеей областного характера—федераціей.

Герценъ писалъ въ 1859 г. въ своемъ второмъ письмѣ къ польскому патріоту:

„У насъ, людей изгнанія, печальныхъ свидѣтелей столькихъ неудачныхъ сочетаній и распаденій, не можетъ, не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщикомъ, что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... Что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ.

„Развяжемъ же имъ руки, развяжемъ же имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнувъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ правежъ къ вамъ, или, если умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и независимость отъ обоихъ.

„Вотъ почему я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ, и никто никому не принадлежитъ. Федеральныя единства могутъ даже существовать при такомъ антагонизмѣ, какой народился между Сѣверными Штатами и Южными въ Америкѣ. Централизація жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фронту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Бонапартомъ“ **).

И, тѣмъ не менѣе, этотъ высоко цѣнящій федерализмъ Герценъ писалъ въ «Колоколѣ» о національныхъ движеніяхъ своего времени:

„По отношенію къ національнымъ болѣзнямъ послѣдняго времени мы всегда держались индифферентно, но мы не выступаемъ враждебно противъ нихъ. Онѣ, вѣроятно, принадлежатъ къ физіологической линіи развитія. Но мы не можемъ забыть того, что онѣ вытѣсняли революціонныя и соціальныя движенія и до того затемняли умы народовъ и личностей, что во имя ихъ Гарибальди и Бисмаркъ... могли очутиться въ одномъ станѣ. Противъ національныхъ движеній не слѣдуетъ бороться, но не слѣдуетъ и воодушевляться во имя ихъ. Въ нихъ проявляется низшая ступень человѣческаго стремленія къ общественности, къ соединенію со „своими“ противъ „чужихъ“... Элементарное стремленіе группироваться по зоологическимъ признакамъ представляетъ дѣтскую фазу развитія, и бороться противъ этой фазы было бы равносильно борьбѣ противъ молочныхъ зубовъ“ ***).

Такое же игнорированіе національнаго вопроса, при полномъ вниманіи къ вопросу областному, къ идеѣ федераціи проходитъ

---

*) Тамъ же, стр. 231—2.

**) Цитир. въ ст. В. Поссе „Національная автономія и всемірная федерація“, „Библіотека рабочаго“, № 3, стр. 51—52.

***) Цит. Х. Житловскаго, Соціализмъ и націальный вопросъ, стр. 64.

красной нитью черезъ всю раннюю русскую нелегальную литературу. Такъ въ распространенномъ въ 1861 году въ Россіи № 2 листка «Великоруссъ» говорится:

„Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться одними, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполнѣ признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою. Но вопросъ о Южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе южноруссовъ. Вопросъ о Польшѣ уже требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно—выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса народа или говоритъ по-польски, или привязана къ прежней уніонистской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя поляковъ, то польскій духъ“ *).

Итакъ, начавъ съ готовности «признать права національностей», авторы прокламаціи занялись исключительно разговорами о Польшѣ и Южной Руси, т. е. о двухъ крупныхъ вопросахъ областного устройства Россіи.

Еще рельефнѣе обстоитъ дѣло въ вышедшей въ 1862 г., надѣлавшей много шума, прокламаціей «Молодая Россія». Въ числѣ требованій мы здѣсь находимъ слѣдующія:

„Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

„Мы требуемъ, чтобы, кромѣ Національнаго Собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли русской, которое должно собираться въ столицѣ, были бы и другія Областныя Собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней. Національное Собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областныя Собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются“ **).

Здѣсь уже опредѣленно выставляется требованіе областного федеративнаго устройства Россіи.

Въ вышедшемъ въ мартѣ 1878 г. «Началѣ» сказано, что этотъ «органъ будетъ заниматься... критикой явленій существующаго общественнаго строя съ освѣщеніемъ, съ точки зрѣнія принциповъ соціализма, фактовъ текущей жизни». И въ объясненіе «принциповъ соціализма» въ передовой статьѣ № 1 говорится:

---

*) Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ г.г., под. ред. В. Богучарскаго, стр. 21.

**) Тамъ же, стр. 43—5.

„Принципы соціализма—это интернаціональное знамя; воплощеніемъ ихъ въ общественномъ строѣ долженъ закончиться, быть можетъ, вѣковой процессъ соціальнаго переворота; они, какъ путеводная звѣзда, должны быть нашимъ руководящимъ началомъ. Въ этомъ смыслѣ мы признаемъ:

1) Взамѣнъ сословнаго государства—федерацію, образованную путемъ свободнаго союза свободныхъ общинъ, безъ всякой принудительной центральной власти; сила, сплачивающая отдѣльныя общины и федеративные союзы, должна заключаться единственно въ общности и солидарности интересовъ побуждающей жить каждаго для всѣхъ и всѣхъ для каждаго" *).

Опять здѣсь мы встрѣчаемся съ требованіями федеративнаго устройства, съ полнымъ игнорированіемъ національнаго вопроса.

Точно также въ программѣ Исполнительнаго Комитета Народной Воли, съ которою выразила полную свою солидарность и редакція Народной Воли, въ видѣ второго пункта программы, красуется требованіе «широкаго областного самоуправленія, обезпеченнаго выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа» **).

Наконецъ, въ № 8—9 «Народной Воли» отъ 5-го февраля 1882 года мы находимъ слѣдующее принципіальное заявленіе по національному вопросу:

„Въ заключеніе—нѣсколько словъ объ отношеніи партіи Нар. Воли къ національностямъ, входящимъ въ составъ русскаго государства.

„Нерѣдко говорятъ, будто партіи Нар. Воли присуще пренебреженіе мѣстными особенностями *русскихъ окраинъ*, стремленіе подчинить остальныя народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народовольчество, какъ соціалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національныхъ пристрастій и считаетъ своими братьями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, безъ различія происхожденія; что пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее—вовсе не входитъ въ наши планы; что мы не сдѣлаемъ подобнаго шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода для партіи.

„Другая сторона національнаго вопроса касается будущаго способа существованія исторически обособившихся народностей. Само собою разумѣется, мы не отнимаемъ у такихъ народностей права на полную *политическую независимость*, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ національностямъ. Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенныя, дружныя усилія всѣхъ составныхъ частей государства: разъединеніе въ борьбѣ ослабитъ наши силы и отдалитъ побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціи и соціалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна дезорганизаціонная, разрушительная работа, но и созидательная, т. е., если учредительная дѣятельность *обще-русскаго* Земскаго Собора, которой займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства. Только послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній, послѣ твердой установки общихъ основъ новаго строя отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право—опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ

---

*) Революціонная журналистика 70-хъ годовъ, подъ ред. В. Богучарскаго, стр. 1—4.

**) Литература партіи Народной Воли. Вып. I, подъ ред. В. Богучарскаго, стр. 108.

государствомъ. Иначе темныя реакціонныя силы, навѣрное, найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи.

„У насъ нѣтъ мѣста и времени, да—пожалуй—и надобности, входить въ препирательства съ праздноболтающими педантами-автономистами. Наши слова обращаются къ тѣмъ честнымъ людямъ, которые—быть можетъ—уже работаютъ на пользу своего родного края, и которыхъ раздѣляетъ отъ насъ простое недоразумѣніе.

„Мы призываемъ ихъ къ совмѣстной съ нами дѣятельности, указывая на обоюдную нерасчетливость „брести врозь" *).

Характерно, что въ этой цитатѣ національный вопросъ, принципіально признаваемый весьма важнымъ, откладывается разрѣшеніемъ до «послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній». Характерна также ссылка на «праздноболтающихъ автономистовъ». Впрочемъ, и здѣсь рѣчь идетъ о «русскихъ окраинахъ», о «политической независимости», т. е. о задачахъ областного устройства, а не о національномъ вопросѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Переходя затѣмъ къ современнымъ программамъ дѣйствующихъ политическихъ партій, надо признаться, что и здѣсь въ интересующей насъ области далеко не все обстоитъ благополучно.

Въ программѣ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи мы находимъ слѣдующіе пункты, относящіеся къ національному вопросу:

3. Широкое мѣстное самоуправленіе; областное самоуправленіе для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія.

7. Уничтоженіе сословій и полная равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ пола, религіи, расы и національности.

8. Право населенія получать образованіе на родномъ языкѣ, обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства и органовъ самоуправленія необходимыхъ для этого школъ; право каждаго гражданина объясняться на родномъ языкѣ на собраніяхъ; введеніе родного языка наравнѣ съ государственнымъ во всѣхъ мѣстныхъ, общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ.

9. Право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства **).

Обращаясь къ анализу этой программы, необходимо обратить вниманіе на слишкомъ широкую формулу областного самоуправленія «для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія». Въ чемъ заключаются эти «особыя» бытовыя условія и «особый» составъ населенія,—никакихъ указаній въ программѣ мы не находимъ. Равноправность всѣхъ гражданъ безъ различія религіи, расы и національности—это элементарное общее гражданское требованіе, которое, очевидно, въ счетъ національнаго вопроса идти

---

*) Литература партіи Народной Воли. Вып. II, изд. В. Богучарскаго, стр. 34—35.

**) В. Ивановичъ. Россійскія партіи, союзы и лиги. Спб., 1906 г., стр. 5.

СОСНА.

У моего окна
И день, и ночь сосна
    Таинственно шуршитъ.
Ей много, много лѣтъ;
Старуха знаетъ свѣтъ
    И много тайнъ хранитъ.

И, мудрости полна,
Ворчитъ она со сна:
    „Гм! гм! весенній духъ...
Опять безумный міръ
Заводитъ буйный пиръ
    И счастьемъ бредитъ вслухъ.

„Мелькнетъ, какъ мигъ одинъ,
Краса полей, долинъ...
    А счастье—мирный сонъ.
Пусть бѣденъ мой нарядъ
И жестокъ, говорятъ,
    Зато—какъ проченъ онъ!"

— Хи-хи! Ха-ха! Ха-ха!
Старушка-то ветха...—
    Веселый смѣхъ звенитъ.
То—вкругъ корней сѣдыхъ
Березокъ молодыхъ
    Семья шумитъ, шумитъ

Привольно, любо имъ,
Кудрявымъ и густымъ,
Подъ лаской вешнихъ дней...
Жить, каждой почкой жить!
Какъ воздухъ, радость пить,
Хоть мигъ—да грудью всей!

П. Я.

---

* * *

Былъ чудный мигъ: суля отрадный день,
Заря свѣтло и пышно разгоралась...
Но черныхъ тучъ опять простерлась тѣнь—
И смолкло все, что̀ шумно пробуждалось!

. . . .

Мнѣ грезится: залитый кровью челнъ,
Безъ кормчаго, подъ парусомъ пурпурнымъ,
Летитъ во мглу, гонимый вѣтромъ бурнымъ...
И молній блескъ! И дикій грохотъ волнъ!

Н. Шрейтеръ.

шей близости. Ева робко слѣдовала за нимъ и, когда они вошли въ столовую, сказала:

— Послушай, отецъ!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, нѣсколько удивленный.

Съ выраженіемъ покорности и нѣжности она подошла къ нему и, взявъ его за руку, тихо проговорила:

— Я была неправа, отецъ... Прости меня... Простишь?.. Я сдѣлала глупость, не послушавшись тебя... Отецъ!..

Равьеръ стоялъ неподвижный, не вѣря еще ея словамъ, и съ тревогой во взорѣ смотрѣлъ на нее. Но въ глубинѣ глазъ засвѣтился огонекъ надежды.

— Ты говоришь правду?—произнесъ онъ.

— Прости меня!

Онъ порывисто привлекъ ее къ своей широкой груди, и у него вырвался вздохъ глубокаго счастья.

— О, моя маленькая Ева!—произнесъ онъ глухимъ подавленнымъ голосомъ, и тяжелыя слезы, слезы радости, катились по лицу этого суроваго человѣка.

А Ева, чувствуя себя защищенной отъ всѣхъ превратностей судьбы сильными объятіями отца, испытывала невыразимое блаженство и тихо всхлипывала, какъ ребенокъ.

— Ну, теперь все пойдетъ на ладъ... все пойдетъ на ладъ!—повторялъ Равьеръ, неловко трепля по плечу молодую дѣвушку.

Успокоившись, они съ улыбкою сквозь слезы смотрѣли другъ другу въ глаза, и въ нихъ загоралась надежда на счастливое будущее. Но, чтобы скрыть новый приливъ нѣжности, старикъ началъ усиленно вдыхать запахъ готоваго обѣда и закричалъ:

— Какъ здѣсь великолѣпно пахнетъ!.. У меня такой аппетитъ, что я готовъ сожрать самого Жюля Ферри.

— Сейчасъ все будетъ готово!..

При мягкомъ свѣтѣ лампы они сѣли за свою вечернюю трапезу. Проголодавшійся Равьеръ набросился на супъ, съ жадностью съѣлъ жареную телятину; но больше всего обрадовался онъ дессерту и пришелъ въ полный восторгъ при видѣ крема съ бисквитами.

— Твой кремъ великолѣпенъ, прямо восхитителенъ... О, да у насъ опять будутъ красные деньки!

За кофе, неловко поднявъ колѣни, Равьеръ началъ, какъ бывало, долго и безъ устали болтать, тронутый вниманіемъ дочери, съ глубокимъ интересомъ слѣдившей за его словами. Она съ такою жадностью вслушивалась въ изложеніе сухихъ теорій, въ разсказы о кровавыхъ событіяхъ, а Равьеръ находилъ столько точекъ идейнаго соприкосно-

венія между нею и его воинствующею душою, что онъ спорилъ съ нею такъ же охотно, какъ съ самымъ интеллигентнымъ изъ своихъ товарищей. Возраженія, иногда ею вставляемыя, еще больше привлекали его. Рѣзкіе тоны въ разсужденіяхъ отца она сглаживала мягкими красками болѣе тонкаго анализа, продиктованнаго голосомъ человѣческаго сердца, снисходительною терпимостью къ соблазнительнымъ сторонамъ соціальной жизни.

Въ этотъ вечеръ, оставаясь въ состояніи какого-то блаженнаго и очаровательнаго покоя, Ева не возражала отцу; все ея существо было слишкомъ преисполнено нѣжнаго къ нему чувства. А онъ, восхищенный вновь обрѣтеннымъ миромъ, далъ волю потоку своихъ идей,—идей, гдѣ все, за исключеніемъ основныхъ принциповъ, было точно установлено, отлито въ безусловно опредѣленныя матеріальныя формы. Замкнутый до двадцати лѣтъ въ горной лощинѣ, а затѣмъ переселившійся въ Парижъ, Равьеръ былъ пораженъ рѣзкимъ контрастомъ между широкимъ просторомъ природы и громаднымъ человѣческимъ муравейникомъ. Этотъ контрастъ совершенно перевернулъ вверхъ дномъ его прежнія привычныя наблюденія надъ медленнымъ процессомъ постепенныхъ измѣненій окружавшаго его міра; онъ вселилъ въ него наивное, непреодолимое убѣжденіе въ возможности внезапныхъ перемѣнъ и сдѣлалъ его неспособнымъ понять всемогущество времени, вѣковой и суровый процессъ развитія стараго народа. Но, не говоря уже объ этомъ слѣпомъ игнорированіи времени, о его наивномъ невѣдѣніи, осложненномъ жестокой борьбой за существованіе, вѣчной работой въ соціальномъ водоворотѣ, ссылкой въ Новую Каледонію, Равьеръ къ тому же былъ еще человѣкъ особаго покроя. Категоричный, какъ Сенъ-Жюстъ, онъ не обладалъ, однако, его рѣшительностью, не склоненъ былъ прибѣгать къ гильотинѣ или къ массовымъ казнямъ и не былъ способенъ къ широкимъ логическимъ построеніямъ; это былъ характеръ, любившій копаться въ мелочахъ, неповоротливый, но пылкій, сильный волею и увлекавшій своею неувядаемою юношескою свѣжестью.

Въ его мозгу вѣчно зарождались проекты, цѣлый лѣсъ проектовъ самыхъ разнообразныхъ. То были зачаточныя формы машинъ, планы человѣческаго общежитія, колонизаціи, общины, земледѣльческой культуры, раціональной гигіены, распредѣленія продуктовъ, мѣръ предупрежденія фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ, регламентаціи развлеченій, искусствъ, наукъ, системы точной соціальной бухгалтеріи, воспитанія скота и дѣтей, системы даровыхъ общественныхъ путей сообщенія, путешествій. Все зарождалось

сначала въ смутныхъ для него самого очертаніяхъ. Но Равьеръ не останавливался на этомъ первоначальномъ фазисѣ своихъ проектовъ; онъ питалъ отвращеніе къ идейной неопредѣленности анархистовъ. Медленно и терпѣливо онъ осторожно нащупывалъ всѣ подробности своихъ плановъ, не пренебрегая ни малѣйшимъ изъ звеньевъ своихъ размышленій; онъ старался опредѣлить точность возникавшихъ въ немъ неясныхъ представленій, конкретизировать ихъ; онъ хотѣлъ ихъ *видѣть*. Такъ, переходя постепенно отъ звена къ звену, онъ кончалъ построеніемъ осязаемаго, организованнаго механизма, рѣдко, однако, годнаго къ употребленію безъ значительнаго участія доброй воли людей, безъ суроваго принужденія или жестокихъ казарменныхъ законовъ.

Источники его познаній были крайне скудны. Онъ почерпалъ ихъ, главнымъ образомъ, изъ обширнаго вороха брошюръ. Скороспѣлыя утвержденія, мѣры исцѣленія, изложенныя на нѣсколькихъ страничкахъ, описанія новыхъ изобрѣтеній — всею этою добычею онъ овладѣвалъ сразу; она и давала ему извѣстныя рамки, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, онъ уже самъ вкладывалъ въ нихъ свое содержаніе.

Полеты на управляемыхъ аэростатахъ, удивительныя электрическія машины, защита границъ чудодѣйственными способами, марксизмъ въ сжатомъ изложеніи, отрывки изъ Прудона, Геда, лапидарное изложеніе икаризма, изобрѣтеніе химическаго способа приготовленія хлѣба, система осушенія почвы, искусственное высиживаніе яицъ, акклиматизація пищевыхъ растеній—вотъ что было его умственной пищей, неизсякаемымъ источникомъ тревожнаго энтузіазма. И эта страсть къ планамъ общественнаго устройства выражалась въ коллекціонированіи компасовъ, наугольниковъ, линеекъ, пріобрѣтенныхъ у торговцевъ старыми вещами и помогавшихъ ему иногда набросать неловкой рукою штрихи какого-нибудь примитивнаго проекта, контуры причудливой постройки, планъ крестьянскаго хозяйства, убѣжища, музея. Несомнѣнно, въ школѣ онъ принадлежалъ бы къ числу тѣхъ учениковъ-изобрѣтателей, которые, прочитывая лишь изложеніе теоремы, настойчиво стараются самостоятельно найти ея рѣшеніе, не прибѣгая къ тексту учебника; но, подавленный тяжкимъ бременемъ трудовой жизни, заглушившей въ немъ зачатки его природныхъ способностей, Равьеръ сталъ очень плохимъ учителемъ, неспособнымъ создать ничего положительнаго.

Система чистаго разрушенія была ему ненавистна. Хотя онъ и не осуждалъ тактики вождей, оправдываемой, по его

мнѣнію, стратегическими условіями борьбы, тѣмъ не менѣе не сочувствовалъ пожарамъ Коммуны и охотно обвинялъ въ нихъ измѣнниковъ, подкупленныхъ версальцами и бонапартистами. Доктрина безусловнаго отрицанія претила его страсти къ положительному строительству; ему казалось идіотствомъ отожествленіе зданія съ учрежденіемъ. Но его презрѣніе къ всесокрушающему анархизму, къ туманнымъ проповѣдямъ соціальнаго нивеллированія не распространялось на мѣры, направленныя къ уничтоженію лицъ богатыхъ и господствующихъ классовъ. Онъ, безъ сомнѣнія, одобрилъ бы массовое убійство такихъ лицъ, какъ Ротшильдъ, Галлифе, Вальдекъ, Ферри, Жюль Симонъ, Сэй и пр., не питая никакой личной ненависти ни къ кому изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ Галлифе. Но несомнѣнно также, что самъ онъ не принялъ бы на себя исполненія этого жертвоприношенія.

Не будь Коммуны, оставившей въ немъ острое чувство побѣжденнаго, горькія воспоминанія о пережитыхъ мукахъ и униженіяхъ, онъ жилъ бы отшельникомъ, какимъ въ сущности и былъ, безкорыстнымъ, совершенно чуждымъ мелкаго тщеславія, свободнымъ отъ мученій неудовлетворенныхъ потребностей, скромнымъ въ своихъ требованіяхъ, равнодушнымъ къ житейскому комфорту, и чувствовалъ бы себя счастливымъ человѣкомъ. Замкнутый въ своемъ ученомъ раю, онъ, быть можетъ, своею упорной настойчивостью въ концѣ концовъ достигъ бы того, что сдѣлался бы какимъ-нибудь ученымъ. Теперь же онъ чувствовалъ себя неудачникомъ и жаждалъ отмщенія. Отъ мукъ, вызываемыхъ въ немъ сомнѣніями въ способности человѣчества усвоить характеръ совершенно новаго міра, онъ находилъ успокоеніе въ наукѣ, въ авторитетахъ, въ строгомъ и неуклонномъ слѣдованіи избраннымъ руководителямъ и въ убѣжденіи, что счастливые результаты обновленія, быстрое уничтоженіе пауперизма, прочность коллективистическаго эдема покорятъ ограниченные умы.

Сильно смущалъ Равьера расколъ среди восьмидесяти двухъ. Страшный споръ между Бруссомъ и Гедомъ вызывалъ въ немъ мучительныя колебанія. Плѣненный философскою солидностью Геда, умомъ и ясностью его аргументаціи, онъ, однако, сознавалъ тяжесть намековъ и жестокихъ обвиненій, какими Бруссъ осыпалъ лидера коллективистовъ и, подобно громадному большинству послѣднихъ, испытывалъ глухую боязнь предъ диктаторствомъ, питалъ недовѣріе къ слишкомъ быстро возвышающейся индивидуальности. Но послѣ совершившагося раскола, послѣ ожесточенной борьбы на конгрессахъ, когда онъ увидѣлъ Геда

побѣжденнымъ, когда онъ началъ понимать печальныя послѣдствія крупныхъ разногласій въ центрѣ партіи въ то время, когда она еще слишкомъ слаба, его начали мучить укоры совѣсти. Затѣмъ возрастающее упорство партіи по своему канонизировать за заслуги, ея стремленіе къ обостренію классовой борьбы, соединенное съ исключительными дифирамбами, воспѣваемыми вождями партіи простому физическому труду, постепенно усиливали въ Равьерѣ отвращеніе ко всему этому, и онъ, невѣдомо еще для него самого, все болѣе и болѣе отклонялся въ сторону Геда и сталъ однимъ изъ стремящихся вмѣстѣ съ неофитами къ возстановленію первобытной церкви.

X.

Слѣдующіе дни протекали для Евы въ размѣренномъ покоѣ, въ настроеніи легкой безпечности; внутреннее инстинктивное благоразуміе удерживало ее отъ недавнихъ воспоминаній. Въ этомъ состояніи полной уравновѣшенности и душевной неподвижности ея лицо съ черными, широко раскрытыми глазами, покрылось какъ бы тѣнью дремоты и имѣло неопредѣленное выраженіе затворницы.

Равьеръ, опасаясь, чтобы она не раскаялась, упорно старался развлекать ее: водилъ на прогулки, изобрѣталъ различныя удовольствія. Къ несчастью, у него въ этой области не было опыта, а вкусы его были не особенно тонки; онъ наугадъ водилъ дочь на публичныя собранія, въ кафе-концерты, иногда въ театръ, и дѣвушка попеременно то веселилась, то скучала. Ея граціозная фигурка составляла рѣзкій контрастъ съ неуклюжимъ тѣломъ отца въ пальто блестящаго цвѣта, случайно купленномъ у одного ужаснаго портного въ предмѣстьи и сшитомъ изъ черезъ-чуръ вылощеннаго сукна, въ тяжелыхъ ботинкахъ, подбитыхъ гвоздями, и въ смѣшномъ миніатюрномъ котелкѣ, торчавшемъ на верхушкѣ черепа. Еву это нигдѣ не стѣсняло, исключая театра, гдѣ ея тонкое женственное чутье страдало отъ замѣченныхъ ею насмѣшекъ. Возмущенная не за себя, она заявила, что не любитъ театра, и отецъ ограничивался тѣмъ, что сопровождалъ ее въ прогулкахъ по Монпарнассу и Монружу.

Надъ Парижемъ носились уже вѣянія весенняго обновленія, а мысль Евы по-прежнему текла медленно и тихо, прерываемая работой, серьезнымъ чтеніемъ и совмѣстными прогулками съ отцомъ. У нея была встрѣча съ Ларамэ на третій день послѣ разрыва, и она не вызвала въ

ней никакого замѣтнаго волненія. Маленькій человѣкъ по поведенію Евы, по грубой сухости Равьера понялъ, что съ нимъ не желаютъ имѣть дѣла. Ошеломленный, онъ тщетно старался объяснить себѣ загадку, употребляя страшныя усилія, чтобы постичь непонятную ему тайну, и готовъ былъ на самыя крайнія мѣры. Но онъ отказался отъ этого; онъ придумывалъ различные поводы для возобновленія сношеній, подстерегалъ молодую дѣвушку у ея жилища; но, не заставая ее никогда въ одиночествѣ, онъ прекратилъ свои преслѣдованія, началъ искать и нашелъ другія любовныя связи, болѣе легкія, заглушившія чувство сожалѣнія о неудавшемся похожденіи. Тѣмъ не менѣе, онъ никогда не могъ думать о немъ безъ волненія, по-прежнему смущаемый тайной неожиданнаго разрыва.

— Ей наговорили обо мнѣ что-нибудь дурное!..

Послѣднія искры сожалѣнія, блѣдныя, мимолетныя, едва поддерживаемыя весеннимъ дыханіемъ, угасали въ душѣ Евы; она перестала думать о Ларамэ; трепетъ юности засіялъ новымъ блескомъ въ глубинѣ ея глазъ. Тогда Равьеръ успокоился и, продолжая водить ее въ собранія, на бульвары, къ Северену, обрѣлъ свой покой, философскую беззаботность къ мелочамъ повседневной жизни, и послѣ девятичасовой работы за конторкой чувствовалъ себя счастливымъ среди ничѣмъ не нарушаемаго покоя своего домашняго очага. Но Ева не была счастлива. Отъ неудачнаго приключенія въ глубинѣ души осталось сознаніе полнаго ничтожества, горечь неисполненнаго желанія, овладѣвшая въ концѣ концовъ всѣмъ существомъ дѣвушки. Горечь эта умолкала лишь ночью передъ уснувшимъ великолѣпіемъ стараго сада, среди весенняго шопота пробуждающейся природы, когда издали доносились смутные голоса прохожихъ, лай собаки или крикъ проснувшейся птицы, рѣзко раздававшіеся среди кристальной чистоты ночи.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ то время нѣкоторые изъ революціонеровъ XIII и XIV округовъ усвоили себѣ обычай собираться на бульварѣ Монпарнасъ, около бульвара Данферъ. Принадлежа большей частью къ различнымъ группамъ, всѣ они сходились подъ маленькой галлереей, то прохаживаясь на подобіе перипатетиковъ, то мирно усаживаясь подъ нею. Рѣдко когда собиралось больше шести человѣкъ, но Равьеръ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей. Какъ-то разъ вечеромъ

онъ машинально увелъ туда съ собою Еву; было уже довольно поздно, когда онъ замѣтилъ собравшихся товарищей. Лонжтурнъ и Малико пошли ему навстрѣчу. Минуты двѣ спустя, къ ихъ группѣ присоединился еще какой-то хромой съ головой Эскулапа. Послѣ этого Лонжтурнъ, смѣясь, воскликнулъ:

— Граждане... засѣданіе открыто!

Всѣ усѣлись, и такъ какъ это было часъ спустя послѣ обѣда, то собравшіеся находились въ какой-то полусонной неподвижности, не располагавшей къ бесѣдѣ. Говорили какъ-то неохотно, перебрасываясь отдѣльными словами. Въ вечернемъ воздухѣ чувствовалась тяжесть; звѣзды были скрыты густыми облаками.

Обмѣнявшись отрывочными фразами, товарищи оживились и начали выкладывать запасы изъ своихъ умственныхъ ящиковъ.

— Прежде чѣмъ приняться за работу,—заговорилъ глухимъ голосомъ, качая своей громадной трубкой, Эскулапъ,— мнѣ нужно выпить пять рюмокъ коньяку одну за другой... Тогда она у меня идетъ гладко, какъ по маслу... Къ сожалѣнію, я не успѣваю все заносить на бумагу, мои мысли текутъ слишкомъ быстро... Но это все равно. Увѣряю васъ, я готовлю ловкій ударъ для тѣхъ, кто добивается индивидуализма...

Онъ еще болѣе понизилъ и безъ того беззвучный голосъ; чудовищное авторское самолюбіе было написано на его лицѣ; остальные смотрѣли на него безъ всякой симпатіи, изумляясь этой болѣзненной страсти къ фабрикаціи новыхъ идей для блага бѣднаго человѣческаго рода. Но Эскулапъ, сильно затянувшись изъ своей черешневой трубки, началъ изливаться въ жалобахъ, принимая видъ генія, падающаго подъ бременемъ слишкомъ дѣятельной мыслительной работы.

— Все равно... это губитъ меня... Да, я чувствую, что это укорачиваетъ мнѣ жизнь. Я часто ложусь спать не раньше двухъ-трехъ часовъ утра! Но если имѣешь здѣсь что-нибудь, то было бы преступленіемъ не возвѣстить объ этомъ для блага человѣчества!

Къ послѣднему соображенію слушатели отнеслись съ одобреніемъ, понимая, однако, что оно совершенно непримѣнимо къ самому говорившему. Особенно былъ возмущенъ Лонжтурнъ; у него даже потъ выступилъ на лбу отъ надоѣдливыхъ признаній Эскулапа. Онъ находилъ его смѣшнымъ и негодовалъ при мысли, что слушатели могли допустить существованіе другого мастера пера, кромѣ редактора „Revendication proletaire“. Впрочемъ, онъ, Лонжтурнъ, относился ко всему этому съ глубокимъ пренебреженіемъ: онъ приду-

малъ такую штуку, что вскорѣ будетъ стоять рядомъ съ Бруссами и Гедами.

Между тѣмъ, заученнымъ нервнымъ движеніемъ, раскрывъ свой потертый пиджакъ, Эскулапъ проворчалъ:

— Здѣсь у меня... здѣсь у меня есть нѣсколько спѣшно набросанныхъ мыслей.. Но это, конечно, требуетъ еще исправленія...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана и развернулъ черную тетрадку, вызывая въ присутствующихъ смѣшанное чувство любопытства и досады; однако, онъ началъ читать ее сначала медленно, но постепенно приходя все въ большій и большій экстазъ.

— „Человѣкъ созданъ для жизни въ обществѣ. Мы видимъ, что крохотныя насѣкомыя, какъ, напр., муравьи, работаютъ сообща, совмѣстными усиліями, и, благодаря коллективизму, они становятся гораздо сильнѣе, чѣмъ многія животныя, гораздо крупнѣе ихъ. Мы видимъ, что буржуа сами подаютъ намъ примѣръ, учреждая крупныя предпріятія, вродѣ магазиновъ Лувръ, Прентанъ и Бонмарше, концентрирующихъ трудъ. Только эгоисты, пресыщенные наслажденіями, отказываются понять выгоды отъ соединенія нашихъ силъ и нашихъ орудій въ одно общее дѣло для извлеченія изъ него наибольшей прибыли. Тѣ, что желаютъ индивидуализма, уподобляются арміи, гдѣ солдаты желали бы биться порознь и этимъ самымъ обрекли бы себя на неизбѣжное пораженіе. Но въ мірѣ такъ много развратныхъ людей, не признающихъ за другими права на блага жизни, что мы не въ состояніи создать ничего серьезнаго безъ избирательнаго права, руководящаго всѣмъ—и государствомъ, и коммуной. Необходимо, чтобы центральная власть уничтожила конкурренцію, ибо конкурренція—это язва моральнаго и матеріальнаго благополучія“.

Сердце мыслителя усиленно билось, и на лицахъ своихъ слушателей онъ искалъ того энтузіазма, какого заслуживали эти великія мысли, эти оригинальные принципы, призванные перестроить старый міръ. А они, на молчаливый вопросъ мыслителя, покачивая головами, великодушно отвѣчали:

— Очень хорошо, Ланглуа!

— Это недурно!

— Не правда ли?—восклицалъ онъ, поощряемый этими одобреніями.—Я думаю, это будетъ имѣть нѣкоторый успѣхъ... оно ударитъ по сердцамъ честныхъ людей...

Короткое и спокойное „да“, сказанное въ отвѣтъ, подняло въ душѣ его негодованіе и злобу, но онъ сразу понялъ, что въ нихъ говоритъ зависть. О, они за это поплатятся!..

Лонжтурнъ былъ раздраженъ—конечно, не прозой Ланг-

луа, не его мужичьимъ слогомъ, но тѣмъ, что Ева, наклонившись впередъ, внимательно слѣдила за монотоннымъ чтеніемъ. И подобное животное способно сдѣлаться предметомъ восхищенія этой молодой дѣвушки! Невѣроятно!.. Впрочемъ, женщины такъ глупы!..

И Лонжтурнъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства и, въ концѣ концовъ, какъ ни отрицалъ онъ Эскулапа, пришелъ къ заключенію, что въ мѣшанинѣ мыслителя есть что-то заманчивое.

— А вы, гражданка... какого вы мнѣнія о моемъ маленькомъ трудѣ? — спросилъ Ланглуа Еву притворнымъ тономъ искренняго огорченія.

Замѣтивъ по затаенной робости, съ какою старикъ ставилъ этотъ вопросъ,какая безконечная жажда похвалы скрывалась за нимъ, Ева, тронутая печальнымъ видомъ мыслителя, отвѣтила сочувственно:

— Мнѣ кажется, что онъ составленъ весьма удачно.

Ланглуа нашелъ, что она умнѣе товарищей и, почти успокоенный ея отвѣтомъ, набилъ свою трубку табакомъ. Было тихо. Мягкій вечерній воздухъ своимъ движеніемъ время отъ времени шелестилъ вѣтвями ясеня. Ева чувствовала себя счастливой въ этомъ состояніи нѣжащей лѣни. Равьеръ завелъ рѣчь о томъ, что настоящая книга о соціализмѣ еще ждетъ своего автора.

— Предстоитъ еще написать такую книгу, гдѣ бы до осязательности ясно изображены были всѣ подробности будущаго общества,—заявилъ онъ.

— Вродѣ Икаріи Кабэ!—замѣтилъ Лонжтурнъ.

— Нѣтъ, Кабэ—это слишкомъ туманно!

Ланглуа, полный самодовольства, удивлялся только ихъ идіотизму, мѣшающему имъ понять, что именно его книга и дастъ такое изображеніе будущаго общества. Но Малико, хранившій до сихъ поръ молчаніе, перебивая другихъ, заявилъ, что по его мнѣнію, въ книгахъ нѣтъ недостатка. Напротивъ, есть превосходныя сочиненія, излагающія всевозможные принципы организаціи.

— Нѣтъ, дѣло не въ книгахъ!—воскликнулъ онъ, попадая неизбѣжно на своего постояннаго конька,—намъ недостаетъ солдатъ. Злоба охватываетъ при мысли, что деспоты обладаютъ цѣлой арміей пушечнаго мяса, а принципы находятъ такъ мало убѣжденныхъ бойцовъ.

И, отчеканивая каждое слово, онъ съ болью въ душѣ замѣчалъ, какъ мало созвучія съ его страстною вѣрою оказывается въ сердцахъ его товарищей-революціонеровъ. Между тѣмъ, еще недавно, вступая въ святая святыхъ новыхъ идей, онъ мечталъ, что потрясатели буржуазной Бастиліи свя-

заны между собою узами взаимныхъ горячихъ симпатій и глубочайшей любви, что они всегда живутъ въ атмосферѣ безусловной искренности, дружбы, любви и въ то же время—борьбы за свой идеалъ. Но, прикоснувшись къ дѣйствительности, онъ встрѣтился съ слишкомъ большою инертностью, съ холоднымъ равнодушіемъ, съ безконечными пустозвонными спорами. Онъ замкнулся, и одинокій, со скорбью въ душѣ, весь ушелъ въ свою вѣру.

— Конечно, конечно,—проговорилъ Лонжтурнъ.—Но сильные люди явятся... Они поднимутся раньше, чѣмъ ты думаешь, гражданинъ Малико.

— Я,—началъ Равьеръ,—совершенно признавая необходимость извѣстныхъ отдѣльныхъ актовъ, думаю, что революція должна быть борьбою цѣлой арміи, а не отряда...

Ланглуа, все еще чувствуя себя уязвленнымъ, тщательно приберегалъ свой ударъ и пускалъ черезъ ноздри большія струи дыма. Лонжтурнъ, гордо воздерживавшійся отъ столкновеній съ какой бы то ни было тенденціей, наполовину поддержалъ Равьера.

— Вы до извѣстной степени правы... Борьба организованной арміи—это вещь очень важная, но недурна и партизанская борьба... этого нельзя отрицать. Читали ли вы послѣдніи номеръ *Revendication prolétaire*?

Ланглуа, на зло, отвѣтилъ „нѣтъ“. Равьеръ пробѣжалъ ее, Ева также, Малико молчалъ.

— Вы тамъ замѣтили мѣсто, гдѣ говорится о реорганизаціи группъ?.. Это есть именно попытка къ примиренію темпераментовъ.

Лонжтурнъ вытащилъ экземпляръ *Revendication prolétaire* и, въ свою очередь, началъ читать статью, стараясь уловить впечатлѣніе, какое она производитъ на Еву.

— Обстоятельство, обыкновенно игнорируемое при образованіи коллективистскихъ кружковъ,—это выборъ, сортировка индивидуумовъ. Развѣ не удесятерились бы силы, какими будутъ располагать въ часъ соціальной революціи, если бы уже и въ настоящее время группы составлялись сообразно вкусамъ революціонныхъ агентовъ? Быть можетъ, подобная мѣра, благоразумно примѣняемая, имѣла бы неисчислимые результаты...

И онъ всячески поворачивалъ свою идею, нисколько не развивая ея, расплываясь въ многословіи, гдѣ чередовались между собою слова: способности, наклонности, темпераменты, организаціи.

— Ну-съ!—воскликнулъ онъ, окончивъ чтеніе.—Не кажется ли вамъ, что здѣсь есть надъ чѣмъ подумать.

— Это ваша статья?—спросилъ Равьеръ.

— Моя.

— Мысль ея я нахожу въ высшей степени цѣнной.

Мыслитель былъ глубоко уязвленъ. Рѣдкія похвалы Равьера показались Лонжтурну благоухающимъ бальзамомъ; сами вожди партіи добивались ихъ.

— И самая мысль вамъ принадлежитъ?—спросилъ Равьеръ.

— Ну, да,—со скромной миной отвѣтилъ вопрошаемый.

Равьеръ презрительно улыбнулся. Недѣлю тому назадъ онъ въ своемъ клубѣ слышалъ, какъ одинъ молодой гражданинъ читалъ Лонжтурну мѣсто изъ какой-то брошюрки, гдѣ развивалась та же мысль. А Ланглуа, жаждавшій уколоть журналиста, вынулъ свою трубку изо рта и тономъ мудреца замѣтилъ:

— Эта мысль стара, какъ міръ!

— Какъ это стара, какъ міръ!—заревѣлъ Лонжтурнъ съ негодованіемъ обокраденнаго изобрѣтателя. Лицо его, цвѣта старой замазки, исказилось яростью; смѣшно вытянувъ впередъ руку, онъ обрушился на Ланглуа цѣлымъ градомъ колкихъ фразъ, сопровождаемыхъ безпорядочными жестами.

— Это новая идея! Слышишь ты... Попробуй мнѣ указать автора... хотя бы одного автора, уже высказавшаго ее... слышишь... хотя бы одного! Ни Прудонъ, ни Марксъ, ни Гедъ... Нѣтъ, ты ни одного не укажешь мнѣ.

Ничего не имѣвшій за душой, Лонжтурнъ, ослѣпленный злобой, въ эту минуту дѣйствительно проникся отеческою любовью къ идеѣ; дѣйствительно считая ее своею и совершенно оригинальною, онъ былъ увѣренъ, что никому не удастся открыть брошюры, откуда онъ заимствовалъ ее. Но Ланглуа высмѣивалъ его и зло мстилъ за себя.

— Пожалуйста, не говори глупостей... Твоя идея... Да я тебѣ ее укажу, по крайней мѣрѣ, въ трехъ брошюрахъ... Не хочешь ли пари?

Чувство страха и угрызенія совѣсти закрались въ душу Лонжтурна, и онъ, на всякій случай, чтобы выиграть время и оправиться, воскликнулъ:

— Нѣтъ ничего глупѣе пари!

— Когда боятся проиграть его!

Журналистъ чувствовалъ себя въ унизительно-гнусномъ положеніи, особенно въ присутствіи Евы, и начиналъ уже сожалѣть о жертвахъ, приносимыхъ партіи—этому неблагодарному животному! Къ чему эти крестныя страданія, зачѣмъ лучшую часть энергіи своего мозга отдавать этимъ идіотамъ? Боязнь пари, стоявшаго передъ нимъ грознымъ призракомъ, внушила ему желаніе гибели Лангуа. И припертый къ стѣнѣ онъ воскликнулъ:

— Держу пари на сто су... въ пользу анзенскихъ стачечниковъ!

— Въ такомъ случаѣ, идемте всѣ ко мнѣ... Ходьбы не болѣе десяти минутъ.

Лонжтурнъ колебался. Стоитъ-ли идти навстрѣчу собственному униженію? Озираясь кругомъ, онъ искалъ благовиднаго предлога для промедленія, испытывая въ то же время сильное желаніе хватить своей палкой это грязное животное Ланглуа! Но неожиданный случай счастливо спасъ его.

На рельсахъ трамвая съ едва замѣтной, неопредѣленной улыбкой на лицѣ остановился какой-то пѣшеходъ и затѣмъ направился къ спорившимъ.

— Нужно отложить визитъ къ Ланглуа... Этотъ гражданинъ одинъ изъ моихъ друзей... пари его не касается,—сказалъ Равьеръ, узнавъ въ приближающемся человѣкѣ Элье.

— А, Элье!—замѣтилъ Малико.

Ева внезапно подняла голову: какая-то боязнь съ примѣсью злости охватила ее. Но Элье, съ присущимъ ему выраженіемъ безконечной мягкости, приблизился и подалъ руку Равьеру; Ева съ удивленіемъ замѣтила, что суровое лицо Малико освѣтилось какой-то нѣжностью, когда Элье пожалъ ему руку.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ мирно, подойдя къ Евѣ.

— Добрый вечеръ,—отвѣтила она, вдругъ испугавшись чего-то подъ потокомъ нахлынувшихъ впечатлѣній.

Оправившись, она почувствовала еще большее презрѣніе къ этому человѣку. Почему возбуждаетъ онъ въ ней такое чувство?—съ удивленіемъ спрашивала она себя. Вѣдь, въ концѣ-концовъ, онъ соціалистъ. Да, но соціалистъ, болѣе опасный, чѣмъ самый отъявленный противникъ, ибо онъ холоденъ, не вѣритъ въ величіе народнаго возстанія, у него нѣтъ прочныхъ моральныхъ устоевъ.

Съ неудовольствіемъ слушала она, какъ Равьеръ спрашивалъ у пришедшаго разъясненій съ такимъ почтительнымъ видомъ, какого онъ ни передъ кѣмъ не принималъ, исключая, быть можетъ, стараго Делеклюза. Разъясненія касались различныхъ элементарныхъ астрономическихъ свѣдѣній; уже въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ былъ поглощенъ старинной книгой по астрономіи, сильно затруднявшей его своими спеціальными терминами. Элье, прислонившись къ фонарю и склонивъ голову къ лѣвому плечу, давалъ поясненія, чертя палкою на землѣ различныя фигуры.

Лонжтурнъ сильно скучалъ во время этихъ объясненій. Ева испытывала какое-то враждебное чувство къ этимъ геометрическимъ фигурамъ, набрасываемымъ врагомъ, и стра-

дала за отца, стоявшаго въ позѣ скромнаго ученика; отъ напряженія жилы на его вискахъ налились кровью и на лбу выступили капли пота. Малико, лишенный самыхъ элементарныхъ научныхъ знаній, слушалъ съ безпредѣльнымъ наслажденіемъ, неподвижный какъ дикарь, очарованный музыкой.

Между тѣмъ, Элье плавнымъ увлекательнымъ языкомъ продолжалъ говорить о чудесахъ и красотахъ вселенной, о вѣковыхъ переворотахъ происходившихъ въ ней, и Ева, плѣненная величественностью нарисованной картины, чувствовала, что покой разливается по всему ея тѣлу, а въ душѣ звучитъ чудная мелодія.

Еще болѣе, нежели Ева, возбужденный Малико слушалъ съ широко раскрытыми блестящими глазами, и этотъ, невѣдомый для него, сказочный міръ казался ему чудной гармоніей; на губахъ его появилась нѣжная складка, и очаровательная улыбка открывала рядъ блестящихъ зубовъ. Равьеръ уже не задавалъ вопросовъ, полный неизъяснимаго счастья и благоговѣнія къ непобѣдимой силѣ Космоса, къ его величественному устройству, къ непоколебимому процессу развитія. Даже Ланглуа находилъ все это великолѣпнымъ, и только Лонжтурнъ, зѣвая въ кулакъ и удерживаемый на мѣстѣ странной случайностью, не понималъ, почему бы не уйти отъ этихъ животныхъ съ ихъ астрономіей.

Наконецъ, погрузившись въ сѣдую древность далекихъ вѣковъ, когда на полуостровѣ Пеласговъ появился новый пришлецъ Сиріусъ, Элье остановился.

— Развѣ въ то время уже были люди?—спросилъ Малико, ошеломленный этимъ удивительнымъ разсказомъ о столь необъятныхъ для него вещахъ.

— Были ли люди?.. Люди существовали уже тысячи вѣковъ тому назадъ!

Какое-то дикое любопытство изобразилось на лицѣ Малико.

— А какіе они были тогда?

Но тутъ Лонжтурнъ, устрашенный предстоящей лекціей о приматахъ, рѣшилъ уйти.

— Мнѣ некогда, господа,—заявилъ онъ,—до свиданія.

И онъ удалился саженными шагами, обдумывая планъ, какъ бы разрушить скверную штуку, подготовленную ему Ланглуа.

Дѣйствительно, Элье началъ разсказъ съ туманной эпохи происхожденія человѣка, съ увлекательной поэмы, написанной человѣческою рукою въ земныхъ пластахъ четвертичнаго періода. Хотя Равьеръ и Ланглуа и были кое-какъ освѣдомлены въ этихъ вопросахъ, наслышавшись зачатковъ знаній

въ этой области во время дебатовъ на рефератахъ различныхъ собраній, но они совершенно не были знакомы со всѣмъ процессомъ развитія, какъ съ логическимъ цѣлымъ. Ясный ударъ мотыки въ геологическихъ слояхъ привелъ ихъ въ восторгъ, и странное зрѣлище представляли собою эти четыре усердныхъ посѣтителя клубовъ, эти смѣлые вершители революцій и судебъ человѣческаго общества, застывшіе въ наивномъ юношескомъ очарованіи, съ пристальнымъ вниманіемъ слушавшіе краткую исторію каменнаго вѣка.

Напряженное вниманіе слушателей вдохновило Элье. Его рѣчь, монотонная, не отличавшаяся богатствомъ нотъ, не разсѣивала ихъ сосредоточеннаго вниманія декламаціей. Онъ трогательно разсказалъ о безконечной исторіи первобытныхъ предковъ, объ узкихъ черепахъ, менѣе развитыхъ, чѣмъ у жалкаго австралійца, затѣмъ указалъ на прогрессъ орудій, оружія, утвари, на развитіе мануфактуры, заключавшей въ себѣ уже зародышъ механическаго производства, на первобытный станокъ, на великолѣпные наконечники стрѣлъ, на дротики, копья, сдѣлавшіе человѣка господиномъ надъ хищными животными.

... Но вотъ рождается искусство въ видѣ робкихъ, наивныхъ и крайне несовершенныхъ рисунковъ; мало-по-малу съ увеличеніемъ отдыха, досуга, искусство достигаетъ быстраго расцвѣта; изображенія мамонта, дикой козы, человѣка въ ихъ характерныхъ позахъ—во время боя, метанія копей, бѣга появляются въ видѣ украшеній на рогѣ, на камнѣ; они сдѣланы съ помощью искусныхъ штриховокъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе совершенствуемыхъ. Затѣмъ появляется примитивная скульптура, человѣческія фигуры изъ дерева, трогательная, страстная Венера.

Обо всемъ этомъ Элье разсказывалъ, тронутый очарованіемъ, навѣяннымъ на нихъ его разсказомъ безъ всякой аффектаціи, надуманныхъ жестовъ, способныхъ ослабить вниманіе. Слушатели были въ восхищеніи. Равьеръ сильно напрягалъ свою память, Ланглуа находилъ все слышанное какъ будто уже извѣстнымъ, заранѣе имъ предугаданнымъ. У Малико, подобно дикарю, сидящему у костра въ степи и слушающему интересный разсказъ соплеменника, пользующагося славою мудреца, отъ напряженнаго вниманія даже уши пришли въ движеніе и ноздри вздрагивали. Для Евы разсказъ Элье былъ музыкою души, блаженствомъ обаятельной легенды, но къ этому примѣшивалась досада и нѣкоторый страхъ къ человѣку, такъ спокойно перелистывающему доисторическую библію.

Элье кончилъ.

— Какой вы ученый!—наивно воскликнулъ Малико.

— Нисколько, — съ легкой усмѣшкой отвѣтилъ Элье. — Всю эту ученость вамъ дадутъ въ муниципальныхъ библіотекахъ.

— Одного сочиненія достаточно прочитать для этого, — замѣтилъ Ланглуа, желая расхолодить очарованнаго Малико.

— Совершенно вѣрно!—весело подтвердилъ Элье.

— Неправда! — обозлился Равьеръ на Ланглуа. — Одна книга не дастъ такого яснаго пониманія... Нужно разобрать страницу за страницей всѣ запутанныя объясненія.

Ева, несмотря на осадокъ ненависти, остававшійся у нея еще въ душѣ, была того же мнѣнія и съ женскимъ любопытствомъ изучала Элье, кидая украдкой на него свои взоры. Скорѣе высокій, онъ былъ крѣпко сложенъ, съ стройной фигурой, но съ нѣсколько лѣнивыми движеніями. Напрасно старалась она отрицать оттѣнокъ величественности въ его широкомъ лицѣ, обрамленномъ короткой и довольно густой бородой, съ выраженіемъ спокойнаго мужества въ глазахъ.

— Десять часовъ!—замѣтилъ Ланглуа.

Всѣ стали расходиться. Ева и Равьеръ шли молча. Она была въ дурномъ расположеніи духа. Цѣлый хаосъ противоположныхъ чувствъ волновалъ ея душу.

— Мнѣ не нравится этотъ господинъ!—сказала она.

Крайне удивленный, Равьеръ сначала не нашелся, что отвѣтить ей.

— Ну,—сказалъ онъ минуту спустя,—на тебя трудно угодить!

Въ теченіе всей дороги по бульвару Орлеанъ, въ ней все болѣе и болѣе наростало жгучее чувство ненависти къ людямъ-скептикамъ, проповѣдующимъ трусливое терпѣніе и неравенство среди людей.

II.

Къ четыремъ часамъ въ комнатѣ Леклида было уже такъ темно, что онъ рѣшилъ закрыть книжечку по химіи, лежавшую на его столѣ, сунулъ въ карманъ пиджака брошюру въ синей обложкѣ „Дыханіе народа“ Луи Бардена и вышелъ, не безъ удовольствія окинувъ взоромъ кучу исписанной бумаги.

На улицѣ было еще свѣтло; лазурное апрѣльское небо сквозило яркими пятнами изъ-за бѣлыхъ, медленно плывшихъ облаковъ; мостовая, омытая недавнимъ дождемъ, была чиста.

— Грязная дыра!—съ яростью произнесъ Леклидъ, думая о своей конуркѣ,—свѣта въ ней не больше, какъ на два часа. Развѣ этого достаточно для моихъ потребностей? Да, а поди, скажи объ этомъ буржуа! Имъ на это наплевать — чортъ бы ихъ побралъ! Лишь бы имъ свѣтило солнце!

Совершенно безпечный насчетъ эстетики, онъ мало страдалъ отъ уродливой обстановки комнаты, но зато точно опредѣлилъ ея санитарные недостатки — отсутстіе воздуха, свѣта, зараженная атмосфера и такая вонь, что никакая буря не могла бы ее развѣять. Его охватилъ ужасъ при мысли, что какая-нибудь болѣзнь прикуетъ его къ этому очагу заразы, ненавидимому имъ всѣми силами души, и что онъ погибнетъ раньше, чѣмъ пробьетъ часъ великой битвы.

Эта битва, неотступно рисовалась его воображенію. Каждый день онъ мысленно перестраивалъ по новому плану ея подробности: предварительныя вспышки, смертельный страхъ буржуа и народъ, послѣ полученнаго имъ кроваваго выкупа, врывающійся въ дома, располагающійся въ нихъ на мѣсто прежнихъ владѣльцевъ.

Нищета, приковывавшая его желѣзною цѣпью къ работѣ, наглые окрики мастера и хозяина, всеобщее презрѣніе богачей къ современному рабу—все это поднимало цѣлую волну горькихъ чувствъ. Самый кварталъ, гдѣ онъ жилъ, кварталъ школъ, былъ не таковъ, чтобы смягчить его настроеніе. О, какая ярость вспыхивала при ежедневномъ зрѣлищѣ идущихъ по улицѣ самодовольныхъ маменькиныхъ сынковъ, этихъ прекрасно одѣтыхъ студентовъ-юристовъ, медиковъ, политехниковъ, проводящихъ жизнь и въ удовольствіяхъ, и въ занятіяхъ, подготовляющихъ себѣ обезпеченное будущее и наслаждающихся настоящимъ. Не имѣть ни времени, ни предварительной подготовки для высшаго образованія и въ то же время вѣрить, что можно было бы сдѣлать болѣе счастливое употребленіе изъ способностей, данныхъ вамъ природой! И ничего... ничего, кромѣ изнурительнаго труда, выматывающаго всѣ силы и жизненные соки!

Въ Люксембургѣ его охватило еще большее озлобленіе при видѣ многочисленной толпы гуляющихъ, одѣтыхъ въ элегантные костюмы, вышедшихъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Анархистъ сначала послалъ сквозь зубы нѣсколько ругательствъ; затѣмъ въ душѣ его пробудилось чувство жалости къ кормилицамъ, одѣтымъ въ особые унизительные костюмы; къ нѣсколькимъ бѣднымъ малышамъ, игравшимъ на землѣ около женщины, быстро перебиравшей спицами; и его ненависть показалась ему еще болѣе законной.

Величественный видъ люксембургскаго дворца вызвалъ

въ воображеніи Леклида пышный залъ засѣданій сената, гдѣ старцы разсуждали объ интересахъ своей касты.

— О негодяи, негодяи! Все это въ одинъ прекрасный день взлетитъ на воздухъ!

Леклидъ перешелъ въ другой уголъ сада, вынулъ брошюру и въ взвинченномъ настроеніи, располагавшемъ къ самой рѣзкой критикѣ, принялся за чтеніе, останавливаясь время отъ времени, чтобы бросить нѣсколько жесткихъ, отрывистыхъ, оскорбительныхъ словъ по адресу автора.

— Этотъ болванъ ничего не понимаетъ! Какая чушь! Онъ подкупленъ... Онъ, несомнѣнно, подкупленъ!

Съ какою легкостью онъ разрушилъ бы всѣ эти аргументы! Какая плоскость, какая узость взгляда!

Онъ всталъ. Съ важнымъ видомъ, со взоромъ, неопредѣленно блуждавшимъ въ пространствѣ, шелъ онъ, терзаемый муками неудовлетвореннаго честолюбія,—успѣхъ на ораторской трибунѣ давался ему слишкомъ медленно. Но онъ могъ гордиться. Все, что онъ зналъ, все, чѣмъ онъ былъ—всѣмъ этимъ онъ обязанъ самому себѣ.

Совершенно равнодушный къ восхитительной прозрачности яснаго апрѣльскаго дня, къ освѣжающему дыханію вѣтра, обвѣвавшаго его лицо, Леклидъ думалъ о своемъ клубѣ „Vipére“, о недостаткѣ энергіи у товарищей, среди которыхъ можно было бы насчитать не болѣе двухъ-трехъ серьезныхъ и рѣшительныхъ людей. Затѣмъ—ораторы; какъ они жалки! За четыре мѣсяца не прибыло ни одного новаго приверженца. Нужно было бы расшевелить, предпринять что-нибудь рискованное. Мысль совершить что-нибудь рѣшительное появилась у него совершенно внезапно. Онъ остановился въ смущеніи, какъ будто увидѣлъ передъ собою зіяющую пропасть.

Звонкій взрывъ смѣха заставилъ его очнуться. Онъ стоялъ возлѣ балагана. Дѣти, матери, няньки, усѣвшись на скамьи, на соломенные стулья, забавлялись похожденіями „Петрушки“. Сдерживаемая веревочнымъ барьеромъ, расположилась полукругомъ даровая публика—гамены, дѣвочки въ первомъ ряду, затѣмъ кормилицы, мальчики изъ булочныхъ, мясныхъ лавокъ, безработные рабочіе, праздношатающіеся,—всѣ заливались дружнымъ смѣхомъ.

Вотъ на сценѣ появляется судья съ лысой головой; „Петрушка“ напяливаетъ ему на голову ночной горшокъ. Среди единодушнаго смѣха зрителей судья освобождается отъ своего головного убора, внимательно обнюхиваетъ его и затѣмъ, убѣгая за кулисы, громко кричитъ:

— Это пригодится мнѣ для варенья!

Публика пришла въ еще большій восторгъ; сидѣвшіе на

переднихъ скамьяхъ ребята безшумно, но усердно хлопали въ ладоши, и даже малыши на рукахъ у нянекъ подняли свои головки и мило лепетали, распуская слюнки отъ удовольствія.

Анархистъ, съ выраженіемъ презрѣнія наблюдавшій эту сцену, оставался серьезнымъ и наивно спрашивалъ себя, въ чемъ смыслъ этого представленія. Однако, онъ продолжалъ стоять, удерживаемый, какъ бы противъ воли, желаніемъ узнать, чѣмъ все это кончится. Но вдругъ на другой сторонѣ онъ замѣтилъ дочь Равьера. Она любовалась дѣтскими личиками, ихъ невиннымъ весельемъ, ихъ жестами и быстрою смѣною отражавшихся на нихъ впечатлѣній. Ева также замѣтила Леклида; они раскланялись и по окончаніи представленія подошли другъ къ другу.

Разговоръ какъ-то не клеился. Леклидъ по-прежнему сохранялъ свой суровый видъ и оставался совершенно равнодушнымъ къ миловидной фигурѣ молодой дѣвушкѣ; впрочемъ, онъ не признавалъ никакого ухаживанія и требовалъ, чтобы къ женщинамъ относились такъ-же, какъ и къ мужчинамъ. Съ своей маской неумолимой суровости, съ рѣзкой рѣчью, онъ представлялъ полную противоположность Ларамэ; можетъ быть, онъ былъ даже опасенъ. А Ева, снова возвратившись къ прежнимъ властнымъ грезамъ прошлой зимы, думала о немъ уже нѣсколько дней и пожалѣла, что начала съ нимъ разговоръ. Но теперь она уже не хотѣла обрывать его: какое-то любопытство, смутное желаніе какъ-нибудь выместить свою неудачу съ другимъ толкало ее къ этому. Но послѣ первыхъ же словъ наступило тягостное молчаніе. Она уже хотѣла проститься, когда онъ вдругъ обратился къ ней за свѣдѣніями о Равьерѣ.

— У него на рукахъ больной товарищъ Севренъ, а вечеромъ, послѣ занятій, онъ служитъ проводникомъ для своихъ друзей; это—трое бывшихъ ссыльныхъ; они накопили себѣ маленькое состояніе въ Австраліи и пожелали возстановить свои связи съ революціоннымъ Парижемъ.

— Какое счастье быть богатымъ и дѣлать то, что желаешь!—прошепталъ Леклидъ.

— О, нужно быть очень богатымъ, чтобы имѣть возможность что-нибудь сдѣлать,—отвѣтила Ева.

— Я этого не думаю; сто тысячъ франковъ и побольше энергіи—и тогда можно было бы сдѣлать дѣло!

Они спускались по склону аллеи. Хотя и мало расположенная къ спору, Ева покорилась этому, какъ неизбѣжному выступленію.

— Вы, значитъ, все еще анархистъ?—спросила она.

— Несомнѣнно,—отвѣчалъ онъ, окидывая ее взглядомъ,

полнымъ гнѣва и презрѣнія.—Довольно пустой болтовни; я придаю значеніе только индивидуальной энергіи!

— Но вѣдь всѣ революціонеры — сторонники энергіи; нужна только нѣкоторая дисциплина.

— Дисциплина! Порядокъ! Это все слова, способныя лишь усыпить энергію. Личный примѣръ—вотъ что нужно. Чортъ возьми! Конечно, первые поплатятся за разбитые горшки, но на ихъ мѣсто сейчасъ же явятся другіе... И такъ, переходя отъ одной попытки къ другой, мы, наконецъ, подготовимъ моментъ для всеобщей чистки.

— Революція можетъ имѣть успѣхъ только при условіи хорошей организаціи.

— Подите вы! Революція, напротивъ, будетъ имѣть успѣхъ лишь тогда, когда намъ удастся все дезорганизовать. Организація — это тираннія; хитрецы воспользуются ею, чтобы снова сковать насъ цѣпями; такъ это всегда было!

— Анархія — это побѣда грубой силы, — отвѣчала Ева, раздраженная категоричностью его утвержденій.—Какъ хотите вы добиться равенства и справедливости безъ закона и безъ контроля? Для этого всѣ люди должны быть добрыми.

— Человѣкъ по природѣ добръ; это общество дѣлаетъ его злымъ.

— Но развѣ можно измѣнить его въ одинъ день?

— Его можно сдѣлать добрымъ въ тотъ моментъ, когда не будетъ никакого интереса быть злымъ. Скажите, пожалуйста, почему вы думаете, что человѣкъ по-прежнему останется злымъ, когда всѣмъ будетъ предоставлено равное участіе въ благахъ жизни?

— А какимъ образомъ обезпечите вы это равное участіе?

Леклидъ на минуту былъ смущенъ этимъ вопросомъ.

— Ваши предразсудки,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія,—мѣшаютъ вамъ ясно видѣть всѣ послѣдствія анархіи. Это участіе осуществится само собою, ибо каждый будетъ свободно брать то, что ему нужно.

— Это хаосъ!

— Потому что вы его вносите.

— Мой отецъ правъ: анархія насъ компрометируетъ.

— О!—ѣдко возразилъ Леклидъ,—это извѣстно. Мы играемъ въ руку реакціи, не правда-ли? Лица, выдвигающія такія возраженія, ничего въ анархіи не понимаютъ.

Ева была изумлена чудовищностью этихъ софизмовъ, химерой, овладѣвшей этимъ холоднымъ мечтателемъ. Но раздраженіе, за минуту до того охватившее ее, исчезло; она слишкомъ была увѣрена въ абсурдности и неосуществимости этихъ теорій.

Она пыталась перемѣнить тему разговора. Но Леклидъ былъ сильно задѣтъ ею и, замкнувшись въ скорлупу враждебнаго молчанія, отвѣчалъ ей односложными словами. Когда она увидѣла, что не можетъ вывести его изъ молчаливаго состоянія, она заговорила въ примирительномъ тонѣ.

— Вы только что сказали, что васъ осуждаютъ, не выслушивая; но лично я не отказываюсь вникнуть въ суть вопроса...

У него не было желанія возобновлять споръ, и онъ предпочиталъ хранить презрительное молчаніе.

— Да что же могутъ вамъ сказать? Все это требуетъ внимательнаго изученія. Читали ли вы наши брошюры?

Ева созналась, что не читала. Но нѣтъ нужды въ знакомствѣ съ брошюрами для того, чтобы согласиться въ общихъ принципахъ. Къ тому же, она неоднократно уже слышала изложеніе анархическихъ теорій и достаточно знакома съ идеями партіи.

Чувствуя себя все еще уязвленнымъ тою манерою, съ какою она вела съ нимъ споръ, Леклидъ рѣшилъ, наконецъ, безпощадно наказать ее за смѣлость.

— Какой же, собственно, пунктъ васъ смущаетъ?

— Отсутствіе организаціи.

— Дѣйствительно, это весьма существенный вопросъ. Что же вы хотите, чтобы я вамъ разъяснилъ въ немъ? Вѣдь это слишкомъ долго.

— О, это ничего не значитъ, — съ улыбкой отвѣтила Ева.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нужно немного подумать.

Ева разрѣшила ему подумать. Онъ воспользовался временемъ, чтобы вспомнить всѣ обычные пріемы народнаго оратора и расчленить свою тему. Эти приготовленія мало-по-малу оживили его.

Они шли по тѣнистой аллеѣ платановъ. Почувствовавъ себя вполнѣ подготовленнымъ, Леклидъ, прежде чѣмъ начать, окинулъ сочувствующимъ взглядомъ очаровательную фигуру своей спутницы.

— Мы должны начать съ разсмотрѣнія *причинъ*,—произнесъ онъ съ важностью.

— Аминь, — отвѣтила Ева, задѣтая его тономъ школьнаго учителя.

И онъ пустился въ пространныя разсужденія о причинахъ неудачъ народныхъ движеній. Въ погонѣ за доказательствами, онъ началъ подтасовывать историческіе факты, извращать и фальсифицировать ихъ, стараясь извлечь изъ нихъ нужные ему аргументы и обнаруживая при этомъ самое поверхностное знакомство съ исторіей. Ева, уже знако-

мая съ этимъ обычнымъ пріемомъ изложенія, увлекающаго оратора въ дебри историческаго прошлаго, была насторожѣ. Ея отецъ очень часто разсказывалъ ей объ историческихъ фальсификаціяхъ, хорошо ему извѣстныхъ. Поэтому она испытывала большую скуку, при шествіи великихъ архаическихъ фигуръ, съ которыми такъ свободно обращались при случаѣ и реакціонеры, и прогрессисты.

— Оставимъ мертвыхъ покоиться мирнымъ сномъ,—сказала она: — ихъ исторія не поддается точному изложенію. Будемъ говорить о современномъ обществѣ.

Леклиду только этого и нужно было. Обильнымъ потокомъ потекло изъ его устъ перечисленіе пороковъ, случаевъ продажности, несправедливости. Онъ говорилъ о нищетѣ въ городахъ, объ эксплуатаціи капиталистами и финансистами крестьянъ, обреченныхъ на голоданіе; они подавлены бременемъ налоговъ, ихъ обираютъ ростовщики, лишаютъ послѣдняго клочка земли, и они попадаютъ въ ряды сельскаго пролетаріата, образуя голодную армію, ежедневно возрастающую и ожидающую лишь сигнала къ возстанію. Но кто подастъ этотъ сигналъ? Будутъ ли то произносители рѣчей, сторонники бездѣйствія, маніаки-организаторы, желающіе начертить планъ на бумагѣ, прежде чѣмъ открыть огонь? Нѣтъ! Только дѣйствіе — дѣйствіе безпрерывное, настойчивое пробудитъ мужество массъ. Ибо народъ обуздывается только страхомъ. Въ тотъ день, когда нѣсколько энергичныхъ людей взбудоражатъ общественное мнѣніе страшными катастрофами,—буржуа задрожитъ отъ боязни, и смѣлость вернется къ пролетаріямъ.

Леклидъ вдохновился, обнаруживая краснорѣчіе своихъ лучшихъ ораторскихъ дней и одушевленный сильнымъ желаніемъ убѣдить, ослѣпить прекрасную дочь Равьера.

Ева, смущенная, съ возрастающимъ вниманіемъ слѣдила за развитіемъ этихъ теорій.

— Я не отрицаю значенія примѣра,—замѣтила она,—но окажется ли онъ спасительнымъ?

— Хуже всего — индиферентизмъ! Мы, по крайней мѣрѣ, заставимъ народъ заговорить. Вы хорошо знаете, что малѣйшее преступленіе, взрывъ, пожаръ сильнѣе привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе, нежели всѣ разглагольствованія нашихъ теоретиковъ.

Это показалось Евѣ отвратительнымъ. Разгорячившись въ свою очередь, чувствуя, что въ ней загорѣлся духъ ея отца, страстнаго любителя логическихъ построеній, она отвѣтила аргументамл, слышанными ею ежедневно. Она не могла допустить, чтобы первый встрѣчный началъ направо и налѣво наносить удары, не разбирая ни праваго, ни винова-

таго. До сихъ поръ пропаганда дѣйствіемъ всею тяжестью падала на невинныхъ или безсознательныхъ: доказательство—покушеніе въ Ліонѣ въ кафе, переполненномъ народомъ, въ парижской биржѣ труда. Затѣмъ анархисты упрекаютъ другія революціонныя партіи въ томъ, что онѣ теряютъ драгоцѣнное время въ приготовленіяхъ, но сами... что сдѣлали они за послѣднія десять лѣтъ? Гдѣ они, всѣ эти герои? Если не считать нѣсколькихъ дикихъ покушеній, гдѣ пострадали невинные бѣдняки, всѣ они проводили время въ пустой болтовнѣ. Затѣмъ, если такія чудовищныя убійства станутъ обычнымъ явленіемъ, то нужно разсчитывать на реакцію. Братъ захочетъ отомстить за своего брата, отецъ—за сына, и народъ будетъ разсуждать не столько объ анархіи, сколько о томъ, гдѣ инициаторы подобныхъ явленій. Ничего, кромѣ сочувствія къ невинно-пострадавшимъ, его не увлекло бы; доставило бы только лишнее оружіе въ руки его враговъ. Наконецъ, кто поручится, что герои находятся на сторонѣ праваго дѣла?

— А, вотъ какъ! И вы, гражданка, вы называете себя еще коллективисткой? Я возвращаю вамъ вашъ упрекъ! Питаете ли вы большую увѣренность въ побѣдѣ, нежели мы?

Ева покраснѣла. Захваченная этимъ вопросомъ врасплохъ, она сначала что-то пробормотала, но черезъ минуту къ ней возвратилось самообладаніе.

— Организуя партію, мы можемъ разсчитывать на захватъ правительственной власти и ввести свои законы. Добиться коренного измѣненія власти для націи — не такъ-то легко, потому что, какъ говоритъ мой отецъ, народъ нерѣшителенъ; чтобы возбудить его симпатіи къ его же собственнному дѣлу, нужна нѣкоторая ловкость.

— Ну, вотъ и договорились: нужна, конечно, власть! Кучка людей, свыкшихся съ пріемами тиранніи — и пошла старая музыка!.. Возстановленіе прежней эксплуатаціи.

— Конечно, нужно, чтобы за составленіе механизма взялись умные люди, иначе онъ не будетъ функціонировать. Впрочемъ, съ нами будетъ народъ.

— Мы хорошо знаемъ, что это за механизмъ! Всеобщее избирательное право—устарѣлая ложь! Есть только два рѣшенія: или вы будете творить волю народа, или вы не будете ея творить. Если вы не творите ее, вы—канальи; если вы творите ее, то предоставьте лучше дѣйствовать ей самой; вѣдь, это одно и то же, только гораздо болѣе вѣрно.

Тутъ Еву взяла досада; она не нашлась что отвѣтить и повторила свой первоначальный аргументъ.

— Но безъ организаціи наступитъ хаосъ; всякіе негодяи живо возьмутъ верхъ надъ остальными!

Тогда Леклидъ началъ излагать свою систему. Тутъ были и немедленная экспропріація, съ ея неисчислимыми выгодами, и свобода самоопредѣленія, и естественная группировка по темпераментамъ, и природная добродѣтель человѣка,—словомъ, весь багажъ анархистскаго оптимизма. Ева изнемогала подъ тяжестью всѣхъ этихъ вещей и, фанатичка сама, возмущалась фанатизмомъ другого. Она понимала всѣ нелѣпости, что онъ городилъ, но онъ положительно подавилъ ее ихъ грудою. Благо бы еще дѣти тѣшились такими глупостями, но—взрослые люди! Стоитъ ли послѣ этого стремиться къ перемѣнамъ? Вѣдь, господство буржуазіи и было ничѣмъ инымъ, какъ послѣдствіемъ анархіи! Какъ же будетъ достигнуто соглашеніе насчетъ производства и потребленія продуктовъ?

По мнѣнію Леклида, соглашеніе будетъ достигнуто; это вовсе не такъ трудно. Каждый былъ бы заинтересованъ въ томъ, чтобы продуктовъ производилось въ достаточномъ количествѣ, чтобы его сосѣдъ не захватывалъ, не потреблялъ больше извѣстнаго количества.

Всѣ пороки исчезли бы, ибо уничтожились бы причины, ихъ порождающія; каждый получалъ бы въ мѣру своихъ потребностей; всякая борьба прекратилась бы и всѣ чувствовали бы себя счастливыми.

Вставъ на эту почву, Леклидъ отказывался сойти съ нея. И когда Ева снова, въ видѣ возраженія, указала ему на то, что въ концѣ концовъ люди фатально будутъ вынуждены признать тѣ же обязанности, общіе законы, то онъ отвѣчалъ, пожимая плечами.

— Законы? А для внушенія надлежащаго къ нимъ уваженія еще и жандармовъ? Такъ, что ли? На это я отвѣчу словами одного нашего оратора. Когда его спросили, чѣмъ замѣститъ онъ правительство, онъ отвѣтилъ: „Чуму ничѣмъ не замѣщаютъ!“

— Да,—отвѣтила раздраженная Ева,—современное правительство—это зло; но ваша система еще хуже! Изъ двухъ золъ...

Тогда онъ подвергъ ѣдкой критикѣ всякое правительство, прибѣгая къ намекамъ, способнымъ оскорбить молодую дѣвушку; но его краснорѣчіе сразу же улетучилось, какъ только изъ области принциповъ онъ перешелъ въ область фактовъ. Фразы его стали плоски; онѣ уже не волновали, какъ слова, дѣйствительно соотвѣтствующія идеямъ, выражающимъ собою цѣлый рядъ объективныхъ явленій. Въ нихъ слышалось больше властное желаніе мести, сухой педантизмъ логики, не согрѣтой воодушевленіемъ. Поэтому Ева, какъ настоящая женщина, облекая свою мечту въ

плоть, пытаясь построить новое человѣчество по образцу, стоявшему передъ ея глазами, видѣла въ теоріи Леклида уже не одинъ только хаосъ, но и безпросвѣтную скудость, убійственное ничтожество.

Она больше не слушала и умолкла. Ей казалось, что она насквозь видитъ этого человѣка; онъ никогда и не могъ высказывать иныхъ мыслей и иныхъ чувствъ. Леклидъ счелъ ея молчаніе признакомъ безсилія и удвоилъ свои усилія, снова сѣвъ на своего конька: онъ нападалъ на буржуазію и прибѣгнулъ къ излюбленной тактикѣ своихъ единомышленниковъ—къ разрушенію и террору.

Грохотъ разрушаемыхъ дворцовъ, стоны истекающихъ кровью тысячъ людей, зарево пожаровъ, динамитные взрывы въ собраніяхъ—всѣ эти вещи оставляли Еву равнодушной, она къ нимъ привыкла. Съ той минуты, какъ ихъ пускали въ ходъ, она могла ихъ только ненавидѣть. И она, съ презрительнымъ выраженіемъ лица, всматривалась въ темнѣвшую даль.

Группа изъ трехъ молодыхъ людей, глухонѣмыхъ, съ быстрыми жестами, живыми глазами и своеобразной граціей, столь рѣдкой у этихъ страшныхъ молчальниковъ, привлекла вниманіе Евы. При видѣ этой побѣды духа надъ недугомъ, Ева весело улыбнулась; мысль нашла себѣ новое выраженіе, не въ безцвѣтной, грубой, но въ тонкой, художественной, очаровательной формѣ. Движеніемъ гибкой руки, выражавшимъ насмѣшку, нѣмой разсказывалъ какую-то забавную исторію; раздавался смѣхъ, одушевленіе вызывало цѣлый потокъ нѣмыхъ словъ и перерывовъ, тонкихъ и неожиданныхъ возраженій, передаваемыхъ быстрыми движеніями пальцевъ.

Леклидъ также смотрѣлъ на молодыхъ людей.

— У нихъ глупый видъ,—замѣтилъ онъ.

Краска негодованія залила лицо Евы при этихъ словахъ. Ужъ, конечно, они нисколько не были глупѣе, чѣмъ онъ.

— Они очаровательны,—отвѣтила она.

Леклидъ смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ. Нѣмые ушли, останавливаясь на каждомъ шагу.

— Смотрите,—сказала молодая дѣвушка,—они изображаютъ англійскаго денди.

Дѣйствительно, одинъ подражалъ походкѣ, показывая при этомъ на башмаки съ остроконечными носками, короткій пиджакъ, туго накрахмаленный воротничекъ. Другой вытянулъ стрѣлкою усы, закручивая пальцами воображаемые волосы, и характерными движеніями поглаживалъ подбородокъ, намекая этимъ на присутствіе короткой бородки.

— Ну посмотрите, какъ они милы!—воскликнула Ева.

Леклидъ, не раздѣляя ея восторга, глядѣлъ на свою спутницу. Она была очень красивая дѣвушка. При видѣ ея дѣвственной красоты и свѣжести, ея бѣлаго затылка, ея округлыхъ грудей, очаровательной простоты ея костюма, носившаго слѣды изящества, чего онъ не зналъ у своихъ любовницъ, въ сердце его закралось тайное желаніе.

Нѣмые исчезли. Ева, поднявъ голову, была смущена внимательнымъ взглядомъ своего спутника и покраснѣла; онъ также.

Въ своихъ немногихъ любовныхъ приключеніяхъ Леклидъ всегда обнаруживалъ неловкость и робость. Поэтому, презирая человѣческія слабости, онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ женщинами, которыхъ можно было останавливать вечеромъ внезапно на улицѣ. Холоднаго отъ природы Леклида занятія соціальнымъ вопросомъ дѣлали еще болѣе спокойнымъ. Отъ времени до времени дрожь пробѣгала по его спинному хребту, онъ тяжело дышалъ, голова наливалась свинцомъ, настроеніе становилось отвратительнымъ, онъ раздражался: тогда онъ принималъ мѣры, чтобы освободиться отъ этого навожденія.

Около Евы онъ почувствовалъ себя во власти легкой страстной мечты. Испытанныя имъ когда-то нѣжныя эмоціи снова вставали въ его воспоминаніяхъ. Тринадцатилѣтнимъ сиротою онъ убѣжалъ къ своей сердитой теткѣ. Тамъ у него нашлась маленькая подруга, цѣловавшая его, какъ брата; она находила его красивымъ и охотно дѣлила съ нимъ свои лакомства. Но школьные товарищи насмѣхались надъ его дружбою, и онъ безъ сожалѣнія прогналъ отъ себя огорченную дѣвочку. И—странная вещь, сегодня онъ впервые испыталъ чувство жалости.

Ева устремила меланхолическій взглядъ въ туманную даль; мало-по-малу въ душу ея проникала грусть, какое-то горькое разочарованіе. Она перевела взоръ на своего спутника, въ короткомъ черномъ сюртукѣ, въ сѣрыхъ брюкахъ, въ запыленныхъ ботинкахъ, въ мягкой фетровой шляпѣ. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу; она не видѣла уже причины искать съ нимъ новыхъ встрѣчъ, и въ душѣ ея осталась отъ бесѣды съ нимъ только скука, какое-то раздраженіе, злость противъ отвратительной внѣшности самца.

И, однако, прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, она еще колебалась, точно прощалась съ разбитой надеждой; она испытывала ощущеніе человѣка, разбившаго драгоцѣнный предметъ: онъ долго еще стоитъ надъ его обломками, не рѣшаясь приказать убрать ихъ.

Леклидъ настойчиво слѣдовалъ за нею, думая, какимъ образомъ добиться свиданія съ нею. Но она грубо остановила его и тономъ нервной женщины произнесла:

— Ну, гражданинъ, вотъ и вечеръ, прощайте.

Растерявшись отъ неожиданности, Леклидъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Но Ева, гордая, уже успѣла удалиться, не дождавшись даже отвѣта на свои слова.

— Однако, чортъ возьми!—пробормоталъ анархистъ.

Но вскорѣ онъ оправился; неизмѣримая гордость засвѣтилась въ его взорѣ. Наплевать на нее и на всѣхъ самокъ! Развѣ любовь — его дѣло? Это простая трата времени! Затѣмъ онъ вознегодовалъ на свою минутную слабость, заставившую его поддаться чувству нѣжности. Онъ думалъ о великихъ революціонерахъ, погубленныхъ женщинами. Съ нимъ онѣ этого не сдѣлаютъ, нѣтъ! Революція, которую онъ, быть можетъ, зажжетъ,—найдетъ его свободнымъ отъ всякой привязанности. Ей одной, революціи, отдастъ онъ всѣ свои силы, одну ее онъ будетъ любить.

— Нѣтъ, никакихъ юбокъ!—бормоталъ онъ.—Никакихъ юбокъ.

III.

На утро Ева встала недовольная. Томительная прогулка съ Леклидомъ теперь, на разстояніи, казалась ей не лишенной пріятности, и она сожалѣла о своей невѣжливости. Всю недѣлю она думала объ этомъ, съ смутнымъ желаніемъ еще разъ увидѣть анархиста и сгладить оставленное ею несомнѣнно дурное впечатлѣніе первой встрѣчи. Въ послѣдующіе дождливые дни, когда она принуждена была день и ночь сидѣть въ угрюмомъ затворничествѣ, прислушиваясь къ шуму воды въ жолобахъ, это желаніе все разросталось, дѣлало Леклида все интереснѣе и, въ концѣ концовъ, почти желаннымъ для молодой дѣвушки, такъ долго лишенной любви. Въ субботу дождь прекратился, и воскресенье встало ослѣпительное. Послѣ завтрака, приведя въ порядокъ свое хозяйство, она отправилась въ Люксембургскій садъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ анархиста.

Низко выстриженный дернъ наружныхъ скверовъ тянулся длиннымъ прямоугольникомъ. Съ обѣихъ сторонъ стѣною возвышались каштановыя деревья, съ отчетливыми стволами, украшенныя коническими гроздьями цвѣтовъ и сходившіяся сводомъ въ своихъ вершинахъ. Сквозь вѣтви просвѣчивала яркая синева неба, а надъ дворцомъ на этомъ величествен-

номъ фонѣ скучились легкія бѣлоснѣжныя облака. Это былъ необъятный алтарь, храмъ пробуждающейся жизни, гдѣ простая палитра естественныхъ красокъ не утомляла, а ласкала взоръ. Бѣлыя мраморныя группы грезили подъ яркимъ солнцемъ въ своемъ безжизненномъ снѣ, а по краю солнечныхъ часовъ, изъ пестраго гранита, бронзовыя урны отражали точно пламя. Нѣсколько воробьевъ вдругъ перпендикулярно взлетѣли кверху и, схвативъ добычу, снова упали въ траву.

Мимо Евы прошли четыре маленькихъ оборвыша: одинъ, курчавый, съ полнымъ лицомъ, остальные тощіе, одѣтые въ грязные лохмотья въ видѣ блузы, куртки, пальто и въ широкихъ грубыхъ чулкахъ и рваныхъ сапогахъ.

— Бѣдныя дѣти!—пробормотала грустно Ева.

Но они уже убѣжали, предпринявъ, вѣроятно, одну изъ невѣроятныхъ для своего возраста экспедицій, часто практикуемыхъ дѣтьми улицы.

Задумавшись, Ева сѣла на скамейку между толстой старухой съ одышкой и худенькой, безцвѣтной особой, штопавшей чулки и время отъ времени поднимавшей свои близко сидящіе съ безсмысленнымъ выраженіемъ глаза. Евѣ было жаль ее, и она обратилась къ ней съ нѣсколькими словами, не сумѣвъ, однако, вызвать улыбки на безкровныя губы. Эти несправедливости природы, непонятныя для нея, всегда служили для революціонерки поводомъ къ обвиненію во всемъ общества. Несчастная, по ремеслу басонщица, зарабатывала недурно, но зимою она простудилась, и это сразило ее. На упрекъ Евы, почему она такъ плохо заботится о своемъ здоровьѣ, больная съ нѣкоторой гордостью отвѣтила, что ей необходимы деньги для пополненія приданаго.

— Развѣ вы выходите замужъ?

Женщина утвердительно кивнула головой. Бракъ рѣшенъ уже давно. Женихъ, обойщикъ, такъ-же, какъ и она, копитъ деньги. За будущее имъ бояться нечего.

— А дѣти?—невольно вскричала Ева, увѣренная, что материнство убьетъ это смѣшное существо.

О, дѣти! У нихъ еще будетъ время подумать объ этомъ... Это будетъ потомъ, какъ можно позже.

Ева, огорченная, удалилась. Эта эгоистическая мечта о соединеніи возмущала ее. Она вспомнила свѣтлые волосы безжизненнаго оттѣнка, тощую натянутую кожу, маленькое, сморщенное личико и удивлялась этому браку. Впрочемъ, это было въ порядкѣ вещей: сдѣлка, чтобы лучше жить. Но на это, по-истинѣ, она никогда бы не согласилась. Надо,

чтобы, по крайней мѣрѣ, любовь стояла выше всякихъ разсчетовъ. Всѣ низости законнаго союза предстали передъ нею. Конечно, она предпочитала свободный союзъ, не нуждавшійся въ презрѣнномъ лицемѣріи законной связи. И она жаждала доказать на дѣлѣ свое рѣшеніе, хотѣла найти человѣка себѣ по сердцу.

Ясное, прозрачное небо терялось за волнистой линіей деревьевъ. Густая листва бросала кружевную тѣнь на дерновыя дорожки, покрытыя тонкой водяной пылью. Воздухъ вдали казался подернутымъ синеватымъ газомъ. Поднялся небольшой вѣтеръ и затихъ. Ева продолжала свой путь, опьяненная свѣжестью пробуждающейся природы, какъ вдругъ появленіе Леклида на большой аллеѣ сада заставило ее вздрогнуть. Она медленно пошла къ нему навстрѣчу, но какъ только онъ ее замѣтилъ,—онъ, послѣ кратковременнаго колебанія, повернулъ въ сторону и пошелъ дальше. Неужели онъ избѣгаетъ ее? Молодую дѣвушку охватила досада и ощущеніе пустоты и неудачи. Мимо прошли молодые люди и посмотрѣли на нее возмутительно-дерзко. Нѣкоторые изъ нихъ были красивы, съ выхоленными бородками, съ ласковыми голосами, и изящество ихъ костюмовъ увеличивало ихъ привлекательность. Ева равнодушно оставалась подъ ихъ взглядами! но потомъ устыдилась своего малодушія: они отвратительны со своимъ нахальствомъ и наглыми взглядами! Но чувственная фантазія, помимо воли, заставила ее вообразить себѣ возлюбленнаго изъ рабочихъ, только прилично одѣтаго и съ хорошими манерами.

— Не хватаетъ еще, чтобы я отреклась отъ рабочей блузы!—съ гнѣвомъ проговорила про себя Ева.

Она вспомнила, что была непріятно поражена одѣяніемъ Леклида, обвиняла себя въ гордости, унижала при сравненіи съ анархистомъ. Жара давила ее, голова отяжелѣла, и она, почти со слезами, прислушивалась къ звуку мѣдныхъ трубъ, доносившихся изъ-за сада, а изъ глубины его, какъ кровь изъ сердца, взадъ и впередъ шли безпрерывнымъ потокомъ люди. Туалеты кружились, какъ въ водоворотѣ, мелькая вдали, уходя подъ темную листву деревьевъ, и надъ головами толпы носились бѣлые блики свѣта, угасавшіе на границѣ тѣни. На обширной площадкѣ, окружающей баллюстраду, на террасѣ, солнце жгло и, казалось, разсыпало свой свѣтъ въ золотую пыль.

На минуту привлеченная красотой пейзажа Ева вдругъ увидѣла рядомъ съ собой на скамейкѣ дерзко усѣвшагося франта. Она встала съ гримасой недовольства.

— Такой же дуракъ, какъ и всѣ прочіе!

Мысли ея снова вернулись къ своимъ. Ея знакомые не принадлежатъ къ этой породѣ патентованныхъ обольстителей, что играютъ на несчастіи дѣвушекъ изъ народа. Леклидъ, по крайней мѣрѣ, добросовѣстенъ. Она съ удовольствіемъ вспоминала одно собраніе, гдѣ говорилъ анархистъ. Именно съ этого вечера она и замѣтила его, и съ тѣхъ поръ всякій разъ онъ выказывалъ передъ ней свой умъ и энергію... Да, настоящій мужчина!

IV.

Въ слѣдующее воскресенье Ева, привлекаемая безсознательнымъ стремленіемъ къ приключеніямъ, вновь очутилась въ Люксембургскомъ саду. Она шла и на ходу читала, но вдругъ почувствовала, что кто-то настойчиво догоняетъ ее; охваченная непріятнымъ ощущеніемъ, она подняла плечи и сгорбилась.

— Я почти былъ увѣренъ, что это вы,—произнесъ чей-то голосъ,—но я колебался.

Ева обернулась. Это былъ Элье. Онъ освѣдомился о Равьерѣ.

— Онъ совершенно здоровъ.

— Не правда ли, какая чудная погода? И какая здѣсь масса красивыхъ вещей!

Онъ широкимъ жестомъ указалъ на садъ и слегка поблѣднѣлъ отъ восторга.

Вѣтра не было, но становилось прохладнѣе; необъятный голубой сводъ неба пересѣкался иногда лишь рѣзкимъ полетомъ ласточекъ. Въ вышинѣ таяли волны сѣроватаго тумана. Ева исподтишка наблюдала свою „антипатію“. Онъ былъ недуренъ: чистая кожа, орлиный носъ, спокойные кроткіе глаза, съ выраженіемъ доброты, соотвѣтствовавшей ширинѣ его плечъ. Онъ, между тѣмъ, пошелъ рядомъ съ молодой дѣвушкой, охваченный легкой робостью, скрытой подъ видомъ насмѣшливаго добродушія. И Ева снова ненавидѣла его. Она не выносила его смѣха. Между тѣмъ, онъ нисколько не насмѣхался: это была снисходительная улыбка его полной доброжелательности философіи.

— Вы очень любите читать?—спросилъ онъ, увидѣвъ въ рукахъ у нея книгу, съ заложеннымъ указательнымъ пальцемъ между страницами.

— Да.

— А какіе ваши любимые писатели?

Она наугадъ, какъ попало, назвала Евгенія Сю, Дюма, Гюго, Габоріо.

— Что вы читали Гюго?

Она читала только „Несчастныхъ“.

— Я не очень люблю стихи,—сказала она.

— О, стихи Гюго читаются такъ-же легко, какъ проза. „Легенда вѣковъ“, я увѣренъ, понравится вамъ, какъ самый интересный романъ.

— Сомнѣваюсь.

— Между тѣмъ...

Но онъ вдругъ умолкъ и оборвалъ свою мысль, перенесясь къ періоду, когда онъ держался такого же взгляда, какъ и молодая дѣвушка, и его охватила глубокая нѣжность.

— Я читала извлеченіе изъ „Легенды вѣковъ“,—начала Ева.—Что-то вродѣ прославленія императора и взятія какого-то города маленькимъ пажемъ.

— Это очень красивый отрывокъ. Впослѣдствіи это вамъ понравится,—прибавилъ онъ, замѣтивъ гримасу на ея лицѣ.

— Почему впослѣдствіи?

— Да вѣдь вамъ нѣтъ еще двадцати лѣтъ!

— Но вѣдь я понимаю, что написано въ книгѣ.

Она разсердилась и вспомнила о болѣе низкомъ уровнѣ женскаго ума.

— Правда,—сказала она съ горечью,—я забыла ваши теоріи.

— Какія теоріи?

— О неравенствѣ умственнаго уровня.

Онъ улыбнулся, снисходя къ тому, что происходитъ въ этой экзальтированной маленькой головкѣ, и искалъ способа объясниться, не оскорбляя ея самолюбія. Въ травѣ, на разстояніи протянутой руки, цвѣлъ цвѣтокъ. Онъ нагнулся, сорвалъ его и обернулся къ молодой дѣвушкѣ.

— Что такое?

— Возьмите этотъ цвѣтокъ и разсмотрите его внимательно,

Ева взглянула: это былъ желтый, средняго размѣра цвѣтокъ, безъ всякихъ характерныхъ признаковъ.

— Я не знаю, что это за цвѣтокъ.

— Посмотрите-ка еще,—повторилъ онъ.

— Онъ такой же, какъ всѣ,—пробормотала Ева.—Что вы этимъ хотите сказать?

— А вотъ что. Представьте себѣ ботаника... о! совсѣмъ обыкновеннаго ботаника... онъ въ этомъ цвѣткѣ увидитъ... цѣлый міръ... Глядите, эти тычинки, этотъ столбикъ, это утолщеніе на концѣ его, называемое завязью, и безконечная работа природы для обезпеченія жизни, ибо атомъ этой желтой

пыли, попавъ на рыльце столбика, сдѣлаетъ его толще, разорветъ оболочку и удлиннится, чтобы проникнуть въ сѣмя, скрытое въ завязи, оплодотворитъ это сѣмя...

Онъ сдѣлалъ паузу. Ева смотрѣла на него и, подъ вліяніемъ интереснаго урока, опять забыла о своей антипатіи.

— Но вѣдь это все можно узнать, вскрывъ цвѣтокъ,— сказала она.—Я знаю, что надо умѣть читать.

— Прекрасно, назовемъ это умѣніемъ читать. Но передъ вами вѣдь только одинъ цвѣтокъ. Какой онъ? Какъ опредѣлить его? Придется его разобрать, сравнить, узнать форму чашечки, вѣнчика, число лепестковъ, ихъ прикрѣпленіе и расположеніе, добавочные органы чашелистиковъ, лепестковъ, тычинокъ, пыльниковъ, столбиковъ, завязей листьевъ, вѣтвей, корней, корней... простите, милое дитя!.. И чѣмъ дальше мы будемъ разбирать его, тѣмъ тоньше. станутъ характерные признаки, тѣмъ труднѣе сравненіе. Какъ же называется этотъ маленькій цвѣточекъ? Это просто бѣдный подснѣжникъ.

Говоря все это, онъ въ то же время неосторожно оборвалъ вѣнчикъ, развернулъ его, ногтемъ сбросилъ тычинки и обнажилъ завязь. И, держа на пальцѣ остатки цвѣтка и со слѣдами желтой цвѣточной пыли на сюртукѣ, онъ взглянулъ на молодую дѣвушку.

— Это очень красиво,—сказала она.

— Но для того, чтобы увидѣть все это въ маленькомъ цвѣткѣ, мало, думаете вы, требуется времени? У меня (правда, я не очень-то ловокъ) на изслѣдованіе этихъ маленькихъ частицъ пошло его очень много. Я испортилъ десятки цвѣтковъ, прежде чѣмъ мнѣ удалось соединить хотя бы часть всѣхъ признаковъ. Тѣмъ не менѣе, это грубыя поверхностныя наблюденія... Подумайте-же, какъ трудно изученіе такого сложнаго механизма, какъ человѣчество...

Она молчала, а онъ не прерывалъ ея размышленій. И такъ какъ онъ былъ въ одно и то же время и созерцатель, и аналитикъ, то онъ внимательно разсматривалъ траву, покрывавшую боковую дорожку.

Маленькіе блѣдно-розовые цвѣточки пріютили въ своихъ чашечкахъ граціозныхъ мушекъ съ металлически блестѣвшими крылышками. Онѣ покрыли желтую середину тычинокъ, и отъ быстраго движенія ихъ хрупкихъ лапокъ при отлетѣ, весь цвѣтокъ затрепеталъ на своемъ стебелькѣ. Тысячелистникъ такъ тонко раздѣлился на свои лепестки, что его можно было принять за моховую кочку. Клеверъ высовывалъ свои сѣроватыя цвѣтущія головки, колеблемыя легкимъ дуновеніемъ вѣтра.

Ева вывела его изъ задумчивости.

— Но знать вѣдь могутъ всѣ, не правда-ли? Это не болѣе, какъ вопросъ образованія.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—всѣ могутъ видѣть, при одномъ только условіи: при хорошимъ зрѣніи.

И, дружески поклонившись ей, онъ удалился.

Она чувствовала себя униженной, полной противорѣчій и увѣренной, что ненавидитъ его. А между тѣмъ, безсознательно восхищаясь имъ, она почти призналась себѣ, что если бы онъ не былъ такъ равнодушенъ къ народу и не ставилъ женщину такъ низко въ умственномъ развитіи, то она уважала бы его.

— Я глупа,—сказала она себѣ.

Два какихъ-то бѣдняка сладко спали на солнцѣ, зацѣпившись ногами за нижнюю перекладину скамейки и опустивъ головы на сплетенныя за спиной руки. Повидимому ночные бродяги, они хотѣли выспаться подъ покровительствомъ дня. Одинъ изъ нихъ былъ въ маленькой шляпѣ и хорошемъ сюртукѣ; изъ-подъ шапки густыхъ, черныхъ, курчавыхъ волосъ виднѣлось красное лицо, загорѣлая шея и огромныя уши. Лицо другого было скрыто, и виднѣлась только его позеленѣвшая шелковая фуражка; блѣдныя руки торчали изъ-подъ рукавовъ измятаго драповаго пальто съ бархатнымъ воротникомъ, побѣлѣвшимъ по краямъ. Оба спали тяжелымъ сномъ усталыхъ людей; солнце жгло ихъ, а мухи, кружившіяся надъ ними, раздражали и заставляли ворочаться во снѣ на этомъ твердомъ ложѣ.

— Это ужасно!—пробормотала Ева.

Человѣкъ въ фуражкѣ, не просыпаясь, разжалъ свои руки, потрясъ ими, сжимая и разжимая затекшіе пальцы.

Сердце Евы болѣзненно сжалось отъ состраданія и горя.

Столько нужды! И среди кого? По всей вѣроятности, это безработные. Ея негодованіе обрушилось на только что разставшагося съ ней спокойнаго человѣка. Можно ли жить мирно при видѣ подобныхъ зрѣлищъ? И если разумъ молчитъ, то сердце развѣ не можетъ возмутиться? Кто пойдетъ проповѣдывать этимъ умирающимъ съ голоду о всеобщемъ избирательномъ правѣ? Ружья, только ружья имъ нужны!

Порозовѣвшая аллея тянулась впереди, изрѣшеченная солнечными пятнами, съ сѣрыми стволами деревьевъ по сторонамъ и со сводомъ трепетавшихъ зеленыхъ листьевъ, спускавшихся въ перспективѣ, какъ края узорчатой бахромы. Корни деревьевъ уже подернуты были тьмою, а цѣлая волна прозрачной зелени таинственно замыкала даль. Сидѣвшій на скамейкѣ налѣво священникъ съ газетой въ

Изъ Англіи.

I.

Въ прошломъ письмѣ мы видѣли желательный типъ народной школы, набросанный Чіозза-Моней, авторомъ книги «Riches and Poverty», и профессоромъ Даррокомъ въ его книгѣ «The Children». Каковъ типъ идеальной средней школы, рисующійся англійскому реформатору? «При дѣйствительно національной системѣ народнаго образованія,—говоритъ профессоръ Даррокъ,—средняя школа должна быть не просто лѣстницей, служащей мальчику только для того, чтобы добраться до университета. Средняя школа должна подготовлять также къ высшимъ техническимъ, коммерческимъ и другимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ». Типъ школы долженъ, конечно, находиться въ зависимости отъ той дѣятельности, къ которой подготовляется мальчикъ. Такихъ типовъ четыре. Во-первыхъ, каждой націи необходимо имѣть армію искусныхъ технически-обученныхъ работниковъ. Прежде въ Англіи, больше чѣмъ на континентѣ, техники обучались ремеслу, какъ подмастерья. Относилось это не только къ простымъ мастерамъ. Владѣлецъ завода рѣшалъ, напр., что дѣло должно перейти къ старшему сыну. И вотъ послѣдній до 16 лѣтъ обучался въ средней школѣ, затѣмъ мальчикъ поступалъ на заводъ, гдѣ работалъ сперва какъ простой рабочій, а потомъ, мало-по-малу, входилъ въ детали дѣла. Юноша изучалъ на практикѣ общій процессъ производства, знакомился съ техническими секретами, составляющими спеціальность каждаго большого завода. Параллельно съ этимъ юноша посѣщалъ высшую техническую школу, а еще чаще—вечерніе курсы «политехникума». Послѣдніе научаютъ, какъ справляться съ готовыми формулами и какъ дѣлать на основаніи ихъ вычисленія. И вотъ получался ловкій хозяинъ, знающій въ тонкости каждую мелочь производства, умѣющій самъ отлить модель, вычертить машину, заклепать котелъ, собрать части машины, но не больше. Получался отличный практикъ, добросовѣстный, умный, распорядительный, но консервативный въ научномъ смыслѣ. Такой заводчикъ могъ продолжать съ честью техническія традиціи, но не прокладывалъ новыхъ путей.

Что касается обученія простыхъ мастеровъ, то ихъ не готовятъ уже больше цехи и гильдіи, какъ раньше. Профессіональные союзы могутъ удѣлить теперь только сравнительно мало вниманія подготовленію учениковъ: у трэдъ-юніоновъ другія задачи. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ въ Англіи сдѣланы попытки, имѣющія цѣлью превратить начальную школу въ техническую среднюю. Это—вечерніе классы для прошедшихъ семилѣтній курсъ ученія въ начальной школѣ (Evening Continuation Schools). Преподаваніе на вечернихъ курсахъ, большею частью, поставлено очень хорошо; но оно носитъ или общеобразовательный, или спеціально коммерческій характеръ. Вечерніе курсы при народныхъ школахъ или подготовляютъ къ экзаменамъ на поступленіе въ университетъ (Matriculation), или совершенствуютъ клэрковъ и бухгалтеровъ въ ихъ спеціальностяхъ. Юноши и дѣвушки учатся тогда иностраннымъ языкамъ, стенографіи, коммерческой ариѳметикѣ, счетоводству и пр. Evening Continuation Schools имѣютъ еще одинъ недостатокъ. Посѣщеніе ихъ—не обязательно. Юноши или дѣвушки начинаютъ ходить на вечерніе курсы только черезъ 3 — 4 года послѣ окончанія начальной школы, когда впереди является надежда на повышеніе по службѣ. Но за 3—4 года ученики успѣваютъ забыть многое изъ того, чему учились. Такимъ образомъ, вечерніе курсы должны еще возстановлять утерянное знаніе. По мнѣнію проф. Даррока, вечерніе классы должны давать, прежде всего, систематическое техническое образованіе.

Кромѣ средней школы, подготовляющей искусныхъ мастеровъ, нація нуждается еще въ школахъ, дающихъ коммерческое образованіе. Это дѣло, какъ мы видѣли, порядочно поставлено уже въ Англіи. Затѣмъ третій типъ средней школы,—учебныя заведенія, подготовляющія будущихъ ученыхъ и изслѣдователей, которые могутъ прокладывать новые пути для техники. Вотъ почему,—говоритъ профессоръ Даррокъ,—намъ также необходимъ типъ средней школы, въ которой физика, химія, математика и естественная исторія составляютъ главный предметъ преподаванія. Наконецъ, необходимъ четвертый типъ средней школы, подготовляющей къ университету *). Всѣ типы средней школы должны быть доступны для всего населенія. Только способностью ученика, а не матеріальными средствами родителей должно обусловливаться прохожденіе того или другого курса. Средняя школа должна подготовлять не только будущихъ работниковъ на томъ или другомъ поприщѣ, но и будущихъ гражданъ. Въ этомъ отношеніи въ англійской средней школѣ и теперь уже сдѣлано очень много. Англійская школа, прежде всего, внушаетъ мальчику *self-respect*, чувство самоуваженія. Достигается это тѣмъ, что преподаватели уважаютъ *личность* мальчика и добиваются своими *поступками* уваженія

*) The Children, p. p. 122—124.

со стороны дѣтей. Англійская средняя школа воспитываетъ горячихъ патріотовъ; но достигается это не насажденіемъ шпіонства, не обысками, не выслѣживаніемъ мальчика. Директоры англійскихъ среднихъ школъ понимаютъ патріотизмъ совсѣмъ не такъ, какъ надзиратели арестантскихъ ротъ, переименованные кое-гдѣ на континентѣ въ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія. Директоръ не культивируетъ ненависти одной національности къ другой; не пробуждаетъ въ дѣтяхъ инстинктовъ нетерпимости; не отравляетъ ихъ сознанія ядомъ мракобѣсія. Англійскій директоръ учитъ дѣтей, что *всѣ* они—сыны великой, *свободной*, культурной страны, гдѣ всѣ граждане равны между собою. Въ раннемъ возрастѣ уже мальчики научаются чтить память тѣхъ великихъ борцовъ, которые отстаивали въ разные вѣка религіозную и политическую свободу. Средняя англійская школа—республика, въ которой личность маленькаго гражданина уважается. Школьные клубы, парламенты и газеты содѣйствуютъ развитію самосознанія мальчика. Когда Англію волнуетъ какой-нибудь политическій вопросъ, учитель предлагаетъ въ школѣ мальчикамъ высказаться письменно по этому поводу. Знакомый мнѣ 11-лѣтній мальчикъ обучается въ St. Paul's (одна изъ самыхъ старинныхъ англійскихъ гимназій, если принять нашу терминологію). Третьяго дня онъ, вмѣстѣ съ другими товарищами по классу, отвѣчалъ письменно на вопросъ: «каково ваше мнѣніе о суффражисткахъ? Должны ли женщины имѣть политическія права, или нѣтъ?» Такимъ же образомъ мальчики рѣшали вопросъ, должна ли Ирландія имѣть областной сеймъ? Письменныя работы на эти темы не являются, конечно, капканомъ для «улавливанія» душъ. Пріятель того мальчика, о которомъ я упомянулъ,—ирландецъ, ревностный католикъ, «республиканецъ» и пламенный націоналистъ. Такъ какъ основа воспитанія въ Англіи заключается въ томъ, чтобы высказывать правду, то маленькій ирландецъ въ своемъ сочиненіи развилъ такой тезисъ: «Эринъ долженъ быть свободенъ». Пусть читатели представятъ себѣ, *куда* направилось бы «сочиненіе» подобнаго рода, поданное, напр., директору варшавской гимназіи маленькимъ полякомъ! Въ St. Paul's учитель устроилъ дебаты въ классѣ по поводу тезиса, развитаго маленькимъ ирландцемъ. Замѣтьте, учитель—консерваторъ. *Такимъ* образомъ англійская школа насаждаетъ патріотизмъ и уваженіе къ личности. Въ результатѣ получается слѣдующее. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, русскіе оставляютъ среднюю школу съ такимъ же чувствомъ, какъ и тюрьму. Вспоминаютъ они о школѣ съ ненавистью и отвращеніемъ. Школа преслѣдуетъ многихъ еще долго во снѣ. Самую глубокую обиду, первыя оскорбленія, первыя представленія о человѣческой несправедливости,—все это даетъ намъ школа. Она первая научаетъ насъ страдать и ненавидѣть. Въ Англіи юноша оставляетъ среднюю школу съ сожалѣніемъ и всю жизнь чувствуетъ связь съ нею. Съ какою гор-

достью англичанинъ говоритъ про себя: «I'm an old St. Paul's boy». И этому «boy» 65—70 лѣтъ!

Въ нормально поставленной средней школѣ *не могутъ* возникать такіе вопросы, которые обсуждаются теперь у насъ, говорятъ, мальчиками и дѣвочками 15—16 лѣтъ. Я говорю о спеціальныхъ вопросахъ, занимающихъ, по преимуществу, теперь часть нашей беллетристики. Англичанину кажется дикимъ и чудовищно-противоестественнымъ, что въ Россіи шестнадцатилѣтнія дѣти заняты выясненіемъ сексуальнаго вопроса. Только чудовищной уродливостью школы можно объяснить себѣ явленіе. Въ данномъ случаѣ нельзя говорить о «требованіяхъ природы», о томъ, что о естественныхъ явленіяхъ необходимо говорить прямо и просто. Въ томъ-то и дѣло, что предъ нами что-то нелѣпо-искусственное...

Профессоръ Даррокъ переходитъ потомъ къ послѣднему звену образовательной цѣпи, къ университету, который въ Англіи также своеобразенъ, какъ и средняя школа. На континентѣ не мало людей съ высшимъ образованіемъ мы встрѣчаемъ въ разныхъ классахъ, въ разныхъ профессіяхъ. Въ Англіи % людей, получившихъ высшее образованіе, очень невеликъ. Это зависитъ отъ характера университетовъ, отъ недоступности ихъ вслѣдствіе высокой платы и отъ нѣсколько пренебрежительнаго отношенія англичанъ къ книжному знанію. Результатомъ этого является безспорно болѣе низкій уровень развитія англійскаго средняго общества въ сравненіи съ германскимъ или французскимъ. Какъ бы плохо ни былъ поставленъ университетъ, онъ пускаетъ въ обращеніе цѣлый циклъ новыхъ для малокультурнаго класса идей и понятій. Но, съ другой стороны, въ Англіи на самостоятельные умы университетская рутина не накладываетъ никакого ярма. Подавляющее большинство замѣчательныхъ англичанъ не прошли университетскаго курса. Во всякомъ случаѣ, университетъ ничего не далъ имъ. Достаточно назвать Бокля, Спенсера, Уоллэса, Лайеля, Лэнга и многихъ другихъ. Когда Гладстонъ выступалъ, какъ смѣлый политикъ или какъ финансистъ, — онъ былъ самостоятеленъ. Когда онъ писалъ плохіе комментаріи къ Гомеру или толкованія къ литургіи англиканской церкви,—онъ являлся воспитанникомъ оксфордскаго университета. Профессоръ Даррокъ набрасываетъ желательный типъ университета. Въ данномъ случаѣ, авторъ не оригиналенъ. Онъ отстаиваетъ типъ германскаго университета; но желалъ бы, чтобы послѣдній не ударялся въ крайность, т. е., чтобы научныя изысканія не превратитились въ самоцѣль. Авторъ относится также отрицательно къ тенденціи, наблюдаемой въ Германіи и Англіи, провести рѣзкую демаркаціонную линію между работой университета и технологическаго института. Отчасти это раздѣленіе, по мнѣнію профессора Даррока, обусловливается тенденціей, наблюдаемой въ нѣкототорыхъ академическихъ кругахъ, смотрѣть на техническое знаніе, какъ на нѣчто низшее. Обособленность и оцѣ-

пенѣніе старинныхъ англійскихъ университетовъ,—продолжаетъ авторъ,—тоже содѣйствовали выдѣленію технологическаго института (Technical College) въ самостоятельное цѣлое. «Такое отпаденіе не можетъ быть полезно ни университету, ни технологическому институту. Первый производитъ научныя изслѣдованія, которыя должны быть провѣрены тотчасъ же примѣненіемъ на практикѣ. Для этого университетъ долженъ находиться въ тѣсной связи съ технологическимъ институтомъ, который такою близостью будетъ спасенъ отъ спеціализаціи и отъ узкаго эмпиризма» *).

II.

Послѣ заботъ о хорошей, доступной для всѣхъ школѣ, слѣдуетъ въ программѣ реформаторовъ вопросъ о жилищѣ. Мы слышимъ постоянно толки про то,—говоритъ Чіозза-Моней,—что Англія имѣетъ «слишкомъ плотное» населеніе. Статистика, однако, показываетъ намъ, что на квадратную милю приходится 558 жителей, или одинъ человѣкъ на 1,15 акра. На каждые шесть акровъ можно считать по одной семьѣ. Все населеніе Англіи можно было бы расположить такъ, что индивидуумъ находился бы отъ индивидуума на разстояніи 240 футовъ. Въ 1871 г. разстояніе это было бы 288 ф. Такимъ образомъ, при правильномъ распредѣленіи мѣста хватило бы на всѣхъ. Въ дѣйствительности, «скученность» въ городахъ, о которой приходится постоянно слышать, обусловливается тѣмъ, что деревни почти опустѣли. Графство Лондонъ занимаетъ площадь въ 75 тысячъ акровъ. Здѣсь живетъ пятимилліонное населеніе (если считать пригороды, слившіеся теперь съ метрополіей, то въ Лондонѣ около семи милліоновъ жит.). Другими словами, въ Лондонѣ столько же жителей, сколько во всей Австраліи, или почти сколько въ Канадѣ. Одна девятая часть всего населенія Соединеннаго Королевства живетъ въ столицѣ. Въ Лондонѣ и въ 75 большихъ городахъ Англіи и Уэльса живутъ 15 милліоновъ. По мѣрѣ того, какъ растетъ метрополія, пустѣютъ не только деревни, но и маленькіе города. По даннымъ, сгруппированнымъ въ книгѣ «Riches and Poverties», видно, что большинство населенія, скученнаго въ городахъ, живетъ въ неудовлетворительныхъ квартирахъ. То же самое можно сказать о деревняхъ. Во всей Англіи около 7.500.000 обитаемыхъ домовъ, изъ которыхъ 3.283.600 сдаются меньше, чѣмъ за 10 ф. ст. за каждый въ годъ. Мы имѣемъ 4.956.520 домовъ, идущихъ по 15 ф. ст. въ годъ. Слѣдуетъ помнить, что понятія англичанъ объ удобномъ или неудобномъ жильѣ сильно отличаются отъ понятій подобнаго рода на континентѣ. Квартира, приводящая въ негодованіе англійскихъ изслѣдователей, показалась бы

*) The Aim of the University, p. 129.

многимъ въ Россіи сносной, и даже очень. Сдѣлавъ эту оговорку, нужно признать, что квартиры, сдающіяся въ большихъ городахъ за 15—20 ф. въ годъ, помѣщаются въ домахъ, подлежащихъ разрушенію. Это именно тѣ дома, которые обогащаютъ лэндлордовъ, «Slum-lords». Въ комедіи Бернарда Шоу «The Widower's Houses» мы имѣемъ подобнаго slum-lord'а Сарторіуса. Онъ имѣетъ десятки домовъ въ кварталахъ, предназначенныхъ для разрушенія, и сдаетъ въ нихъ понедѣльно комнаты и углы. Это приноситъ гораздо большія деньги, чѣмъ если бы дома находились въ «респектабельныхъ» кварталахъ и сдавались бы состоятельнымъ жильцамъ. Въ статистическомъ отчетѣ, приготовленномъ сэромъ Шерлей-Морфи, авторъ доказываетъ, что въ бѣдныхъ кварталахъ slum-lord отнимаетъ у населенія не только деньги и здоровье, но и жизнь. Населеніе состоятельныхъ кварталовъ Лондона имѣетъ шансы прожить на нѣсколько лѣтъ больше, чѣмъ населеніе трущобъ. Сэръ Шерлей Морфи вычислилъ даже эти шансы, и вотъ какъ выражаются въ цифрахъ эти любопытные результаты. Новорожденный здоровый ребенокъ имѣетъ шансы въ Хэмстэдѣ (состоятельный лондонскій кварталъ) дожить до 50,8 лѣтъ, а въ Саутсуоркѣ (бѣдный кварталъ)—до 36,5 лѣтъ. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ кварталѣ slum-lord отнимаетъ у своихъ квартирантовъ 14,3 лѣтъ жизни.

	Сколько лѣтъ жизни впереди		
Возрастъ	Хэмстэдъ	Саутсуоркъ	Сколько лѣтъ отнято
5	57,4	48,7	8,7
10	53,3	45	8,3
15	48,7	40,6	8,1
20	44,2	36,4	7,8
25	39,8	32,4	7,4
30	35,5	28,6	6,9
35	31,3	25	6,3
40	27,5	21,9	5,6
45	23,8	18,9	4,9
50	20,3	16,2	4,1
55	17	13,6	3,4
60	14,1	11,3	2,8
65	11,5	9,1	2,4
70	9,2	7	2,2
75	7,1	5,2	1,9

Въ Хэмстэдѣ только 6,3% всего населенія живетъ въ квартирахъ, меньше чѣмъ въ пять комнатъ. Въ Саутсуоркѣ 31, 6 населенія имѣютъ квартиры, состоящія только изъ двухъ комнатъ. Хэмстедъ занимаетъ площадь въ 2.248 акровъ, на которой живетъ населеніе въ 68,416 чел. Въ Саутсуоркѣ на площади въ 544 ак. живутъ 89,800 чел.

На смѣну частному предпринимателю должно явиться общество. Оно обязано позаботиться о томъ, чтобы всѣ граждане, вступающіе въ жизнь послѣ окончанія школы, имѣли бы одинаковые шансы

на возможное отдаленіе конечнаго момента смерти. Англія представляетъ теперь аггрегатъ совершенно самостоятельныхъ муниципальныхъ клѣточекъ. И этимъ послѣднимъ предстоитъ позаботиться о здоровьи и счастьи всѣхъ согражданъ. Но «клѣточка», берущая на себя такія обязанности, такъ или иначе нарушаетъ интересы отдѣльныхъ предпринимателей. И вотъ теперь, когда для многихъ становится очевиднымъ, что отдѣльные предприниматели, богатѣя сами, абсолютно не щадятъ интересовъ всѣхъ гражданъ,—мы видимъ, что лица, заинтересованныя въ сохраненіи стараго порядка, пробуютъ напугать населеніе призракомъ «соціализма». Краснымъ призракомъ пугаютъ населеніе пивовары и винокуры, интересы которыхъ нарушены новымъ законопроектомъ о сокращеніи пьянства; о «соціализмѣ» кричатъ slum-lords, когда городъ собирается строить новые и удобные коттэджи. «Соціализмъ» усматривается, конечно, въ каждомъ земельномъ законодательствѣ. «Законопроектъ о сокращеніи пьянства въ дѣйствительности является соціализмомъ, раздѣленнымъ на нѣсколько дозъ,—пишетъ одинъ изъ противниковъ законопроекта *Times*.—Партія, стоящая за трезвость, въ сущности, дѣйствуетъ подъ руководствомъ соціалистовъ. Мы имѣемъ теперь только первую дозу. Если соціалисты успѣютъ теперь въ своемъ намѣреніи, то они скоро приступятъ къ конфискаціи другихъ формъ собственности» *). Авторъ письма взываетъ къ акціонернымъ компаніямъ, трэдъ-юніонамъ, кооперативнымъ и строительнымъ обществамъ, ко всѣмъ среднимъ классамъ и къ рабочимъ классамъ, чтобы они сгрудились и отстояли частную собственность отъ покушенія на нее со стороны соціалистовъ. Чтобы лучше защитить частную собственность, авторъ рекомендуетъ дать политическія права женщинамъ. «Борьба съ соціалистами закончится у избирательныхъ урнъ,—говоритъ онъ.—И вотъ по мѣрѣ приближенія этого момента, защитники частной собственности тревожно задаются вопросомъ: не ослаблены-ли значительно ихъ силы тѣмъ, что женщины не имѣютъ избирательныхъ правъ? До тѣхъ поръ, покуда женщины, владѣющія акціями разныхъ предпріятій, не имѣютъ политическихъ правъ, средства самообороны компаній значительно ослаблены. Это обстоятельство хорошо поняли директоры пивоваренныхъ заводовъ и разослали своимъ акціонерамъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, приглашеніе настойчиво требовать отъ своего депутата, чтобы онъ голосовалъ противъ законопроекта о сокращеніи числа кабаковъ (Licensiny Bill). Къ чему эти циркуляры, если женщины не имѣютъ избирательныхъ правъ?» Въ томъ-же *Times* надняхъ появился манифестъ «Лиги промышленной свободы», зовущій на бой съ соціализмомъ. «То обстоятельство, что рабочая партія на послѣднемъ конгрессѣ въ Гуллѣ высказалась за соціализмъ,—читаемъ мы въ манифестѣ,—показываетъ, какъ велика

*) *The Times*, March 27, 1908.

опасность, урожающая теперь странѣ. Сторонники конфискаціи и расхищенія сдѣлали значительный шагъ впередъ. Они пытаются захватить въ свои руки трэдъ-юніоны, чтобы такимъ образомъ скорѣе достигнуть цѣли, намѣченной соціализмомъ. Предъ лицомъ частныхъ предпринимателей, на благоденствіи которыхъ держится имперія, стоитъ теперь большая опасность. Чтобы устранить ее, требуется напряженіе всѣхъ усилій». Дальше изъ манифеста явствуетъ, что́ подразумѣваетъ Лига промышленной свободы подъ этими словами. Соціалисты ведутъ борьбу при помощи лекцій, митинговъ и распространенія литературы. То же самое призываетъ дѣлать и манифестъ. Необходимо, говоритъ онъ, распространять литературу, доказывающую убыточность муниципальнаго соціализма и утопичность соціалистическихъ идеаловъ вообще. Въ цѣломъ рядѣ городовъ устроены были публичныя состязанія между соціалистами и индивидуалистами. Таковы, напр., диспуты между Викторомъ Крэйзономъ и Джойнсонъ-Хиксомъ въ Манчестрѣ, 14 февраля 1908 г. *), Гари Квелчемъ и Муромъ въ Ирби, 16 октября 1907 г. *). Рѣчи защитниковъ и враговъ соціализма печатаются въ такихъ отчетахъ параллельно. Читателямъ предоставляется рѣшить, кто болѣе правъ. Такъ поступаютъ, во всякомъ случаѣ, соціалисты. Представители другой стороны до сихъ поръ выпустили только одну книжку, представляющую хоть нѣкоторое подобіе критики теоретическихъ основъ соціализма (Socialism: Its Fallacies and dangers, by Frederic Millar). Авторъ предпочитаетъ бороться съ Вильямомъ Моррисомъ, съ составителями популярныхъ англійскихъ брошюрокъ, но не съ Марксомъ. Такъ какъ изъ публичныхъ состязаній съ соціалистами члены Лиги промышленной свободы до сихъ поръ не выходили побѣдителями, то они предпочитаютъ имѣть дѣло съ противниками *воображаемыми*. Такимъ противникамъ можно влагать въ уста какія угодно глупости, чтобы потомъ побѣдно опровергнуть ихъ. Таковъ, напр., діалогъ, выпущенный Лигой защиты свободы и собственности и озаглавленный: «Частная собственность, или старомодное безуміе и новая философія» *). О діалогѣ можетъ дать представленіе слѣдующая выдержка. Здравомыслъ, носящій кличку Старый глупецъ, задаетъ «новому философу» вопросъ:

— Вѣрите ли вы въ частную собственность?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчаетъ «новый философъ», представленный идеально глупымъ и невѣжественнымъ.

Старый глупецъ. Хорошо. Примѣнимъ, въ такомъ случаѣ, вашу доктрину къ случаю, въ которомъ вы лично заинтересован-

---

*) Socialism. Debate in the Free Trade Hall. Manchester. Verbatim Report. 32 p. p.

**) Is Socialism Advantageous to the Individual? Report of Public Debate at the Albion Hall, Earby, on Wednesday, October 16—th, 1907.

ное лицо. Всегда хорошо, если возможно, взвѣсить философовъ на ихъ собственныхъ вѣсахъ и измѣрить ихъ собственной же мѣрой. Ну, вотъ вы теперь собираетесь засунуть въ ротъ кусокъ хлѣба. Является ли этотъ послѣдній вашей собственностью, или нѣтъ? На простой вопросъ я требую простой отвѣтъ». Вмѣсто того, чтобы говорить о добавочной стоимости и о происхожденіи капитала,— «Лига промышленной свободы» и «Лига защиты собственности» предпочитаютъ выдвигать противъ соціалистовъ тѣ самыя обвиненія въ безбожіи и безнравственности, которыя мы встрѣчаемъ еще въ памфлетахъ, направленныхъ противъ Роберта Оуэна. Такова усиленно распространяемая брошюра Кэйли Кольверта *), носящая на обложкѣ благословленіе отъ Daily Mail. «Соціализмъ основанъ на грабежѣ, откровенномъ и págломъ,—читаемъ мы.— Девизъ его:—«Хватай!» Въ красномъ катехизисѣ замѣтно отсутствуетъ заповѣдь *не укради*. Въ писаніяхъ соціалистовъ чуются тѣни знаменитыхъ разбойниковъ Робина Гуда, Дикъ Тёрпина и Чарльса Пиля». А вотъ выдержки изъ другой главы или, точнѣе, изъ другого куплета: «Соціализмъ и религія». «Соціалисты, найдя, что ихъ атеизмъ и насмѣшки надъ религіей не пользуются популярностью, пробуютъ теперь замести слѣдъ. Но это не удается. (Послѣднія слова набраны жирнымъ, крупнымъ шрифтомъ). Всѣ почти писанія соціалистовъ пропитаны духомъ невѣрія. Напрасно Блэтчфордъ цитируетъ нагорную проповѣдь. Онъ—безбожникъ. (Опять жирный и крупный шрифтъ). Мы доказали бы рядомъ выдержекъ изъ произведеній Бернарда Шоу и другихъ соціалистовъ, что всѣ эти авторы безбожники; но боимся оскорбить чувство читателя. Со времени Роберта Оуэна соціализмъ и атеизмъ всегда были близкими союзниками. И этотъ союзъ поддерживаютъ теперь всѣ выдающіеся защитники ученія». «Уничтоживъ націю и изгнавъ религію, соціализмъ затѣмъ накладываетъ свою руку на домашній очагъ, на «home», который желаетъ замѣнить кооперативными казармами, гдѣ разныя семьи будутъ сидѣть вмѣстѣ за чайнымъ столомъ въ счастливомъ согласіи и пользоваться общими чайными ложечками». Предоставляемъ судить читателю, какъ это понравится обыковенному англичанину, гордящемуся тѣмъ, что «его домъ— его крѣпость». Довольно, однако. Читатель видитъ, что авторы, отстаивающіе старыя привилегіи одной группы, не проявляютъ особенной оригинальности въ изобрѣтеніи аргументовъ.

---

*) «Socialism»? By Cayley Calvert. Publishedbyhe Constitutional speaker's Lengue. London, 1908.

III.

У защитниковъ расширенія дѣятельности муниципалитетовъ въ смыслѣ большей заботы объ интересахъ гражданъ много доводовъ. «Говорятъ, муниципальныя предпріятія, какъ забота о жилищахъ и пищѣ гражданъ, не нужны, потому что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ частныхъ предпринимателей,—говоритъ Сѣтсерсъ.—Разсмотримъ, каковы главныя потребности общества. Населенію необходимы: пища, платье, топливо и жилище. Въ какой степени удовлетворительно снабжаютъ частные предприниматели гражданъ всѣмъ этимъ. Внѣ сомнѣнія, что значительная часть населенія питается плохой и фальсифицированной пищей. Не подлежитъ также сомнѣнію, что платье этой части населенія неудовлетворительно. Угольные промышленники заставляютъ бѣдняковъ, покупающихъ уголь мѣшками, платить за топливо гораздо больше, чѣмъ богатыхъ людей. Къ тому же, бѣдняки никогда не имѣютъ достаточно угля, чтобы согрѣться зимою. Такимъ же образомъ частный предприниматель не удовлетворяетъ запросамъ населенія по поводу жилищъ. Мы видимъ, что населеніе въ городахъ живетъ крайне скученно. Бѣдняки вынуждены ночевать на улицѣ или идти въ рабочій домъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ возможности снять приличный коттеджъ. Эти факты извѣстны всѣмъ. Частные предприниматели оказались не въ силахъ доставить населенію предметы первой необходимости. Но защитники конкуренціи и частнаго предпріятія не признаютъ отвѣтственности за бѣдность. «Послѣдняя обусловливается общими законами,—говорятъ они.—Всѣ граждане имѣютъ въ жизни равные шансы на успѣхъ». Защитники частныхъ предпріятій утверждаютъ, что поставщики всегда готовы доставить желающимъ пищу, топливо и жилища. Такимъ образомъ, нѣтъ никакой надобности въ муниципальномъ соціализмѣ. Утвержденія подобнаго рода,—говоритъ Сѣтсерсъ,—дѣлались людьми, пользующимися всеобщимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Такъ, напримѣръ, лордъ Авебери (прежде сэръ Джонъ Леббокъ) заявилъ передъ комиссіей, изслѣдующей городскія предпріятія, что муниципалитеты могли бы и не строить жилищъ для работниковъ, повышая такимъ образомъ городскіе налоги. Работники могли бы быть удовлетворены, если бы постройкой занялись частные предприниматели. Между тѣмъ, въ такомъ случаѣ, граждане не были бы обременены добавочнымъ городскимъ налогомъ. Другой экспертъ, тоже дававшій показанія коммиссіи, прежде состоялъ предсѣдателемъ лондонскаго общества подрядчиковъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что муниципалитеты не должны строить домовъ для работниковъ, такъ какъ частные предприниматели «сдѣлаютъ все, могущее принести выгоду». Торговцы тоже говорятъ, что готовы доставлять всѣмъ, желающимъ платить,

что угодно. Насколько все это вѣрно? До послѣдняго времени муниципалитеты совершенно не конкуррировали съ частными подрядчиками въ дѣлѣ постройки домовъ. И вотъ мы имѣемъ «жилищный голодъ». Вопросъ объ удобныхъ помѣщеніяхъ для массъ сталъ государственнымъ вопросомъ. Онъ выдвинутъ былъ на послѣднихъ выборахъ и теперь обсуждается въ парламентѣ. Послѣдняя перепись показала, что почти треть всего населенія живетъ скученно. Въ Лондонѣ около милліона живетъ такъ, что на комнату приходится больше, чѣмъ три человѣка. (По англійской терминологіи это—«illegal overcrowding», т. е. противозаконная скученность). Больше двухсотъ тысячъ человѣкъ живутъ въ домахъ-казармахъ *). Сотни тысячъ людей живутъ скученно не вслѣдствіе бѣдности, но потому, что нѣтъ достаточнаго количества свободныхъ домовъ. Вотъ типичная картина скученности, нарисованная священникомъ Дэвисомъ. Дѣло идетъ о кварталѣ Спайтанфильдсъ въ Лондонѣ. «Въ одной уличкѣ—10 домовъ, а въ нихъ—51 комната. Размѣръ комнатъ 8×9 футовъ. Въ этихъ домахъ живутъ 254 человѣка. Только въ шести случаяхъ на комнату приходится по два человѣка; въ остальныхъ число живущихъ въ одной комнатѣ колеблется отъ трехъ до девяти. Вотъ другой дворъ. Въ немъ шесть домовъ, съ 22 комнатами, въ которыхъ 84 человѣка. Опять въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ каждой комнатѣ живутъ 6, 7, 8 и даже девять человѣкъ. Въ одномъ домѣ восемь комнатъ. Живутъ въ нихъ 45 человѣкъ. Въ одной комнатѣ спали девять человѣкъ, въ другой восемь. Я видѣлъ,—продолжаетъ священникъ,—людей, имѣющихъ деньги, но не могущихъ найти квартиру». А вотъ выдержки изъ книги Раунтри, свидѣтельствующія о положеніи жилищнаго вопроса въ Іоркѣ. «Около 12% всего рабочаго населенія здѣсь живетъ въ удобныхъ и здоровыхъ въ санитарномъ отношеніи домахъ. Что же касается домовъ, въ которыхъ живетъ 88% остальнаго рабочаго населенія, то они заставляютъ желать многаго. 64% всѣхъ домовъ въ Іоркѣ имѣютъ только по двѣ спальни» **). Мы опять сталкиваемся съ понятіемъ о неудобствѣ въ *англійской* интерпретаціи.

«Іоркъ—небольшой провинціальный городъ, въ которомъ много свободной земли,—говоритъ Раунтри.—Стоимость построекъ дешевле, чѣмъ во многихъ другихъ городахъ». И, несмотря на это, частные предприниматели не выстроили квартиръ для всѣхъ желающихъ. Положеніе вещей во многихъ сельскихъ районахъ Англіи въ такой же степени неудовлетворительно,—продолжаетъ цитируемый авторъ. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сотни тысячъ сель-

*) Block-dwellings,—образцовыя квартиры, выстроенныя въ Лондонѣ, Глазго и другихъ большихъ городахъ. Съ континентальной точки зрѣнія эти дома-казармы не безъ удобствъ, такъ какъ квартиры въ нихъ хороши; но съ точки зрѣнія англичанъ эти block-dwellings, съ общими лѣстницами, массой квартиръ и вѣчнымъ гамомъ,—ужасны.

**) *R. B. Suthers*, „The Case for Municipal Management", p. 15—18.

скихъ работниковъ переселились въ города. И одной изъ причинъ переселенія былъ недостатокъ въ коттеджахъ. Всюду чувствуется большой недостатокъ въ домахъ, за которые населеніе готово платить. Въ послѣдніе годы муниципалитеты признали необходимость бороться со зломъ; но частные предприниматели всѣми силами возстаютъ противъ намѣренія городовъ строить жилища для массъ.

IV.

Городъ долженъ заботиться,—по мнѣнію англичанъ,—не только объ *удобныхъ*, но и о *красивыхъ* жилищахъ для массъ. Я говорилъ уже о томъ, какъ отрицательно относятся англичане къ «block-dwellings». Квартиры въ этихъ домахъ-казармахъ состоятъ изъ 3—5 комнатъ, очень удобныхъ и очень красивыхъ съ континентальной точки зрѣнія. Но «block-dwelling» поглощаетъ своею коллективностью, такъ сказать, индивидуальность отдѣльнаго жильца. И англичанинъ, поэтому, не идетъ въ «образцовыя жилища», гдѣ селятся, главнымъ образомъ, иностранцы. «За послѣднія десять лѣтъ появилось много *образцовыхъ* жилищъ, (*образцовыхъ* во всемъ, но только не въ томъ, чѣмъ должно быть жилье), и не мало лондонскихъ пустырей покрылись болѣе или менѣе уродливыми постройками,—говоритъ Чіозза-Монней.—Городу приходится бороться не только съ болѣзнями и высокой смертностью, но также и съ безобразіемъ. Спекуляторъ-подрядчикъ застраиваетъ предмѣстья цѣлыми улицами некрасивыхъ домовъ. Исчезаютъ десятки акровъ зеленыхъ луговъ. Безобразные дома все болѣе и болѣе врываются въ живописныя окрестности Лондона. Деревья вырубаются, и срывается каждый футъ дерна. Городъ растетъ, а передъ нимъ исчезаетъ красота. Тропинки становятся улицами, живая изгородь вдоль дорогъ вытѣсняется чугунными рѣшетками передъ вновь выстроенными домами. Возникаютъ цѣлыя мили убійственно-однообразныхъ домиковъ, съ одинаковыми фронтонами, одинаковыми деревянными шторами и садиками позади». Такая монотонность убиваетъ всякое представленіе о красотѣ у подрастающаго поколѣнія. Она вытравливаетъ индивидуальность. Городъ долженъ заняться постройкой жилищъ; но обязанъ также позаботиться о развитіи эстетическихъ вкусовъ подрастающаго поколѣнія. Прежде всего, для этого необходимъ просторъ, чтобы дома могли чередоваться лугами и садами. «Чтобы удобно разселить населеніе нашихъ городовъ,—говоритъ Чіозза-Моней,—понадобилось бы, сравнительно, немного земли. Въ Соединенномъ Королевствѣ около 9 милліоновъ семействъ. Чтобы разселить ихъ такъ, чтобы на акръ приходилось по пяти семействъ,—понадобилось бы 1.800.000 акровъ, то есть только $1/_{40}$ площади всей Англіи. Такимъ образомъ, городъ, прикупивъ землю, можетъ приступить къ удобному размѣщенію жителей. Уже больше 15 лѣтъ дѣйствуетъ законъ, дающій муниципалитетамъ

право принудительно отчуждать землю. Недостаткомъ этого закона является то, что жадности землевладѣльцевъ не положенъ предѣлъ. Нагляднымъ примѣромъ является покупка у покойнаго лорда Солсбри трущобъ въ Лондонѣ, когда муниципалитету понадобилось проложить новую улицу между Холборномъ и Стрэндомъ. Жадность лорда Солсбри смутила даже верхнюю палату.

Теперь, по новому законопроекту, внесенному въ парламентъ, спеціальные суды будутъ устанавливать справедливую плату за землю, когда она понадобится графскимъ совѣтамъ для сооруженія удобныхъ и изящныхъ жилищъ для массъ. Какъ много можно сдѣлать въ этомъ отношеніи, показываютъ новые «города-сады», а въ особенности Боурнвилль. О послѣднемъ я писалъ уже въ «Русскомъ Богатствѣ»; но теперь, имѣя подъ рукой новыя данныя, опять остановлюсь на любопытномъ опытѣ. Мѣстечко Боурнвилль находится въ шести верстахъ отъ Бирмингэма. Землю здѣсь пріобрѣлъ извѣстный радикалъ, квакеръ Кэдбери. По сосѣдству находится его громадная шоколадная фабрика. И вотъ Кэдбери выстроилъ для работниковъ идеальныя по красотѣ и удобству жилища. Затѣмъ Кэдбери подарилъ землю и постройки націи (подарокъ оцѣнивается въ два милліона руб.). «Основатель,—говорится въ дарственной записи,—желаетъ облегчить зло, проистекающее отъ нездоровыхъ и неудобныхъ жилищъ. Онъ желалъ бы дать возможность работникамъ сочетать удобства сельской и городской жизни». Въ настоящее время Боурнвилль—самостоятельная муниципальная республика. Совѣтъ, избранный всѣмъ населеніемъ, поддерживаетъ характерную особенность Боурнвилля, т. е. изобиліе садовъ и луговъ. Мѣстечко состоитъ изъ удивительно изящныхъ и удобныхъ коттеджей, окруженныхъ садами и лужайками. Каждый коттеджъ, въ которомъ живетъ одна семья, обвитъ плющемъ, розами и японскимъ жасминомъ, цвѣтущимъ уже въ январѣ. Дома построены такъ, чтобы солнце было въ комнатахъ возможно больше времени. Красота и живописность домиковъ въ Боурнвиллѣ поражаютъ всѣхъ пріѣзжихъ. Къ каждому коттеджу прилегаетъ фруктовый садикъ. Кромѣ того, въ мѣстечкѣ есть около 100 участковъ земли для желающихъ заняться земледѣліемъ. Двѣ вечернія земледѣльческія школы, усердно посѣщаемыя молодежью (клэрками и рабочими), даютъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Кромѣ этихъ садиковъ, въ Боурнвиллѣ всюду зелень и цвѣты. Совѣтъ мѣстечка усиленно поощряетъ цвѣторазведеніе. Теперь въ Боурнвиллѣ рабочіе фабрики Кэдбери составляютъ только 41,2%. 40,2% населенія работаетъ въ Бирмингэмѣ, а 18,6% въ сосѣднихъ деревняхъ. О занятіяхъ жителей даютъ представленіе слѣдующія цифры:

Фабричные рабочіе	50,7%
Клэрки и коммивояжеры	13,3 „
Машинисты, плотники, каменщ. и пр. . .	36 „

Всѣ они платятъ ренту отъ 5 шил. до 12 шил. 6 п. въ недѣлю *). О томъ, какое вліяніе имѣетъ здоровое жилье на населеніе, говорятъ такіе факты: въ Бирмингэмѣ смертность дѣтей 331 на 1.000, а въ Боурнвиллѣ только 65. Смертность взрослыхъ въ Бирмингэмѣ 19,3 на тысячу, а въ Боурнвиллѣ—только 6,9. Сравните эти цифры съ смертностью въ русскихъ городахъ (35—39), и результаты васъ особенно поразятъ. Боурнвилль не филантропическое предпріятіе, и не причуда очень богатаго человѣка. Предо мною послѣдній отчетъ, изданный совѣтомъ идеальнаго городка. Получено: за сдачу въ аренду домиковъ—6.611 ф. ст. и за землю — 1.511 ф. ст., всего — 8.162 ф. ст. Израсходовано 3.577 ф. ст. (жалованье служащимъ—910 ф. ст., ремонтъ домовъ—1.198 ф. ст., на поддержаніе садовъ, лужаекъ и дорожекъ—326 ф. ст., и т. д.). Такимъ образомъ, въ кассѣ осталось 3.577 ф. ст. Эти деньги затрачены на сооруженіе новыхъ пятидесяти домиковъ. Спросъ на коттеджи въ Боурнвиллѣ такъ великъ, что кандидаты записываются заблаговременно. Такимъ образомъ, мы видимъ, что вполнѣ въ предѣлахъ возможности, даже при нынѣшнихъ условіяхъ (въ Англіи), доставить населенію дешевыя, красивыя и удобныя жилища. И когда внѣшнія условія таковы, что человѣкъ не встрѣчаетъ препятствій для свободнаго, разумнаго проявленія своей индивидуальности; когда дѣйствительность не давитъ человѣка, какъ тяжелый кошмаръ; когда невозможенъ дикій произволъ, врывающійся въ мирную обывательскую жизнь, какъ самумъ; когда человѣкъ видитъ вокругъ себя здоровыхъ, нормальныхъ, широкоплечихъ, сильныхъ людей, веселыхъ, смѣющихся дѣтей, красивыхъ, жизнерадостныхъ женщинъ и улыбающійся ландшафтъ, съ домиками, обвитыми плющемъ и розами, а не помѣшанныхъ Передоновыхъ, злыхъ Варваръ, маленькихъ неврастениковъ-гомункулусовъ, въ пятнадцать лѣтъ рѣшающихъ «проблемы пола», и все это на фонѣ убійственно скучныхъ городовъ, описанныхъ Чеховымъ въ разсказѣ «Моя жизнь»,—тогда невольно рождается заключеніе, что жизнь не совсѣмъ уже «каиново проклятіе», наложенное на насъ неумолимымъ рокомъ. Если кого-нибудь изъ читателей «мѣщанскій» идеалъ шокируетъ, я напомню слова стариннаго писателя:

«Ne vous scandalisez:
Voyant le deuil, qui vous mine et consomme,
Mieux est de ris, que de larmes escrire:
Pour ce que rire est le propre de l'homme».

Послѣ школы и жилищъ, реформы, по проекту англійскихъ радикаловъ, должны коснуться земли.

---

*) За пять шиллинговъ работникъ имѣетъ домикъ изъ четырехъ комнатъ, съ кухней и ванной. Комнаты отъ 17╳16 фут. до 10╳8 фут. Кромѣ этого, имѣется еще въ каждомъ домикѣ прачешная въ 13╳11 ф., кладовая въ 5╳4 ф. и погребъ для углей.

V.

Читатели знаютъ, безъ сомнѣнія, давно уже установленный фактъ, что стремительный приростъ населенія въ Англіи наблюдается, по преимуществу, въ большихъ городахъ. Онъ является результатомъ тяги деревни въ большіе центры. Вотъ, напр., цифры, показывающія приростъ населенія за девять лѣтъ въ городахъ и деревняхъ Англіи и Уэльса:

По переписи.	Въ городскихъ округахъ.	Въ деревенскихъ округахъ.
1891 г.	21.745,286	72.57,239
1901 „	35.058,355	74.69,448

Таблица показываетъ, что въ то время, когда городское населеніе за десять лѣтъ увеличилось на 15,2%, сельское населеніе возрасло только на 2,9%. Въ цѣломъ рядѣ графствъ, населеніе въ деревняхъ не только не увеличилось, но даже уменьшилось вслѣдствіе эмиграціи въ города. Такъ, напримѣръ, въ Корнвалисѣ за десять лѣтъ деревенское населеніе уменьшилось на 1,9%, а въ Монтгомерширѣ—на 9,7%. Статистики, завѣдывавшіе народной переписью 1901 г., сдѣлали очень любопытный подсчетъ. Они взяли 112 чисто сельскихъ округовъ и опредѣлили движеніе населенія въ нихъ за 100 лѣтъ, съ цѣлью выяснить размѣры тяги изъ деревни.

По переписи.	Населеніе.	Приростъ или убыль.
1801 г.	932.364	
1811 „	997.494	+ 6,99%
1821 „	1.139.137	+ 14,20 „
1831 „	1.216.872	+ 6,82 „
1841 „	1.288.410	+ 5,88 „
1851 „	1.324.528	+ 2,80 „
1861 „	1.321.870	— 0,20 „
1871 „	1.321.377	— 0,04 „
1881 „	1.313.570	— 0,59 „
1891 „	1.304.827	— 0,67 „
1901 „	1.330.319	+ 1,96 „

Стремительный приростъ деревенскаго населенія въ 1811—1821 годахъ объясняется окончаніемъ войнъ съ Франціей. Съ 1851—1891 гг. деревенское населеніе постепенно уменьшается, но въ 1901 г. мы опять видимъ небольшой приростъ. Объясняется онъ слѣдующимъ. Въ 73 сельскихъ округахъ населеніе уменьшилось и въ 1901 г.; но въ другихъ округахъ, гдѣ находятся шахты, наблюдался притокъ рабочихъ вслѣдствіе увеличенія добычи каменнаго угля. Такимъ образомъ, всѣ собственно сельскіе районы за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ постепенно пу-

стѣютъ. Вообще во всѣхъ деревенскихъ округахъ Англіи за послѣднія десять лѣтъ естественный приростъ населенія составлялъ 565.253 ч. Но въ тотъ же періодъ времени 500.654 чел. оставили деревни и переселились въ большіе города или въ колоніи. Еще болѣе печальны цифры, показывающія число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Въ 1851 г. ихъ было 1.904.687, а въ 1901 г. только 988.340. Слѣдуетъ помнить, что сюда входятъ не только сельскіе работники, но и дѣти ихъ, затѣмъ приказчики, надсмотрщики, пастухи, садовники, полевые сторожа, молочницы и проч. Не только въ одной Англіи наблюдается тяга изъ деревни въ городъ. Въ дѣйствительности, это—универсальное явленіе. Въ періодъ 1851—1896 гг. городское населеніе увеличилось на 14%, а въ Германіи—на 18%.

Протекціонисты, или, какъ они себя теперь называютъ, «Fiscal Reformers», т. е. реформаторы тарифныхъ обложеній, видятъ единственное спасеніе въ покровительственныхъ пошлинахъ и въ преміяхъ для помѣщиковъ. Необходимо освободить послѣднихъ отъ подоходныхъ и другихъ прямыхъ налоговъ. «Иностранные фермеры, присылающіе на англійскій рынокъ свой хлѣбъ, не платятъ намъ ренты или налоговъ, а, между тѣмъ, мы даемъ иностранцамъ всѣ привилегіи, за которыя платитъ нашъ фермеръ,—говорится въ одной изъ наиболѣе ходкихъ книжекъ, выпущенныхъ протекціонистами. Не только надлежитъ освободить фермера отъ налоговъ, но ему необходимо также давать премію, заботясь только о томъ, чтобы она не увеличила ни на фартингъ нашихъ расходовъ. Фермеръ вѣдь никогда не увѣренъ, каковъ будетъ результатъ урожая. Мы жертвуемъ ежегодно 15 мил. ф. ст. на дѣла благотворительности, а именно на поддержаніе бѣдныхъ. Среди получающихъ эту помощь не мало способныхъ къ труду и искусныхъ мастеровыхъ. Дайте фермеру премію за каждый акръ земли, который онъ обрабатываетъ, и за каждаго паупера, которому даетъ работу. Премія должна составлять опредѣленную часть изъ этихъ 15 мил. ф. ст. Если фермера освободить отъ всѣхъ налоговъ и дать ему премію, то онъ въ состояніи будетъ платить своимъ работникамъ хорошую плату. Такимъ образомъ, теперь нежелательный общественный элементъ—безработные, представляющіе опасность для страны, превратятся въ производителей и въ потребителей» *). Такимъ образомъ, англійскій помѣщикъ, какъ и русскій, знаетъ твердо только одно слово: «субсидія». Но въ Англіи помѣщикъ только вожделѣетъ въ мечтахъ, никогда не надѣясь на успѣхъ, а въ Россіи самая эксцентричная мечта становится дѣйствительностью и только разжигаетъ аппетитъ. Англійскій помѣщикъ, какъ и русскій, утверждаетъ, конечно, что только крупное землевладѣніе

*) Fiscal Reform or Socialism? An Eye-Opener to the British Taxpayer. London, 1908. p. 40.

можетъ спасти страну. Всякое землевладѣніе, основанное на «конфискаціи» (т. е. на принудительномъ отчужденіи за справедливое вознагражденіе), по мнѣнію сторонниковъ премій и субсидій, принесетъ только одинъ вредъ. Сельскій работникъ, будто бы, не желаетъ быть самъ фермеромъ *). Чтобы скорѣе убѣдить избирателей въ необходимости премій и субсидій,—протекціонисты пугаютъ англичанъ голодомъ во время войны. «Война помѣшаетъ доставкѣ въ Англію предметовъ первой необходимости. И тогда черезъ четыре мѣсяца все 40 милліонное населеніе ея умретъ съ голода,—говоритъ авторъ упомянутой уже книжки.—Теперь, когда доставка хлѣба всецѣло зависитъ отъ иностранцевъ,—мы должны принять во вниманіе такую случайность, какъ блокада англійскихъ береговъ непріятельскимъ флотомъ. Выгоднѣе, поэтому, поощрять отечественныхъ производителей, чѣмъ покупать у иностранцевъ. Помните, черезъ 16 недѣль послѣ блокады у насъ наступитъ голодъ, а между тѣмъ придется кормить громадную армію, которая будетъ защищать наши берега. Голодъ болѣе сильное оружіе, чѣмъ скорострѣльныя пушки. Съ каждымъ годомъ Англія все больше и больше ввозитъ изъ-заграницы хлѣба и другихъ пищевыхъ продуктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, ввезено:

Въ 1875 г.	на	124.335.000 ф. ст.
„ 1885 „	„	133.634.000 „ „
„ 1895 „	„	149.050.000 „ „
„ 1905 „	„	204.553.000 „ „

За тридцать лѣтъ стоимость пищевыхъ продуктовъ, ввезенныхъ въ Англію, увеличилась на 80 милліоновъ ф. ст. Въ то же время число лицъ, занимающихся земледѣліемъ, значительно уменьшилось. Въ 1841—45 г.г. Англія производила пшеницу на 24 мил. чел. или на 90% всего населенія, а теперь только на 4.500.000 чел., или на 10,6% всего населенія» **).

Протекціонистамъ возражаютъ, что безработные есть въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи, т. е. въ странахъ, оцѣпленныхъ таможенными кордонами. Въ Америкѣ 30% безработныхъ, въ Германіи—14, въ Англіи—только шесть. Англійскіе помѣщики имѣли

*) Отвѣтомъ на это является слѣдующая выдержка изъ „Times". Дѣло идетъ о большомъ митингѣ въ Ридингѣ. Лордъ Картингтонъ (радикалъ), представляя слушателямъ оратора, товарища министра Льюиса Гаркорта, сказалъ, что земельный законъ, выработанный послѣднимъ имѣлъ громадный успѣхъ (Дѣло идетъ о Small Holdings Act, 1907). За мѣсяцъ существованія закона въ министерство земледѣлія поступили 1003 заявленія о желаніи снять 160.000 акровъ земли. Въ одномъ графствѣ Беркширъ поступило болѣе 100 заявленій отъ сельскихъ работниковъ. Въ этомъ графствѣ на помощь работникамъ явилось добровольное Small Holdings Society, которое сняло 3000 акровъ. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что законъ 1907 г. принесетъ большую пользу.

**) An Eye-Opener to the British Taxpayer, p. 42.

отличныя времена въ первой половинѣ XIX вѣка; но, несмотря на высокую цѣну на хлѣбъ, они платили сельскимъ работникамъ ничтожную плату. Сороковые года XIX вѣка извѣстны въ Англіи, какъ «голодные». Положеніе пролетаріата тогда было отчаянное. Преміи, субсидіи и избавленіе помѣщиковъ отъ платежа налоговъ до такой степени несовмѣстимо съ элементарными представленіями англичанъ о здоровой экономической политикѣ и справедливости, — что эти проекты встрѣчаются только шутками и остротами. Помѣщикамъ указываютъ, что нельзя съѣсть пряникъ и имѣть его въ то же время. Нельзя получать преміи и субсидіи такъ, чтобы это никому ничего не стоило. Однѣ пошлины, къ тому же, не возродили бы земледѣлія въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ протекціонисты желаютъ оградиться таможенной стѣной только отъ иностранцевъ, но не отъ британскихъ колоній. Напротивъ, протекціонисты хотѣли бы превратить всю имперію въ своего рода экономическій микрокосмъ, въ которомъ колоніи являются потребителями англійскихъ фабрикатовъ, а метрополія — рынкомъ для колоніальнаго сырья. Англія ввозитъ ежегодно:

	изъ другихъ странъ.	изъ колоній.
пшеницы	на 17.540.376 ф. ст.	5.540 096 ф. ст.
ячменя	„ 6.028.644 „ „	134.368 „ „
овса	„ 5.967.622 „ „	380.097 „ „
ржи	„ 231.544 „ „	112.839 „ „
масла	„ 16.238.542 „ „	3.058.854 „ „
сыра	„ 2.335.477 „ „	3.891.658 „ „
крупчатки	„ 9.484.334 „ „	857.185 „ „
баранины	„ 2.695.752 „ „	3.902.320 „ „ *)

При цолльферейнѣ, если удастся устранить запретительными тарифами конкурентовъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, Аргентины и, отчасти, Россіи, то ихъ мѣсто сейчасъ же займутъ фермеры изъ колоній. Канада будетъ тогда присылать въ Англію не 6 мил. четвертей зернового хлѣба и муки, какъ теперь, а всѣ 69 мил. четвертей, привозимыхъ теперь изъ всѣхъ странъ. Англійскому фермеру, которому приходится платить помѣщику по 1 ф. ст. ренты за акръ, не угнаться за канадцемъ, у котораго земля своя. И, несмотря на тарифы, англійскій помѣщикъ будетъ убитъ конкурентами, но только не иностранными, а своими, колоніальными. Возрожденіе земледѣлія представляется въ Англіи болѣе сложнымъ вопросомъ, чѣмъ на континентѣ. У насъ, напр., трудность лежитъ только въ томъ, какъ открыть крестьянину доступъ къ землѣ. Въ Англіи дѣло обстоитъ сложнѣе. Здѣсь является еще вопросъ, какъ *пріучить* населеніе, давно уже загнанное въ города, къ землѣ. Точно такъ, какъ у насъ на дальнемъ сѣверо-востокѣ живутъ и умираютъ люди, не могущіе себѣ представить даже, что такое «городъ»,—въ «каменныхъ пустыняхъ» южнаго Лондона растутъ дѣти,

*) British Trade and Zollverein Issue, p. 34.

никогда не видавшія коровъ, не слыхавшія пѣнія пѣтуха, не знающія, какъ растетъ хлѣбъ. Такихъ дѣтей, когда они выростутъ, трудно превратить въ земледѣльцевъ, если бы даже земля стала національной собственностью. А необходимость національзаціи земли признаютъ теперь всѣ радикалы, не говоря уже о партіяхъ, стоящихъ лѣвѣе ихъ. Обратимся теперь къ проекту возрожденія деревни, выработанному радикаломъ.

VI.

«Во Франціи городское населеніе составляетъ меньше половины деревенскаго, въ Германіи—около 55°/₀ всего населенія, а въ Англіи—около 80°/₀,—говоритъ Чіозза-Моней. Когда-то нигдѣ въ Европѣ не было столько людей, занятыхъ земледѣліемъ, какъ въ Англіи. Теперь нѣтъ другой страны, въ которой крестьянинъ представлялъ бы такую рѣдкость, какъ въ Великобританіи... Въ каждой отрасли промышленности работники больше всего нуждаются въ гарантіи, что они не останутся вдругъ безъ работы. Почти всѣ работники зависятъ всецѣло отъ заработной платы, получаемой въ концѣ недѣли. То же самое мы видимъ теперь и въ англійской деревнѣ, гдѣ крестьяне-собственники почти совершенно исчезли. Иначе обстоитъ дѣло во Франціи, гдѣ послѣ революціи появился многочисленный классъ крестьянъ-собственниковъ. Опустѣвшая деревня является наиболѣе серьезной опасностью, угрожающей Англіи,—говоритъ Чіозза-Моней.—И опасность лежитъ не только въ томъ, что Англія находится теперь въ зависимости отъ безпрепятственнаго подвоза пищевыхъ продуктовъ, но и въ фактѣ, что привезенные продукты идутъ на потребу расы, вырождающейся въ городскихъ трущобахъ. Всюду мы слышимъ крикъ: «назадъ въ деревню!» Но, какъ бы въ насмѣшку, внимаютъ ему только богатые люди, ѣдущіе «отдыхать» отъ бездѣлья въ деревню, изъ которой изгнаны крестьяне (Riches and Poverty, p. 226). Цитируемый авторъ не обольщается иллюзіями. Онъ не вѣритъ, что горожанъ, предки которыхъ росли въ трущобахъ, можно сразу обратить въ земледѣльцевъ. Онъ сильно сомнѣвается даже въ томъ, чтобы земледѣльческія колоніи могли дать положительные результаты при разрѣшеніи вопроса о безработныхъ. Теперь приходится думать только о будущемъ поколѣніи. Необходимо удержать сельское населеніе на землѣ, чтобы дѣти его увидали для себя новые проспекты.

«Какимъ образомъ дать сельскимъ работникамъ возможность имѣть небольшіе участки земли (Small holdings)?—говоритъ Чіозза-Моней... Это достигнется, если предоставить графскимъ совѣтамъ широкое право въ дѣлѣ принудительнаго отчужденія. Можно также учредить земельную комиссію, облеченную правомъ побуждать тѣ

графскіе совѣты, въ которыхъ реакціонные элементы преобладаютъ,—скорѣе приступить къ отчужденію земли». Этотъ совѣтъ поданъ въ самомъ началѣ 1907 г. Съ тѣхъ поръ парламентъ принялъ аграрный законъ 1907 г. Характерныя черты закона: принудительное отчужденіе, муниципализація земли и «комиссары», побуждающіе реакціонные графскіе совѣты приводить въ исполненіе реформу. Но этотъ способъ дѣйствія кажется цитируемому автору слишкомъ медленнымъ. Опустѣніе деревни имѣетъ такіе серьезные результаты, что нація должна предпринять героическія мѣры. Необходимо немедленно выкупить всю землю. Семьдесятъ семь милліоновъ акровъ земли приносятъ въ годъ 52 мил. ф. ст. ренты. Въ 1898 г. Королевская комиссія оцѣнила, основываясь на этой рентѣ, всю землю, кромѣ той, на которой построены города, въ 936 мил. ф. ст. И Чіозза-Моней доказываетъ, что Англія обязана выкупить немедленно всю землю, за которую придется заплатить «всего лишь половину годового дохода всей націи». Дѣло идетъ не только о возрожденіи народа, но также о гарантіи дешеваго хлѣба въ будущемъ. Въ этомъ отношеніи соображенія автора очень любопытны. Въ 1875—6 г. рента за всю обработанную землю въ Англіи была высчитана въ 67 мил. ф. ст., т. е. на 15 мил. ф. ст. больше, чѣмъ въ 1898 г. «Если бы Англія выкупила тогда землю, то переплатила бы,—говоритъ Чіозза-Моней:—но за тридцать лѣтъ возникъ бы уже значительный классъ государственныхъ фермеровъ, увѣренныхъ въ прочности своего арендного договора. Отливъ сельскаго населенія давно остановился бы уже». Опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ крупный фермеръ терпитъ неудачу и банкротится,—мелкій фермеръ отлично держится. Классическимъ примѣромъ является опытъ сэра Роберта Эдкомбса въ Rew Farm въ Дорстерширѣ. Сэръ Робертъ купилъ свою ферму въ 343 акра за 5050 ф. ст., проложилъ дорогу и продалъ землю небольшими участками, отъ 7 ф. ст. до 20 ф. ст. за акръ. Земля была немедленно раскуплена. Собственникъ, у котораго сэръ Робертъ пріобрѣлъ въ 1888 г. землю,—обанкротился. Ферма ничего не давала ему, несмотря на всѣ усилія. Когда ферма была разбита на мелкіе участки, то послѣдніе начали приносить владѣльцамъ значительный доходъ.

До сихъ поръ доходность воздѣланной земли въ Англіи падала. Теперь можно предсказать повышеніе, на основаніи слѣдующихъ данныхъ. «За послѣдній годъ,—говоритъ Чіозза-Моней,—въ дѣлѣ доставки пшеницы въ Англію произошла революція, совершенно незамѣченная населеніемъ, которое до такой степени привыкло къ дешевому хлѣбу въ лавкѣ булочника, что даже чудо считаетъ вполнѣ нормальнымъ явленіемъ». Слѣдующія цифры показываютъ характеръ перемѣны въ дѣлѣ доставки.

Англія прежде получала пшеницу изъ слѣдующихъ странъ:

	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Изъ Соединен. Штат.	43,3 мил. четв.	24,4 мил. четв.	7,1 мил. четв.
„ Аргентины	4,3 „ „	14,1 „ „	21,4 „ „
„ Канады	9,5 „ „	10,8 „ „	6,2 „ „
„ Россіи	6,5 „ „	17,2 „ „	23,5 „ „
„ Австраліи	4,2 „ „	ничего	10,3 „ „
„ Индіи	8,8 „ „	17,1 „ „	25,5 „ „
Всего	81,0 „ „	88,1 „ „	97,8 „ „

Привозъ пшеничной муки за тотъ же періодъ времени выразится въ слѣдующихъ цифрахъ.

	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Изъ Соединен. Штат.	15,6 мил. четв.	16,2 мил. четв.	8,2 мил. четв.
„ Канады	1,9 „ „	2,6 „ „	2,0 „ „
Всего	19,4 „ „	20,6 „ „	14,7 „ „

Значеніе этихъ фактовъ можно вполнѣ оцѣнить только при сравненіи со слѣдующей таблицей, показывающей, какія страны ввозили пшеницу и муку въ Англію въ 1895—1901 гг.

	1895	1896	1897	1899	1900	1901
	Миллiоновъ четвертей					
Россія	23,0	17,2	15,1	6,4	2,5	4,5
Германія	1,1	1,3	1,4	0,8	0,5	1,8
Франція	1,6	2,4	2,3	0,6	0,9	1,0
Австрія	1,8	1,9	1,6	1,0	1,4	1,6
Румынія	2,0	5,4	1,2	0,2	—	0,7
Турція	1,3	1,9	1,8	0,3	—	0,1
Болгарія	—	1,0	1,1	—	—	0,1
Соединен. Штаты	45,3	52,8	54,1	62,0	60,2	57,4
Аргентина	11,4	5,0	0,9	4,0	11,5	18,7
Чили	1,0	1,9	1,0	0,8	0,3	—
Канада	5,1	6,3	6,9	7,7	8,7	8,0
Индія	8,8	2,1	0,6	9,5	8,2	—
Австралія	3,6	—	—	0,2	3,0	2,9
Новая Зеландія	—	—	—	—	0,7	1,1
Всего перечисленныя и другія страны ввозили	107,2	99,6	88,7	94,4	98,5	98,6

Таблица показываетъ, что въ упомянутое время Соединенные Штаты постоянно были главнымъ поставщикомъ Англіи. Изъ года въ годъ великая Американская республика посылала къ берегамъ Англіи корабли, нагруженные пшеницей и мукой. Можно было предвидѣть, что съ ростомъ населенія Соединенныхъ Штатовъ привозъ долженъ уменьшиться; но трудно было предсказать, что подвозъ оборвется почти сразу въ 1904 г. А между тѣмъ офиціальный отчетъ министерства торговли Соединенныхъ Штатовъ за 1904 г. показываетъ, что въ 1904 г. изъ Республики вывезено пшеницы:

	Бушелей	*Стоимость*
Въ Англію	ничего	ничего
„ другія страны	13,510	12,782

Соединенные Штаты послали на корабляхъ немного муки; но ни зерна пшеницы.

Факты эти свидѣтельствуютъ о поразительной перемѣнѣ, равной революціи, происшедшей въ послѣдніе 2—3 года въ міровой торговлѣ. Правда, въ 1907 году Соединенные Штаты опять послали свою пшеницу въ Англію; но не подлежитъ сомнѣнію, что скоро они перестанутъ фигурировать въ рядахъ поставщиковъ, такъ какъ населеніе Сѣверо-Американской республики быстро ростетъ. Къ 1925 г. Соединеннымъ Штатамъ придется, вѣроятно, кормить населеніе въ 110—120 милліоновъ. Аргентина, Россія и Индія являются крайне ненадежными поставщиками, такъ какъ тамъ часто бываютъ неурожаи. Климатическія условія дѣлаютъ и Канаду не всегда надежнымъ поставщикомъ. Кромѣ того въ ближайшемъ будущемъ спросъ на канадскій и аргентинскій хлѣбъ явится не только въ Англіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ. «Выводъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдующій. Въ ближайшемъ будущемъ Англія не можетъ больше разсчитывать на пшеницу, баснословная дешевизна которой обусловливается небрежной обработкой дѣвственной земли. Вслѣдствіе этого, цѣна на пшеницу должна подняться. Тоже самое будетъ и съ другими пищевыми продуктами. Когда и американскимъ фермерамъ придется примѣнить больше труда и прибѣгнуть къ удобренію, шансы англійскихъ фермеровъ на успѣхъ поднимутся. Параллельно съ этимъ поднимется въ Англіи стоимость и доходность обработанной земли» *).

Такимъ образомъ, выкупивъ теперь всю землю, не застроенную городами, страна сдѣлала бы, прежде всего, крайне выгодную сдѣлку. Въ рукахъ у помѣщиковъ земля умерла. Луга и парки замѣнили нивы. Національзированная земля, разбитая на мелкіе участки, начнетъ быстро приносить значительный доходъ. При интенсивной культурѣ акръ земли на островѣ Джерсей доставляетъ продуктовъ на 50 ф. ст. Въ Боурнвиллѣ клерки и работники, обрабатывающіе землю въ свободное время, получаютъ по 59 ф. ст. съ акра, при образцовой фермѣ въ Сёсексѣ акръ приноситъ 60 ф. ст. и т. д. Внѣ сомнѣнія, что при нормальныхъ условіяхъ 77 мил. акровъ національзированной земли свободно прокормятъ все населеніе Англіи.

Не менѣе важное мѣсто, чѣмъ земледѣліе, въ программѣ радикаловъ занимаетъ лѣсонасажденіе. Въ своемъ капитальномъ трудѣ «Forestry in the United Kingdom» докторъ Шлихъ доказываетъ, что въ Англіи можетъ быть засажена деревьями площадь въ 5—6 мил. акровъ; стоимость необходимой работы будетъ по 2 ф. ст. за акръ. Когда деревья будутъ посажены, уходъ за ними ежегодно потребуетъ только пять рабочихъ дней на акръ, т. е. 30 мил. рабочихъ дней. Такимъ образомъ Англія въ будущемъ можетъ

*) Riches and Poverties, p. p. 330—333.

сама имѣть тотъ строевой лѣсъ который привозитъ теперь изъ за границы. По вычисленію доктора Шлиха 500.000 работниковъ, или 2.500.000 человѣкъ, считая ихъ женъ и дѣтей, найдутъ правильную работу, если площадь въ пять мил. акровъ будетъ превращена въ лѣсъ. Трудъ Шлиха разработанъ очень тщательно, цифры взвѣшены имъ крайне осторожно. Авторъ самое серьезное вниманіе удѣляетъ финансовой сторонѣ дѣла. «Неужели подобная идея,— восклицаетъ Чіозза-Моней—кажется слишкомъ грандіозной для націи, гордящейся своею имперіей? Въ Соединенныхъ Штатахъ есть трестъ, основанный однимъ лицомъ. И этотъ трестъ, располагающій капиталомъ въ милліардъ долларовъ, имѣетъ свои собственныя земли, угольныя копи, желѣзныя дороги, пароходы, фабрики и милліоны служащихъ и работниковъ. То, что по силамъ тресту еще болѣе возможно государству. Англія не такъ давно затратила отъ имени имперіи 300.000.000 ф. ст. на войну съ маленькимъ народомъ. Выкупъ всей земли въ Соединенномъ Королевствѣ обошелся бы только втрое болше этой суммы».

VII.

Пенсію для престарѣлыхъ работниковъ англійскіе радикалы считаютъ только хорошимъ палліативомъ, покуда не приняты другія рѣшительныя реформы, какъ, напр., возвращеніе земли народу. Мнѣ приходилось уже нѣсколько разъ писать о томъ, какъ поставленъ теперь въ Англіи вопросъ о государственной пенсіи. По всей вѣроятности, въ этомъ году парламентъ если не разрѣшитъ окончательно вопросъ, то, во всякомъ случаѣ, сдѣлаетъ смѣлый шагъ къ его разрѣшенію. Вотъ почему теперь я ограничусь только повтореніемъ нѣкоторыхъ фактовъ. Въ настоящее время въ Великобританіи около 2.100.000 человѣкъ въ возрастѣ отъ 65 лѣтъ. Мы видѣли, что бѣдняки имѣютъ меньшій шансъ на продолжительную жизнь, чѣмъ богатые люди; но точно невозможно опредѣлить, какъ великъ % неимущихъ стариковъ. Предполагается, что изъ 2.100.000 стариковъ около 1.750.000 избавлены отъ подоходнаго налога, такъ какъ получаютъ меньше 160 ф. ст. въ годъ. Для многихъ изъ нихъ государственная пенсія явилась бы спасеніемъ отъ рабочаго дома. Въ одномъ изъ моихъ прошлыхъ писемъ приведены разные проекты пенсіи. Авторы однихъ проектовъ стоятъ за обязательную страховку, другіе—доказываютъ необходимость выдавать пенсію всѣмъ старикамъ, достигшимъ 65 лѣтъ. И сторонниковъ второго проекта теперь въ Англіи больше. «Все меньше и меньше приходится слышать любопытный аргументъ, что надежда на пенсію въ преклонномъ возрастѣ явится соблазномъ для молодого работника, который, вслѣдствіе этого, будетъ менѣе бережливъ,—говоритъ Чіозза-Моней.— Въ дѣйствительности, большинство людей начинаютъ только послѣ

пятидесяти лѣтъ задумываться надъ тѣмъ, что будетъ съ ними въ 65. Въ силу этой именно причины, какъ показываютъ отчеты дружественныхъ обществъ,—очень немногіе застрахованы на случай бѣдности въ преклонномъ возрастѣ. Просто смѣшно утверждать, что пенсія въ будущемъ отразится какъ нибудь на характерѣ молодежи въ настоящемъ. Тридцатилѣтній работникъ, получающій 25 шиллинговъ въ недѣлю, не будетъ выпивать лишнюю кружку пива только потому, что есть надежда имѣть пенсію въ 5 шил., если проживетъ еще 35 лѣтъ».

Вопросъ о государственной пенсіи для престарѣлыхъ выдвигается теперь одинаково какъ консерваторами, такъ и радикалами, Въ дѣйствительности, вопросъ поставленъ ребромъ консерваторами еще въ 1895 г. Этимъ обстоятельствомъ между прочимъ, объясняется блестящая побѣда тогда на выборахъ. Вмѣсто обѣщанной реформы, консервативное министерство назначило королевскую комиссію, которая пришла къ заключенію, что вводить должно не обязательную страховку на случай старости, а именно государственную пенсію; но такъ какъ для этого потребуются громадныя средства, то отъ реформы приходится временно отказаться. Параллельно съ этимъ тори-демократы, т. е. чэмберлэновцы, выдвинувшіе вопросъ о пенсіи, заговорили о протекціонизмѣ, который, будто бы, одинъ можетъ дать средства на осуществленіе реформы. И вотъ съ тѣхъ поръ въ газетахъ, проповѣдующихъ «тарифную реформу», ежедневно повторяется одно и то же: «Протекціонизмъ дастъ работу всѣмъ, освободитъ всѣхъ отъ прямыхъ налоговъ, а старикамъ принесетъ государственную пенсію». Когда-то предки нынѣшнихъ «тори-демократовъ» откровенно выступали съ такого рода теоріями: «Наша мануфактурная чернь забрала себѣ въ голову мысль, что, какъ англичане, они имѣютъ природное право на обладаніе особенной привилегіей: быть *свободнѣе* и *независимѣе* работниковъ какой бы то ни было другой страны Европы... Можно сказать положительно, что чѣмъ меньше будетъ такихъ идей въ головахъ нашихъ мануфактурныхъ работниковъ, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ самихъ, и для государства. Работники никогда не должны считать себя независимыми отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ. Въ высшей степени опасно одобрять чернь въ такомъ коммерческомъ государствѣ, какъ наше, гдѣ, можетъ быть, 7/8 всего народоселенія состоитъ изъ людей, не имѣющихъ вовсе никакой собственности, или имѣющихъ ея очень мало». Авторъ этихъ строкъ видитъ одно средство—пониженіе заработной платы. «Лѣченіе не будетъ вполнѣ успѣшно до тѣхъ поръ, пока наши промышленные бѣдняки не согласятся работать шесть дней въ недѣлю за ту же самую плату, какую они получаютъ теперь за четыре дня» *). Теперь консерваторы доказываютъ вредъ и недопустимость низкой заработной

*) Цитировано у К. Маркса. См. „Капиталъ“ т. I (изд. 1872 г.), стр. 225.

платы. Въ брошюркахъ, изданныхъ ими, развивается тезисъ: «Почему англичане должны жить лучше иностранцевъ». «Дитя бѣдныхъ родителей,—читаемъ мы,—не можетъ имѣть такія же удобства въ жизни, какъ дѣти богатыхъ людей. Англичанинъ—дитя богатыхъ родителей. (Эта фраза набрана крупнымъ шрифтомъ). Естественные источники богатства Британской имперіи гораздо болѣе обильны чѣмъ таковые другихъ странъ. Вотъ почему, такъ какъ источники доходовъ у насъ богаче, чѣмъ во Франціи, Германіи, Италіи, Бельгіи, Голландіи и другихъ странахъ, наши работники имѣютъ право на болѣе высокую заработную плату и на лучшія условія жизни, чѣмъ на континентѣ» *). Авторъ полагаетъ, что средства на осуществленіе реформъ можетъ дать только протекціонизмъ. «Тарифная реформа», по толкованію протекціонистовъ, это такая система, при которой иностранцевъ заставляютъ платить за всѣ блага, выпадающія на долю коренного населенія. Радикалы признаютъ такія соображенія чистой фантазіей и видятъ только одинъ источникъ дохода для осуществленія важныхъ реформъ — *прогрессивный подоходный налогъ.*

Почти сто тридцать лѣтъ тому назадъ Адамъ Смитъ выставилъ знаменитое правило справедливаго обложенія. «Подданные каждаго государства должны матеріально содѣйствовать поддержанію правительства по возможности пропорціонально своимъ средствамъ; другими словами, пропорціонально доходамъ, которыми они пользуются подъ защитой государства». Первая часть этого положенія, утверждающая, что участіе въ матеріальномъ поддержаніи правительства должно быть пропорціонально платежнымъ способностямъ индивидуума, изъясняется второй частью, въ которой говорится, что участіе должно быть пропорціонально доходамъ. По мнѣнію англійскихъ радикаловъ, въ правилѣ Адама Смита заключается противорѣчіе, а именно,—вторая половина опровергаетъ первую. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они, сравнимъ налогоспособность трехъ лицъ: А, съ доходомъ въ 50 ф. ст., В—съ 500 ф. ст. и С—съ 10.000 ф. ст. Принявъ то толкованіе, которое даетъ своему правилу самъ Адамъ Смитъ, мы должны обложить всѣхъ троихъ пропорціонально ихъ доходамъ. Теперь посмотримъ, какой результатъ будетъ имѣть подоходный налогъ, напримѣръ, въ 10%.

А	за вычетомъ % будетъ имѣть въ годъ	45	ф. ст.
В	„ „ „ „ „ „ „	450	„ „
С	„ „ „ „ „ „ „	9000	„ „

Мы видимъ, что для А, получающаго фунтъ въ недѣлю, десятипроцентный налогъ будетъ невѣроятно тяжелъ. Это—доходъ за пять недѣль. В, за вычетомъ %, имѣетъ доходъ въ десять разъ большій, чѣмъ тотъ, который остался у А. Пятьдесятъ фунтовъ

*) A popular Treatiseon the Fallacies of our Economic System, p. 69.

представятъ для В значительную сумму, но она всетаки не окончательно разоритъ его. Что же касается С съ доходомъ въ 10.000 ф. ст., то за вычетомъ 10% у него все же остается еще 9.000 ф. ст. въ годъ. По всей вѣроятности, С только слегка почувствуетъ тяжесть налога. Такимъ образомъ, говорятъ англійскіе радикалы, вторая половина правила Адама Смита отнюдь не является вѣрнымъ толкованіемъ понятія о справедливости, заключеннаго въ первой половинѣ. Налогъ, пропорціональный доходу, является невыносимо тяжелымъ для бѣдняковъ, обременительнымъ для людей съ средними достатками и едва замѣтнымъ для очень богатыхъ людей. Справедливость этого соображенія признана отчасти при введеніи подоходнаго налога въ Англіи: доходы меньше, чѣмъ въ 160 ф. ст., избавлены совершенно отъ обложенія. Съ этою же цѣлью введенъ прогрессивный налогъ на наслѣдства. Требуется болѣе совершенная и справедливая система подоходнаго налога. Въ Англіи очень богатыхъ людей 1.250.000, состоятельныхъ—3.750.000 и бѣдныхъ—38 мил. Въ то время, какъ эти 38 мил. являющіяся производителями почти всѣхъ богатствъ, получаютъ всѣ вмѣстѣ въ годъ 880 мил. ф. ст.,—5 мил. богатыхъ и состоятельныхъ людей, имѣютъ доходъ въ 830 мил. ф. ст. Предположимъ, что необходимо собрать путемъ налоговъ 200 мил. ф. ст. только съ богатыхъ людей. Ихъ доходъ будетъ тогда 830 мил.—200 мил. ф. ст.= 630 мил. ф. ст., т. е. по 126 ф. ст. на человѣка. Доходъ остальныхъ 38 мил. будетъ по 23 ф. ст. на человѣка. «Неправильность распредѣленія богатства такъ велика,—говорятъ англійскіе радикалы,—что если бы вся тяжесть всѣхъ налоговъ падала исключительно на богатыхъ людей,—они все-таки едва чувствовали бы это». Полнымъ отрицаніемъ элементарныхъ представленій о справедливости являются косвенные налоги. Высокій налогъ, напр., на чай или на сахаръ, невыносимый для бѣдняковъ, незамѣтенъ для богатыхъ людей *).

Англійскіе радикалы выработали теперь проектъ справедливаго прогрессивнаго налога. По прежнему доходы въ 160 ф. ст. совсѣмъ избавлены отъ обложенія. Доходы отъ 160—700 ф. ст. подлежатъ обложенію, но съ извѣстнымъ облегченіемъ для плательщиковъ. Такъ напр., имѣющій доходъ въ 400 ф. ст. ничего не платитъ за 160 ф. ст.; имѣющій доходъ въ 500 ф. ст., не платитъ за 150 ф. ст. Болѣе точное представленіе даетъ слѣдующая таблица.

---

*) Англичане говорятъ о „высокомъ“ налогѣ на чай, хотя съ русской точки зрѣнія онъ ничтоженъ: 2 пенса на фунтъ, вмѣсто 80 коп., какъ у насъ. При такой пошлинѣ, въ Англіи фунтъ хорошаго чая стоитъ 1 ш.—1 ш. 9 пенсовъ. Китайскій чай стоитъ 2 ш. за фунтъ; зеленый, цѣнящійся у насъ въ 7—8 руб., стоитъ 4 шил.

Доходъ.	Вычетъ, не подлеж. обложенію.	Доходъ, подлеж. обложенію.
180 ф. ст.	160 ф. ст.	20 ф. ст.
240 » »	160 » »	80 » »
300 » »	160 » »	140 » »
400 » »	160 » »	240 » »
440 » »	150 » »	290 » »
500 » »	150 » »	350 » »
540 » »	120 » »	420 » »
600 » »	120 » »	480 » »
640 » »	70 » »	570 » »
700 » »	70 » »	630 » »
740 » »	ничего	740 » »

По разсчетамъ, прогрессивный подоходный налогъ даетъ возможность осуществить всѣ тѣ реформы, которыя перечислены въ этомъ и прошломъ письмахъ. Я излагалъ только проекты радикаловъ, отрицательно относящихся къ соціализму. Читатели видятъ, что настоятельная необходимость широкихъ соціальныхъ реформъ не только признается теперь людьми, которые относились прежде совершенно отрицательно къ какому бы то ни было веденію обществомъ промышленныхъ предпріятій, но даже тщательно выработанъ планъ осуществленія реформъ. Многія изъ нихъ составляютъ содержаніе законопроектовъ, разсматриваемыхъ теперь парламентомъ.

Діонео.

Изъ Болгаріи.

Новое правительство, его задачи и перспективы.

Передъ новымъ болгарскимъ правительствомъ стоитъ громадная задача. И даже не одна задача, а двѣ, одинаково неотложныя и обязательныя съ точки зрѣнія демократической политики. Съ одной стороны, оно должно залѣчить раны, нанесенныя конституціоннымъ свободамъ и правамъ болгарскаго народа реакціонною политикою своихъ предшественниковъ. Съ другой,—оно должно вернуть болгарской конституціи утраченный ею демократическій характеръ, возстановивъ въ ней принципъ народовластія, потускнѣвшій до полной почти неузнаваемости въ лучахъ фактическаго всемогущества болгарской короны. Иными словами, ему предстоитъ не только взять рѣзкій курсъ налѣво въ области текущей политики, но измѣнить и самыя основы установившагося въ странѣ режима. Такъ смотритъ на свою миссію само новое правительство. Также смотрятъ на нее прогрессивно-демократическіе круги бол-

гарскаго общества и всѣ болѣе или менѣе сознательные элементы болгарскаго народа.

Равно настоятельныя, равно важныя по своимъ непосредственнымъ послѣдствіямъ, одинаково повелительно диктуемыя всѣмъ прошлымъ демократической партіи, эти двѣ задачи кажутся далеко не одинаковыми по своей осуществимости. Первая не заключаетъ въ себѣ, повидимому, ничего неисполнимаго или, хотя бы, чрезмѣрно труднаго. Напротивъ, все въ ней представляется на первый взглядъ чрезвычайно простымъ, яснымъ, опредѣленнымъ. Она какъ бы налагается обстоятельствами. Общее недовольство реакціонною политикою стамбуловскаго правительства выдвигаетъ ее, какъ нѣчто обязательное и неизбѣжное не только для демократовъ, но и для всякаго правительства, которому выпало бы при данныхъ обстоятельствахъ на долю поправлять ошибки и грѣхи стамбуловистовъ. Совсѣмъ другое—вторая задача, стоящая передъ новымъ болгарскимъ правительствомъ. Тутъ положеніе представляется безконечно болѣе сложнымъ, и препятствія, стоящія на пути, безконечно болѣе серьезными и непреодолимыми. Самая задача, кажущаяся такою простою и ясною въ своей общей формулировкѣ: борьба противъ «личнаго режима» въ цѣляхъ возстановленія въ странѣ истиннаго конституціонализма, въ своей практической постановкѣ представляется тѣмъ болѣе запутанною, тѣмъ болѣе противурѣчивою и неразрѣшимою, чѣмъ отчетливѣе разбираемся мы въ ея составныхъ элементахъ, чѣмъ въ болѣе конкретныхъ и живыхъ терминахъ пытаемся мы подыскать ей какое нибудь практическое рѣшеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ казаться проще, естественнѣе, благодарнѣе первой задачи, поставленной обстоятельствами передъ новымъ болгарскимъ правительствомъ? Оно должно залѣчить раны, нанесенныя свободѣ реакціонною политикою стамбуловистовъ. Эти раны всѣмъ извѣстны, и насчетъ способа ихъ лѣченія нѣтъ двухъ мнѣній. Тутъ и борьбы никакой не можетъ быть. Просто надо вычеркнуть все, внесенное въ законодательство и въ жизнь реакціею послѣдняго времени. И чѣмъ смѣлѣе, послѣдовательнѣе и рѣшительнѣе будетъ въ этомъ дѣлѣ правительство, тѣмъ, конечно, больше довѣрія, сочувствія и поддержки должно будетъ встрѣтить оно въ болгарскомъ обществѣ и въ болгарской народной массѣ.

Это кажется тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что реакціонная политика стамбуловскаго правительства не имѣла и не имѣетъ никакихъ корней въ странѣ. Она не оправдывалась никакими исключительными обстоятельствами; не отвѣчала никакой серьезной общественной потребности; не была плодомъ искренняго убѣжденія или продуманной политической программы. То, что должно было придать ей такой программный видъ, всѣ эти фразы о возстановленіи «общественной дисциплины», расшатанной царящею въ странѣ анархіею; о необходимости поднять «престижъ власти» и воздвигнуть, наконецъ, несокрушимую преграду передъ нати-

скомъ крайнихъ теченій, «подрывающихъ основы всякаго порядка и всякаго авторитета», придуманныя сикофантами для оправданія реакціонной политики, не имѣли никакого смысла и никакого реальнаго отношенія къ болгарской дѣйствительности. Въ странѣ нѣтъ и не было «анархіи», какъ нѣтъ и не было въ ней «анархистовъ», якобы для обузданія которыхъ стамбуловское правительство издавало свои исключительные законы и вводило свои военнополевые суды. Не чувствовалось въ ней и сколько-нибудь замѣтнаго вліянія «крайнихъ теченій», общественно слабыхъ, зараженныхъ кружковою нетерпимосттю, импонирующихъ лишь рабочимъ да студенчеству и въ самыхъ своихъ «крайнихъ» проявленіяхъ не идущихъ дальше правовѣрнаго западно-европейскаго соціаль-демократизма. Такимъ образомъ, обуздывать было, въ сущности, некого и незачѣмъ. И если, тѣмъ не менѣе, обузданіе сдѣлалось альфою и омегою стамбуловской политики, то объясненіе этому приходится искать прежде всего въ насильническихъ традиціяхъ партіи, стоявшей у власти, и въ насильническомъ темпераментѣ ея главныхъ вождей. Поскольку же въ этой дикой политикѣ насилія и угнетенія была тѣнь политической идеи, или, вѣрнѣе, политическаго настроенія, она едва ли не всецѣло сводилась къ преданному служенію коронѣ, отъ которой партія получила власть, и благоволеніемъ которой она только и держалась. Охранять интересы этой короны, работать надъ укрѣпленіемъ ея вліянія и могущества, казалось партіи вѣрнѣйшимъ средствомъ укрѣпить и свое собственное положеніе. И она шла по этому, въ сущности антиконституціонному, пути со всею энергіею, на какую были способны ея вожди, со всею безцеремонностью и жестокостью, которымъ научила ихъ первая, «настоящая» стамбуловщина. Удивительно ли, что такая политика не могла найти себѣ сочувствія и поддержки ни въ одномъ сколько-нибудь вліятельномъ и широкомъ общественномъ теченіи, что въ народной массѣ она даже въ дни своей славы вызывала глухой ропотъ, а въ передовой интеллигенціи чувства самой острой ненависти и самаго глубокаго презрѣнія. И когда она зашаталась, ни одна рука, ни одинъ голосъ не поднялись на ея защиту. Всѣ съ радостью слѣдили за тѣмъ, какъ она падала, и когда она, наконецъ, упала, вся страна вздохнула свободно и глубоко, какъ бы освободившись отъ мучительнаго кошмара.

При такихъ обстоятельствахъ власть перешла въ руки демократической партіи, призванной съ очевидною цѣлью дать извѣстное удовлетвореніе общественному мнѣнію, умиротворить возбужденную и негодующую страну. Какое, казалось бы, счастливое стеченіе обстоятельствъ, какая благодарная mise en scène для охваченной реформаторскимъ пыломъ партіи! Кажется, что ей только и остается, что смѣло и рѣшительно приступить къ исполненію своей миссіи. Ей даже нечего раздумывать надъ очередными задачами ближайшаго дня. Эти задачи диктуются ей самой жизнью, всею обстанов-

кою, при которой приходится партіи браться за дѣло. Прежде всего, она должна разрѣшить пресловутый «университетскій вопросъ»: возвратить въ университетъ старыхъ профессоровъ, такъ доблестно боровшихся съ стамбуловскимъ правительствомъ, открыть его двери всѣмъ старымъ студентамъ, изгнать изъ его стѣнъ негодныхъ стамбуловскихъ ставленниковъ и вернуть законодательнымъ порядкомъ отнятую у него стамбуловистами автономію. Потомъ ей предстоитъ возстановить въ своихъ правахъ сотни народныхъ учителей, изгнанныхъ стамбуловистами за участіе въ «Учительскомъ Союзѣ», снять запретъ съ этого союза и, вообще, положить конецъ гоненіямъ противъ учителей за «свободомысліе» и «строптивость». Не менѣе настоятельною представляется отмѣна драконовскихъ законовъ противъ рабочихъ синдикатовъ, противъ стачекъ, противъ профессіональныхъ организацій государственныхъ чиновниковъ и служащихъ, противъ печати, противъ такъ называемыхъ «анархистовъ» и т. п., какъ и, вообще, изгнаніе изъ области законодательства и управленія того отвратительнаго полицейско-тираническаго духа, который съ такимъ усердіемъ внѣдрялся въ нихъ стамбуловистами въ послѣднее время. Всего этого ждутъ отъ новаго правительства. Все это было формально обѣщано авторитетными ораторами партіи. Каждый шагъ въ направленіи этихъ настоятельнѣйшихъ реформъ будетъ встрѣченъ съ горячимъ одобреніемъ всѣмъ обществомъ, всею страною.

И при всемъ томъ среди отвѣтственныхъ представителей новаго правительства и партіи, на которую оно опирается, замѣчается какая-то странная неувѣренность. Эта неувѣренность бросается въ глаза при интимныхъ бесѣдахъ съ ними; она чувствуется въ статьяхъ ихъ публицистовъ; вы чуете ее въ осторожности, чтобы не сказать, робости, ихъ первыхъ начинаній. Они какъ будто въ чемъ-то сомнѣваются, чего-то боятся. Какія-то мрачныя предчувствія примѣшиваются къ ихъ торжеству и отравляютъ ихъ побѣдное настроеніе. Они, видимо, не увѣрены въ своихъ силахъ; боятся не оказаться на высотѣ положенія, не оправдать всеобщаго довѣрія, обмануть надежды, которыя возлагаютъ на нихъ прогрессивные элементы населенія.

Гдѣ же причина этихъ странныхъ сомнѣній? Откуда взялось и чѣмъ объясняется это, казалось бы, нелѣпое противорѣчіе между ясностью цѣли и смутною неопредѣленностью путей, ведущихъ къ ней, между такимъ отчетливымъ представленіемъ о настоятельности намѣченныхъ реформъ и такою неувѣренностью въ ихъ практической исполнимости? Неужели объясненіе надо искать въ неискренности партіи, въ ея узко-партизанскихъ разсчетахъ, въ личныхъ недостаткахъ ея вождей и т. п.? Нѣтъ и нѣтъ! Причина глубже. Она въ самой жизни, въ особенностяхъ болгарскихъ политическихъ отношеній, въ противорѣчіяхъ самого болгарскаго конституціонализма, какъ онъ осуществляется на практикѣ. Вожди

демократической партіи — талантливые люди и убѣжденные демократы. Они искренно давали свои обѣщанія и честно хотѣли бы привести ихъ въ исполненіе. Они увѣрены въ всеобщемъ къ себѣ сочувствіи. Но, въ то же время, они сомнѣваются, что ихъ реформаторскіе планы и начинанія найдутъ себѣ сочувствіе и поддержку въ «высшихъ сферахъ». Болѣе того: они имѣютъ основаніе думать, что тамъ они натолкнутся на самое рѣшительное сопротивленіе. И это сознаніе отнимаетъ у нихъ бодрость духа и вѣру въ успѣхъ своего дѣла, повергаетъ ихъ въ уныніе и смущеніе, заставляетъ ихъ уже теперь, въ самомъ началѣ своей карьеры, предчувствовать свое неизбѣжное пораженіе... Это настроеніе не выдумка, а фактъ, и объясненіе этого факта находится въ прямой связи съ второю задачею, стоящею передъ новымъ болгарскимъ правительствомъ,—съ предстоящею ему борьбою противъ «личнаго режима»...

Болгарская конституція очень демократична и на бумагѣ обезпечиваетъ болгарскому народу все, что требуется для полнаго конституціоннаго благополучія: и всеобщее избирательное право, и «полноправное» народное собраніе, и отвѣтственный предъ нимъ кабинетъ, и безотвѣтственнаго — царствующаго, но не управляющаго—монарха, и всѣ полагающіяся свободы, начиная отъ свободы печати и кончая свободою собраній, митинговъ, союзовъ, выборовъ и т. д. и т. д. Но все это—только на бумагѣ. На дѣлѣ, отъ всего этого конституціоннаго благополучія давно уже остались одни жалкіе объѣдки, одна форма безъ содержанія. Всѣ атрибуты конституціоннаго режима постепенно атрофировались, или переродились въ какую-то фикцію, не имѣющую ничего общаго съ своимъ первоначальнымъ назначеніемъ. Болгарскія партіи имѣютъ свои программы, свои органы, своихъ лидеровъ, свои центральные комитеты и мѣстныя бюро, но подъ всею этою видимостью цѣлесообразной организаціи и интенсивной политической жизни не скрывается почти никакого реальнаго содержанія. Въ сущности, это не конституціонныя партіи, какія мы знаемъ въ Европѣ, а лишь кадры узко-партизанскихъ организацій, чуть не вся цѣль существованія которыхъ сводится къ использованію случайно попавшей въ руки власти въ служебныхъ и, вообще, матеріальныхъ интересахъ своихъ членовъ. Болгарскіе граждане пользуются широкимъ избирательнымъ правомъ, но выборы, въ которыхъ имъ приходится участвовать, проходятъ, обыкновенно, подъ усиленнымъ административно-полицейскимъ давленіемъ и оканчиваются такъ, какъ это желательно правительству. Болгарскія «Народныя Собранія» являются, поэтому, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства, которое всегда увѣрено въ своемъ большинствѣ, и само по себѣ, безъ вмѣшательства короны, никогда не имѣло бы конституціоннаго повода для ухода въ отставку. Это же вмѣшательство,—при данныхъ условіяхъ являющееся подчасъ прямо спасительнымъ, такъ какъ лишь оно можетъ положить конецъ фактической дикта-

турѣ случайной партійной комбинаціи—обусловливается всецѣло и исключительно личнымъ настроеніемъ представителя короны, князя. Такимъ образомъ, въ болгарскомъ конституціонализмѣ все идетъ какъ разъ навыворотъ. «Царствующій, но не управляющій» конституціонный монархъ назначаетъ по своему усмотрѣнію министровъ, которые, въ свою очередь, выбираютъ себѣ подходящее народное собраніе и при его поддержкѣ—конституціонно—управляютъ страною, до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ пользоваться довѣріемъ своего государя. Когда они, по той или другой причинѣ, теряютъ это довѣріе, князь призываетъ на ихъ мѣсто другихъ министровъ, которые продѣлываютъ тотъ же, неизмѣнно удающійся, конституціонный фокусъ. Они назначаютъ новые законодательные выборы, и въ результатѣ этихъ выборовъ вчера еще могущественная партія возвращается въ народное собраніе съ ничтожнымъ числомъ своихъ представителей, а ея мѣсто въ парламентскомъ большинствѣ занимаетъ новое свѣтило.

Вотъ этотъ-то своеобразный режимъ, въ которомъ, при сохраненіи конституціонной внѣшности и формальнаго народовластія, царитъ безраздѣльно личная воля князя, называется здѣсь «личнымъ режимомъ». Ему-то и должна бросить перчатку имъ же призванная ко власти демократическая партія.

Выраженіе «личный режимъ» вошло въ болгарскій политическій жаргонъ сравнительно недавно. Но самый фактъ, характеризуемый этимъ терминомъ, извѣстенъ болгарамъ не со вчерашняго дня. Чуть не на второй же день послѣ установленія въ странѣ конституціоннаго строя, онъ началъ впитывать въ себя элементы «личнаго режима», и этотъ процессъ совершался безостановочно въ теченіе всей короткой, но бурной исторіи молодой Болгаріи, пока не далъ тѣхъ результатовъ, которые съ ужасомъ констатируетъ теперь болгарская передовая демократія. Чѣмъ приходится объяснять его поразительные успѣхи въ такой странѣ, какъ Болгарія, среди народа по природѣ своей такого способнаго, энергичнаго, настойчиваго и практичнаго? Иные склонны приписывать эти успѣхи личнымъ свойствамъ князя Фердинанда, его уму, дипломатической ловкости, честолюбію, деспотическимъ наклонностямъ и т. п. Нѣтъ нужды указывать, насколько поверхностны всѣ подобныя объясненія. Князь Фердинандъ несомнѣнно обладаетъ всѣми качествами, которыя приписываетъ ему молва. Онъ очень уменъ и высоко образованъ; онъ прирожденный дипломатъ; онъ любитъ блескъ и обаяніе власти; онъ благоговѣйно преклоняется передъ памятью и традиціями своихъ царственныхъ предковъ. Все это такъ, но было бы слишкомъ наивно видѣть во всемъ этомъ единственную, или хотя бы главную причину вырожденія болгарскаго конституціонализма. Личныя свойства князя Фердинанда помогли ему использовать въ интересахъ установленія своей власти особенности болгарскихъ политическихъ отношеній, но не они, ко-

нечно, вызвали ихъ къ жизни. Характеръ этихъ отношеній опредѣлялся всею совокупностью объективныхъ условій, въ которыхъ суждено было возникнуть и развиваться молодой Болгаріи. Немногочисленная, невѣжественная и слабая въ своемъ политическомъ развитіи интеллигенція; сложная сѣть дипломатическихъ интригъ, объектомъ которыхъ сдѣлалась Болгарія чуть не съ первыхъ же шаговъ своего самостоятельнаго существованія; непосильныя задачи, передъ которыми очутилась она съ самаго начала въ своей внѣшней—въ частности, македонской—политикѣ, все это не могло не оказать разлагающаго вліянія на политическую эволюцію молодой страны. Но сильнѣе и пагубнѣе всего этого должно было сказаться на ней вліяніе политической неподготовленности народной массы, ея политическаго невѣжества и индифферентизма. И этотъ индифферентизмъ остается почти такимъ же характернымъ признакомъ болгарской политической жизни сегодня, какъ онъ былъ имъ десять и двадцать лѣтъ тому назадъ. Политическая борьба и теперь, какъ и прежде, идетъ на поверхности, не проникая въ глубину, въ нѣдра народной жизни, не задѣвая народной души. Народныя массы остаются чужды этой борьбѣ, а оторванная отъ нихъ интеллигенція не умѣетъ и не хочетъ пріобщить ихъ къ ней, сдѣлать ее для нихъ понятною, близкою, родною. Получается нездоровая политическая атмосфера, убійственная для демократіи, но зато въ высшей степени благопріятная для захватовъ абсолютизма. Политическій индифферентизмъ народа изсушаетъ понемногу всѣ источники національной энергіи и сводитъ на нѣтъ конституціонныя права и свободы. Политическія партіи превращаются подъ его вліяніемъ въ жалкія и безсильныя котеріи, а политическая борьба—въ безцѣльную и безплодную партизанскую неразбериху, которая *à la longue* оказывается полезною одному только «личному режиму». Только «регулирующія функціи короны» чувствуютъ себя прекрасно въ этой затхлой атмосферѣ конституціонныхъ *qui pro quo*; только онѣ постепенно превращаются въ ней изъ «регулирующихъ» въ «управляющія», набираются силъ, наливаются соками и кровью насчетъ другихъ конституціонныхъ тканей и органовъ, пока не поглощаютъ, наконецъ, въ себѣ—если не *de jure*, то *de facto*—всю полноту суверенной государственной власти.

Такъ возникъ и укрѣпился «личный режимъ» въ Болгаріи. Вскормленная политическимъ индифферентизмомъ массы и партизанствомъ интеллигенціи, княжеская власть давно уже переступила всѣ конституціонные барьеры и сдѣлалась главнымъ—если не единственнымъ—факторомъ управленія въ странѣ. Отъ нея все зависитъ; ей все подчиняется; она все рѣшаетъ и всѣмъ распоряжается. Можно, пожалуй, сказать—такова бываетъ иногда иронія жизни—что ею одною спасается еще несчастный болгагскій конституціонализмъ отъ постоянно угрожающихъ ему узурпацій со

стороны разныхъ «отвѣтственныхъ» министерствъ съ ихъ неизмѣнно послушными народными собраніями. Освободившись отъ стѣснительнаго контроля такихъ нормальныхъ конституціонныхъ регуляторовъ, какъ свободные выборы, парламентская оппозиція и т. п., болгарская корона не могла всетаки освободиться отъ необходимости считаться съ царящими въ странѣ общественными и народными настроеніями. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ должна она прислушиваться къ болѣе или менѣе капризнымъ и случайнымъ проявленіямъ общественнаго мнѣнія, приспособлять къ нимъ свои основныя конституціонныя функціи. И когда недовольство даннымъ министерствомъ доходитъ въ обществѣ до предѣловъ, за которыми оно становится опаснымъ уже не только для популярности управляющей партіи, но и для интересовъ самой короны, тогда она выступаетъ на сцену и властнымъ словомъ кладетъ конецъ министерской тираніи. Такъ «спасла» она Болгарію въ 1894 году отъ ужасовъ стамбуловщины. Такъ ея же вмѣшательству обязана Болгарія освобожденіемъ отъ стамбуловскаго кабинета Гудева и образованіемъ демократическаго кабинета Малинова, Такева и К°.

Но неблагодарная болгарская демократія не хочетъ знать этихъ заслугъ «личнаго режима». Его случайныя «благодѣянія» не заставляютъ ее забыть о его антиконституціонной сущности, и она все настойчивѣе призываетъ страну къ борьбѣ съ нимъ. И вотъ теперь она надѣется, что новое «демократическое» министерство возьметъ на себя иниціативу такой борьбы. Основательны ли эти надежды? Можно ли серьезно считать «демократовъ» готовыми и способными на подвигъ, котораго отъ нихъ ожидаютъ?

Увы, это кажется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Прежде всего мы наталкиваемся тутъ на формальное возраженіе, выдвигаемое противъ демократовъ ихъ вчерашними товарищами по оппозиціи, а сегодня ожесточенными врагами изъ другихъ партій. Это выраженіе относится къ тому способу, какимъ демократы были призваны къ власти. Новое правительство само является порожденіемъ личнаго режима—говорятъ партійные политиканы: - оно призвано по княжескому благоволенію и имъ только и держится. Какъ могло бы оно, при такихъ обстоятельствахъ, выступить противъ него?

Въ этомъ аргументѣ, несомнѣнно, есть зерно истины. Но не слѣдуетъ преувеличивать его значеніе. При данныхъ условіяхъ всякое призванное къ власти правительство было бы порожденіемъ личнаго режима. Это — неизбѣжное послѣдствіе уже созданнаго положенія, и ставить его въ вину демократическому правительству было бы крайне несправедливо. Вѣдь съ точки зрѣнія формально-конституціонной единственно правильнымъ рѣшеніемъ министерскаго кризиса было бы сохраненіе власти за стамбуловскимъ кабинетомъ, продолжавшимъ до послѣдняго момента пользоваться благоволеніемъ князя Фердинанда и довѣріемъ громаднаго большинства камеры. Но объ этомъ, очевидно, нечего было

и думать. Всѣ, начиная съ князя, понимали, что это было совершенно невозможно, что ненавистный кабинетъ долженъ былъ уйти вмѣстѣ съ своимъ народнымъ собраніемъ, никогда не выражавшимъ собою, хотя бы отдаленно, народную волю. Но кто же долженъ былъ замѣнить ихъ? Объективныхъ признаковъ, которые указывали бы на преимущественное право какой-нибудь опредѣленной партіи на оставленное стамбуловистами наслѣдство, никакихъ не было. Кого бы князь ни выбралъ, его выборъ все равно былъ бы опороченъ элементомъ случайности или произвола...

Но не слѣдовало ли бы тогда прибѣгнуть къ образованію временнаго коалиціоннаго кабинета, главною задачею котораго было бы дать странѣ возможность высказаться въ совершенно «свободныхъ» выборахъ? Конечно, широкая, всеобъемлющая коалиція, въ которую вошли бы по возможности всѣ оппозиціонныя теченія, не исключая и соціалистическаго, лучше отвѣчала бы конституціоннымъ прецедентамъ, чѣмъ образованіе гомогеннаго министерства какой бы то ни было отдѣльной партіи. Но такая коалиція не просуществовала бы и двухъ дней. Въ ней тотчасъ же появились бы нежелательные тренія, интриги и раздоры, которые скоро довели бы ее до неизбѣжнаго краха, свели бы на нѣтъ всѣ ея надежды и всѣ ея обѣщанія. Что же касается до коалиціи болѣе узкой —вродѣ, напримѣръ, такой, какую пытались заключить между собою по желанію князя Фердинанда демократы и прогрессисты,— то такая коалиція вѣдь тоже носила бы на себѣ клеймо «личнаго режима», и, въ этомъ отношеніи, была бы такъ же опорочена, какъ представляется теперь опороченнымъ его противникамъ демократическое министерство. А въ смыслѣ прочности, внутренняго согласія, послѣдовательности въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ и т. п. она представляла бы, навѣрное, меньше гарантіи, чѣмъ ихъ представляетъ однородный демократическій кабинетъ...

Такимъ образомъ въ одномъ лишь происхожденіи новаго правительства нельзя еще видѣть ту несмываемую печать проклятія, которая осуждаетъ его на безсиліе и покорность. Оно можетъ, конечно, обязывать къ извѣстной корректности въ отношеніяхъ министровъ къ коронѣ, но эта корректность не должна еще вести къ обезличенію, къ измѣнѣ своему знамени и своей программѣ, къ отказу отъ своей «исторической миссіи»...

Гораздо болѣе опасною является несоразмѣрность силъ партіи съ силами ея предполагаемаго противника. Партія такъ слаба и одинока, а власть и авторитетъ короны такъ громадны, всеобъемлющи. Она располагаетъ всѣми матеріальными рессурсами государства; за нее сила инерціи установившагося порядка; за нее верхи общества, связавшіе съ нею свои сословные и классовые интересы; за нее, наконецъ, — *last not least* — соперничество партій и политическая апатія народной массы. При такихъ условіяхъ серьезная борьба противъ личнаго режима должна представляться страшно труднымъ,

почти безнадежнымъ, дѣломъ. И это сознаніе не можетъ не дѣйствовать угнетающимъ образомъ на новое правительство, не можетъ не подрывать его энергіи и вѣры въ успѣхъ своего дѣла...

Потому что болгарскіе демократы совсѣмъ не фанатики... Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы заподозривать ихъ исренность, какъ это дѣлаютъ ихъ политическіе противники. Я вполнѣ вѣрю въ ихъ политическую честность и въ ихъ искренній демократизмъ. Но это не мѣшаетъ имъ быть прежде всего практическими политиками, для которыхъ цѣлесообразность средствъ и достижимость цѣли являются рѣшающими критеріями разумной политической дѣятельности. Но въ этой-то цѣлесообразности и достижимости они, повидимому, и сомнѣваются, когда дѣло идетъ о серьезной борьбѣ съ «личнымъ режимомъ». Отсюда, очевидно, и ихъ колебанія, неувѣренность ихъ первыхъ шаговъ, осторожный языкъ ихъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ декларацій.

И, все-таки, не въ этомъ несоотвѣтствіи силъ новаго правительства съ предстоящею ему миссіею слѣдуетъ видѣть самое больное его мѣсто. Недостатокъ физической силы можно бы было восполнить нравственною мощью, вѣрою, самоотверженною преданностью, героическимъ мужествомъ, передъ которыми сплошь и рядомъ рушатся самыя грозныя препятствія, воздвигаемыя деспотизмомъ на пути къ свободѣ... Бѣда не въ томъ только, что новое правительство слабо и ясно сознаетъ свою слабость. Гораздо хуже то, что оно не имѣетъ, повидимому, яснаго представленія объ особенностяхъ своей миссіи, о сущности, характерѣ и потенціальностяхъ борьбы, въ которую хотѣла бы его бросить болгарская демократія. Оно не съ того конца берется за дѣло. Его пріемы мало чѣмъ отличаются по существу отъ обычныхъ пріемовъ политической борьбы, какъ она практикуется въ Болгаріи. Подборъ подходящаго служебнаго персонала, подготовка выборовъ, исходящая изъ основного положенія, что масса избирателей идетъ обыкновенно за тѣми, кто представляетъ власть, многообѣщающія программныя деклараціи, разсчитанныя, главнымъ образомъ, на нейтральные слои прогрессивной интеллигенціи, летучія агитаціонныя экскурсіи, организуемыя въ сомнительные избирательные центры,—все это можетъ казаться вполнѣ законнымъ и цѣлесообразнымъ, когда дѣло идетъ о партійной самозащитѣ, объ отраженіи партизанскихъ нападеній на только что завоеванныя позиціи. Но все это имѣетъ самое отдаленное отношеніе къ борьбѣ противъ «личнаго режима». Личный режимъ не случайное явленіе, обязанное своимъ возникновеніемъ случайнымъ же перипетіямъ партизанской борьбы. Личный режимъ выросъ и окрѣпъ на почвѣ политическаго невѣжества и безучастія массъ, и противъ этого-то основного зла болгарской жизни должны быть направлены главныя усилія болгарской демократіи. Успѣшная борьба съ нимъ возможна лишь на почвѣ широкаго общественно-политическаго движенія, въ

участію въ которомъ должны быть привлечены всѣ живыя прогрессивныя силы страны. Необходима сложная и всесторонняя система народной пропаганды и агитаціи, которыя пробудили бы въ массѣ спящій общественный инстинктъ, внесли бы въ нее недостающіе ей элементы политическаго сознанія. Но это громадное общественное дѣло, требующее для своего успѣха высокой степени сознательности, подвижничества и самоотверженія отъ тѣхъ, кто беретъ его на себя. Надо «пойти въ народъ», внести въ него весь жаръ своихъ убѣжденій и всю мудрость своего опыта. Необходима широкая и вездѣсущая партійная организація пропаганды, съ своими отдѣлами и подотдѣлами, съ своими бродячими агитаторами, съ своими читальнями, газетками, вечерними и воскресными школами, собраніями, митингами и т. д. и т. д. Необходимы когорты преданныхъ дѣлу людей, которые видѣли бы именно въ этомъ общеніи съ массою дѣло своей жизни, свою службу, свою профессію. Необходимо то, что отчасти, въ своей узкой, ограниченной сферѣ, дѣлаютъ мѣстные соціалъ-демократы и, пожалуй, радикалы-демократы, но на гораздо болѣе широкой общественной аренѣ, безъ исключительнаго доктринерства и классовой нетерпимости однихъ, безъ партизанскихъ увлеченій другихъ...

Ничего подобнаго не замѣчается въ дѣятельности новаго правительства, какъ не замѣчалось и раньше въ дѣятельности демократической партіи. Повидимому, въ громадномъ своемъ большинствѣ вожаки партіи даже и не задумываются надъ громаднымъ вопросомъ о привлеченіи массъ къ сознательному участію въ политической жизни, не сознаютъ всей его своевременности и настоятельности. Тѣ же немногіе, которые задумываются надъ нимъ, чувствуютъ себя совершенно безсильными приступить къ его разрѣшенію, или хотя бы поднять въ совѣтахъ партіи! Откуда намъ взять людей,—говорятъ они,—которые пошли бы на это подвижничество? Гдѣ средства, необходимыя для широкой организаціи такой культурно-политической работы? Партія бѣдна; ея члены живутъ службою и заработкомъ; ея положеніе такъ непрочно; у нея такъ много враговъ и т. д. и т. д... Все это въ значительной степени вѣрно, но тѣмъ безнадежнѣе долженъ казаться результатъ той «борьбы противъ личнаго режима», о которой, какъ о провиденціальномъ назначеніи партіи, говорятъ ея энтузіасты...

Болѣе того, все это заставляетъ невольно сомнѣваться и въ томъ, чтобы новому правительству удалось вполнѣ разрѣшить и первую задачу, стоящую на его пути, чтобы ему удалось осуществить всѣ тѣ конкретныя реформы, которыя поставила передъ нимъ реакціонная дѣятельность стамбуловскаго кабинета. Демократы, конечно, прекрасно понимаютъ необходимость этихъ реформъ и искренно хотѣли бы провести ихъ возможно полнѣе и скорѣе. Но не они господа положенія. Надъ ними есть своя власть, съ которою они должны считаться, которой они, въ концѣ концовъ, должны под-

чиняться, если только хотятъ сохранить свое положеніе правительственной партіи. А эта власть смотритъ на «авгіевы конюшни стамбуловщины» не совсѣмъ такъ, какъ смотритъ на нихъ остальная Болгарія. И въ результатѣ, новое правительство, попавшее съ своимъ демократизмомъ въ самую гущу «личнаго режима», должно быть готово ко всѣмъ разочарованіямъ и ко всѣмъ непріятностямъ. Каждый шагъ его по пути реформаторской дѣятельности будетъ усѣянъ трудностями и опасностями. Каждое свое демократическое завоеваніе ему придется брать съ бою. И возьметъ оно, въ концѣ концовъ, лишь то, что захотятъ ему отдать,—не больше. При первомъ же серьезномъ сопротивленіи со стороны короны, оно должно будетъ или подчиниться, или удалиться, потому что «личный режимъ» силенъ, и для рѣшительной борьбы съ нимъ не готовы ни страна, ни, тѣмъ менѣе, «демократическая» партія...

И. К—въ.

P. S. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки. Но положеніе новаго министерства остается и теперь такимъ же неопредѣленнымъ, какимъ оно было въ первые дни послѣ его образованія. Оно еще не получило санкціи народнаго избранія и продолжаетъ оставаться правительствомъ, «милостью Божьею», соизволеніемъ призвавшаго его ко власти князя. Ему поневолѣ приходится заниматься пока лишь текущими дѣлами, да подготовленіемъ къ предстоящимъ законодательнымъ выборамъ. Было, однако, и въ теченіе этихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ нѣсколько случаевъ, при которыхъ новому правительству можно было проявить свои творческія способности и свою демократическую сущность. И намъ кажется, что поведеніе правительства въ этихъ случаяхъ подтверждаетъ, въ общемъ, предположенія, высказанныя нами въ текстѣ статьи. Добрыя намѣренія новаго министерства не подлежатъ сомнѣнію. И по своему личному составу, и по партійнымъ традиціямъ и директивамъ, и по одушевляющимъ его соціально-политическимъ стремленіямъ оно отличается искренностью и широкимъ демократизмомъ. Но, въ то же время, оно, видимо, сознаетъ свою внутреннюю слабость, и это сознаніе отражается какой-то неувѣренностью на его дѣятельности,—особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда слишкомъ явный «демократизмъ» этой дѣятельности могъ бы вызвать серьезное неудовольствіе въ «высшихъ сферахъ». Такъ оно нашло въ себѣ достаточно мужества, чтобы разрѣшить въ очень радикальномъ духѣ «университетскій» и «учительскій» вопросы, и это разрѣшеніе, давшее полное удовлетвореніе болгарской демократіи, чрезвычайно подняло его престижъ въ широкихъ слояхъ народа. Но оно далеко не проявило такой же рѣшительности передъ притязаніями нарождающагося болгарскаго милитаризма, преторіанскія тенденціи котораго такъ ярко проявили себя въ послѣднее время въ рядѣ столкновеній между молодыми офицерами и представителями мѣстной демократической печати.

Съ другой стороны, оно не сдѣлало ничего для привлеченія къ сознательной политической жизни широкихъ народныхъ массъ и для объединенія вокругъ своего знамени всѣхъ прогрессивныхъ силъ націи. Почти всѣ остальныя болѣе или менѣе демократическія партіи отброшены въ оппозиціонный лагерь, и надежда на ихъ сотрудничество въ дѣлѣ возстановленія болгарскаго конституціонализма съ каждымъ днемъ становится все слабѣе и слабѣе...

И, все-таки, съ рѣшительнымъ приговоромъ надо еще погодить. Пусть пройдутъ выборы, и правительство почувствуетъ подъ ногами твердую почву народнаго довѣрія. Только тогда, вооруженное этимъ довѣріемъ, сумѣетъ оно дать намъ истинную мѣру своего демократизма, только тогда можно будетъ окончательно отвѣтить на вопросъ: въ какой степени сознаетъ оно свою «миссію» и насколько способно выполнить ее...

И. К.

Организаціи сельскихъ рабочихъ въ Венгріи.

I.

Венгрія страна земледѣльческая; около 70°/₀ ея населенія находитъ себѣ пропитаніе въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ. Значительная часть общей площади культурныхъ земель (около 45°/₀) принадлежитъ крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ, и на этихъ земляхъ хозяйства организованы на широкомъ примѣненіи наемнаго труда. Главные кадры наемныхъ сельскихъ рабочихъ даетъ безземельное населеніе, а также собственники карликовыхъ хозяйствъ, вынужденные искать для равновѣсія своего хозяйственнаго бюджета посторонникъ заработковъ. Возникновеніе класса безземельныхъ и значительнаго количества карликовыхъ хозяйствъ стоитъ въ тѣсной связи съ характеромъ уничтоженія крѣпостной зависимости и земельной реформы 1848 года. Выступивъ въ открытую борьбу съ Австріей, венгерская земельная аристократія сочла для себя полезнымъ не только отмѣнить крѣпостное право, но и «добровольно» надѣлила освобожденныхъ крестьянъ землею безъ выкупа. Однако, при осуществленіи широковѣщательныхъ обѣщаній дѣйствительные выгоды демократическихъ слоевъ населенія оказались довольно скромными. Были приложены всѣ усилія къ тому, чтобы всячески сузить рамки земельной реформы—въ результатѣ цѣлыя категоріи крестьянъ совсѣмъ не получили земельныхъ надѣловъ и изъ нихъ-то сложились первоначальные

кадры сельскаго пролетаріата въ Венгріи. Пока еще страна доживала періодъ натуральнаго хозяйства, безземельному пролетаріату жилось сравнительно сносно, но какъ только сельскохозяйственное производство реорганизовано было на капиталистическихъ началахъ, настали тяжелые дни для деревенской бѣдноты въ Венгріи. Съ одной стороны, арендная плата и цѣны на землю сильно возросли *) и отъ безземельнаго требовались нечеловѣческія усилія, чтобы перейти въ категорію условно самостоятельныхъ хозяевъ. Съ другой стороны, общія условія сельско-хозяйственнаго труда въ крупныхъ и среднихъ хозяйствахъ становились все болѣе и болѣе тяжелыми: введеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ сократило потребность въ рабочихъ рукахъ, что вызвало значительное пониженіе заработной платы **), а отсутствіе законодательной охраны привело къ крайнымъ формамъ эксплуатаціи, въ смыслѣ установленія чрезвычайно длиннаго рабочаго дня, неудовлетворительнаго содержанія сельскихъ рабочихъ и т. д. Нелегко жилось и владѣльцамъ карликовыхъ хозяйствъ: какъ показали многочисленныя изслѣдованія въ 90-хъ годахъ, они обречены были на полуголодное прозябаніе. Съ теченіемъ времени на мелкомъ землевладѣніи накопился значительный гипотечный долгъ, и въ дѣйствительности многіе владѣльцы карликовыхъ и мелкихъ хозяйствъ сдѣлались фиктивными собственниками. Совершенно естественно, что при такомъ положеніи въ массѣ сельскаго населенія накопилось сильное недовольство существующими условіями. Въ 90-хъ годахъ впервые возникли массовыя движенія крестьянъ и батраковъ. Первыя вспышки открытаго проявленія недовольства имѣли мѣсто въ 1891 и 1894 г. и по времени совпадаютъ съ возникновеніемъ первыхъ организацій трудящихся элементовъ сельскаго населенія Венгріи. Правящіе классы не замедлили приложить всѣ усилія, чтобы затормозить пробужденіе венгерской деревни, но полицейскими мѣрами нельзя было уже предотвратить стихійныхъ порывовъ народнаго недовольства. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны народныя движенія 1897 г. Въ этомъ году состоялись первые съѣзды делегатовъ сельскихъ рабочихъ Венгріи, на которыхъ были приняты резолюціи съ требованіями сокращенія рабочаго дня, уничтоженія системы сдѣльныхъ работъ, установленія нормъ заработной платы и т. д. Вслѣдъ за этимъ во время уборки хлѣбовъ вспыхнула первая массовая стачка сельскихъ рабочихъ, окончившаяся повышеніемъ заработной платы на 50%. Въ этихъ выступленіяхъ видная роль принадлежала дѣятелямъ юной тогда венгерской соціалдемократической партіи. Соціалдемократы склонны

*) Въ 90-хъ годахъ цѣна 1 іоха (0.6 дес.) колебалась между 250—500 гульденами; арендная плата 30—35 гульденовъ, гульденъ 78 коп.

**) По Рубенеку, средній заработокъ сельскаго рабочаго въ годъ упалъ съ 200 гульденовъ въ 60-хъ годахъ до 170—180 гульденовъ въ 90-хъ годахъ.

были пока и ограничиться достигнутыми результатами. Но наряду съ ними образовалась группа независимыхъ соціалистовъ—сторонниковъ болѣе рѣшительныхъ формъ борьбы съ господствующими классами, чѣмъ стачечное движеніе,—и стоило послѣднимъ обратиться къ крестьянамъ съ призывомъ къ возстанію противъ помѣщиковъ, какъ чуть не по всей странѣ пронесся разрушительный вихрь такъ называемаго анархо-соціалистическаго движенія, въ которомъ участвовали какъ крестьяне-мелкіе собственники, такъ и безземельные батраки. Пылающіе замки, вѣковыя колыбели аристократіи, смѣлыя требованія народа о рѣшительной ломкѣ существующихъ соціальныхъ отношеній взывали всеобщую панику, которая прекрасно была использована правящими классами. Собственно само движеніе носило чисто стихійный характеръ, и о конечныхъ его задачахъ въ народной массѣ далеко не всегда было сколько-нибудь опредѣленное представленіе. Поэтому подавленіе его силой оружія не представляло особой трудности. Политическое настроеніе въ странѣ благопріятствовало осуществленію репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ вообще противъ организаціоннаго движенія среди пролетарскихъ массъ, и правительство поспѣшило закрыть всѣ сельскія организаціи трудящихся, хотя причастность многихъ изъ нихъ къ анархо-соціалистическому движенію была болѣе чѣмъ сомнительна. Затѣмъ парламентъ спѣшно принялъ новый законъ о союзахъ, которымъ установленъ былъ разрѣшительный порядокъ открытія новыхъ союзовъ, вслѣдствіе чего долгое время администраціей совершенно не допускалось открытія новыхъ организацій въ селахъ. Однако, и это было признано недостаточнымъ, и, чтобы окончательно гарантировать страну отъ новыхъ вспышекъ народнаго недовольства, правительство совмѣстно съ парламентомъ, куда по существующему избирательному закону проникаютъ только представители земледѣльческихъ интересовъ,—занялось соціальнымъ законодательствомъ. При этомъ аграріи неизмѣнно стремились цѣною ничтожныхъ второстепенныхъ уступокъ всячески парализовать развитіе и проявленіе самодѣятельности въ широкихъ слояхъ населенія.

Самой жизнью былъ выдвинутъ на первую очередь вопросъ о сельскихъ рабочихъ и естественно, что парламенту пришлось прежде всего дать на него тотъ или иной отвѣтъ. Новый законъ о сельскихъ рабочихъ явился первой ласточкой соціальныхъ реформъ. Этотъ законъ ярко отразилъ на себѣ узко классовыя тенденціи руководителей внутренней политики Венгріи. Такъ, на первомъ мѣстѣ было поставлено лишеніе сельскихъ рабочихъ права стачекъ, подъ угрозой ареста до 60 дней новый законъ запретилъ организацію, участіе и содѣйствіе совѣщаніямъ рабочихъ для совмѣстнаго предъявленія требованій работодателю о повышеніи заработной платы или о какихъ-либо льготахъ; такое же наказаніе назначено было рабочему, неявившемуся, вопреки договору,

на работу, или плохо исполнившему ее, а также лицамъ, выразившимъ свое отрицательное отношеніе къ рабочимъ, которые отказались нарушить договоръ или же оказавшимъ поддержку нарушителямъ договора. Въ то-же время работодателю было предоставлено право силой принуждать рабочихъ къ выполненію условій найма, и администрація обязана была ловить уклоняющихся рабочихъ, приводить ихъ къ нанимателю и насильно заставлять работать. Этотъ законъ, названный въ соціалистической литературѣ «рабскимъ закономъ», долженъ былъ охранить венгерское село отъ «вредной» агитаціи и обезпечить аграріямъ возможность безпрепятственной эксплуатаціи трудящихся. Для того же, чтобы выказать свое попеченіе объ интересахъ народныхъ массъ, парламентъ утвердилъ законопроектъ о пенсіонныхъ кассахъ сельскихъ рабочихъ и постановилъ оказать широкую матеріальную поддержку кооперативному движенію; послѣднее захватили въ свои руки аграріи и клерикалы и сдѣлали все, чтобы изъ сельскихъ кооперативовъ создать новую опору для своего господства.

Казалось, все благопріятствовало окончательному торжеству аграріевъ. Въ ихъ рукахъ находился весь административно-судебный механизмъ страны. Парламентъ, гдѣ засѣдали также аграріи, всячески поощрялъ рѣшительныя дѣйствія административныхъ органовъ безотносительно къ степени ихъ закономѣрности. Малосознательная пролетарская и полупролетарская масса сельскаго населенія была деморализована жестокостью подавленія аграрнаго движенія и суровыми карами судебныхъ приговоровъ. Наконецъ, въ Венгріи не было сколько-нибудь значительныхъ кадровъ соціалистической интеллигенціи для того, чтобы составить авангардъ въ борьбѣ за интересы трудящихся. Тѣмъ не менѣе результаты всей этой репрессивной политики не оправдали надеждъ ея вдохновителей. Дѣйствительно, организаціонное движеніе было загнано въ подполье, но, несмотря на это, безпрерывно шла агитаціонная работа по подготовкѣ широкихъ слоевъ населенія къ новымъ выступленіямъ въ защиту своихъ интересовъ. Поэтому вскорѣ возобновилась партизанская война трудовыхъ элементовъ съ господствующими классами въ формѣ спорадическихъ вспышекъ стачечнаго движенія, и какъ только представилась возможность выбраться изъ удушья подполья, организаціонныя ячейки стали слагаться съ поразительной быстротой во всѣхъ углахъ страны.

II.

Въ настоящее время главнымъ руководящимъ центромъ организаціоннаго движенія среди сельскихъ рабочихъ является союзъ сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель, основанный въ началѣ 1906 года. Чрезвычайно интересна исторія его возникновенія.

Исторія Венгріи богата политической борьбой, но послѣ варварски-жестокаго усмиренія крестьянскаго возстанія въ средніе вѣка въ этой борьбѣ въ продолженіе столѣтій участвовали исключительно верхи націи: крупная земельная аристократія и мелкое дворянство. Главныя варіаціи борьбы сводились къ междуусобицѣ указанныхъ классовъ или совмѣстному натиску на корону. Демократическіе слои населенія оставались въ сторонѣ. Лишь въ 1848 г., какъ уже выше было отмѣчено, въ политическіе разсчеты господствующихъ классовъ вошло крестьянство и то, какъ полагаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, лишь потому, что крестьянское возстаніе въ Галиціи, которое было провоцировано агентами австрійскаго правительства, являлось слишкомъ зловѣщимъ примѣромъ того, куда можетъ привести полное игнорированіе интересовъ крестьянства. Другими словами, венгерская земельная аристократія и шляхта поспѣшили сами дать то, что неминуемо дано было бы въ острый моментъ австрійской короной для привлеченія на свою сторону симпатій крестьянъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ, вслѣдствіе усиленія въ Венгріи сепаратистическихъ теченій, отношенія между короной и парламентомъ становились все болѣе натянутыми. Когда всѣ другія средства къ примиренію оказались уже исчерпанными, король рѣшился на крайнее. Онъ назначилъ Фейервари королевскимъ комисаромъ съ чрезвычайными полномочіями и распустилъ парламентъ. Этому финалу предшествовала продолжительная борьба кабинета того же Фейервари, ставленника вѣнскихъ придворныхъ круговъ, съ парламентомъ. При этомъ Фейервари искалъ опоры въ широкихъ слояхъ населенія, чтобы землевладѣльческой олигархіи противопоставить демократію. Онъ выдвинулъ впередъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и допустилъ вполнѣ свободную агитацію соціалистовъ въ странѣ. Со своей стороны, соціалисты, крайне враждебно настроенные противъ классоваго парламента, всячески стремились использовать такой благопріятный моментъ для укрѣпленія своего положенія. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ фактическій союзъ соціалистовъ съ представителемъ абсолютизма, но если ознакомиться съ тѣмъ, какимъ тяжелымъ гнетомъ для трудящихся массъ была конституція землевладѣльческой олигархіи, то тактика венгерской соціалдемократіи сдѣлается понятной. Однимъ изъ актовъ, предназначенныхъ для завоеванія симпатій широкихъ слоевъ населенія, было утвержденіе, въ декабрѣ 1905 г., устава союза сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель. Съ этого момента начинается новый періодъ легальнаго существованія организацій сельскихъ рабочихъ.

По своимъ задачамъ и внутренней организація союзъ сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель ближе стоитъ къ организаціямъ взаимопомощи, чѣмъ къ профессіональнымъ союзамъ. Союзъ долженъ дѣйствовать въ предѣлахъ существующихъ законовъ, а

послѣдніе, какъ уже выше было указано, отнимаютъ у сельскихъ рабочихъ главное оружіе профессіональнаго движенія—право стачекъ, и всякое дѣйствіе, клонящееся къ организаціи или руководству стачкой, разсматривается администраціей, какъ достаточный поводъ для закрытія данной мѣстной группы или всего союза. Въ отношеніи вмѣшательства союза во взаимоотношенія работодателей и рабочихъ уставъ предоставляетъ право посредничества при установленій соглашенія о размѣрѣ заработной платы и улучшеніи другихъ условій труда. Кромѣ того, въ задачи союза входитъ наблюденіе за правильнымъ прекращеніемъ рабочихъ и арендныхъ договоровъ обѣими договаривающимися сторонами, а также организація третейскихъ судовъ для улаживанія между помѣщиками и рабочими конфликтовъ въ сельскохозяйственной области. Въ дѣлѣ взаимопомощи компентенція союза сравнительно шире, а именно союзъ можетъ оказать своимъ членамъ содѣйствіе въ процессахъ по поводу нарушенія договоровъ работодателями и вообще брать на себя представительство интересовъ членовъ въ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ. Кромѣ того союзъ можетъ оказывать матеріальную помощь своимъ членамъ въ случаѣ безработицы и болѣзни, а также брать на себя посредничество по снабженію ихъ арендными участками. Для улучшенія общаго положенія сельскихъ рабочихъ, защиты ихъ матеріальныхъ и моральныхъ интересовъ и выполненія указанныхъ выше задачъ союзу предоставлено право облагать своихъ членовъ единовременными и періодическими взносами, устраивать профессіональные курсы, лекціи и проч., имѣть залъ собраній, читальню и библіотеку, издавать профессіональный органъ, собирать статистическія свѣдѣнія, учреждать необходимые комитеты и, наконецъ, организовать безплатную юридическую защиту и посредничество по подысканію работы для своихъ членовъ.

Дѣйствительнымъ членомъ союза можетъ быть всякій сельскій рабочій или работница, занятые въ той или иной формѣ въ сельскомъ хозяйствѣ или, въ связанномъ съ нимъ производствѣ, при условіи уплаты вступительнаго взноса въ 50 хеллеровъ и еженедѣльно по 10 хеллеровъ *). Отъ платежа взносовъ освобождаются лица, принятыя на военную службу, безработные и больные. Членомъ-соревнователемъ можетъ быть всякій, внесшій единовременно въ пользу союза извѣстную сумму или изъявившій согласіе уплачивать еженедѣльно обычные для дѣйствительныхъ членовъ взносы; члены-соревнователи не пользуются избирательнымъ правомъ и не получаютъ никакой помощи отъ союза. Члены исключаются за невзносъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ платежей или за дѣйствія, вредящія матеріальнымъ и моральнымъ интересамъ союза. Всякій членъ, уплатившій въ теченіе 10 недѣль положенные взносы, прі-

*) 1 хеллеръ=0,39 коп.

обрѣтаетъ право на пользованіе библіотекой и безплатной юридической помощью въ тяжбахъ съ работодателями, а членъ, уплатившій взносы въ теченіе 52 недѣль, имѣетъ, на началахъ, установленныхъ общимъ собраніемъ союза, право на вспомоществованіе во время безработицы.

Члены входятъ въ составъ мѣстныхъ группъ или же непосредственно примыкаютъ къ союзу, если въ данномъ районѣ мѣстной группы нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ центральный комитетъ союза можетъ назначить особыхъ своихъ уполномоченныхъ, черезъ которыхъ устанавливаются всѣ сношенія (сборъ членскихъ взносовъ, распространеніе литературы и т. д.) съ мѣстными членами. Мѣстная группа можетъ быть образована, если въ данномъ районѣ живетъ болѣе 10 членовъ союза, при чемъ уже принадлежность къ мѣстной группѣ для членовъ каждаго района обязательна. Объ образованіи мѣстной группы должно быть заявлено властямъ, и отъ послѣднихъ зависитъ допустить открытіе ея или нѣтъ. Мѣстныя группы представляютъ отчеты о своей дѣятельности въ центральный комитетъ союза. Послѣдній обязанъ организовать контроль за ихъ дѣятельностью и распускать тѣ изъ мѣстныхъ группъ, которыя своими дѣйствіями приносятъ ущербъ интересамъ союза. По требованію $^2/_3$ мѣстныхъ группъ можетъ быть созванъ конгрессъ ихъ представителей, постановленія котораго обязательны для всѣхъ членовъ союза.

Управленіе дѣлами союза принадлежитъ общему собранію, центральному комитету и правленію союза. На очередныхъ общихъ собраніяхъ, созываемыхъ ежегодно, утверждаются отчеты, производятся выборы, разсматриваются жалобы на постановленія центральнаго комитета и третейскаго суда, устанавливаются начала вспомоществованія и размѣръ обложенія членовъ и т. д. Центральный комитетъ состоитъ изъ 30 членовъ, въ его обязанности входитъ наблюденіе за дѣятельностью союза, пріемъ новыхъ членовъ, рѣшеніе вопросовъ объ экстренныхъ вспомоществованіяхъ, созывъ общихъ собраній и осуществленіе всѣхъ мѣропріятій союза. Правленіе союза завѣдываетъ непосредственно всѣми дѣлами союза и состоитъ изъ 5 членовъ; центральный комитетъ и правленіе избираются на 2 года. Должность кассира совершенно самостоятельна и для провѣрки его дѣятельности избирается особая контрольная коммиссія. Наконецъ, надо замѣтить, что уставомъ признается обязательнымъ разрѣшеніе недоразумѣній и споровъ, какъ между членами и центральнымъ комитетомъ, такъ и между отдѣльными членами путемъ третейскаго разбирательства.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ рамки, въ которыхъ развивалось организованное движеніе венгерскихъ сельскихъ рабочихъ въ послѣднемъ періодѣ. Тутъ мы не видимъ достаточнаго простора ни для широкой постановки защиты интересовъ сельскихъ рабочихъ, ни для пробужденія духа самодѣятельности въ ихъ сферѣ.

Однако, какъ видно изъ первыхъ шаговъ дѣятельности союза сельскихъ рабочихъ, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ, массы сельскихъ рабочихъ все же сумѣли заявить о своей солидарности и использовать до извѣстной степени организаціонныя начала для укрѣпленія своей позиціи въ экономической борьбѣ съ землевладѣльческой олигархіей.

III.

Въ январѣ 1906 года состоялось учредительное собраніе союза сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель, на которомъ были представлены всего 58 общинъ изъ 12000 общинъ въ странѣ. Съ этого момента начинается дѣятельная работа союза по сплачиванію вокругъ себя сельскаго пролетаріата Венгріи. Для широкой постановки агитаціи и пропаганды на мѣстахъ, среди массъ сельскихъ рабочихъ сразу же были учреждены въ разныхъ пунктахъ страны провинціальные секретаріаты, число которыхъ, помимо временныхъ зимнихъ секретаріатовъ, въ 1906 году доходило до 10. Эти секретаріаты несомнѣнно являлись главными рычагами для выполненія огромной организаціонной работы союза. Личныя соприкосновенія провинціальныхъ секретарей союза съ сельскими рабочими, организація народныхъ собраній и проч. не только способствовали установленію широкихъ непосредственныхъ связей съ сельскимъ пролетаріатомъ, но и оказали серьезное вліяніе на быстрое возникновеніе на мѣстахъ собирательныхъ ячеекъ союза въ формѣ мѣстныхъ группъ. Наличность этихъ мѣстныхъ центровъ значительно облегчила агитаціонную работу и въ особенности способствовали широкому распространенію литературы союза. Такъ, ежемѣсячный журналъ «Сельскій рабочій (на венгерскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) расходился въ 1906 г. въ количествѣ 30.000 экземпляровъ. Кромѣ того до 1 іюля 1907 г. т. е. въ теченіе $1^1/_2$ года было распространено агитаціонной литературы (брошюръ, листковъ и проч.) 4.500.000 экземпляровъ. Дружныя усилія венгерскихъ соціалистовъ для проведенія организаціонныхъ началъ въ массу сельскаго пролетаріата Венгріи увѣнчались успѣхомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя:

	Число мѣстныхъ группъ.	Число членовъ.
До 31/III 1906	168	13.814
„ 31/VI „	284	22.963
„ 31/IX „	363	40.795
„ 31/XII „	428	48.616
„ 31/III 1907	562	72.562
„ 30/VI „	587	—

Согласно существующимъ законамъ Венгріи, въ профессіональныхъ организаціяхъ недопустима политическая агитація, и профессіональные союзы лишены такимъ образомъ возможности открыто примыкать къ политическимъ партіямъ. Въ частности, союзъ сельскихъ рабочихъноcитъ безпартійный характеръ, но такъ какъ его основателями и главными дѣятелями являются соціалдемократы, то въ основу всей дѣятельности союза были положены принципы классовой борьбы. Уже это обстоятельство, помимо всего прочаго, не могло не тревожить землевладѣльческій классъ, видѣвшій въ союзѣ лишь подготовительный этапъ для проникновенія идей соціализма въ венгерскую деревню. Старый афоризмъ «соціализмъ непереваримъ для желудка венгерскаго крестьянина» оказался въ полномъ противорѣчіи съ жизнью и аграріи стали настойчиво требовать, чтобы государственная власть пришла на защиту ихъ интересовъ. Пока у власти стояло министерство Фейервари, находящееся въ конфликтѣ съ землевладѣльческой олигархіей, притязанія аграріевъ оставались безрезультатными и соціалисты пользовались сравнительно широкой свободой агитаціи и организаціи. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда состоялось примиреніе между короной и парламентомъ и бразды правленія страной опять перешли въ руки конституціоннаго министерства коалиціи націоналистовъ-аграріевъ. Правда «великое національное правительство» какъ называлось въ кругахъ націоналистовъ министерство Векерле-Кошута, сочло неудобнымъ сразу обнаружить во всей наготѣ свою реакціоннуы природу и предпочитало до поры до времени поддерживать въ широкихъ слояхъ населенія иллюзіи о возможности демократическихъ реформъ. Поэтому категорическія требованія помѣщиковъ о закрытіи «вреднаго для интересовъ отечества» союза сельскихъ рабочихъ оставались безрезультатными, но въ тоже время правительство рѣшило косвенными мѣрами и преслѣдованіями «обезвредить» союзъ. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ одинъ изъ виднѣйшихъ аграріевъ, гр. Андраши, прозванный «чернымъ графомъ»; онъ принялъ всѣ отъ него зависѣвшіе мѣры, чтобы тормозить дѣятельность союза на мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, имъ было разослано 122.000 циркуляровъ мѣстнымъ органамъ правительства, которыми вмѣнялось имъ въ обязанность всячески препятствовать учрежденію новыхъ мѣстныхъ группъ союза и развитію дѣятельности существующихъ группъ. Въ силу такой политики правительства произволъ мѣстной администраціи не зналъ границъ: закрытіе мѣстныхъ группъ, отказъ въ открытіи новыхъ группъ, запрещеніе народныхъ собраній сдѣлались вполнѣ обычными явленіями. Стоило въ данной мѣстности возникнуть стачечному движенію среди сельскихъ рабочихъ и мѣстнымъ группамъ угрожало закрытіе. Въ большинствѣ случаевъ администрація просто измышляла поводы для закрытія и недопущенія мѣстныхъ группъ и на всѣ упреки правительству объ

антиконституціонныхъ дѣйствіяхъ его органовъ неизмѣнно повторялась стереотипная фраза: «администрація исполняла свой долгъ и дѣйствовала въ интересахъ отечества», сопровождаемая разсужденіями о разлагающемъ вліяніи «агитаторовъ» на сельское населеніе и т. д. Такимъ образомъ организаціонная работа среди венгерскаго сельскаго пролетаріата происходитъ при далеко не легкихъ условіяхъ. Въ результатѣ этого изъ 587 мѣстныхъ группъ, учрежденныхъ до 1 іюля 1907 г. прекратили свою дѣятельность 196, при чемъ изъ нихъ закрыта распоряженіями администраціи 161 мѣстная группа и сами пріостановили свою дѣятельность вслѣдствіе систематическихъ преслѣдованій власти 35 группъ. Произвольное закрытіе мѣстныхъ группъ терроризируетъ малосостоятельныхъ сельскихъ рабочихъ, поэтому до сего времени не получили практическаго значенія тѣ положенія устава, которыя допускаютъ вступленіе въ союзъ членовъ и помимо мѣстныхъ группъ, сношенія ихъ съ центральнымъ комитетомъ черезъ уполномоченныхъ и т. д. Обыкновенно послѣ закрытія мѣстной группы члены перестаютъ вносить членскіе взносы и такимъ образомъ выбываютъ изъ союза. Это нарушеніе формальной связи между сельскими рабочими и союзомъ отражается главнымъ образомъ на матеріальномъ положеніи послѣдняго, но не означаетъ еще полнаго разрыва. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ закрыты мѣстныя группы, обыкновенно составляются особые кружки подписчиковъ офиціоза союза, «Сельскій Рабочій», и на этой почвѣ сохраняется извѣстное общеніе съ центральной организаціей.

Въ общемъ приходится констатировать, что репрессивная политика настоящаго венгерскаго правительства по отношенію къ пролетарскому движенію въ венгерской деревнѣ главнымъ образомъ содѣйствуетъ возникновенію свободныхъ организацій *), въ чемъ нельзя отрицать извѣстнаго воспитывающаго значенія для массъ. Въ силу всего этого дѣйствительная связь союза съ массами сельскаго пролетаріата не опредѣляется исключительно наличнымъ количествомъ мѣстныхъ группъ. Такъ, въ партійномъ отчетѣ венгерской соціалъ-демократической партіи за 1906 годъ есть указаны, что связь установлена съ 2500 общинами въ странѣ.

На ряду съ этой организаціонной работой союзъ, въ предѣлахъ, установленныхъ уставомъ, вмѣшивался въ экономическую борьбу между рабочими и работодателями, а съ другой стороны, оказывалъ посильную помощь своимъ членамъ въ защитѣ ихъ интересовъ въ судѣ и административныхъ учрежденіяхъ.

Такъ, во время стачечнаго движенія въ 1906 г., о которомъ рѣчь

*) Замѣчу, что причина уменьшенія числа открываемыхъ мѣстныхъ группъ въ послѣднее время объясняется главнымъ образомъ противодѣйствіемъ администраціи.

будетъ ниже, нѣкоторые землевладѣльцы сочли нужнымъ обратиться къ содѣйствію союза для улаженія конфликтовъ съ рабочими, были также опыты заключенія коллективныхъ договоровъ между рабочими и работодателями при посредничествѣ союза. До сего времени широкая постановка матеріальной взаимопомощи, какъ и организація мѣропріятій по удовлетворенію духовныхъ нуждъ сельскихъ рабочихъ, была не по силамъ союзу. Но имъ немедленно по открытію дѣйствій была учреждена юридическая консультація, которая уже успѣла принести ощутительную пользу сельскимъ рабочимъ. Законы по отношенію къ сельскимъ рабочимъ въ Венгріи чрезвычайно суровы, администрація неутомимо преслѣдуетъ всякія проявленія пролетарскаго движенія; вслѣдствіе обостренности взаимоотношеній работодателей и рабочихъ всякихъ конфликтовъ и споровъ очень много и т. д., а потому потребность въ юридической помощи среди сельскаго населенія Венгріи огромная. Изъ того, что центральной юридической консультаціи въ Буда-Пештѣ въ $1^1/_2$ года пришлось въ 2400 случаяхъ оказать въ разныхъ формахъ юридическую помощь своимъ членамъ или же взять на себя представительство интересовъ послѣднихъ, видно какъ своевременна была эта мѣра. Кромѣ центральной консультаціи въ Буда-Пештѣ союзъ имѣлъ своихъ адвокатовъ-консультантовъ и въ провинціальныхъ городахъ.

Само собою разумѣется, что матеріальное положеніе союза не могло быть блестящимъ. Хотя размѣръ членскаго взноса нельзя признать высокимъ, но тѣмъ не менѣе при настоящемъ полуголодномъ существованіи сельскихъ рабочихъ встрѣчаются серьезныя затрудненія въ уплатѣ членскихъ взносовъ въ кассу союза. Всего въ 1906 г. доходъ союза составлялъ около 80.000 кронъ (72.000 кронъ изъ этой суммы членскіе взносы). Изъ этой суммы было израсходовано на образовательныя цѣли 14.044 кроны, на агитацію 12.434 кроны, на администрацію 10.766 кронъ. Въ текущемъ году положеніе значительно лучше, такъ какъ за полгода въ кассу союза поступило около 60.000 кронъ.

О дѣятельности мѣстныхъ группъ не имѣется сколько нибудь полныхъ данныхъ. Однако, изъ того, что сообщается корреспондентами журнала «Сельскій рабочій» о мѣстныхъ группахъ явствуетъ, что онѣ служатъ не только собирательными ячейками союза, но и самостоятельно подготовляютъ почву для экономической борьбы сельскаго пролетаріата. Такъ, во многихъ мѣстныхъ группахъ разработаны тарифы заработной платы, которыя, какъ увѣряли лица близко знакомыя съ дѣятельностью ихъ, имѣютъ серьезное значеніе при заключеніи рабочихъ договоровъ. Въ подобныхъ договорахъ устанавливается: 1) поденная плата по сезонамъ и при отдѣльныхъ работахъ (напримѣръ при молотьбѣ)—тутъ колебанія въ зависимости отъ мѣстныхъ условій довольно крупныя; 2) длина рабочаго дня и плата за сверхурочныя работы; 3) нормы сдѣль-

ныхъ работъ, съ опредѣленіемъ времени начала и окончанія работъ и минимальнаго размѣра дохода рабочаго (напримѣръ не менѣе 15 кронъ за уборку урожая 1 іюля) при сдѣльныхъ работахъ, который долженъ послужить основаніемъ при заключеніи договора; 4) нормы заработной платы годовыхъ и срочныхъ рабочихъ—холостыхъ и семейныхъ—съ подробной регламентаціей денежныхъ и натуральныхъ обязательствъ работодателей. Наконецъ, во многихъ мѣстностяхъ мѣстныя группы небезуспѣшно начали систематическую борьбу съ зимнимъ наймомъ рабочихъ, широко практикуемымъ въ Венгріи.

Дѣятельность мѣстныхъ группъ относится еще къ очень небольшому промежутку времени и притомъ протекала она въ атмосферѣ постоянныхъ преслѣдованій; поэтому задачи матеріальной взаимопомощи и просвѣщенія не могли быть въ достаточной мѣрѣ выдвинуты. Нельзя при этомъ забывать, что венгерскимъ сельскимъ рабочимъ приходится собственными силами создавать организаціи, такъ какъ соціалистически настроенной интеллигенціи въ венгерской деревнѣ очень мало и слѣдовательно пролетарскимъ массамъ внѣшней помощи ожидать неоткуда. Большинство же рядовыхъ деревенскихъ интеллигентовъ—прислужники аграріевъ и клерикаловъ, а потому враждебно настроены къ пролетарскому движенію. На нашъ взглядъ, настоящее усиленное преслѣдованіе администраціей мѣстныхъ группъ является показателемъ того, что ужъ теперь ихъ дѣятельность оказалась въ достаточной степени «опасной» для интересовъ землевладѣльцевъ и крупныхъ арендаторовъ.

IV.

Сельскій пролетаріатъ Венгріи находится въ исключительно безправномъ положеніи, онъ не только отстраненъ отъ активнаго вліянія на политическую жизнь страны, но и лишенъ главнаго оружія экономической борьбы—права стачекъ. Какъ уже выше было указано, по закону 1898 г., суровая кара ожидаетъ всякаго, кто осмѣлится организовать стачку или участвовать въ стачечномъ движеніи. Однако, законодатели, создавъ суровый законъ, оставили почти нетронутыми условія экономическаго быта венгерской деревни и, слѣдовательно, все то, что неминуемо толкало сельскихъ рабочихъ на борьбу съ помѣщиками, сохранило свою силу. Потому-то полное и послѣдовательное осуществленіе въ жизни новаго закона не могло предотвратить возникновенія стачечнаго движенія, и мы являемся свидѣтелями того, какъ въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, чуть-ли не изъ года въ годъ, сельскіе рабочіе Венгріи революціоннымъ путемъ осуществляютъ право стачекъ. При чемъ жестокая

расправа со стачечниками, хотя и вноситъ временную деморализацію въ массы, но не останавливаетъ развитія движенія.

Выше мы уже указали, что союзъ сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель юридически лишенъ права взять на себя руководство стачечнымъ движеніемъ. Зоркое око венгерскаго жандарма, стоящаго на стражѣ интересовъ землевладѣльческаго класса, пристально слѣдитъ за каждымъ шагомъ дѣятельности союза, и всякое уклоненіе отъ существующихъ законодательныхъ нормъ явилось бы давно желаннымъ поводомъ для закрытія союза. Это не могло не обязывать руководителей союза къ осторожности. Между тѣмъ у сельскихъ рабочихъ Венгріи ощущалась огромная потребность въ руководящемъ центрѣ, который взялъ бы на себя иниціативу подготовленія массъ сельскихъ рабочихъ къ стачечному движенію и внесъ бы въ послѣднее начала планомѣрности. Въ этихъ видахъ еще конгрессами сельскихъ рабочихъ въ 1897 г. былъ образованъ такъ называемый организаціонный комитетъ, который весьма успѣшно руководилъ въ томъ же году упомянутой выше стачкой косарей. Однако, послѣ того какъ репрессивными мѣрами были уничтожены всѣ мѣстныя организаціи, организаціонный комитетъ хотя и сохранился, но имѣлъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ агитаціонный центръ. Онъ разсылалъ агитаторовъ на мѣста, издавалъ и распространялъ агитаціонную литературу, созывалъ конференціи и даже конгрессы (напримѣръ, въ 1901 г.), но сколько-нибудь стройныя организаціи на мѣстахъ и сношенія съ широкими слоями сельскихъ рабочихъ устанавливались почти исключительно при посредствѣ «вѣрныхъ» людей. При такихъ условіяхъ дѣятельность организаціоннаго комитета не могла быть особенно интенсивной и всесторонней. Такъ, въ дѣлѣ организаціи стачечнаго движенія наглядно видна была потребность въ мѣстныхъ организаціонныхъ ячейкахъ; призывы организаціоннаго комитета подхватывались, но самыя вспышки стачечнаго движенія носили очень часто стихійный или же чисто мѣстный характеръ. При такомъ положеніи стачки сельскихъ рабочихъ не могли принести настоящей ощутительной пользы участникамъ, и оказать сколько-нибудь широкое воспитывающее вліяніе на сельскій пролетаріатъ, въ смыслѣ поднятія его классоваго самосознанія. Кромѣ того, организаціонный комитетъ, какъ свободная организація (по русской терминологіи—нелегальная организація), при отсутствіи непосредственной и органической связи съ массами сельскаго пролетаріата, располагалъ ограниченными матеріальными средствами и вообще не могъ приступить къ осуществленію разныхъ формъ взаимопомощи, являющейся не только одной изъ главныхъ основъ организаціонной борьбы труда съ капиталомъ, но и реальной базой сознанія солидарности массами трудящихся. Вотъ почему съ возникновеніемъ союза сельскихъ рабочихъ дѣятельность организаціон-

наго комитета принимаетъ иной характеръ. При настоящихъ условіяхъ союзъ могъ взять на себя задачи взаимопомощи и просвѣщенія, комитетъ же, сохранившій характеръ самостоятельной и свободной организаціи, долженъ былъ выполнить все то, что лежало за предѣлами компетенціи союза, т. е. запрещенное существующими законами. Въ дѣйствительности между обѣими организаціями оказалась весьма сильная связь въ формѣ личной уніи, а потому онѣ въ дѣлѣ расчистки пути для развитія пролетарскаго движенія въ венгерской деревнѣ стали взаимно дополнять другъ друга. Близость союза къ комитету наиболѣе сильно обнаружилась въ дѣятельности мѣстныхъ группъ.

Теперь задача комитета сводилась исключительно къ подготовкѣ и руководству стачечнымъ движеніемъ, а мѣстныя группы, взявшись за выработку тарифовъ заработной платы и установленіе другихъ нормальныхъ условій труда, тѣмъ самымъ шли навстрѣчу стремленіямъ организаціоннаго комитета. Точно также создавалось общеніе между ними и на почвѣ агитаціи противъ зимняго найма. Такъ, осенью 1906 года организаціоннымъ комитетомъ были созваны конференціи сельскихъ рабочихъ, на которыхъ участвовали 1773 делегата отъ 667 общинъ. На этихъ конференціяхъ были подведены итоги прошлой борьбы, произведены выборы членовъ организаціоннаго комитета и намѣченъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Наиболѣе цѣннымъ результатомъ этихъ конференцій была выработка образцовыхъ договоровъ, которые должны быть при каждомъ данномъ случаѣ приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ. Само собою понятно, какъ тутъ сочетается дѣятельность комитета съ мѣстными группами союза; послѣднія установленіемъ тарифовъ собственно только популяризировали образцовые договоры конференціи комитета.

Если мы теперь обратимся къ даннымъ о развитіи экономической борьбы въ венгерской деревнѣ въ послѣдніе годы, то найдемъ въ нихъ яркія указанія на укрѣпленіе и расширеніе организаціонныхъ началъ въ массахъ сельскаго пролетаріата. Прекрасный урожай и другія условія благопріятствовали въ 1906 г. для широкаго развитія стачечнаго движенія и, дѣйствительно, въ теченіе лѣта происходятъ многочисленныя стачки во многихъ областяхъ страны. Правда, сельскимъ рабочимъ пришлось вынести массовыя судебныя и административныя репрессіи—около 5000 рабочихъ были приговорены въ общей сложности къ аресту до 150 лѣтъ,—но зато имъ все же удалось путемъ повышенія заработной платы вырвать изъ рукъ аграріевъ нѣсколько милліоновъ кронъ. Интереснѣе всего, что не только по своимъ размѣрамъ, но и по внутренней стройности стачечное движеніе 1906 года превосходило стачечныя движенія прошлыхъ лѣтъ. Вообще аграріямъ пришлось въ той или иной формѣ считаться съ организованностью сельскихъ рабочихъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ интересныя свѣдѣнія о

вліяніи степени организованности рабочихъ на результаты экономической борьбы, собранныя организаціоннымъ комитетомъ *):

МѢСТНОСТИ.	Число общинъ, сообщившихъ свѣдѣнія.	Число сельскихъ рабочихъ въ этихъ общинахъ.	Число организованныхъ сельск. рабоч. тамъ же.	Поденная плата въ кронахъ въ 1905 г.				Поденная плата въ кронахъ въ 1906 г.				Средняя годовая поденная плата въ кронахъ.			Уборка урожая сдѣльно.		
				Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	1905 г.	1906 г.	% прироста.	1905 г.	1906 г.	Уменьшенія.
Безъ организацій сельскихъ рабочихъ	8	2050	—	0.76	0.88	1.43	0.86	0.78	0.88	1.43	0.86	0.98	0.98	0	11	11	0
Со слабыми организаціями сельскихъ рабочихъ . .	20	12200	2052	0.72	0.93	1.45	0.94	0.78	1.00	1.64	1.13	1.01	1.18	17	12.4	12.0	0.4
Съ сильными организаціями сельск. рабоч. . . .	13	9550	3415	0.92	1.17	1.85	1.18	1.14	1.61	2.86	1.94	1.28	1.89	48	11.9	11.3	0.6
Съ очень сильными организаціями сельск. рабоч. . .	19	43709	7858	0.91	1.22	2.28	1.48	0.94	1.64	5.01	2.96	1.47	2.64	80	12.4	11.9	0.5

Надо замѣтить, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣлись организаціи сельскихъ рабочихъ, сами помѣщики поспѣшили поднять

*) Общая сводка сдѣлана мною. Р. О.

заработную плату, чтобы предупредить возникновеніе стачки. Въ общемъ же приведенныя данныя безъ всякихъ комментарій весьма ярко свидѣтельствуютъ о той огромной силѣ, которую пріобрѣтаютъ трудящіяся массы въ экономической борьбѣ съ проникновеніемъ въ ихъ среду организаціонныхъ началъ. Кстати отмѣчу, что брошюра «Отчего кожаные пиджаки злятся» *), гдѣ впервые были опубликованы приведенныя данныя, произвела на правящіе круги такое впечатлѣніе, что администрація поспѣшила конфисковать брошюру и привлечь къ отвѣтственности автора. На судебномъ разбирательствѣ была подтверждена правильность сообщенныхъ свѣдѣній, но общій характеръ брошюры былъ признанъ преступнымъ. Это, конечно, еще усилило агитаціонное значеніе брошюры.

Что организація цѣнна не только для наступательныхъ дѣйствій, но имѣетъ также огромное значеніе для удержанія достигнутыхъ успѣховъ, мы наглядно видимъ на ходѣ экономической борьбы въ 1907 году. Солидарное примѣненіе тарифовъ, образцовыхъ договоровъ и т. д. привело къ тому, что весною текущаго года рабочіе договоры были заключены при сравнительно болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ прошлые годы, т. е. другими словами, многое, добытое стачечнымъ движеніемъ 1906 г., вошло въ новые рабочіе договоры. Тѣмъ не менѣе въ руководящихъ кругахъ сельскаго пролетарскаго движенія, насколько удалось выяснить изъ личныхъ бесѣдъ, существовало убѣжденіе о неизбѣжности лѣтомъ новой широкой волны стачечнаго движенія. Имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, тѣ мѣстности, гдѣ въ послѣднее время народились организаціи сельскихъ рабочихъ и до сихъ поръ въ области экономической борьбы наступательныхъ дѣйствій не было предпринято. Но какъ только выяснились условія урожая хлѣбовъ, и стало извѣстнымъ, что недоборъ по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ выразится въ 30% урожая, — пришлось отказаться отъ мысли о новомъ стачечномъ движеніи. Больше того—организаціонный комитетъ рѣшилъ взять на себя роль сдерживающаго центра и выпустилъ прокламацію къ сельскимъ рабочимъ, въ которой призывалъ послѣднихъ воздерживаться отъ стачекъ при данныхъ условіяхъ. Авторитетъ организаціоннаго комитета оказался уже настолько сильнымъ, что лозунги, данные имъ, были восприняты массами, и уборка хлѣбовъ прошла безъ стачечнаго движенія.

Если принять во вниманіе, что раньше рабочіе въ гораздо меньшей степени сельскіе считались съ общими условіями, то въ данномъ фактѣ можно усмотрѣть доказательство роста сознательности сельскаго пролетаріата Венгріи, а потому можно предполагать, что недалеко уже то время, когда съ окончательнымъ укрѣпленіемъ организаціонныхъ началъ въ массахъ сельскихъ рабочихъ ихъ

---

*) „Кожаный пиджакъ“ прозвище въ Венгріи хозяевъ-практиковъ.

экономическая борьба пріобрѣтетъ строго-планомѣрный характеръ и стихійныя вспышки недовольства отойдутъ въ область преданій.

V.

Союзъ сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель — это первый этапъ организованной борьбы венгерскаго сельскаго пролетаріата, и отъ него требуется еще огромное напряженіе силъ, чтобы завоевать основныя права трудящихся — полную свободу коалицій и право стачекъ. Въ данное время венгерская землевладѣльческая олигархія широко пользуясь въ своихъ классовыхъ интересахъ механизмомъ государственной власти, съ поразительнымъ упорствомъ стремится воспрепятствовать пробужденію классоваго самосознанія въ широкихъ слояхъ сельскаго населенія и ни передъ чѣмъ не останавливается, чтобы опять загнать пролетарское движеніе въ подполье. Каковъ будетъ дальнѣйшій ходъ экономической борьбы въ венгерской деревнѣ, трудно предвидѣть, но ужъ теперь съ достаточной наглядностью обнаруживается, что венгерскіе аграріи вынуждены капитулировать предъ напоромъ пролетарскаго движенія. Такъ, напримѣръ, систематическое осуществленіе революціоннымъ путемъ права стачекъ сельскими рабочими успѣло уже создать столь внушительное соціальное движеніе въ странѣ, что, несмотря на все противодѣйствіе аграріевъ, недалеко то время, когда всѣ запретительныя мѣры по отношенію къ сельскохозяйственнымъ стачкамъ будутъ сданы въ архивъ.

Въ этомъ отношеніи весьма интересны тѣ протесты, которые вызываются внутри правящихъ классовъ репрессивной политикой настоящаго правительства. Такъ, наиболѣе дальновидные защитники интересовъ аграріевъ, какъ, напримѣръ, извѣстный изслѣдователь Венгріи, членъ палаты магнатовъ Матлековицъ, считаютъ необходимымъ открыто заявлять объ архаичности существующаго законодательства о сельскихъ рабочихъ, а представители промышленной буржуазіи прямо обвиняютъ землевладѣльческую олигархію въ созданіи переживаемаго экономическаго кризиса. Капиталистовъ не мало тревожитъ массовой отливъ трудоспособнаго населенія изъ страны. Массовая эмиграція венгерцевъ въ Америку началась въ концѣ 90-хъ годовъ и къ 1906 г. дошла до такихъ размѣровъ, что превысила естественный приростъ населенія *). Это крупное явленіе соціальной жизни Венгріи отражается на экономическомъ развитіи страны, а потому борьба съ причинами массовой эмиграціи, несомнѣнно, является очередной задачей соціальной политики. Въ данномъ случаѣ чрезвычайно

*) Въ 1906 г. при эмиграціи 180.000 человѣкъ, естественный приростъ составлялъ только 165.000 душъ; въ текущемъ году число эмигрирующихъ будетъ уже свыше 200.000 человѣкъ.

интересно отмѣтить, что на анкетѣ, организованной союзомъ фабрикантовъ въ іюнѣ 1907 г. по вопросу о мѣрахъ борьбы съ эмиграціей, многими представителями промышленности была подвергнута рѣзкой критикѣ вся система репрессивной политики правительства по отношенію къ пролетарскому движенію, а въ основу необходимыхъ мѣропріятій были положены: широкая земельная реформа, въ смыслѣ парцеляціи латифундій, и установленіе нормальныхъ условій для экономической борьбы въ венгерской деревнѣ.

Эти заявленія иллюстрируютъ всю несостоятельность политики узкаго классоваго эгоизма венгерской землевладѣльческой олигархіи. Исключительной гегемоніи аграріевъ въ политико-экономической жизни страны несомнѣнно близится конецъ.

Какимъ путемъ пойдетъ обновленіе политическаго и экономическаго строя Венгріи—теперь трудно предвидѣть. Конечно, возможенъ длинный путь постепеновщины; но вполнѣ допустима и рѣшительная ломка стараго строя и созданіе новыхъ соціальныхъ отношеній на широкихъ демократическихъ началахъ. Одно безспорно, что исходъ борьбы въ значительной степени зависитъ отъ того, будутъ ли въ рѣшительный моментъ надлежащимъ образомъ организованы трудовые элементы венгерской деревни, и сумѣютъ ли они пойти въ ногу съ промышленными рабочими; безъ поддержки деревни эти послѣдніе не въ силахъ вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть предстоящей борьбы за интересы демократіи. Съ этой точки зрѣнія, организаціонное движеніе среди сельскихъ рабочихъ Венгріи заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Р. Оленинъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Думскіе итоги.—Справки о мужикѣ.—2. Дѣло Хвостовыхъ.—Помилованіе осужденныхъ и наказаніе оправданныхъ.—Союзники и судъ.—Дѣло Матусевича.—Заслуги министра юстиціи и несовершенство ихъ.—3. Недовольство кавказскимъ намѣстникомъ. — Кіевское сыскное отдѣленіе.—Персидскій консулъ Зайченко.—Пререканія между союзомъ и совѣтомъ министровъ по поводу генерала Думбадзе.—4. Думскій запросъ о Думбадзе. — Всероссійскій опросъ о неблагонадежныхъ лицахъ.—Разрѣшеніе и благословеніе синода.—Разрѣшается ли чинамъ арміи и полиціи вступать въ союзъ?—Проектъ фонъ-Вендриха.—Неустранимыя разногласія между верховной управой и совѣтомъ министровъ. — Кавказскія юбилейныя торжества и неожиданныя комбинаціи.

I.

«Жили—не тужили, а вспомнить нечѣмъ». Такъ вкратцѣ складывается итогъ думской работы съ января до пасхальныхъ каникулъ. До того вспомнить нечѣмъ, что, напр., «С.-Петерб. Вѣдомости» совершенно не знаютъ, какъ и о чемъ могутъ бесѣдовать отдыхающіе депутаты со своими избирателями и въ особенности съ крестьянами. «Что имъ сказать? Чѣмъ утѣшить? Сказать ли, что отказались строить флотъ, а рѣшили строить Амурскую дорогу? Или разсказать объ ассигнованіи на N семинарію 300 р.? А дальше все то же, въ этомъ родѣ» *). Положимъ, еще неизвѣстно, «отказались» или «не отказались» строить флотъ. По свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ, заказы на постройку новыхъ линейныхъ судовъ продолжаются. И отъ Думы, быть можетъ, потребуется вотировать ассигнованіе на флотъ такъ же, какъ она вотировала фактически начатую постройку Амурской дороги и какъ вотируетъ бюджетъ,—по частямъ, безъ углубленія въ общую постановку государственнаго хозяйства и, по возможности, безъ измѣненій. Г. А. Ст-нъ какъ бы иронически писалъ въ «Новомъ Времени», что думское разсмотрѣніе бюджета собственно необходимо «иностранному капиталу». «Иностранный капиталъ нервенъ». И не успокоится, пока Россія не будетъ имѣть «бюджетъ, утвержденный въ законодательномъ порядкѣ». Быть можетъ, «иностранному капиталу» формальные вотумы Думы, въ самомъ дѣлѣ, дадутъ большое облегченіе. Но избирателя и особенно избирателя деревенскаго тутъ, дѣйствительно, утѣшить нечѣмъ. Онъ, пожалуй, скажетъ:

— Рѣшать помимо васъ рѣшенное—для этого не стоило бы и огородъ городить...

Впрочемъ, поскольку рѣчь идетъ объ Амурской дорогѣ, можно

*) Цит. по „Рѣчи".

бы и побесѣдовать. Идея «реванша». Рѣшили строить дорогу. Рѣшимъ строить крѣпости. И тогда—держись японецъ. Но, увы, даже «Новое Время» не остереглось отъ вопроса,—для кого собственно строится дорога, явно стратегическая, явно приспособленная къ военнымъ задачамъ? Не для непріятеля ли, какъ это случилось съ Таліенванскимъ портомъ и Южно-Манчжурской дорогой? И не будутъ ли амурскія крѣпости простымъ повтореніемъ портъ-артурскихъ твердынь? «Новое Время» предпочло въ этотъ скверный вопросъ не углубляться. Постаралось не углубляться и думское большинство. Но, вѣдь, избиратель, навѣрное, предпочтетъ углубиться, и чѣмъ утѣшительнымъ можетъ отвѣтить депутатъ?

Однако, не клиномъ же, въ самомъ дѣлѣ, сошелся свѣтъ на деревенскомъ избирателѣ. И не такъ ужъ милъ этотъ послѣдній редакціи «С.-Пет. Вѣдом.». Есть, вѣдь, и другой избиратель, котораго тою же хотя бы Амурскою дорогою очень можно утѣшить. «Ну, слава Богу! — восклицаетъ, напр., октябристскій «Голосъ Правды»,—теперь промышленность наша оживится, пойдутъ заказы, закипитъ повсюду работа, и мы вздохнемъ легко, такъ какъ Амурская дорога будетъ строиться изъ русскихъ матеріаловъ и русскими рабочими; объ этомъ говорили и депутаты, и предсѣдатель совѣта министровъ, а при такомъ положеніи дѣла не страшенъ и заемъ, потому что всѣ деньги останутся въ Россіи, какъ этого хочетъ и Государственная Дума, и правительство». Правда, еще неизвѣстно, чего захочетъ заимодавецъ,—тотъ самый «иностранный капиталъ», для успокоенія котораго нуженъ формальный вотумъ Думы. Говорятъ, онъ очень настаиваетъ, чтобы возможно болѣе значительная часть займа осталась за-границей. Но стоимость всѣхъ амурскихъ предпріятій, включая дорогу и крѣпости, исчисляется суммою до 800 милліоновъ рублей. Кое-что во всякомъ случаѣ должно остаться на традиціонное «оживленіе промышленности». И въ этомъ смыслѣ третья Дума, казалось бы, даетъ достаточно, даже слишкомъ достаточно, поводовъ, чтобы однихъ успокоить, другихъ испугать. Аграрная политика правительства ею въ принципѣ принята. Экономическая принимается. Впереди новые, въ законодательномъ порядкѣ оформленные займы. Послушное указкѣ «сферъ», откровенно руководящееся землевладѣльческимъ расчетомъ, думское большинство во-истину подобно росѣ, которая можетъ выѣсть очи гораздо раньше, чѣмъ взойдетъ солнце. Но странная вещь, — тѣ, кого оно должно бы пугать, почему-то не очень пугаются. Рядовой обыватель даже занялъ обидно-равнодушную относительно Думы позицію: за работами ея слѣдитъ плохо и мало, думскихъ рефератовъ не читаетъ, или почти не читаетъ. И въ бойкихъ уличныхъ газетахъ отчеты о засѣданіяхъ Думы сокращены до размѣровъ обыкновеннаго фельетона. Плохо утѣшаются и тѣ, кого третья Дума, по всѣмъ видимостямъ, должна бы утѣшить и даже успокоить. Казалось бы, общему направленію думскихъ работъ всего

больше должно радоваться дворянство, въ нѣдрахъ котораго и родилась идея избирательнаго закона 3 іюня. Но недавній съѣздъ объединеннаго дворянства не столько радовался, сколько выразилъ главнымъ образомъ чувство безвыходности, никчемности и растаялъ, не окончивъ своихъ работъ. Казалось бы, всего больше должны утѣшаться такіе органы, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Но и онѣ, подводя итоги думскимъ работамъ, выражаютъ то же чувство безвыходности, никчемности и жгучей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. «Вѣдь ни для кого не секретъ,—пишетъ, между прочимъ, эта казенная газета, переданная кн. Ухтомскому на предметъ полученія доходовъ,—что наша революція родилась и развилась на почвѣ утраты довѣрія къ правительству. Не секретъ также и то, что смерть революціи послѣдовала отъ сильной вѣры въ идею народнаго представительства... По исключительному свойству русскаго человѣка, крестьянинъ нашъ, если отрицаетъ что, то отрицаетъ безъ оговорокъ, а если вѣритъ,—то вѣритъ слѣпо, не разсуждая»... Боязно «даже подумать о томъ, что можетъ произойти, если темная крестьянская масса потеряетъ вѣру и въ народное представительство» *). Намъ незачѣмъ говорить, правильна ли эта характеристика мужика, считаетъ ли мужикъ нынѣшнюю Думу народнымъ представительствомъ и вѣритъ ли въ нее. Характерно само по себѣ устремленіе взгляда на мужика. Симптоматичны попытки разгадать: а что, въ самомъ дѣлѣ, мужикъ думаетъ, какія у него на ближайшее время зрѣютъ намѣренія. А мужикъ-то какъ разъ теперь голодный, стоитъ передъ озимыми полями, частью не засѣянными съ осени, частью погибшими; но, быть можетъ, передъ грозою новаго неурожая онъ наиболѣе загадоченъ. Тутъ, вверху, совѣщанія, совѣты, съѣзды... Пожалуй, даже слишкомъ много совѣщаній, совѣтовъ и съѣздовъ. И они утѣшительно-послушны; на нихъ какъ будто лежитъ печать «успокоенія общественнаго». И все-таки взгляды упорно направляются туда, внизъ, къ мужику... Почему? Съ какой стати?

Не въ одномъ мужикѣ, конечно, дѣло. Эта мощная фигура до нѣкоторой степени играетъ роль символа, вмѣщая въ себѣ и заслоняя собою крайне пестрые и разнообразные соціальные элементы. Загадоченъ собственно не одинъ мужикъ, хотя его голосъ имѣетъ наиболѣе рѣшающее значеніе. Загадочно состояніе всѣхъ вообще слоевъ. Загадочно состояніе всего соціальнаго грунта, на которомъ нынѣ въ порядкѣ законодательномъ и въ порядкѣ верховнаго управленія возводятся постройки. Что это: песокъ ли, размываемый и уносимый подземными ключами, или гранитъ? Не образовались ли уже теперь пустоты и промоины подъ самымъ фундаментомъ построекъ? И не рухнутъ ли завтра эти постройки отъ малѣйшаго толчка, отъ ничтожнаго сотрясенія почвы? Люди строятъ,

---

*) Цит. по «Рѣчи», 10 апрѣля.

даже обсуждаютъ и спорятъ, какъ лучше класть камни, и какіе камни, и на какомъ цементѣ. Но въ самыхъ горячихъ спорахъ не чувствуется увѣренности, что постройки будутъ стоять, что фундаментъ укрѣпленъ на твердомъ основаніи. Наоборотъ наблюдателя поражаетъ какое-то странное безразличіе, странная готовность отмахнутъся и отъ техническихъ подробностей архитектурнаго плана, и отъ обсужденія самого плана:

— Э, пусть, молъ, строятъ!.. Э, не все ли равно? Вотъ кабы знать, что завтра отъ всѣхъ этихъ затѣй не останутся одни обломки...

Настоящее, серьезное вниманіе невольно сосредоточивается не на архитектурныхъ планахъ, а на изслѣдованіи грунта, не на оцѣнкѣ искусства зодчихъ, стоящихъ вверху, а на учетѣ возможностей, растущихъ снизу. И тѣмъ больше резона устремлять вниманіе именно въ эту сторону, что сейчасъ не только внизу, но и вверху создаются обстоятельства, чрезвычайно неожиданныя, назрѣваютъ комбинаціи, реально не опредѣлившіяся, но полныя грознаго смысла.

II.

...«Что же касается дѣйствій тверского (окружнаго) суда, то прокурору (московской?) судебной палаты повелѣно произвести разслѣдованіе» *)...

Такими словами «Русское Знамя» какъ бы завершаетъ характерную полемику между верховной управой союза русскаго народа, съ одной стороны, и тверскимъ окружнымъ судомъ съ другой. Полемика ведется болѣе двухъ лѣтъ. И возникла она главнымъ образомъ изъ-за тверскихъ братьевъ-помѣщиковъ Дмитрія, Алексѣя и Арсенія Хвостовыхъ. (Арсеній Хвостовъ въ концѣ прошлаго года покончилъ жизнь самоубійствомъ) **). Братья—богатые землевладѣльцы. На нихъ «работаетъ до 17 деревень» ***). Отношенія къ крестьянамъ довольно обострены. По осторожному отзыву помощника тверского уѣзднаго исправника Борисова, «крестьяне зовутъ Хвостовыхъ не иначе, какъ боярами, крѣпостниками». Особо непріязненно относились Хвостовы къ семьѣ Степана Чистова и къ Евстафію Волкову. Поводомъ же къ особой непріязни послужилъ купленный Степаномъ у братьевъ Хвостовыхъ участокъ земли. Потомъ Чистовъ продалъ этотъ участокъ Волкову. И между Волковымъ и Хвостовыми возникъ споръ изъ-за какихъ-то примыкавшихъ къ участку березокъ. Къ спору оказались причастными

*) Цит. по „Рѣчи", 26 марта.

**) Фактъ самоубійства удостовѣряется официальными данными. По мнѣнію же дѣятелей союза русскаго народа, Арсеній Хвостовъ убитъ изъ мести.

***) „Русск. Слово", 10 января 1908.

двѣ дочери Чистова—Вѣра Степановна и Дарья Степановна; обѣ служатъ около 25 лѣтъ учительницами въ школахъ тверского земства; и обѣ, повидимому, провинились передъ Хвостовыми въ томъ, что ихъ показаніе по случаю спорныхъ березокъ было въ пользу Евстафія Волкова. Волковъ — сельскій торговецъ. Учительница Дарья Степановна, по ея словамъ, «ни къ какимъ партіямъ не принадлежала, политикой не занималась,—ей, вдовѣ съ малолѣтними дѣтьми, не до того». Учительница Вѣра Степановна тоже далека отъ политики и тоже обременена дѣтьми. И сама по себѣ тяжба о березкахъ весьма далека отъ потрясенія какихъ бы то ни было основъ. Тѣмъ не менѣе ей былъ приданъ политическій оттѣнокъ. Сначала братья-помѣщики шли къ цѣли «законнымъ порядкомъ», какъ выразился на судѣ Дмитрій Хвостовъ. Между прочимъ, на учительницу Вѣру Степановну поступилъ цѣлый рядъ доносовъ. У нея четыре раза производились обыски. Однако, данныхъ, сколько-нибудь пригодныхъ, чтобъ обосновать обвиненіе въ политической неблагонадежности, обнаружить не удалось. И Хвостовы избрали другой путь.

18 декабря 1905 г., по словамъ обвинительнаго акта, братья Хвостовы послѣ обѣдни пригласили къ себѣ въ усадьбу *) псаломщика Орлова и крестьянина Вьюнова. За чаемъ и выпивкой помѣщики предложили своимъ гостямъ разгромить «Вѣрку и Астаху» (т. е. учительницу Вѣру Степановну и торговца Евстафія Волкова). Изъ усадьбы компанія отправилась къ крестьянину Бѣлову, у котораго, по случаю праздника, была пирушка. «Здѣсь Дмитрій Хвостовъ прочиталъ воззваніе союза 17 октября» и затѣмъ предложилъ немедленно срубить спорныя березы. Отправились рубить. Евстафій Волковъ сталъ было сопротивляться. «Но послѣ угрозъ крестьянъ и стрѣльбы изъ револьвера со стороны стоявшихъ поодаль Хвостовыхъ» ушелъ домой. Рубка березъ продолжалась, однако, недолго. Работа, видимо, надоѣла. И компанія съ Хвостовыми во главѣ «отправилась къ псаломщику пить водку». О дальнѣйшемъ картинно повѣствуетъ слѣдующій отрывокъ изъ обвинительнаго акта (привожу дословно, цитируя по № «Русскаго Слова» отъ 8 января 1908 г.):

„Когда роспили водку, Дмитрій Хвостовъ спросилъ у псаломщика: „Есть ли у тебя Царскій портретъ?“ Тотъ подалъ календарь съ портретомъ Государя. Поднявъ календарь Дмитрій Хвостовъ провозгласилъ: „Вѣруете ли въ Бога и нуженъ ли намъ Царь?“—„Вѣруемъ, ура“—отвѣчали присутствующіе. „Поднимайте руки кверху всѣ“,—продолжалъ Дмитрій Хвостовъ. Всѣ подняли руки. Дмитрій Хвостовъ говорилъ: „Пусть Государь нашъ Императоръ отберетъ у меня землю и раздастъ кому хочетъ, только не давать Вѣркѣ, Дашкѣ, Юхѣ и Астахѣ“. Снова закричали „ура“ и подняли руки. Дмитрій Хвостовъ продолжалъ: „Пусть я первый во главѣ подстрекатель и провокаторъ, и пусть за все буду отвѣтствоватъ я самъ,—пойдемъ сожжемъ Вѣрку

*) Дѣйствіе происходитъ въ с. Первитинѣ, Тверск. у.

и Дашку и запремъ ихъ мельницу, а потомъ и Астаху. Подымайте опять руки кверху!“ Присутствовавшіе закричали: „ура, пойдемъ“ и подняли руки. Когда поднимали руки, Дмитрій Хвостовъ произнесъ: „Кто выдастъ изъ васъ, тому пуля въ лобъ“. Алексѣй Хвостовъ, обративъ вниманіе, что крестьянинъ Борисъ Михайловъ не поднимаетъ рукъ и не кричитъ „ура“, подошелъ къ нему со словами: „Что же ты, волчье мясо, рукъ не поднимаешь и ура не кричишь?“ Когда нѣкоторые изъ крестьянъ, видя, что происходитъ что-то недоброе, стали незамѣтно уходить, — Арсеній Хвостовъ замѣтилъ: „Водку пить пили, а теперь расходиться“. И не пускалъ желающихъ уйти“

Отъ псаломщика изрядно выпившая компанія отправилась къ лавкѣ Евстафія Волкова. Здѣсь, опять-таки по словамъ обвинительнаго акта, Арсеній «полѣномъ вышибъ окно» Волкову, и братья скомандовали: «Бей, зажигай».

Алексѣй Хвостовъ стрѣлялъ изъ револьвера по направленію къ дому. Дмитрій Хвостовъ рекомендовалъ зажигать „галдарейку возлѣ лавки“. Когда стекла были выбиты, хвостовскій рабочій Новожиловъ влѣзъ въ окно, отперъ двери, и въ лавку вошли трое Хвостовыхъ и нѣсколько крестьянъ. Алексѣй и Арсеній стали выбрасывать головы сахару, а Дмитрій тѣмъ временемъ скомандовалъ: „Давай, Новожиловъ, зажигай“... Новожиловъ зажегъ полъ подъ бакомъ съ керосиномъ, но горѣло плохо. Тогда Дмитрій Хвостовъ взялъ листъ оберточной бумаги, открылъ кранъ бака, полилъ листъ керосиномъ и, оставивъ кранъ открытымъ, бросилъ бумагу на полъ. Пламя вспыхнуло. Всѣ бросились вонъ. Когда начался пожаръ, свидѣтель Василій Спиридоновъ побѣжалъ было домой, но на улицѣ его вновь поймали Алексѣй и Арсеній Хвостовы и заявили, что „пойдемъ Вѣрку зажигать...“ *)

Волковъ съ семьей спасся бѣгствомъ. Бѣгствомъ спаслась и учительница Вѣра Степановна со своими дѣтьми. Затѣмъ Дмитрій Хвостовъ, увлекавшій крестьянъ въ декабрѣ 1905 г. воззваніями «союза 17 октября», сталъ крупнымъ дѣятелемъ и, если не ошибаюсь, замѣтнымъ жертвователемъ союза русскаго народа. Однако, замять неожиданный финалъ мелкаго дѣла о березкахъ не удалось. 7 января 1908 г. братья Хвостовы, псаломщикъ Орловъ и восьмеро крестьянъ предстали предъ тверскимъ окружнымъ судомъ, какъ обвиняемые въ погромѣ и умышленномъ поджогѣ *). Для защиты обвиняемыхъ союзъ выслалъ энергичнѣйшаго изъ своихъ юристовъ г. Булацеля. И надо отдать справедливость г. Булацелю,—отъ предсѣдателя требовалось огромное самообладаніе, чтобы довести процессъ до конца, не дозволяя столкнуть судебное разбирательство на путь скандаловъ и эксцессовъ.

Начать хотя бы съ того, что г. Булацель потребовалъ отъ прокурора «называть подсудимыхъ Хвостовыхъ по имени и отчеству, прибавляя каждый разъ: господинъ».

---

*) „Русск. Слово“, 8 января 1908 г.

**) Дѣло, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось въ Твери съ 7 по 12 января при открытыхъ дверяхъ. Подробный и обстоятельный отчетъ объ этомъ процессѣ былъ напечатанъ, между прочимъ, въ „Русскомъ Словѣ“.

— Въ противномъ случаѣ,—пригрозилъ энергичный адвокатъ,—я буду называть свидѣтельницъ: «Вѣра такая-та».

Затѣмъ гражданскій истецъ присяжный повѣренный Шнейдманъ былъ названъ «защитникомъ убійцы губернатора Слѣпцова», но это выраженіе г. Булацель сумѣлъ произнести такъ, что слова: «защитникъ» «не было слышно даже въ первыхъ рядахъ зала». И такимъ образомъ, получилось, что г. Шнейдманъ «убійца губернатора Слѣпцова». Когда свидѣтели стали подтверждать уже знакомую намъ картину попойки и пьяныхъ клятвъ въ домѣ псаломщика, г. Булацель заявилъ:

— «Здѣсь систематически уничтожается въ глазахъ народа все дорогое».

И, наконецъ, помимо этихъ частностей, г. Булацель еще во время допроса первыхъ свидѣтелей счелъ долгомъ торжественно предупредить судъ:

— «Г. предсѣдатель,—заявилъ онъ—я выступаю съ поднятымъ забраломъ. Если бы, паче чаянія, приговоръ оказался обвинительнымъ, то о дѣлѣ будетъ доложено «высшему правительству»...

Подъ тяжестью этой недвусмысленной угрозы, судъ вынесъ хотя и мягкій, но обвинительный приговоръ *). А г. Булацель въ свою очередь доказалъ, что его угроза вовсе не пустой звукъ. 12 февраля въ «Рѣчи» сообщалось, что министръ юстиціи г. Щегловитовъ «затребовалъ изъ тверского окружнаго суда дѣло Хвостовыхъ». А въ концѣ марта «Русское Знамя» напечатало: «Предсѣдателю тверского отдѣла союза русскаго народа потомственному дворянину Д. Н. Хвостову и брату его А. Н. Хвостову, обвинявшимся въ разгромѣ революціоннаго гнѣзда въ тверскомъ у., ...тяжелое незаслуженное наказаніе, наложенное тверскимъ окружнымъ судомъ, а именно арестантскія отдѣленія, замѣнено домашнимъ арестомъ на одинъ мѣсяцъ, а всѣмъ прочимъ осужденнымъ крестьянамъ тюремное заключеніе замѣнено тоже арестомъ (но не домашнимъ?) на одинъ мѣсяцъ, съ возстановленіемъ всѣхъ обвиняемыхъ во всѣхъ правахъ» **).

Этотъ исходъ едва ли можно считать чѣмъ-либо особо выдающимся изъ цѣлаго ряда помилованій по дѣламъ о погромахъ въ Бессарабской, Подольской, Полтавской, Волынской, Кіевской, Псковской, Пермской и мн. другихъ губерніяхъ. Объ этихъ помилованіяхъ осужденныхъ то и дѣло приходится читать въ газетахъ. Необходимо, впрочемъ, сказать, что газетныя свѣдѣнія этого рода, повидимому, случайны и отрывочны. Напримѣръ, въ Черниговской губ., по собраннымъ мною газетнымъ свѣдѣніямъ, съ января н. г.

*) Обвиненіе было предъявлено по 269[1] (погромъ) и 1606 (умышленный поджогъ) стат. улож. о нак. Ст. 1606 угрожаетъ каторжными работами отъ 8 до 10 лѣтъ. Приговорены братья Хвостовы на 1½ года въ арестантскія отдѣленія.

**) Цит. по „Рѣчи“, 26 марта 1908.

по конецъ марта всего помиловано около 70 человѣкъ; между тѣмъ по подсчету мѣстнаго корреспондента «Кіевской Мысли», основанному, надо полагать, на болѣе точныхъ данныхъ, въ Черниговской губ. за январь и февраль нын. года помиловано до 200 человѣкъ, осужденныхъ за анти-еврейскіе погромы **). Точно также относительно Полтавской губерніи я имѣю, по газетамъ, свѣдѣнія лишь о 18 помилованныхъ (съ января по мартъ). Однако, изъ той же Полтавской губерніи появилось, между прочимъ, слѣдующее сообщеніе, напечатанное «Рѣчью» 1 марта: «Въ послѣднее время замершая было дѣятельность союзниковъ вновь оживилась. Особые уполномоченные собираютъ справки въ окружномъ судѣ о всѣхъ обвинительныхъ приговорахъ по погромнымъ дѣламъ и затѣмъ возбуждаютъ ходатайства о помилованіи. До послѣдняго времени эти ходатайства удовлетворялись. На этой почвѣ идетъ усиленная агитація»... Вообще же говоря, обыватель успѣхамъ союза въ этомъ направленіи уже давно не удивляется. И особыхъ загадокъ тутъ не видитъ. Не даромъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Смоленскѣ два приговоренныхъ къ смертной казни экспропріатора (Коновъ и Марченковъ) съ просьбою о помилованіи обратились прямо въ мѣстный отдѣлъ союза русскаго народа... **) Секретомъ освобождать осужденныхъ отъ наказанія верховная управа овладѣла въ совершенствѣ. Въ совершенствѣ владѣетъ она и обратнымъ секретомъ,—добиваться наказанія оправданныхъ по суду. Напомню хотя бы о новозыбковскомъ, Черниговской губ., торговцѣ Рубанѣ, который хотя и былъ оправданъ военнымъ судомъ, но освобожденъ изъ тюрьмы лишь послѣ особаго требованія предсѣдательствовавшаго на судѣ генерала Костенка, а затѣмъ, когда требованіе генерала было формально выполнено, снова посаженъ и сосланъ въ Вологодскую губ. ***) Рядомъ съ данными о Рубанѣ можно бы поставить извѣстіе изъ Воронежа, гдѣ «лица, оправданныя судебною палатой по дѣлу о желѣзнодорожной забастовкѣ, были (тѣмъ не менѣе) высланы изъ предѣловъ губерніи» ****). Можно бы напомнить и о многихъ другихъ аналогичныхъ фактахъ. Полагаю, однако, и безъ обширныхъ фактическихъ справокъ ясно, что министръ юстиціи, признавшій, согласно съ отзывомъ союза, уго-

---

*) „Кіевская Мысль“, 8 марта 1908.

**) „Предсѣдательница (смоленскаго) отдѣла жена жандармскаго генерала Громыко отнеслась сочувственно къ этому ходатайству“ и предполагала „хлопотать о смягченіи участи осужденныхъ“,—цит. по „Вятской Рѣчи“, 21 декабря 1907 г.

***) Преступленіе Рубана состояло въ томъ, что въ его магазинѣ скрылся отъ преслѣдованія тяжело раненый полицейскій надзиратель Подберезскій. Въ квартирѣ Рубана Подберезскій и умеръ отъ ранъ. А такъ какъ виновныхъ найти не удалось, то Рубанъ и былъ привлеченъ къ военному суду по обвиненію въ укрывательствѣ убійцъ. См. „Рѣчь“, 19 января 1908 г.

****) „Рѣчь“, 25 января 1908 г.

ловное наказаніе, наложенное судомъ на Хвостовыхъ, «не заслуженнымъ», поступилъ во всемъ согласно съ «законами сего времени». И удивляться тутъ нечему.

Относительно гражданскихъ исковъ, которые судъ призналъ подлежащими удовлетворенію, пока ничего неизвѣстно. Согласно приговору суда, Хвостовы, какъ поджигатели, обязаны уплатить, между прочимъ, губернскому земству, гдѣ было застраховано сгорѣвшее имущество, около 4000 р. Но если бы оказалось, что гг. Хвостовы освобождены и отъ возмѣщенія причиненныхъ ими убытковъ, я лично и это считалъ бы согласнымъ съ законами сего времени. Согласно съ законами сего времени и то, что мелочная лавка Евстафія Волкова, въ селѣ Первитинѣ, Тверского у., объявлена «революціоннымъ гнѣздомъ». Повидимому, эти страшныя слова понадобились, какъ тактическое средство, какъ мотивъ для всемѣрнаго смягченія приговора. Но разъ этотъ мотивъ объявленъ и признанъ, вполнѣ естественно и нисколько не удивительно, если изъ него будутъ сдѣланы и соотвѣтствующіе выводы. Вѣдь, если лавка есть революціонное гнѣздо, то хозяинъ ея Евстафій Волковъ — революціонный пристанодержатель, и, какъ таковой, подлежитъ... Подлежитъ полиція, производившая первоначальное дознаніе о пожарѣ и нашедшая лавку просто лавкой, а не гнѣздомъ. Подлежитъ слѣдователь, производившій слѣдствіе, прокуроръ, составлявшій обвинительный актъ, судъ, вынесшій обвинительный приговоръ, не взирая на предупрежденія и разъясненія г. Булацеля... И относительно суда, заподозрѣннаго руководителями «Русскаго Знамени» въ пособничествѣ и укрывательствѣ, мѣры, какъ мы видѣли, уже приняты. Будетъ вполнѣ послѣдовательно и логично, если въ одинаковомъ съ судомъ положеніи окажутся и всѣ досадившіе помѣщикамъ Хвостовымъ по этому дѣлу. Гораздо болѣе заслуживаетъ удивленія другое: какимъ образомъ и по какой причинѣ судъ, несмотря на тщательную очистку его отъ «неподходящихъ элементовъ» въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, оказывается все-таки не согласованнымъ съ видами начальства?

Вопросъ этотъ, пожалуй, не возникалъ бы, если бы въ столкновеніи съ верховной управой очутился только тверской судъ. Но въ томъ-то и дѣло, что тверской судъ вовсе не одинокъ. «Прокуроръ варшавской судебной палаты камергеръ Набоковъ, противъ котораго начата агитація союзниками, выѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ» *). «По дѣламъ службы въ Петербургъ» пришлось выѣзжать и прокурору одесской судебной палаты Поллану **). Послѣ доноса кіевскихъ союзниковъ выѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ прокуроръ кіевской палаты. Если не ошибаюсь, кое-какъ удовлетворяетъ союзниковъ одна лишь петербургская палата, да и

*) „Одесск. Нов.“, 5 февраля, 1908 г.
**) „Одесск. Нов.“, 27 марта, 1908 г.

то далеко не вполнѣ. Московская, варшавская, кіевская, харьковская, одесская состоятъ въ спискѣ неблагонадежныхъ. Неблагонадежнымъ, на оцѣнку «Русскаго Знамени», неоднократно оказывался сенатъ, и даже самъ министръ юстиціи Щегловитовъ. Забѣгая нѣсколько впередъ, напомню, что въ разрядѣ неблагонадежныхъ значится и г. Столыпинъ, и намѣстникъ на Кавказѣ Воронцовъ-Дашковъ, неблагонадежно министерство народнаго просвѣщенія, неблагонадеженъ министръ путей сообщенія и даже святѣйшій синодъ..

«Учебныя заведенія,—читаемъ въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ союза русскаго народа,—всѣ вообще, но особенно высшія находятся въ полномъ разстройствѣ. Университеты и политехникумы являются разсадниками смуты и гнѣздами преступныхъ собраній. Духовныя семинаріи и академіи служатъ гораздо болѣе разрушенію, чѣмъ укрѣпленію вѣры. Судебныя власти и болѣе всего слѣдователи и прокуроры... преслѣдуютъ защитниковъ... власти и оставляютъ иногда безъ суда и отвѣтственности преступниковъ-революціонеровъ, даже убійцъ» *).

Это вообще. Въ частности же, напр., особое негодованіе верховной управы вызвали кіевскія судебныя учрежденія послѣ обвинительнаго приговора по дѣлу о погромѣ въ Кіевѣ. Негодованіе это, однако, вовсе не доказываетъ, что кіевскіе судьи дѣйствительно повинны въ политической неблагонадежности. Какъ извѣстно, предварительное и судебное слѣдствіе по дѣлу о погромѣ 1905 г. сумѣло гораздо меньше нарушить интересы союза, чѣмъ даже снисходительный отчетъ о «безпорядкахъ» въ Кіевѣ сенатора Турау. Передъ началомъ процесса «члены (кіевскаго) суда Абаза и Тутковичъ организовали защиту союзниковъ», а затѣмъ «образовали комиссію по сбору денегъ для раздачи обвиняемымъ» въ погромѣ **). Во время процесса представители гражданскихъ истцовъ сочли себя вынужденными заявить, что судъ ихъ лишаетъ всякой возможности выяснить истинную картину погрома, и удалились. Насколько вообще кіевскія судебныя учрежденія, казалось бы, мало заслуживаютъ упрека именно со стороны союзниковъ, можно видѣть по недавнему сообщенію изъ Радомысля, обошедшему почти всѣ газеты. Если вѣрить этому сообщенію, до сихъ поръ, впрочемъ, никѣмъ не опровергнутому, «помѣщикъ радомысльскаго у., Кіевской губ., Масловъ, желая разрушить невыгодные ему контракты по продажѣ лѣса, возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ своего управляющаго Мигоры и другихъ лицъ. Во время слѣдствія, вмѣсто судебнаго слѣдователя, допросъ велъ повѣренный Маслова, присяжный повѣренный (и членъ союза русскаго народа) Матусевичъ ***), склонявшій свидѣтелей

*) Цит. по „Кіев. Вѣстн.“, 24 февраля 1908 г.

**) „Рѣчь“, 12 декабря, 1907 г.

***) По словамъ „Кіевской Мысли“, г. Матусевичъ изъ молодыхъ адво-

давать благопріятныя Маслову показанія и лично составлявшій протоколъ показаній» *)...

Этотъ эпизодъ изъ судебныхъ нравовъ новѣйшаго времени не даромъ въ газетахъ сопоставлялся съ другимъ эпизодомъ, пожалуй, не менѣе характернымъ. 14 марта, по словамъ «Голоса Москвы», въ сенатѣ разсматривался протестъ прокурора на оправдательный приговоръ витебскаго окружнаго суда по дѣлу Касперовича, обвинявшагося въ убійствѣ на почвѣ ревности. «Пересматривая бумаги (въ сенатѣ), Касперовичъ натолкнулся на личное письмо предсѣдателя витебскаго окружнаго суда Губерта на имя сенатора Варварина. Въ этомъ письмѣ Губертъ довольно откровенно сообщаетъ Варварину, что хотя поводовъ для протеста и нѣтъ, но если онъ найдетъ малѣйшую зацѣпку, пусть возвратитъ дѣло въ витебскій окружный судъ, послѣдній же при новомъ разбирательствѣ навѣрняка вынесетъ обвинительный приговоръ»... Надо замѣтить, что дѣло Касперовича разсматривалось и, въ случаѣ кассаціи, должно было разсматриваться «при участіи присяжныхъ засѣдателей». И разъ приспособляемость суда доведена до такого совершенства, что предсѣдатель считаетъ возможнымъ заранѣе гарантировать начальству обвинительный вердиктъ присяжныхъ, то о помѣщикѣ Масловѣ, ведущемъ предварительное слѣдствіе по своему дѣлу черезъ своего повѣреннаго, едва ли стоитъ много распространяться. Тутъ вполнѣ достаточно именно сопоставить оба факта, какъ иллюстрацію:

— Вотъ какъ приспособлено предварительное слѣдствіе. И вотъ какъ приспособленъ самый судъ.

Но именно такія рѣзкія и убѣдительныя иллюстраціи, какъ дѣло кіевскаго г. Матусевича, наиболѣе наглядно свидѣтельствуютъ, сколь условны заслуги г. Щегловитова, и до какой степени трудно установить взаимное пониманіе между нимъ и верховной управой. Обвиняемый Масловымъ и уже посаженный, въ порядкѣ предварительнаго заключенія, въ тюрьму Мигора узналъ, кѣмъ и какъ ведется слѣдствіе. Онъ подалъ жалобу. Ее пришлось передать судебному слѣдователю по особо-важнымъ дѣламъ Яценку. А судебный слѣдователь былъ вынужденъ «возбудить вопросъ о привлеченіи Матусевича къ суду по обвиненію въ подлогѣ и злоупотребленіяхъ» **). Правда, г. Матусевичъ обратился за помощью къ союзу. Союзники написали доносъ. «Кіевлянинъ» и «Русское Знамя» открыли кампанію противъ Яценка. По распоряженію министра юстиціи, г. Яценко

катовъ; до принадлежности къ союзу выступалъ, главнымъ образомъ, по дѣламъ, разсматриваемымъ мировыми судьями. Сталъ онъ замѣтнымъ въ Кіевѣ лицомъ лишь въ послѣднее время, и особенно въ связи съ слухами, что ему поручено слѣдить за настроеніемъ въ адвокатскихъ и судейскихъ кругахъ.

*) „Рѣчь", 14 марта, 1908 г.

**) Ibid.

переведенъ изъ Кіева въ Луцкъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, «начатое противъ Матусевича дѣло остается безъ движенія». Но, вѣдь, это пока. Мигора такъ или иначе будетъ требовать отвѣта на свою жалобу. Предположимъ, помѣщику Маслову, у коего часть имущества оказалась спорной, вовсе не обидно, что дѣло, возбужденное имъ противъ Мигоры, нельзя «двинуть», пока не разсмотрѣна жалоба, опорочивающая предварительное слѣдствіе. Но, вѣдь, есть третья сторона,—лѣсопромышленники, съ которыми желаетъ разрушить контракты г. Масловъ, и которымъ вполнѣ естественно добиваться скорѣйшаго рѣшенія, и притомъ рѣшенія благопріятнаго для нихъ, а стало быть, невыгоднаго для г. Матусевича и нежелательнаго союзу. Вмѣшательствомъ свыше болѣзненно задѣты и запутаны крайне сложные интересы многихъ лицъ. Суду, такъ или иначе связанному уставами, процессуальными формальностями и сроками, все-таки коллегіальному, въ самомъ себѣ заключающему разные взгляды и разныя теченія, приходится давать отвѣты на цѣлый рядъ встрѣчныхъ исковъ и встрѣчныхъ жалобъ. И надолго оставить дѣло о Матусевичѣ «безъ движенія» едва ли удастся.

Можно, на манеръ союзниковъ, печаловаться, что среди личнаго состава вѣдомства юстиціи есть «тайные кадеты». Все, молъ, шло прекрасно, но судебный слѣдователь Яценко оказался скрытымъ революціонеромъ и потому испортилъ дѣло. Можно, вслѣдъ за правительственною деклараціей въ 3-й Думѣ, сдѣлать выводъ, что необходима смѣняемость судей. Фактически смѣняемость установлена. И въ частности къ г. Яценку примѣнена. Но едва ли можно думать, что этотъ пострадавшій за исполненіе служебныхъ обязанностей судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, хоть сколько-нибудь заслужилъ упреки въ тайномъ кадетизмѣ. Въ видѣ поясненія позволю себѣ привести такой примѣръ. Въ томъ же Кіевѣ, въ театрѣ, у германскаго подданнаго Крушевскаго былъ вытащенъ кошелекъ съ деньгами. По заявленію обокраденнаго, полиція тутъ же задержала какого-то таинственнаго человѣка, при которомъ оказался паспортъ на имя Герштейна, разныя цѣнныя бумаги и деньги (пять 25-рублевыхъ бумажекъ), которыя г. Крушевскій призналъ своими. Былъ составленъ протоколъ. Дѣло для дальнѣйшаго дознанія поступило къ начальнику сыскной части. Начальникъ сыскной части, по словамъ «Кіевской Мысли», предложилъ г. Крушевскому прекратить дѣло, угрожая въ противномъ случаѣ возбудить уголовное преслѣдованіе за клевету. И германскій подданный поспѣшилъ дѣло прекратить. Затѣмъ снова въ театрѣ во время духовнаго концерта священникъ Соловинскій подвергся покушенію со стороны неизвѣстнаго карманнаго вора, который тутъ же былъ задержанъ. При немъ оказался подчищенный паспортъ на имя Попова, тѣ же цѣнныя бумаги, которыя были найдены у Герштейна, и по наружному виду Поповъ «ужасно

«похожъ на Герштейна» *). Начальникъ кіевской сыскной полиціи совершенно смѣняемъ и гораздо меньше стѣсненъ формальностями, нежели судебный слѣдователь. Однако, есть и для него невозможное. Ему сравнительно легко было игнорировать улики противъ Герштейна. Относительно Попова съ подчищеннымъ паспортомъ это оказалось труднѣе. И попытка замять дѣло привела къ весьма скандальнымъ послѣдствіямъ, которыхъ ниже намъ придется коснуться. Во всякомъ случаѣ, нетрудно представить себѣ такую совокупность обстоятельствъ, когда даже начальникъ сыскной части окажется вынужденнымъ поступить такъ же, какъ поступилъ судебный слѣдователь Яценко, какъ поступила тверская уѣздная полиція, производившая первоначальное дознаніе по дѣлу о сгорѣвшей лавкѣ Евстафія Волкова въ селѣ Первитинѣ, какъ поступилъ кіевскій судъ, вынесшій до крайности смягченный, но все же обвинительный приговоръ погромщикамъ. Пока есть неустранимые законы, карающіе громилъ, убійцъ, воровъ, поджигателей etc., и пока есть неустранимыя улики, самый благонамѣренный и самый услужливый слѣдователь рискуетъ попасть въ положеніе кіевскаго г. Яценка.

Конечно, при надлежаще оборудованномъ личномъ составѣ суда многаго можно достигнуть и при условіи неустранимыхъ уликъ. Въ видѣ примѣра, напомню хотя бы характерное дѣло объ оскорбленіи начальника станціи Аткарскъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ по желѣзной дорогѣ черезъ Аткарскъ проѣзжалъ саратовскій епископъ Гермогенъ. Къ приходу поѣзда собрались мѣстные союзники съ чиновникомъ удѣльнаго вѣдомства Глѣбовымъ во главѣ. Епископъ обратился къ нимъ съ рѣчью. Пока онъ говорилъ, назначенное по расписанію время для остановки поѣзда кончилось. Третій звонокъ, и поѣздъ двинулся дальше, прежде чѣмъ союзный епископъ успѣлъ окончить свое слово. Союзники возмутились. Г. Глѣбовъ «набросился на начальника станціи съ бранью, называя его мерзавцемъ, говоря, что всѣ здѣсь забастовщики, всѣхъ нужно бить и вѣшать». Былъ составленъ протоколъ. И 20 марта дѣло разсматривалось въ Аткарскѣ. На судѣ свидѣтели подтвердили фактъ оскорбленія. Однако, судья, принимая во вниманіе, что начальникъ станціи, дерзнувшій отправить поѣздъ согласно расписанію, «отнесся безъ должнаго уваженія къ высокопоставленному лицу», призналъ обвиняемаго Глѣбова заслуживающимъ снисхожденія и наложилъ на него штрафъ въ 5 р. **). Повторяю, достигнуть при надлежащемъ личномъ составѣ можно многаго. И всетаки Глѣбовъ, хотя и «защитникъ власти», хотя обнаружилъ патріотическую ревность, но его не наградилъ судья, а приговорилъ. Начальникъ станціи, дерзнувшій подчиняться своимъ служебнымъ правиламъ,

*) „Кіевская Мысль“ 4 апрѣля 1908.

**) „Сѣверъ“, 30 марта 1908.

а не желанію проѣзжающаго епископа Гермогена, правда, подвергся замаскированному выговору въ мотивахъ судебнаго приговора, однако, болѣе ощутительнымъ образомъ за «неуваженіе къ высокопоставленному лицу» не наказанъ. И даже не можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности за это несомнѣнное на оцѣнку верховной управы преступленіе. Очевидно, у верховной управы есть безспорные, съ ея точки зрѣнія, резоны гнѣваться на судебную власть. Но, очевидно, также, что никакими перетасовками личнаго состава г. Щегловитову не удастся устранить этотъ гнѣвъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что виновато тутъ «несовершенство законовъ». Судебные уставы 1864 г. хотя и урѣзаны самымъ существеннымъ образомъ, однако, отъ нихъ еще остается нѣкоторый общій духъ, не позволяющій нынѣшнему суду быть вполнѣ гибкимъ, въ совершенствѣ приспособленнымъ къ политическимъ обстоятельствамъ времени. То-ли дѣло, напр., нынѣшній военный судъ. И несомнѣнно, остатки судебныхъ уставовъ играютъ нѣкоторую роль. Думаю, однако, что дѣло тутъ не въ однихъ остаткахъ. Въ военномъ судѣ, пожалуй, остатковъ нѣтъ. Но мы видѣли по дѣлу, напр., упомянутаго выше новозыбковскаго торговца Рубана, что и военный судъ не такъ ужъ обязательно соотвѣтствуетъ видамъ и предположеніямъ союза. И дѣло Рубана вовсе не единственный примѣръ. Можно бы напомнить одесскій процессъ, возникшій по доносу мѣстнаго союзника Мельникова, увѣрявшаго, что его какіе-то таинственные «жиды» въ какомъ-то таинственномъ мѣстѣ подвергли истязанію. Доносъ былъ настолько болѣзненно-вздоренъ, что повѣрить ему сумѣли только органы печати, близкіе къ союзу. И дѣло приняло тѣмъ болѣе обидный для союзнаго самолюбія оборотъ, что даже Мельниковъ не сумѣлъ указать мѣсто, гдѣ его якобы подвергали истязанію. Однако, одесская администрація не затруднилась найти обвиняемыхъ и назначить надъ ними военный судъ. Послѣднимъ былъ вынесенъ оправдательный приговоръ. Въ отвѣтъ на это послѣдовало принятіе Мельникова на полицейскую службу и назначеніе его околоточнымъ надзирателемъ въ Ялту. Можно бы привести на справку и еще кое-какіе примѣры безшумной полемики между военнымъ судомъ и союзниками. Но дѣло не только въ полемикѣ. 14 іюня прошлаго года въ Одессѣ 30 вооруженныхъ союзниковъ совершили нападеніе «на вдову убитаго въ Турціи русскаго консула Екатерину Ростковскую, шедшую съ дѣтьми въ сопровожденіи гувернантки и учителя». Полиція тотчасъ же стала на ту точку зрѣнія, что нападавшіе представляли собою «нарядъ для охраненія порядка» *). И, по ея мнѣнію, этотъ аргументъ не усугублялъ вину нападавшихъ, а сни-

*) „Рѣчь", 16 іюня 1907. Нападавшіе набросились на семью Ростковскихъ съ крикомъ: „это жиды, мучители Мельникова". Г-жа Ростковская съ дѣтьми „едва спаслась бѣгствомъ".

малъ съ нихъ отвѣтственность. Весьма понятно, почему дѣло о нападеніи на семью Ростковскихъ не было передано въ военный судъ,—вѣдь, это угрожало бы союзникамъ весьма печальными послѣдствіями. Или, въ той же Одессѣ недавно союзникъ Кунцендорфъ ограбилъ 16-лѣтнюю дѣвочку и былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. По газетнымъ свѣдѣніямъ, Кунцендорфъ до этого грабежа подвергался административному преслѣдованію, между прочимъ, за участіе въ разгромѣ трактира «Аѳины», въ нападеніи на ресторанъ «Эрмитажъ» и въ избіеніи содержателя меблированныхъ комнатъ Альтмана. За ограбленіе дѣвочки предположено подвергнуть также административному взысканію. «Сыскная полиція представила его къ удаленію изъ предѣловъ одесскаго градоначальства» *). Какъ отнесся генералъ Толмачевъ къ этому представленію, мы не знаемъ. Но если бы онъ и приговорилъ Кунцендорфа къ удаленію, то въ его власти когда угодно даровать Кунцендорфу амнистію. Военный же судъ, какъ извѣстно, по дѣламъ объ ограбленіи нерѣдко выноситъ смертные приговоры.

Графъ Дорреръ очень хвалитъ военные суды, пока они угрожаютъ тому же хотя бы Евстафію Волкову, если бы онъ совершилъ вооруженное нападеніе на усадьбу Хвостовыхъ и учинилъ поджогъ. Но если бы и Хвостовы за учиненное ими подверглись дѣйствію военно-полевой юрисдикціи, графъ Доррeръ, навѣрное, былъ бы другого мнѣнія. Военный судъ для его апологетовъ хорошъ, пока онъ имѣетъ исключительно одностороннее примѣненіе, и хорошъ постольку, поскольку вообще хороша въ цѣляхъ политической борьбы многообразная подсудность, позволяющая въ одной и той же мѣстности совершенно одинаковыя по юридическимъ признакамъ дѣла направлять, сообразуясь съ тѣмъ, какой желателенъ исходъ. Это дѣлаетъ судебный аппаратъ необыкновенно гибкимъ, до болѣе или менѣе полнаго приближенія къ единоличному административному воздѣйствію. Благодаря военнымъ судамъ, инстанція, отъ которой зависитъ, по какимъ законамъ направлять дѣла,—по военнымъ или по гражданскимъ, получаетъ возможность не только примѣнять смертную казнь, но и до извѣстной степени предрѣшать смертные приговоры. Въ государственной системѣ, основанной на чисто личномъ режимѣ, широкое примѣненіе военныхъ судовъ дѣлаетъ почти безграничнымъ право управляющихъ распоряжаться жизнью и смертью управляемыхъ. Внѣ этихъ политическихъ соображеній, союзники имѣютъ полное основаніе для себя лично не желать военнаго судопроизводства.

Есть, наконецъ, и нѣкоторыя общія соображенія. Возьмите то же хотя бы кіевское дѣло Матусевича-Маслова-Мигоры. Въ настоящее время суть его сводится къ вопросу: имѣютъ силу договорныя условія, заключенныя помѣщикомъ Масловымъ

*) Цит. по „Сѣверу“, 21 февраля 1908.

черезъ своего довѣреннаго съ лѣсопромышленниками, или не имѣютъ? А за этой частностью встаетъ болѣе важный принципіальный вопросъ: какую вообще силу могутъ имѣть договорныя условія, разъ одна изъ договорныхъ сторонъ, сумѣвшая заручиться поддержкою союза русскаго народа, оказывается въ чрезвычайно привилегированномъ положеніи? Съ этимъ общимъ вопросомъ верховная управа, повидимому, не сталкивается, — ей важно лишь защитить г. Матусевича. Но кіевской прокуратурѣ придется такъ или иначе отвѣтить на претензіи заинтересованныхъ въ дѣлѣ лѣсопромышленниковъ. Г. Матусевичъ нашелъ защиту въ верховной управѣ. Но, вѣдь, и его гражданскіе противники не вовсе беззащитны. Какъ бы тамъ ни было, но подъ шумъ революціи около 50 организацій промышленниковъ объединились и создали свой представительный органъ—«совѣтъ съѣздовъ». Совѣтъ съѣздовъ имѣетъ резиденцію въ Петербургѣ. Его «департаменты, расположенные въ обширной квартирѣ на Невскомъ проспектѣ, оборудованы не хуже любого министерства». Здѣсь сосредоточены огромныя матеріальныя средства. «Сюда стекаются матеріалы и ходатайства со всѣхъ концовъ Россіи» *). Совѣту съѣздовъ, говорятъ, нѣтъ дѣла до конституціи. Но къ вопросу о томъ, чтобы обязательства договорныхъ отношеній не зависѣли отъ каприза союзниковъ, онъ не можетъ быть равнодушенъ. И съ претензіями гражданскихъ противниковъ г. Матусевича, хотя бы въ самой общей и принципіальной формѣ, министру юстиціи такъ же необходимо считаться, какъ и кіевскимъ прокурорамъ. Ни прокуроры, ни министръ юстиціи не могутъ отнестись къ этимъ претензіямъ съ такимъ же голымъ отрицаніемъ, съ какимъ относится верховная управа. Не могутъ, даже если бы хотѣли, ибо это люди достаточно грамотные,—должны понимать, что съ вопросомъ о гарантіяхъ по договорнымъ обязательствамъ связано, помимо всего прочаго, положеніе государственнаго кредита. Необходимость заставляетъ лавировать между Сциллой верховной управы и Харибдой неустранимыхъ претензій жизни. И какой судъ ни вводи, хоть военный, хоть полицейскій, онъ будетъ вынужденъ считаться съ неустранимыми претензіями жизни едва ли меньше, чѣмъ нынѣ считается г. Щегловитовъ.

Правда, за послѣднее время мы видѣли не мало попытокъ возродить единоличный воеводскій судъ, который ни съ чѣмъ, кромѣ желаній союза русскаго народа, не считается. Въ Одессѣ, напр., нѣсколько уволенныхъ отъ службы дворниковъ, состоящихъ членами союза, пожаловались генералу Толмачеву. И 20 марта н. г. послѣдовалъ приказъ домовладѣльцамъ: такъ какъ замѣчены случаи увольненія дворниковъ за принадлежность къ союзу, то впредь о каждомъ увольненіи дворника будетъ производиться раз-

*) „Сѣверо-Зап. Голосъ“, 29 марта 1908 г.

слѣдованіе. (А не принадлежащій къ союзу можетъ быть уволенъ полиціей?) Получивъ такимъ образомъ власть надъ домовладѣльцами, мѣстный отдѣлъ союза пошелъ дальше и подалъ «доносъ, въ которомъ весь служебный персоналъ второго одесскаго христіанскаго кладбища, отъ смотрителя до могильщиковъ включительно, объявляется политически неблагонадежнымъ» *). И быть можетъ, кладбищенскія мѣста союзъ также возьметъ съ бою, какъ уже взяты мѣста сторожей въ новороссійскомъ университетѣ. Такими анекдотами сейчасъ полна россійская дѣйствительность. Но, вѣдь, это—именно анекдоты, отъ которыхъ краснѣютъ даже дѣятели «Освѣдомительнаго Бюро». Это—доказательство, до какой степени скандально воеводскій судъ не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ жизни. И поскольку эти условія неустранимы, поскольку они обязываютъ даже «министровъ, обладающихъ всею полнотою власти», г. Щегловитовъ, несмотря на всѣ его личныя качества и чрезвычайное служебное усердіе, обреченъ на постоянный конфликтъ съ тѣми надзвѣздными сферами, гдѣ находится главный штабъ верховной управы.

III.

Дѣло, разумѣется, не въ одномъ г. Щегловитовѣ. И не одна «судебная власть» подвергается нареканіямъ союза. Со стороны союзниковъ, между прочимъ, ведется усиленная кампанія противъ кавказскаго намѣстника гр. Воронцова-Дашкова. Чѣмъ именно вызвалъ гр. Воронцовъ-Дашковъ неудовольствіе союза, на первый взглядъ, понять мудрено. Этотъ администраторъ, казалось бы, меньше всего заслужилъ упрекъ въ неблагонадежности. Организованныя имъ карательныя экспедиціи 1905—1906 гг. были поистинѣ образцомъ усмирительной тактики. Онъ остается непоколебимымъ въ смыслѣ борьбы съ крамолой и до сихъ поръ. Въ его резиденціи Тифлисѣ не такъ давно былъ «отстраненъ отъ должности помощникъ полицейскаго пристава 10 участка Гватуа за выдачу передъ выборами нынѣшнему депутату Чхеидзе удостовѣренія о занятіи имъ отдѣльной квартиры» **). Нѣсколько раньше въ Озургетахъ, «по приглашенію генералъ-губернатора Толмачева, состоялось многолюдное собраніе гурійскихъ дворянъ и князей для обсужденія вопроса о мѣрахъ борьбы съ революціонными организаціями и въ частности съ соціалъ-демократами. Генералъ-губернаторъ предложилъ: 1) назвать всѣхъ неблагонадежныхъ лицъ, обѣщая назначить сельскими стражниками дво-

*) „Сѣверъ“, 29 марта 1908 г.

**) „Южная Заря“, 16 января 1908 г. Избирательныя права г. Чхеидзе несомнѣнны. И приставъ Гватуа въ данномъ случаѣ лишь исполнялъ „законную обязанность“.

рянъ, вмѣсто крестьянъ; 2) образовать дворянскую организацію для борьбы съ крамолой. Слова генералъ-губернатора встрѣчены собраніемъ съ энтузіазмомъ». Дворяне и князья «отслужили молебенъ, пропѣли народный гимнъ» и назвали лицъ, которыхъ они считаютъ неблагонадежными *). Совсѣмъ недавно нашумѣло не менѣе безпримѣрное обязательное постановленіе генералъ-губернатора Кубанской области г. Бабича: «1) безусловно воспрещается выходъ на улицы съ 8 ч. вечера до 4 ч. утра; 2) съ 8 ч. вечера должны быть закончены богослуженія въ церквахъ, вся торговля, движеніе трамвая и т. д.; 3) лица медицинскаго персонала, врачи къ серьезно больнымъ, акушерки къ роженицамъ и т. п. приглашаются заранѣе; 4) отправляющіеся на поѣздахъ желѣзной дороги, уходящихъ въ періодъ запретнаго времени, прибываютъ на вокзалъ съ 8 ч. вечера; пріѣзжающіе выѣзжаютъ въ городъ не ранѣе 4 ч. утра; 5) воспрещается хожденіе по улицамъ группами; ходить вмѣстѣ разрѣшается не болѣе, какъ 2 взрослымъ» **)...

Здѣсь не мѣсто характеризовать особенности ликвидаціонной политики на Кавказѣ. Но и эти немногіе примѣры свидѣтельствуютъ, что кавказское намѣстничество, по пріемамъ борьбы съ крамолой, даетъ не превзойденные образцы и по прежнему служитъ школой для подготовки такихъ выдающихся въ своемъ родѣ администраторовъ, какъ генералы Толмачевъ и Думбадзе. Бѣда, однако, въ томъ, что заслугами по истребленію крамолы дѣятельность гр. Воронцова-Дашкова не исчерпывается. «Кутаисское губернское правленіе возбудило уголовное преслѣдованіе противъ озургетскаго уѣзднаго начальника, извѣстнаго усмирителя Гуріи капитана Ермолова, за слѣдующія преступленія по должности: 1) за отданный имъ приказъ сжечь домъ Донадзе въ Озургетахъ, причемъ въ протоколѣ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ сожженіе дома, помѣстилъ ложныя свѣдѣнія; 2) за неправильное требованіе отъ аскайскаго сельскаго общества 1000 руб. подъ видомъ добровольнаго взноса на розыскъ преступниковъ; 3) за вымогательство денегъ у многихъ другихъ лицъ». То же кутаисское губернское правленіе, «разсмотрѣвъ дѣло бывшаго пристава ланчхутскаго участка озургетскаго уѣзда Макеева, обвиняемаго въ отдачѣ стражникамъ и казакамъ приказанія грабить лавки», хотя, «въ виду разнорѣчивости свидѣтельскихъ показаній и не усмотрѣло достаточно подтверждающихъ обвиненіе данныхъ», однако, принимая во вниманіе, что «на станціи Ланчхуты въ вещахъ стражника Бринцева обнаружены» ограбленные изъ лавокъ «предметы и товары», постановило: возбудить противъ Макеева и Бринцева уголовное преслѣдованіе ***). Ермоловъ

*) „Кіевскія Вѣсти“, 26 ноября 1907 г.

**) Цит. по „Тереку“, 15 марта 1908 г.

***) „Рѣчь“, 9 апрѣля 1908 г.

и Макеевъ—близкіе къ союзу люди. Изъ нихъ Макеевъ нынѣ служитъ въ Одессѣ приставомъ (повышеніе получено имъ, когда возникло дѣло о разгромѣ Ланчхуты). А г. Ермоловъ до постановленія о немъ кутаисскаго губернскаго правленія предназначался на должность полицеймейстера также въ Одессу. Не менѣе близокъ къ союзу протоіерей Восторговъ, относительно котораго въ томъ же кавказскомъ намѣстничествѣ въ 1906 г. возникло дѣло по обвиненію въ растратѣ, неправильной записи денежныхъ суммъ и въ нѣкоторыхъ другихъ поступкахъ, упоминаніе о которыхъ, по отзыву «Саратовскаго Вѣстника», «неудобно для печати» *)... При всемъ несомнѣнномъ сочувствіи цѣлямъ и задачамъ союза, гр. Воронцовъ-Дашковъ вынужденъ силою вещей настаивать на сохраненіи хотя бы только нѣкоторыхъ основъ гражданскаго правопорядка. Въ этомъ, насколько я понимаю, и заключается несчастье кавказскаго намѣстника. Въ этомъ и секретъ значительнаго противъ него недовольства.

Я далекъ отъ мысли приписывать гр. Воронцову-Дашкову чрезмѣрную любовь къ гражданскому правопорядку. Бываютъ, однако, въ дѣятельности каждаго администратора такіе случаи, когда немыслимо стоять лишь на политической точкѣ зрѣнія, какъ ее понимаетъ союзъ. Я упоминалъ выше о таинственныхъ Герштейнѣ и Поповѣ въ Кіевѣ. Арестованный по обвиненію въ карманной кражѣ Герштейнъ былъ освобожденъ начальникомъ сыскной полиціи, скрылся, и дѣло его умерло («Кіевск. Вѣсти», 5 апрѣля). Въ ту пору была возможность подойти къ скандальному происшествію именно съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности. Но вотъ арестованъ по обвиненію въ карманной кражѣ Поповъ. Вмѣшивается мировой судья, постановившій содержать Попова подъ арестомъ до суда. Правда, по разсказамъ городовыхъ Василенка и Глотова, конвоировавшихъ арестованнаго, около нихъ «въ камерѣ мирового были какіе-то агенты сыскной полиціи», а по дорогѣ отъ мирового «они вмѣстѣ съ Поповымъ зашли въ какой-то трактиръ, гдѣ пили водку», и въ результатѣ конвоируемый бѣжалъ и скрылся *). Политическая цѣлесообразность снова восторжествовала. Но городовыхъ Василенка и Глотова пришлось отдать подъ судъ, начальника сыскного отдѣленія Асланова «смѣстить». Вслѣдъ за одною «непріятностью» на сцену выступилъ цѣлый рядъ другихъ. Выяснилось, напр., что 9 апрѣля, приблизительно черезъ недѣлю послѣ бѣгства обвиняемаго въ воровствѣ Попова, сыщикъ Поповъ ворвался въ квартиру г-жи Путрешъ и, угрожая послѣдней мѣрами полицейскаго воздѣйствія, потребовалъ немедленнаго удовлетворенія его любовныхъ чувствъ. Выяснилось, что помимо этихъ эпизодическихъ выступленій все вообще сыскное отдѣленіе систематически

*) „Сар. Вѣст.", 29 февраля 1908 г.

**) „Кіевск. Вѣсти" 5 апрѣля.

промышляло воровствомъ и укрывательствомъ воровъ, угрозами вынуждало обокраденныхъ прекращать дѣла, укрывало игорные притоны и притоны разврата (см. «Кiев. Вѣсти», 11 и 12 апрѣля). Замять всѣ эти разоблаченія на сей разъ оказалось не такъ легко, какъ недавно было замято газетное извѣстіе: «командированный департаментомъ полиціи для ревизіи кіевскаго охраннаго отдѣленія чиновникъ Беклемишевъ установилъ, что заговоръ противъ генералъ-губернатора Сухомлинова былъ организованъ при участіи агентовъ охраны» («Сѣверъ», 20 февраля). Но это еще, разумѣется, не значитъ, что теперь виновные будутъ безпощадно наказаны, или что полицейская карьера г. Асланова совершенно окончена. Это значитъ лишь, что кіевской администраціи пришлось стать передъ необходимостью оффиціально высказаться о дѣйствіяхъ подчиненнаго ей сыскного отдѣленія съ точки зрѣнія гражданскаго правопорядка, тогда какъ до сихъ поръ политическія соображенія обязывали утверждать, что кіевскіе сыщики, какъ и всѣ вообще правительственные агенты, дѣйствуютъ только на точномъ основаніи закона.

Пожалуй, еще болѣе поучительна нашумѣвшая въ послѣднее время исторія «персидскаго консула» въ Одессѣ г. Зайченка. Г. Зайченко почему-то пользуется репутаціей русскаго патріота. «Нѣсколько лѣтъ назадъ, по словамъ «Рѣчи», начато было слѣдствіе о растлѣніи Зайченкомъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ онъ купилъ у какого-то швейцара... Одесское болото всколыхнулось. Зайченко былъ не одинъ. На совѣсти другихъ, выше стоящихъ, было тоже не мало загубленныхъ дѣтскихъ душъ... Персидсидскій консулъ нашелъ себѣ защиту въ лицѣ мѣстной администраціи... Всякіе слухи о слѣдствіи прекратились... Онъ, впрочемъ, на нѣкоторое время исчезъ изъ Одессы». Но когда господиномъ положенія оказался союзъ русскаго народа, «г. Зайченко вернулся въ Одессу и былъ возстановленъ въ чинѣ консула» *). А затѣмъ въ одесскихъ газетахъ стали появляться замѣтки о какомъ-то таинственномъ незнакомцѣ, который, имѣя внушающую довѣріе внѣшность пожилого человѣка, завлекаетъ ученицъ женскихъ гимназій съ цѣлями разврата. Мѣсяца 3 назадъ въ числѣ жертвъ таинственнаго незнакомца оказалась ученица 5 класса одной изъ женскихъ гимназій. Дѣвочка написала подругамъ письмо о своемъ несчастьи. Письмо произвело сильное впечатлѣніе. Исторія получила огласку. Сотрудникъ «Одесскихъ Вѣдомостей» докторъ Цѣновскій произвелъ разслѣдованіе. И 17 февраля н. г. въ «Одесскихъ же Новостяхъ» была напечатана статья, подъ заглавіемъ: «Кто виноватъ?» Въ ней излагалось, между прочимъ, слѣдующее (опускаю слишкомъ сильные, хотя и вполнѣ оправдываемые обстоятельствами эпитеты):

„Есть въ Одессѣ одинъ..., который числится по какому-то экзотическому

*) Цит. по „Кiев. Вѣстямъ“, 8 апрѣля 1908 г.

вѣдомству, и который въ теченіе цѣлаго уже ряда лѣтъ занимается спеціально тѣмъ, что соблазняетъ и совращаетъ гимназистокъ, большею частью подростковъ, почти дѣтей. Дѣлаетъ онъ это у себя въ домѣ, гдѣ у него есть спеціально приспособленная для этой цѣли конспиративная квартира, или же въ какомъ-нибудь наемномъ помѣщеніи,—меблированныхъ комнатахъ Либмана, „Бристолѣ" и т. д. И дѣлаетъ такъ: когда дѣвочки идутъ съ уроковъ къ себѣ домой, онъ поджидаетъ ихъ на ближайшемъ углу или даже у самыхъ воротъ гимназіи. Завязывается какъ будто случайное знакомство, благо съ дѣтьми это совсѣмъ не такъ трудно. Потомъ предлагаются билеты въ театръ, ложа, конфекты, катанье, ужинъ... Сдѣлать все остальное опытному... совсѣмъ ужъ не такъ трудно... Той дѣвочкѣ, о которой идетъ рѣчь, немногимъ болѣе 14 лѣтъ. И когда изъ ея похожаго на гипнотическій бредъ письма узнали, что случилось, всполошилась вся гимназія. Заволновались всѣ. Дали знать матери, и дѣвочку убрали изъ гимназіи... Но потомъ выяснилось, что примѣръ этотъ не единственный, и что есть въ той же гимназіи и другія дѣвочки", ставшія жертвой чиновника „экзотическаго вѣдомства". „А дальше оказалось, что и гимназія эта не единственная, и что есть гимназіи и другія, вокругъ которыхъ разложилъ свои сѣти старый подкрашенный и нафабренный"...

Безъ сомнѣнія, въ такихъ случаяхъ нафабренные «чиновники», независимо отъ своихъ связей съ администраціей, довольно долго могутъ разсчитывать на безнаказанность. Соблазненныя часто скрываютъ свое несчастье даже отъ родителей. Нерѣдко стараются скрыть это и родители. И лишь тогда, когда нѣсколько учениць были доведены до самоубійства, когда подруги 14-лѣтней исключенной изъ гимназіи имѣли мужество заявить: она не одна, исключайте и другихъ, могли получиться столь опредѣленныя указанія, что слѣдственная власть, если даже у нея не было никакихъ данныхъ по этому дѣлу, получила бы необходимыя свѣдѣнія при помощи простой справки въ редакціи «Одесскихъ Новостей», или вызова «въ камеру» доктора Цѣновскаго, — кстати сказать, по отзывамъ газетъ, очень популярнаго въ Одессѣ. Но дѣло о систематическомъ развращеніи учениць, судя по всему, продолжало разсматриваться съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности, хотя сенсаціонныя разоблаченія «Одесскихъ Новостей» естественно вызвали въ городѣ шумъ. Только черезъ полтора мѣсяца (въ началѣ апрѣля) къ доктору Цѣновскому обратился не слѣдователь, а персидскій консулъ черезъ своихъ офиціальныхъ повѣренныхъ съ заявленіемъ, что онъ узнаетъ себя въ статьѣ «Кто виноватъ» и предлагаетъ автору статьи третейскій судъ. Отъ третейскаго суда г. Цѣновскій резонно отказался, и не менѣе резонно далъ персидскому консулу полное основаніе обратиться къ коронному суду.

«Да,—заявилъ г. Цѣновскій въ «Одесскихъ Нов.»—говоря о лицѣ, которое поджидаетъ дѣвочекъ у воротъ гимназіи, задариваетъ ихъ билетами въ театръ, конфектами, подарками и затѣмъ соблазняетъ, я имѣлъ въ виду васъ—персидскаго консула Ивана Ивановича Зайченко».

Г. Зайченко къ коронному суду предпочелъ не обращаться и организовалъ кулачную расправу съ докторомъ Цѣновскимъ въ театрѣ. Если хотите, дѣло о многихъ соблазненныхъ и даже дове-

денныхъ до самоубійства гимназисткахъ и до сихъ поръ разсматривается съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности. По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что по этому дѣлу начато въ судебномъ порядкѣ слѣдствіе. Нѣтъ свѣдѣній и о томъ, что всесильный въ Одессѣ г. Толмачевъ счелъ нужнымъ произвести административное дознаніе. Союзный органъ «Русская Рѣчь» (офиціозъ градоначальника) довольно недвусмысленно взялъ г Зайченка подъ свою защиту. Столь же недвусмысленно повело себя и «Новое Время». Кулачную расправу въ театрѣ оно изложило по «Русской Рѣчи» въ томъ смыслѣ, что г. Цѣновскій — клеветникъ, а г. Зайченко — оклеветанный, которому ничего не оставалось, какъ отвѣтить на обвиненія пощечиной *). Затѣмъ послѣ «скандала въ театрѣ» въ «Одесскихъ Новостяхъ» были рядомъ напечатаны письмо г. Зайченка и уничтожающій отвѣтъ на это письмо доктора Цѣновскаго. «Новое Время» (см. № отъ 8 апрѣля, стр. 5) тотчасъ же перепечатало письмо «персидскаго консула» читателямъ газеты такъ и осталось неизвѣстнымъ, что на это письмо существуетъ отвѣтъ. «Политическая цѣлесообразность», такимъ образомъ, до извѣстнй степени торжествуетъ. Однако, нѣсколько лѣтъ назадъ одесскимъ газетамъ было запрещено писать о прежнемъ дѣлѣ Зайченка. Нынѣ г. Толмачевъ имѣлъ полную возможность снова запретить, а доктора Цѣновскаго выслать. И все-таки докторъ Цѣновскій пока, слава Богу, не высланъ, а газеты писали, даже намекали, что, кромѣ г-на Зайченка, къ дѣлу о развращеніи ученицъ причастны другія лица, даже «цѣлый рядъ лицъ». Это — хотя и пассивный, но офиціально выраженный отвѣтъ на вопросъ о томъ, позволительно ли лицу, извѣстному патріотическимъ образомъ мыслей, заниматься тѣмъ, въ чемъ обвиняютъ г. Зайченка. Правда, одесскимъ газетамъ пришлось писать не долго. Онѣ вдругъ какъ-то сразу умолкли. А всетаки втеченіе нѣсколькихъ дней у г. Толмачева не хватало рѣшимости принять мѣры. Какъ бы ни велико было желаніе защищать людей, всегда готовыхъ на активную борьбу съ крамолой, но необходимость дать отвѣтъ все-таки остается необходимостью, передъ которой, хотя бы лишь на нѣсколько дней, пасуютъ дѣятели гораздо болѣе властные, нежели одесскій правитель.

Г. Столыпинъ тоже умѣетъ цѣнить активныхъ борцовъ съ революціей. Однако, исторія г-на Гурко заставила принять мѣры, хотя бы и не очень строгія. Заслуги генерала Рейнбота и по его дѣятельности въ Финляндіи, и въ особенности по управленію Москвою, конечно, высоко оцѣнены. Однако, обстоятельства сложились такъ, что пришлось назначить сенатора Гарина для ревизіи,—относительно результатовъ ея, впрочемъ, мы пока имѣемъ

*) См. замѣтку: „Скандалъ въ одесскомъ театрѣ“ на стр. 6 въ № „Нов. Время“ отъ 6 апрѣля.

лишь газетныя замѣтки о преданіи суду цѣлаго ряда лицъ, близкихъ къ г. Рейнботу. Разумѣется, чрезвычайно трудно уловить моментъ, когда самыя безспорныя заслуги оказываются безсильными передъ необходимостью считаться съ фактами. Въ концѣ концовъ это вещь крайне субъективная, зависящая отъ массы случайныхъ, привходящихъ обстоятельствъ. Если бы, напр., противъ г. Зайченка выступилъ не докторъ, популярный въ Одессѣ, а какой-либо начинающій и никому неизвѣстный репортеръ, быть можетъ, у г. Толмачева нашлось бы достаточно рѣшимости пресѣчь скандальныя разоблаченія въ самомъ началѣ. Или — будь на мѣстѣ г. Толмачева администраторъ еще болѣе рѣшительный, въ родѣ напр., бар. Меллеръ-Закомельскаго, возможно, что скандалу не такъ легко было бы получить всероссійскую огласку. Одни и тѣ же факты про однѣхъ и тѣхъ же обстоятельствахъ могутъ вызывать къ себѣ такое же двойственное отношеніе, какое вызываетъ въ правительственныхъ кругахъ дѣятельность, напр., генерала Думбадзе. Часть этихъ круговъ, несомнѣнно, находитъ, что по поводу дѣйствій г. Думбадзе необходимо высказаться. И какъ извѣстно, состоялся было даже приказъ объ его увольненіи отъ должности ялтинскаго генералъ-губернатора. Мнѣніе же другой части достаточно характеризуется тѣмъ, что состоявшійся и даже опубликованный приказъ объ увольненіи былъ отмѣненъ. Г. Думбадзе извѣстно это двоякое отношеніе къ нему. И онъ также относится къ «сферамъ» двояко. Однихъ, и въ особенности предсѣдателя совѣта министровъ, прямо-таки третируетъ. Въ началѣ марта, между прочимъ, въ «Свѣтѣ» были опубликованы съ ручательствомъ за стенографическую точность слѣдующія благодарственныя слова генерала Думбадзе г. Шарапову за его полемическую статью противъ совѣта министровъ:

«Ну, дайте я васъ еще расцѣлую. Голубчикъ вы мой, что вы съ нашими министрами сдѣлали! Вѣдь, ихъ такъ еще никто не раскладывалъ. Я подъ каждой вашей строкой подписываюсь».

За-то по отношенію къ другой части, близкой къ верховной управѣ союза, г. Думбадзе необыкновенно почтителенъ и услужливъ. И верховная управа платитъ ему взаимностью, выдвигая его кандидатомъ на отвѣтственные посты,—то московскаго градоначальника *), то кавказскаго намѣстника **). На почвѣ этой разноголосицы неизбѣжно должны создаваться личныя столкновенія. Борьба чисто личныхъ самолюбій и интересовъ можетъ облекаться въ благовидную форму принципіальныхъ разногласій. Серьезно считаться съ такими принципіальными обоснованіями значило бы забыть о классическомъ, въ смыслѣ характеристики нравовъ, спорѣ россійскихъ министровъ, увѣковѣченномъ книгою: «Самодержавіе и

*) Сообщеніе газеты „Колоколъ“, въ декабрѣ 1907.

**) См. „Баку“, 6 апрѣля 1908.

земство». Вообще вѣрить въ принципіальность. нашихъ государственныхъ дѣятелей довольно трудно. Искать тамъ чего либо, подобнаго идейной борьбѣ, было бы, пожалуй, совершенно праздною потерею времени. Однако, едва ли можно вовсе игнорировать «тамошнія» столкновенія и отдѣлываться отъ нихъ простою ссылкою на пословицу: «милые бранятся только тѣшатся». Бранятся-то, конечно, милые; и нѣтъ опасности, что министры, напр., намѣрены стереть съ лица земли г. Думбадзе, или г. Думбадзе—сослать въ Нарымскій край министровъ. Это—не столько непримиримые противники, сколько не поладившіе между собою родственники. И все-таки къ этому родственному междоусобію стоитъ присмотрѣться поближе. И въ немъ можно найти кое-какіе характерные признаки времени.

IV.

Думская фракція октябристовъ внесла запросъ относительно дѣятельности Думбадзе. Въ запросѣ, между прочимъ, указывается, что Думбадзе присвоилъ себѣ судебную власть, разбираетъ ежедневно до 20 гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, установилъ законъ, что бы каждое поданное ему новое прошеніе оплачивалось 75-копѣечною гербовою маркою, ввелъ нѣчто въ родѣ собственнаго предварительнаго слѣдствія, кассируетъ рѣшенія общихъ судовъ, разбирая гражданскія дѣла, обязываетъ отвѣтчика немедленно подчиниться приговору подъ страхомъ высылки въ 24 часа изъ предѣловъ ялтинскаго генералъ-губернаторства... Это звучитъ сильно и убѣдительно. Человѣка, сколько-нибудь привыкшаго къ правовымъ формамъ жизни, способна привести въ оцѣпенѣніе даже простая фактическая справка авторовъ запроса, что генералъ Думбадзе,—«вопреки вошедшему въ силу рѣшенію короннаго суда, опредѣлилъ взыскать съ князя Волконскаго въ пользу истца» и т. д. И все-таки, когда органы союза, возмущаясь запросомъ, спрашиваютъ, что тутъ особеннаго, невольно ставишь себѣ тотъ же вопросъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ особеннаго, если мѣрять факты на нашъ, русскій, аршинъ?

Возстановленіе вотчиннаго суда? Но онъ возстановленъ не въ одной Ялтѣ. И, между прочимъ, практикуется по сосѣдству съ Ялтой,—въ Севастопольскомъ градоначальствѣ *). Отмѣна вошедшихъ въ силу рѣшеній короннаго суда? Но будь въ дѣйствіяхъ г. Думбадзе что-либо непривычное для лицъ судебнаго вѣдомства, слышно было бы о «конфликтѣ». Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Печорскомъ у. чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ Матафтинъ, желая почтить

*) См. замѣтку „По слѣдамъ Думбадзе“ въ „Кіевской Мысли“ 1 апрѣля 1908.

губернатора Римскаго-Корсакова, собственною властью учредилъ Римско-корсаковскую волость, заставилъ выбрать старшину, нанять писаря, оборудовать волостное правленіе, которое начало дѣйствовать по всѣмъ правиламъ,—кажется, даже выдавало паспорта. Через $1^1/_2$ года (въ 1906 г.) крестьяне пожаловались начальству, что имъ приходится «справлять повинности» по двумъ волостямъ *). Какъ отвѣтило на эту жалобу начальство, и существуетъ ли теперь Римско-корсаковская волость въ Печорскомъ у.,—я не знаю. Но у Матафтиныхъ была свобода учреждать собственною властью до «конституціи». И они получили дѣйствительную свободу во время «конституціи». Даже октябристскій «Голосъ Москвы» не могъ не признать, что генералъ Думбадзе лишь экспансивнѣе, рельефнѣе другихъ, но по существу ничѣмъ не отличается, напримѣръ, отъ харьковскаго губернатора Пѣшкова, вятскаго кн. Горчакова, Ярославскаго Римскаго-Корсакова, не говоря уже о разныхъ другихъ администраторахъ, которыхъ эта газета называть не хочетъ, но которые, по ея словамъ, «подъ предлогомъ борьбы съ крамолой», «сводятъ личные счеты съ населеніемъ». Впрочемъ, думская фракція октябристовъ пока не обнаружила намѣренія перенести вопросъ на общую почву. Наоборотъ, въ газетахъ появились свѣдѣнія, что «октябристы согласны снять свой запросъ, если Думбадзе будетъ удаленъ». Такимъ образомъ, передъ нами какъ бы продолженіе старой полемики между предсѣдателемъ совѣта министровъ и ялтинскимъ генералъ-губернаторомъ. И Дума въ данномъ случаѣ выступаетъ въ родѣ помощника совѣта министровъ противъ «Котеріи», «силъ не очень многочисленныхъ, но очень вліятельныхъ», какъ выразился тотъ же «Голосъ Москвы» о верховной управѣ. (№ 4 апрѣля). Сколько-нибудь убѣдительныхъ аргументовъ противъ передаваемыхъ газетами слуховъ, что запросъ, о Думбадзе, какъ и запросъ о Финляндіи, внесенъ съ вѣдома министерства мы не имѣемъ. И то обстоятельство, что авторы запроса, говоря объ эксцессахъ свойственныхъ темпераменту ялтинскаго правителя, уклоняются отъ характеристики самаго режима чрезвычайныхъ полномочій и чрезвычайныхъ охранъ, всего меньше можетъ служить такимъ аргументомъ. Да и вообще октябристы особаго желанія протестовать противъ режима чрезвычайныхъ полномочій и чрезвычайныхъ охранъ не проявили. Рѣчь идетъ только объ одномъ генералъ-губернаторѣ, наиболѣе крайнемъ, зашедшемъ по отношенію къ совѣту министровъ до намѣреннаго опубликованія своихъ полемическихъ чрезмѣрностей. И утверждать, что эта взаимная полемика имѣетъ принципіальный характеръ, что въ ней нѣтъ личнаго элемента, я бы не

*) Сообщалось о жалобѣ въ покойной „Странѣ“, 16 сентября; къ сожалѣнію, этого № у меня не сохранилось, и дѣлаю ссылку на него по записи въ памятной книжкѣ.

рѣшился. Однако, едва ли есть возможность все дѣло свести къ личному элементу. Подходя къ вопросу съ чисто политической точкою зрѣнія, органы союза резонно говорятъ: дѣятельность Думбадзе вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ основамъ государственности, какъ защитникъ этихъ основъ, генералъ Думбадзе, стоитъ высоко, и потому... «Вамъ хотѣлось бы, — возмущается, напр., «Русское Знамя»,—чтобы повсюду представители власти играли въ конституцію и покорно склоняли свои головы передъ думскими запросами. Но относительно генерала Думбадзе вы этого не дождетесь» *). Однако, даже «Русское Знамя» предпочитаетъ не касаться фактовъ, указанныхъ авторами запроса. Кн. Мещерскій и вовсе этими фактами смущенъ. «Если,—пишетъ «Гражданинъ»,—провѣрка докажетъ, что они—ложь и клевета, я надѣюсь, что Гучковъ и Ко будутъ отданы подъ судъ за клевету» **). Но, вѣдь, кн. Мещерскій— человѣкъ партикулярный. Его конфузъ, такъ сказать, теоретическій. Не къ издателю «Гражданина» обратится съ претензіями кн. Волконскій, пострадавшій отъ судейскихъ экспериментовъ Думбадзе. И не издателю «Гражданина» приходится сводить реально счеты съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ по случаю ялтинскихъ неистовствъ и ялтинскаго разоренія. Мало ли что въ Россіи дѣлается и что стало обычнымъ явленіемъ? Но когда въ Думѣ при обсужденіи почтово-телеграфной смѣты упомянули о черныхъ кабинетахъ, представитель вѣдомства, а за нимъ и офиціозъ «Россія» все же почувствовали неловкость и начали отрекаться отъ перлюстраціи. Мы живемъ въ эпоху давно небывалаго обилія смертныхъ казней. Но, когда въ Думѣ депутатъ Родичевъ связалъ эту эпоху съ именемъ предсѣдателя совѣта министровъ, раздался крикъ о личномъ оскорбленіи. Одно дѣло — принципіально соглашаться съ г. Думбадзе и даже, быть можетъ, про себя одобрять его, и совсѣмъ другое дѣло — высказать офиціально свое отношеніе къ обстоятельствамъ, получившимъ широкую огласку. Верховной управѣ легко быть прямолинейной, — она, вѣдь, и не обязана высказываться офиціально. Труднѣе и сложнѣе положеніе совѣта министровъ.

Передъ самой Пасхой предпринято, между прочимъ, всероссійское обслѣдованіе вопроса о политической благонадежности лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Особымъ циркуляромъ за подписью г. Дубровина отъ 23 марта за № 134 провинціальнымъ отдѣламъ союза предложено на отдѣльныхъ листкахъ перечислить поименно чиновъ мѣстной высшей и низшей администраціи, а равно лицъ судебнаго и духовнаго вѣдомствъ, отмѣтявъ противъ каждой фамиліи, — способствуетъ ли, или вредитъ задачамъ верховной управы. Попутно требуется—назвать «мѣстныхъ главарей

*) Цит. по „Рѣчи", 10 апрѣля.
**) Цит. по „Руси", 31 марта.

революціи» и «частныхъ лицъ, особенно вредныхъ союзу»*). Разумѣется, на почвѣ этого циркуляра можетъ возникнуть столкновеніе вѣдомственныхъ самолюбій. Но по существу, право же, затрудняюсь сказать, что могъ бы имѣть противъ такого обслѣдованія, напр., департаментъ полиціи. Да и производились уже мѣстными отдѣлами частичныя переписи этого рода, — напр., въ Кіевѣ и Одессѣ. Достаточно напомнить доносы кіевскаго отдѣла, пользовавшіеся до сихъ поръ весьма внимательнымъ отношеніемъ со стороны офиціальныхъ мѣстъ и лицъ. Конечно, въ такомъ дѣлѣ неизбѣжны злоупотребленія. Могутъ быть и, навѣрное, будутъ случаи шантажа, вымогательства, сведенія личныхъ счетовъ. Могутъ быть и, навѣрное, будутъ использованы новыя полномочія съ такими же цѣлями, съ какими хотѣлъ воспользоваться своею властью «агента» кіевскій сыщикъ Поповъ. «Удовлетвори, въ самомъ дѣлѣ, немедленно его любовныя желанія, а не то онъ тебя, твоего мужа, твоего брата такъ аттестуетъ, что»... Но, положа руку на сердце, — вѣдь, и офиціальныя лица, коимъ ввѣренно выдавать патенты о политической благонадежности, не безгрѣшны. Однако, политическій сыскъ процвѣталъ и процвѣтаетъ, пользовался и пользуется полнымъ сочувствіемъ правящихъ круговъ... А все-таки во всероссійскомъ обслѣдованіи, предпринятомъ черезъ органы, непосредственно подчиненные верховной управѣ, есть нѣчто, на европейскую оцѣнку, совершенно неблагопристойное. Едва ли пріятно совѣту министровъ, что «циркуляръ за № 134» получилъ огласку. И въ случаѣ офиціальной и гласной постановки вопроса, врядъ-ли онъ выскажетъ сочувствіе «затѣямъ какого-то Дубровина».

Говоря: «врядъ ли выскажетъ сочувствіе», я, конечно, имѣю въ виду обстоятельства даннаго времени. За будущее ручаться трудно. Еще недавно, напр., оберъ-прокуроръ синода, повидимому не совсѣмъ сочувствовалъ «затѣямъ Дубровина», требующаго, чтобы православному духовенству было предписано вступать въ ряды союза. И опять-таки, споръ между синодомъ и верховной управою, если и шелъ, то вовсе не по существу вопроса. Наоборотъ, судя по исключительному покровительству, какимъ пользовался, напр., протоіерей Восторговъ на ряду съ многими другими духовными лицами, воинствующими подъ знаменемъ союза, между синодомъ и верховной управой разногласія по существу не было. Духовенству достаточно ясно давали понимать, до какой степени желательно, чтобы оно примкнуло къ союзу. И, повидимому, споръ шелъ лишь о томъ, насколько удобно вполнѣ прозрачные намеки синода закрѣпить и оформить офиціальнымъ предписаніемъ. Но вотъ «всероссійскій съѣздъ» потребовалъ, «чтобы всему русскому православному духовенству преподано было... *открытое и офиціальное* разрѣшеніе и благословеніе на безбоязненное служеніе его въ

*) „Сѣверъ“, 6 апрѣля 1908.

составѣ союза русскаго народа». И синодъ «разрѣшилъ и благословилъ», а епархіальные архіереи, получивъ синодскій указъ, «совѣтуютъ» и «предписываютъ». «Предлагаю епархіальному духовенству, — говорится, напр., въ предписаніи волынскаго архіепископа,—избрать на благочинническихъ съѣздахъ, гдѣ это представится нужнымъ, окружныхъ дѣлопроизводителей или старостъ русскаго союза». Однако, относительно другого требованія «всероссійскаго съѣзда»—о разрѣшеніи производить во всѣхъ церквахъ тарелочный сборъ въ пользу союза русскаго народа 4 раза въ годъ» — между синодомъ и верховной управой, видимо, еще идетъ споръ. Высказать въ этой формѣ «открытое и офиціальное» сочувствіе синодъ, видимо, затрудняется.

Въ данное время союзъ добивается, чтобы солдатамъ и офицерамъ всей арміи такъ же открыто и офиціально разрѣшено было «быть русскими союзниками». Военное министерство, поощряя распространеніе въ казармахъ союзныхъ листковъ и газетъ, едва ли имѣетъ что-либо по существу противъ того, чтобы благословить и разрѣшить. А допуская агитаціонныя «лекціи» союзниковъ солдатамъ, начальство фактически и разрѣшаетъ. И, конечно, всего меньше могутъ смутить военнаго министра тѣ доводы, которые не такъ давно развивало, между прочимъ, «Слово» по поводу, напр., «собесѣдованія» съ нижними чинами лейбъ-гвардіи драгунскаго полка гр. Коновницына-одесскаго и нѣкоего г. Андіона, выступавшихъ отъ имени союза съ восхваленіями погромовъ 1905 г. «Должно бы было быть,—писало «Слово»,—уже давно ясно, что армія должна стоять внѣ какой бы то ни было партійной политики, неминуемо разъѣдающей основу арміи, ея дисциплину». И для спокойнаго времени это положеніе слишкомъ абстрактно. Теперь же воспитать армію въ духѣ союзныхъ началъ, стянуть ее подъ союзное знамя,—значило бы рѣшить судьбу тѣхъ соціальныхъ элементовъ, самому существованію которыхъ угрожаетъ нынѣшняя смута. Даже простой подсчетъ, какая часть арміи на сторонѣ союза, не только теоретически интересенъ, но и могъ бы лечь въ основу весьма важныхъ мѣропріятій. Предполагать на этой почвѣ принципіальный споръ между верховною управою и военннымъ министерствомъ, повторяю, трудно. И, однако, есть тутъ нѣкоторыя стороны, настолько щекотливыя, что врядъ ли военному министру легко рѣшиться неофиціальные шаги подтвердить оффиціальнымъ приказомъ. Даже относительно «приписки» чиновъ полиціи къ союзу до сихъ поръ не достигнуто полное согласіе между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и верховной управой. Да и не думаю, что согласія легко достигнуть. Пусть П. А. Столыпинъ открыто и офиціально разрѣшитъ и благословитъ. Но если найдутся такіе, которые тѣмъ не менѣе не пожелаютъ приписаться къ союзу? Они, навѣрное, найдутся,—даже среди полиціи, не говоря уже объ арміи. Что-жъ съ ними дѣлать? Прогнать со службы? Но технически подготовленныхъ къ службѣ людей и безъ

того не такъ ужъ много. Не прогонять?—но тогда установится такая же своеобразная субординація, которая уже теперь болѣзненно даетъ себя чувствовать, и, благодаря которой, напримѣръ, кіевскій Борисъ Юзефовичъ, будучи обыкновеннымъ обывателемъ, не занимая офиціально сколько-нибудь замѣтнаго служебнаго или общественнаго положенія, является тѣмъ не менѣе персоной, передъ коей трепещутъ даже мѣстныя особы 5 и 4 класса. Едва-ли министерство внутреннихъ дѣлъ съ легкимъ сердцемъ можетъ допустить, чтобы городовой, хотя бы и зарекомендовавшій себя въ союзѣ патріотической ревностью, дѣлалъ выговоры секретарю полиціи. И еще болѣе долженъ бы смутиться военный министръ, если служебное положеніе капитана или полкового адъютанта окажется въ зависимости отъ того, какой доносъ захочетъ написать офиціально присоединившійся къ союзу ефрейторъ.

Повидимому, верховную управу это соображеніе не способно смутить. Наоборотъ, проектъ эксплоатаціоннаго корпуса, разработанный генераломъ Вендрихомъ, къ тому именно и сводится, чтобы желѣзнодорожные служащіе, сумѣвшіе зарекомендовать себя ревностными приверженцами исконныхъ устоевъ, были господами положенія, отъ которыхъ зависѣли бы даже начальствующія лица, коихъ образъ мыслей сомнителенъ или хотя бы только не извѣстенъ. И, по неопровергнутымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, проектъ г. Вендриха, въ отсутствіе министра путей сообщенія, былъ доложенъ, утвержденъ, и если не сталъ закономъ, то лишь потому, что опубликованіе его не состоялось, по причинѣ своевременно принятыхъ мѣръ совѣтомъ министровъ. По сей день споръ далеко не рѣшенъ. «Умоляемъ... осуществить проектъ фонъ-Вендриха объ организаціи эксплоатаціоннаго желѣзнодорожнаго корпуса»,—телеграфируетъ, напр., саратовскій отдѣлъ союза» *). «Умоляемъ... исполнить выраженную... волю о сформированіи эксплоатаціоннаго желѣзнодорожнаго корпуса» **),—телеграфировалъ съѣздъ союзниковъ. Совѣтъ министровъ уже неоднократно имѣлъ сужденія по этому вопросу. И хотя на одномъ изъ засѣданій, по свѣдѣніямъ «Голоса Москвы», проектъ объ эксплоатаціонномъ корпусѣ никѣмъ не былъ поддержанъ, «даже Коковцевъ высказался противъ»,—однако, «Вендрихъ не думаетъ сдаться» ***). Не предполагаютъ сдаваться и союзники. 28 марта состоялось совѣщаніе представителей желѣзнодо-

*) „Сарат. Вѣст.", 2 марта.

**) „Рѣчь", 2 марта.

***) По словамъ „Голоса Москвы", „иниціатива проекта принадлежитъ собственно союзу русскаго народа, гдѣ вопросъ этотъ былъ поднятъ съ цѣлью доставить заработокъ членамъ союза. Одно время союзники были до того увѣрены въ успѣхѣ, что, напр., гр. Коновницынъ циркуляромъ предупреждалъ союзниковъ о томъ, что имъ придется занять мѣста во вновь учреждаемомъ корпусѣ. Цит. по „Кіев. Вѣст.", 12 февраля.

рожныхъ отдѣловъ союза русскаго народа по вопросу о посылкѣ специальной депутаціи. И послѣ этого совѣщанія близкія къ сферамъ «С. Пет. Вѣдомости» вдругъ заявили о своемъ «подозрѣніи, что проектъ» фонъ-Вендриха обладаетъ «большимъ удѣльнымъ вѣсомъ», чѣмъ другіе проекты министерства путей сообщенія. Во всякомъ случаѣ, г. Вендрихъ, несмотря на столкновеніе со «всѣмъ совѣтомъ» и съ «самимъ П. А. Столыпинымъ», остается товарищемъ министра, агитируетъ и собираетъ силы...

И еще разъ повторяю—я вовсе не склоненъ отрицать во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ возможность личнаго интереса. Въ частности, вполнѣ естественно, что г. Вендрихъ, пытавшійся осуществить свой проектъ помимо своего непосредственнаго начальника и помимо совѣта министровъ, несомнѣнно, задѣлъ цѣлый рядъ личныхъ соображеній. Нѣтъ основаній, мнѣ кажется, предполагать и въ этомъ, и въ другихъ столкновеніяхъ принципіальныя разногласія. Насколько извѣстно, министръ путей сообщенія г. Шауфусъ не менѣе сочувствуетъ задачамъ верховной управы, нежели его товарищъ г. Вендрихъ. И какіе принципы раздѣляютъ, положимъ, г. Столыпина отъ г. Шванебаха, едва ли кто-нибудь сумѣетъ объяснить удовлетворительно. Теперь оба эти государственные дѣятеля находятся, по слухамъ, въ состояніи взаимнаго неудовольствія. Но если бы, какъ предсказывали одно время газеты, г. Шванебахъ занялъ мѣсто г. Столыпина,—онъ, полагаю, также вызвалъ бы противъ себя нареканія и также оказался бы въ борьбѣ съ «котеріей».

Героическую до безнадежности задачу ставитъ себѣ верховная управа,—сохранить и даже укрѣпить основы традиціонной государственности. Той же героической до безнадежности задачѣ въ настоящее время служитъ вся правительственная машина, отъ первѣйшихъ министровъ до послѣднихъ шпіоновъ. Въ соотвѣтствіи съ цѣлями, героическія до безнадежности средства должна употреблять верховная управа. И героическія до безнадежности средства пущены въ ходъ правительствомъ. Героическимъ размахомъ вѣетъ отъ нынѣшнихъ военныхъ судовъ, коими выносятся порою по 5, по 6 и даже по 11 смертныхъ приговоровъ обвиняемымъ, живущимъ въ одномъ селѣ и привлеченнымъ совмѣстно по одному дѣлу *). До героическихъ размѣровъ переполнены тюрьмы и мѣста ссылки. До героическихъ предѣловъ доведено общее состояніе страны, о которомъ даже «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ: «Попраніе не только правъ и закона, но и азбучной логики, равно какъ и здраваго смысла, стало явленіемъ повседневной русской жизни,—и отбиться отъ этого грознаго бича можно лишь деньгами

*) Напомню, напр., такъ называемое „чечелевское дѣло". Привлекалось 17 подсудимыхъ. Изъ нихъ *одиннадцать*,—все жители села Чечелевки, гайсинскаго у., Подольской губ.,—военнымъ судомъ приговорены къ смертной казни. См. „Кіевскія Вѣсти", 15 января 1908.

или властью» *). И если бы правительству приходилось имѣть дѣло только съ революціонными выступленіями, если бы его очередныя занятія сводились только къ активной борьбѣ съ крамолой, между нимъ и верховной управой, несомнѣнно, существовало бы полное единодушіе. Да оно и теперь существуетъ, поскольку рѣчь идетъ объ искорененіи крамолы. И въ дѣлѣ искорененія нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ, пожалуй, предпріимчивѣе своихъ предполагаемыхъ замѣстителей, менѣе другихъ приспособленъ учитывать моральное впечатлѣніе на страну, всегда невыгодное для власти, безоглядно примѣняющей репрессивныя мѣры, и гораздо менѣе другихъ склоненъ заслужить упрекъ въ послабленіи. Бѣда лишь въ томъ, что, помимо революціи, есть торговля, промышленность, есть мирная обывательская жизнь, требующая не столько политической, сколько правовой регуляціи, есть, наконецъ, необходимость въ разнообразныхъ техническихъ силахъ, коими должна быть оборудована правительственная машина. Сто лѣтъ назадъ въ маленькомъ Неаполѣ Каноза могъ не считаться со всѣми этими условіями и могъ вполнѣ соотвѣтствовать патріотическимъ видамъ руффіанцевъ. Можетъ, пожалуй, и теперь не считаться и вполнѣ соотвѣтствовать генералъ Думбадзе въ маленькой Ялтѣ. И пока г. Думбадзе ничего, кромѣ своей Ялты, не знаетъ, ему, сравнительно, легко быть ортодоксомъ. Но едва ли можно сохранить ортодоксальность на пространствѣ огромнаго государства при современныхъ крайне сложныхъ правоотношеніяхъ.

Верховной управѣ важно и нужно, чтобы братья Хвостовы, заявившіе о полной своей готовности активно бороться съ революціей, не оказались въ арестантскихъ ротахъ, чтобы эта сила не была потеряна. Верховной управѣ нѣтъ дѣла ни до земскаго страхового капитала, за счетъ котораго возмѣщены убытки, ни до 17 деревень, которыя работаютъ на Хвостовыхъ и существенно задѣты выступленіемъ помѣщиковъ въ качествѣ поджигателей. Но, повторяю, офиціальнымъ представителямъ власти порою нѣтъ физической возможности стоять на такой ужъ слишкомъ упрощенной, слишкомъ политической точкѣ зрѣнія. И вотъ тверская уѣздная полиція во время суда выслушиваетъ отъ г. Булацеля упрекъ въ неблагонадежности наравнѣ съ учительницами и крестьянами, а затѣмъ то же обвиненіе ставится и противъ всего состава окружнаго суда. Стремленіе сваливать въ одну кучу крайне разнородныя явленія доведено до абсурда. И все-таки подъ этимъ дымомъ есть огонь. До того есть, что всякій сколько-нибудь сочувственный отзывъ крестьянъ по поводу полицейскаго дознанія о поджогѣ или судебнаго приговора, можетъ быть понятъ, какъ политическій протестъ противъ верховной управы и воодушевляющихъ ее началъ. Создается возможность самыхъ неожиданныхъ комби-

*) Цит. по „Рѣчи", 11 января.

націй, примѣромъ коихъ могутъ служить недавнія чествованія гр. Воронцова-Дашкова. Бакинскіе мусульмане, обезпокоенные кампаніей союза, черезъ своихъ уполномоченныхъ, «постановили выразить путемъ печати свою глубокую симпатію и преданность намѣстнику... за мудрое направленіе его дѣятельности на Кавказѣ, которое... будучи вполнѣ согласовано съ истинными интересами общаго отечества Россіи, является единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ окончательному духовно-культурному сліянію Кавказа и мусульманъ съ Россіею и русскими» *). За бакинскими мусульманами въ томъ же смыслѣ выступили дагестанцы. Затѣмъ «празднованіе 50-лѣтняго юбилея гр. Воронцова-Дашкова превратилось въ грандіозное торжество, въ которомъ приняли участіе всѣ общественныя учрежденія края, всѣ многочисленные населяющіе Кавказъ народы. Кавказская печать безъ различія направленій тепло откликнулась на юбилей администратора, положившаго въ основу своей политики не насиліе, а право и уваженіе къ національностямъ». Эта цитата взята мною изъ «Рѣчи» (№ 1 апрѣля). И не одна «Рѣчь» впала въ праздничныя излишества. «Онъ ѣхалъ сюда съ пальмовой вѣтвью мира»—писалъ «Тиф. Лист.». «Явился на Кавказъ провозвѣстникомъ новыхъ временъ»... «отрицаніемъ мрачныхъ временъ голицинской эпохи», — выражалось «Баку» **). Черезъ нѣсколько дней, когда союзники внесли въ Думу запросъ о дѣятельности гр. Воронцова, тому же «Баку» пришлось между прочимъ писать: «Что же касается армянъ-чиновниковъ, наводнившихъ якобы канцелярію намѣстника, то эта клевета даже не заслуживаетъ опроверженія, такъ какъ достаточно взглянуть въ кавказскій календарь, чтобы убѣдиться, что у намѣстника есть чиновники особыхъ порученій изъ всѣхъ національностей, кромѣ армянъ. Даже переводчика армянина нѣтъ тамъ. Извѣстно, что въ смыслѣ предоставленія мѣстъ армянамъ политика (гр. Воронцова) остается прежняя», голицинская ***). Это поправка относительно «уваженія къ національностямъ». Поправки къ словамъ «не насиліе, а право» тоже не замедлили появиться. Той же «Рѣчи», между прочимъ, пришлось 5 апрѣля напечатать телеграмму изъ Тифлиса: «Возобновились обыски и аресты. Всю ночь войска обыскивали типографію Громова. Типографія закрыта. Владѣлецъ, гласный Думы Топрянцъ, арестованъ. Печатавшаяся въ типографіи армянская газета «Втакъ» сегодня не вышла» и т. д. И, казалось бы, юбилейныя излишества, наравнѣ съ заявленіями о преданности со стороны бакинскихъ мусульманъ, вполнѣ можно признать обывательскимъ сервилизмомъ. Однако, «Новое Время» не даромъ возмутилось «преданностью» бакинцевъ, и не

*) „Слово", 25 марта 1908.
**) Цит. по „Рѣчи" 1 апрѣля.
***) „Баку", 8 апрѣля.

даромъ тифлисскія торжества довольно кисло встрѣчены правою печатью. Подъ наружнымъ сервилизмомъ скрывается въ сущности протестъ противъ союза, противъ видовъ и предположеній «котеріи», которую поименно «Голосъ Москвы» не называетъ, но главные опорные пункты которой хорошо извѣстны и обывателю,и намѣстнику. Юбилейными торжествами различныя группы населенія, возхвалявшія не столько гр. Воронцова-Дашкова, сколько мечту свою, въ сущности, воспользовались, чтобы вмѣшаться въ конфликтъ между высшею администраціею края и высшими руководителями союза,—вмѣшаться и сказать свое слово. Вмѣшательство это само по себѣ актъ политическій, и при томъ противорѣчащій основамъ традиціонной россійской государственности. Но въ томъ и нелѣпость нынѣшняго положенія вещей, что высшій представитель власти и первѣйшій защитникъ этихъ основъ на Кавказѣ дѣлаетъ вмѣшательство обывателей въ область верховнаго управленія необыкновенно торжественнымъ и помпезнымъ, а обывательскія похвалы представителю власти оказались проявленіемъ массовыхъ оппозиціонныхъ чувствъ.

Нельзя всѣ шашки смѣшивать въ одну кучу. Коренное населеніе Кавказа упорно посылаетъ въ Думу соціалъ-демократовъ и съ заявленіями о своихъ нуждахъ по сей день обращается къ депутатамъ, принадлежащимъ къ этой партіи *). Гр. Воронцовъ упорно и по сей день преслѣдуетъ соціалъ-демократическихъ выборщиковъ. Въ отвѣтъ на принципіальное рѣшеніе Думы—воспользоваться кавказскими землями для переселенія—дагестанцы «просятъ, чтобы до надѣленія землей коренного населенія не направлять въ ихъ мѣстность переселенцевъ и чтобы имъ было разрѣшено пользоваться для пастьбы скота казенными землями **). Для туземнаго дворянства дагестанское «надѣленіе землей» звучитъ такъ же, какъ для гр. Бобринскаго «принудительное отчужденіе». Уполномоченные (для выраженія преданности) бакинскихъ мусульманъ Тагіевъ, Гаджіевъ, Сафаралiевъ и т. д., кажется, склонны на этотъ вопросъ смотрѣть съ торговопромышленной точки зрѣнія. Самъ намѣстникъ, насколько извѣстно, ничего не имѣетъ противъ принципіальнаго думскаго рѣшенія. Различныя группы населенія остаются различными, противорѣчія интересовъ продолжаютъ быть противорѣчіями непримиренными даже на компромиссѣ. И тѣмъ не менѣе нашлось нѣчто общее, объединившее кавказцевъ такъ же, какъ, напр., одесситовъ объединяетъ чувство къ гр. Коновницыну, или кіевлянъ—чувство къ г. Юзефовичу, какъ недавно объединило екатеринославскихъ врачей негодованіе противъ «Русскаго Знамени», сообщавшаго, будто покойный А. Л. Караваевъ передъ смертью ска-

*) Недавно напр., отъ жителей Амурскаго округа, Дагестанской обл. поступило на имя деп. с.-д. Гайдарова „ходатайство, покрытое многочисленными подписями". „Рѣчь", 4 апрѣля.

**) Ibid.

залъ: «меня убилъ еврей». И это общее объединяетъ, дѣйствительно, самые различные слои населенія, — отъ одесскихъ кладбищенскихъ сторожей, мѣста которыхъ понадобились для матеріальнаго вознагражденія союзникамъ за ихъ услуги, до кіевскихъ статскихъ и иныхъ совѣтниковъ, пострадавшихъ или опасающихся пострадать вслѣдствіе доносовъ г. Юзефовича. О лицахъ, выше стоящихъ, говорить не будемъ, хотя я не рѣшился бы утверждать, что у всѣхъ нынѣшнихъ министровъ вполнѣ доброжелательныя чувства къ «котеріи». Не даромъ «Гражданинъ» увѣряетъ, что «союзъ русскаго народа вооружилъ противъ себя всѣ консервативные слои».

Изъ недовѣрія къ власти «родилась и развилась революція»,— говорятъ «С.-Петерб. Вѣд.». Допустимъ. Но если такъ, то исчезаютъ ли, или углубляются корни броженія? Твердѣетъ или разрыхляется и размывается соціальный грунтъ, на которомъ вверху стоящіе архитекторы мнятъ построить зданіе? Не правы ли тѣ, кто не вѣритъ въ архитекторскую суетливость, чей взоръ устремленъ въ пространство, гдѣ Богъ вѣсть кѣмъ и Богъ вѣсть какъ куются неожиданности?

А. Петрищевъ.

На очередныя темы.

Право на землю.

IV.

Мы должны,—сказалъ я,—всмотрѣться въ настоящее: какимъ образомъ можно обезпечить равное право всѣхъ на землю?

Отвѣтъ на это, казалось бы, давно имѣется: «уравнительное землепользованіе»—такова его ходячая формула. Но эту формулу можно наполнить разнымъ содержаніемъ, и, надо сказать, что противники этимъ пользуются. Г. Масловъ, напримѣръ, увѣрялъ, какъ-то своихъ читателей, что народники намѣрены «дѣлить лаптями землю поровну».

Дѣлежъ земли („*уравнительное*“ землепользованіе),—писалъ онъ,—вотъ характерный и главный пунктъ программы соціалъ-народниковъ. Этотъ пунктъ

вытекаетъ изъ всей идеологіи мелкаго мѣщанства и, съ точки зрѣнія послѣдняго, чрезвычайно легко отодвигаетъ общество отъ современнаго экономическаго уклада. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто «несправедливаго неравенства въ деревнѣ (хотя это неравенство какъ разъ и отрицается народниками), у всѣхъ крестьянъ будетъ *поровну* земли; какъ это будетъ справедливо и нравственно, какъ легко и скоро осуществится „правда-истина и правда-справедливость", и какъ все это... мѣщански близоруко! *)

Въ частности, то же самое намѣреніе г. Масловъ приписалъ и мнѣ. Коснувшись моей полемики съ г. Новоторжскимъ, онъ продолжалъ:

Если раздѣлъ земли между общинами, т. е. насажденіе товариществъ мелкихъ собственниковъ, не всѣми народниками признается желательнымъ, то надежды на уравнительное землепользованіе являются типичными для мѣщанскаго соціализма. Этими надеждами питаются одинаково какъ сторонники соціализаціи, такъ и сторонники національзаціи земли. Дѣлить лаптями землю поровну—развѣ это не гарантія противъ капитализма?!.. Что раздѣлы и передѣлы гарантируютъ отъ капитализма,—за это ручаются всѣ соціалъ-народники **)...

Поскольку дѣло касалось, въ данномъ случаѣ, меня лично, постольку ламентаціи г. Маслова могли вызвать только улыбку. Надо сказать, что въ своихъ статьяхъ я сознательно воздерживался отъ употребленія формулы «уравнительное землепользованіе». Она всегда представлялась мнѣ не вполнѣ удачной, способной породить недоразумѣнія не только среди противниковъ, но и среди сторонниковъ нашей аграрной программы. Съ одной стороны, своимъ словеснымъ выраженіемъ она могла навести на мысль, что равное право всѣхъ на землю можетъ быть осуществлено въ видѣ права каждаго на клочекъ земли въ натурѣ. Съ другой стороны, своимъ происхожденіемъ она могла дать поводъ думать, что для осуществленія равенства въ земельныхъ отношеніяхъ достаточно распространить на всю Россію порядки, принятые въ современной общинѣ.

Теперь приходится признать, что склонность къ такой именно конструкціи земельнаго права въ средѣ нашего направленія дѣйствительно оказалась. Съ особою, быть можетъ, наглядностью она сказалась въ той теоріи личнаго права на землю, съ которой выступилъ П. А. Вихляевъ.

Къ общей суммѣ правъ гражданина и человѣка,—говоритъ послѣдній,—должно быть прибавлено новое право, незнакомое органическимъ статутамъ западно-европейскихъ государствъ—право на землю каждаго русскаго гражданина, право поголовнаго земельнаго надѣла... Обширная коллективность, составляющая русское государство,—продолжаетъ г. Вихляевъ,—должна стать къ русской землѣ въ тѣ же правовыя отношенія, въ которыхъ находится

---

*) П. Масловъ. „Объ аграрныхъ программахъ". (Правда", 1905., сентябрь—октябрь, стр. 257).

**) Ibid., стр. 259.

деревенская община къ своимъ сельско-хозяйственнымъ угодьямъ, съ тѣми естественными ограниченіями, которыя вызываются особенностями въ положеніи дѣла. Какъ слѣдствіе подобнаго правового отношенія должно возникнуть право уравнительнаго передѣла *)...

Читатели видятъ, что право на землю понимается въ данномъ случаѣ, какъ право каждаго гражданина на опредѣленную часть территоріи (поголовное надѣленіе), осуществляемое тѣмъ же способомъ, какой практикуется въ современной общинѣ (уравнительные передѣлы). Къ своей теоріи г. Вихляевъ пришелъ индуктивнымъ путемъ, исходя изъ данныхъ объ историческомъ развитіи и современномъ состояніи народнаго правосознанія.

Если отдѣлить,—говоритъ онъ,—историческія наслоенія фискальнаго и административно-полицейскаго свойства и разсматривать общину исключительно какъ форму землепользованія, то въ ней наглядно проявляется основной принципъ—*право на землю всякаго члена общины*, осуществляемый уравнительными передѣлами...

Авторъ знаетъ, что

только въ періодъ пореформенной жизни русскаго крестьянина потягольная разверстка земли и разверстка по мужскимъ ревизскимъ душамъ дополняется разверсткой земли по наличнымъ душамъ обоего пола, по ѣдокамъ. Право на землю признается общимъ безъ различія пола...

Другими словами: автору извѣстно, что «право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами», или, какъ онъ его понимаетъ, «право поголовнаго земельнаго надѣла», есть историческій фактъ, при томъ недавняго происхожденія и, несомнѣнно, не получившій еще «общаго признанія». Если даже допустить, что онъ констатированъ точно и истолкованъ правильно, то и за всѣмъ тѣмъ нельзя еще признать доказаннымъ, что лежащій въ основѣ его «принципъ» является конечнымъ, а не однимъ лишь изъ среднихъ звеньевъ въ общей цѣпи правового развитія. Это не помѣшало, однако, г. Вихляеву право на землю, какъ онъ его понимаетъ, включить, безъ дальнѣйшихъ околичностей, въ «общую сумму правъ гражданина и человѣка», т. е. отнести его къ числу естественныхъ, неотъемлемыхъ правъ личности. Въ юридической конструкціи, которая имъ предложена, это личное право на землю является основнымъ, «независимымъ отъ лица посторонняго», а право коллективности на ту же землю—производнымъ, «ограниченнымъ». Допуская коллективное право въ формѣ уравнительнаго передѣла, г. Вихляевъ разсматриваетъ его только какъ слѣдствіе личнаго права на землю.

Такъ какъ это право,—говоритъ онъ,—при своемъ осуществленіи встрѣчается съ такимъ же равнымъ ему и неотчуждаемымъ правомъ всякаго дру-

*) П. Вихляевъ. „Право на землю". Книгоиздательство „Молодая Россія". М. 1906 г. Первоначально эта статья появилась въ журналѣ „Народное Хозяйство" за 1905 годъ.

гого гражданина, то отсюда неизбѣжно вытекаетъ необходимость въ установленіи предѣловъ долевого участія каждой земледѣльческой семьи въ томъ общенародномъ достояніи, которымъ становится при указанныхъ условіяхъ земля. Уравнительность участія въ пользованіи общенароднымъ земельнымъ достояніемъ есть логическое слѣдствіе права на землю...

Нѣсколько позже, чѣмъ г. Вихляевъ, сторонникомъ той же теоріи личнаго права на землю выступилъ В. М. Черновъ, пришедшій къ ней, повидимому, инымъ путемъ, основываясь не столько на фактическихъ данныхъ, сколько на логическихъ соображеніяхъ, и имѣя въ виду не столько развитіе права въ прошломъ, сколько предполагаемую имъ конструкцію его въ будущемъ.

Существеннымъ признакомъ соціализаціи,—пишетъ онъ,—является тотъ фактъ, что исходнымъ ея пунктомъ дѣлается установленіе общенародныхъ или, что то же, общегражданскихъ правъ на землю. Каждый членъ народа, населенія, каждый гражданинъ является, такимъ образомъ, не пассивнымъ объектомъ воздѣйствія поземельной политики государства, а *правомочнымъ*, т. е. лицомъ, право котораго соотвѣтственно закрѣплено гражданскимъ строемъ, ея конституціей, и которое поэтому „можетъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе правопорядокъ". Такимъ образомъ, поземельная политика государства можетъ свободно двигаться лишь въ опредѣленныхъ рамкахъ, опредѣляемыхъ основными правами на землю, принадлежащими индивиду. Эти права предшествуютъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ обусловливаютъ характеръ и содержаніе поземельной политики. Государство и его органы становятся уже, по этой концепціи, не независимыми юридическими лицами, собственническія права которыхъ на землю есть что-то, стоящее выше индивидовъ съ ихъ притязаніями; нѣтъ, они превращаются лишь въ юридическіе аппараты, регуляторы, примиряющіе и приводящіе къ гармоніи единичныя права *).

Юридическая конструкція получается та же, что и у г. Вихляева... Я долженъ, однако, отмѣтить, что В. М. Черновъ, подчеркивая въ приведенномъ мною мѣстѣ, какъ и вообще въ своей статьѣ, что гражданинъ долженъ быть *правомочнымъ* лицомъ, а не пассивнымъ объектомъ государственнаго воздѣйствія, совершенно не вскрываетъ фактическаго содержанія того «основного права на землю, принадлежащаго индивиду», которое должно предшествовать и обусловливать государственную политику. «Здѣсь не мѣсто,—говоритъ онъ,—входить въ характеристику конкретныхъ правовыхъ и хозяйственныхъ формъ, въ которыхъ надо мыслить осуществленіе соціализаціи»... Повидимому, ему чуждо, однако, то упрощенное пониманіе равенства въ земельныхъ отношеніяхъ—равенства въ формѣ права на поголовное надѣленіе,—какое постулируетъ П. А. Вихляевъ. По крайней мѣрѣ, отдѣльныя мѣста статьи г. Чернова даютъ право думать, что содержаніе индиви-

*) В. М. Черновъ. Къ аграрному вопросу. (Что такое соціализація земли?) „Народный Вѣстникъ", 1906 г., № 2... Эта статья такъ же, какъ цитируемая мною ниже изъ „Народнаго Знамени", перепечатаны въ появившемся недавно второмъ выпускѣ сборника „Соціализація земли" (Книгоиздательство „Сотрудничество". Москва, 1908 г.).

дуальнаго права на землю можетъ, по его мнѣнію, измѣняться... Но кто же въ такомъ случаѣ будетъ опредѣлять его: сама ли личность или коллективность? Конкретно: отъ кого будетъ зависѣть форма, въ которой гражданинъ можетъ получить свою долю въ общенародномъ достояніи,—землею ли, напримѣръ, или деньгами? Если предоставить рѣшеніе этого вопроса гражданину, то не значитъ ли это предоставить ему по отношенію къ землѣ право отчужденія—«вѣнецъ собственности?» Если же рѣшеніе этого вопроса предоставить государству, то не значитъ ли это признать за нимъ «неограниченную власть надъ вещью», поставивъ содержаніе личнаго права въ зависимость отъ рѣшенія коллективности?.. Отъ кого, далѣе, будетъ зависѣть переходъ къ общественному хозяйству, къ соціализму? Отъ согласія ли каждой личности или отъ общаго рѣшенія коллективности? И далѣе: добиваясь чего, личность можетъ «привести въ движеніе правопорядокъ» при общественномъ хозяйствѣ? Можетъ ли она требовать опредѣленной доли земли или имѣетъ право предъявить притязаніе только на опредѣленную долю продукта? Въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы, вѣдь, говорить не о правѣ на землю, а о правѣ на продуктъ,—о правѣ, которое едва ли можетъ свестись къ равному дѣлежу продукта между всѣми. И въ конечномъ счетѣ равное право всѣхъ на землю не сведется ли къ равному праву распоряженія ею,—къ праву распоряженія, осуществляемому въ составѣ коллективности, а не каждой отдѣльной личностью въ отдѣльности?..

Я считаю себя вправѣ поставить эти вопросы, имѣя въ виду другую статью В. М. Чернова, въ которой онъ обнаружилъ склонность вопросъ о правѣ на землю свести къ «общему демократическому началу *самоуправленія*, въ область вѣдѣнія котораго вошло бы и завѣдываніе земельнымъ имуществомъ на началѣ равенства правъ членовъ коллективности» *). Каждому, я думаю, понятно, что въ формѣ самоуправленія можетъ осуществиться только коллективное право, но отнюдь не личное. Едва ли В. М. Черновъ согласился бы допустить, чтобы коллективность «завѣдывала» другими неотчуждаемыми правами личности и опредѣляла, напримѣръ,—хотя бы и на «началѣ равенства»,—какъ слѣдуетъ вѣровать (свободу совѣсти) или въ какой формѣ слѣдуетъ дѣлиться своими мыслями (свободу слова)... Поэтому я и считаю себя вправѣ спросить, не по недоразумѣнію ли онъ отнесъ къ числу этихъ неотчуждаемыхъ правъ и право на землю?

Отмѣтить возможность такого недоразумѣнія мнѣ представлялось необходимымъ теперь же, чтобы избѣгнуть упрека, что, пользуясь недомолвками В. М. Чернова, я безъ достаточнаго основанія отожествилъ его теорію съ Вихляевской. По существу же къ за-

*) Викторъ Черновъ. Соціализація земли и община. „Народное Знамя", 1907 г. № 1.

тронутымъ на послѣдней страницѣ вопросамъ, мнѣ еще придется подойти съ другой стороны. Сейчасъ же познакомимся съ тѣми «конкретными правовыми и хозяйственными формами, въ которыхъ надо мыслить осуществленіе соціализаціи», если исходить изъ теоріи личнаго права на землю. Мы имѣемъ уже нѣсколько попытокъ дать проектъ такихъ формъ. Отмѣчу нѣкоторыя, наиболѣе разработанныя, изъ нихъ.

Это, во-первыхъ, «Проектъ основного закона о землѣ», изданный Н. О. Новожиловымъ подъ коллективной редакціей (Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина), извлеченіе изъ какового съ нѣкоторой переработкой, было внесено подъ названіемъ «Проектъ основного земельнаго закона» въ первую Государственную Думу за подписью 33-хъ членовъ. Если взять редакцію второго изъ этихъ проектовъ, то «земельныя права россійскихъ гражданъ» по отношенію къ пользованію землею для сельско-хозяйственныхъ промысловъ опредѣлены въ немъ такимъ образомъ:

§ 1. Всѣ граждане и гражданки могутъ, по желанію, получать въ пользованіе землю или на срокъ или безсрочно.

§ 2. Каждый имѣетъ право получить въ пользованіе столько земли, чтобы за уплатой поземельнаго налога осталось достаточно для здоровой жизни его и его семьи.

Также опредѣлены въ немъ и права на пользованіе усадебными участками:

Всѣ граждане и гражданки могутъ получать въ безсрочное пользованіе усадебные участки извѣстнаго размѣра для всякаго рода жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ.

Такимъ образомъ право на землю въ этихъ случаяхъ понимается въ томъ смыслѣ, какой вкладываетъ въ него г. Вихляевъ, а именно въ смыслѣ права на поголовное надѣленіе. Что государство при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ можетъ отказать въ выдѣлѣ участка для сельско-хозяйственнаго промысла законопроектъ 33-хъ не допускаетъ даже мысли. Право на землю въ немъ дѣйствительно ставится какъ неотъемлемое право личности.

Другая попытка, которую я хотѣлъ бы отмѣтить, это извѣстный уже намъ «Проектъ основныхъ положеній земельнаго закона», внесенный с.-р. во вторую Думу.

е) Каждый гражданинъ—говорится въ немъ,—желающій приложить свой трудъ къ землѣ и не достигшій этого путемъ соглашенія съ отдѣльными общинами, земельными товариществами или артелями, имѣетъ право обращаться въ землеустроительныя учрежденія мѣстныхъ самоуправленій и государства, которыя обязаны:

1) или помѣстить его на земляхъ одной изъ многоземельныхъ общинъ въ порядкѣ, указанномъ особымъ закономъ,

2) или отвести ему надѣлъ изъ запаснаго земельнаго фонда той или другой болѣе крупной территоріальной самоуправляющейся единицы,

3) или устроить его въ одномъ изъ общественныхъ предпріятій по обработкѣ земли.

Въ данномъ случаѣ указанъ даже способъ, какимъ гражданинъ «можетъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе правопорядокъ»... Но право его на землю оказывается уже ограниченнымъ въ пользу коллективности: вмѣсто выдѣла участка въ натурѣ послѣдняя можетъ «устроить его въ одномъ изъ общественныхъ предпріятій». Въ результатѣ вмѣсто права на землю получается уже нѣчто иное—право на сельско-хозяйственный трудъ... Таково одно изъ «естественныхъ ограниченій, вызываемыхъ особенностями дѣла»,—если выразиться словами г. Вихляева, который, къ слову сказать, въ своемъ проектѣ не только его не предусматриваетъ, но и къ самому принципу права на трудъ, какъ къ правообразующему началу въ аграрныхъ отношеніяхъ, относится отрицательно. Откуда взялось это ограниченіе въ законопроектѣ с.-р. мы уже знаемъ: авторы его признали въ концѣ-концовъ за коллективностью такія права,—какъ, напримѣръ, право обращать землю въ общественное пользованіе,—что волей-неволей имъ пришлось кое что урѣзать въ ея пользу изъ неотчуждаемыхъ правъ личности. Я упомянулъ объ одномъ ограниченіи, но ихъ имѣется или мыслится цѣлый рядъ. Достаточно сказать, что въ примѣчаніи къ приведенному мною пункту законопроекта говорится: «Особымъ закономъ устанавливается порядокъ отобранія надѣловъ или отказъ въ ихъ отведеніи въ случаяхъ, того требующихъ»... Это не вполнѣ ясно, но и за всѣмъ тѣмъ знаменательно..

Имѣются ограниченія и въ несравненно болѣе прямолинейномъ законопроектѣ 33-хъ. Такъ уже право на усадебныя земли въ немъ «разъяснено» такимъ примѣчаніемъ:

Усадебные участки по общей нормѣ и съ обложеніемъ общимъ налогомъ отводятся внѣ поселеній и при мелкихъ поселеніяхъ. Въ селеніяхъ же крупнаго размѣра, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ почему-либо земля особенно дорога, усадебные участки могутъ отводиться въ уменьшенномъ размѣрѣ, за увеличенную плату и вообще на особыхъ условіяхъ, устанавливаемыхъ земствами и городами.

Болѣе общее ограниченіе въ законопроектѣ предположено для промысловыхъ угодій.

Всѣ граждане и гражданки имѣютъ равныя права въ дѣлѣ распоряженія и пользованія всѣми богатствами, добываемыми изъ нѣдръ земли. *Примѣчаніе.* Народное правленіе и земство непосредственно завѣдуютъ важнѣйшими промыслами добывающей промышленности (каковы угольныя копи, руды, нефть, соль и т. п.). Менѣе значительные промыслы оставляются въ пользованіе отдѣльнымъ гражданамъ, общинамъ и товариществамъ на условіяхъ, устанавливаемыхъ народнымъ правленіемъ и земствами.

При всей своей прямолинейности авторы этого законопроекта, не рѣшились все-таки по отношенію къ данной части общенарод-

наго достоянія предоставить «всѣмъ гражданамъ и гражданкамъ» такое же право, какое они предоставили имъ по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ угодьямъ, а именно право требовать себѣ выдѣла опредѣленной доли въ рудникѣ или копи. Совершенно очевидно вѣдь, что «особенности дѣла» этого не позволили бы.

По тѣмъ же, нужно думать, соображеніямъ авторы законопроекта, внесеннаго во вторую Думу, по отношенію къ нѣдрамъ и вообще промысловымъ угодьямъ предпочли сказать глухо:

> На основаніяхъ, однородныхъ съ изложенными въ § 8, устанавливаются правила частно-трудового пользованія нѣдрами, водами, лѣсами и другими промысловыми угодьями.

Только и всего: «однородныя правила»... Значитъ-ли это, что каждый гражданинъ имѣетъ неотъемлемое право на кусочекъ копи или, по меньшей мѣрѣ, спеціальное право на трудъ въ копяхъ? Думаю, что, если бы авторамъ законопроекта пришлось раскрыть свою формулу, то сказать это они, вѣроятно, не рѣшились бы. «Особенности въ положеніи дѣла» этого не позволили бы... Даже по отношенію къ усадебнымъ землямъ ихъ законопроектъ не предоставляетъ права «каждому гражданину» требовать выдѣла себѣ участка въ натурѣ. Они предпочли прямо сказать:

> усадебные участки подъ всякаго рода постройки и сооруженія отводятся согласно съ правилами, устанавливаемыми государствомъ и органами мѣстнаго самоуправленія,

т. е., по просту говоря, признали за лучшее всю власть надъ этою землею сосредоточить въ рукахъ коллективности...

V.

Я отмѣтилъ нѣкоторыя «естественныя ограниченія» личнаго права на землю, которыя пришлось признать его сторонникамъ при первыхъ же попыткахъ отлить свою идею въ «конкретныя правовыя и хозяйственныя формы». Въ *настоящее время* неизбѣжность такихъ ограниченій достаточно очевидна. Я подчеркиваю «настоящее время»... Въ *прошломъ* они, можетъ быть, не были бы видны. Если бы передъ авторами законопроектовъ не было нынѣшнихъ громадныхъ городовъ съ чрезвычайно цѣнною землею, то, быть можетъ, они и признали бы за каждымъ гражданиномъ право повсемѣстно требовать себѣ усадебный участокъ. Точно такъже, если бы имъ не пришлось считаться съ горною промышленностью въ ея нынѣшнихъ формахъ, то, быть можетъ, они и нашли бы возможнымъ узаконить право поголовнаго надѣленія каменноугольными, рудными и другими подобными мѣсторожденіями: до сихъ поръ, вѣдь, въ нѣкоторыхъ общинахъ каменоломни, напримѣръ, дѣлятся по душамъ...

На смѣну захватному способу пользованія, какъ мы уже знаемъ, является при извѣстныхъ условіяхъ уравнительно-передѣльный. Изъ того, однако, что послѣдній имѣлъ или имѣетъ мѣсто въ жизни, нельзя сдѣлать заключеніе, что онъ является единственною формою равенства въ земельныхъ отношеніяхъ и что право коллективности на землю должно быть ограничено правомъ уравнительнаго передѣла. По отношенію къ ископаемымъ богатствамъ, къ усадебнымъ землямъ, къ лѣсамъ и водамъ необходимость расширить власть коллективности достаточно ясно видна уже въ настоящее время. Въ *будущемъ* же съ неменьшею очевидностью можетъ выясниться необходимость признать за нею въ интересахъ равенства неограниченное право на всю землю.

Слабая сторона отмѣченныхъ мною попытокъ указать конкретныя формы, въ какихъ должно и можетъ быть осуществлено равное право всѣхъ на землю, какъ я думаю, и состоитъ въ томъ, что авторы ихъ стремятся опредѣленную форму равенства, практикуемую при извѣстныхъ условіяхъ деревенскою общиною, распространить на всю страну, и наблюдаемыя при этой формѣ правовыя отношенія между личностью и коллективностью—признать на вѣки нерушимыми. Въ этомъ стремленіи они заходятъ не одинаково далеко. Дальше всѣхъ, быть можетъ, зашелъ г. Вихляевъ, который въ своемъ проектѣ *) даже не предусматриваетъ, что передъ нѣдрами и водами ему пришлось бы отступить со своей теоріей поголовнаго надѣленія; больше всего такихъ отступленій мы находимъ въ законопроектѣ с.-р., внесенномъ ими во вторую Думу; законопроектъ 33-хъ занимаетъ, можно сказать, среднее мѣсто. Но всѣ они въ большей или меньшей степени стремятся историческій фактъ возвести въ непреложный законъ.

Что «право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами», есть историческій фактъ, сторонники разсматриваемой мною теоріи, какъ я уже сказалъ, хорошо знаютъ. Возьмемъ хотя бы г. Вихляева. Желая объяснить происхожденіе этого права въ народныхъ воззрѣніяхъ, онъ ссылается на особенности русской исторіи. «Глубокое различіе,—говоритъ—онъ въ теченіи исторіи Западной и Восточной Европы не могло не провести столь же глубокаго различія въ воззрѣніяхъ на содержаніе имущественнаго права русскаго крестьянина и мелкаго поземельнаго собственника Западной Европы» *). Чтобы пояснить, въ чемъ заключалось это различіе, г. Вихляевъ приводитъ слова П. Н. Милюкова. «Тогда какъ на западѣ Европы,—говоритъ послѣдній,—уже со времени переселенія народовъ чуть не каждый клочокъ земли имѣетъ свою межу, своего владѣльца,—у насъ черезъ всю исторію

*) Этотъ проектъ въ болѣе подробномъ видѣ данъ П. А. Вихляевымъ въ брошюрѣ: „Аграрный вопросъ съ правой точки зрѣнія“.
**) П. Вихляевъ. „Право на землю“. Стр. 20—21.

красною нитью проходитъ процессъ разселенія жителей на пустыхъ и никому не принадлежащихъ пространствахъ» *). Съ своей стороны, г. Вихляевъ находитъ, что «главное содержаніе русской экономической исторіи составила исторія колонизаціи». Такимъ образомъ наличность въ государствѣ «ничьей» земли явилась однимъ изъ главныхъ факторовъ, способствовавшихъ возникновенію и благопріятствовавшихъ развитію въ народныхъ воззрѣніяхъ «права всякаго члена общины на землю».

Г. Вихляевъ указываетъ и другую особенность русской исторіи.

Право первой заимки и расчистки, содержащее въ себѣ зародышъ института частной поземельной собственности—говоритъ онъ,—не могло получить дальнѣйшаго развитія при московскомъ государственномъ укладѣ, экспропріировавшемъ по существу всѣ земли для испомѣщенія служилаго класса... Крѣпостное право также не могло воспитать въ закрѣпощенномъ населеніи представленіе о правѣ частной земельной собственности, и это населеніе скорѣе допускало право владѣльца на свою личность, чѣмъ на свою землю, формулируя свое міровоззрѣніе словами: „мы ваши, а земля наша". Историческая жизнь русскаго земледѣльческаго населенія сложилась такимъ образомъ что объектъ частно-правовыхъ отношеній,—земля, постоянно находилась въ самой тѣсной связи съ личностью крестьянина, служа орудіемъ къ его закрѣпощенію, и почти до самаго освобожденія крестьянъ земля вступала въ гражданскій оборотъ, продавалась, закладывалась и т. п. только вмѣстѣ съ находящимися на ней крестьянами **).

Таковъ этотъ второй факторъ. Г. Вихляевъ приписываетъ ему главнымъ образомъ отрицательную роль. «Естественно,—говоритъ онъ,—что при подобныхъ условіяхъ, гдѣ не было самостоятельнаго существованія самаго объекта права, не могло возникнуть въ представленіи населенія понятій, свойственныхъ частно-правовымъ земельнымъ отношеніямъ». Можно однако думать, что «московскій укладъ», превратившій землю «въ тотъ оборотный фондъ, при помощи котораго совершалось отправленіе государственныхъ функцій», сыгралъ и нѣкоторую положительную роль въ формированіи воззрѣній народа на землю: населеніе привыкло мыслить крестьянина не иначе, какъ съ землею. Такимъ образомъ право на поголовное надѣленіе—правильнѣе, можетъ быть, будетъ сказать: обязанность каждаго нести государственное тягло—до извѣстной степени можно разсматривать, какъ результатъ государственной политики. Нѣкоторые,—какъ, напримѣръ, покойный Чичеринъ въ свое время,—пытались объяснить послѣднею даже происхожденіе и всю исторію русской общины. Останавливаться на этой теоріи, давно опровергнутой, не стоитъ. Если г. Сергѣевичъ сдѣлалъ въ настоящее время попытку возродить ее, то, конечно, не въ силу новыхъ научныхъ соображеній, а въ виду потребности научно оправдать поземельную политику правительства. Но считаться съ указаннымъ факторомъ,

*) П. Н. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры". Ч. I стр. 54.

**) „Право на землю". Стр. 21, 22 и 23.

оказавшимъ, несомнѣнно, замѣтное вліяніе на правовыя воззрѣнія народа, конечно, нужно.

Отмѣчу, наконецъ, третью особенность, которую указываетъ г. Вихляевъ уже для пореформенной жизни. Земля осталась и остается главнымъ источникомъ существованія для громадной части русскаго народа.

Фабрично-заводскіе рабочіе съ постояннымъ цикломъ работъ,—говоритъ г. Вихляевъ,—составляютъ лишь небольшую долю общаго числа лицъ, живущихъ отъ заработной платы. Болѣе характернымъ для русскаго рабочаго класса является непостоянный, сезонный характеръ его промысловаго труда. Въ силу подобнаго условія, участники этой категоріи работъ не могутъ жить исключительно одной заработной платой. Работа въ теченіе полугода не можетъ, въ силу прочно установившихся законовъ экономическихъ явленій, дать содержаніе рабочей силы въ теченіе круглаго года. Эта невозможность существовать исключительно одной заработной платой для огромной категоріи промысловыхъ рабочихъ и представляетъ изъ себя могущественнѣйшій экономическій факторъ, прикрѣпляющій этихъ рабочихъ къ землѣ и къ земледѣльческому хозяйству. Но и тѣ изъ отхожихъ промышленниковъ, которые живутъ на сторонѣ круглый годъ, обнаруживаютъ тѣсную связь съ деревней. Масса населенія, заинтересованная въ земледѣльческихъ доходахъ и заработкахъ, не ограничивается однимъ постояннымъ населеніемъ деревень, а включаетъ въ свой составъ значительную долю постояннаго населенія городовъ *).

Всеобщая почти заинтересованность въ земледѣльческомъ хозяйствѣ—таковъ третій «могущественный факторъ», способствовавшій поддержанію мысли, что каждый гражданинъ долженъ имѣть свою долю въ землѣ.

Я постарался извлечь важнѣйшія мысли изъ не совсѣмъ стройнаго изложенія г. Вихляева относительно условій, способствовавшихъ возникновенію и благопріятствовавшихъ развитію въ народныхъ воззрѣніяхъ «осуществляемаго уравнительными передѣлами права всякаго члена общины на землю». (Я допускаю пока, какъ уже было оговорено мною, что наличность такого права въ народномъ сознаніи констатирована г. Вихляевымъ вполнѣ точно). Не трудно, мнѣ кажется, понять, что всѣ указанные имъ факторы имѣютъ преходящій характеръ. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы первый изъ нихъ—наличность въ государствѣ «пустыхъ, никому не принадлежащихъ пространствъ». Обстоятельство это, несомнѣнно, могло оказывать замѣтное вліяніе на правовыя воззрѣнія народа, поддерживая въ немъ мысль, что каждый желающій можетъ получить себѣ надѣлъ. Если представлять себѣ государство, какъ одну общину, то можно было бы, пожалуй, утверждать, что даже въ настоящее время все землепользованіе можно построить на заимочномъ правѣ, и что въ интересахъ равенства достаточно было бы предоставить каждому, какъ это было въ захватный періодъ, свободно занимать «ничью» землю. Вѣдь и теперь такая

*) Ibid. стр. 25.

земля въ государствѣ еще имѣется... Такъ далеко, однако, въ отстаиванiи личныхъ правъ на землю г. Вихляевъ не идетъ,—онъ признаетъ необходимость общественной власти, выражающейся уравнительными передѣлами. Въ захватный перiодъ вернуться онъ не расчитываетъ, но онъ думаетъ, что можно на-вѣки остаться въ уравнительно-передѣльномъ. Но, вѣдь, колонизацiонный процессъ когда-нибудь завершится. Не трудно представить себѣ время, когда «чуть не каждый кусочекъ земли будетъ имѣть свою межу, своего владѣльца». Сохранится ли тогда въ народномъ сознанiи мысль, что каждый желающiй можетъ получить свою долю земли въ натурѣ? Да и теперь, когда запасы «ничьей» земли еще имѣются, можно ли защищать равенство въ формѣ поголовнаго надѣленiя? Напомню упрекъ, брошенный по адресу «права на землю», понимаемаго въ этомъ смыслѣ, однимъ изъ к.-д. ораторовъ во второй Думѣ, который приравнялъ его къ праву получить кусочекъ тундры или тайги. Г. Мушенко отъ имени с.-р. попытался на него отвѣтить, но, по совѣсти говоря, отразить его оказался не въ силахъ. Осуществить равенство при помощи поголовнаго надѣленiя даже въ средѣ земледѣльческаго населенiя было бы трудно...

Возьмемъ другой факторъ—«московскiй укладъ». Про то, что онъ имѣетъ временный характеръ, говорить нечего. Любопытнѣе отмѣтить другое: въ своемъ конечномъ выводѣ г. Вихляевъ счелъ за лучшее устранить влiянiе этого фактора. Чтобы получить въ итогѣ своихъ изысканiй «право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами», онъ долженъ былъ, какъ мы видѣли, «отдѣлить отъ общины историческiя наслоенiя фискальнаго и административно-полицейскаго свойства». Это, конечно, и понятно: иначе, вѣдь, онъ получилъ бы, пожалуй, не «право на землю», а обязанность держать ее. Процвѣтанiю личныхъ правъ «московскiй укладъ», какъ извѣстно, отнюдь не содѣйствовалъ...

Возьмемъ, наконецъ, третiй факторъ—связь городского населенiя съ земледѣлiемъ. Считать это явленiе постояннымъ въ соцiальной жизни мы тоже не вправѣ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, исторiя шла въ томъ направленiи, что промысловое населенiе все больше отдѣлялось отъ земледѣльческаго, и этотъ процессъ дифференцiацiи настолько далеко подвинулся, что уже въ настоящее время значительная часть населенiя не можетъ удовлетвориться равенствомъ въ поземельныхъ отношенiяхъ, осуществляемымъ въ формѣ права на поголовное надѣленiе. Слишкомъ мало даетъ такое равенство тѣмъ, кто не хочетъ или не можетъ уже вернуться къ земледѣлiю. Теперь мы имѣемъ наглядное доказательство тому, какъ мало удовлетворяетъ промысловую часть населенiя равенство въ земельныхъ отношенiяхъ, даваемое нынѣшней общиной: первое мѣсто въ ряду укрѣпляющихъ надѣльную землю въ личную собственность, по идущимъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣ-

ніямъ, занимаютъ кресгьяне, ушедшіе отъ земледѣлія въ промыслы. «Право на землю», предлагаемое имъ современной общиной, они спѣшатъ обратить въ деньги. Г. Вихляевъ, повидимому, чувствуетъ, что проектируемое имъ равенство уже при настоящихъ условіяхъ оказывается не совсѣмъ равнымъ. И онъ спѣшитъ успокоить своихъ читателей увѣреніемъ, что благами его всѣ воспользуются.

Реальными выгодами, истекающими изъ установленія общегражданскихъ правъ на землю для преобладающей массы населенія страны,—говоритъ онъ,—воспользуется рефлекторно и неземледѣльческое меньшинство. Воспользуется тѣмъ, что рабочій рынокъ будетъ освобожденъ отъ притока деревенскихъ пауперовъ, сбивающихъ цѣну на трудъ и грозящихъ своей дезорганизованной массой силѣ сопротивленія и борьбы рабочаго класса за лучшее будущее. Воспользуется также и тѣмъ мощнымъ толчкомъ къ развитію индустріи, который будетъ данъ изъ деревни силою подъема ея благосостоянія... Но этого мало. Особенностью всякой субъективной публично-правовой нормы является то, что въ ней потенціально заложена возможность для всякаго гражданина осуществить свое право *)...

Не лишне будетъ напомнить, что сторонники личной земельной собственности предлагаютъ тѣмъ, кто не имѣетъ ея, также удовлетвориться «рефлекторными» и «потенціальными» благами, хотя и не вполнѣ совпадающими съ тѣми, какія указываетъ въ данномъ случаѣ г. Вихляевъ. Напоминая объ этомъ, я вовсе не хочу сказать, что считаю такія блага призрачными. Но нельзя проблему равенства,—а вѣдь мы ее обсуждаемъ,—ставить такъ, что одни будутъ пользоваться непосредственными благами, а другіе должны довольствоваться «рефлекторными». Достаточно удовлетворительно разрѣшить эту задачу въ дифференцированномъ уже обществѣ нельзя, исходя изъ личныхъ правъ на землю,—для этого послѣднюю нужно всецѣло подчинить общественной власти. Только коллективное право на землю можетъ быть при усложнившейся общественной организаціи равнымъ, и только такое право будетъ для всѣхъ реальнымъ, а не потенціальнымъ, какимъ неизбѣжно для многихъ должно остаться личное право.

Въ той же формѣ равенство, въ какой проектируетъ его г. Вихляевъ, можетъ быть достигнуто только въ деревенской общинѣ, гдѣ всѣ непосредственно и одинаково заинтересованы въ земледѣліи. Достигнуть же равенства по этой системѣ въ современномъ государствѣ можно было бы, пожалуй, не иначе, какъ воспользовавшись рецептомъ, какой предложилъ нѣкій г. Полтавскій, явившійся въ качествѣ представителя соціалъ-демократической партіи въ трудовую группу первой Государственной Думы, когда тамъ разрабатывался аграрный законопроектъ. Радѣя объ интересахъ пролетаріата, онъ предложилъ раздѣлить всю землю на равные «пайки» и предоставить по «пайку» каждому гражда-

*) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія". Стр. 61.

нину. Такимъ путемъ,—разъяснилъ онъ,—и пролетарій получитъ свою долю; обрабатывать землю послѣдній, конечно, не будетъ, но, вѣдь, онъ можетъ сдать ее въ аренду: нѣсколько рублей всетаки получитъ... Но идти такъ далеко во взятомъ имъ направленіи г. Вихляевъ, несомнѣнно, не хочетъ; не дойдя же до точки, до которой дошелъ г. Полтавскій, равенства въ земельныхъ отношеніяхъ, можно съ увѣренностью сказать, онъ не достигнетъ...

Мы разсмотрѣли условія, которыя способствовали, по мнѣнію г. Вихляева, возникновенію и развитію въ народномъ сознаніи «права на землю», какъ онъ его понимаетъ. Условія эти оказались временными, преходящими. Съ исчезновеніемъ ихъ,—а конецъ имъ уже близокъ,—въ народномъ правосознаніи могутъ произойти и въ дѣйствительности уже происходятъ существенныя измѣненія, въ результатѣ чего граница между личными и коллективными правами можетъ и, несомнѣнно, должна замѣтно передвинуться. Между тѣмъ г. Вихляевъ желаетъ утвердить эту границу въ качествѣ неподвижной и право на землю въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нашелъ ее въ современной общинѣ, сохранить навѣки.

Второй уже разъ я говорю: навѣки... Въ самомъ дѣлѣ: что такое представляютъ изъ себя «естественныя», «неотъемлемыя» права личности? Это именно права, которыя можно мыслить вѣчными, которыя должны и могутъ остаться, какъ бы ни мѣнялись историческія условія, какую бы форму ни получила общественная организація. Таковы, напримѣръ, права на свободу совѣсти, слова, собраній... Мы добиваемся ихъ въ современномъ государствѣ и не сомнѣваемся, что они сохранятся за каждой личностью въ соціалистическомъ строѣ. Мы не можемъ допустить даже мысли, чтобы какая-либо коллективность, хотя бы при самой демократической ея организаціи, распоряжалась тѣмъ, чему граждане должны вѣровать, въ какой формѣ они должны дѣлиться мыслями. Къ числу такихъ же «неотъемлемыхъ» правъ личности г. Вихляевъ относитъ и «право на землю», понимаемое въ смыслѣ права на опредѣленную часть ея въ натурѣ, или, по меньшей мѣрѣ, какъ допускаютъ другіе сторонники той же теоріи, на опредѣленную долю въ непосредственныхъ благахъ, какія можетъ доставить обладаніе ею. Если даже допустить, что такое право на землю дѣйствительно въ народномъ сознаніи существуетъ, то и въ такомъ случаѣ, какъ я думаю, нельзя признать его «неотъемлемымъ», нельзя даже мыслить его вѣчнымъ.

VI.

Существуетъ ли, однако, такое право? Точно ли сторонники личной теоріи констатировали факты? вѣрно ли они сдѣлали изъ нихъ выводы? Дѣйствительно ли право на землю, обусловливающее собою передѣлы земли въ современной общинѣ, понимается народомъ, какъ личное и притомъ неотъемлемое право?

Если взять уравнительно-передѣльную общину въ извѣстной стадіи ея развитія, откинуть осложняющіе моменты ея жизни, взять, такъ сказать, остовъ существующихъ въ ней правовыхъ отношеній, то, пожалуй, можно сдѣлать выводъ, что коллективная власть надъ землею ограничивается въ ней исключительно регулированіемъ личныхъ правъ ея членовъ. Въ прошлый разъ я уже говорилъ, когда и какъ проявляется эта власть. Въ составѣ общины появляются лица, которымъ не къ чему приложить свой трудъ или нечѣмъ кормиться,—тогда выступаетъ коллективность и, пользуясь принадлежащей ей властью, возстановляетъ права однихъ изъ членовъ, нарушенныя другими, т. е. производитъ передѣлъ. Возстановивъ равенство, коллективная власть надъ землею какъ бы замираетъ и въ общинной жизни наступаетъ періодъ господства индивидуальнаго права, каковой и длится до новаго передѣла. Такова схема взаимныхъ отношеній между личностью и коллективностью въ уравнительно-передѣльной общинѣ. Если взять эту схему и разсматривать ее, какъ законченный фактъ, внѣ связи съ осложняющими ее въ дѣйствительной жизни остатками прошлаго и зачатками будущаго, то можно, пожалуй, прійти къ выводу, къ которому вслѣдъ за г. Изгоевымъ пришелъ В. М. Черновъ, а именно, что «юридическимъ стержнемъ» общины является «правомочіе отдѣльнаго лица».

Право на землю со стороны общины—говоритъ въ цитированной уже мною статьѣ г. Черновъ—не есть первоначальное право, и права отдѣльныхъ членовъ на пользованіе не суть производныя, общиной дарованныя права. Скорѣе наоборотъ—права общины суть права производныя, ибо община есть лишь механизмъ, *регулирующій* осуществленіе всѣми ея членами, въ ряду поколѣній, своихъ индивидуальныхъ правъ на пользованіе землею. Рожденіе и трудъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю; и община, какъ цѣлое, при наличности этихъ основаній *не можетъ* отказать въ землѣ. Итакъ эти права суть первоначальныя и неотъемлемыя *).

«Скорѣе наоборотъ... итакъ эти права суть первоначальныя и неотъемлемыя»... Не черезчуръ ли это скорый способъ дѣлать выводы? Позволю себѣ вновь напомнить читателямъ, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ не о нравственномъ правѣ... Сознаніе, что всѣмъ нужно жить, что всѣмъ нужно кормиться и что нельзя ста-

*) В. Черновъ. Соціализація и община. „Народное Знамя“ 1907 г. № 1.

вить людей въ положеніе, когда имъ не къ чему приложить своихъ рукъ, несомнѣнно, присуще общинѣ и играетъ, какъ можно думать, видную роль въ ея жизни, въ томъ числѣ и въ передѣлахъ. Но не это имѣетъ въ виду В. М. Черновъ. Онъ говоритъ о «юридическомъ стержнѣ», о «правомочіи» отдѣльнаго лица, о правѣ, отказать въ удовлетвореніи котораго община «не можетъ». Въ этомъ смыслѣ его выводъ мнѣ и кажется черезъ-чуръ ужъ поспѣшнымъ и во всякомъ случаѣ не въ мѣру упрощеннымъ.

Напомню прежде всего, что правовыя отношенія въ земельной сферѣ, поскольку рѣчь идетъ о крестьянской массѣ, у насъ еще не доразвились до личныхъ правъ,—будутъ ли то права первоначальныя или производныя. Лицевые счета въ общинѣ, можно сказать, еще не заведены; она ведетъ ихъ не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлыми домохозяйствами. Лицо для нея не субъектъ права, а только аршинъ, которымъ она мѣряетъ права отдѣльныхъ домохозяевъ. И вотъ этотъ-то аршинъ, употребляемый общиной, какъ оказывается, бываетъ разный.

«Рожденіе и трудъ,—говоритъ В. М. Черновъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю»... Спрашивается: нужно-ли, чтобы въ наличности были оба эти основанія или достаточно одного изъ нихъ? Изъ приведеннаго мною мѣста статьи г. Чернова слѣдуетъ какъ будто, что нужны оба: «при наличности *этихъ* основаній община *не можетъ* отказать въ землѣ». А вотъ г. Вихляевъ полагаетъ, что достаточно одного изъ нихъ: въ основаніе «права на землю», по его мнѣнію, должно быть положено не «право на трудъ», а «право на существованіе». «Право на землю—говоритъ онъ—принадлежитъ всякой личности въ государствѣ безъ различія пола и возраста», и въ общинѣ разверстку по ѣдокамъ онъ считаетъ самою совершенною... Въ дѣйствительности же, какъ мы знаемъ, крестьяне дѣлятъ землю и по работникамъ, и по мужскимъ душамъ, и по душамъ обоего пола и просто по «семейству глядя», въ зависимости отъ того, какое основаніе представляется общинѣ при данныхъ условіяхъ наиболѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ.

«Рожденіе и трудъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю»... Но не только они одни. По крайней мѣрѣ, сама община при выборѣ основанія для разверстки чувствуетъ себя гораздо болѣе свободною. Позволю себѣ привести примѣръ, рискуя, что нѣкоторымъ изъ читателей онъ покажется, быть можетъ, экстравагантнымъ. Въ одномъ изъ только что полученныхъ мною писемъ, посвященныхъ происходящей теперь въ крестьянствѣ борьбѣ изъ-за укрѣпленія надѣльной земли въ личную собственность, между прочимъ говорится:

Все остальное крестьянство не допускаетъ и мысли укрѣпить или выдѣлить кому либо надѣльную землю въ личную собственность. Крестьяне про законъ имѣютъ плохое понятіе, все разбираютъ по своему: дескать земля

мірская и принудить общество противъ его желанія никто не имѣетъ права. Только міръ, кому захочетъ, можетъ дать землю; будь у общества общественный быкъ, общество можетъ дать и этому быку надѣлъ..

Знакомые съ общинными порядками поймутъ, что это не для краснаго только словца говорится. Не рѣдкость, вѣдь, что надѣлъ быку дѣйствительно дается. Міръ такъ и понимаетъ свои права: «кому захочетъ, можетъ дать землю». Захочетъ—и, при разверсткѣ по работникамъ или по мужскимъ душамъ, дастъ надѣлъ старухѣ, «чтобы было чѣмъ кормиться» или вырѣжетъ лишнюю душу многосемейному «на бабъ» или «на малолѣтковъ».

По крайней мѣрѣ, такъ было до закона о передѣлахъ. Послѣдній лишилъ права общину допускать при передѣлѣ какія либо отступленія отъ общаго основанія, принятаго для разверстки. Такимъ путемъ правительство желало оградить права отдѣльныхъ домохозяевъ отъ произвола міра. Я не вхожу здѣсь въ оцѣнку необходимости такого ограниченія въ интересахъ равенства, а такъ же и того, насколько можно считать нормальнымъ, что земля служитъ средствомъ для общественной благотворительности. Для меня важно уяснить лишь, какъ самъ міръ понимаетъ свои права. И законъ о передѣлахъ я напомнилъ для того лишь, чтобы оттѣнить, что ограниченіе этихъ правъ пришло въ данномъ случаѣ со стороны государства, а не со стороны личности.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что «основаніе для пріобрѣтенія права на землю»—не есть что-либо напередъ данное, неизмѣнное. Оно свободно выбирается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ коллективностью. Теперь спрашивается: чьи права слѣдуетъ считать первоначальными и чьи производными? Слѣдуетъ ли считатать первоначальнымъ право общины, которая выбираетъ основаніе для разверстки, или же право отдѣльнаго лица, которое на этомъ, не имъ выбранномъ, основаніи можетъ предъявлять свои притязанія къ общинѣ? Можно ли личное право, основаніе для котораго дается общиной, считать неотъемлемымъ? И можно ли, наконецъ «юридическимъ стержнемъ» считать правомочіе отдѣльнаго лица, если имѣются основанія думать, что носителемъ права—даже производнаго права—въ общинѣ до сихъ поръ является дворъ, хотя и маленькая коллективность, а не отдѣльная личность? Увѣренъ, что отвѣтить на эти вопросы читатели не затруднятся.

Чтобы лучше уяснить взаимныя отношенія личнаго и коллективнаго права на землю въ общинѣ, считаю не лишнимъ остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ.

Община,—какъ коллективъ, поддерживающій на опредѣленной сельскохозяйственной территоріи въ ряду поколѣній равное право каждаго изъ своихъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ членовъ на пользованіе землею—это такое своеобразное явленіе,—говоритъ В. М. Черновъ,—которое не подходитъ ни подъ одно изъ опредѣленій Х-го тома. Пресловутый Х-й томъ знаетъ право собственности юридическаго лица; но это право такъ рѣзко отдѣлено отъ

правъ пользованія отдѣльныхъ членовъ, что ему совершенно противорѣчитъ признаваемое и закономъ, и обычаемъ неотъемлемое право каждаго общинника требовать выдѣла себѣ доли въ пользованіе на равныхъ основаніяхъ съ другими *).

«Приравниваніе общиннаго землепользованія къ собственности на землю общины, какъ юридическаго лица» дѣйствительно было бы «грубою ошибкою». Но г. Черновъ идетъ въ данномъ случаѣ гораздо дальше. Надо сказать, что онъ относится въ высшей степени отрицательно къ «теоріи юридическаго лица», которая, по его мнѣнію, «имѣетъ совершенно опредѣленное предназначеніе: именно, ассимилировать общественную собственность, подчинивъ ее законамъ буржуазныхъ правовыхъ понятій» **). Въ этомъ опасеніи онъ заходитъ такъ далеко, что какъ будто даже забываетъ, что главная опасность, какая угрожаетъ общинѣ это то, что ея земля обратится въ «общую собственность», какъ понимаетъ послѣднюю X-й томъ, а не то, что она сдѣлается собственностью юридическаго лица, т. е. собственностью общественной. Въ связи съ этимъ представляется крайне характернымъ, что главное отличіе общиннаго землевладѣнія отъ собственности юридическаго лица г. Черновъ видитъ въ «признаваемомъ и закономъ, и обычаемъ неотъемлемомъ правѣ каждаго общинника требовать выдѣла себѣ доли въ пользованіе на равныхъ основаніяхъ съ другими». Такимъ образомъ власть коллективности оказывается ограниченной «неотъемлемымъ» правомъ личности, уже съ другой стороны: не въ основаніяхъ разверстки, о чемъ была рѣчь выше, а въ формахъ землепользованія. Выходитъ какъ будто такъ: каковы бы ни были основанія, но выдѣлъ, разъ этого требуетъ членъ общины, для послѣдней обязателенъ. Въ словахъ г. Чернова чувствуется въ данномъ случаѣ, какъ и вообще когда онъ подходитъ къ этому вопросу, нѣкоторая неясность: въ сущности неизвѣстно, на чемъ онъ ставитъ удареніе—на выдѣлѣ ли, или на равенствѣ. Приходится думать, что на выдѣлѣ, такъ какъ пользоваться и распоряжаться «на равныхъ основаніяхъ» можно и собственностью юридическаго лица, т. е. когда вся власть надъ вещью сосредоточивается въ рукахъ коллективности. Во всякомъ случаѣ г. Вихляевъ, какъ мы уже знаемъ, неотъемлемымъ правомъ считаетъ право выдѣла,—иначе, вѣдь, онъ и не могъ бы прійти къ своей теоріи поголовнаго надѣленія.

Дѣйствительно ли, однако, личность въ современной общинѣ имѣетъ это неотъемлемое право? Мнѣ кажется, достаточно будетъ напомнить немногіе факты, чтобы читатели усумнились въ наличности такого права. Прежде всего укажу на то, что община нерѣдко распоряжается своей землей, какъ «юридическое лицо»:

*) „Народное Знамя“, 1907 г. № 1.
**) „Народный Вѣстникъ“, 1906 г. № 2.

сдаетъ ту или иную ея часть въ аренду, обращаетъ на удовлетвореніе общественной надобности, и даже просто-на-просто «пропиваетъ» на сходѣ... И какія бы ни предъявлялись возраженія противъ того или другого изъ такихъ распоряженій съ точки зрѣнія цѣлесообразности, въ правомѣрности ихъ никто обыкновенно не сомнѣвается. Изъ этого, казалось бы, слѣдуетъ, что права юридическаго лица надъ своею землею община имѣетъ,—и только, быть можетъ, не всегда ими пользуется.

Съ другой стороны, дѣлежъ или равныя доли въ пользованіи являются далеко не единственно формою равенства въ тѣхъ случаяхъ, когда община свое коллективное право дробитъ на права отдѣльныхъ домохозяевъ. Вообще общинные порядки очень разнообразны,—въ нихъ много, какъ я уже сказалъ, остатковъ стараго и зачатковъ новаго. Въ частности усадебныя, напримѣръ, земли давно уже во многихъ общинахъ не подвергаются передѣламъ. Въ однѣхъ общинахъ перевѣсъ взяло индивидуальное право, нашедшее себѣ въ этомъ случаѣ особенно сильную поддержку въ писаномъ законѣ: усадьбы здѣсь находятся въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи, сохраняя нерѣдко тѣ самые размѣры, въ какихъ онѣ опредѣлились въ періодъ захватнаго права. Въ другихъ общинахъ по отношенію къ усадебнымъ землямъ практикуются иные способы равненія—напримѣръ, путемъ обложенія излишковъ,—что объясняется, конечно, «особенностями въ положеніи дѣла». Эти «особенности» извѣстны и авторамъ отмѣченныхъ выше законопроектовъ, допустившимъ, какъ мы видѣли, по отношенію къ усадебнымъ землямъ отступленія отъ общаго порядка. Вообще въ формахъ уравненія, какія практикуетъ община, такъ же какъ и въ основаніяхъ разверстки, нѣтъ ничего напередъ даннаго, навсегда неизмѣннаго. При выборѣ этихъ формъ общинѣ приходится сообразоваться съ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, и—кто знаетъ?—отъ умѣнья общины приспособить ихъ къ окружающимъ условіямъ зависѣло, быть можетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сохранилось ли общинное право или окончательно уступило мѣсто личному началу.

Не случайно для послѣдняго примѣра я взялъ усадебныя земли. У меня вовсе нѣтъ желанія перегибать палку въ другую сторону. Я думаю, что коллективное право на землю есть первоначальное, а личное право—производное, но это не значитъ еще, что послѣднее не имѣетъ, или, по крайней мѣрѣ, не стремится пріобрѣсти самостоятельное существованіе. Въ прошлый разъ мнѣ пришлось уже говорить, что уравнительно-передѣльный періодъ землепользованія характеризуется борьбою двухъ правовыхъ началъ: индивидуальнаго и коллективнаго. Возникнувъ въ захватный періодъ, индивидуальное право на землю стремится все время укрѣпиться и перейти въ концѣ концовъ въ личную собственность. Коллективное право, періодически возрождаясь, уничтожаетъ его съ корнемъ,

но каждый передѣлъ даетъ новое личное право—несомнѣнно, производное,—но которое немедленно начинаетъ пускать корни, стремясь пріобрѣсти самостоятельное существованіе и даже вовсе заглушить коллективное право.

И надо сказать, что въ этой борьбѣ двухъ началъ побѣда далеко не всегда остается на сторонѣ коллективности. Такъ, по отношенію къ значительной части усадебныхъ земель община почти вовсе утратила свое право, и возстановить его безъ поддержки извнѣ едва-ли ей уже удастся. Во многихъ случаяхъ права ея и по отношенію къ другимъ землямъ представляются уже сомнительными.

Крайне характерно, что, чувствуя свое безсиліе справиться съ индивидуальнымъ правомъ, община пытается иногда отъ него какъ бы отмежеваться,—сохранить хотя бы часть земли подъ своею нераздѣльною властью. Въ качествѣ примѣра укажу на владѣніе «мірскими душами» (выморочными) въ тѣхъ случаяхъ, «когда община не рѣшается ни отдать поступившую въ ея распоряженіе землю отдѣльнымъ хозяйствамъ, ни раздѣлить между всѣми».

Если земля оставляется за общиной, то послѣдняя пользуется одинаковымъ съ отдѣльными хозяйствами правомъ па опредѣленную долю во всѣхъ надѣльныхъ угодьяхъ. Такимъ образомъ она пріобрѣтаетъ новое право на часть надѣльной земли, болѣе полное и отличное отъ того, какое она имѣетъ по отношенію ко всей землѣ. Принадлежащею ей на этомъ основаніи частью надѣльной земли она можетъ распоряжаться такъ же, какъ и отдѣльный дворъ и во всякомъ случаѣ болѣе свободно (не опасаясь ссылокъ на выкупъ, удобреніе и т. д.), чѣмъ тою частью общинной земли, которая распредѣлена по отдѣльнымъ дворамъ. Такимъ образомъ на ряду съ общиннымъ въ значительной мѣрѣ условнымъ землевладѣніемъ, возникаетъ новое, спеціально-общинное владѣніе. Это новое общинное владѣніе возникаетъ и развивается на развалинахъ прежняго. Чѣмъ болѣе населеніе дорожитъ землею, чѣмъ рѣже въ немъ частные переходы земли, чѣмъ менѣе вѣроятна возможность общаго передѣла, тѣмъ менѣе охотно община разстается съ поступающею въ ея распоряженіе землею и тѣмъ чаще оставляетъ ее за собою *).

Только въ такой «новой общинѣ», какъ она названа въ цитированномъ сборникѣ, коллективное право на землю можно считать достаточно хорошо защищеннымъ въ борьбѣ съ личнымъ началомъ. Всматриваясь въ эту форму землевладѣнія, не трудно, какъ мнѣ кажется, убѣдиться, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ общинной уже, а съ общественной собственностью или «собственностью юридическаго лица», что не предрѣшаетъ, однако, какъ думаетъ В. М. Черновъ, буржуазнаго характера возникающихъ при этомъ правовыхъ отношеній. По крайней мѣрѣ, при эксплоатаціи «мірскихъ душъ», оставляемыхъ за общиной, послѣдняя нерѣдко «преслѣдуетъ, какъ говорится въ сборникѣ, цѣли, вполнѣ однородныя съ цѣлями общихъ и частныхъ передѣловъ»...

---

*) Статистическое описаніе Калужской губерніи. Т. I. Козельскій уѣздъ. Вып. II, стр. 53.

По отношенію къ остальной землѣ, гдѣ преобладающее значеніе получило индивидуальное право, такія цѣли даже не ставятся.

Рѣзкій разрывъ коллективнаго права съ личнымъ, вродѣ только что мною указаннаго, встрѣчается сравнительно рѣдко, въ видѣ исключенія, но и за всѣмъ тѣмъ подобные случаи, какъ мнѣ кажется, очень характерны: они съ полною наглядностью вскрываютъ не только наличность двухъ борющихся въ общинѣ началъ, но и то, куда стремится отклонить линію правового развитія каждое изъ нихъ: побѣда индивидуальнаго начала ведетъ къ водворенію личной собственности на землю, побѣда коллективнаго—къ установленію собственности общественной.

VII.

Мы должны заглянуть и въ будущее. Въ интересующемъ насъ вопросѣ имѣетъ значеніе не только исторія, но и логика. Важно не только прошлое народнаго правосознанія и современное его состояніе, но и то, въ какомъ вообще направленіи должна идти линія правового развитія въ земельныхъ отношеніяхъ.

Вдумаемся нѣсколько въ проблему, которою мы въ настоящій разъ заняты. Всѣ люди имѣютъ равное право на землю... Это значитъ, вѣдь, нѣчто большее, чѣмъ право на загонъ пашни или дѣлянку лѣса. Поэтому то я и предпочелъ въ своемъ мѣстѣ болѣе общую формулу: всѣ люди имѣютъ равное право на обладаніе міромъ *),—на обладаніе не только полями и лѣсами, нѣдрами и водами, но и всякою другою вещью въ мірѣ, не исключая... того пера, которымъ я сейчасъ пишу. Уже теперь не трудно предвидѣть, что интересующая насъ соціально-этическая заповѣдь получитъ въ концѣ концовъ такой именно всеохватывающій характеръ. Но ограничимъ пока предѣлы ея дѣйствія: исключимъ то, что создано трудомъ, и приложимъ ее только къ тому, что дано природой, къ ея силамъ и къ ея матеріаламъ. Часть ихъ заключена и въ моемъ перѣ... Но возьмемъ вещь, въ которую ничего не вложено человѣкомъ, и которая цѣликомъ дана природой: напримѣръ, дерево въ лѣсу. Всѣ люди имѣютъ на него одинаковое право, но воспользоваться имъ могутъ только нѣкоторые... Уже здѣсь возникаетъ ограниченіе личныхъ правъ на вещь, уже отсюда проистекаетъ необходимость коллективной надъ нею власти. Другими словами: по линіи личнаго права нельзя дойти до полнаго равенства, и если бы мы все-таки стали стремиться къ нему, то дошли бы въ концѣ концовъ до абсурда.

Въ формѣ личнаго права на вещь возможно лишь условное равенство, лишь нѣкоторое приближеніе къ нему. Такъ его обыкно-

*) „Програмные вопросы". Вып. I, стр. 13 и слѣд.

венно и мыслятъ, а именно въ видѣ доли въ вещи, равной съ другими. Но и дѣлежъ имѣетъ свой предѣлъ, за которымъ начинается распыленіе вещи, уменьшеніе и даже исчезновеніе полезныхъ свойствъ въ ней. Можно распылить и землю.

Говоря выше о проектахъ, въ основу которыхъ авторы ихъ пытались положить неотъемлемое право личности на землю, я не отмѣтилъ одно изъ самыхъ существенныхъ его ограниченій, каковое всѣ они признали нужнымъ допустить. Правда, ни въ одномъ изъ проектовъ оно прямо не выражено, но изъ всѣхъ нихъ несомнѣнно вытекаетъ. Всѣ они устанавливаютъ въ качествѣ минимальной «потребительную норму» надѣла. Даже П. Вихляевъ полагаетъ, что въ этомъ отношеніи нуженъ нѣкоторый предѣлъ, который долженъ «опредѣляться размѣрами и составомъ нормальнаго земледѣльческаго бюджета, главнымъ образомъ расходной его страницей» *). Въ расходную же страницу онъ вписываетъ: 1) нормальныя человѣческія потребности въ пищѣ, одеждѣ и теплѣ, опредѣленіе которыхъ должно составлять задачу гигіенистовъ; 2) подати и повинности, каковые, по его мнѣнію, могутъ быть сокращены до полнаго исчезновенія, и 3) расходы на хозяйственныя потребности, какъ «предохранительные», такъ и «мелiоративные» *). «Указанными расходами,—говоритъ г. Вихляевъ и должны опредѣляться размѣры того нормальнаго надѣла, на которое получаетъ право всякій русскій гражданинъ, желающій вести земледѣльческое хозяйство своимъ трудомъ». Въ общемъ также опредѣляютъ минимальную норму надѣла и законопроекты, внесенные въ первую и вторую Думы. Изъ этого слѣдуетъ, что авторы ихъ въ дѣлежѣ земли считаютъ возможнымъ идти лишь до извѣстнаго предѣла. При этомъ мыслимо, что по указаннымъ нормамъ земли на всѣхъ не хватитъ. «Всякій русскій гражданинъ» имѣетъ право на землю и можетъ ее требовать, но это еще не значитъ, что всякій ее получитъ. Г. Вихляевъ такъ и говоритъ: «это право возлагаетъ на государство обязанность удовлетворить эти требованія въ размѣрѣ имѣющихся средствъ—земли». Возможно, что съ недостаткомъ наличной земли считается и законопроектъ с.-р., предусматривающій «отказъ въ отведеніи надѣловъ въ случаяхъ, того требующихъ». Такъ или иначе, но нѣкоторымъ гражданамъ, если дѣлежу будетъ поставленъ предѣлъ, придется, быть можетъ, лишиться своего

*) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія". Стр. 49—50.

**) Подъ „предохранительными" расходами г. Вихляевъ разумѣетъ издержки на страхованіе; подъ „мелiоративными"—издержки на улучшеніе жилищныхъ условій, на расширеніе площади землепользованія, на пополненіе инвентаря и на удовлетвореніе культурныхъ духовныхъ потребностей. Что касается текущихъ хозяйственныхъ расходовъ, —напримѣръ, на содержаніе скота,—то они въ расходную страницу „нормальнаго земледѣльческаго бюджета" имъ не вписаны... Но это произошло, очевидно, по забывчивости.

неотъемлемаго права **)... Таково второе неизбѣжное ограниченіе личнаго права на вещь и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе коллективной надъ ней власти.

Поставивъ предѣлы дѣлежу и допустивъ такимъ образомъ ограниченіе личныхъ правъ на землю съ точки зрѣнія цѣлесообразности, приходится идти дальше. Если коллективность можетъ проявить свою власть, чтобы сохранить полезныя свойства вещи, то она можетъ то же сдѣлать и для того, чтобы эти свойства увеличить. Признаніе этого права за нею требуетъ та же проблема равенства: вѣдь всѣ люди, а не только тѣ, которымъ досталась земля, имѣютъ право на удовлетвореніе своихъ потребностей. Еще настойчивѣе, быть можетъ, требуетъ этого проблема свободы: не доказано, вѣдь, что подчинить своей власти міръ человѣкъ можетъ успѣшнѣе всего въ индивидуальной формѣ. Соціалисты думаютъ какъ разъ наоборотъ, а именно, что только при общественномъ хозяйствѣ господство человѣка надъ міромъ будетъ наиболѣе полнымъ. Считаясь, повидимому, съ этими соображеніями, законопроектъ с.-р. допускаетъ и еще одно логическое ограниченіе личнаго права на землю. Какъ уже мнѣ пришлось отмѣтить, онъ признаетъ за коллективностью право отбирать землю у отдѣльныхъ лицъ и обращать ее подъ общественное пользованіе, въ цѣляхъ, между прочимъ, «установленія болѣе цѣлесообразныхъ формъ хозяйства». Въ результатѣ онъ вынужденъ признать за каждымъ гражданиномъ право уже не на землю, не на вещь въ полномъ ея видѣ, а лишь на одно изъ свойствъ этой вещи,—право воспользоваться ею, какъ средствомъ производства, право «приложить свой трудъ къ землѣ».

Не трудно, однако, понять, что и въ этомъ, еще болѣе ограниченномъ видѣ, личное право на вещь—право на долю въ опредѣленномъ свойствѣ вещи—подлежитъ столь же существеннымъ ограниченіямъ, какъ и право на вещь въ полномъ ея видѣ. Можно ли въ самомъ дѣлѣ признать за человѣкомъ спеціальное «право приложить свой трудъ къ землѣ?» Если вступить на этотъ путь, то нужно идти дальше: нужно признать за каждымъ гражданиномъ спеціальное право пахать, сѣять, косить... Иначе право приложить свой трудъ къ землѣ немногаго стоитъ. Представьте, въ самомъ

---

*) Возможно, конечно, что въ Россіи земли по потребительной нормѣ на всѣхъ желающихъ еще хватитъ. Но насъ интересуютъ сейчасъ не историческія, а логическія ограниченія личнаго права на землю. Съ этой точки зрѣнія, не лишне отмѣтить, что авторы проектовъ дошли до необходимости ограничить дѣлежъ земли не индуктивнымъ, а дедуктивнымъ путемъ. Въ народномъ правосознаніи констатировать такое ограниченіе они не сумѣли бы: по крайней мѣрѣ, въ общинѣ „дѣлятъ землю лаптемъ поровну", хотя бы ея далеко до потребительной нормы не хватало. Я не останавливаюсь на тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ въ проектахъ принята именно эта норма. Для меня достаточно отмѣтить, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ логическое, а не историческое ограниченіе.

дѣлѣ, себѣ хотя бы такой случай. Гражданинъ желаетъ выйти въ степь широкую съ косой вострою. Ему уже «давно гулять по травѣ степной вдоль и поперекъ съ ней хотѣлося». И онъ уже предвкушаетъ удовольствіе:

Раззудись, плечо! размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня!

И вотъ «въ своемъ интересѣ онъ приводитъ въ движеніе правопорядокъ»: «обращается въ землеустроительныя учрежденія мѣстныхъ самоуправленій и государства...» А тѣ предлагаютъ ему «приложить свой трудъ къ землѣ» въ каменноугольной копи... Но нужно идти еще дальше: если признать за гражданиномъ спеціальное право приложить свой трудъ къ пашнѣ, къ лугу, къ лѣсу и къ нѣдрамъ, то нужно признать и право приложить свой трудъ къ станку опредѣленной конструкціи,—больше того: пользоваться даннымъ именно топоромъ, этой именно сохой?.. Можетъ ли быть такое право?

Такъ же невозможно было бы признать за гражданиномъ право на опредѣленную долю какого-либо иного свойства земли,—напримѣръ, право на опредѣленную долю въ продуктѣ, какъ склоненъ ставить этотъ вопросъ по отношенію къ матеріалу для построекъ, топливу и т. п. «Проектъ основного закона о землѣ», изд. Новожиловымъ. Вообще нельзя, какъ мнѣ кажется, признать за личностью права на опредѣленный трудъ или на опредѣленный продуктъ такъ же, какъ нельзя признать за коллективностью права принуждать къ опредѣленному труду или къ потребленію опредѣленнаго продукта. Задача примирить въ этомъ случаѣ интересы личности и коллективности, думается мнѣ, выходитъ изъ сферы права, не можетъ быть разрѣшена обязательными для той или другой стороны нормами. Оставаясь же въ правовой сферѣ, если и можно признать какое-либо право за той и другой стороной, то развѣ только право на трудъ вообще: государство можетъ требовать, чтобы гражданинъ трудился, гражданинъ можетъ требовать, чтобы ему была предоставлена для этого возможность. Но и то, нужно сказать, мы еще не знаемъ, можно ли это право выразить, имѣя въ виду современныя условія, въ какихъ-либо юридическихъ нормахъ.

Во всякомъ случаѣ установить эти нормы можетъ только коллективность, отъ нея должно зависѣть, какія права на вещь можетъ имѣть личность, ея право является первоначальнымъ, неотъемлемымъ. Личныя же права на вещь—будутъ производныя, «дарованныя»...

Къ тому же выводу мы придемъ, если пойдемъ другимъ путемъ. Вернемся, въ самомъ дѣлѣ, къ тому пункту нашихъ разсужденій, гдѣ мы убѣдились, что всѣ люди получить долю въ землѣ не могутъ. Отъ кого зависитъ, какіе именно граждане изъ всѣхъ жела-

ющихъ могутъ ею воспользоваться? Зависитъ ли это всецѣло отъ общественной власти, или имѣются независимыя отъ нея личныя права, которыя ей нужно только санкціонировать?

Независимыхъ отъ общественной власти основаній для индивидуальнаго права на землю, если не считать такихъ, какъ пріобрѣтеніе силой или обманомъ, народное правосознаніе, какъ мы видѣли, знаетъ только два: право первой заимки и право затраченнаго труда. Оба они еще очень сильны въ народныхъ воззрѣніяхъ, и въ практическихъ задачахъ аграрной политики съ ними, и въ особенности со вторымъ изъ нихъ, несомнѣнно еще долго придется считаться. Но насъ сейчасъ интересуетъ не это,—не компромиссы, какіе могутъ встрѣтиться по дорогѣ, а цѣль, къ которой нужно стремиться.

Что касается права первой заимки, то конкурировать съ какимъ-либо другимъ основаніемъ для права оно, конечно, не можетъ. Обыкновенно оно заявляетъ о себѣ лишь тогда, когда нѣтъ въ наличности другихъ основаній. Въ общемъ право перваго можетъ играть въ современной жизни приблизительно ту же роль, что и жребій,—развѣ только немного больше. Даже въ періодъ своего господства оно должно было искать себѣ поддержку, какъ мы видѣли, въ правѣ труда, хотя тогда—по отношенію къ «ничьей» землѣ—оно, конечно, гораздо легче, чѣмъ теперь, могло явиться источникомъ абсолютнаго права. Въ настоящее время, по сравненію со всѣми другими основаніями, оно можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, и если я сказалъ, что съ нимъ въ практической политикѣ придется считаться, то, имѣя въ виду главнымъ образомъ такія изъ него послѣдствія, какъ преимущественное право на ту или иную землю мѣстнаго населенія передъ пришлымъ или сельскохозяйственнаго передъ промысловымъ.

Несравненно большее значеніе можетъ имѣть право труда. Народное правосознаніе до сихъ поръ склонно считать трудъ, если не единственнымъ, то главнымъ основаніемъ права на вещь, въ томъ числѣ и на землю. И сторонникамъ коллективной власти надъ нею труднѣе его оспаривать, чѣмъ какое-либо другое. Трудъ, какъ я уже указывалъ, атрибутъ личности, и продуктъ труда какъ бы непосредственно съ нею связанъ. Особенно живо эта связь чувствуется въ строѣ индивидуальнаго хозяйства. Поэтому-то личная собственность, основанная на трудѣ, большинству представляется вполнѣ правомѣрной. Но наука предъявляетъ, какъ извѣстно, «существенное возраженіе противъ теоріи, обосновывающей собственность на трудѣ, указывая неправильность лежащаго въ ея корнѣ индивидуалистическаго ученія о производствѣ, созданнаго школой физіократовъ и Ад. Смита».

Въ силу этого ученія—говоритъ г. Гамбаровъ—индивидуальный трудъ, поддержанный эвентуально капиталомъ, какъ продуктомъ прежняго труда и его сбереженій, обладаетъ производительною силою самъ по себѣ, т. е. не-

зависимо отъ общественныхъ и государственныхъ условій его примѣненія. Но теперь едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что, несмотря на всю силу инстинкта эгоизма въ человѣкѣ, склоняющаго его считать себя полнымъ хозяиномъ, какъ своихъ физическихъ и умственныхъ способностей, такъ и плодовъ своего труда,—соціальная жизнь становится всегда поперекъ этому притязанію и дѣлается участницей во всемъ, что каждый изъ насъ имѣетъ и дѣлаетъ. Прежде всего безъ соціальной или коллективной жизни не могли бы существовать и тѣ способности, которыми мы такъ справедливо гордимся. Предполагаемыя этой жизнью сношенія людей другъ съ другомъ необходимы для развитія ума и навыковъ, — въ свою очередь необходимыхъ для производства богатствъ. Если бы еще какая-нибудь цѣнность могла создаваться индивидуальнымъ трудомъ, то мы были бы вправѣ говорить о собственности, основанной на трудѣ. Въ этомъ случаѣ трудъ, безъ котораго не существовало бы цѣнности, служилъ бы дѣйствительнымъ основаніемъ для права на эту цѣнность. Но на дѣлѣ каждый индивидъ создаетъ только форму продукта, а не его матеріалъ, который доставляется природой. Сюда присоединяется въ качествѣ опредѣляющаго условія и участіе общества и всего человѣчества въ созданіи каждаго продукта, такъ что въ послѣднемъ анализѣ частная собственность, какъ и всякая другая, оказывается заключенной между двухъ полюсовъ, индивидуальнаго и соціальнаго. Каждый изъ насъ обремененъ уже при рожденіи тяжелыми обязанностями въ отношеніи къ другимъ, и въ обмѣнъ за все полученное отъ среды мы отдаемъ ей значительную часть своей энергіи и своего имущества. Говоря иначе, каждая собственность является отчасти индивидуальной, отчасти соціальной *).

Эта соціальная часть въ каждой вещи, созданной трудомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ общественныхъ отношеній и мѣнового хозяйства и даже только въ силу накопленія общечеловѣческой мысли и общечеловѣческаго опыта, все увеличивается, а индивидуальная—все уменьшается. Для массы, въ особенности крестьянской, живущей во многомъ традиціями натуральнаго хозяйства и работающей, главнымъ образомъ, въ мелкихъ индивидуальныхъ предпріятіяхъ, далеко еще неясно, что вещь въ значительной ея части является продуктомъ коллективнаго, а не индивидуальнаго труда. Поэтому-то въ народномъ сознаніи такъ прочно и стоитъ еще право послѣдняго. Можно, однако, думать, что если ни что иное, то развитіе мѣновыхъ отношеній и борьба интересовъ на рынкѣ, въ каковую все больше и больше втягивается крестьянство, заставитъ его убѣдиться въ томъ, что наука и теперь уже ясно видитъ. Во всякомъ случаѣ мы-то нисколько не сомнѣваемся въ тѣхъ перспективахъ, которыя насъ ждутъ. Мы-то увѣрены, что индивидуальное хозяйство уступитъ мѣсто коллективному. Право труда являвшееся до сихъ поръ единственнымъ справедливымъ основаніемъ для личнаго права на вещь, уже теперь является не менѣе серьезнымъ основаніемъ для права коллективности на нее, а въ будущемъ приведетъ, несомнѣнно, къ еще большему преобладанію и, можно думать, даже къ полному торжеству послѣдняго.

Что касается земли, то въ цѣнности ея уже въ настоящее

*) „Вещное право“. Лекціи Ю. С. Гамбарова. Стр. 154—156.

время затраты индивидуальнаго труда представляются совершенно ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что дано природой, что создано обезличеннымъ уже трудомъ предыдущихъ поколѣній и что привносится, наконецъ, современными общественными условіями. Поэтому и личное право на нее уже теперь сравнительно съ коллективнымъ является слишкомъ мало обоснованнымъ. Перевѣсъ послѣдняго достаточно ясно, какъ мы видѣли, признается и народнымъ правосознаніемъ. И если бы крестьянскую мысль заставить рѣшать вопросъ о правѣ на землю не въ тѣсныхъ предѣлахъ деревенской общины, а по отношенію ко всему государству, то, я думаю, можно не сомнѣваться, что она рѣшила бы его въ пользу коллективности. При всей силѣ трудового начала въ народномъ правосознаніи, въ сферѣ земельныхъ отношеній, какъ мнѣ кажется, возможно было бы ограничиться въ его пользу одной уступкой—вознагражденіемъ за неиспользованныя улучшенія.

Резюмируя вкратцѣ доводы, изложенные въ настоящей главѣ, я думаю мы вправѣ сказать: если не сознательныя усилія людей, то логика самой жизни приведетъ ихъ къ коллективной власти надъ вещью и прежде всего надъ землею; если бы люди въ своемъ стремленіи къ равенству и свободѣ, завязали себѣ глаза, то они ощупью пришли бы въ концѣ концовъ все-таки къ такому рѣшенію; и если бы съ личной власти надъ землею сняты были всѣ ограниченія,—а ихъ по отношенію къ частной собственности даже въ западно-европейскомъ законодательствѣ имѣется уже не мало *),—то и въ такомъ случаѣ борьба личныхъ правъ привела бы такъ или иначе къ торжеству коллективнаго начала.

*) Опредѣленія аграрнаго, горнаго, лѣсного и т. п. спеціальныхъ законодательствъ, прямо и глубоко ограничивающія распоряженія частной собственностью, представляютъ собою —говоритъ г. Гамбаровъ — ни что иное, какъ выраженіе общественной и коллективной собственности на тѣ же предметы, которые состоятъ въ частномъ обладаніи. Если законъ обязываетъ меня къ улучшенію культуры на моей землѣ, къ уходу за моими же виноградными лозами, пораженными филоксерой; если онъ не разрѣшаетъ мнѣ разработки руды, находящейся на моей землѣ иначе, какъ на особой концессіи, или даже поредаетъ, помимо меня, разработку этой руды другому лицу, не имѣющему отношенія къ моей собственности; если онъ, далѣе, запрещаетъ мнѣ рубку лѣса, растущаго въ моемъ имѣніи, или вынуждаетъ меня къ вступленію въ товарищества по сооруженію и содержанію плотинъ, шлюзовъ или по искусственному орошенію и осушенію полей и т. д., то во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ, за которымъ стоитъ, общество, предъявляетъ къ частной собственности свое право общественной собственности, пока не разрушающее, но вполнѣ способное, при наступленіи извѣстныхъ условій, и разрушить частную собственность. („Вещное право“, стр. 120—121).

VIII.

Насъ все время интересовала линія правового развитія, которая ведетъ къ равенству въ земельныхъ отношеніяхъ. Я отмѣтилъ довольно многіе ея пункты; и, мнѣ кажется, что она уже достаточно для насъ опредѣлилась. Попробуемъ обозначить ее схематическою чертою.

Въ прошлый разъ я отмѣтилъ двѣ наиболѣе характерныя, какъ мнѣ казалось, стадіи въ развитіи земельнаго права: захватный періодъ землепользованія и уравнительно-передѣльный. Можно сказать, что въ первомъ изъ нихъ равное право на землю осуществлялось въ нормахъ *личной свободы*, въ второмъ—для этого уже требовалось активное вмѣшательство *общественной власти*. Коллективное право на землю, возникшее вообще раньше индивидуальнаго, сохранялось, какъ можно думать, и въ первомъ періодѣ, но оставалось въ скрытомъ состояніи, проявляясь лишь въ отстаиваніи общими силами земли отъ внѣшнихъ посягательствъ. Моментъ для перехода его изъ пассивнаго въ активное состояніе насталъ, когда запасы «ничьей» земли, земли безъ людей, если можно такъ выразиться, изсякли. Но роль коллективной власти въ этомъ второмъ періодѣ ограничивалась сравнительно тѣсными предѣлами; равенство могло осуществляться путемъ дѣлежа самой земли и каждый такимъ путемъ получалъ свою долю въ благахъ, проистекающихъ отъ обладанія ею. Въ той же формѣ равенство можетъ, пожалуй, осуществляться и теперь, но только въ тѣсной деревенской общинѣ, всѣ члены которой непосредственно заинтересованы въ земледѣліи. Если же взять современное дифференцированное государство, то осуществить въ немъ равное право всѣхъ на землю такимъ же путемъ—предоставленіемъ каждому права на долю въ ней—уже немыслимо. Условія существенно измѣнились: не только изсякли запасы земли безъ людей, но и появились цѣлые классы людей безъ земли, которые не могутъ непосредственно изъ нея извлечь свою долю въ доставляемыхъ ею благахъ. Достаточно этого одного, чтобы признать равенство неосуществимымъ въ той формѣ, въ какой его практиковала и практикуетъ уравнительно-передѣльная община. Нельзя достигнуть его и возвратомъ къ личной свободѣ въ земельныхъ отношеніяхъ; нужно идти дальше—къ усиленію въ нихъ коллективной власти. Коллективное право на землю, которое достаточно полно и сильно въ народномъ сознаніи, должно усилить свою роль въ жизни. Мы попробовали эту черту, которую намѣтили для насъ факты, провѣрить другой, которую можно провести въ мысли, стремясь продлить таковую возможно дальше. Мы убѣдились, что она ведетъ въ томъ же направленіи—къ торжеству коллективнаго права.

Совпадаетъ ли эта черта съ общей линіей, которая ведетъ къ нашимъ идеаламъ? Не проводимъ ли мы ее какъ разъ въ обратномъ направленіи? Отъ свободы къ власти,—говоримъ мы,—нужно вести линію земельнаго права. Но вѣдь мы должны идти отъ власти къ свободѣ...

Обратимся,—говоритъ В. М. Черновъ,—къ нашему народному воззрѣнію. Крестьяне часто уподобляютъ предстоящій земельный переворотъ реформѣ 1861 года. Тогда,—говорятъ они,—люди были крѣпостными. Ими можно было торговать, дарить, мѣнять ихъ на собакъ. Они были собственностью. Въ 1861 году людей освободили. Но земля осталась въ „крѣпости". Ее, нашу общую мать-кормилицу, и теперь еще можно дѣлить, продавать, покупать; ею, нашею матерью, можно барышничать. Земля еще не освобождена отъ собственности. Это и должно произойти. Вслѣдъ за освобожденіемъ людей должно послѣдовать *освобожденіе земли* *).

Слова имѣютъ свое обаяніе, но я побоялся бы пользоваться имъ, и особенно побоялся бы въ данномъ случаѣ. Въ народной памяти, несомнѣнно, сохранились воспоминанія о томъ времени, когда земля была «ничья», оставалась внѣ правовой власти. Лозунгъ «освобожденіе земли» легко можетъ быть воспринятъ въ этомъ, именно, смыслѣ: какъ будто все дѣло заключается въ томъ, чтобы возвратиться въ первобытное, до-правовое состояніе. Но вѣдь не этого мы хотимъ. Стоящая передъ человѣчествомъ задача заключается не въ томъ, чтобы освободить землю, а въ томъ, чтобы всецѣло подчинить ее власти,—въ данномъ случаѣ правовой власти. И, лишь идя въ этомъ направленіи, мы можемъ прійти туда, куда стремимся,—къ *освобожденію человѣка*.

Человѣкъ и вещь должны размѣститься на разныхъ полюсахъ правовой оси. Въ томъ, чтобы достигнуть этого, заключается, быть можетъ, главная задача правового развитія. Было время, когда человѣкъ для человѣка былъ вещью,—такою же, какъ всѣ остальныя частицы природы,—съ тою лишь разницею, что онъ представлялся особенно привлекательной вещью, такъ какъ обладаніе имъ больше, чѣмъ что-либо другое, усиливало власть надъ остальнымъ міромъ. Людей, какъ и всякую другую вещь, продавали, дарили, мѣняли,—больше того: ихъ уничтожали, ихъ ѣли... Прошли многіе вѣка—цѣлыя тысячелѣтія—прежде, чѣмъ власть человѣка надъ человѣкомъ была ограничена, поставлена въ опредѣленныя правовыя рамки. Пришлось пережить періоды людоѣдства и рабства, феодализма и абсолютизма, прежде чѣмъ цѣль, къ которой нужно идти, передъ человѣчествомъ вырисовалась. На долю XVIII вѣка выпала заслуга ее обозначить. Теперь мы уже знаемъ къ чему нужно идти: право распоряженія человѣкомъ должно принадлежать ему самому; не только другой человѣкъ, но и коллективность не можетъ посягнуть на его личность. Человѣкъ долженъ

*) „Народный Вѣстникъ", 1906 г. № 2.

быть свободенъ. Такъ стоящая передъ человѣчествомъ задача была формулирована либерализмомъ.

Но либерализмъ къ числу неотъемлемыхъ правъ личности отнесъ и власть человѣка надъ вещью. Это была буржуазная свобода, и цѣну ея люди очень скоро узнали. Если прежде властью надъ человѣкомъ пользовались, чтобы получить власть надъ вещью, то теперь пользуются властью надъ вещью, чтобы получить власть надъ человѣкомъ. Чтобы довести до конца освобожденіе человѣка, нужно отнять у него власть надъ вещью. Значитъ ли это освободить вещь, сдѣлать ее «ничьею», оставить безъ «хозяина», предоставивъ каждому свободно ею пользоваться? Нѣтъ! это значитъ право распоряженія ею нужно предоставить коллективности. Такъ формулирована вторая половина стоящей передъ человѣчествомъ задачи соціализмомъ.

Я черчу схему и потому привожу ту и другую часть отвѣта въ самой упрощенной формѣ. Читатели знаютъ, что въ цѣломъ этотъ отвѣтъ сложнѣе и что въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ предусматриваетъ коллективную власть надъ человѣкомъ и личную власть надъ вещью. Мнѣ хочется отмѣтить лишь основные пункты, къ которымъ нужно стремиться въ томъ и другомъ направленіи,—въ отношеніяхъ къ человѣческой личности и въ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Но на одномъ осложненіи, способномъ, какъ мнѣ кажется, уяснить, гдѣ проходитъ водораздѣлъ между личнымъ и коллективнымъ правомъ остановиться все-таки нужно.

Либерализмъ въ буржуазномъ его истолкованіи въ число свободъ включаетъ свободу личнаго договора. Каждому предоставляется въ видѣ общаго правила обязываться свободно передъ другими всякаго рода дѣйствіями (за исключеніемъ безнравственныхъ и противныхъ государственному порядку и закону), при чемъ надъ обязывающимся этими дѣйствіями лицомъ тяготѣетъ и судебное принужденіе. Относясь отрицательно къ власти человѣка надъ человѣкомъ, либерализмъ тѣмъ не менѣе допускаетъ ее, по добровольному, такъ сказать, соглашенію, причемъ обезпечиваетъ ей коллективную санкцію. Соціализмъ допускаетъ, что отдѣльное лицо, по общему правилу, можетъ обязываться тѣми или другими дѣйствіями только въ отношеніи государства. Даже по добровольному соглашенію онъ не считаетъ возможнымъ разрѣшить человѣку власть надъ человѣкомъ.

Если принять эту поправку, то мы можемъ еще больше упростить данную выше схему. Мы можемъ сказать: полная свобода—личности, вся власть—коллективности. Таковы конечные пункты правового развитія. Только свобода неотъемлемо должна принадлежать гражданину, всѣ остальныя права, а стало быть и право на землю, онъ можетъ получить только отъ государства и не иначе

какъ въ публичной формѣ, т. е. какъ гражданинъ и ни на какомъ иномъ основанiи *).

Вся власть должна принадлежать коллективности. Этого, повидимому, и испугались товарищи по направленію, отправившіеся въ поиски за личнымъ правомъ на землю. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ В. М. Черновъ въ цитированной уже не разъ мною статьѣ:

Между собственникомъ и собственностью,—съ одной стороны, между собственностью и плодами собственности—съ другой, встаетъ государство Въ его пользу собственникъ вынужденъ поступаться все большей и большей частью своихъ прерогативъ. Какъ логическій конецъ этого процесса, теоретической мысли рисуется,—а извѣстнымъ общественнымъ теченіемъ и провозглашается въ видѣ лозунга—поглощеніе государствамъ и всѣхъ остальныхъ правъ, нынѣ еще не ускользнувшихъ изъ рукъ собственника. И вотъ здѣсь-то и встаетъ неожиданно, но со всею силою формально-логическаго вывода, тревожная мысль: не таится ли въ этой перспективѣ, нежданно-негаданно, воскресеніе—и даже болѣе того первое реальное воплощеніе абсолютнаго права „квиритской собственности"? Собственникъ не былъ до сихъ поръ тѣмъ „неограниченнымъ властелиномъ", который рисовался теоріей, потому что часть его правъ была экспропріирована государствомъ. Но теперь, послѣ того, какъ государство безъ остатка сосредоточило въ своихъ рукахъ *всѣ* права *всѣхъ* отдѣльныхъ собственниковъ, не стало ли оно, какъ юридическое лицо, „Единымъ Великимъ Квиритомъ" римскаго права, съ вѣчной, неограниченной, полной, всесторонней, и какъ тамъ еще ее называютъ, властью надъ землей? И тогда невольно охватываетъ жуткое чувство при мысли о „дестинатаріяхъ" поземельной политики этого новаго колосса римскаго,—такихъ маленькихъ, такихъ жалкихъ бѣднягахъ по сравненію съ нимъ, всевластнымъ и величественнымъ **).

Отсюда, повидимому, и явилось желаніе «освободить землю» и надѣлить «дестинатарія поземельной политики»—гражданина,—неотъемлемымъ правомъ на землю.

Проблема взаимныхъ отношеній между личностью и коллективностью представляется, какъ извѣстно, одной изъ труднѣйшихъ. Въ своей практической постановкѣ она не рѣдко является прямо тягостной. Слишкомъ несовершенны еще и коллективность, и личность. Достаточно сказать, что первую мы имѣемъ въ видѣ современнаго государства, вторую—въ видѣ «человѣка въ грязи и съ сумой». Это не мѣшаетъ, однако, мнѣ, проектируя будущее, видѣть ихъ гармонично сочетавшимися. Опасность, которой испугался В. М. Черновъ, не представляется мнѣ столь близкой и столь неотвратимой. Прежде, чѣмъ «Единый Великій Квиритъ» явится, маленькій и жалкій бѣдняга-гражданинъ, думаю я, еще выростетъ. Во всякомъ случаѣ предотвратить опасность, какою угрожаетъ коллизія между ними, можно только однимъ путемъ, сдѣлавъ гражданина свободнымъ и государство народнымъ. Это общая демо-

---

*) На этомъ послѣднемъ, очень важномъ, пунктѣ я сейчасъ не останавливаюсь, такъ какъ мнѣ пришлось уже его касаться въ прошлогодней статьѣ, посвященной законопроекту с.-р. („Р. Б". 1907 г. май).

**) „Народный Вѣстникъ", 1906 г. № 2.

кратическая проблема. Только вмѣстѣ съ нею можно рѣшать аграрный вопросъ и только вмѣстѣ съ нею его можно рѣшить. Не сразу, можетъ быть, но рѣшить можно.

Во всякомъ случаѣ какія бы трудности насъ ни ожидали на этомъ пути, и какія бы неудобства намъ ни пришлось перенести, это еще не резонъ, чтобы съ него сворачивать или даже дѣлать только видъ, что мы идемъ, куда-то въ сторону. Конечный пунктъ, куда мы идемъ, нужно обозначить совершенно точно. Мы идемъ къ коллективизму.

Земля и воля—такова обычная наша формула. Ее можно и нужно сдѣлать болѣе опредѣленной. Мы должны сказать: воля—гражданину, какъ личности, земля—народу, какъ коллективности.

А. Пѣшехоновъ.

Наброски современности.

XII.

Современная „децентрализація“

Русская государственная жизнь со дня на день пріобрѣтаетъ все болѣе рѣзкія, все болѣе опредѣленныя очертанія. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишь наиболѣе откровенные идеологи реакціи мечтали о водвореніи такого порядка, при которомъ вся дѣятельность государственныхъ учрежденій была бы сведена къ административной расправѣ и всѣмъ чинамъ мѣстной администраціи была бы предоставлена ничѣмъ не ограниченная власть надъ обывателемъ. Теперь, послѣ провозглашенія «незыблемыхъ основъ гражданской свободы», эти мечтанія получили практическое осуществленіе. Вся страна живетъ подъ бременемъ чрезвычайныхъ законовъ и исключительныхъ мѣропріятій и на всемъ ея протяженіи дѣйствуютъ администраторы, одаренные экстренными полномочіями и располагающіе всѣми видами власти, не исключая и власти законодательной. Въ окружающей насъ дѣйствительности почти полностью осуществился тотъ проектъ «децентрализаціи», который нѣкогда былъ вложенъ покойнымъ Салтыковымъ въ уста отставного корнета Петра Толстолобова. «Губернаторовъ—проектировалъ Петръ Толстолобовъ—назначать вездѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, яко знающихъ обстоятельства. Чинами при семъ не стѣсняться, хотя бы былъ и корнетъ, но надежнаго здоровья и опытенъ. По избраніи губернатора, немедленно онаго вооружить, освободивъ отъ

всякихъ рапортовъ, донесеній, а тѣмъ болѣе отъ совѣтовъ съ палатами и какими-либо присутствіями. Ежели невозможно предоставить губернатору издавать настоящіе законы, то предоставить издавать правила, и отнюдь не стѣснять его въ мѣропріятіяхъ къ искорененію зла. На каждыхъ пяти верстахъ поставить особаго дистанціоннаго начальника изъ знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ, котораго также вооружить, съ предоставленіемъ искоренять зло по обстоятельствамъ» («Дневникъ провинціала»). Кое-что изъ Толстолобовскаго проекта пока еще не вошло въ жизнь. Не вездѣ губернаторы назначены изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, не на каждыхъ пяти верстахъ поставлены «дистанціонные начальники». Но, за исключеніемъ этихъ и подобныхъ имъ деталей, «децентрализація», о которой мечталъ отставной корнетъ Толстолобовъ, цѣликомъ проведена въ современной намъ дѣйствительности. «Вооружены» губернаторы, «вооружены» и другіе представители власти на мѣстахъ, всѣмъ имъ предоставлено «искоренять зло», и всѣ они облечены полномочіями издавать, если не настоящіе законы, то «правила», дополняющія и замѣняющія собою законы. И такой порядокъ вещей далъ уже кой-какіе результаты, къ которымъ не безынтересно присмотрѣться поближе.

Мѣстныя власти не оставили втунѣ предоставленныхъ имъ полномочій, да не для того, конечно, и давались эти полномочія, чтобы оставлять ихъ втунѣ. Съ одной стороны, «искорененіе зла» находится въ полномъ разгарѣ. Съ другой—на голову русскаго обывателя за послѣднее время все въ большемъ и большемъ количествѣ сыплются замѣняющія законъ «правила», иначе именуемыя «обязательными постановленіями». Законодательное творчество мѣстныхъ администраторовъ получило чрезвычайно широкій размахъ, давая себя чувствовать всей странѣ и охватывая самыя различныя стороны ея жизни. И плоды этого законодательнаго творчества любопытны не только съ той точки зрѣнія, что въ нихъ находятъ себѣ, быть можетъ, наиболѣе яркое отраженіе основныя тенденціи правящихъ слоевъ въ переживаемый нами моментъ. Въ нихъ есть и другая, не менѣе поучительная сторона. Внимательно слѣдя за этимъ своеобразнымъ творчествомъ, возможно до нѣкоторой степени предугадать и неизбѣжныя послѣдствія развитія проникающихъ его тенденцій. Въ этихъ видахъ, пожалуй, не мѣшаетъ припомнить кой-какіе эпизоды изъ текущей жизни и вглядѣться въ эти эпизоды попристальнѣе.

Не такъ давно въ газетахъ были опубликованы два любопытные документа. Одинъ изъ нихъ содержитъ въ себѣ обращенный къ волостнымъ правленіямъ циркуляръ одного изъ земскихъ начальниковъ Ставропольской губерніи. «Поручаю волостному правленію—говорится въ этомъ циркулярѣ—принять энергичныя мѣры къ наибольшему поступленію заявленій отъ крестьянъ о выходѣ изъ общины, въ противномъ случаѣ старшина и писарь за без-

дѣйствіе будутъ привлечены къ отвѣтственности за неразъясненіе крестьянамъ закона» *). Другой изъ упомянутыхъ документовъ представляетъ собою обязательное постановленіе таврическаго губернатора. Согласно этому постановленію, въ предѣлахъ Таврической губерніи всякія дѣйствія, направленныя къ удержанію крестьянъ отъ свободнаго выхода изъ общины, будутъ караться въ административномъ порядкѣ штрафомъ до 500 р. или арестомъ до трехъ мѣсяцевъ **). Правительство, какъ извѣстно, въ настоящій моментъ озабочено разрушеніемъ общины и созданіемъ хуторского хозяйства, разсчитывая такимъ путемъ разслоить деревню и способствовать образованію въ ней «крѣпкаго крестьянства». Планамъ центральнаго правительства соотвѣтствуютъ и мѣропріятія провинціальныхъ администраторовъ. Надо думать, не только въ Ставропольской и Таврической губерніяхъ власти предписываютъ волостнымъ правленіямъ принимать энергичныя мѣры къ увеличенію числа случаевъ выдѣленія изъ общины и воспрещаютъ всякое противодѣйствіе такому выдѣленію. Другой вопросъ только, могутъ ли имѣть серьезный успѣхъ такіе черезчуръ ужъ примитивные пріемы воздѣйствія на крестьянство. И этотъ вопросъ представляется тѣмъ болѣе сложнымъ, что не менѣе энергичное воздѣйствіе на крестьянство мѣстные администраторы и законодатели оказываютъ и въ другихъ сферахъ его жизни.

Недавно одинъ изъ такихъ законодателей, генералъ-маіоръ Рудницкій, носящій титулъ «уполномоченнаго начальника войскъ городовъ Елисаветграда, Ананьева и Александріи съ ихъ уѣздами», издалъ слѣдующее распоряженіе: «изъ переписки, представленной мнѣ земскимъ начальникомъ 5-го участка александрійскаго уѣзда, усматриваю, что крестьянинъ деревни Ивановки Кондратъ Руденко упорно уклоняется отъ исполненія обязанностей очередного ночного караульнаго и до 14 марта сего года ни разу не отбывалъ своей очереди; кромѣ того Кондратъ Руденко вообще не подчиняется законнымъ требованіямъ властей и позволяетъ себѣ непочтительно и безъ должнаго уваженія относиться къ волостному старшинѣ и даже земскому начальнику, а потому постановилъ: подвергнуть виновнаго тюремному заключенію на три мѣсяца, считая срокъ со дня задержанія» ***). Этотъ документъ способенъ навести на поучительныя размышленія, особенно, если сопоставить его съ только что приведенными выше постановленіями другихъ губернскихъ законодателей. Я не стану, конечно, поднимать вопроса о томъ, насколько цѣлесообразно со стороны «уполномоченнаго начальника войскъ» интересоваться ночными караулами въ деревнѣ и степенью почтительности крестьянъ къ волостному стар-

*) „Кіевскія Вѣсти“, 3 апрѣля 1908 г.
**) „Рѣчь“, 10 апрѣля 1908.
***) „Голосъ Юга“. Цитирую по „Рѣчи“, 10 апрѣля 1908 г.

шинѣ и земскому начальнику. Поднимать такіе вопросы по нынѣшнему времени занятіе праздное. Равнымъ образомъ не стану я разбирать и другого вопроса, насколько забота о поддержаніи среди крестьянъ почтительности къ волостному старшинѣ совмѣстима съ заботою о созданіи «крѣпкаго крестьянства». Не стану я этого дѣлать по той простой причинѣ, что не очень вѣрю въ то, будто въ основѣ стремленія къ разрушенію общины лежитъ забота о созданіи «крѣпкаго крестьянства», а не стараніе посѣять междоусобіе въ рядахъ крестьянства и тѣмъ отвлечь его вниманіе отъ помѣщичьихъ земель. Но сопоставленіе приведенныхъ документовъ вызываетъ и еще одинъ вопросъ, гораздо болѣе простой и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неизбѣжный. Въ районѣ дѣйствій генералъ-маіора Рудницкаго выдѣленіе крестьянъ изъ общины, надо полагать, пропагандируется не менѣе энергично, чѣмъ въ Ставропольской и Таврической губерніяхъ. Съ другой стороны, въ этихъ послѣднихъ почтительность къ волостнымъ старшинамъ и земскимъ начальникамъ отъ крестьянъ требуется, конечно, не въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Александрійскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ пропаганду въ пользу разрушенія общины должны вести въ средѣ крестьянства тѣ самыя лица и учрежденія, по отношенію къ которымъ крестьяне обязываются теперь, подъ страхомъ немедленныхъ и тяжелыхъ каръ, проявлять особую почтительность. Возможно ли при такихъ условіяхъ разсчитывать на серьезный успѣхъ этой пропаганды и на большое довѣріе крестьянъ къ идеѣ «освобожденнаго» отъ общины «крѣпкаго крестьянства»? Достаточно, думается, лишь поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтъ на него получился самъ собою.

А между тѣмъ отъ крестьянъ, помимо почтительности, требуются и многочисленныя услуги болѣе реальнаго характера, въ томъ числѣ и услуги по части «искорененія зла», причемъ эти требованія въ свою очередь подкрѣпляются соотвѣтствующей законодательной дѣятельностью мѣстныхъ властей. Образцомъ такого рода дѣятельности можетъ служить хотя бы появившійся на дняхъ въ газетахъ циркуляръ начальника Радомскаго уѣзда къ войтамъ двухъ гминъ—Едлинска и Блотницы. «Объявить немедленно мѣстному населенію—предписывалъ упомянутый циркуляръ.—Вслѣдствіе убійства стражниковъ Алексѣева и Рѣшетки, по распоряженію высшаго начальства, подвергнуты аресту на три мѣсяца—1 человѣкъ, на два мѣсяца—11 человѣкъ, мѣсячному аресту—18 человѣкъ. Всѣ они, по отбытіи наказанія въ тюрьмѣ, будутъ высланы изъ предѣловъ края. Кромѣ того, проектируется наложить на гмины Едлинскъ и Блотницу штрафъ въ 6.000 руб. и взыскать эту сумму въ продолженіе недѣли. Не смотря на слѣдствіе, никто изъ жителей гмины и посада не хочетъ указать бандитовъ, убившихъ стражниковъ. Въ виду этого объявляю, что для блага жителей было бы желательно, чтобы немедленно письменно

или устно были названы имена убійцъ. Въ противномъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстно, кто убійцы,—всѣ базары и лавки будутъ закрыты и, если постановлено будетъ взыскать штрафъ въ 6.000 р. и сослать арестованныхъ, то это постановленіе не будетъ потомъ отмѣнено. Если же убійцы будутъ выданы, я постараюсь добиться смягченія какъ по отношенію къ судьбѣ арестованныхъ, такъ и по отношенію къ денежному штрафу» *). Какъ видно изъ этого документа, начальникъ Радомскаго уѣзда и его «высшее начальство» нашли возможнымъ и необходимымъ для даннаго опредѣленнаго случая издать особый законъ или, если угодно, особое «правило», въ силу котораго жители двухъ волостей, не пожелавшіе или не смогшіе оказать содѣйствіе власти въ дѣлѣ раскрытія преслѣдуемыхъ ею лицъ, за это преступленіе не только должны поплатиться денежными штрафами, тюрьмою и ссылкой, но и лишаются права покупать и продавать что-либо въ предѣлахъ своихъ поселеній на базарахъ и въ лавкахъ. Недостаткомъ энергіи, очевидно, мѣстные законодатели не страдаютъ и въ мѣрахъ къ искорененію зла стѣсненными себя не чувствуютъ.

Не меньшей энергіей проникнуты и другія дѣйствія мѣстныхъ властей, направленныя къ искорененію зла и къ внѣдренію въ умы населенія правильнаго образа мыслей. Такъ, напримѣръ, по всѣмъ станціямъ Сибирской желѣзной дороги, какъ сообщали въ прошломъ мѣсяцѣ газеты, ея начальникомъ была разослана телеграмма, содержавшая въ себѣ предписаніе, чтобы «обо всѣхъ получаемыхъ станціями грузахъ и товарахъ большой скорости, имѣющихъ наименованіе «печатныя произведенія» или «книги», немедленно сообщали жандармской полиціи и безъ разрѣшенія таковой не выдавали». Въ свою очередь начальникамъ жандармской полиціи было предписано, «по полученіи такихъ свѣдѣній отъ агента дороги, въ присутствіи получателя груза, вскрывать и провѣрять, дабы не было провоза нелегальной литературы» **). Не трудно представить себѣ, какъ должно отразиться такое распоряженіе на книжной торговлѣ, тѣмъ болѣе, что самое понятіе «нелегальной литературы» въ настоящее время поставлено въ полную зависимость отъ усмотрѣнія мѣстныхъ властей. На дняхъ лишь одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ воспретилъ продажу энциклопедическаго словаря Павленкова и распорядился конфисковать имѣющіеся въ обращеніи экземпляры его, мотивировавъ то и другое «вреднымъ направленіемъ» словаря ***) Если въ Одессѣ оказалось возможнымъ воспретить Павленковскій словарь, въ свое время разрѣшенный цензурой и послѣ того въ теченіе ряда лѣтъ невоз-

---

*) „Рѣчь", 12 апрѣля 1908 г.
**) „Кіевскія Вѣсти", 23 марта 1908 г.
***) „Рѣчь", 4 апрѣля 1908 г.

бранно продававшійся по всей Россіи, то въ другомъ городѣ или въ другой губерніи, въ зависимости отъ вкусовъ мѣстнаго законодателя, въ списки «нелегальной литературы» можетъ быть занесена любая другая книга. Конечно, этотъ порядокъ не представляетъ особенныхъ удобствъ ни для читающей публики, ни для книготорговцевъ, но такого рода соображенія, понятно, всего менѣе могутъ быть приняты во вниманіе искореняющими зло администраторами, стремящимися къ насажденію правильнаго образа мыслей.

Преслѣдуя эту цѣль, мѣстныя власти въ послѣднее время, между прочимъ, обратили свое вниманіе на среднія учебныя заведенія. Одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ, открывшій крамолу въ энциклопедическомъ словарѣ Павленкова и благополучно ее уничтожившій, однимъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на опасность, угрожающую государству отъ ненадлежащаго поведенія гимназистовъ и гимназистокъ на городскихъ улицахъ, и въ цѣляхъ борьбы съ такою опасностью издалъ особый приказъ. «Замѣчено мною,—говорилось въ этомъ приказѣ—что со стороны начальства учебныхъ заведеній почти нѣтъ наблюденій за поведеніемъ учениковъ и учениць внѣ школы. Были даже случаи, когда надзиратели, встрѣчая учениковъ, явно нарушающихъ мое постановленіе, относились къ этому совершенно безучастно или дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ, а нѣкоторые изъ нихъ, не желая обращать на себя вниманіе учащихся, ходятъ въ штатскомъ платьѣ и этимъ какъ бы слагаютъ съ себя обязанности по надзору. Прошу гг. педагоговъ и надзирателей всѣхъ учебныхъ заведеній съ большей строгостью относиться къ присмотру за воспитанниками и воспитанницами, посѣщающими театры, циркъ и другія мѣста увеселеній, а также гуляющими по улицамъ. Требую, чтобы всѣ гг. педагоги и надзиратели ходили, если не въ форменномъ платьѣ, то во всякомъ случаѣ въ форменной фуражкѣ. За неисполненіе изложенныхъ здѣсь и объявленныхъ ранѣе моихъ требованій буду вынужденъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ и по отношенію гг. педагоговъ и надзирателей» *). Одновременно съ г. Толмачевымъ къ тому же дѣлу водворенія порядка среди гимназистовъ и учителей приступилъ и екатеринодарскій генералъ-губернаторъ, ген. Бабичъ. Особымъ обязательнымъ постановленіемъ онъ воспретилъ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ куреніе, употребленіе спиртныхъ напитковъ, ношеніе неформеннаго платья, палокъ и тростей, неприличное поведеніе и брань на улицахъ, посѣщеніе маскарадныхъ и танцовальныхъ вечеровъ, трактировъ и т. д. Заявивъ, что большая доля отвѣтственности за поведеніе учащихся лежитъ на педагогахъ, г. Бабичъ счелъ нужнымъ предупредить послѣднихъ, что «при наложеніи частыхъ взысканій на учениковъ одного и

*) „Кіевскія Вѣсти“, 6 апрѣля 1908 г.

того же учебнаго заведенія» онъ сочтетъ «несоотвѣтствующимъ своему назначенію учительскій персоналъ» этого заведенія и будетъ «собственной властью увольнять виновныхъ». «Не извиняя въ дѣлѣ воспитанія—заканчивалъ г. Бабичъ свое «обязательное постановленіе»—учащихъ безвольныхъ, слабыхъ, тѣмъ болѣе—нерадивыхъ, я буду преслѣдовать всей силою предоставленной мнѣ власти тѣхъ, которые въ учебныхъ заведеніяхъ сознательно ведутъ пропаганду безвѣрія и антиправительственныхъ идей» *).

Куреніе и пропаганда безвѣрія, неформенное платье и антиправительственныя идеи—это конечно, нѣсколько неожиданно. Но въ сущности и вся дѣятельность ген. Бабича, какъ и весьма многихъ современныхъ администраторовъ, стоящихъ въ такомъ же положеніи, состоитъ изъ ряда подобныхъ неожиданностей. Такъ, напримѣръ, въ одинъ прекрасный день ген. Бабичу представилось, что въ видахъ водворенія большаго спокойствія въ г. Екатеринодарѣ его жителямъ не слѣдовало бы выходить на улицы послѣ 8 часовъ вечера. Немедленно же было издано соотвѣтствующее постановленіе, обязавшее даже тѣхъ обывателей, которымъ могъ бы понадобиться докторъ или акушеръ, приглашать ихъ къ себѣ заранѣе, до наступленія запретнаго срока выхода изъ домовъ. Правда, черезъ нѣкоторое время ген. Бабичъ, «снисходя къ просьбамъ мирнаго трудящагося люда», призналъ возможнымъ сократить «запретное время выхода на улицу» и замѣнилъ прежнее свое постановленіе новымъ: «безусловно воспрещается выходъ на улицы отъ 11 ч. вечера до 4 ч. утра». «Считаю долгомъ—писалъ онъ, однако, при этомъ въ новомъ своемъ постановленіи—предупредить жителей, что желательнаго успокоенія въ городѣ еще не наступило и сокращеніе запретнаго времени сдѣлано лишь для того, чтобы не тормозить трудовой торгово-промышленной жизни, почему, во избѣжаніе какихъ бы то ни было несчастныхъ случайностей, совѣтую безъ особой необходимости вечеромъ на улицы по-прежнему не выходить» **). Еще черезъ нѣкоторый срокъ «запретное время выхода на улицу» въ г. Екатеринодарѣ было окончательно отмѣнено, но за то одновременно съ этой отмѣной было опубликовано новое обязательное постановленіе начальника Кубанской области, воспретившее выходъ на улицу отъ 8 ч. вечера до 4 ч. утра жителямъ имѣнія барона Штейнгеля, Хуторка, и окрестностей этого имѣнія ***).

Таковы образцы административной дѣятельности, разыгрывающейся въ настоящій моментъ передъ глазами наблюдателя русской жизни. Число этихъ образцовъ можно было бы увеличить во много разъ, но и приведенные уже факты достаточно ярко обрисовыва-

*) „Кіевскія Вѣсти", 3 апр. 1908 г.
**) „Кіевскія Вѣсти", 12 апр. 1908 г.
***) „Рѣчь", 12 апр. 1908 г.

ютъ наиболѣе типичныя черты современнаго администратора. Въ фигурѣ этого администратора какъ нельзя болѣе цѣльно воплотилось то единство власти, о которомъ такъ давно и такъ упорно мечтали наиболѣе послѣдовательные реакціонеры. Полиція и судъ, школа и печать, городскія и сельскія улицы и внутренность обывательскихъ домовъ—все въ равной мѣрѣ подчинено этому администратору, во всѣхъ областяхъ онъ одинаково чувствуетъ себя хозяиномъ и не только распоряжается по всей своей волѣ, но и устанавливаетъ общіе порядки жизни, создаетъ для нея по своему вкусу тѣ или иныя законодательныя нормы. Въ каждой губерніи дѣйствуютъ, благодаря этому, свои порядки, въ каждой губерніи и каждомъ генералъ-губернаторствѣ существуютъ свои законы и количество этихъ мѣстныхъ законовъ, въ короткое время успѣвшее достигнуть громадныхъ размѣровъ, продолжаетъ быстро увеличиваться, захватывая самыя различныя сферы жизни. Но внѣшнее разнообразіе и быстрый количественный ростъ законодательной дѣятельности мѣстныхъ администраторовъ нисколько не мѣшаютъ ей оставаться въ существѣ своемъ чрезвычайно однообразной, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается способовъ осуществленія задачъ, поставленныхъ предъ собою законодателями. Разрушеніе общины и борьба съ терроромъ, истребленіе вольномыслія въ литературѣ и насажденіе почтительности къ властямъ въ крестьянствѣ, устройство ночныхъ карауловъ и водвореніе благонравія среди гимназистовъ—всѣ эти задачи въ генералъ-губернаторскомъ и губернаторскомъ законодательствѣ являются равноцѣнными, всѣ онѣ преслѣдуются съ одинаковой энергіей и осуществляются при помощи однихъ и тѣхъ же пріемовъ. Въ этомъ пестромъ и хаотическомъ потокѣ постановленій и правилъ, замѣняющихъ собою законы, возможно уловить только одну центральную идею, до нѣкоторой степени объединяющую отдѣльныя дѣйствія мѣстныхъ законодателей, и такой идеей является усмиреніе страны, возвращеніе ея путемъ откровеннаго и до послѣднихъ предѣловъ доведеннаго насилія къ изжитымъ формамъ существованія. Этой идеѣ приносится въ жертву все остальное, ради ея осуществленія установлена сама административная «децентрализація» и, когда того требуютъ интересы усмиренія, такая «децентрализація» принимаетъ еще болѣе чудовищный видъ, обращаясь въ право каждаго отдѣльнаго администратора, возведеннаго въ санъ правителя, распоряжаться по всей своей волѣ не только въ управляемой имъ области, но и далеко за ея предѣлами.

Не далѣе, какъ на-дняхъ, въ газетахъ была разсказана любопытная исторія въ этомъ родѣ. Одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ задумалъ назначить на должность одесскаго полиціймейстера капитана Ермолова, бывшаго передъ тѣмъ начальникомъ Озургетскаго уѣзда. Объ этомъ появилось сообщеніе въ одесскихъ газетахъ, причемъ по свѣдѣніямъ «изъ оффиціальнаго источника»

г. Ермоловъ рекомендовался какъ «неустрашимый и неутомимый борецъ противъ террористовъ». Издающаяся въ Кишиневѣ «Бессарабская Жизнь» перепечатала это сообщеніе, прибавивъ къ нему въ видѣ дополненія указъ кутаисскаго губернскаго правленія «по дѣлу объ обвиненіи озургетскаго уѣзднаго начальника Ермолова въ злоупотребленіяхъ по службѣ». Злоупотребленія эти, какъ видно изъ указа, состояли въ томъ, что капитанъ Ермоловъ приказалъ сжечь домъ одного частнаго лица и затѣмъ составилъ ложный протоколъ, будто «онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ этой чрезвычайной мѣрѣ въ виду оказаннаго скрывшимся въ домѣ злоумышленникомъ вооруженнаго сопротивленія чинамъ полиціи и опасенія взрыва находившихся якобы въ домѣ бомбъ», и въ томъ, что Ермоловъ, подъ угрозою штрафовъ, вымогалъ отъ сельскаго общества и отъ частныхъ лицъ деньги «на розыскъ преступниковъ», благодаря чему и получилъ возможность, по его собственнымъ словамъ, «швырять деньгами на площади». Въ виду этого кутаисское правленіе постановило «возбудить противъ озургетскаго уѣзднаго начальника капитана Ермолова уголовное преслѣдованіе по обвиненію его въ отдачѣ распоряженія о сожженіи дома Донадзе, въ помѣщеніи въ протоколѣ объ обстоятельствахъ сожженія упомянутаго дома ложныхъ свѣдѣній, въ неправильномъ распоряженіи о предъявленіи къ асканскому сельскому обществу требованія объ уплатѣ штрафа въ суммѣ 2.000 р. и въ связи съ симъ въ вымогательствѣ съ названнаго общества денегъ, каковыя и были получены въ суммѣ 1.000 р., и въ вымогательствѣ денегъ отъ Масико Ципаудзе Глахуна Берадзе, Артема Сепертеладзе, Безо и Миріана Тедорадзе и Таймураза Коландандзе».

Постановленіе кутаисскаго губернскаго правленія оказалось, однако, сопричисленнымъ къ «нелегальной литературѣ», а власть одесскаго генералъ-губернатора—распространяющейся и на Кишиневъ. Едва номеръ «Бессарабской Жизни» съ помѣщенными въ ней свѣдѣніями о капитанѣ Ермоловѣ успѣлъ дойти до Одессы, какъ ген. Толмачевымъ было отправлено въ Кишиневъ предписаніе произвести обыскъ въ редакціи «Бессарабской Жизни». Предписаніе это и было немедленно выполнено, причемъ производившій обыскъ жандармскій ротмистръ любезно предъявилъ редактору газеты, г. Захарову, копію постановленія ген. Толмачева. Въ этомъ постановленіи—разсказываетъ г. Захаровъ — «говорилось, что напечатанная въ № 83 «Бессарабской Жизни» статья «Одесскій Рокамболь» дискредитируетъ авторитетъ назначеннаго на должность одесскаго полиціймейстера капитана Ермолова, что опубликованный въ статьѣ документъ полученъ градоначальникомъ лишь четыре дня тому назадъ, что поэтому является подозрѣніе, будто копія документа передана мнѣ кѣмъ-либо изъ подчиненныхъ градоначальника, что для выясненія личности моего соучастника и выемки злополучной копіи необходимо произвести въ редакціи тща-

тельный обыскъ, что «по агентурнымъ свѣдѣніямъ» генералу извѣстно, будто у меня имѣются еще другія рукописи, касающіяся дѣятельности одесской администраціи, что, наконецъ, со мной поступятъ соотвѣтственно результатамъ обыска и прочее». «Результаты обыска» заставили ген. Толмачева заподозрить въ передачѣ непріятнаго документа въ редакцію «Бессарабской Жизни» помощника одесскаго полиціймейстера, г. Кисляковскаго. Тогда въ газетѣ «Русская Рѣчь», являющейся своего рода офиціозомъ ген. Толмачева, появилась замѣтка, направленная противъ Кисляковскаго. «Генералъ-губернаторомъ — разсказывалось въ этой замѣткѣ—былъ намѣченъ на постъ полиціймейстера г. Одессы капитанъ Ермоловъ, какъ человѣкъ испытанной честности и преданности долгу, обладающій всѣми качествами, необходимыми стоящему на такомъ отвѣтственномъ посту въ нынѣшнее тяжелое время. Кисляковскій же разсчитывалъ, очевидно, получить это назначеніе самъ. Поэтому, лишь только у него очутились бумаги, въ которыхъ содержались очень неопредѣленныя и неясныя обвиненія противъ Ермолова, Кисляковскій, совершенно не заботясь о достовѣрности этихъ свѣдѣній и пользуясь возможностью подорвать кредитъ новаго кандидата, при посредствѣ сотрудника «Одесскихъ Новостей» отправилъ копіи бумагъ въ редакцію «Бессарабской Жизни», при чемъ были приняты мѣры къ возможно широкому распространенію этой газеты въ г. Одессѣ». Одновременно съ появленіемъ этой замѣтки Кисляковскій былъ уволенъ отъ должности и въ генералъ-губернаторскомъ приказѣ было опубликовано изложеніе причинъ такого увольненія. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней эта кара была смягчена и Кисляковскій, вмѣсто отставки, получилъ двухмѣсячный отпускъ по болѣзни *).

Козни противниковъ капитана Ермолова были во всякомъ случаѣ раскрыты путемъ весьма рѣшительныхъ пріемовъ. И на ряду съ рѣшительностью этихъ пріемовъ не представляется уже чѣмъ-либо экстраординарнымъ ни то обстоятельство, что предъявленныя кутаисскимъ губернскимъ правленіемъ къ бывшему уѣздному начальнику обвиненія въ превышеніи власти, составленіи ложныхъ бумагъ и вымогательствѣ денегъ въ глазахъ одесскаго генералъ-губернатора являются лишь «очень неопредѣленными и неясными обвиненіями», ни то, что администраторъ, въ Кутаисѣ обвинявшійся начальствомъ въ вымогательствѣ денегъ, въ Одессѣ оказывается «человѣкомъ испытанной честности и преданности долгу, обладающимъ всѣми качествами, необходимыми стоящему на отвѣтственномъ посту въ нынѣшнее тяжелое время». Если въ перечнѣ качествъ, необходимыхъ для занятія отвѣтственной должности «въ нынѣшнее тяжелое время», ген. Толмачевымъ и упоминается «испытанная честность» и «преданность долгу», то это честность

*) „Рѣчь“, 13 и 2[illegible] апр. 1908 г.

и преданность особаго рода. «Преданность долгу» у лицъ, имѣющихъ какое-либо касательство къ администраціи, въ Одессѣ измѣряется по преимуществу, если не исключительно, степенью близости ихъ къ организаціямъ, подобнымъ «союзу русскаго народа». Принадлежность къ такого рода организаціямъ служитъ своего рода аттестатомъ, не только обезпечивающимъ его обладателямъ благожелательность администраціи, но и позволяющимъ имъ разсчитывать на прямое покровительство и защиту съ ея стороны. Недавно, напримѣръ, одесскій генералъ-губернаторъ издалъ особый приказъ въ защиту одесскихъ дворниковъ. «За послѣдне время—говорится въ этомъ приказѣ,—было нѣсколько случаевъ увольненія домовладѣльцами своихъ дворниковъ за самые маловажные поступки, а иногда только за принадлежность къ одной изъ монархическихъ партій. Въ виду того, что на дворникахъ лежатъ нѣкоторыя обязанности наружной полиціи и частая смѣна ихъ крайне вредно отражается на интересахъ всего населенія, предупреждаю г. г. домовладѣльцевъ, что о каждомъ безпричинномъ увольненіи дворниковъ мною будетъ производиться разслѣдованіе *). Будетъ, конечно, лишь послѣдовательно, если къ дворникамъ, принадлежащимъ «къ одной изъ монархическихъ партій», ген. Толмачевъ примѣнитъ ту же мѣрку «испытанной честности» и «преданности долгу», какою онъ руководился при выборѣ полиціймейстера. И если для одесскихъ домовладѣльцевъ и ихъ жильцовъ это и представляетъ нѣкоторыя весьма ощутительныя неудобства, то такія соображенія, понятно, не могутъ воспрепятствовать планамъ ген. Толмачева.

Тщательно охраняя интересы отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ «монархическимъ партіямъ», одесскій генералъ-губернаторъ не менѣе усердно оберегаетъ и самое существованіе этихъ организацій, принимая энергичныя мѣры къ защитѣ ихъ отъ всякихъ нападеній со стороны тѣхъ или иныхъ противниковъ. Недавно еще газеты сообщали о двухъ характерныхъ эпизодахъ такой защиты. Нѣкій Шальниковъ, содержатель ресторана въ одесскомъ предмѣстьѣ Молдаванкѣ, «за агитацію и возбужденіе посѣтителей ресторана противъ союза русскаго народа» былъ высланъ изъ предѣловъ губерніи на время существованія въ ней военнаго положенія **). Почти одновременно съ этимъ крестьянинъ Петръ Гольчевскій «за произнесеніе оскорбительныхъ выраженій по адресу членовъ союза русскаго народа», по приказу того же ген. Толмачева, былъ подвергнутъ аресту при полиціи на мѣсячный срокъ ***). Такимъ образомъ «союзъ русскаго народа» пріобрѣлъ уже въ Одессѣ своего рода неприкосновенность и непочтительныя выраженія по адресу этой организаціи или же враждебная ей агитація

*) „Рѣчь“, 23 марта 1908 г.
**) „Рѣчь“, 12 апр. 1908 г.
***) „Совр. Слово“, 13 апр. 1908 г.

приравнены мѣстнымъ законодательствомъ къ тяжкимъ преступленіямъ, требующимъ быстрой и суровой кары.

Подобное положеніе, конечно, не остается неиспользованнымъ. Между прочимъ, въ Одессѣ большимъ вниманіемъ «союза русскаго народа» пользуется мѣстный университетъ. Не такъ давно одесскій корреспондентъ «Рѣчи» сообщилъ нѣкоторыя подробности на счетъ того, какъ именно проявляется это вниманіе. 15 марта, по разсказу названнаго корреспондента, происходило засѣданіе совѣта студенческаго отдѣла «союза русскаго народа». Программа этого засѣданія заключала въ себѣ восемь докладовъ, причемъ шесть изъ нихъ значились секретными, и самыя темы ихъ держались въ тайнѣ. Изъ остальныхъ двухъ докладовъ одинъ касался университетской библіотеки, другой—замѣщенія должностей служителей университета членами одесскаго отдѣла «союза русскаго народа». Въ первомъ докладѣ говорилось о необходимости изгнанія изъ университетской библіотеки крамольныхъ книгъ и объ установленіи строгаго надзора за нею, во второмъ указывалось на то, что, благодаря замѣщенію должностей университетскихъ служителей союзниками, получается возможность создать бдительный надзоръ, какъ за студентами, такъ и за профессорами *). И эта организація постояннаго сыска въ университетѣ силами «союза русскаго народа» не осталась въ области платоническихъ мечтаній, а перешла и въ сферу практическаго дѣла, какъ можно судить по другой сценѣ изъ быта одесскаго университета, разсказанной тѣмъ же корреспондентомъ. Какъ-то въ воскресенье проф. Набокинъ собралъ въ лабораторіи для практическихъ занятій человѣкъ двадцать студентовъ. Присутствіе въ лабораторіи студентовъ въ воскресный день показалось подозрительнымъ служителю-союзнику, который далъ знать объ этомъ предсѣдателю студенческаго отдѣла «союзниковъ». Тотъ въ свою очередь сообщилъ о происшествіи полиціи, а полиція—генералъ-губернатору. Послѣдній командировалъ на разслѣдованіе состоящаго при немъ для особыхъ порученій офицера, который и явился въ университетскую лабораторію, чтобы убѣдиться, что въ ней идутъ невинныя практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ профессора **). На этотъ разъ дѣло закончилось благополучно, хотя это, конечно, совершенно не даетъ гарантіи за такое же окончаніе аналогичныхъ эпизодовъ въ будущемъ. Но, даже совершенно независимо отъ того или иного исхода подобныхъ эпизодовъ, не трудно себѣ представить, какъ должны чувствовать себя университетскіе профессора и студенты, вынужденные вести свои научныя занятія подъ неослабнымъ контролемъ «испытанной честности» служителей изъ среды «союза русскаго народа». И вмѣстѣ съ тѣмъ легко понять, что именно

---

*) „Рѣчь“, 23 марта 1908 г.
**) „Рѣчь“, 9 апрѣля 1908 г.

это соображеніе меньше всего можетъ стѣснять одесскаго генералъ-губернатора, нашедшаго нужнымъ поставить новороссійскій университетъ подъ бдительную опеку служителей-«союзниковъ», въ которыхъ ген. Толмачевъ можетъ лишь цѣнить «преданность долгу».

Въ Одессѣ для дѣятельности «союза русскаго народа» и подобныхъ ему «монархическихъ партій» открытъ особенно широкій просторъ, но все же Одесса не представляетъ собою въ этомъ отношеніи чего-либо совершенно исключительнаго. Въ ней только нашли себѣ болѣе яркое выраженіе нѣкоторыя типичныя черты общаго порядка, установившагося въ жизни всей страны. Въ рядѣ другихъ городовъ и губерній мѣстные правители въ концѣ концовъ немногимъ уступаютъ одесскому генералъ-губернатору въ стремленіи искоренить зловредную крамолу при помощи организацій, аналогичныхъ «союзу русскаго народа». И результаты этого стремленія, соединеннаго съ упрощенными до послѣдней степени пріемами управленія, въ свою очередь оказываются вездѣ приблизительно одними и тѣми же. Не такъ давно въ Кіевѣ начальникъ мѣстной сыскной полиціи Аслановъ имѣлъ неосторожность поссориться съ нѣкіимъ Матусевичемъ, состоящимъ въ числѣ членовъ «союза русскаго народа». Немедленно вслѣдъ за тѣмъ на столбцахъ близкаго къ «союзу» «Кіевлянина» появился рядъ пикантныхъ разоблаченій дѣятельности кіевской сыскной полиціи, довольно обстоятельно освѣтившихъ порядки этого своеобразнаго учрежденія. «Воры-рецидивисты, задержанные на мѣстѣ преступленія,—сообщалось изъ Кіева по телеграфу столичнымъ газетамъ—отпускались начальникомъ сыскной полиціи Аслановымъ на основаніи однихъ только показаній швейцара гостиницы объ ихъ благонадежности. Лицамъ, уличавшимъ воровъ, Аслановъ угрожалъ привлеченіемъ къ отвѣтственности за недобросовѣстное обвиненіе. Преступники часто бѣжали изъ мѣстъ заключенія при помощи агентовъ сыскной полиціи. Установлено, что тайные притоны разврата въ центрѣ города, закрытые по распоряженію администраціи, продолжаютъ функціонировать съ вѣдома полиціи» *). «Агенты сыскной полиціи—гласила другая телеграмма—руководили ворами и аферистами, часто стояли на стражѣ во время совершенія послѣдними преступленій, гарантировали преступникамъ успѣхъ. Когда наружная полиція передавала сыскной задержанныхъ преступниковъ, послѣдняя освобождала ихъ. Начальникъ сыскной полиціи Аслановъ часто возвращалъ потерпѣвшимъ украденныя у нихъ деньги, но воры оставались не розысканными. За то для формальности временно задерживали непричастныхъ къ преступленію лицъ» **). По поводу всей этой дѣятельности кіевскаго сыскного отдѣленія, сумѣвшаго такъ удачно согласовать работу воровъ и сыщиковъ, въ Кіевѣ

---

*) „Рѣчь“, 9 апр. 1908 г.
**) „Рѣчь“, 12 апр. 1908 г.

производится теперь разслѣдованіе, но послѣднее, конечно, не пойдетъ дальше отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ случаевъ.

А между тѣмъ порядки, такъ ярко вскрывшіеся въ Кіевѣ, опять-таки не представляютъ собою исключенія, настолько не представляютъ, что даже правительству, при всей его любви къ «децентрализаціи» власти, приходится то и дѣло наряжать слѣдствіе надъ черезчуръ далеко ушедшими по пути этой «децентрализаціи» администраторами. Въ Москвѣ, напримѣръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется ревизія дѣлъ московскаго градоначальства, производимая сенаторомъ Гаринымъ и успѣвшая уже раскрыть рядъ крупныхъ растратъ и злоупотребленій въ этомъ учрежденіи. Правда, при этомъ ревизія идетъ своей дорогой, а установившіеся въ жизни порядки своей. На дняхъ въ газетахъ появились рядомъ двѣ любопытныхъ замѣтки. «Дѣлающіеся извѣстными результаты ревизіи сенаторомъ Гаринымъ московскаго градоначальства — говорилось въ первой изъ этихъ замѣтокъ—открываютъ все новыя и новыя области примѣненія хозяйничанья въ московской полиціи. Между прочимъ, сенаторъ Гаринъ обратился въ правленіе Пироговскаго общества съ запросомъ, не поступало ли отъ градоначальника, его помощника и другихъ чиновъ градоначальства въ состоящій при Пироговскомъ обществѣ комитетъ общественной помощи голодающимъ какихъ-либо суммъ, присылавшихся изъ провинціи. Правленіе Пироговскаго общества отвѣчало, что рѣшительно никакихъ суммъ въ пользу голодающихъ черезъ московское градоначальство не поступало, между тѣмъ частнымъ образомъ правленію было извѣстно, что такія суммы изъ провинціи черезъ московское градоначальство въ комитетъ общественной помощи направлялись; такъ, напримѣръ, въ числѣ другихъ случаевъ правленіе узнало частнымъ путемъ, что волынскимъ губернаторомъ были пересланы черезъ градоначальство для передачи комитету вырученные отъ благотворительнаго концерта 370 р.». «Московскій градоначальникъ генералъ-маіоръ Адріановъ—сообщалось въ другой замѣткѣ, помѣщенной рядомъ съ первой,—обратился въ правленіе Пироговскаго общества съ запросомъ, на какомъ основаніи существуетъ при немъ комитетъ общественной помощи голодающимъ» *). Такимъ образомъ учрежденіе, въ которомъ безслѣдно исчезаютъ деньги, пожертвованныя на голодающихъ, считаетъ возможнымъ отрицать за общественной организаціей право на помощь тѣмъ же голодающимъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего новаго. Здѣсь дѣйствуетъ старый, давно знакомый намъ порядокъ, какъ стары и самые факты черезчуръ вольнаго обращенія административныхъ и полицейскихъ чиновъ съ казенными и частными деньгами. Несомнѣнно, однако, что современная «децентрализація» власти, сопровождаемая подборомъ чиновъ администраціи по преимуществу изъ лицъ, про-

*) „Рѣчь", 11 апрѣля 1908 г.

являющихъ свою «преданность долгу» принадлежностью къ одной изъ «монархическихъ партій», еще болѣе облегчила такое вольное обращеніе. Врядъ ли возможно въ самомъ дѣлѣ объяснить одною лишь случайностью то обстоятельство, что за послѣднее время все чаще и чаще слышатся извѣстія о грандіозныхъ растратахъ и злоупотребленіяхъ въ самыхъ разнообразныхъ административныхъ учрежденіяхъ.

Облегчила современная «децентрализація» власти и кое-что другое. Съ давнихъ поръ установившіеся въ практикѣ нашей администраціи и полиціи порядки дознанія отличались невѣроятной простотой, нерѣдко переходившей въ прямую жестокость. Но съ той поры, какъ власть всю свою энергію устремила на борьбу съ своими политическими врагами, эта жестокость обратилась въ утонченное звѣрство, не видящее предъ собой никакихъ преградъ, не знающее никакихъ сдержекъ. Много разъ уже въ печати сообщалось объ истязаніяхъ, какимъ подвергаются заключенные въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, о пыткахъ, практикуемыхъ во многихъ полицейскихъ учрежденіяхъ, и извѣстія такого рода не перестаютъ появляться и въ настоящее время, когда положеніе самой печати сильно измѣнилось къ худшему и ей труднѣе стало говорить о подобныхъ фактахъ. Недавно, напримѣръ, въ одной изъ корреспонденцій «Рѣчи» изъ г. Ковна было разсказано, какимъ образомъ производитъ допросы арестованныхъ начальникъ тамошняго охраннаго отдѣленія Донцовъ. Мѣстному прокурору пришлось, между прочимъ, составить пять протоколовъ по заявленію арестованныхъ Шнейдера, Беккера, Тимше, Янковскаго и Вахтера о томъ, что послѣ ихъ ареста они подвергнуты были Донцовымъ и чинами городской полиціи пыткѣ въ городскомъ полицейскомъ управленіи. Шнейдера и Беккера Донцовъ съ тремя городовыми избилъ нагайками и кулаками. Тимше былъ избитъ нагайкой какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ уже по доставленіи въ тюрьму. Янковскаго Донцовъ пыталъ сначала самъ, причемъ билъ его нагайкой и угрожалъ застрѣлить изъ револьвера, если онъ не дастъ нужныхъ показаній. Когда же Янковскій выдержалъ пытку и никакихъ показаній не далъ, Донцовъ передалъ его въ руки городовыхъ, которые и подвергли его дальнѣйшему избіенію. Вахтера пытали Донцовъ и помощникъ пристава, причемъ первый дѣйствовалъ нагайкой, а второй шашкой. По доставленіи Янковскаго и Вахтера въ тюрьму имъ была оказана медицинская помощь, причемъ тюремный врачъ констатировалъ у нихъ раны и слѣды побоевъ. «Но всѣ дознанія по такимъ протоколамъ—прибавляетъ корреспондентъ—передаются чиновнику особыхъ порученій Каминскому, личному другу и пріятелю Донцова, и естественно, что всѣ эти дознанія сводятся на нѣтъ» *). Врядъ-ли правильно, однако, объяс-

*) „Рѣчь", 8 апр. 1908 г.

нять порядки ковенскаго охраннаго отдѣленія личными отношеніями между его начальникомъ и чиновникомъ особыхъ порученій. Причины такихъ порядковъ лежатъ, конечно, гораздо глубже и, будь на мѣстѣ г. Каминскаго другой чиновникъ, дѣло едва-ли бы измѣнилось. Достаточно напомнить, что не такъ давно, когда газеты обошло извѣстіе о жестокомъ избіеніи полиціей арестованнаго въ Минскѣ итальянскаго подданнаго Евгенія Левине, «освѣдомительное бюро» нашло нужнымъ успокоительно сообщить, что «при произведенномъ по жалобѣ Левине, въ присутствіи чина прокуратуры, медицинскомъ освидѣтельствованіи состояніе здоровья Левине оказалось удовлетворительнымъ и у него обнаружено лишь три кровоподтека величиною въ орѣхъ, которые могли произойти только отъ трехъ легкихъ ударовъ, нанесенныхъ жалобщику дней за шесть до его освидѣтельствованія» *). Если, по мнѣнію «освѣдомительнаго бюро», сообщеніе о «трехъ кровоподтекахъ величиною въ орѣхъ» должно являться успокоительнымъ для публики, то мѣстнымъ властямъ, понятно, и подавно не пристало смущаться кровоподтеками.

На дѣлѣ мѣстные правители и не смущаются. Больше того,—пользуясь предоставленными имъ при нынѣшней «децентрализаціи» правами, они пытаются и обывателя пріучить къ тому взгляду, что синяки и кровоподтеки являются лишь естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отправленія правосудія. Въ газетной хроникѣ послѣднихъ недѣль можно встрѣтить не мало случаевъ, ярко иллюстрирующихъ такое положеніе вещей. Одинъ изъ нихъ я позволю себѣ привести. «Въ Севастополѣ—разсказываютъ «Одесскія Новости»—во время засѣданія въ окружномъ судѣ присяжный засѣдатель Гидалевичъ, замѣтивъ, что конвойный бьетъ подсудимаго, остановилъ его, но получилъ въ отвѣтъ: «не ваше дѣло». На вмѣшательство Гидалевича конвойный пожаловался воинскому начальнику, который въ свою очередь довелъ объ этомъ до свѣдѣнія адмирала Вирена. Адмиралъ оштрафовалъ Гидалевича на 3.000 р., съ замѣной штрафа арестомъ на три мѣсяца. Конвойный оправдывалъ свой поступокъ тѣмъ, что подсудимый напѣвалъ Марсельезу» **).

На фонѣ событій, совершающихся теперь въ Россіи, только что разсказанный случай, конечно, мало замѣтенъ. И все же трудно было бы, пожалуй, указать другой эпизодъ, въ которомъ такъ рельефно выступали бы наиболѣе характерныя черты обстановки, созданной въ переживаемый нами моментъ для русскаго обывателя усиліями власти. Съ одной стороны, у насъ какъ будто есть судъ, и притомъ даже въ той именно формѣ, въ какой онъ существуетъ въ культурныхъ странахъ,—судъ съ присяжными за-

*) „Рѣчь“, 7 марта 1908 г.

**) Цитирую по „Соврем. Слову“, 13 апр. 1908 г.

сѣдателями. Съ другой—въ самой залѣ суда производится избіеніе крамольныхъ подсудимыхъ, а присяжные засѣдатели, призванные вершить правосудіе, должны спокойно смотрѣть на это избіеніе, не пытаясь вмѣшиваться въ него, и спокойно судить избиваемыхъ. Если же они выходятъ изъ этихъ предѣловъ, мѣстный администраторъ, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ и законодателемъ, и судьей, налагаетъ на нихъ кары, которыя приводятся въ исполненіе уже безъ всякаго суда. Не легко было бы придумать болѣе злую, болѣе язвительную насмѣшку надъ понятіемъ суда, чѣмъ та, какая заключается въ этой сценѣ, и однако послѣдняя является лишь вполнѣ правильнымъ и законнымъ выводомъ изъ общаго принципа, положеннаго въ основу устанавливаемаго въ жизни порядка. Разъ ставъ на путь «децентрализаціи» въ смыслѣ вооруженія отдѣльныхъ органовъ власти на предметъ искорененія крамолы безграничными полномочіями надъ жизнью гражданъ, нельзя уже уйти отъ подобныхъ выводовъ, хотя они и содержатъ въ себѣ полное отрицаніе права, обращая всю дѣятельность государственныхъ учрежденій въ проявленіе голаго произвола. И такой результатъ можетъ считаться въ настоящее время уже окончательно достигнутымъ и закрѣпленнымъ въ работѣ правительственнаго механизма.

Но указанный результатъ представляетъ собою лишь одну сторону дѣла. Въ немъ есть и другая. Та система управленія страною, которая развертывается теперь на нашихъ глазахъ, является какъ нельзя болѣе яркимъ воплощеніемъ реакціонныхъ вожделѣній, доведенныхъ до послѣдняго своего предѣла. Что же даетъ она въ смыслѣ обезпеченія торжества реакціи? Какъ мы видѣли, эта система можетъ дать, и даетъ въ дѣйствительности, случаи для устройства нѣкоторыхъ личныхъ дѣлъ. Она позволяетъ наносить физическій уронъ противникамъ существующаго порядка и вообще непріятнымъ лицамъ и налагать большія тягости на населеніе. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ данная система можетъ быть, пожалуй, продвинута еще дальше, можетъ быть напряжена еще больше. Но одного она безсильна достигнуть при всякомъ напряженіи, и это именно той главной цѣли, какая ею преслѣдуется,—успокоенія разъ проснувшейся страны. Вся система, о которой идетъ рѣчь, въ своей совокупности представляетъ собою своего рода ураганъ произвола, съ чудовищною силою обрушившійся на страну. Стоя подъ этимъ ураганомъ и вынося его удары, странно слушать наивныя увѣренія, вродѣ вырвавшихся на-дняхъ у одной изъ либеральныхъ газетъ, будто въ настоящее время уже «Кареагенъ разрушенъ» и «государственная власть отказалась защищать незащитимую позицію» *). Нѣтъ, Кареагенъ еще не разрушенъ и защищается самымъ энергичнымъ образомъ. Но вѣрно то, что средства, какія онъ вынужденъ употреблять для своей защиты, не ведутъ къ его

*) „Рѣчь“, 20 апр. 1908 г.

укрѣпленію. И даже больше того,—прибѣгая къ этимъ средствамъ, въ сущности единственнымъ, оставшимся въ его распоряженіи, онъ самъ постепенно разрушаетъ свои позиціи и отбрасываетъ силы, которыя раньше могли бы защищать ихъ. Порядокъ, возрождающій въ сложныхъ условіяхъ современной жизни первобытное безправіе, до поры до времени можетъ быть поддерживаемъ физической силой. Но, чѣмъ чаще употребляется эта послѣдняя, тѣмъ скорѣе она изнашивается, если ее приходится употреблять противъ стремленій народныхъ массъ, въ конечномъ счетѣ являющихся источникомъ всякой силы въ государствѣ. А между тѣмъ этимъ массамъ порядокъ, о которомъ идетъ рѣчь, даетъ и можетъ дать только скорпіоны, и ничего, кромѣ скорпіоновъ и не являетъ собою та своеобразная «децентрализація» власти, которая послужила единственнымъ отвѣтомъ государственной организаціи на всѣ запросы народной жизни. Но въ такихъ условіяхъ нѣтъ и мѣста для сколько-нибудь прочнаго и серьезнаго успокоенія страны и вопросъ о томъ, въ какой формѣ окончательно выяснится этотъ результатъ, является въ сущности лишь вопросомъ времени.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Н. Минскій. Полное собраніе стихотвореній. Изд. Пирожкова (4-е). 4 тома. Спб. 1908. Стр. 249+160+239+210. Ц. 4 р.

Изданіе названо четвертымъ, хотя съ полнымъ собраніемъ своихъ стихотвореній г. Минскій выступаетъ впервые. Едва ли это полное собраніе замѣнитъ у цѣнителей его поэзіи ту старую книжку, въ которой они впервые нашли собранными стихотворенія этого спокойнаго поэта мысли и отмѣтили ихъ достоинства. Въ ней высказался Минскій со всей доступной ему полнотой. Много писалъ онъ потомъ и—принято думать,—много мѣнялся. Намъ кажется, что онъ мѣнялъ только поверхностную оболочку, мѣнялъ доктрины, которыя такъ или иначе прикрывали одну натуру, одно отношеніе къ міру и къ людямъ. Переходы отъ гражданскихъ «Бѣлыхъ ночей» къ «Альмѣ» и отъ индивидуалистской «Альмы» къ «Гимну рабочихъ» казались многимъ переломами, и не всегда достойными, Но если отвлечься отъ злобы дня и взглянуть на Минскаго въ цѣломъ, то ясно, что противоположность двухъ системъ общественной морали была велика только въ формулахъ; въ ощущеніи, въ практикѣ она была не такъ значительна и, быть можетъ, поэтому удивительно мало отразилась и на психологическомъ строеніи твор-

чества Минскаго и на его пріемахъ. Въ сущности, онъ всегда равенъ себѣ. Единственный его глубокій интересъ это познаніе. Ничто внѣ познанія не захватываетъ его; теоретикомъ онъ остается и въ любовныхъ признаніяхъ, и въ общественныхъ призывахъ, и, разумѣется, въ лирикѣ имморальнаго меонизма. Его охотно называютъ риторомъ, и это опредѣленіе можно принять, если внести въ него содержаніе, въ которомъ есть не только осужденіе. Риторика не есть отрицаніе поэзіи—она имѣетъ свой паѳосъ. Отрицательная сторона этого паѳоса заключается въ томъ, что онъ, будучи только паѳосомъ мысли, выдаетъ себя за паѳосъ чувства. Но въ холодѣ риторики есть свое напряженіе, ея форма хочетъ сказать больше, чѣмъ есть въ настроеніи автора; однако, эта форма способна создать настроеніе въ читателѣ, способна увлечь его и заставить дать ей дѣйствительно жизненное содержаніе. Очень легко обличать Минскаго въ преувеличенномъ патетизмѣ, въ поэтическомъ самохвальствѣ, въ величавыхъ позахъ, мало идущихъ ему. Не мало трунили надъ тѣмъ, что его поцѣлуи— «поцѣлуи поэта священные», что онъ боится даже разсказать о своей любви:

Я боюсь, что, подслушавши пѣсню мою,
Легкій вѣтеръ въ кустахъ вдругъ, въ веселіи пьяномъ,
Полетитъ надъ землей ураганомъ...

и «звѣзды станутъ недвижно средь темнаго свода». Онъ побывалъ въ одиночной тюрьмѣ,—и воспѣваетъ ее, какъ нѣкую темницу, роковую и вѣковѣчную, тогда какъ онъ былъ бы больше самимъ собою, если бы умолчалъ объ этомъ безконечно чуждомъ ему и случайномъ эпизодѣ; это было не одиночное заключеніе, а одиночное приключеніе, и Минскій въ позѣ узника такъ же забавенъ, какъ въ позѣ всадника.

Я бросилъ повода, и волю далъ коню...

Такъ и видишь эту наемную крымскую клячу—и жалѣешь, что милое стихотвореніе испорчено этимъ риторскимъ самолюбованіемъ.

Такихъ примѣровъ, и болѣе яркихъ, много, но не стоитъ преувеличивать ихъ значеніе. Не они дѣлаютъ физіономію Минскаго— а у него есть физіономія. Онъ одинъ изъ немногихъ нашихъ поэтовъ, способныхъ вдохновляться вопросами отвлеченной мысли. Гёте говорилъ, что каждое его стихотвореніе есть «стихотвореніе на случай», то есть вызвано опредѣленнымъ индивидуальнымъ переживаніемъ. Вотъ этого конкретнаго случая, давшаго толчекъ стихотворенію, не чувствуешь у Минскаго; вѣришь, что такой случай былъ, иногда читаешь его изображеніе у самого поэта, но понимаешь его второстепенность, его незначительность. Стихотвореніе Минскаго рождается изъ напряженія разсуждающей мысли. Онъ занятъ основными вопросами бытія и не изъ смутнаго ихъ ощущенія, а изъ дискурсивнаго обсужденія выкристаллизованы эти ум-

ныя, интересныя формулы, такъ хорошо вмѣщающія широкое, разнообразное содержаніе и отвѣчающія соотвѣтственному настроенію. Не обывательское ковыряніе безсильнаго раціоналиста и не наивное вдохновеніе всепонимающаго генія чувствуется въ лирической философіи Минскаго: онъ настолько же выше перваго, насколько ниже второго. Но въ подъемѣ его теоретической мысли есть слѣды долгаго развитія, есть школа, есть вкусъ.

Минскаго охотно называли декадентомъ. Въ моральномъ міровоззрѣніи онъ сходился съ декадентами, а аллегориченъ былъ и ранѣе ихъ прозаическаго символизма. Но въ формѣ, въ пріемахъ творчества онъ—подобно Мережковскому—въ общемъ стоялъ внѣ школы, которая старалась быть туманной въ разсчетѣ на то, что къ этому туману читатель, притворившись понимающимъ, присочинитъ что-нибудь глубокомысленное. Минскій говоритъ то, что хочетъ, умѣетъ сказать это не всегда просто, но всегда достаточно ясно для тѣхъ большихъ вопросовъ, которые такъ часто находятъ откликъ въ его поэтической мысли. Въ наши дни это рѣдкое достоинство—и его надлежитъ отмѣтить у поэта, не стараясь затушевать этимъ то различіе воззрѣній, которое отдѣляетъ его отъ насъ. Г. Минскій охотно цитируетъ великія слова великаго поэта—libertà va cercando—и ими объясняетъ свои аватары. Да, конечно,—безъ исканій какая же свобода. Но когда въ символѣ вѣры художника-искателя мы находимъ завѣтъ:

Нужно быть весьма безстрашнымъ,
Уходящимъ, безучастнымъ,
Какъ бѣгущая волна,
Безпріютнымъ, какъ она,—

то теченіе и исходъ его исканій представляются безмѣрно печальными. Безстрастіе и безучастіе ничего не раскрываютъ, ничего не создаютъ. О самоотверженіи въ исканіяхъ ничего не говорится въ завѣтѣ «Художнику»; естественно, что такой художникъ, больной эстетической гипертрофіей безразличія, ничего не отыщетъ и не къ свободѣ придетъ.

Поэзія г. Минскаго лучше его теорій: она болѣе общечеловѣчна, болѣе пріемлема, болѣе устойчива. Онъ любитъ образъ Агасѳера, проклинающаго міръ; въ лирикѣ и въ драмѣ онъ обличаетъ толпу, стадно-безличную, стадно-звѣрскую. Но мысль о живомъ человѣческомъ мірѣ, о смыслѣ его метаній и его бытія, проходитъ по лучшимъ страницамъ его книгъ, и эта мысль связываетъ съ нимъ ищущаго читателя. Libertà va cercando—и въ поискахъ этой свободы нѣтъ нужды идти долго за Минскимъ, «вѣчнымъ спутникомъ» онъ не станетъ; но часть пути можно сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ будетъ думать, что улетѣлъ далеко впередъ и остался въ гордомъ одиночествѣ на холодной вершинѣ; читатель будетъ думать иначе,—но старыхъ воспоминаній о частицѣ пути, сдѣланной вмѣстѣ съ пытливымъ поэтомъ, онъ не отвергнетъ.

Бѣлоруссовъ. Въ Старомъ Домѣ. Москва, 1908 стр. 288. Ц. 1 р.

Книга Бѣлоруссова возвращаетъ насъ къ минувшему трехлѣтію. Въ ней осколки ощущеній, брызги волнъ, которыя вздымались въ берегахъ подъ вой историческихъ вѣтровъ, по выраженію автора, и угрожали стать потокомъ, но потомъ отхлынули и оставили на берегахъ груды обломковъ и тину. Читаешь и не вѣришь глазамъ, не вѣришь собственной памяти. Правда ли, что это было? Такъ недавно и такъ давно. Какъ будто не три года прошло, а цѣлыхъ тридцать. Мы были живые люди, теперь мы снова стали, какъ ходячіе трупы. И какъ въ опереткѣ Оффенбаха, «Фаустъ наизнанку» сталъ эстетомъ и трупъ Валентина пляшетъ канканъ предъ оскверненною Маргаритой.

Книга Бѣлоруссова хорошая, искренняя, наивная книга. Что-то должно было родиться и не родилось. Даже выкидыша не было. Плодъ остался во чревѣ матери и не вышелъ наружу. Родильница потеряла много крови и лежитъ обезсиленная. Громы гремѣли, и готовилась буря, но вмѣсто свѣжаго ливня тучи распались туманомъ, сухимъ, багровымъ и ѣдкимъ. Въ чемъ дѣло? Почему такъ вышло? Отвѣта нѣтъ. Или, быть можетъ, спрашивать слишкомъ рано? Книга Бѣлоруссова тоже не даетъ отвѣта. Но авторъ неустанно повторяетъ: «Не падайте духомъ. Теперь не удалось. Быть можетъ, послѣ удастся».

Авторъ много видѣлъ, много испыталъ. Пожалуй, даже слишкомъ много для одного человѣка.

— Мнѣ сорокъ семь лѣтъ,—пишетъ онъ.—Я провелъ семнадцать лѣтъ подъ властью уѣздныхъ и улусскихъ правительствъ. Я жилъ въ Вельскѣ, въ Сольвычегодскѣ, въ Чаусахъ, жилъ въ Мезени, въ Ишимѣ и Маріинскѣ, жилъ въ Якутскѣ и якутскихъ улусахъ, жилъ въ Енисейскѣ, жилъ въ Верхоянскѣ, въ томъ самомъ Верхоянскѣ, гдѣ постоянно обитаетъ полюсъ холода, гдѣ пять мѣсяцевъ подъ рядъ термометръ не поднимается выше минусъ 60° Цельзія, гдѣ пудъ гнилой муки стоитъ пять съ полтиной.

Такой curriculum vitae возможенъ только въ Россіи. Отправнымъ пунктомъ этого длиннаго пути былъ «старый домъ» въ глубинѣ Бѣлоруссіи.

— Я помню, во времена моего дѣтства у насъ въ домѣ былъ саксонскій сервизъ. Изъ этого сервиза пилъ послѣдній польскій король Станиславъ Понятовскій. Потомъ мой прадѣдъ, шамбеллянъ польскаго двора, увезъ его въ свой майентекъ».

Но если вычертить маршрутъ отъ этого саксонскаго сервиза сквозь всѣ вышеуказанные города къ верхоянскому полюсу холода, то выйдетъ почти междупланетное разстояніе, тысячъ тридцать верстъ или больше. Авторъ посвятилъ семнадцать лѣтъ изученію холодной географіи, а ему все мало, все неймется. Изъ своего Верхоянска онъ вывезъ талисманъ, какіе бываютъ не у многихъ.

— Какая бы гроза надо мной ни разразилась, я углубляюсь

въ прошедшее и нахожу, что все это было. Были и трусъ, и градъ, и моръ, и мѣдныя трубы. Были отчаяніе и кровавыя слезы, погибшія жизни и истерзанныя души,—а мы все еще живы и не только живы, но полны вѣры въ грядущее. Только когда минули недавнія бури и всѣ пустые барабаны, обтянутые ослиной кожей, трещатъ о побѣдѣ, и призраки ползутъ,—я смѣюсь имъ въ лицо:

— Вы уже были, и я знаю ваше безсилье. Вы уйдете туда, откуда пришли, въ ваши темныя щели. Мы же остаемся жить, и жизнь будетъ наша.

— Таковъ мой талисманъ.

Кромѣ холодной географіи авторъ знаетъ и любитъ свою родную зеленую Бѣлоруссію, красавицу безъ приданаго, какъ назвалъ ее когда-то имераторъ Николай Первый.

Онъ описываетъ дворянскіе банкеты и еврейскіе погромы, ночные поджоги, темную деревенскую злобу, слѣпую, черносотенную.

Книга Бѣлоруссова—живая книга. Она еще не кончена. Придутъ новые годы и прибавятъ новыя главы и, быть можетъ, дадутъ что-нибудь теплѣе, чѣмъ полюсъ холода, и ярче, чѣмъ темная ночь пасхальнаго погрома. Будемъ ждать.

С. Свириденко. На сѣверѣ. Повѣсть изъ далекаго прошлаго сѣверныхъ германскихъ племенъ. Спб. 1907. Стр. 328. Ц. 1 р. 25.

Овладѣвъ обширнымъ и колоритнымъ матеріаломъ древне-германской народно-поэтической мудрости, авторъ умѣло и поэтично передалъ настроеніе старыхъ сказаній въ небольшомъ эпизодѣ. Внѣшнее строеніе разсказа банально: здѣсь, конечно, есть любовь и война, могучіе витязи и прекрасная дѣва, мудрость, переданная отъ отцовъ и хитрость изобрѣтенія, беззавѣтная вѣрность и гнусное предательство. Сѣверные воины враждуютъ изъ-за прекрасныхъ плѣнницъ, месть побѣжденныхъ не хочетъ знать предѣла, мечи сталкиваются съ мечами, боевые молоты бьютъ о закаленные панцыри, и кровавое столкновеніе является вмѣстилищемъ доблести и благородства. Но въ этихъ знакомыхъ рамкахъ мы на этотъ разъ встрѣчаемъ нѣчто индивидуальное. Простота, съ которой авторъ передаетъ старую быль, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую силу: чувствуется самоограниченіе здоровой мысли, вполнѣ охватившей предметъ—и оттого каждое слово разсказа кажется какимъ-то внушительнымъ, значительнымъ; хочется за наивностью примитивнаго діалога и простотой бытовыхъ описаній найти нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ элементарно-красивая внѣшность. Но не надо обманываться: книга г. Свириденко даетъ только толчокъ къ такому углубленію, а не поэтическій матеріалъ для него. Слова разсказа кажутая внушительными, но это больше результатъ эпически размѣренной формы, чѣмъ значительности содержанія, въ нее вложеннаго. Образы повѣсти элементарны не только по своей примитивной

психологіи, но и по творческимъ пріемамъ автора. По средѣ, по эпохѣ, по внѣшности эти герои скандинавскаго сказанія напоминаютъ образы театра Рихарда Вагнера,—но это только поверхностное сходство. Тамъ простотой внѣшняго облика прикрыта величайшая—иногда чрезмѣрная—сложность психологическихъ и историко-философскихъ сплетеній; здѣсь нѣтъ такого замысла, нѣтъ притязаній на глубокомысліе: данъ простой разсказъ, почти дѣтскій и его живое теченіе оставляетъ въ читателѣ хорошія воспоминанія.

Спеціалисты уже оцѣнили историческую и бытовую правду повѣсти г. Свириденко. Это имѣетъ значеніе въ виду того круга читателей, къ которому она обратится. Красочно и трогательно она говоритъ о ранней юности народовъ—и у ранней юности она найдетъ вѣрно своихъ читателей.

А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій; его жизнь и переписка. Изд. 2 съ дополн. и прим. Спб. 1908. Стр. XVI+662. Ц. 3 р. 50.

Второе изданіе извѣстной книги Пыпина выходитъ черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ перваго: печальное свидѣтельство того, какъ мы мало любопытны къ значительнѣйшимъ страницамъ нашего духовнаго прошлаго, какъ въ сущности бѣденъ содержаніемъ тотъ абстрактный піететъ, которымъ мы охотно окружаемъ его выдающихся дѣятелей. Какъ извѣстно, книга Пыпина о Бѣлинскомъ въ значительной степени отличается отъ прочихъ трудовъ покойнаго историка русской литературы. Здѣсь онъ меньше изслѣдователь и больше собиратель сырого матеріала; но мы знаемъ, что если онъ въ этомъ случаѣ уклонился въ извѣстной мѣрѣ отъ почетной роли перваго, то это только потому, что слишкомъ цѣнны и слишкомъ ярки были матеріалы, подлежавшіе обслѣдованію. Пыпинъ не назвалъ свою книгу ни біографіей, ни характеристикой Бѣлинскаго: она выше и ниже біографіи, такъ какъ она ближе къ тому, что мы называемъ автобіографіей. И въ этомъ ея главнѣйшее право на глубокое вниманіе тѣхъ широкихъ читательскихъ круговъ, которымъ мало читать Бѣлинскаго какъ учителя, мало понимать его, какъ писателя, но необходимо еще любить его какъ человѣка—и въ этой любви находить исчерпывающее истолкованіе его замѣчательной личности. Такой любви даетъ основу и содержаніе книга Пыпина. Какъ было уже замѣчено не разъ, въ ней открытъ новый Бѣлинскій—дотолѣ невѣдомый—Бѣлинскій столь же высокій по напряженію мысли, какъ и авторъ всѣмъ извѣстныхъ статей, но еще болѣе привлекательный, какъ человѣкъ: Бѣлинскій переписки.

Потребность въ новомъ изданіи чувствовалась давно—и не только потому, что книга Пыпина сдѣлалась библіографической рѣдкостью еще при жизни автора—въ концѣ девяностыхъ годовъ. Важнѣе было то, что съ момента ея появленія накопилось въ ли

тературѣ не мало матеріаловъ, дѣлавшихъ возможными и необходимыми существенныя дополненія. Кой-что въ этомъ направленіи было сдѣлано самимъ историкомъ—и потому въ текстѣ его книги и въ дополненіяхъ къ ней, извлеченныхъ изъ обширнаго матеріала, собраннаго покойнымъ авторомъ, мы находимъ не мало новыхъ подробностей. Отказились на новомъ изданіи книги Пыпина также измѣнившіяся цензурныя условія—и могли бы отразиться еще болѣе, если бы издатели нашли удобнымъ измѣнять текстъ. Иногда это было прямо необходимо,—и вызывало примѣчанія,—къ сожалѣнію не вездѣ, гдѣ ихъ ожидаешь встрѣтить. Такъ, тамъ гдѣ А. Н. Пыпинъ перебираетъ разсказы друзей Бѣлинскаго о петербургскомъ кружкѣ его въ періодъ полнаго развитія характера и дѣятельности великаго критика (1842—1844), его біографъ глухо говоритъ: «Напомнимъ разсказы еще одного изъ современниковъ и ближайшихъ друзей Бѣлинскаго,—разсказы, которыми, къ сожалѣнію, намъ трудно было воспользоваться, и гдѣ изображеніе Бѣлинскаго, сдѣланное съ любовью и пониманіемъ, является особенно рельефнымъ». Теперь, конечно, можно было бы раскрыть этотъ намекъ—и это не сдѣлано, хоть кой-что изъ «Былого и думъ» мы находимъ въ примѣчаніяхъ. Умножены цитаты изъ писемъ,—но это дополненіе показываетъ только, что мы нуждаемся въ двухъ работахъ, которыя замѣнили бы книгу Пыпина: съ одной стороны въ біографіи Бѣлинскаго, которая, охвативъ всѣ накопившіеся за послѣдніе полвѣка матеріалы, не имѣла бы необходимости быть сборникомъ сырыхъ матеріаловъ, и съ другой—въ полномъ собраніи писемъ Бѣлинскаго, которыя принадлежатъ, несомнѣнно, къ лучшему, что дала русская эпистолярная литература.

„Русскій дворъ 100 лѣтъ тому назадъ“. („La cour de Russie il y a cent ans“). 1725—1783 гг. По донесеніямъ англійскихъ и французскихъ посланниковъ. Первый русскій переводъ съ берлинскаго изданія. Спб., 1907. Цѣна 1 р. 25 к.

«Дни свободы», внесшіе оживленіе въ самыя разнообразныя стороны русской жизни, внесли лучи свѣта и въ русскую исторію, ярко освѣтивъ революціонныя и конституціонныя теченія въ нашемъ прошломъ. Цѣлый рядъ книжекъ, до того вращавшихся въ подпольѣ или доступныхъ лишь спеціалистамъ, вышли въ это время на свѣтъ Божій и стали доступными всѣмъ. Къ такого рода книгамъ принадлежитъ и «Русскій дворъ 100 лѣтъ тому назадъ». До сихъ поръ эта книга не появлялась въ русскомъ переводѣ, хотя и была хорошо извѣстна русскимъ историкамъ. Въ свое время она надѣлала большого шума за границей. Выйдя въ свѣтъ въ 1858 г., она выдержала сразу два изданія, и уже въ 1860 г. появилось третье изданіе. Но только осенью прошлаго года она вышла въ русскомъ переводѣ.

«Русскій дворъ 100 лѣтъ тому назадъ» охватываетъ собою періодъ съ 1725 по 1783 годъ и основана книга почти исключительно на донесеніяхъ французскихъ и англійскихъ посланниковъ. Составитель книги извлекъ изъ этихъ донесеній крайне любопытныя свѣдѣнія объ интимной жизни русскаго двора, о дворцовыхъ переворотахъ XVIII вѣка, интересныя характеристики царствовавшихъ лицъ и нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей и фаворитовъ XVIII в. и т. д. Такъ, въ «Русскомъ дворѣ» можно найти подробности восшествія на престолъ Екатерины I, попытки ограниченія самодержавія въ 1730 г., переворота 1741 г., дворцовой революціи 1762 г. Судьба младенца-императора Іоанна Антоновича, попопытка Мировича освободить его изъ Шлиссельбургской крѣпости и провозгласить императоромъ, убійство Петра III описаны здѣсь безъ тѣхъ фиговыхъ листковъ, какіе долго употреблялись въ русской литературѣ при описаніи этихъ событій.

Между прочимъ, въ «Русскомъ дворѣ» хорошо выступаетъ неустойчивое положеніе Екатерины II въ первые годы ея царствованія. Какъ извѣстно, при переворотѣ 1762 г. въ числѣ заговорщиковъ было не мало такихъ, которые стояли за провозглашеніе императоромъ Павла, а Екатерины—только регентшей во время малолѣтства сына. Екатерина сдѣлалась императрицей, но сынъ ея былъ постоянною угрозою ея царствованію. Страницы «Русскаго двора» пестрятъ извѣстіями о недовольствѣ, заговорахъ, волненіяхъ гвардіи въ первые годы ея царствованія. Много вниманія также удѣлено въ «Русскомъ дворѣ» личной жизни Екатерины II. Посланники отводили въ своихъ депешахъ немало мѣста извѣстіямъ о смѣнѣ многочисленныхъ фаворитовъ Екатерины II, которые являлись ставленниками различныхъ партій. Англійскій посланникъ Гаррисъ составилъ интересную записку, изъ которой видно, во что обходились екатерининскіе фавориты русскому народу. «Семья Орловыхъ, пишетъ Гаррисъ, получила съ 1762 г. до нынѣшняго 1783 г. 45.000 крестьянъ и 17 милліоновъ драгоцѣнностями, утварью, дворцами и деньгами. Васильчиковъ, простой лейтенантъ гвардіи, получилъ за 22 мѣсяца, въ теченіе которыхъ находился въ фаворѣ, 100.000 р. деньгами, 50.000 драгоцѣнностями, меблированный дворецъ въ 100.000 р., на 50.000 р. утвари, 7.000 крестьянъ въ Россіи, содержаніе въ 20.000 р... Потемкинъ въ 2 года фавора получилъ 37.000 крестьянъ въ Россіи; въ драгоцѣнностяхъ, дворцахъ, содержаніи, утвари около 9 милл. р. Украинецъ Завадовскій получилъ за 18 мѣсяцевъ фавора 6.000 крестьянъ въ Украйнѣ, 2.000 въ Польшѣ и 1.800 въ Россіи, 80.000 р. драгоцѣнностями, 15.000 деньгами, на 30.000 утвари и секретное содержаніе изъ кабинета въ 10.000 р. Зоричъ, сербъ, въ одинъ годъ своего фавора получилъ землю въ Польшѣ въ 500.000 р., въ Ливоніи 50 гакковъ земли цѣною въ 100.000 р., наличными деньгами 500.000 р., драгоцѣнностями 200.000 р., командованіе въ Польшѣ со окладомъ въ 12.000. Корсаковъ, рус-

скій низшій офицеръ, за 16 мѣсяцевъ фавора, получилъ въ видѣ подарковъ 150.000 р., а при своей отставкѣ 4.000 крестьянъ въ Польшѣ, 100 000 р. на уплату долговъ, 100.000 на экипировку, 2.000 въ мѣсяцъ на путешествіе, домъ Васильчикова... Ланской, русскій кавалергардъ,—брилльянтовыя пуговицы цѣною въ 80.000 р., 80.000 на уплату долговъ... онъ еще въ фаворѣ» (стр. 270—271).

Русскій переводъ книги «Русскій дворъ» можно было бы привѣтствовать, но, къ сожалѣнію, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ появился, онъ не можетъ удовлетворять самаго нетребовательнаго читателя. Дѣло въ томъ, что онъ сдѣланъ въ высшей степени небрежно. Читая книгу, можно подумать, что переводилъ ее какой-либо школьникъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ, при помощи плохого словаря. Мѣстами надо вдумываться, вчитываться въ текстъ, чтобы догадаться, что стояло въ подлинникѣ. Напримѣръ, въ характеристикѣ гр. Панина, которую сдѣлалъ французскій посланникъ Корберонъ въ депешѣ отъ 9 апрѣля 1778 г., есть такая фраза: «нѣтъ выраженія, которое для него неизвѣстно, но успѣхъ рѣдко слѣдуетъ за обѣщаніями» (стр. 172). Въ подлинникѣ рѣчь идетъ о томъ, что слова «нѣтъ» («le non»), т. е. отказа, нельзя услышать отъ Панина, но обѣщанія, на которыя онъ щедръ, рѣдко исполняются (стр. 247 франц. изд.). Нѣкоторыя ошибки въ переводѣ положительно извращаютъ извѣстія. Въ депешѣ отъ 4 августа 1772 г. Гуннингъ сообщалъ, между прочимъ, что, по слухамъ, передъ коронованіемъ была тайная свадьба Екатерины II съ Орловымъ, «что это было благодаря требованію общественнаго мнѣнія, а не изъ-за церемоніи, и что Панинъ никогда не хотѣлъ на это согласиться» (стр. 187 р. изд.). Между тѣмъ во французскомъ текстѣ сказано, что Панинъ не соглашался только на обнародованіе брака, но никакъ не на совершеніе обряда (стр. 266—267 фр. изд.). Въ депешѣ нѣтъ ни слова о томъ, что тайный бракъ былъ совершенъ благодаря требованію общественнаго мнѣнія; это извѣстіе есть чистѣйшій вымыселъ переводчика. Не менѣе ложныя свѣдѣнія почерпнетъ читатель и изъ чтенія депеши Гуннинга отъ 4 октября 1774 г. «Вліяніе Потемкина,— говорится въ русскомъ изданіи,—идетъ все впередъ, между тѣмъ какъ Екатерина не замѣчаетъ, что ея сынъ подъ его вліяніемъ. Ея политика идетъ еще дальше, она ищетъ способа вернуть этого недовѣрчиваго сына и старается, чтобы отдалить ее, увѣренная, что самъ по себѣ онъ не способенъ встать противъ нея или ей сопротивляться» (стр. 204). Во французскомъ текстѣ нѣчто иное. Тамъ говорится, что вліяніе Потемкина растетъ, между тѣмъ какъ Екатерина не терпитъ, чтобы ея сынъ (Павелъ) имѣлъ и тѣнь подобнаго вліянія; она даже стремится поселить въ немъ недовѣрчивость и угрюмость, чтобы уединить его, въ увѣренности, что одинъ онъ не можетъ противиться ей (см. стр. 290 фр. изд.). Не будемъ уже говорить о мелкихъ неточностяхъ, невѣрномъ

переводѣ отдѣльныхъ фразъ и выраженій. Такъ, напримѣръ, «autrichiens» почему то переведено «пруссаки», «la ferme des eaux de vie» (винные откупа) переведено «ферма водки» и т. д. Не будемъ говорить и о невѣрной передачѣ именъ собственныхъ и т. под. неточностяхъ. Еслибы мы вздумали приводить всѣ упущенія, неточности и нелѣпости перевода, намъ пришлось бы исписать нѣсколько страницъ. Но и приведеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, что «1-ымъ русскимъ переводомъ съ берлинскаго изданія» нельзя пользоваться со сколько-нибудь серьезными цѣлями.

А. Г. Брикнеръ. Смерть Павла I. со статьею В. И. Семевскаго. Переводъ М. Чепинской. Изд. Пирожкова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Цареубійство 11-го марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ. Изд. А. Суворина. Спб. 1907 г. Цѣна 3 р.

Убійство императора Павла. Русская Историческая Библіотека. № 14. Книгоиздательство „Донская Рѣчь". Цѣна 20 к.

Царствованіе императора Павла до сихъ поръ очень мало изучено. Отчасти этому способствовало и то, что до самаго послѣдняго времени невозможно было касаться трагическаго конца этого царствованія. Достаточно сказать, что еще въ 1901 г., когда прошла уже 100-лѣтняя давность событія 11-го марта, историкъ Шильдеръ въ своемъ трудѣ «Императоръ Павелъ I», доступномъ къ тому же по своей дорогой цѣнѣ ограниченному кругу читателей, обошелъ молчаніемъ цареубійство, предоставивъ читателямъ лишь догадываться о драмѣ, происшедшей въ Михайловскомъ дворцѣ въ ночь на 12-ое марта 1801 г. Лишь за послѣдніе годы трагедія 11-го марта предстала передъ публикой во всей своей наготѣ, въ тѣсной связи съ самымъ характеромъ царствованія Павла.

Минувшій 1907 годъ былъ богатъ книгами, посвященными этому событію. Въ числѣ ихъ нужно прежде всего отмѣтить «Смерть Павла I» Брикнера со статьею В. И. Семевскаго. Брикнеръ попытался разобраться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ современниковъ о событіи 11-го марта 1801 г. и выяснить его причины. Онъ смотритъ на отстраненіе Павла отъ престола, какъ на неизбѣжную мѣру, необходимую и справедливую съ точки зрѣнія государственнаго права. Государство не можетъ управляться сумасшедшимъ человѣкомъ, ненормальность же неограниченнаго самодержца, не встрѣчая на пути своего проявленія никакого препятствія, можетъ привести государство къ гибели,—таковы исходныя точки зрѣнія Брикнера. Поэтому онъ рѣзко выдѣляетъ среди заговорщиковъ Панина и другихъ лицъ, которыя стремились лишь отстранить Павла отъ престола въ виду его психической ненормальности, назначивъ регентомъ или соправителемъ Александра. Ихъ онъ

считаетъ государственными людьми, дѣйствія которыхъ вполнѣ оправдывались государственною пользою. Въ самомъ цареубійствѣ 11-го марта онъ отличаетъ переворотъ, продиктованный государственной необходимостью, отъ обычнаго дворцоваго переворота, какими былъ такъ обиленъ XVIII вѣкъ. Очеркъ Брикнера далеко не имѣетъ исчерпывающаго характера, ибо самое царствованіе Павла не обрисовано имъ. Въ этомъ отношеніи необходимымъ добавленіемъ къ очерку Брикнера служитъ статья В. И. Семевскаго. Она заключаетъ въ себѣ общій, сжатый очеркъ царствованія Павла I, ярко обрисовывающій деспотизмъ этого государя, окрашивающій всю его внутреннюю политику. Авторъ довольно подробно разбираетъ вопросъ о сумасшествіи Павла, склоняясь къ мнѣнію, что Павелъ страдалъ маніей преслѣдованія и эротоманіей и что у него «стремленіе къ неограниченному самовластію, требованіе безусловнаго и немедленнаго повиновенія»... представляло «что-то вродѣ навязчивой идеи» (стр· XVI). Въ статьѣ В. И. Семевскаго кратко, но выпукло изложено отношеніе Павла къ крестьянскому вопросу, къ приписнымъ крестьянамъ, раскольникамъ и сектантамъ, къ печати, къ свободѣ мысли и слова. Довольно детально разобранъ также авторомъ вопросъ о конституціонныхъ планахъ среди заговорщиковъ во время переворота 11-го марта и объ отношеніи къ нимъ Александра I.

Общій, довольно объективно составленный, очеркъ царствованія Павла далъ и г. Шумигорскій въ книгѣ «Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе». На ряду съ довольно подробной картиной трагедіи 11 марта и ея причинъ читатель можетъ изъ этой книги ознакомиться съ мѣропріятіями Павла въ различныхъ отрасляхъ управленія. Не смотря на мягкое, чтобы не сказать болѣе, отношеніе автора къ Павлу, и у него вырывается такая оцѣнка этого царя: «деспотъ желалъ имѣть возлѣ себя однихъ лишь рабовъ,— и въ этомъ заключался главный источникъ его гибели. Рабы сдѣлались орудіемъ предателей» (стр. 201). Книга г. Шумигорскаго является передѣлкою статьи того же автора, помѣщенной въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ. (Изд. Р. И. Общ. 1902 г.); наиболѣе крупнымъ добавленіемъ въ книгѣ является описаніе убійства Павла.

Два сборника: «Цареубійство 11-го марта 1801 г.». (изд. А. Суворина) и «Убійство императора Павла» (изд. Донской Рѣчи), заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ воспоминаній современниковъ, какъ о самомъ цареубійствѣ, такъ отчасти и о времени Павла. Въ «Цареубійствѣ 11 марта» очень цѣнны воспоминанія Беннигсена—одного изъ заговорщиковъ, присутствовавшаго при убійствѣ. Цѣнны также записки Ланжерона, по имѣющимся въ нихъ разсказамъ того же Беннигсена, Палена—организатора переворота 11-го марта, великаго князя Константина; наконецъ, записки Чарторыйскаго, который, какъ личный другъ Александра I, слышалъ отъ него самого по-

дробности заговора и несомнѣнно многое—особенно относительно участія въ заговорѣ самого Александра—передаетъ съ его словъ.

Чрезвычайно цѣнными для изученія времени Павла и его смерти являются записки Саблукова, писавшаго частью на основаніи личныхъ впечатлѣній, частью на основаніи разсказовъ участниковъ переворота, не стѣснявшихся въ упоеніи успѣхомъ разсказывать всѣ подробности удачно выполненнаго предпріятія. Очень важны также записки фонъ-Визина. Онъ даетъ наиболѣе полный списокъ заговорщиковъ и болѣе подробныя, чѣмъ другіе, свѣдѣнія какъ о проектѣ регентства, такъ и о конституціонныхъ планахъ заговорщиковъ. Въ томъ же сборникѣ помѣщены записки гр. Ливенъ, Коцебу, сообщившаго рядъ любопытныхъ фактовъ изъ жизни и царствованія Павла, и, наконецъ, воспоминанія Гейкинга, въ которыхъ можно найти подробныя свѣдѣнія о причинахъ удаленія Палена. Всѣмъ этимъ воспоминаніямъ предпослано введеніе, въ которомъ дѣлается попытка выяснить причины катастрофы. Авторъ этого предисловія сильно идеализируетъ Павла. Онъ отрицаетъ сумасшествіе Павла, считая, что ссылка на сумасшествіе есть лишь средство, пущенное въ ходъ заговорщиками съ цѣлью обѣлить себя. Умъ и система, свѣтившіеся, по мнѣнію автора, во внутренней и внѣшней политикѣ Павла, достаточно доказываютъ его умственную нормальность Его раздражительность и вспыльчивость приводили его къ необдуманнымъ, порою жестокимъ распоряженіямъ, но его система управленія послужила въ главнѣйшихъ чертахъ прототипомъ управленія Александра I и Николая I. Доказательство этого взгляда не обходится у автора безъ явнаго преувеличенія однихъ фактовъ и игнорированія другихъ.

Въ брошюрѣ «Убійство императора Павла» читатель найдетъ 4 разсказа современниковъ (фонъ-Визина, Вельяминова-Зернова, Саблукова и Чарторыйскаго), изображающіе переворотъ 11 марта 1801 г. Къ сожалѣнію, этотъ сборникъ, небольшой по объему и недорогой по цѣнѣ, составленъ недостаточно внимательно. Не говоря уже о небрежной корректурѣ (манифестъ о 3-дневной барщинѣ, напримѣръ, помѣченъ 1788 г. вмѣсто 1797 г.), нигдѣ не оговорены сокращенія, сдѣланныя въ приводимыхъ воспоминаніяхъ. А между тѣмъ нѣкоторые пропуски, не смотря на ихъ ничтожный размѣръ, довольно существенны. Такъ, въ воспоминаніяхъ фонъ-Визина опущено почему-то замѣчаніе, что радость по поводу убійства Павла изъявляло лишь дворянство, «прочія же сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно». Фраза эта не велика, но характерна для оцѣнки событія. Подобныя же сокращенія сдѣланы и въ другихъ мемуарахъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ. Но, не смотря на эти пропуски и другіе недостатки изданія, лишающіе сборникъ научнаго значенія, онъ все же является небезполезнымъ вкладомъ въ популярную литературу о Павловскомъ времени.

В. Кожевниковъ. Великая крестьянская война въ Германіи (1524—1525 г.). Спб., стр. 132.

Книжка г. В. Кожевникова представляетъ собой простую компиляцію цѣлаго ряда монографическихъ изслѣдованій по исторіи Германіи и Европы, при чемъ только одна изъ этихъ монографій указывается въ оригиналѣ. Компиляція г. Кожевникова желаетъ дать популярное изложеніе исторіи крестьянской войны въ Германіи, такъ какъ авторъ полагаетъ, что труды Циммермана и Энгельса «не пригодны для широкой публики». Однако, у нашего автора при составленіи его труда была и другая цѣль: видя «особенность русскаго государства» въ томъ, что въ немъ совмѣщаются «элементы прогресса культурныхъ странъ Запада и дикость и нищета Востока», г. Кожевниковъ желаетъ дать своего рода историческій урокъ народнымъ вождямъ революціоннаго движенія; его особенно смущаетъ тотъ фактъ, что у насъ «вслѣдъ за борющимся на передовыхъ позиціяхъ пролетаріатомъ, объединеннымъ подъ знаменемъ международной соціалъ-демократіи, выступаетъ многомилліонная крестьянская масса и готовится «тяжелой поступью своею» скрѣпить свое «стремленіе» при заревѣ пожаровъ и революціонномъ кличѣ: «земли и воли!» Безплодная борьба народныхъ массъ «за неосуществимыя, недостижимыя въ данный историческій моментъ цѣли»—вотъ что заставляетъ автора брошюры взяться за перо и при помощи страшныхъ образовъ XVI вѣка предупредить роковую ошибку русскаго движенія.

Компиляція г. Кожевникова сама по себѣ можетъ быть поучительнымъ чтеніемъ, способна даже быть своего рода введеніемъ къ болѣе серьезному изученію вопроса. И это не столько по винѣ самого автора, сколько по винѣ излагаемыхъ имъ фактовъ. Трагическая борьба нѣмецкаго крестьянства за свою свободу передъ окончательнымъ закрѣпощеніемъ воистину полна глубочайшаго интереса и заслуживаетъ вниманія всѣхъ, въ комъ только бьется человѣческое сердце и работаетъ критическая мысль. Крестьянское возстаніе 1524 — 1525 г. г.—это страшный документъ соціальной исторіи, характеризующій собой торжество человѣконенавистничества и насилія. Достаточно сказать, что 100.000 крестьянскихъ труповъ покрыли нѣмецкія поля, при чемъ главными средствами побѣды были клятвопреступленія и обманъ, а главнымъ орудіемъ торжества топоръ и плаха. Потрясающія событія задушеннаго въ крови крестьянскаго бунта говорятъ сами за себя, и въ изложеніи г. Кожевникова они только теряютъ въ своей мрачной торжественности. До пошлости вульгарный, «митинговый» языкъ компилятора напрасно старается подбавить дешеваго перцу къ печальной хроникѣ 1524 г.

Но мы думаемъ, что г. Кожевниковъ не достигаетъ и второй своей цѣли. Сравнивать первую четверть XVI вѣка и начало XX все-таки нѣсколько рискованно. И хотя авторъ освобождаетъ себя отъ подробнаго изображенія въ высшей степени пестрыхъ поземель-

ныхъ порядковъ въ юго-западной Германіи, однако же различіе между аграрнымъ строемъ феодальнаго порядка и поземельнымъ устройствомъ русскаго крестьянина XX вѣка слишкомъ велико, чтобы можно было изъ крушенія перваго строить какія-либо выводы по отношенію ко второму. Насколько намъ извѣстно, между крѣпостнымъ правомъ, увѣнчавшимъ собой крестьянскую войну, и торжествомъ новыхъ формъ капиталистическаго общества, наблюдаемыхъ въ настоящее время, нѣтъ ровно ничего общаго. Думаемъ, что самый ортодоксальный марксизмъ окажется на нашей сторонѣ.

Особенно отталкивающе дѣйствуетъ въ книжкѣ г. Кожевникова та грубая и мѣщанская мораль, которую онъ выводитъ изъ изложенной имъ исторіи крестьянскаго движенія. Съ великимъ торжествомъ указываетъ онъ на неуспѣхъ возстанія 1525 г. и предлагаетъ не противиться злому, а безъ всякаго бунта идти въ кабалу «даннаго историческаго развитія»: «бываютъ-де эпохи, когда сама исторія проклинаетъ свободу и благословляетъ палачей». Нельзя не видѣть въ этомъ того же приглашенія идти безропотно на «выучку къ капитализму», которое уже разъ было провозглашено нашей «ортодоксіей».

Проф. Эд. Дженксъ. Происхожденіе верховной власти, пер. съ англійскаго Э. Серебрякова. Спб. 1907 г., стр. 152.

Книжка проф. Дженкса не велика объемомъ, но очень содержательна и интересна. Въ ней мы находимъ систематичное и послѣдовательное обоснованіе государства съ соціальной точки зрѣнія, при чемъ авторъ даетъ типичные и характерные образы общества дикарскаго, патріархальнаго и современнаго политическаго. Отличительную черту Дженкса уже въ настоящей классификаціи представляетъ то, что онъ совершенно не различаетъ феодальнаго государства и современнаго капиталистическаго и обосновываетъ одинаково то и другое на одномъ и томъ же началѣ.

Какъ очевидно уже изъ сказаннаго, экономическій факторъ у англійскаго соціолога не играетъ той исключительной, доминирующей роли, которая присуща всѣмъ изложеніямъ школы историческаго матеріализма. И хоть нашъ авторъ очень внимательно и подробно изслѣдуетъ хозяйственную организацію разныхъ типовъ общества, и большую часть своей книги посвятилъ какъ разъ экономичесиому фактору, однако, этотъ послѣдній нигдѣ не является у него изолированнымъ, но въ общей связи съ организаціей тотема и орды, племени, клана и семейной единицы. Чрезвычайно важное значеніе придаетъ нашъ авторъ развитію религіозныхъ вѣрованій, бытовыхъ и юридическихъ обычаевъ и т. п. идеологическихъ элементовъ. Характеристики дикарскаго и патріархальнаго общества вообще надо считать чрезвычайно удавшимися, онѣ значительно дополняютъ болѣе старые труды Мэна и Ковалевскаго.

Но съ чѣмъ мы никакъ не можемъ согласиться — это съ тѣмъ одностороннимъ сведеніемъ современнаго общества къ военному началу, которое намъ живо напоминаетъ «новое ученіе о государствѣ» Антона Менгера. Правда, у Менгера начало силы и мощи, къ которому сводится все теперешнее индивидуалистическое царство богатыхъ, намѣчено очень неопредѣленно и противорѣчиво; и если подчасъ на первый планъ у него выступаетъ военная сила, то очень часто она смѣняется силой вообще, которая можетъ быть присуща разнымъ общественнымъ классамъ и выражаться въ различныхъ проявленіяхъ. Дженксъ свободенъ отъ этихъ упрековъ. И если вообще онъ понимаетъ политическое искусство, какъ борьбу «коршуновъ и вороновъ», то современное государство онъ цѣликомъ сводитъ къ развитію военной организаціи, военной техники и военныхъ инстинктовъ. Успѣшныя войны повели къ созданію первыхъ государствъ, счастливые завоеватели стали первыми ихъ владыками, организація дружины легла въ основу государственной службы и управленія, а замѣна спорадическаго грабежа — грабежомъ организованнымъ и постояннымъ привела къ системѣ податныхъ тягостей покореннаго населенія. Главною связью новаго общества явилась «военная вѣрность», которая въ свою очередь привела къ территоріальной организаціи государственной власти. Съ величайшимъ остроуміемъ и послѣдовательностью выводитъ Дженксъ изъ феодальнаго строя и современную собственность, и правосудіе, и законодательство, и администрацію, которыя всѣ, несмотря на различный ходъ своего развитія, тѣмъ не менѣе, коренятся въ общемъ военномъ источникѣ новаго общества. Такъ, несмотря на подавляющее преобладаніе грубыхъ и жестокихъ сторонъ человѣческой жизни, все же подъ «борьбою коршуновъ и вороновъ» развивается «слабое, несовершенное, но все же стремленіе ввести въ жизнь глубоко заложенный инстинктъ человѣчества, который побуждаетъ человѣка обращаться за помощью и руководствомъ къ человѣку-же».

Дженксъ въ концѣ концовъ надѣется, что, несмотря на всѣ «ужасныя, отталкивающія побочныя обстоятельства» нашъ соціальный инстинктъ приведетъ къ созданію «высшаго идеала». Мы полагаемъ, однако, что теорія Дженкса далеко не оправдываетъ такихъ надеждъ и упованій. Игнорируя современное экономическое и культурное развитіе, отодвигая на послѣдній планъ революціонную борьбу современнаго человѣчества, забывая о громадномъ значеніи чисто психическихъ, массовыхъ процессовъ, нашъ авторъ не только лишилъ свое ученіе полноты и всесторонности, но и какого бы то ни было просвѣта въ грядущее царство свободы.

Проф. В. Зомбартъ. Пролетаріатъ въ Америкѣ, перев. съ нѣм. Б Н. Смирнова. (Библіотека просвѣщенія № 36). Спб., стр. 160.

Книга проф. Зомбарта, посвященная американскому пролетаріату, отличается обычными достоинствами, свойственными этому автору. Ясность и послѣдовательность плана, художественность изложенія, простота и доступность серьезныхъ научныхъ положеній — все это найдетъ русскій читатель въ предлагаемой книжкѣ автора «Соціальнаго движенія» и «Современнаго капитализма». Сама тема даетъ бреславльскому профессору возможность особенно развернуть ту сторону его метода, которая коренится въ способности широкихъ психологическихъ обобщеній. Въ самомъ дѣлѣ, американскій пролетаріатъ до сей поры отличался одною чертой, которая рѣзко противопоставляла его континентальному и дѣлала его своего рода загадкой въ глазахъ не однихъ только ортодоксальныхъ марксистовъ: несмотря на колоссальное развитіе капитализма въ Соединенныхъ Штатахъ, одинъ американскій пролетаріатъ оказался почти недоступнымъ идеямъ соціализма, неспособнымъ къ организаціи чего-либо подобнаго нѣмецкой и французской соціалистической партіи. Въ чемъ заключается причина такого страннаго на первый взглядъ явленія—на этотъ вопросъ В. Зомбартъ даетъ посильный отвѣтъ въ своей книжкѣ.

Прежде всего, онъ останавливается на матеріальномъ положеніи рабочихъ. Нормальный американскій рабочій экономически обставленъ настолько хорошо, что уровень его жизни можетъ развѣ идти въ сравненіе съ жизнью какого-нибудь мелкаго буржуа въ Европѣ. Четыре комнатки въ отдѣльномъ особнякѣ — коттеджѣ — здоровая пища съ неизвѣстнымъ для европейскаго рабочаго количествомъ мяса, внѣшній обликъ настоящаго джентельмена, а у работницъ — элегантной дамы, наконецъ общественное положеніе, которому могъ бы позавидовать нѣмецкій бюргеръ неблагороднаго происхожденія—все это создаетъ почву для такого довольства и комфорта, которые не заставляютъ желать ничего лучшаго. Еще болѣе примиряетъ американца—джентельмена труда—съ его участью то изобиліе свободныхъ земель, которое даже въ настоящее время даетъ возможность каждому недовольному искать счастія въ земледѣліи на дѣвственныхъ территоріяхъ страны. И если на фабрикѣ рабочій встрѣчаетъ въ высшей степени корректное и вѣжливое обращеніе, то, съ другой стороны, предприниматели стараются всѣми силами заинтересовать рабочихъ въ денежномъ успѣхѣ предпріятія, сдѣлать ихъ участниками самого дѣла.

Отсюда понятенъ тотъ оптимизмъ и капиталистическій духъ, которымъ исполненъ средній американскій рабочій. Онъ всѣмъ сердцемъ воспринялъ вѣру въ долларъ и твердо убѣжденъ, что богатство—непремѣнная награда энергіи ума и таланта. Передъ

глазами пролетарія чуть не ежедневно нищіе становятся Крезами, и плохъ тотъ солдатъ, который не думаетъ быть генераломъ. Американскіе профессіональные союзы проникнуты менѣе всего классовымъ самосознаніемъ, они являются только одной изъ договаривающихся сторонъ въ общей борьбѣ за обдираніе потребителя въ пользу тѣхъ или иныхъ «производителей». Нерѣдки даже союзы предпринимательскихъ трестовъ и рабочихъ организацій въ цѣляхъ монопольнаго обладанія рынкомъ, при чемъ профессіональныя группы привилегированныхъ рабочихъ столь-же враждебно относятся къ своему сопернику, пролетарію, какъ предприниматели къ своимъ конкурентамъ въ области производства. Такія «alliances» Зомбартъ называетъ организаціями «для совмѣстнаго ограбленія публики соединенными предпринимателями и рабочими одной отрасли промышленности». По выраженію самихъ американцевъ, «тредъ-юніонизмъ есть дѣловой методъ улучшенія положенія наемнаго работника при высоко-организованныхъ условіяхъ современнаго промышленнаго міра». «Торговаться за прибавки — значитъ дѣлать дѣло»...

Наряду съ высокимъ процвѣтаніемъ капитализма съ крайне благопріятными экономическими условіями, не меньшую помѣху для развитія соціализма видитъ Зомбартъ и въ чрезвычайномъ развитіи демократическаго начала въ великой заатлантической республикѣ. Демократія громадной страны отдала весь политическій аппаратъ законодательства и управленія въ руки народа, а тѣмъ самымъ привела къ созданію двухъ могущественныхъ политическихъ партій, которыя и берутъ на себя всю организацію политической машины. И если, съ одной стороны, эти партіи ставятъ все дѣло на чисто практическую почву, а изъ политики дѣлаютъ прибыльное предпріятіе, основанное на продажѣ и покупкѣ должностей и голосовъ, то съ другой — тѣ же партіи весьма чутки ко всякому движенію среди массы избирателей. Будучи совершенно безпринципны въ политическомъ отношеніи, онѣ не только всасываютъ въ себя все выдающееся, что попадается среди рабочихъ, но и готовы быть сами представительницами рабочихъ интересовъ, поскольку эти послѣдніе не противорѣчатъ интересамъ «націи». Чисто американскій патріотизмъ связываетъ, наконецъ, въ одно цѣлое тѣ два народа, которые такъ враждебно противостоятъ другъ другу въ современной Европѣ.

Однако, американское Эльдорадо представляетъ собой только одинъ фазисъ экономическаго развитія. Дальнѣйшее развитіе капитализма должно неизбѣжно привести Америку къ тѣмъ же самымъ результатамъ, къ которымъ уже пришли болѣе старыя страны. Въ новомъ трудѣ, который Зомбартъ обѣщаетъ намъ дать, онъ собирается какъ разъ «доказать, что всѣ тѣ моменты, которые до сихъ поръ препятствовали въ Соединенныхъ Штатахъ развитію соціализма, въ скоромъ времени или исчезнутъ, или превратятся въ

свою противоположность, и что, благодаря этому, въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій, соціализмъ, по всей вѣроятности, достигнетъ въ Союзѣ полнаго расцвѣта».

Оставляя до будущей книги Зомбарта рѣшеніе вопроса о томъ, поскольку соціализмъ въ концѣ концовъ и здѣсь явится спутникомъ капитализма, мы пока считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателя на небольшой, но содержательный опытъ нашего ученаго— опытъ, который, кстати сказать, появился на русскомъ языкѣ въ очень приличномъ переводѣ. При нашемъ обзорѣ мы не исчерпали и сотой части богатаго содержанія разбираемой книжки.

Рихардъ Авенаріусъ. Критика чистаго опыта. Пер. съ нѣмецкаго Ив. Өедорова. Томъ первый. Спб. 1907. XVIII+124 стр. Ц. 80 к.

Настоящій переводъ перваго тома знаменитой «Критики чистаго опыта» Рихарда Авенаріуса сдѣланъ «со второго нѣмецкаго изданія, исправленнаго Іозефомъ Петцольдомъ по указаніямъ, оставшимся послѣ смерти автора». Дополненія, внесенныя Петцольдомъ, заимствованы имъ изъ рукописныхъ надписей на экземплярахъ «Критики», принадлежавшихъ самому Авенаріусу; сверхъ того, редакторомъ второго изданія были сдѣланы нѣкоторыя чисто-стилистическія измѣненія; но, какъ заявляетъ самъ Петцольдъ (стр. VI), «въ общемъ, новое изданіе, надо сказать, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ перваго».

По поводу появленія русскаго перевода «Критики чистаго опыта» мы не будемъ говорить о философіи Авенаріуса, ибо даже самая общая оцѣнка этой философіи съ трудомъ вмѣстилась-бы въ предѣлахъ простой рецензіи. Къ тому-же постоянные читатели «Русск. Бог.» не только были уже ознакомлены съ философіей Авенаріуса, но имѣли даже передъ собой двѣ не вполнѣ сходныя между собой оцѣнки этой системы: они имѣли и статью полнаго и безусловнаго сторонника Авенаріуса и другую статью, въ которой авторъ, признавая Авенаріуса однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей XIX вѣка, критиковалъ его ученіе съ независимой точки зрѣнія.

Поэтому, по существу, т. е. относительно самого содержанія книги, мы ограничимся лишь одной цитатой изъ предисловія редактора второго изданія (ближайшаго и талантливѣйшаго изъ учениковъ Авенаріуса) Іозефа Петцольда. Къ тому-же, эта цитата, какъ намъ кажется, поможетъ читателямъ разобраться въ разнорѣчивыхъ оцѣнкахъ труда Авенаріуса.

Перечисляя причины, которыя, по его мнѣнію, помѣшали труду Авенаріуса имѣть должное вліяніе, Петцольдъ (на стр. VI) говоритъ: «Критику чистаго опыта считаютъ «философскимъ» произведеніемъ. Но она мало даетъ большинству философовъ, потому что мало занимается ихъ проблемами. А иные, къ тому-же, опасаются

утратить свою философскую оригинальность передъ лицомъ этой книги, если только не отвергнуть ея, и страшатся, не стать-бы «учениками». Напрасные страхи! *Произведеніе это отъ начала до конца естественно-научное даже во второмъ своемъ томѣ, въ Психологіи»* (курсивъ нашъ).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію достоинства перевода. Если-бы это былъ переводъ не такой замѣчательной книги, то мы назвали бы его удовлетворительнымъ. Но къ переводчику Авенаріуса нужно предъявлять строгія требованія. А строгимъ требованіямъ этотъ переводъ далеко не отвѣчаетъ: онъ часто неточенъ и тяжеловѣсенъ, тяжеловѣснѣе даже подлинника. Мы не свѣряли всего перевода слово за словомъ, но, просматривая въ различныхъ мѣстахъ по нѣсколько страницъ наугадъ, почти всюду встрѣчали нѣкоторые недостатки.

Чтобы не затруднять читателей нѣмецкими цитатами, приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ.

Въ § 37 мы читаемъ: «Однако, какъ *нельзя* было предположить человѣческаго индивида безъ всякой среды, такъ *не должны* мы и среду предполагать гарантирующей абсолютное сохраненіе». Мы подчеркнули слова «нельзя» и «не должны», ибо эти слова являются вставкой переводчика и вставкой далеко не безразличной. Въ подлинникѣ сказано: «Ebensowenig jedoch, wie wir ein menschliches Individuum ohne alle Umgebung annehmen, haben wir es in einer Umgebung vorauszusetzen, welche eine absolute Erhaltung gewährleistete». Т. е. авторъ не подчеркиваетъ того обстоятельства, что индивида *нельзя* представить безъ среды, и не говорить, что среду *не должно* представлять себѣ такою то, а просто говоритъ, что онъ не представляетъ индивида ни безъ среды, ни въ такой средѣ, которая обезпечиваетъ абсолютное сохраненіе.

Въ § 38 читаемъ: «По идеѣ, эмпиріокритическая предпосылка должна заключать въ себѣ тотъ матеріалъ, изъ котораго развертываются философскія системы и спеціальныя теоріи; но по идеѣ-же—ничего такого, во что ее превращаютъ лишь сами системы и теоріи». Въ подлинникѣ читаемъ: Die empiriokritische Voraussetzung soll—der Idee nach—alles Material in sich schliessen, woraus sich die philosophischen Systeme und speciellen Erkenntnistheorien entwickeln; aber—dem Ideal nach—nichts, wozu es System und Theorie erst machen». Здѣсь, не говоря уже о нѣкоторой тяжеловѣсности перевода и о томъ, что слово «entwickeln» лучше было-бы передать словомъ: «развиваются», а не словомъ: «развертываются»—мы отмѣтимъ слѣдующія ошибки: во-первыхъ, «speciellen Erkenntnistheorien», т. е. «спеціальныя теоріи знанія» превратились у переводчика просто въ «спеціальныя теоріи»; во-вторыхъ, выраженіе: «dem Ideal nach», т. е., «въ идеалѣ» превратилось въ выраженіе: «по идеѣ-же»; въ третьихъ, переводчикъ не понялъ, что въ фразѣ «wozu es» и т. д. мѣстоименіе «es» относится къ существи-

тельному «Material» (которое по-нѣмецки средняго рода), а отнесъ это мѣстоименіе къ существительному «предпосылка», благодаря чему весь смыслъ фразы извратился.

Приведемъ еще одинъ примѣръ, въ которомъ допущена, повидимому, лишь маленькая неточность, но, благодаря этой неточности, получается совершенно иная окраска фразы. Въ § 190 мы читаемъ: «Объ одномъ важномъ различіи между жизнеразностями, *все значеніе котораго, вѣроятно, не обнаружится* на протяженіи дальнѣйшихъ изслѣдованій, слѣдуетъ лишь упомянуть здѣсь». Въ подлинникѣ читаемъ: «Ein wichtiger Unterschied der Vitaldifferenzen, dessen Bedeutung aber voraussichtlich nicht mehr innerhalb der folgenden Untersuchung an Tag treten wird, werde hier nur erwähnt». Читатель, во-первыхъ, видитъ, что переводчикъ произвольно говоритъ во множественномъ числѣ о «дальнѣйшихъ изслѣдованьяхъ». тогда какъ авторъ пользуется существительнымъ Untersuchung въ единственномъ числѣ; но это неважно, а важна подчеркнутая нами фраза: «все значеніе котораго, вѣроятно, не обнаружится», тогда какъ авторъ просто говоритъ: «nicht mehr... an Tag treten wird», т. е. «съ которымъ мы больше не встрѣтимся». Т. е. авторъ хочетъ сказать, что онъ лишь упомянетъ о такомъ различіи, съ которымъ больше онъ, вѣроятно, и не встрѣтится въ своемъ изслѣдованіи, а переводчикъ придаетъ этой фразѣ тотъ смыслъ, будто авторъ не надѣется выяснить все значеніе этого различія.

Повторяемъ, будь это переводъ не такого важнаго труда, какъ книга Авенаріуса, мы не обратили-бы вниманія на всѣ эти, сравнительно, мелкія погрѣшности, но когда дѣло идетъ о такомъ крупномъ явленіи, какъ философія Авенаріуса, то мы должны предъявлять къ переводчику высокія требованія. Мы могли-бы привести еще очень много подобныхъ-же погрѣшностей переводчика.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

И. И. Лященко. Очеркъ аграрной эволюціи. Т. I. Спб. 1908. Ц. 3 р.

Н. И. Лазаревскій. Прив.-доц. Лекціи по русскому государственному праву. Т. I. Конституціонное право. Спб. 1908. Ц. 3 р.

А. И. Богдановичъ. Годы перелома 1895—1906. Сборникъ критическихъ статей. Кн.-во „Міръ Божій". Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

I. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ разви-

тіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. 2-й. XIX в. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Череванинъ. Современное положеніе и возможное будущее. М. 1908. Ц. 1 р. 10 к.

Изд. Т-ва М О. Вольфъ: 1) *Г. Веймеръ*, д-ръ. Исторія педагогики. Пер. съ нѣм К. Тюлеліевъ. 1908. Ц 1 р.— 2) *Гансъ Геферъ*. Нефть и ея производныя. Пер. со 2-го нѣм. изд. Генр. Крейцера. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

Б. Н. Лебедевъ. „Проклятіе звѣря". Л. Андреева. Спб. 1908. Ц. 8 к.

Н. Соувгетъ Шэлеръ. Гражданинъ и его отношеніе къ государству. Вып. 2-й. Пер. В. Лермантова. Нарва. 1907. Ц. 75 к.

Проф. *Вс. Удинцевъ*. Исторія займа. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Д. И. Суботичъ. Амурская желѣзная дорога и наша политика на Дальнемъ Востокѣ. Спб. 1908. Ц 20 к.

Д-ръ И. Бомштейнъ и д-ръ Р. Лунцъ. Вскармливаніе ребенка со дня рожденія до пятилѣтняго возраста. М. 1908 Ц. 1 р. 50 к.

Л. Слонимскій. О великой лжи нашего времени. К. Побѣдоносцевъ и кн. В. Мещерскій. Спб. 1908. Ц 50 к.

В. Вересаевъ. На войнѣ. Записки. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ Т-ва „Знаніе". Т. XXI. Спб. 1908. Ц. 1 р.

В. Тэнеръ. Вмѣсто книги. Пер. подъ ред. М. Симановскаго. М. 1908. Ц. 3 р. 25 к.

Е Чепурковкій. Элементы общаго землевѣдѣнія. Ч. I. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Отто Рюле. Объясненіе половыхъ отношеній дѣтямъ. Пер. съ нѣмец. М. Таганскаго. Спб. 1908. Ц. 10 к.

Эрнстъ Махъ. Историко-критическій очеркъ развитія механики. Пер. Б. Лебедева Спб 1908. Ц. 25 к.

Павелъ Астровъ. По поводу книги Н. Морозова „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ". М. 1908. Ц. 5 к.

Лили Браунъ. Профессія и материнство. (О страхованіи материнства). Спб. 1908. Ц. 20 к.

А. Антоновъ. Еще одно рѣшеніе. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Г. Василевскій. Интеллигентная земледѣльческая община Криница. Къ исторіи исканій общественныхъ формъ идеальной жизни. Кн-во „Посѣвъ". Спб. 1908. Ц. 85 к.

Мэтью Арнольдъ. Въ чемъ сущность христіанства и іудейства. Изд. „Посредникъ". М. 1908. Ц. 75 к.

Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго Вып. 1-й. Изд. Панафидиной. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

П. Борецкій-Бергфельдъ. Исторія Венгріи въ средніе вѣка и новое время. Изд. т-ва Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

С. М. Роговинъ. Деизмъ и Давидъ Юмъ. Кн. „Заратустра". М. 1908. Ц. 75 к.

Давидъ Юмъ. Діалоги о естественной религіи, съ прил. о „самоубійствѣ" и „о безсмертіи души". Пер. С. Роговина. К-во „Творческая Мысль". М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Е. С. Дрентельнъ, женщ.-врачъ. Этюды о природѣ женщины и мужчины. М. 1908. Кн-во Брейтигама. Ц. 1 р. 60 к.

Е. С. Дрентельнъ, женщ.-врачъ. О проституціи съ точки зрѣнія динамики жизни. М. 1908. Кн-во Брейтигама. Ц. 60 к.

Л. Щепотьевъ. Женская душа. Миніатюры, сказки, афоризмы. М. 1908. Ц. 50 к.

А. Колычевъ. Города, какъ самоуправляющіяся земскія единицы. Вологда. 1908.

Вил. Оствальдъ. Путеводныя нити въ химіи. Пер. подъ ред. К. Худякова. М. 1908. Ц. 1 р. 40 к.

Генрихъ Риккертъ. Философія исторіи. Пер. съ нѣм. С. Гессена. Изд. Д. Жуковскаго. Спб. 1908. Ц. 75 к.

В. Ѳ. Тотоміанцъ. Потребительныя общества. Исторія, теорія и практика. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Евг. Мауринъ. Власть тѣла. Разсказы. Спб. 1908 Ц. 1 р.

М. Кузьминъ. Сѣти. К-во „Скорпіонъ". М. Ц. 1 р. 60 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. К-во „Скорпіонъ". Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Т. II. К-во „Скорпіонъ". 1908. М. Ц. 2 р.

Иванъ Бунинъ. Стихотворенія. Т. IV. Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1908. Ц. 1 р.

Сергѣй Соловьевъ. Crurifragium. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Западные сборники. Книга вторая. К-во „Современныя Проблемы". М. 1908. Ц. 1 р.

П. Вейнбергъ. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Изд. 2 е. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Вл. Самчевскій. Пророкъ. Случайно найденная рукопись. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

М. Флееръ. Между стѣнъ. Драматическій этюдъ. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Сергій Ефремовъ. Літературний намул. Ц. 15 к.

Сергій Ефремовъ. Марко Вовчок. Літературна характеристика. У Киіві. 1907. Ц. 10 к.

Д. Марковичъ По степах та хуторах. У Киіві. 1908. Ц. 65 к.

О. Н. Чюмина. Осенніе вихри. Стихи. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Вл. Ходасевичъ. Молодость. Стихи 1907 г. Кн-во „Грифъ". М. 1908. Ц. 70 к.

Октавъ Мирбо. Любовь. Шутка фарсъ. Пер. А. Шукянъ. Кн-во „Весна". М. 1908. Ц. 20 к.

П. Ѳ. Порфировъ. Стихотворенія 1888—1903. Посмертное изданіе. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

П. Юшкевичъ. Матеріализмъ и критическій реализмъ. К-во „Зерно". Спб. 1908. Ц. 1 р.

О. Лунашевичъ. Неорганическая жизнь земли. Элементарныя начала научной философіи. Т. III. Часть I съ 49 рисунками. Спб. 1908 Ц. 1 р. 50 к.

Ц. и В. Балталонъ. Воспитательное чтеніе. Пособіе для учителей и учительницъ. М. 1908. Ц. 80 к.

О правѣ жительства евреевъ. Спб. 1908. Ц. 10 к.

Библіотека Юнаго Читателя. Спб. 1908: 1) ***Я. Берлинъ*** Дѣла и люди средневѣковья. Ц. 30 к.—2) ***Р. Гемпель.*** Подъ огненнымъ дождемъ. Разсказъ изъ послѣднихъ дней Помпеи. Пер. Ад. Острогорской. Ц 25 к.

Тардъ. Отрывки изъ будущей исторіи. Пер. К. Дебу. Спб. 1908. Ц. 35 к.

Ек. Уманецъ. Разсказы: 1) Ночью. Ц. 5 к.—2) Мать и дочь. Ц. 15 к.— 3) Богомолки. Ц. 10 к.—4) Отецъ и дочь. Ц. 15 к. Спб. 1908.

А. К—ръ. Языкъ фактовъ. По поводу обособленности евреевъ. Изд. М. Ковнера. Варшава. 1908.

I. Rubinow. Economic condition of the jews in Russia Washington. 1908.

Микола Порш. Про автономію України. Кіев. 1908. Ц. 15 к.

В. Бѣловежскій. Система желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сѣти Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Тургайско Уральскій переселенческій раіонъ. Краткій статистическій обзоръ за 1907 г. Оренбургъ. 1908.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Подъ общ. ред. К. Ксидо и М. Соколовскаго. Вн. I и II по 1 р. 60 к. за вып. Спб. 1908.

Обзоръ дѣятельности Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія съ 8 мая 1905 по 1 января 1907 г. Спб. 1907.

Ежегодникъ С.-Петербургскаго восьмикласснаго коммерческаго училища въ Лѣсномъ. 1908. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Ѳ. Езерскій. Счетоводство Торговаго Дома. Изд III. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Ѳ. Езерскій. По поводу конкурсной задачи по сельскохозяйственному счетоводству. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Богомоловъ Борисъ. Въ пути. Эскизы. Изд. К. Ганина 1908 Ц. 35 к.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. В. 9 й. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. М. 1908.

Потемкинъ. Смѣшная любовь. Первая книга стиховъ. Въ С.-Петербургѣ. Иждивеніемъ книгопродавца Г. М. Попова. 1908. Ц. 75 к.

Антонъ Крайній. Литературный дневникъ. Изд. Пирожкова. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Сорель, Жоржъ. Введеніе въ изученіе современнаго хозяйства. Пер. Л. Козловскаго. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Реймонтъ. На грани. Пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

А. Нѣмоевскій. Листопадъ и др. разсказы. Пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Н. Карѣевъ. Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII и XVIII вв. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Н. Карѣевъ. Происхожденіе современнаго народно-правового государства. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 1908. Ц. 1 р.

De profundis. Оскара Уайльда. Спб. Ц. 1 р.

Г. Лангаардъ. Оскаръ Уайльдъ, его жизнь и литературная дѣятельность. М. 1908. Ц. 40 к.

Л. Снѣгъ. Пѣсни вечернія. Спб. 1908. Ц. 80 к.

Евг. Загорскій. Исканія. Книжки стиховъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Л. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

М. Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 3 р.

М. Колчинъ. Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря XVI—XIX вв. Съ предисловіемъ А. С. Пругавина. М. 1908. Ц. 70 к.

А. С. Пругавинъ. Предполагавшееся заточеніе гр. Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь. М. 1908. Ц. 7 к.

А. С. Пругавинъ Старообрядческій архіерей въ Суздальской крѣпости. М. 1908. Ц. 40 к.

Изд. ***Ф. Павленкова.*** Спб. 1908: 1) ***Ник. Андреевъ*** (***Н. Николинъ***). Великій переворотъ или Великая французская революція. Часть II. Революція Ц. 40 к.—2) ***Н. Андреевъ*** (***Николинъ***). Изъ исторіи труда и капитала. Ц. 30 к.

Изд В. Яковенко. Спб. 1908: 1) ***А. Лэвинъ.*** Воспитаніе будущаго. Пер. П. Егунова. Ц. 15 к.—2) ***А. Скабичевскій.*** Русскіе писатели со временъ Петра В. до нашихъ дней. Ц. 80 к.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ Е. Пушечниковой, изъ Орла—10 р.; отъ М. О.—1 р.; отъ Г. Зленко, изъ с. Николаевки—1 р.

Итого . . . . 12 р. — к.

А всего съ прежде поступившими . . 16 р. — к.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ: отъ Д. Волчкова—2 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ Калугина—5 р.

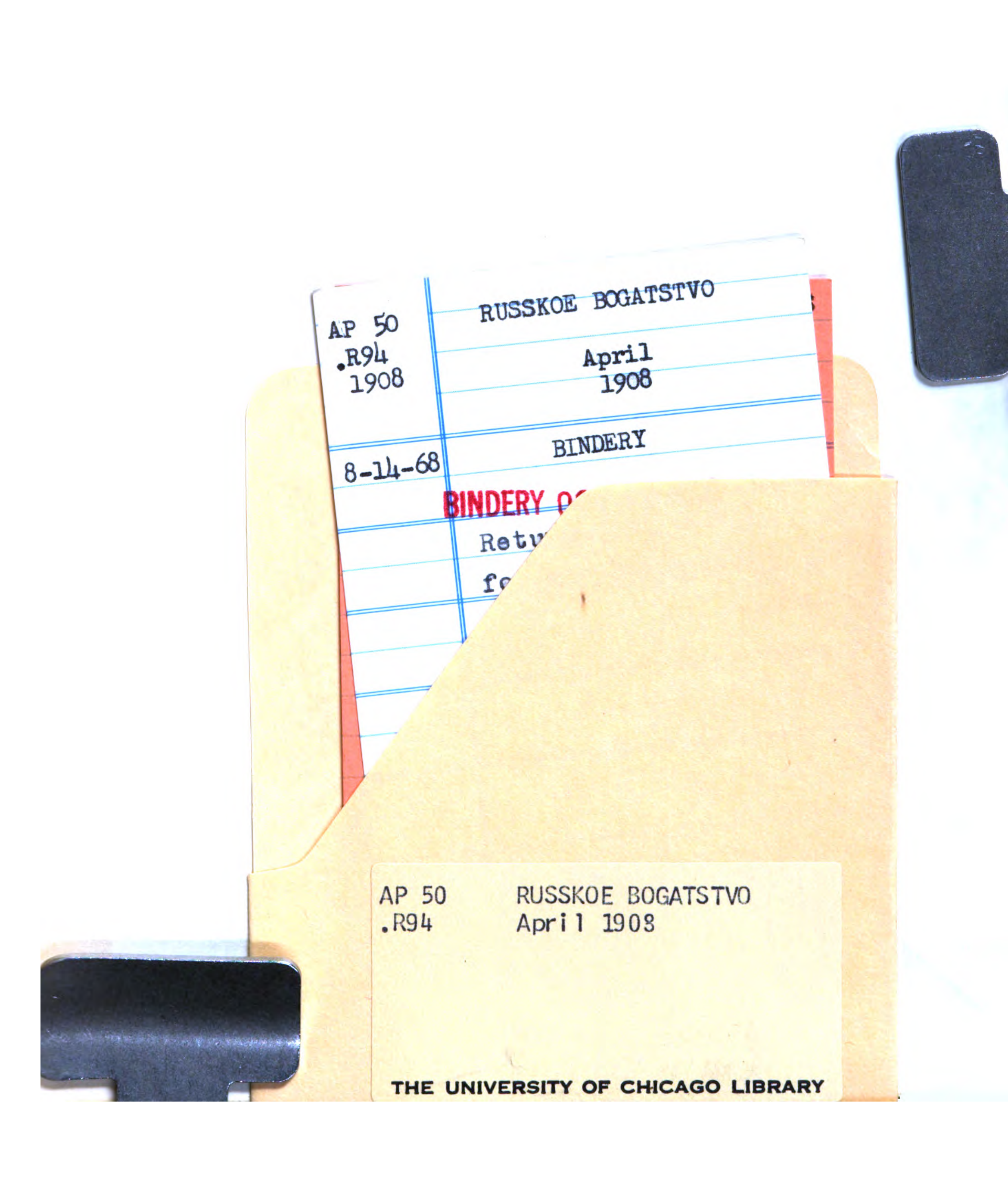
Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой и второй Госуд. Думы: отъ А. С. С.—10 р.; отъ И. Платонова—3 р. 50 к.; отъ Г. Зленко,—1 р.; отъ Д. Волчкова—2 р.; отъ В. и А. Ш.—5 р.

Итого . . . . 21 р. 50 к.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ Александра Николаева—6 р.; отъ А. Казаковскаго—2 р.; отъ М. Чеботарева—10 р.; „изъ Кіева 166"—10 р.; „изъ Балты"—5 р.; отъ Е. Пушечниковой, изъ Орла—10 р.; отъ Г. Зленко—1 р.; отъ Волчкова,—2 р.; отъ разныхъ лицъ—10 р.; отъ рабочихъ шлиссельб. ситце-набив. мануфактуры—40 р.; отъ разныхъ лицъ—36 р. 50 к.; отъ А. В. Д.—5 р.; „изъ Балты"—10 р.; изъ Брестъ-Литовска—10 р.; Н. М. Г. 11-ый взносъ—10 р.

Итого . . . . 167 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель ***Вл. Короленко.***


AP 50
.R94
1908
RUSSKOE BOGATSTVO
April
1908
8-14-68
BINDERY
AP 50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO
April 1908
THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY